Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт славяноведения РАН

На правах рукописи

Борисенок Елена Юрьевна

Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.)

07.00.03 – Всеобщая история (Новое и новейшее время)

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Москва, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 3. Судьба проектов решения украинского вопроса в 1930-е годы и объединение украинских земель

Введение

Актуальность и научная значимость темы

Концепция украинизации как политики ускоренного внедрения украинского языка и культуры в общественную жизнь была впервые разработана лидерами украинского движения в начале XX в. Она появилась в момент активного внедрения национальных идей в массовое сознание, когда национальные идентификационные признаки стали все активнее замещать признаки подданства и конфессии, а этнические наименования стали «полем борьбы» между представителями различных национальных проектов.

Украинское движение настаивало на создании условий для реализации прав украинской нации на самостоятельное развитие. Необходимость украинизации была обусловлена тем, что ни украинский язык, ни украинская культура не занимали господствующего положения на украинских землях империй Романовых и Габсбургов, доминируя лишь в неофициальной сфере – в повседневной практике главным образом сельского населения при преобладании иного языка в других коммуникативных сферах.

Концепция украинизации предполагала проведение национальной реформы, что невозможно было без участия государства. Благоприятный момент для реализации программы украинизации настал в период революции и распада империй, когда на повестке дня встал вопрос о переосмыслении существовавших ранее принципов управления многонациональными державами. В новых условиях этническая принадлежность становилась основой для легитимации политических изменений: радикализировавшиеся национальные движения апеллировали к праву наций на самоопределение. На украинских землях возникали формирующиеся государства, правительства которых подчеркивали их

национальный характер – Украинская Народная Республика и Западно-Украинская Народная Республика, Украинская Держава гетмана Скоропадского.

Существование этих государственных образований оказалось недолгим. Провести государственные границы на востоке Европы, с его полиэтническим и многоконфессиональным населением, оказалось очень сложно. Большинство украинских земель вошло в состав Украинской ССР, а остальная их часть, согласно мирным договорам, заключенным после окончания Первой мировой войны, была включена в состав Польши, Чехословакии и Румынии. Появившиеся на карте послевоенной Европы новые государства не являлись мононациональными: на этих территориях проживали представители различных этносов, а значительные группы титульной нации оказались в составе населения разных государств.

Для западных украинских земель какой-либо автономии не было создано, несмотря на указания, содержащиеся в подписанных после войны мирных договорах. Продолжавшее существовать украинское движение пыталось в меру своих сил бороться за реализацию прежних программных установок. Не удивительно, что деятели украинского движения использовали ослабление Чехословацкого государства в 1938 г. для того, чтобы добиться превращения Подкарпатской Руси в Карпатскую Украину.

Другая ситуация сложилась на Советской Украине. Если в Польше, Чехословакии, Румынии украинцы стали национальным меньшинством, то в УССР – «коренной национальностью». Большевистская партия признала право на существование украинской нации и объявила о необходимости «исправить» последствия «русификаторской» политики царского правительства, дабы облегчить путь «социалистического строительства».

Полиэтнический характер населения требовал от политической элиты новых государств, сформировавшихся в Восточной Европе после Первой мировой войны, выработки принципов взаимоотношений

государствообразующей (титульной) нации и этнических (национальных) меньшинств. Правительства таких стран должны были обратиться к решению вопроса о том, прибегать ли к национальной или государственной ассимиляции или признать права нетитульных наций и определить формы и виды самоуправления на определенных территориях. Молодые государства столкнулись с необходимостью установления типа государственного устройства на землях, населенных украинцами.

В условиях своего становления молодые и формирующиеся государства могли взять курс на полноценную украинизацию на официальном уровне. В то же время государство, не инициируя украинизацию как таковую, могло ограничиться частичными мерами: поддержать или не поддержать деятельность украинских организаций, их пропагандистскую, культурно-просветительскую и т.п. деятельность. В таком случае говорить об украинизации как целенаправленной политике не приходится: и возможности, и уровень воздействия, и организаторский ресурс у общественных и политических организаций был существенно ниже, нежели у государства.

Курс на украинизацию провозглашали правительства формирующихся государств: Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной Республики, Украинской Державы гетмана П.П. Скоропадского, Карпатской Украины. Отдельные элементы украинизационной политики были выражены также в так называемом «волынском эксперименте», осуществленном в межвоенной Польше воеводой Г. Юзевским.

Однако в развернутом виде украинизацию проводило лишь правительство Советской Украины под руководством центральных властей в Москве в рамках общесоюзной политики коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках. Украинизация стала региональной формой коренизации, наряду с белорусизацией и т.п.

Именно на территории УССР украинизация приобрела законченный и ярко выраженный характер.

Приоритетный исследовательский интерес при обращении к данной научной проблеме представляет проведение украинизации именно как государственного курса в области национальной политики. Изучение процесса украинизации позволяет выявить основные тенденции в развитии полиэтнического государства, учесть исторический опыт этнополитического и этнокультурного развития восточноевропейского региона.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования в диссертации является процесс становления и развития украинской государственности в 1918–1941 гг. **Предмет исследования** – политика украинизации как метод национальной политики, направленный на преобразование этнокультурной и этносоциальной ситуации в странах Восточной Европы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1918 по 1941 гг. На это время приходится выработка основных положений политики украинизации и практическая деятельность по ее воплощению в жизнь. Начальная граница исследования обусловлена тем, что в 1918 году в результате распада Российской империи и Австро-Венгрии была разрушена прежняя система межэтнических отношений и были намечены основные контуры будущего сосуществования различных наций. Конечной границей исследования является 1941 год. В условиях войны произошли радикальные изменения политической жизни Восточной Европы и характера межнациональных отношений. После нападения Германии на Советский Союз политика советской украинизации была прервана.

Настоящее диссертационное исследование сосредоточено на конкретном регионе восточноевропейского пространства. **Территориальные рамки исследования** включают в себя пространство в границах современного государства Украина. Это те регионы (Восточная Галиция, Волынь, Закарпатье, Советская Украина), где проводилась украинизация властями Украинской Народной Республики, Украинской Державы гетмана П.П. Скоропадского и Западно-Украинской Народной Республики (в 1918–1919 гг.), волынского воеводства II Речи Посполитой (1928–1938 гг.), Украинской ССР (1919–1941 гг.), Карпатской Украины (конец 1938 – начало 1939 гг.).

Цель и задачи исследования

Целью диссертационного исследования является анализ концепции украинизации и ее реализации в национальной политике межвоенной Восточной Европы. На основе систематизации и анализа максимально широкого круга источников необходимо провести реконструкцию общей картины украинизации, для чего поставлены следующие задачи:

– выявить причины принятия курса на украинизацию, цели и задачи политики украинизации как методы нациестроительства;

– проанализировать роль внешних факторов на развитие концепции украинизации, определить влияние геополитических расчетов руководства восточноевропейских государств на выработку концепции украинизации, изучить ее роль в создании привлекательного облика украинской государственности для украинцев, оказавшихся за ее пределами;

– установить роль внутренних факторов в развитии концепции советской украинизации – наиболее ярко выраженной среди других аналогичных политических преобразований на восточноевропейском пространстве, изучить влияние внутриполитической борьбы на определение объемов и границ политики украинизации, выявить

различные точки зрения на советскую украинизацию в кругах партийного и советского руководства страны;

– охарактеризовать основные этапы советской украинизации и причины ее изменения;

– определить основные направления политики украинизации, реконструировать ее формы и методы;

– выявить отношение населения к украинизации, ее восприятие представителями различных наций и социальных слоев;

– установить объем и степень воздействия украинизации на социокультурную ситуацию в странах Восточной Европы.

Методологическая основа исследования

Исследование базируется на принципе объективности: украинизация изучается с точки зрения объективных процессов общественно-политического развития, с учетом всего доступного комплекса фактов, в сопоставлении материалов различного типа, что позволяет произвести анализ генетических связей исторических процессов, определить тенденции в развитии общества и государства. Диссертация базируется также на принципах историзма и всесторонности, т.е. анализ проводится с учетом всего объема причинно-следственных связей, с учетом изменения внутреннего содержания процесса в процессе его эволюции, основываясь на полноте и достоверности информации.

Для решения поставленных задач применяются проблемно-хронологический, системно-структурный и сравнительно-исторический подходы, позволяющие произвести анализ украинизации в динамике, выявить ее специфику и взаимосвязи, рассмотреть ее как составную часть единого процесса.

Степень изученности темы

Историография избранной проблемы достаточно специфична. Термин «украинизация» употреблял историк и политик М.С. Грушевский, а в период революции употребление термина «украинизация» становится все более активным. В протоколах заседаний комитета Центральной рады этот термин встречается постоянно и регулярно. Позже термин «украинизация» вошел в большевистский лексикон и активно использовался как сторонниками, так и противниками советской власти.

Несмотря на то, что об украинизации стали писать достаточно давно, фактически – с 1920-х годов, долгое время отсутствовали специальные исследования, непосредственно посвященные указанной проблематике, что объяснялось как ограниченностью источниковой базы из-за недоступности определенных архивных материалов, так и чрезвычайной политизированностью темы. В Советском Союзе изучение данного круга проблем строго контролировалось и сводилось фактически к глорифицированному освещению советской национальной политики, а за рубежом процесс украинизации рассматривался или в изначально предвзятых работах историков украинского происхождения, или же в рамках советологических трудов, фокус внимания которых был часто сосредоточен на общих, а не региональных аспектах. Ситуация изменилась в конце 1980-х – начале 1990-х годов: широкий доступ к архивным материалам и снятие идеологических запретов на изучение проблемы привел к взлету исследовательского интереса к событиям 1920–1930-х годов и на постсоветском пространстве, и за рубежом.

В историографии украинизация изучается, прежде всего, как направление политики властей Украинской ССР, а также правительств УНР, ЗУНР, Украинской Державы Гетмана Скоропадского, Карпатской Украины. При этом подавляющее количество публикаций по данной теме в той или иной степени связано с политикой советской украинизации. Кроме того, среди множества работ, посвященных польско-украинским

взаимоотношениям в межвоенной Польше, следует выделить труды, посвященные «волынскому эксперименту» Юзевского, так как именно в политике этого соратника Ю. Пилсудского можно выявить элементы украинизационной политики. В то же время следует подчеркнуть, что ни в политике властей Чехословакии, ни в Румынии сколько-нибудь значимых элементов украинизации современные исследователи не усматривают.

В Советском Союзе приоритет в изучении национальной истории принадлежал исключительно союзным республикам. Исследования по истории Украины были сосредоточены в самой УССР, а в центральных научных учреждениях украинские сюжеты затрагивались в рамках общих проблем. В советских публикациях 1920–1930-х годов излагалась официальная позиция большевиков, в соответствии с которой украинизация рассматривалась как достижение национальной политики в СССР. Такое же представление об украинизации сохранялось вплоть до конца 1980-х гг. Однако тема эта не была популярна, исследователи не могли вдаваться в подробности, рассказывать о «неудобных» деятелях и интерпретировать украинизацию иначе, чем предусматривала актуальная на тот момент версия истории КПСС.

В советский период проблема украинизации оставалась малоизученной. Конечно, в 1920–1930-е годы выходило немало трудов, посвященных проблемам национальной политики и национально-культурного развития, но большинство из них было написано партийными и государственными деятелями, освещавшими украинизацию как текущую работу партийного руководства. Проблема находила свое отражение как в общих трудах, посвященных истории КП(б)У, так и в работах, посвященных национальному и культурному строительству[1]. Однако подобные тексты отражали позицию тех или иных руководителей по данному вопросу и скорее могут применяться в качестве источниковой базы для изучения истории этого сложного периода, чем считаться

объективными научными исследованиями. С конца 1930-х и вплоть до середины 1950-х годов наработки ограничивались трудами с явной идеологической направленностью, отсутствовали обстоятельные аналитические разработки проблемы украинизации: на изучение проблемы национального и культурного строительства 1920-х годов существенное влияние оказывала критика «буржуазного национализма». Роль украинских правительств периода 1917–1920 гг. оценивалась в контексте борьбы большевиков за установление советской власти на Украине. В соответствии с концепцией истории революции и гражданской войны на Украине, основанной на марксистско-ленинских идеологических принципах по национальному вопросу, украинское национальное движение рассматривалось как буржуазно-националистическое, контрреволюционное. При этом подчеркивалось, что политика Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии по украинскому вопросу была захватнической, а борьба трудящихся Западной Украины носила национально-освободительный характер[2].

Ситуация немного изменилась после XX съезда КПСС (1956), разоблачения культа личности И.В. Сталина и начала «хрущевской оттепели», с которыми связывают начало следующего историографического периода. Ученые получили возможность использовать архивные материалы, расширились публикации материалов партийных съездов и конференций, статистических сборников. Несколько скорректирована была официальная трактовка исторических событий. Так, если в двухтомной «Истории Украинской ССР», вышедшей в середине 1950-х годов[3], о политике украинизации не говорилось вообще, и даже термины «украинизация» и «коренизация» не встречались, то в двухтомнике 1967 года[4] в текст был включен новый материал о создании в 1923–1925 гг. национальных административно-территориальных единиц, о VII конференции КП(б)У, которая «осудила великодержавно-

шовинистическую теорию борьбы двух культур»; дважды в книге встречался термин «украинизация» в контексте событий 1920 – начала 1930-х годов, однако сущность самой политики, и даже ее наличие фактически не объяснялись[5].

Опубликованные после 1956 г. работы освещали в основном руководящую и направляющую роль коммунистической партии в культурном строительстве, в этом потоке появились и отдельные интересные работы, в которых получила освещение проблема украинизации. В первую очередь, необходимо отметить монографии А.Б. Слуцкого[6] и Б.М. Бабия[7]. Слуцкий понимал под украинизацией систему мероприятий, направленных на овладение украинским языком и культурой широкими массами работающего на Украине неукраинского пролетариата, а также работниками партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, кооперативных и общественных организаций[8]. Ученый, таким образом, дал свое определение украинизации, указал на ее задачи и трудности при украинизации государственного аппарата. Бабий рассмотрел основные законодательные акты по украинизации государственного аппарата, мероприятия по обеспечению прав национальных меньшинств, исследовал национальный состав рабочих и служащих, пользуясь переписью 1926 года.

Немало работ советских ученых было посвящено проблемам формирования новой советской интеллигенции и ее деятельности по развитию советской культуры. Здесь следует отметить тексты Г. Ясницкого, И. Золотоверхого, Н. Гриценко, Ю. Курносова, А. Бондарь[9]. П.П. Бачинский провел анализ национальной политики в области среднего и высшего образования, книгоиздательства, литературы и искусства[10]. Проблемам культурного развития УССР в 1920-е годы была посвящена монография Г.М. Шевчука[11], в которой были затронуты вопросы украинизации образовательных и культурных учреждений. Ю. Бабко

обратил внимание на национальные моменты в формировании партийного руководства УССР, в частности, проследил сдвиги в численности украинцев в КП(б)У[12]. Вопросы просвещения национальных меньшинств (законодательные и нормативные акты, анализ количественных показателей сети национальных школ в 1920–1930-е гг.) рассматривались в работах С. Гутянского[13] и Н. Грищенко[14]. Были изданы несколько обобщающих трудов по истории школьного образования на Украине, в которых украинизаторская политика УНР и гетмана П.П. Скоропадского или оценивалась негативно, или не упоминалась вообще[15].

Несмотря на некоторые сдвиги, изучение проблемы украинизации проходило с большим трудом. В.П. Яремчук приводит весьма показательный факт. В 1957 г. кафедрой основ марксизма-ленинизма Киевского института физкультуры готовился сборник, посвященный 40-летию советской власти на Украине. Первоначально там предполагалось разместить статью Г. Симонова «Из истории осуществления ленинской национальной политики на Украине (к вопросу об украинизации в 1923–1925 гг.)». Однако текст в сборник в итоге так и не включили. Среди прочего там говорилось, что партийная организация Украины в 1923 году складывалась преимущественно из коммунистов-русских, в тот год на руководящей партийной работе было лишь 24,5% украинцев, в низовом аппарате – 46,8%, большинство советских служащих в УССР принадлежало к старой интеллигенции и плохо владело языком коренной национальности, а коммунисты и служащие советского госаппарата не знали украинского языка. Начальник Главлита УССР К. Полонник счел, что «автор подобными подсчетами перекликается с буржуазными националистами, которые кричат, что советская власть насаждалась силами русских, а не строилась самим украинским народом»[16]

В 1965 г. была написана работа писателя и публициста И. зюбы «Интернационализм или русификация», в которой автор попытался

проследить изменения в национальной политике большевиков на протяжении пятидесяти лет. Дзюба в пику официальной советской концепции стремился доказать, что на смену украинизации пришла политика русификации. Книга впервые была издана не в Советском Союзе, а в Мюнхене, и была переиздана на Украине только после провозглашения независимости[17].

С окончанием «оттепели» идеологические барьеры повысились, и проблемы украинизации вновь отошли на дальнюю периферию исследовательского внимания. В 1970-е годы контроль за работой историков усилился, и вплоть до середины 1980-х годов в исторической литературе широко освещалась проблема роли коммунистической партии в развитии культуры, значения ленинского наследия в духовной жизни общества. Проблемы национального и культурного строительства рассматривались как составная часть процесса строительства социализма, формирования системы партийного руководства развитием культуры. Действия советской власти рассматривались преимущественно с точки зрения ее успехов и достижений. Так, восьмитомная «История Украинской СССР» не содержала ни малейших упоминаний о неудачах большевиков или просчетах советского руководства в социалистическом строительстве[18]. Деятельность правительств УНР и Украинской Державы гетмана Скоропадского подавалась сквозь призму «буржуазного национализма», а история Карпатской Украины рассматривалась с точки зрения сотрудничества ее правительства с нацистами, подчеркивалось стремление народа к объединению с Украинской ССР[19]. Проблемы польско-украинских взаимоотношений и польской политики в «украинском вопросе» рассматривались с точки зрения «борьбы западноукраинских трудящихся за воссоединение с Советской Украиной» и создание революционно-демократического блока против правящих режимов[20]. Ю. Сливка, анализируя направления польской политики по

решению украинского вопроса, указывал, что главным направлением политики польского правительства на «восточных кресах» была национальная, а потом – государственная ассимиляции меньшинств в социально-экономической, культурно-образовательной и религиозной сферах, обеспечение лояльности украинского населения к польскому государству[21].

Таким образом, в советской историографии вплоть до второй половины 1980-х годов, несмотря на появление работ 1960-х годов по национальной и культурной политике, украинизация фактически оставалась неисследованной. Сказывалась и недоступность многих архивных материалов, и запреты, наложенные на упоминание многих важнейших для того периода деятелей, и требование придерживаться установленной концепции, особенно для такого периода, как установление советской власти и период социалистического строительства.

В то же время, начиная с 1920-х гг., об украинизации писали зарубежные ученые. Особенно активны были *представители украинской диаспоры*, затрагивавшие в своих работах различные аспекты культурной жизни и национального строительства. В многочисленных работах нашли отражения события революции и гражданской войны на Украине, советская политика украинизации и политика в отношении украинского вопроса в странах Восточной Европы в межвоенный период. Среди эмигрантских публикаций следует отметить работы Г. Костюка, С. Николишина, Д. Соловья, М. Славинского, Ю. Бачинского, А. Юрченко, П. Голубенко, Н. Ковалевского, Р. Гармаша, М. Прокопа, П. Феденко, В. Чапленко, В. Петрова, И. Майстренко, Ю. Шевелева, И. Кошеливца, Б. Кравченко и других. Многие из них были переизданы на Украине после 1991 г.[22] Несмотря на то, что диаспорная историография насчитывает значительное количество работ, проблема украинизации в них не нашла объективного изложения. Если деятельность правительств УНР, ЗУНР,

Украинской Державы освещалась в зависимости от политических предпочтений автора, то советские реалии получали в основном негативную оценку. Их авторы представляли альтернативный советской литературе подход и, стремясь изложить свое видение национально-культурного процесса 1920–1930-х годов и одновременно разоблачить своих идеологических противников, впадали в крайность. Кроме того, сказывалась и недоступность архивных материалов, и ограниченность источниковой базы.

Во всех этих сочинениях высказывалась точка зрения, в корне отличная от официальной советской. Общим местом для таких работ стало критическое изложение политики Москвы в отношении Украины и повышенное внимание к национальным факторам. Н. Ковалевский указывал, что целью советской украинизации было через украинскую культуру овладеть целым украинским народом, принести ему коммунистическую идею в украинской форме и таким образом удержать Украину в составе коммунистической России. С. Николишин выделил три периода в культурной политике большевиков: период русификации 1917–1922 гг., период украинизации 1923–1932 гг. и период советизации, начавшийся в 1933 г.[23] Традиционно ведущее значение для «возрождения украинской нации» отводилось факту создания Украинской Народной Республики. Об этом писали и Д. Соловей, и Г. Костюк, и В. Чапленко, и Б. Кравченко, и многие другие авторы. Б. Дмитришин писал о XII съезде РКП(б), установлении «советского господства» на Украине, выделяя фигуру Н. Скрыпника как защитника национальных интересов. На особую роль в украинизации наркома просвещения УССР Скрыпника указывал также И. Кошеливец. Вообще в эмигрантской историографии принято было подчеркивать значение национальных украинских сил, их влияние на многие процессы в стране. Большевистская украинизация трактовалась историками зарубежья как завоевание национальных украинских сил

(например, Г. Костюком и В. Чапленко[24]). И. Майстренко рассматривал политику украинизации в контексте национальной политики ВКП(б) и доказывал, что интеллигенция, которая в составе партии боротьбистов вступила в ряды КП(б)У, стала главной движущей силой и инициатором политики украинизации. Рассматривая социальную структуру украинского общества в 1920–1930-е годы, Б. Кравченко связывал успехи украинизации не столько с административным нажимом властей, сколько с энергией и энтузиазмом тысяч местных активистов. В то же время Ю. Шевелев подчеркивал, что украинизация была результатом также и внешнеполитических расчетов. Украина должна была стать революционным примером для украинцев в Польше, Чехословакии и Румынии.

Традиционно большое внимание эмигранты уделяли теме репрессий, проходивших на Украине. На трагической судьбе украинской интеллигенции, на «дискриминации культурных потребностей украинского народа советским правительством» сосредоточили внимание С. Николишин, Д. Соловей, В. Петров и другие авторы. На борьбе сталинского руководства с «национальным уклоном» в годы украинизации сделал акцент И. Майстренко.

Темы, связанные с украинизацией, затрагивались и *западными учеными неукраинского происхождения*: за рубежом активно развивалась советология. Наряду с «объективистским» направлением историографии, ориентировавшимся на изучение практики советской национальной политики, существовали и политизированные работы, трактовавшие СССР как тюрьму народов. Трактовка национального вопроса в СССР у западных советологов в корне отличалась от официальной советской концепции. Однако адекватность освещения данной темы в зарубежной литературе целиком зависела от поставленных перед советологией задач и характером использованных источников. Существенным недостатком

зарубежных работ было то, что основные массивы документов, хранившиеся в советских архивах, зачастую с грифом «секретно», не были для них доступны. Отсутствие доступа к официальным источникам и ограниченность источниковой базы, с одной стороны, и формирование образа СССР как образа врага в условиях «холодной войны», заставляет с осторожностью подходить к такого рода работам.

Впрочем, это обстоятельство отнюдь не исключает наличия отдельных перспективных идей у зарубежных специалистов. Так, уже в 1929 г. У.Р. Бэтселл доказывал, что советская национальная политика является тактическим маневром для привлечения поддержки нерусского населения СССР. Оказывая в целом благотворное влияние, эта политика была связана с лояльностью тех или иных народов по отношению к советской власти, но одновременно была потенциально опасна для центрального руководства, поскольку формировавшиеся местные элиты рано или поздно поставят вопрос о самостоятельности «своих» территорий[25].

После Второй мировой войны, с конца 1940-х – до середины 1980-х годов появилось немало зарубежных исследований, посвященных истории Советского Союза, в которых так или иначе трактовалась и национальная проблематика. Так, в работах И. Дойчера, Р. Пайпса, Э.Х. Карра национальная политика СССР рассматривалась как производная от более широких задач советской власти[26]. Несомненный интерес представляют работы А. Инкелеса, Р.А. Бауэра, М. Фэйнсода[27]. А. Инкелес сделал вывод, что жизненные условия украинца в советской системе и его реакция на эту систему в первую очередь определены не его национальностью, а статусом советского гражданина и принадлежностью к определенному классу. Р. Салливант отмечал, что украинизация призвана была привлечь на сторону Сталина одну из крупнейших региональных партийных организаций – КП(б)У[28].

Следует учитывать, что с середины 1980-х годов, т.е. в период перестройки, а затем распада Советского Союза, национальная проблематика оказалась весьма востребованной. В 1988 г. О. Субтельный, канадский историк украинского происхождения, издал свою известную книгу «Украина. История»[29], которая уже в 1991 году была опубликована на украинском языке, а затем неоднократно переиздавалась на Украине.

Рассматривая период революции на Украине, Субтельный приходит к выводу, что с точки зрения внутренних факторов, основная дилемма украинцев состояла в том, что «они были вынуждены начинать создание государства, еще не завершив формирование нации»[30]. Впрочем, историк считает, что решающими были факторы внешние: «преобладающая сила поляков» на Западе, «большевистская Россия» – на Востоке[31]. Касаясь «волынского эксперимента», Субтельный подчеркивает, что Юзевский пытался «переманить украинцев на сторону государства, предоставляя им ограниченные уступки, в то время как в соседней Галиции репрессивные меры правительства достигли вершин жестокости»[32].

Политику украинизации Субтельный рассматривает только применительно к УССР, выделяя соответствующую главу в разделе о Советской Украине. Историк подчеркивает, что Украина составляла «слабое звено советской власти», и поэтому «когда нэп успокоил крестьянство, партия начала кампанию, направленную на расширение поддержки со стороны нерусских народов». Партийное руководство стремилось, «чтобы в партию и государственный аппарат шли нерусские, чтобы служащие изучали и пользовались местными языками, чтобы государство поддерживало культурное и социальное развитие других народов»[33]. Поворот в национальной политике произошел в 1933 г., когда основной угрозой для единства Советского Союза был провозглашен местный национализм, что означало «конец украинизации и начало систематических притеснений украинской культуры»[34]. Современные

украинские историки часто предпочитают следовать оценкам этого канадского автора: так, по оценке А.В. Портнова, «написанная как синтез украинских схем национальной истории и новейших идей западной историографии, книга Субтельного стала настоящим бестселлером»[35].

В 1996 году вышла еще одна, не менее известная «История Украины», автором которой является канадский историк с русинскими корнями П.-Р. Магочи[36]. Эта работа, как и монография по истории Подкарпатской Руси[37], были переизданы затем на украинском языке. Профессор Гарвардского университета С. Плохий называет «Историю Украины» Магочи «первой серьезной попыткой написать территориальную, многоэтничную и мультикультурную историю Украины», причем считает ее альтернативой более традиционного нарратива Ореста Субтельного[38]. Магочи рассматривает историю страны, а не народа. Как пишет сам историк, конечно, предыдущие работы не исключают всех тех, кто не являются этническими украинцами, однако в большинстве случаев эти народы рассматриваются лишь как факторы негативного влияния на этнических украинцев. В отличие от таких версий истории государства Украины, пишет Магочий, русские, поляки, евреи, карпаторусины, крымские татары, немцы, румыны, греки наряду с другими народами, проживающими на территории Украины, рассматриваются и понимаются как неотъемлемая часть украинской истории, а не просто противники этнических украинцев в их собственной вековой борьбе за национальное выживание[39].

Анализируя события 1917–1920 гг., Магочи подчеркивает, что в этот период украинцы еще не стали сознательной нацией, а потому не имели стремления бороться и жертвовать собой ради украинской государственности. По мнению ученого, это стало одной из причин поражения попыток в период украинской революции создания суверенного

государства, которое охватывало бы все населенные украинцами территории[40].

Касаясь проблемы украинизации, ученый рассматривает ее советский вариант. Магочи указывает, что с ее помощью КП(б)У надеялось легитимизировать свою власть на советской Украине, привлекая в свои ряды широкие слои местного населения и одновременно содействуя развитию украинского языка и культуры[41]. Как считает ученый, украинизация, как и экономический эксперимент НЭПа, была для большевиков только временным решением проблемы: с 1928 года начинается переходный период для Советской Украины, КП(б)У стала уходить от «радикальной» укранизаторской политики середины 1920-х годов, а в 1933 году стало очевидным, что Украину ожидает полная интеграция в Советский Союз[42].

Повышенное внимание к украинской истории в современной западной историографии не случайно: зарубежные исследователи получили возможность более широкого использования источников, что привело к появлению новых интересных исследований. Проблемы украинизации затрагивались в трудах, посвященных проблемам национальной политики большевиков и «национал-коммунизму». Дж. Мейс, рассматривая проблему формирования «национал-коммунизма», подчеркивал большую роль последнего в проведении украинизации[43].

Стоит упомянуть труд Дж. Либера, посвященный проблеме модернизации и урбанизации в УССР. В этой связи Либер подчеркивал смещение фокуса украинской идентичности из сельской местности в город[44]. Р. Кайзер отмечает значение установления границ Украинской ССР, поскольку «территориализация» украинского государства способствовала росту национального самосознания украинцев[45]. Р.Г. Суни считает национальный вопрос относительно самостоятельной, но неотъемлемой частью проблем советского государства, он утверждает, что

коренизация без НЭПа была также невозможна, как НЭП без коренизации. СССР в его представлении одновременно и устранял политический суверенитет национальностей, но одновременно и гарантировал им территориальную идентичность, учреждения образования и культуры на родном языке и продвижение коренных кадров к властным позициям[46]. М. Малиа оценивает коренизацию как имплантацию советских институтов в нерусские культуры[47]. Американский ученый украинского происхождения Р. Шпорлюк подчеркивает, что интернационалистская национальная политика сделала коммунизм и советскую форму правления более восприимчивыми для нерусских территорий, позволила советской власти достичь взаимопонимания с крестьянством и национальной интеллигенцией[48]. Д.Л. Бранденбергер рассматривает изменения в партийной идеологии во второй половине 1930-х годов, анализирует развитие идеологии «национал-большевизма» вплоть до середины 1950-х годов, ее внедрение в массовое сознание через образовательные и культурные учреждения[49]. Канадский историк С. Екельчик посвятил свою монографию интерпретации прошлого в украинской науке и культуре сталинского времени, автор анализирует изменения в официальной политике памяти в 1930-е годы: как в политических выступлениях, научных трудах, романах, пьесах, операх, картинах, памятниках и праздниках было представлено прошлое украинцев и как изображались русско-украинские отношения[50].

Большое внимание проблеме украинизации отведено в труде Т. Мартина. Американский ученый обращает внимание на определенную преемственность СССР и развалившейся Российской империи, подчеркивает систематичность нациестроительства большевиков. В отношении формы национального устройства Советского Союза этот автор предлагает использовать термин «империя позитивного действия». Ученый убедительно доказывает, что советская политика носила активный

характер, поддерживая создание и развитие национальных территорий, элит, языков и культурных учреждений. Те или иные коренизационные меры принимались не только и не столько под давлением национал-коммунистических сил, но являлись частью последовательной программы национальных преобразований, осуществлявшихся с учетом происходивших в стране этносоциальных процессов[51].

Американский исследователь Тимоти Снайдер посвятил одну из своих книг Г. Юзевскому[52]. «Волынский эксперимент» этот автор анализирует с точки зрения межвоенного польско-советского противостояния: обе стороны стремились использовать украинский вопрос, считая его слабым местом противника. Политика Юзевского в определенной степени копировала советскую украинизацию. Как пишет американский ученый, если Харьков приглашал украинцев из Львова приехать в УССР и принять участие в советской украинизации, то Юзевский привозил из Варшавы в Луцк бывших петлюровских офицеров и назначал их на главные административные должности в Волынском воеводстве.

В современной *польской историографии* интересующая нас проблематика затронута в трудах, посвященных политике воеводы Г. Юзевского на Волыни. «Волынский эксперимент» обычно трактуется как пример «польско-украинского понимания»[53]. А. Хойновский рассматривает деятельность волынского воеводы как попытку реализации в новых исторических условиях федеративной концепции Пилсудского[54]. Е. Томашевский проанализировал межнациональные отношения в межвоенной Польше[55]. Р. Тожецкий, изучив национальную политику «санационных правительств», отметил, что «волынская программа» Г. Юзевского была результатом поисков путей решения украинской проблемы в Польше[56]. Историк из Белостока Е. Миронович, рассматривая национальные аспекты польской политики (по словам исследователя, они

относились к числу наиболее трудных в межвоенный период), подчеркивает различие политических методов, применяемых в Галиции и Волыни. Юзевский, по словам Мироновича, был убежден в возможности строительства на территории Волыни реального польско-украинского союза, который мог быть достигнут при помощи украинских организаций пропольской ориентации[57].

Политику польских правительств относительно украинского населения Волыни в 1920–1930-х годах освещают в трудах В. Менджецкого и Я. Кенсика[58]. Менджецкий считает, что для Юзевского украинцы были отдельным народом, который имел право культивировать собственные культуру и язык, поэтому решение украинской проблемы он усматривал в участии поляков в процессе формирования украинской нации: миссия обеих наций заключалась в общем противостоянии смертельному врагу – имперской России – в духе соглашения Пилсудского–Петлюры 1920 г.[59]

От украинцев, проживавших в Польше, требовалась лояльность и признание прав Польши на Восточную Галицию и Западную Волынь. В этом случае администрация Юзевского готова была поддерживать украинские общественные, культурные, хозяйственные и даже политические инициативы[60]. При этом проукраинские симпатии волынского воеводы наталкивались на противодействие местного польского общества, в частности, римо-католического клира Волыни, для которых Волынь была не «польско-украинской», а польской территорией, а украинцы – внутренним врагом[61].

Я. Кенсик написал политическую биографию Г. Юзевского. В своей концепции Г. Юзевский, как считает польский исследователь, пытался соединить принципы политики государственной ассимиляции с идеологией 1920 р. и федеративно-прометеевской программой[62]. Т. Голувко и Г. Юзевский рассматривали проблему создания «украинского

Пьемонта на Волыни» сквозь призму реализации восточной политики Польши[63].

П. Ставеский опубликовал ряд неизвестных ранее документов о национальной политике Юзевского на Волыни[64]. З. Запоровский проанализировал процесс возникновения, организационную структуру и идеологию ВУО, его культурно-образовательную, хозяйственную и парламентскую деятельность. Польский исследователь настаивает, что ВУО была национальной, центристской и региональной украинской партией, которая «реализовала позитивную программу, полезную как для государства, так и для своего общества»[65].

Многие постулаты из работ зарубежных исследователей, в первую очередь представителей диаспоры, были восприняты *современными украинскими учеными*. На рубеже 1980-х–1990-х годов после снятия многих запретов на тематику исследований и с открытием архивов, национальные сюжеты стали интенсивно востребованными в исследовательской среде. Рассматривая проблему украинизации, современные украинские исследователи сосредоточили основное внимание на политике советских и партийных властей в УССР в 1920–1930-е гг. В то же время, освещая политику УНР, ЗУНР, Украинской Державы гетмана Скоропадского[66], украинские историки также упоминают украинизацию, имея в виду в основном образовательную и культурную политику. Впрочем, следует признать, что украинизации в УНР, ЗУНР и гетманате уделяется значительно меньше внимания, нежели военно-политическим или социально-экономическим аспектам.

Украинские специалисты анализируют формирование новой школы, ее украинизация, учебные программы, методы воспитания детей[67]. Достижения в формировании национальной системы образования зачастую относят исключительно к завоеваниям «украинских демократических правительств» [68]. В то же время украинские историки

пытаются разобраться в причинах конфликтных ситуаций, которые возникали в процессе украинизации школ. Центром противодействия этим процессам они называют «излишне русифицированный» Киев[69].

Кроме того, в украинской историографии уделяется внимание процессу становления системы высшего образования и Академии наук[70], участию интеллигенции в строительстве школьного и высшего образования[71]. Кроме того, появился ряд диссертаций, посвященных различным аспектам культурно-просветительской деятельности правительств УНР и гетмана Скоропадского[72]. Уделяется внимание и украинизаторской политике Западно-Украинской Народной Республики. Эта проблема затрагивается как в работах по истории ЗУНР обобщающего плана[73], так и в специальных работах. При этом много внимания уделяется проблеме языковой политики ЗУНР[74].

Как считают украинские ученые, «украинизация была начата Украинской Центральной Радой весной 1917 г., которая использовала предложенный М.С. Грушевским еще в 1907 г. термин»[75]. Отличительной особенностью этого процесса было то, что «впервые почти за полторы сотни лет возникли условия, в которых о развитии украинской культуры заговорили на государственном уровне»[76]. При этом украинизация в период так называемой «украинской революции» было явлением комплексным, охватывающим все сферы жизни – экономическую, культурную, политическую. Но «наиболее заметным показателем и наиболее действенным фактором процесса был переход к использованию украинского языка во всех сферах государственной и общественной жизни»[77].

В современной украинской историографии подчеркивается значение украинизационных усилий лидеров украинского национального движения в период революции. По словам В.Ф. Шевченко, политика украинизации была стержнем, главным направлением революции на Украине: «В 1917–

1921 гг. шла речь об украинизации не народа (он был и оставался украинским), и не только о дерусификации, то есть прекращении искусственной подмены его собственного естества русским (какой-то ли другой) языком, культурой, государственностью и тому подобное, а о приведении в соответствие с национальной сущностью подавляющего большинства населения – украинства – содержания и форм деятельности тех институций, которые его обслуживают, – соборного государства, его структур, должностных лиц, политических и общественных организаций, заведений образования, науки, разных видов искусства, средств массовой информации, и тому подобное»[78].

В данной связи возникает вопрос об украинизации в различные периоды революции. Украинизационные усилия Центральной Рады и Директории очевидны, поэтому особое внимание привлекают действия гетманской власти в период существования Украинской Державы. Среди современников было немало противников П.П. Скоропадского, называвших гетманскую власть марионеточным режимом, поддерживаемым германскими штыками. В современной историографии также существуют различные оценки и трактовки гетманата: например, одни рассматривают приход гетмана к власти как закономерный этап национальной революции, основывающийся на необычном сочетании монархических, республиканских и диктаторских принципов; другие квалифицируют гетманат как орудие отстаивания чужих интересов – оккупационных властей, и т.д. Действительно, как указывают украинские ученые, «требования жесткой и немедленной украинизации государственного аппарата не отвечали взглядам ни самого гетмана, ни большинства министров, которые были людьми двойственной украинско-русской ментальности, и выступали за постепенное и умеренное внедрение украинского языка»[79].

Тем не менее, украинские историки подчеркивают, что украинизация была составной частью политики и гетманских правительств, и директории. Рассматривая черты сходства и различия в национальной политике УНР и Украинской Державы, Р. Пыриг подчеркивает: «Акценты лидеров УНР на украиноцентричности, революционности, социалистичности сменились лозунгами и практикой возрождения украинской исторической традиции, единого украинского гражданства, толерантной украиниции и т.п.». Национальная политика гетманата была обусловлена несколькими факторами: консервативно-либеральной идеологией государственного строительства; двойственной лояльностью, национально-территориальным патриотизмом правящей элиты; прагматическими интересами немецкой стороны; имперским наследством[80]. Таким образом, украинские историки отвергают обвинения гетманской власти в ее «неукраинскости», звучавшие из уст политических противников П.П. Скоропадского. В украинской историографии подчеркивается, что деятельность Украинской Державы в культурно-просветительской сфере носила выраженный национальный характер[81].

Одновременно подчеркивается большое значение образовательной политики национальных правительств. Как считает А.М. Боровик, «не идеализируя достижения и учитывая просчеты в этой политике, стоит отметить, что осуществлены реальные шаги из украинизации общеобразовательных школ являются одним из наибольших достижений украинской революции 1917–1920 г. Приобретенный в тех условиях практический опыт имеет неоцененное значение. Большинство реформаторских идей, основанных в революционное время, были взяты на вооружение советской властью. Это касается провозглашенное в 20–30-е годы политики украинизации, которая стала следствием тех процессов, которые были начаты в период революции 1917–1920 гг. и имели значительную поддержку среди населения Украины»[82].

Проблема украинизации рассматривается и применительно к истории Карпатской Украины 1938–1939 гг.[83] Украинские ученые доказывают, что правительство А. Волошина с октября в 1938 г. до середины марта в 1939 г. проводило большую украинизационную работу, причем немалые усилия, предпринимавшиеся по украинизации государственного аппарата и учебных, культурных учреждений фактически были превышением правительственных полномочий. Как отмечает В. Лемак, правительственное распоряжение от 25 ноября в 1938 г. о внедрении в Подкарпатской Руси государственного украинского языка и распоряжения от 30 декабря об употреблении названия края «Карпатская Украина» противоречили «Конституционному закону об автономии Подкарпатской Руси» от 22 ноября 1938 г., согласно которому название территории, правительственный язык и язык учебы, должен был установить Сейм Подкарпатской Руси[84]. Исследователи указывают, что распоряжения правительства активно претворялись в жизнь и часто выступали даже источником противостояния между чехами и украинцами.

Современные украинские историки активно занимаются польской проблематикой, касающейся польско-украинских взаимоотношений. При этом польская политика нередко расценивается как политика угнетения украинского народа, а основной акцент делается на борьбе украинского народа за свое освобождение. Основное внимание украинских исследователей приковано к Восточной Галиции, тем не менее, волынская проблематика затрагивается в работах, посвященных положению украинских земель в Польше и украинскому национальному движению в межвоенный период[85].

Украинские историки приступили и к изучению «волынского эксперимента» Юзевского. Этим направлением активно занимается Ю.В. Крамар[86]. Украинский историк воспринимает политику Г. Юзевского как попытку решения украинского вопроса в Польше. Главной целью

политики, по мнению исследователя, была интеграция вовеводства в состав II Речи Посполитой, а суть «волынского эксперимента» заключалась в том, чтобы «выработать у украинцев чувство принадлежности к польскому государству путем их политической асимилляции», изменить характер польско-украинских отношений на Волыни, добиться сотрудничества представителей обоих народов в политической, экономической и культурно-образовательной жизни[87].

М. Кучерепа и Р. Давидюк исследовали историю Волынского украинского объединения (ВУО)[88]. Рассматривая ВУО как политическую базу Г. Юзевского, историки подчеркивают, что эта организация, будучи элементом «волынской программы», способствовала нарушению единства украинского национального движения. Однако в то же время ВУО оценивается как партия центристского направления, которая представляла новое направление национально-конструктивной работы, легальной борьбы за свои права[89].

Проблемам становления украинской элиты на Западной Волыни посвящена монография И. Скакальской[90]. Подчеркивая ассимиляционный характер политики польского правительства, автор значительное внимание уделяет освещению методов, использовавшихся властью для полонизации края, в том числе мерам репрессивного характера в отношении украинских общественных и политических деятелей. Уделяется внимание и Волынскому украинскому объединению, члены которого отстаивали идею налаживания отношений с поляками. При этом политическая элита Волыни не была однородной. Автор выделяет националистический лагерь, целью которого было завоевание независимости, соглашательский, настроенный на сотрудничество с польскими властями, и, наконец, среди волынской элиты были и те, кто ориентировались на внешние силы (например, коммунисты). Подобный раскол, по мнению Скакальской, ослаблял позиции украинской элиты в обществе[91].

Украинские историки рассматривают программу Юзевского не только в дихотомии национальной или государственной ассимиляции. Так, Я. Грицак прямо указывает, что «Пилсудский брался противопоставить советской украинизации украинизацию польскую. Волынский эксперимент должен был убедить украинцев из СССР, что Варшава заботится об украинцах больше, чем Москва»[92]. В своей рецензии на книгу Т. Снайдера Грицак предлагает рассматривать «волынский эксперимент» с точки зрения политической модернизации Восточной Европы: «После распада Российской и Астро-Венгерской империй модерность тут выступала в форме двух моделей: коммунистической и националистической. В целом эти модели враждовали, но время от времени творили странные гибриды – такие, как СССР или послевоенная Польская Народная Республика. «Волынский эксперимент» предлагал третью модель: либеральную. Соответственно, Юзевский пытался строить на Волыни ни бесклассовое общество (как этого хотели коммунисты), ни интегральную нацию (как этого хотели националисты), а мультикультурное сообщество, в котором этнические, языковые, религиозные и другие разницы не затирали бы, а проявляли толерантность или даже поддерживали»[93].

Однако среди работ, посвященных проблеме украинизации, доминируют исследования, посвященные изучению национально-культурных процессов 1920–1930-х годов, в которых историки по-новому освещали деятельность партийных и советских властей[94]. Отход от традиционной схемы советской историографии вел к осмыслению политики украинизации, определению ее значения для жизни общества. В эти годы появились работы Л.И. Ткачевой, А.И. Галенко, В.С. Лозицкого, Ю.А. Курносова, Я.Р. Дашкевича, С.И. Бурлака и др.[95]

Идеологические принципы большевистской политики, формирование административных основ в культурной жизни УССР были рассмотрены в

работе «Сталинизм на Украине: 20–30-е годы» В.М. Даниленко, Г.В. Касьянова, С.В. Кульчицкого[96], взаимоотношениям власти и украинской интеллигенции посвятил свою монографию Г.В. Касьянов[97], важные аспекты национального и культурного развития УССР рассмотрены в монографии С.В. Кульчицкого, вышедшей в свет в 1996 г.[98].

В дальнейшем объем публикаций, в которых рассматривалась тема украинизации, значительно возрос. Проблематикой украинизации стали заниматься известные украинские историки, работающие в Институте истории и Институте политических и этнонациональных исследований НАН Украины, в государственных университетах в Киеве и Львове (С.В. Кульчицкий, Ю.И. Шаповал, В.Ф. Солдатенко, Г.В. Касьянов, В.М. Даниленко, В.А. Кондратюк, О.А. Рафальский, А.Ю. Зайцев, Я.Р. Дашкевич, В.Г. Шарпатый, Г.Г. Ефименко и др.). Было опубликовано множество статей, появились монографии и разделы в общих трудах, в которых украинские исследователи анализировали причины украинизации, ее цели, формы, последствия, обращали внимание на процессы украинизации в области просвещения и культуры, анализировали ее влияние на общественно-политическую жизнь республики. Увидели свет монографии, в которых анализируется роль интеллигенции в национально-культурном строительстве[99], формирование и функционирование партийной и советской номенклатуры[100], социоэкономические и социокультурные процессы в контексте национальной политики[101], изменения в национально-культурной политике в 1930-е годы[102] Украинизация рассматривается и в рамках всей республики[103], и в рамках отдельных ее регионов[104], и в политических портретах деятелей этого периода[105]. Активно изучается процесс коренизации национальных меньшинств (Б.В. Чирко, О.А. Рафальский, Л.Л. Мисинкевич, К.В. Мануилова, Л.И. Рябошапко, Л.Д. Якубова и др.)[106]. При этом внимание уделяется преимущественно полякам, евреям и немцам

Украины, отсутствуют значительные труды по истории русского населения УССР[107].

В разработке проблем национально-государственного строительства выделяются усилия ученых Института истории Украины. В 2003 г. появилось обобщающее коллективное исследование (авторский коллектив – В.М. Даниленко, Я.В. Верменич, П.М. Бондарчук, Л.В. Гриневич, О.А. Ковальчук, В.В. Масненко, В.М. Чумак) «“Украинизация” 1920–30-х годов: предпосылки, приобретения, уроки», где весьма подробно, с привлечением статистических данных, рассматривается политика украинизации в различных областях жизни – партийных и государственных органов, системы просвещения, науки, периодических изданий, армии и др. В том же году увидел свет весьма подробный библиографический указатель «Политика коренизации в советской Украине (1920–30-е гг.)»[108].

Показателем востребованности темы украинизации является активное ее изучение в диссертационных исследованиях. Среди них можно выделить следующие работы. А.И. Криворучко и Н.Г. Кукуса изучают культурные аспекты украинизации в крестьянской среде[109], Г.М. Васильчук разрабатывает проблемы украинизации органов государственной власти и управления УССР в 1920-е годы[110]. А.Н. Бондарь исследовал процесс украинизации в военной сфере[111]. Рассматривается проблема украинизации системы образования[112]. Деятельность интеллигенции в условиях украинизации, изучила О.А. Тарапон[113]. Украинизацию профсоюзов активно исследует П.Н. Бондарчук[114]. Ряд исследователей анализируют процессы украинизации на региональном уровне. Были защищены диссертационные исследования различных аспектов украинизации Донбасса, Харьковщины, Подолья, Юга Украины[115].

Появились и историографические труды по проблемам украинизации, которые свидетельствуют о том, что началось осмысление достижений исторической науки в исследовании этой важной проблемы[116]. В украинской историографии сложилась определенная концепция украинизации. Многие исследователи, рассматривая развитие украинской культуры в 1920-е годы, говорят о национально-культурном возрождении. В этой связи ставится вопрос о соотношении последнего с большевистской политикой украинизации, об отношении к ней видных членов КП(б)У, о позиции различных социальных слоев в связи с введением украинского языка в школьное обучение, делопроизводство и пр.

В данной связи возникает вопрос о соотношении украинизации периода УНР и УССР. К сожалению, эта тема не нашла должного освещения в литературе. Тем не менее, следует привести одно высказывание С.В. Кульчицкого. Украинский историк подчеркивает: «Политику украинизации проводили правительства Центральной Рады, Украинской Державы, УНР времени Директории. Она была средством пробуждения национального самосознания украинского народа. Украинизацию, однако, проводила и советская власть, которая уничтожила УНР и повернула Украину в лоно империи, возобновленной под другим названием. Поэтому словосочетание «советская украинизация» представляется некоторым исследователям сочетанием не совмещаемых понятий, оксюмороном. Они заключают в кавычки такую украинизацию, будто подчеркивая, что речь идет о явлении, которого в действительности не существовало».[117] При этом, по словам Кульчицкого, для тех исследователей, кто признает заслуги советской власти в осуществлении политики украинизации, знаковой фигурой является Н.А. Скрыпник, нарком образования УССР: «Но если посмотреть в корень рассматриваемой проблемы, Н. Скрыпник осуществлял провозглашенную XII съездом РКП(б) в апреле в 1923 г., то есть после образования СССР,

политику коренизации (в Украине – украинизации). Суть такой политики заключалась в укоренении советской власти в нерусской среде»[118]. Таким образом, подчеркивается, что украинизация, осуществлявшаяся правительствами УНР и гетмана П.П. Скоропадского, была другим явлением, нежели советская украинизация: если первая была средством пробуждения национального самосознания, то вторая – средством укрепления советской власти.

Авторы труда «“Украинизация” 1920–30-х годов: предпосылки, приобретения, уроки» трактуют украинизацию как национальную реформу: «Среди многих реформ, которые сопровождали внедрение нэпа, была и национальная. В масштабах многонациональной страны она вкладывалась в формулу “политика коренизации”, а на Украине за ней закрепилось название “украинизациия”»[119]. М.Н. Кузьменко считает украинизацию методом советизации духовной жизни украинского общества путем идеологической адаптации национальных символов и идей к условиям советской (большевистской) модели социализма. Из объекта национального возрождения на Украине ее превратили в способ модернизации общества по основным принципам большевизма (монопартийная система власти и унифицированная духовная жизнь, утверждение единой (государственной) формы собственности и временность каких-либо социокультурных сообществ, идеализация и обожествление вождя и растворение личности в коллективе[120]. С.В. Кульчицкий в монографии «Коммунизм на Украине: первое десятилетие (1919–1928)» разъясняет, что «украинизация была политикой коренизации, осуществляемой партией для укрепления правительственных структур в национальных республиках и автономиях»[121]

Некоторыми авторами ставится под сомнение оправданность термина «украинизация». «Политика коренизации, – пишет В.М. Даниленко, – получила на Украине ... неудачное и исторически

неоправданное название “украинизации”. Это название никак не отвечало процессам, происходившим в сфере общественной и культурной жизни Украины как в период Центральной Рады, Гетманата, Директории, так и периода большевистского правления»[122]. Историк замечает, что обращение народа к своей государственности, своим корням, своей культуре и историческим традициям не может быть украинизацией. Это был процесс, «который с полной уверенностью можно назвать “дерусификацией”»[123] Вместо этого термина предлагается также понятие «национальная реформа» или «национально-культурная реформа»[124].

Касаясь причин коренизации, многие исследователи отмечают прямую ее зависимость от активизации национальных процессов в стране. Тезис о национально-культурном возрождении Украины в начале XX века является одним из принципиальных положений большинства украинских историков. Вслед за их зарубежными коллегами они практически единодушно подчеркивают, что необходимость новой национальной политики большевиков на Украине была вызвана проходившими там национально-культурными процессами. «Революция 1917 года и создание украинского государства стали факторами бурного роста национальной культуры.., – пишет Г.В. Касьянов, – Повернуть этот процесс назад было уже просто невозможно»[125]. Г.М. Васильчук утверждает: «На Украине политика коренизации претворялась в жизнь в виде украинизации, достаточно самостоятельной политики, которая должна были появиться, даже если бы большевики не начали коренизационную кампанию. Внутриполитическая ситуация в республике в первые послереволюционные годы обострилась настолько, что перед Коммунистической партией встала задача овладеть украинской национальной идеей и завоевывать благосклонность украинского крестьянства, сделав советскую власть, насколько это возможно,

украинской, а украинский язык – языком советского общества на Украине»[126].

Развитие украинской науки, культуры, искусства в 1920-е годы происходило, по мнению В.Ф. Солдатенко, «на базе национального возрождения, в условиях активизации национального фактора»[127]. «Еще в 1917 году, с взрывом Украинской революции устами своих проводников – М. Грушевского, В. Винниченко, С. Ефремова, И. Стешенко, Н. Порша, С. Петлюры и др. – пишет ученый, – слово украинизация было произнесено как одно из неотложных задач освободительного движения, как величественная цель духовного всплеска, национального возрождения. И то было не только слово. Украинизация стала реальной политикой»[128]. Таким образом, большевики вынуждены были считаться с украинским национальным возрождением, и украинизация являлась попыткой овладеть этим процессом, направить его в русло социалистического строительства. Одновременно украинизация демонстрировала украинцам за Збручем, что лишь в УССР они могут удовлетворить свои национальные стремления[129].

Однако отнюдь не все исследователи связывают украинизацию с национальным движением только периода революции и гражданской войны. Так, В.М. Даниленко и П.Н. Бондарчук в рецензии на книгу В.Ф. Солдатенко о Н.А. Скрыпнике упоминают два стереотипа, навязанных или трудами советской исторической науки, или современной украинской. Если первая из них «пыталась в разные периоды или “вычеркнуть” “украинизацию” из истории, или показать ее исключительно как заслугу большевиков, то многие представители последней пытаются вывести родословную “украинизации” из периода национально-освободительной борьбы 1917–1920 гг. Не избежал этого и В. Солдатенко». Даниленко и Бондарчук считают необходимым удлинить корни украинизации и указывают: «“Украинизация” или национальное возрождение (а оно включает у себя разные сферы: политическую,

культурную, экономическую но др.) несомненно имела место в период 1917–1920 лет. Однако связывать советскую “украинизацию” лишь с этим периодом, на наш взгляд, не достаточно аргументированно, поскольку она имеет более глубокие корни. Еще во второй половине XIX века украинское национальное культурничество движение заявило о себе как весомая сила». С точки зрения авторов рецензии, традиция национально-культурного подвижничества, уже сложившаяся в среде украинской интеллигенции, имела непосредственное влияние и в 1920-е годы. Именно украинская интеллигенция стала движущей силой украинизации, которая вышла за рамки, отведенные для нее большевиками[130].

Особое значение проблеме соотнесения украинизации и национально-культурного возрождения придает С.В. Кульчицкий: «Нередко в историографии с украинизацией отождествляется процесс бурного национального возрождения, который проявлялся в росте культуры и самосознания народных масс. В действительности национальное возрождение составляло побочный эффект курса на коренизацию режима»[131]. Таким образом, согласно Кульчицкому, национально-культурные процессы на Украине были не причиной, а результатом политики коренизации, преследовавшей сугубо прагматические цели укрепления режима.

Современные украинские исследователи также называют среди главных причин украинизации потребность укрепления позиций правящей партии в УССР[132]. В.Б. Кузьменко считает, что политика коренизации была обусловлена объективной потребностью советской власти в расширении собственной социальной базы за счет национальных кадров. В то же время украинский исследователь признает, что, благодаря коренизации возрос политический авторитет Сталина, который фактически превратился в главного координатора ее проведения[133]. Как указывает Н.С. Дорошко, коренизация являлась определенной уступкой национальным республикам,

целью которой было привлечение к коммунистическому строительству широких масс населения национальных республик: «Этот курс, по мнению большевистских лидеров, должен был ввести в заблуждение не только население подконтрольных центру союзных республик, но и мировое сообщество, которое должно было поверить в показную щедрость большевиков в решении национальной проблемы»[134]. А.В. Антонюк отмечает, что на принятие курса на украинизацию повлияло падение престижа интернационалистских лозунгов в ценностей в условиях перехода к нэпу, либерализация общества и рост оппозиционных настроений в республиках и регионах, сложность управления территориями с иной языковой и культурной ориентацией населения[135]. В.И. Изюмов связывает украинизацию с созданием СССР и введением НЭПа, повлекшие за собой «необходимость определенной либерализации национальной политики большевиков»[136]. На прагматичность большевистской политики, ее нацеленность на укрепление режима указывает С.В. Кульчицкий: «Компартия Украины по национальному составу была в основном русско-еврейской и не пользовалась влиянием в украинской среде»[137].

Таким образом, в украинской историографии получил распространение тезис о том, что украинизация для большевиков была лишь временной уступкой, средством укрепления власти на Украине. Кульчицкий образно называет украинизацию «рассчитанным флиртом Сталина с украинской элитой»[138], «двуликим Янусом»: хотя в Кремле всегда подчеркивали принцип «учиться и разговаривать на родном языке», в действительности для руководителей партии имело значения совсем другое – «воссоздание в национальных регионах коммунистического режима из “местных людей” (как высказывался Сталин)»[139].

А.С. Рублев и Л.Д. Якубова отмечают, что введение коренизации являлось «вынужденным тактическим отступлением от теории марксизма,

задачей которого было сохранение территориальной целостности Страны Советов». При помощи коренизации союзное руководство, «с одной стороны, обеспечило себе определенную передышку для перегруппировки сил за счет уменьшения центробежных политических процессов; а с другой, более основательно готовило переход многонациональной страны к социализму». В конечном итоге, считают украинские специалисты, «большевистская этнополитика в УССР сумела сбить национально-демократическое движение с пути конституирования политической нации»[140].

Ю.И. Шаповал замечает, что для В.И. Ленина идея государственности Украины была приемлема по форме, а не по сути, она была вынужденной уступкой, поскольку большевистская власть на Украине была антиукраинской силой. Однако, поскольку Ленин утонченным политическим прагматиком, исповедовавшим гибкую тактику, он выступал за сотрудничество с теми политическими силами, которые отстаивали идеалы украинизации[141].

Украинские историки считают, что большевики не могли рассчитывать на успехи в социалистическом строительстве «без привлечения на свою сторону подавляющего большинства сельского населения, а также национальной интеллигенции». Поэтому «необходимо было дать народам России, объединенным в единую державу, своеобразную «культурно-национальную автономию», реальную возможность развивать свои национальные культуры и языки». Именно эти цели и преследовал курс на коренизацию партийно-советского аппарата национальных республик[142]. Эта мысль, высказанная Даниленко, Касьяновым и Кульчицким еще в 1991 г., продолжает доминировать в украинской исторической науке до сих пор. В вышеупомянутой монографии «“Украинизация” 1920–30-х годов….» также подчеркивается, что судьба созданного Союза ССР зависела от «способности центра найти

такую форму взаимоотношений с субъектами федерации», которая удовлетворяла бы обе стороны и «обеспечивала жизнеспособность централизованного государственного организма»[143]. С.В. Кульчицкий указывает, что партии необходимо было найти «формулу интеграции социально-экономических и национальных аспектов общественно-политической жизни». «Для втягивания в коммунистическое строительство всего нерусского населения многонациональной страны была внедренная кампания коренизации (в значении – укоренение советской власти), – указывает ученый. – Представители нерусских национальностей должны были принимать участие в перестройке власти как совокупности взаимосвязанных вертикалей – партийной, чекистской, советской»[144].

В этом же русле трактует украинизацию С.А. Цвилюк. Он подчеркивает, что для большевиков было крайне важно «заручиться поддержкой населения», особенно украинского села, с недоверием относившегося к новой власти. Одновременно, пишет Цвилюк, политика украинизации должна была продемонстрировать украинскому народу «заботу новой власти об обеспечении национально-культурного возрождения Украины, предоставление твердых гарантий национальной самобытности в процессе самоорганизации украинской национальной жизни»[145]. Исследователь предлагает трактовать политику большевистского руководства как своеобразный временный «идеологический нэп», как вынужденное тактическое отступление от политики «военного коммунизма» и революционной «чрезвычайщины» в национальном вопросе и переход к реформистским либеральным внешне методам[146]. Еще один украинский исследователь, В.М. Букач, считает, что политика украинизации, начатая в период жесточайшего экономического и политического кризиса, помогала «отвлечь население от политической

борьбы и сосредоточиться на решении национально-культурных вопросов»[147].

Г.Г. Ефименко сделал попытку исследовать «влияние национально-культурной политики на процессы модернизации». Ученый выделяет три этапа в национально-культурной политике большевиков в 1917–1938 гг. Первый этап длился до 1932 г. – этап глобальной интернационализации, когда слияние наций и языков считалось возможным лишь в мировом масштабе, русский язык никаких преимуществ не получал, а на практике было немало сделано для развития национальных культур и языков: поскольку это не мешало, а даже помогало, намерениям Кремля сохранить или увеличить влияние на общество в условиях стремительной модернизации экономики. Второй этап – внутренней интернационализации – датируется 1933–1936 гг. и характеризуется таким признаком, как курс на слияние наций и языков в границах СССР, «но еще не на основе русского», об ассимиляции речь пока не шла. Но, «поскольку развитие национального сознания народов СССР, в частности украинцев, было помехой задекларированному Сталиным сближению наций, с любыми национальными особенностями велась ожесточенная борьба». Наконец. 1937–1938 гг. были этапом ускоренной русификации, «понятие “русский” и “интернациональный” язык и культура стали синонимами», модернизационная составляющая в национально-культурной политике была подзабыта, а на первое место вышла задача сохранения империи. Впрочем, «в следующие годы компартийная власть отказалась от стремительной русификации»[148]. О связи коренизации и модернизации речь идет и в обобщающей работе «Национальный вопрос на Украине XX – начала XXI в.». Г.Г. Ефименко и Л.Д. Якубова в разделе, посвященном Советской Украине 1923–1938 гг., указывают: «Коренизация имела две основные взаимосвязанные составляющие, предопределенные потребностями модернизации страны и необходимостью усиления влияния

власти на общество: широкое привлечение местных кадров к управленческим структурам и переводу на язык местного населения значительной части культурно-образовательной, административной и агитационно-пропагандистской работы»[149].

Украинские историки уделяют внимание социальной базе украинизации. Так, Л.М. Новохатько сделал вывод, что реализация курса на украинизацию носила характер национального возрождения, и активную роль в этих процессах играла национальная интеллигенция и украинское крестьянство[150]. Роль крестьянства подчеркивает также А.И. Криворучко. Он считает, что село играло роль не столько объекта украинизации, сколько было ее главным резервуаром: именно активная роль села в процессе украинизации привела к тому, что последняя вышла за очерченные Москвой рамки и приобрела нациестроительный характер. С крестьянством автор связывает не «аппаратную», и «естественную» украинизацию, анализируя роль выходцев из села в украинизации партийных и государственных структур, различных сфер общества[151]. Украинское село не нуждалось в украинизации, подчеркивает Н.А. Идрис, а русифицированный город – «бастион большевистской власти в Украине» – вызывал недоверие украиноязычного и преимущественно сельского населения Украины[152]. П.Н. Бондарчук и В.Г. Шарпатый отмечают роль в украинизации процессов миграции населения. Переселение сельского украиноязычного населения в русифицированные города являлось, по их мнению, нациестроительным фактором. Увеличение численности украинцев – членов индустриальных профсоюзов приводило к украинизации профсоюзной работы[153].

В то же время украинские исследователи отмечают особенности украинизации в различных регионах УССР. Анализируя состав педагогических кадров в условиях развертывания украинизации на Донбассе[154], И.В. Богинская пришла к выводу об отсутствии в регионе

«широкой основы “украинизации” в виде инициативы коренного населения и непоследовательность местных органов власти в осуществлении “украинизационного” курса обусловили пассивный отпор учителей переводу школьных учреждений на украинский язык», а движущей силой этого процесса стали учителя из Екатеринославщины, Черниговщины, Полтавщини, Киевщины, приглашенные для работы в Донбасс[155].

Проблемами национальных меньшинств Донбасса занималась О.В. Обыденова[156], которая доказывает, что политика правительства создавала условия для смешивания населения и распыления национальных меньшинств, расширения присутствия русских в регионе. Социально-экономические мероприятия государства повлекли разрушение традиционного уклада жизни национальных меньшинств, их массовую миграцию в города, где быстро происходили процессы ассимиляции. Украинизация как противовес русификации и основа, на которой должны были обеспечиваться культурные права национальных меньшинств, в Донбассе не смогла победить сильные ассимиляционные влияния русского языка и культуры[157].

Особенности политики украинизации в южных регионах УССР изучила В.А. Стремецкая[158]. Она отметила, что в результате украинизации в этом регионе увеличилось количество украинцев и лиц, владеющих украинским языком в составе советского аппарата, среди членов и руководства профсоюзной и партийной организаций. Наиболее успешно украинизация проводилась в сфере просвещения, особенно в сельской местности. Кроме того, исследователь отмечает, что процессу украинизации препятствовала «русификация городских поселений», сопротивление значительной части «великодержавно настроенных служащих», работников культурных и просветительских учреждений, части русского или русифицированного пролетариата, а также ошибки

местных органов власти, форсирование темпов украинизации, невнимание центральных органов к проблемам южных областей[159].

Очень важной проблемой является восприятие политики украинизации различными слоями населения. Она обозначена украинскими специалистами, однако исследуется менее активно, чем практическое проведение украинизации. Тем не менее, определенные тенденции просматриваются и здесь. Так, Я.Р. Дашкевич различает «кадры украинизации» и «противников украинизации». К первым историк причисляет значительную часть украинских коммунистов, в том числе бывших боротьбистов и укапистов (украинских левых эсеров и социал-демократов, примкнувших к большевикам), а также бывших эмигрантов, вернувшихся на родину после провозглашения курса на украинизацию. Кроме того, к союзникам украинизации принадлежало большинство писателей и украинских экономистов. К лагерю противников Дашкевич относит верхушку КП(б)У, центральную партийную и советскую бюрократическую машину, «русское обрусевшее мещанство» и «обрусевший пролетариат», Красную Армию, представителей русской интеллигенции (А.В. Луначарский, Максим Горький, писатель Ф.В. Гладков), значительную часть еврейской интеллигенции и, наконец, Русскую православную церковь. Городское население и пролетариат Украины, по мнению Дашкевича, находились под влиянием русификаторских традиций и были убеждены в «исключительности (культурной, революционной), престижности всего русского», еврейская интеллигенция хранила верность «ассимиляторской москвофильской платформе»[160]. Тезис о нежелании местных органов власти, прежде всего руководителей, осуществлять провозглашенный курс в национальной политике, о живучести великодержавной традиции прочно вошел в украинскую историографию[161].

При этом подчеркивается, что «по национальному составу пролетариат в республике был преимущественно русским или русскоязычным, тогда как крестьянство – украинским», и такая ситуация приводила к тому, что русское и русифицированное мещанство и рабочий класс оказывал отпор курсу на украинизацию, более того, «подавляющее большинство промышленных рабочих враждебно восприняли политику украинизации»[162]. З.В. Нечипоренко, анализируя перспективы изучения регионального аспекта коренизации в украинской историографии, приводит в пример высказывание И. Соболь об украинофобах из числа местных русских и русифицированных украинцев, которые, по ее мнению, служили своеобразной «пятой колонной» в борьбе большевистского руководства против украинизации. Нечипоренко считает справедливым утверждение, что украинизация «развеяла в известной мере мифологему о Юге Украины как Новороссийском крае и тем самым повлекла к национальной самоидентификации украинского населения в пределах этнической территории, которой раньше они не осознавали». Нечипоренко согласна и с тем, что «украинизация едва ли не впервые заставила русских, которые доминировали в регионе, считаться с языковыми и культурными запросами коренной нации»[163].

Большое влияние на то или иное отношение к новым политическим веяниям имела, по представлениям Г.В. Касьянова, степень обрусения различных слоев населения на Украине[164]. Следует учитывать, что компартия зачастую рассматривается украинскими историками как «чужеродное явление для украинской традиции» – как «по своему составу», так и по «внутренней доктрине»: по мнению сотрудников Института истории Украины, «украинский элемент» в КП(б)У появился только после массового вступления в ее ряды боротьбистов[165].

В конечном итоге, считают украинские специалисты, «концепция украинизации нарождалась в жестокой политической борьбе» между

«активными национал-коммунистическими силами», «великорусско ориентированной частью КП(б)У» и «украинской общественностью» (научной, просветительской и литературной интеллигенцией)[166]. Однако Н.Ю. Выговский, изучивший номенклатуру системы просвещения в УССР в 1920–1930-е годы, сделал вывод о том, что «между УКП(б) и КП(б)У не существовало чересчур принципиальных тактико-стратегических различий касательно строительства социализма, а намерения боротьбистов быстро развеялись, когда их лидеры заняли руководящие посты, однако национально-политические приоритеты у них оставались теми же самыми». Поэтому «тезис о том, что боротьбисты, перекрасившись в цвета КП(б)У, жаждали своего рода реванша, не выдерживает серьезной критики»[167]

Подчеркивается также роль в украинизации тех представителей западноукраинской интеллигенции, которые положительно восприняли новый партийный курс и решили связать свою дальнейшую судьбу с Советской Украиной. Привлечение западноукраинской интеллигенции к «обслуживанию потребностей индустриального и культурного строительства на Советской Украине отвечало интересам партийно-государственного руководства УССР», – отмечают А.С. Рублев и Ю.А. Черченко. Это способствовало повышению авторитета большевиков, стремившихся представить Советскую Украину неким «Пьемонтом всего украинского народа», и, в свою очередь, давало новый импульс украинизации[168]. Как отмечает Рублев, отношение национальной эмиграции к УССР зависело в значительной степени от решения на Украине национально-культурного вопроса, «хотя бы внешнего сохранения признаков ее государственности»[169]. Действительно, провозглашение курса на коренизацию, делает вывод В.М. Чумак, имело важное значение для Западной Украины. Ученый подчеркивает, что этот курс проходил «параллельно с провозглашением нэпа и признанием

Антантой аннексии Польшей Восточной Галиции», что изменило настроения украинского общества за границей и породило так называемое «сменовеховство»[170]. Однако, подводит итог украинский исследователь, настроения западных украинцев изменили «насильственная коллективизация, голод, политические репрессии в УССР» и утвердили в мысли, что «только западные земли при условии консолидации всех украинских национально-политических сил смогут исполнить свою всеукраинскую регенеративную задачу»[171].

Нельзя забывать, отмечает В.М. Даниленко, что новая политика служила цели большевизации просвещения, науки, культуры и воспитания «нового», советского человека[172]. Данное обстоятельство тем более важно, что украинизация создавала благоприятные условия для активизации национально-культурных тенденций, не всегда укладывавшихся в русло официальной идеологии. «Явления, которые не поддавались контролю государства и партии, либо... выходили из-под контроля, становились объектами репрессивной политики»[173], – указывает Г.В. Касьянов.

Даниленко, отмечая административно-командный характер украинизации, делает вывод о том, что украинизация «по-советски» объективно создавала основу для развертывания «полномасштабной русификации». Украинцев в 1920-е годы продолжали активно приобщать к русской культуре: процент начальных и средних школ, обучение в которых велось на русском языке, не соответствовал проценту русского населения на Украине[174]. В.Г. Шарпатый подчеркивает, что Москва стремилась перевести часть учебных заведений Украины в союзное подчинение и таким способом легализовать русификацию[175].

Современные украинские ученые достаточно подробно анализируют законодательные акты и основные мероприятия по развертыванию украинизации. Приводятся статистические данные, убедительно свидетельствующие о росте удельного веса украинцев в партийных

организациях, в советских учреждениях, учебных заведениях и т.п. Отмечаются новые «оригинальные явления» в украинской литературе и искусстве[176]. Имеется опыт рассмотрения процесса украинизации в отдельных регионах республики[177] и за ее пределами, в местах компактного проживания украинского населения в других республиках СССР[178].

Кроме того, украинские историки стремятся разрешить вопрос, имела ли политика Сталина относительно УССР в 1920-е годы специфический характер, т.е. отличалась ли они от политики в отношении других советских республик. Большинство специалистов считают, что она таковой не была, даже несмотря на то, что Сталин относился к Украине с повышенным вниманием: по своим экономическому потенциалу и кадровым ресурсам УССР превышала другие нерусские республики. Сталин согласился на уступки Украине, стремясь гарантировать себе поддержку КП(б)У[179].

Историки отмечают принципиальные изменения, произошедшие в национальной политике центра в начале 1930-х гг. Если в период нэпа утвердилась «независимость, децентрализация управления культурой», все сферы которой находились в компетенции республиканских народных комиссариатов просвещения, то рубеж 1920–1930-х годов стал временем унификации культурного строительства[180]. Основной опасностью стал считаться «местный национализм». Разгром «национальных уклонов» знаменовал собой переход от «либерального периода нэпа к эпохе террора и открыто имперской политике»[181]. В данной связи главное внимание в украинской исторической литературе уделяется партийным чисткам 1933–1934 гг. и массовым репрессиям против «украинских националистов», обвиненных в срыве хлебозаготовок, которые привели к голоду на Украине в 1932–1933 гг. Весьма подробно об этом писали В.И. Пристайко и Ю.И. Шаповал[182]. Они доказывали, что украинская

интеллигенция была практически уничтожена, руководившие украинизацией партийные и советские работники арестованы, расстреляны либо сосланы. Под жесткий партийный контроль были поставлены средства массовой информации, книгоиздательская деятельность, учебные и культурно-просветительные учреждения. Как пишет С.В. Кульчицкий, «кремлевское руководство желало превратить партию вместе со всеми ее национальными отрядами в дисциплинированного и безотказного исполнителя своих планов, оно должно было ликвидировать те последствия начатой XII съездом РКП(б) кампании коренизации советской власти в союзных и автономных республиках»[183]

В данной связи особое внимание уделяется голоду 1932–1933 гг. на Украине. Ю.И. Шаповал подчеркивает его «антиукраинскость»[184]. По его мнению, московское руководство помнило о крестьянском сопротивлении на Украине 1930–1931 гг., «когда против «великого перелома» воевали целыми селами»[185]. «Это было сознательное и продуманное решение, имевшее одной из целей поставить Украину на колени, – пишет Шаповал. – Именно оно стало фатальным для нашего народа. Именно оно абсолютно подпадает под определение понятия «геноцид», принятое международным сообществом»[186].

В настоящее время в украинскую историографию прочно вошло положение о связи голода на Украине и борьбы с последовательными сторонниками украинизации. Так, Г.Г. Ефименко отмечает, что во второй половине февраля в 1933 г. Сталину стало понятно, что «главных виновников неудачных хлебозаготовок и голода 1932–1933 гг. нужно искать среди сторонников Скрыпника»[187]. Украинские исследователи также подчеркивают роль крестьянского фактора во взаимосвязи украинизации и голода. Так, В.Я. Мороз считает, что за годы украинизации стала ясной особая роль села в этом процессе: крестьянство было не только хранителем национальных традиций, но и катализатором украинизации,

поэтому Москва стремилась «ранить» село как основной ресурс для роста национальной стихии[188]. В.М. Даниленко и П.Н. Бондарчук также приходят к выводу, что село было катализатором украинизации, но крестьянство могло быть национальной силой лишь в тесной связи с национальной интеллигенции. Поэтому удар по крестьянству должен был состояться одновременно с ударом по интеллигенции, со свертыванием политики украинизации[189].

1933 год стал рубежом, «за которым политика украинизации была не просто свернута, но и преобразована в свою противоположность», считают украинские ученые, происходит денационализация украинской культуры, репрессиям подвергаются ведущие деятели культуры[190]. Г.Г. Ефименко уточняет, что, «как это не может на первый взгляд показаться необычным, денационализация украинской культуры вовсе не означает отказ от политики коренизации, поскольку национальная по содержанию культура никогда не была целью большевиков»[191]. О культурно-языковой русификации можно говорить лишь при анализе событий конца 1937–1938 гг.: в те годы она была средством централизации власти. О целенаправленной русификации после 1933 г., считает историк, говорить не приходится. Посланный на Украину Л.М. Каганович использовал для борьбы с П.П. Постышевым именно национальные украинские лозунги, вменив последнему в вину пренебрежение украинскими кадрами[192].

Г.Г. Ефименко пишет, что в 1933 г. «компартийное руководство» отказалось от идеи глобальной интернационализации, поскольку «развитие международных событий показало, что мировой кризис не перерастает в революцию, а следовательно надежды на мировую революцию напрасны». Стоит заметить, что крушение надежд на мировую революцию вряд ли стоит связывать с 1933 годом, идея строительства социализма в одной, отдельно взятой стране официально была поддержана ЦК на XIV конференции РКП(б) в апреле 1925 г. Автор выбрал именно 1933 год по-

видимому, для того, чтобы связать отказ от идеи мировой революции и репрессии большевистского руководства против украинского национализма. Украинский историк пишет: «Внутренний ход событий показал, что, несмотря на поддержку национально-культурного развития нерусских народов, именно в национальных регионах социально-экономические кампании большевистского руководства, особенно коллективизация, проходили с наибольшими осложнениями». Таким образом, «было вполне понятно, что националы, в частности украинцы, далеко не наилучшей опорой большевистского режима. Последующее усиленное внимание к национально-культурному развитию тех же украинцев повлекло бы невозможность выполнения второй задачи советской модернизации – сохранения империи». Осознанию этого властью способствовало возвращение большевистского руководства «к пропаганде русских исторических ценностей», «другого средства (а его искали в течение 1933–1936 гг.) утвердить свое господство в обществе компартийное руководство найти не могло»[193].

Завершение украинизации обычно датируется 1938 годом, когда «сталинское руководство взяло курс на ускорение ассимиляции». Сюда относят издание центральных и областных русскоязычных газет, создание комиссии по новому украинскому правописанию, введение обязательного изучения русского языка в начальных школах со второго класса[194]. Эти два события являются для украинских ученых знаковыми, означающими окончание украинизации, победу ассимиляционного и русификаторского курсов, при этом политика большевиков на присоединенных осенью 1939 г. западноукраинских землях рассматривается только с точки зрения советизации, но не украинизации. Такая точка зрения, чрезвычайно распространенная в историографии, не является единственной. Так, Терри Мартин указывает, что «в годы правления Сталина обучение на родном языке, за немногочисленными исключениями, оставалось в нерусских

школах обязательным, а русский язык оставался лишь учебным предметом»: «Мартовское постановление 1938 г. не стало началом культурной русификации. Его целью был лишь билингвизм (двуязычие) или, самое большее, двойная культура»[195]. Более того, ученый подчеркивает, что «в середине 1938 г. наблюдатель имел полное право предположить, что началась русификация Украины. Однако с окончанием Большого террора и присоединением Западной Украины в 1939 г. положение вновь стабилизировалось. И с тех пор Советская Украина оставалась двуязычной и бикультурной»[196]. Безусловно, данный вывод профессора Гарвардского университета заслуживает самого пристального внимания. Без оценки процессов, происходивших в западноукраинских областях УССР в 1939–1941 гг. невозможно представить себе украинизационную политику большевиков во всей ее полноте и разнообразии.

Одной из первых попыток осветить события 1939 года на Западной Украине и показать все сложности процесса ее интеграции в советскую систему сделали А.С. Рублев и Ю. А. Черченко[197]. Обобщающей работой, в которой рассматриваются события 1939 года, является монография М.Р. Литвина, А.И. Луцкого, К.Е. Науменко[198]. Как утверждают авторы, форсированная интеграция Западной Украины в систему «казарменного социализма» сопровождался репрессиями, нарушениями законов и прав человека, социальными, экономическими деформациями[199]. Поэтому, как считают украинские ученые, присоединение Западной Украины сыграло двойственную роль. Как пишет Н.Ю. Чоповский, с одной стороны, присоединение объективно отвечало вековым стремления украинского народа к независимости и соборности, а с другой – этот акт произошел без участия украинского населения, был следствиями сговора Сталина и Гитлера, для которых национальные интересы украинского народа служили только прикрытием их политических расчетов[200]. П.П. Брицкий

же утверждает, что, несмотря на злодеяния сталинского режима, сам факт объединения украинских земель заслуживает позитивной оценки[201]. Вообще проблеме депортации и репрессий в украинской литературе уделяется значительное внимание[202]. Следует отметить, что украинские ученые уделяют большое внимание событиям на западноукраинских землях в 1939–1941 гг., однако они не рассматривают их в русле украинизационной политики большевистского руководства.

Таким образом, проблеме украинизации посвящено большое количество работ. Г.Н. Васильчук даже счел нужным подчеркнуть, что тема украинизации методологически и тематически исчерпала себя и нуждается в новых подходах, в частности, в контексте истории повседневности[203]. Ученый совершенно прав, подчеркивая необходимость внедрения новых методологических подходов в изучение украинизации. Однако анализ украинской историографии позволяет не согласиться с тем, что проблема получила должное освещение: напротив, она изучалась только в одном ракурсе – как противодействие национальных сил сталинскому руководству и союзному центру в целом, поэтому исследовательское поле остается достаточно обширным.

Однако следует заметить, что в современной историографии проблема украинизации не рассматривается комплексно, как направление политики в области национальных отношений государств с полиэтническим населением в межвоенный период, не соотносятся украинизационные усилия правительств различных государств. В существующей литературе, например, практически не делаются попытки проанализировать общие и специфические черты национальной политики УНР и Украинской Державы, с одной стороны, и властей Украинской ССР – с другой, хотя украинские историки и отмечают, что это были различные явления.

В современной историографии проблема украинизации рассматривается исключительно как один из важнейших факторов общеполитического развития межвоенной Украины, при этом современные украинские историки соотносят украинизацию с национально-культурным возрождением 1920-х годов и противопоставляют ее русификации 1930-х, а также включают эти процессы в общий контекст цивилизационной истории Украины[204]. Официальная партийная политика, по мнению украинских ученых, являлась в значительной мере реакцией на активизацию национальных процессов в стране и обладала по преимуществу регулирующими функциями. Но так как основное внимание украинских историков уделяется выработке концепции национальной истории, это обстоятельство зачастую мешает объективно соотнести события, имевшие место на Украине с общесоюзными тенденциями. При этом часто таким общесоюзным тенденциям, как усиление централизации и репрессий, придается регионально-национальный характер. Впрочем, следует признать, что украинскими исследователями введено в научный оборот большое количество нового фактического материала, особенно касающегося отдельных направлений коренизации (в области школьного образования, профсоюзного строительства, в культурно-просветительской сфере). Приводятся статистические данные (например, по количеству школ с украинским языком обучения в разные годы, по тиражам и наименованиям издаваемой литературы, периодической печати и т.п.), цитируются постановления республиканских органов власти, однако этого зачастую совершенно недостаточно для того, чтобы представить себе ситуацию в УССР в области национального строительства в целом. Отношение к коренизации союзного руководства рассматривается исключительно как негативное, вынужденное, сдерживающее национальное развитие Украины. Подобный подход затрудняет анализ

происходивших в советской стране национальных процессов и не показывает концепцию коренизации/украинизации во всем ее многообразии.

К сожалению, среди *российских историков*, в отличие от их украинских коллег, тема украинизации пользуется значительно меньшей популярностью. «Центристский» взгляд на историю России, обусловленный особенностями советского научно-информационного пространства, продолжает господствовать. Объясняется это тем, что в советское время центры по изучению истории народов СССР сосредотачивались на местах, т.е. в самих союзных республиках, поэтому после распада Союза российские научные центры столкнулись с нехваткой «узких» специалистов (по истории Украины, Белоруссии и т.д.). Такая ситуация надолго определила специфику исторической проблематики: для российской историографии характерен взгляд «сверху вниз», из центра на республики, в связи с чем обычно ставятся вопросы влияния государства на национальные, экономические, социальные, культурные процессы в республиках, ощущается дефицит работ, непосредственно посвященных украинской тематике. В данной ситуации изучение процессов, характерных для Советского Союза в целом, в сочетании с анализом реалий Украинской ССР может внести существенный вклад в установление достоверной картины советского национального строительства.

В сложившихся условиях важное значение приобретает установление диалога между историками России и Украины. К сожалению, на этот процесс существенным образом влияют сложности современных российско-украинских отношений. Тем не менее, определенные шаги в этом направлении были предприняты. Так, усилиями российско-украинской комиссии историков при Президиуме РАН и Президиуме НАНУ были подготовлены коллективные труды: «Очерки истории

России» под редакцией А.О. Чубарьяна на украинском языке и «История Украины» под редакцией В.А. Смолия на русском. В «Истории Украины» теме украинизации отведен отдельный пункт. Авторы указывают, что курс на украинизациию «был естественным для советской власти»: «Советская Россия завоевала Украину с третьей попытки, однако удерживать ее только военной силой было невозможно. Граждане Украины должны были убедиться в том, что советская власть – это их собственная власть. Представителям этой власти следовало общаться с ними на их родном языке». Таким образом, курс на коренизацию рассматривается как «привлечение к управлению национальных кадров»[205]. В «Очерках истории России» проблема коренизации не относится к числу приоритетных тем, что объясняется объективно существующими для такого рода работ ограничениями по объему представляемого материала. Тем не менее, в очерках указано, что советская политика «предусматривала национальную консолидацию в границах республик (что отразилось и на политике украинизации в УССР)»[206].

В 2015 году была издана «История Новороссии» А.В. Шубина, в которой рассмотрены особенности развития юга и востока «современного государства Украины по сравнению с центральными и западными регионами этой страны»[207]. Рассматривая положение этих регионов в составе УССР и СССР, исследователь замечает, что украинизация являлась «одной из важнейших черт развития УССР» в 1920-е годы. Украинизацию А.В. Шубин трактует как «политику развития украинской культуры и расширения роли украинских кадров в руководстве страной». Таким образом, украинизация «имела две стороны – культурно-просветительскую и кадрово-политическую». Как указывает историк, предполагалось, что «украинский язык и украинский этнос станут факторами, которые упрочат позиции нового режима на Украине»[208].

Необходимо заметить, что специальных работ, посвященных проблеме украинизации в УССР, недостаточно[209]. В российской исторической науке проблема украинизации начала разрабатываться на региональном уровне: речь идет о работах по политике коренизации украинского национального меньшинства в РСФСР в 1920-е годы[210], стали появляться диссертации по данной проблеме[211]. Необходимо отметить исследование К.С. Дроздова «Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг.». Ученый отмечает: «Советская украинизация выступала, с одной стороны, в качестве своеобразного механизма/инструмента в регулировании русско-украинских взаимоотношений на территории всей РСФСР, где проживала основная масса украинского национального меньшинства, а, с другой стороны, она объективно являлась тем мощным фактором, который стимулировал формирование украинского национального самосознания среди этого населения»[212]. К.С. Дроздов подчеркивает, что коренизация «стала важнейшим элементом национальной политики партии большевиков и советской власти в 1920-е годы, она была направлена на преодоление культурной и экономической отсталости бывших окраинных народов Российской империи», и проводилась как в союзных республиках, так и по всей территории РСФСР. Украинизация как региональная форма коренизации «способствовала приобщению к советскому культурному и национальному строительству многомиллионного украинского нацменьшинства»[213].

Российские ученые, занимающиеся проблемой коренизации в РСФСР, обращают внимание на два ее аспекта – культурно-языковой и кадровый. Так, Л.Д. Матвеева считает, что коренизация означала «перевод государственных учреждений автономных и союзных образований СССР на язык коренной национальности, вовлечение в них ее представителей, приспособление аппарата к культурно-бытовым особенностям и нуждам

местного населения». Коренизация, с точки зрения автора, была направлена «на выращивание национальных кадров под своего рода «протекторатом» русских работников» и включала в себя «введение национального языка в государственных учреждениях, выдвижение по национальной принадлежности, прием в партию по национальному признаку, увеличение рабочей прослойки в составе титульной нации»[214].

С.Н. Коротун, С.П. Толкачева и Е.А. Шевченко в своей монографии также указывают, что украинизация, проводившаяся в Воронежском крае, «предполагала, с одной стороны, изучение и применение в повседневной жизни украинского языка», а с другой – «была направлена на привлечение украинских кадров в органы местного управления, суда, культпросветучреждений»[215].

В.З. Акопян, рассматривая украинизацию на юге России, склонен рассматривать украинизацию как политику «по широкому внедрению украинского языка в общественную и культурную жизнь территорий, населенных преимущественно украинцами»[216]. Как подчеркивает автор, украинизация «должна была стать альтернативой присоединению к УССР обширных районов Северного Кавказа и Дона»: таким образом должны были нивелироваться территориальные претензии руководства УССР к РСФСР. Кроме того, украинизация должны была сыграть важную роль в «расказачивании»: «украинизация части населения Кубани и некоторых других районов Северного Кавказа должны была расчленить казачество на этнических русских и украинцев, что облегчило бы успешное завершение уничтожения сословности в обществе»[217].

И.Ю. Васильев склонен рассматривать украинизацию как «привитие восточнославянскому населению востока Украины и юга РСФСР украинской национальной идентичности и украинской культуры мерами целенаправленного воздействия государственных структур»[218]. Украинизация, делает вывод автор, «проводилась с целью завоевания

ВКП(б) поддержки активных носителей украинского национального самосознания (преимущественно партийцев и интеллигенции). Под флагом украинизации они рассчитывали наладить пропаганду среди сельского населения, которое было равнодушно или враждебно к большевистской идее»[219].

И.Г. Иванцов также подчеркивает, что «новая власть остро нуждалась в союзниках среди различных национальных групп». С его точки зрения, «Х съезд ВКП(б) (надо РКП(б) – *Е.Б.*) в марте 1921 г. постановил начать работу по созданию на местах этнизированных органов советской власти. В рамках коренизации был сделан упор на подготовку национальных партийных и управленческих кадров, переход к «этническому» самоуправлению. Было решено особо привлекать национальные меньшинства в ряды ВКП(б)»[220].

Таким образом, российские ученые предпринимают попытки для анализа процесса коренизации среди украинцев РСФСР, мало затрагивая проблему украинизации в УССР. Впрочем, существует ряд ценных работ по смежной проблематике: посвященных украинскому национальному движению в Российской империи и Советском Союзе, национальной и культурной политике большевиков. Среди них необходимо отметить монографию А.И. Миллера, в которой анализируется процесс принятия властями Российской империи решений в отношении украинского национального движения, столкновение украинского проекта национального строительства с проектом формирования «большой русской нации»[221]. И.В. Михутина изучила проблему становления украинского идейно-политического течения, с оформление которого в России на протяжении XIX в. возник украинский вопрос. Она подробно анализирует позицию сторонников этого движения на рубеже XIX–XX вв., развитие их национально-политической программы, восприятие ее российскими политическими силами[222]. Кроме того, исследовательница

рассматривает развитие украинского движения после февральской революции, акцентируя внимания на сложных событиях конца 1917 – начала 1918 года, когда велись дипломатические переговоры, завершившиеся подписанием мирного договора между Украинской Народной Республикой и государствами Четверного союза[223]. А.В. Шубин в своей работе о Н.И. Махно анализирует сложные события периода Гражданской войны, попытки анархистов воплотить свои идеалы в жизнь. Ученый уделяет внимание оппонентам анархистов – большевикам, белогвардейцам, деятелям украинского движения, также нацеленных на создание независимого государства[224].

А.В. Марчуков в качестве проблемы исследования избрал украинское национальное движение в 1920–1930-е годы, он рассматривает его как историю «конструирования и строительства украинской национальной общности и “Украины” как особого национально-политического организма, преобразования крестьянского, малорусского, русинского населения в “украинцев”, утверждения среди них украинского национального самосознания и украинской идентичности». Ученый отмечает, что в 1920–1930-е годы движение «было неоднородно и объединяло представителей разных политических сил – от “петлюровцев” до украинских национал-коммунистов»[225].

Авторы очерков «Русские об Украине и украинцах» рассматривают складывавшийся в русском общественном сознании образ украинца с точки зрения его этнической, культурной и языковой принадлежности, места и роли в восточнославянском пространстве. Основное внимание в книге уделено этнокультурному восприятию русским обществом населения украинских земель в связи с процессом формирования и развития в рамках единого государственного пространства различных систем идентичностей (общерусской, национальной, региональной)[226]. Идейные основы эволюции национальной политики СССР изучил А.И.

Вдовин. В центре его внимание – русский народ «как системообразующее ядро новой исторической общности, формирующейся в СССР»[227].

Среди работ, посвященных национально-культурной политике большевиков, следует отметить труды Т.Ю. Красовицкой. Анализируя этносоциокультурную ситуацию в стране, Красовицкая показывает все сложности процесса советской модернизации в полиэтническом государстве, влияние политики большевиков на национальные культуры[228]. Особенности проведения советской национальной политики в БССР продемонстрированы в монографии Ю.А. Борисёнка: он рассматривает вопросы развития белорусского общества и формирования белорусских государственных структур на фоне межгосударственного и геополитического противостояния между Польшей и Россией в первой половине XX в.[229]

Проблемы польско-украинского пограничья рассмотрены В.Н. Савченко[230]. По его мнению, в начале XX в. у коренного восточнославянского населения Галиции имелись три пути дальнейшей национально-культурной эволюции: «1) традиционный, в качестве составной части малорусской ветви общерусской общности; 2) в направлении окатоличивания и полонизации; 3) в направлении украинизации и обособления». При этом последний путь, хотя и «представлялся наименее вероятной перспективой», тем не менее, именно он начал реализовываться. При этом «украинофильство окончательно восторжествовало» после «присоединения почти всей Восточной Галиции к УССР в 1939 г.», с началом советской украинизации края[231].

Несомненный интерес для изучения проблемы украинизации представляют книги, вышедшие в серии «История сталинизма» в издательстве «Российская политическая энциклопедия». В 2011 году вышел русский перевод упомянутой выше монографии Терри Мартина, тогда же вышли еще два интересных сборника статей: в первый вошли

работы российских и украинских историков, посвященных голоду 1932–1933 гг. в СССР[232], во второй – зарубежных историков о советской политике в отношении многоэтничного населения с момента образования СССР и до смерти И.В. Сталина[233]. В 2014 г. был издан еще один сборник статей, куда вошли материалы прошедшей 10–12 октября 2013 г. в Киеве Международной научной конференции «Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы»[234].

Помимо вышеуказанных работ, проблема украинизации нашла отражение во многих трудах российских историков, так или иначе затрагивающих события первых десятилетий советской власти. Например, крупным проблемным блоком, активно разрабатывающимся в последние годы, является анализ обоюдного влияния двух важнейших внутриполитических факторов: политики большевистского центра и «окраинного национализма». Вопрос о степени зрелости украинского национального движения рассматривается по-разному. С точки зрения одних исследователей (И.В. Михутина), до революции носители национальной идеи находились среди своих земляков в меньшинстве и формированию украинского самосознания способствовала советская власть, осуществившая национально-территориальные постулаты дореволюционного украинского движения[235].

Другие исследователи признают существование национальных движений и связанных с ними центробежных тенденций, имевших важное значение для судеб различных территорий бывшей Российской империи. Так, А.В. Шубин подчеркивает: «Великая Российская революция объединяла в единый (хотя и противоречивый, конфликтный) комплекс несколько потоков – демократическую политическую революцию, городскую «пролетарскую» социальную революцию, крестьянскую аграрную революцию, национально-политические революции «окраин». Гуляй-поле оказалось на периферии «Украинской революции» - одного из

национальных потоков Великой Российской революции»[236]. В этой связи следует отметить важную тенденцию в российской историографии, связанную с попытками рассмотреть «характер психосоциального симбиоза социализма и национализма в русской революции»[237].

В.П. Булдаков считает, что местные национальные партии возникали ранее общероссийских, что было связано с «упреждающей и небескорыстной реакцией национализма расколотых и угнетенных народов на грядущие геополитические подвижки в мире». При этом такие партии зачастую именовались социалистическими, что, в свою очередь, отражало процесс «взрывоопасного соединения социалистической доктринальности с растущей этнической нетерпимостью».[238] Рассматривая межнациональные столкновения в стране в период революции, Булдаков делает вывод о том, что в национальных движениях относительно силен оказался культурно-автономистский компонент, тогда как собственно уровень сепаратизма был «поразительно мал». «Окраинный национализм», по мнению ученого, набирал силу по мере «солдатизации» национальных движений, когда внутри страны происходило увеличение массы вооруженных маргиналов: именно солдатская масса с какого-то момента диктовала украинской Центральной Раде свои правила игры. В то же время окраинный национализм подогревался и аграрным вопросом, «придававшим крестьянскому движению шовинистические формы».[239] Однако «только приход к власти большевиков подтолкнул местных националистов к шагам по национально-государственному отмежеванию от российской анархии».[240]

А.В. Марчуков подчеркивает, что «попытки националистов, действовавших внутри страны и в эмиграции, свергнуть большевиков силой провалились», движение стало использовать другие средства – «культурную работу»[241], а «по мере укрепления большевиков и осознания этого факта сторонниками движения, национальная пропаганда начинает

вестись в советских формах … и все сильнее увязываться с советской государственностью, которую следовало укреплять и делать украинской по облику и духу»[242].

В то же время, поднимая вопрос о соотнесении роли национального и политического факторов в период революции и гражданской войны, российские исследователи подчеркивают значение политической борьбы за власть в этот период. С.В. Чешко считает, что во время Гражданской войны происходила именно «гражданская война, в которой никто никого не завоевывал, – политическая борьба с помощью оружия», поэтому независимые национальные государства, образовавшиеся в результате распада Российской империи, следует рассматривать прежде всего как продукт политической дестабилизации страны, а политику большевиков – как производную от чисто политической борьбы, а не как внешнюю экспансию в отношении этих независимых национальных государств.[243]

Кроме того, на судьбу образовавшихся в результате крушения Российской империи национальных государств существенное влияние оказал внешнеполитический фактор. Пример Украины здесь весьма ярок: в условиях ожесточенной борьбы за власть большевики должны были проявить особую гибкость в своей тактике в отношении национальных сил в связи с заинтересованностью польских политических и военных кругов в украинском вопросе. Г.Ф. Матвеев обращает внимание на особый интерес, который вызывал у начальника польского государства Ю. Пилсудского развитие событий в Литве и Украине. Последние могли сыграть роль щита между белой или красной Россией и независимой Польшей, поэтому сотрудничество на антироссийской основе Польши с УНР, а затем тесные контакты поляков с украинской военной эмиграцией требовали от большевиков неусыпного внимания[244].

Традиционно большое внимание российскими исследователями уделяется проблеме становления советской государственности и

образования СССР. Подробно описанный в литературе процесс образования СССР позволил историкам выявить роль Украины, позиции украинских коммунистов и сталинской группы. Дебаты, проходившие в период создания союзного федеративного государства, свидетельствуют о таких основных чертах позиции Сталина и его сторонников в решении национального вопроса, как «гипертрофированный «классовый подход», абстрагирование от реальных условий развития межнациональных отношений и восприятие пролетарского интернационализма как доминанты для любой формулы объединения разных национальностей в государственное образование социалистического толка»[245]. В то же время исследователи отмечают, что различия между сталинской точкой зрения и ее оппонентами заключались в «различном понимании идеи государственного единства и новой экономической политики» (федеральная автономия или же свободное и самостоятельное развитие субъектов федерации)[246].

В.Я. Гросул подчеркивает, что образование СССР стало «итогом интенсивного обмена мнениями, порой, жарких дискуссий, в процессе которых …стояла задача выработки оптимального варианта, способного наилучшим образом совместить интересы центра и окраин страны». «Мощнейшие национальные движения той поры потребовали от всех политических партий вплотную заняться национальным вопросом и выработать свою рецептуру для его разрешения, – убежден ученый. – Между этими политическими партиями явно шла борьба и за то, чтобы заручиться поддержкой так называемых националов»[247].

Российские историки единодушно относят украинских руководителей – Х.Г. Раковского, Н.А. Скрыпника, Г.Ф. Гринько, В.П. Затонского – к наиболее решительным оппонентам Сталина по вопросу о создании единого многонационального государства и понимания федерализма. При этом В.А. Шишкин считает, что их позицию нельзя

назвать конфедералистской: «На деле же это была точка зрения, имевшая в виду построение такого федеративного сообщества союзных республик, в котором последние не подавлялись бы центром, а сохраняли бы достаточные суверенные права, особенно в области национального, социального и экономического развития».[248]

Несогласие украинских коммунистов со сталинской линией требовало от Москвы повышенного внимания к этой союзной республике, что в полной мере отразило проведенное в июне 1923 г. совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик. На совещании Сталин рассчитывал припугнуть как украинцев, так и других «националов», несогласных с политикой центрального партийного руководства[249]. В конечном счете идеи федерализма на практике претерпели весьма значительные изменения. Т.Ю. Красовицкая обращает внимание на то, что извращение идей федерализма, поражение национальной демократии и утверждение национал-коммунизма стало возможным как вследствие замысла политического руководства, так и из-за неразвитости элементов гражданского общества.[250]

Стоит отметить и точку зрения Л.Н. Нежинского. Он полагает, что одним из побудительных мотивов формирования государственной централизации 1920-х годов было активное стремление советских республик стать полноправными субъектами международных отношений[251]. В то же время велика была и роль личностного фактора: сталинские рычаги борьбы с противниками унитаризма действовали весьма успешно, как убедительно доказал А.П. Ненароков[252].

Российские исследователи единодушно признают, что коренизация на Украине (она же украинизация) объективно способствовала развитию украинской культуры, науки, просвещения. Кроме того, как отмечает С.В. Чешко, многочисленные постановления, принятые в этот период, способствовали не только внедрению украинского языка в сферы

образования, науки, делопроизводства, но и разделению его функций с русским языком и языками других народов Украины[253]. Ю.А. Борисёнок указывает, что «проекты украинизации и белорусизации, несмотря на всю противоречивость их реализации и явственно проявившееся в этом процессе очевидное несовершенство местной и региональной системы советского управления, несомненно состоялись и достигли главной цели – создания республиканской элиты, всем обязанной и искренне преданной новой власти, при этом владеющей местной ситуацией и языком»[254].

Одновременно украинизация укрепляла позиции национально ориентированных коммунистов и, так или иначе, создавала почву для обострения на Украине национальных противоречий. К опасным последствиям украинизации партийного и советского аппарата исследователи относят: рост украинского шовинизма, «перегибы» в отношении русских и евреев в госаппарате и в школах. Г.В. Костырченко указывает, что украинизация приводила к остракизму служащих из числа русских и евреев[255]. Такие процессы не могли не быть обоюдными и сопровождались травлей украинцев-коммунистов со стороны русскоязычных членов партии. В такой сложной ситуации партийное руководство вынуждено было постоянно корректировать свой курс. «В дальнейшем национальная политика сталинского руководства на Украине представляла собой эмпирическое шараханье из стороны в сторону (от «украинизации» аппарата к его «деукраинизации»), – пишет В.А. Шишкин, – преследовала эта политика единственную цель – сохранение централизованного руководства из Москвы»[256]. В конечном счете такие изменения в политической линии приводили к существенному искажению на практике заявленных большевиками теоретических установок в области национальной политики.

А.В. Марчуков связывает рубеж 1929–1930 гг., с «началом форсированной социалистической модернизации СССР» ситуация

изменилась: защита государственных интересов страны, унификация и централизация противоречили прежнему подходу, при котором основой государственности СССР были республики, что означало «расширение их полномочий как гарантию национального развития их народов», что сказалось на судьбах украинского национального движения. В 1930-е годы «происходит сначала идейная, а затем организационная ликвидация структур движения и физическое устранение многих его участников»[257].

В российской историографии поднимается и проблема голода 1932–1933 гг., с которой принято увязывать изменения в политике украинизации. В.В. Кондрашин считает, что «голод 1932–1933 гг. на Украине – это несомненная вина Сталина и его ближайшего окружения, поскольку именно они инициировали и провели принудительные хлебозаготовки 1932 г., вызвавшие голод». Вместе с тем историк подчеркивает, что «очевидна и значительная ответственность за трагедию республиканского руководства УССР и прежде всего С.В. Косиора как партийного лидера украинских коммунистов». Желание последнего «сохранить лицо, самостоятельно выправить ситуацию привело к определенной дезинформации Центра и запоздалости его реакции на возникший в УССР кризис сельского хозяйства»[258].

Российские исследователи, занимающиеся проблемами внутренней политики большевиков в 1920–1930-е годы, не могут обойти вниманием и проблему борьбы с так называемым «буржуазным национализмом», в том числе и украинским. Одновременно укрепление централизованного руководства требовало особого, жесткого контроля над «инакомыслием». Всякое оформление национальных течений и движений в союзных республиках и автономиях почти автоматически оценивалось как «национальный сепаратизм», «уклонизм», «подрыв устроев «социалистического интернационализма». В.А. Шишкин отмечает, что большие опасения центра вызывали процессы роста самосознания

интеллигенции, и Украине в этом плане уделялось весьма большое внимание: в этой республике весьма сильны были сторонники решения национального вопроса на подлинно демократической основе и с учетом обеспечения прав субъектов Союза[259].

С проблемой «украинского национализма» тесно связана и проблема репрессивной политики властей. Большинство российских ученых считает, что большевистскую политику вряд ли правомерно идентифицировать как сознательный геноцид[260]. Репрессии имели не этническую, а классовую, социальную направленность. Подчеркивая данное обстоятельство, С.В. Чешко предлагает квалифицировать репрессии не как геноцид, а скорее как «социоцид»[261]. Говоря о репрессиях против национальной интеллигенции в сталинское время, современные российские исследователи отмечают, что пострадала интеллигенция всех народов, в том числе и русского. Неправомерно поэтому обвинять русских в бесчинствах гулаговского аппарата и призывать их покаяться. Такие действия, по мнению А.И. Доронченкова, способствуют реабилитации истинных вдохновителей и исполнителей массовых репрессий – Сталина, Берии и их соратников по партии и советской власти[262]. Впрочем, как доказывает С.В. Чешко, нельзя забывать о том, что преследовались прежде всего те представители национальной интеллигенции, которые исповедовали (или только подозревались в этом) идеи национализма, исламизма, тюркизма и т.п., «представлявшиеся режиму противоречащими официальной коммунистической идеологии и потому опасной»[263].

Наконец, следует остановиться еще на одном проблемном блоке: «украинский фактор» накануне и в начале Второй мировой войны. Известный российский полонист А.Ф. Носкова подчеркивает, что «оформление и подъем украинского движения за рубежом, как, впрочем, и всей антисоветской эмиграции, его локализация в соседней Польше не могли не рассматриваться в Москве как серьезная угроза для стабильности

СССР и советской Украины, в особенности. В этой связи среди известных побудительных причин, которыми ученые объясняют действия И.В. Сталина летом 1939 г., на мой взгляд, не достает такого мотива как намерение нейтрализовать опасное влияние ОУН на подъем украинского сепаратизма в УССР путем включения в состав СССР тех территорий, где украинцы составляли значительную часть смешанного населения»[264].

А.В. Шубин обращает внимание, что объединение украинского народа произошло в сентябре 1939 года в результате действий Сталина, причем «Сталина подтолкнули к тому, чтобы проводить политику территориального расширения под флагом «решения украинского вопроса», и этот вопрос был в тот момент действительно решен настолько, насколько его можно считать решенным сегодня»[265]. При этом Шубин отмечает, что «преобразования в Западных Украине и Белоруссии проводились с расчетом на национальные чувства большинства и имели внешне демократический характер (что, разумеется, не совпадало с истинным содержанием)»[266].

Стоит отметить, что процессы, сопровождавшие советизацию 1939–1941 гг. Западной Украины и Западной Белоруссии, оказались в центре внимания авторов статей сборника «Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы». Так, Е.Е. Левкиевская подчеркивает, что «с приходом на западноукраинские территории советская власть предприняла целенаправленные усилия для внедрения советской аксиологической модели, подразумевавшей формирование в Галиции типа «советского украинца», и выдавливание из культурного пространства ранее существовавшие элиты (прежде всего польскую и националистическую украинскую)»[267]. В представленных в сборнике статьях, принадлежащих перу российских ученых, подробно рассмотрена деятельность Красной армии среди населения западноукраинских и западнобелорусских земель, кадровая политика

большевиков[268]. Так, О.В. Петровская подчеркивает, что освободительный поход и последовавшие избирательные кампании «проходили под лозунгами освобождения братьев-белорусов, национальные особенности районов не принимались во внимание». Конечно, «видимость национального равноправия в ходе освободительного похода поддерживалась», однако российский ученый подчеркивает «ориентацию армейской пропаганды на белорусское крестьянство»[269]. В другой статье, посвященной проблеме формирования границ Западной Белоруссии в 1939–1940 гг., О.В. Петровская указывает, что «по мере изменения планов советского руководства задача освобождения братьев по классу, которая была возложена на Красную армию в начале похода, все больше фокусировалась лишь на братьях по крови – белорусах и украинцах. Все более актуальной становилась и идея воссоединения этносов»[270]. Выводы, сделанные О.В. Петровской на белорусском материале, могут быть учтены и при рассмотрении украинских реалий. Так, исследовательница пишет: «Целенаправленная кадровая, национальная и социокультурная политика советской власти была направлена на придание западному региону республики этнического белорусского облика. Между тем, изоляция региона не способствовала цели унификации образа жизни и мышления населения Восточной и Западной Белоруссии, которую преследовала советизация»[271].

Российские исследователи также уделяют внимание украинскому вопросу в политике Польши и Чехословакии в межвоенный период. Так, С.В. Ольховский рассматривает «волынский эксперимент» как модель сосуществования польского и украинского общество во II Речи Посполитой: «В Галиции украинское самосознание сформировалось на платформе негативной оценки всего исторического опыта польско-украинских отношений и вооруженной борьбы за создание независимой Украины, при этом относительная непопулярность сепаратистских идей

среди украинцев Волыни давала польской администрации шанс реализации иного сценария – формирования лояльного государству украинского движения»[272]. Большой интерес представляют работы Т.М. Симоновой, посвященные идеям польского прометеизма, предполагавшим руководящую роль Польского государства в Восточной Европе и направленная, главным образом, против России[273].

К.К. Федевич предлагает рассмотреть польско-украинские отношения в Галиции с точки зрения мирного сосуществования и взаимной адаптации. Российский историк доказывает, что польско-украинские отношения в межвоенном польском государстве не сводились к противостоянию, а в значительной мере представляли собой историю мирного сосуществования, взаимодействия и взаимной адаптации. При этом «наивысшего уровня процессы государственной интеграции галицких украинцев в Польше достигли в середине 1930-х гг., когда самые влиятельные политические силы Восточной Галичины Украинское национально-демократическое объединение и греко-католическая церковь присоединились к правящему лагерю Польши и помогали ему в борьбе с польской политической оппозицией в обмен на поддержку лояльных украинских политических, культурных и деловых структур»[274].

Среди работ, посвященных анализу положения восточнославянских земель в составе межвоенной Чехословацкой Республике, следует выделить труды К.В. Шевченко. Рассматривая проблему развития альтернативных этнических идентичностей у восточнославянских народов, исследователь подчеркивает, что «В межвоенный период Карпатская Русь оказалась единственным уцелевшим после Первой мировой войны и распада Российской империи островком, на котором продолжала существовать и развиваться идея общерусского этнокультурного и языкового единства. Если в СССР взгляд на восточных славян как на три отдельных народа – русских, украинцев и белорусов – был принят в

качестве единственно правильного и навязывался всей мощью советской пропаганды и административной системы, то среди карпатских русинов, вошедших в межвоенный период в состав Чехословакии и Польши, сохранялась отвергнутая в СССР идея общерусского единства, а противоборство между различными национальными ориентациями протекало в более естественных условиях»[275].

Несомненный интерес представляет монография А.И. Пушкаша, в которой перипетии внутренней жизни карпатского региона рассмотрены на фоне сложной международной обстановки. Анализируя события 1938–1939 гг., автор приходит к выводу, что внешний фактор оказывал определяющее влияние на события в этом регионе. Так, «перемены в Карпатской Украине в первые месяцы 1939 года проходили под влиянием внешнего фактора – гитлеровской Германии»[276].

Проблемы, связанные с историей, культурой и идентичностью карпатских русинов[277], изучает М.Ю. Дронов. Особое внимание исследователь уделяет роли Греко-католической церкви в процессах формирования этнонациональной идентичности русинов [278]. Исследователь пришел к выводу, что в Карпатском регионе украинская идентичность «являлась дальнейшим развитием ... малорусской идентичности. Под влиянием информации об успехах украинской национальной идеи в других регионах (в частности, в Галиции) переход от малорусскости к украинству трактовался как природный процесс для всех тех, кого еще недавно относили к малороссам»[279]. При этом М.Ю. Дронов отмечает изначальную искусственность и малую популярность малорусской идентичности на южных склонах Карпат.

Таким образом, в современной российской историографии отчетливо проявляются тенденции найти взвешенный, объективный подход к сложным реалиям советской истории 1920–1930-х гг. Попытки разобраться в сложных перипетиях политики большевиков в отношении национальных

республик вообще, и Украины в частности, дают свои положительные результаты. Накопленный отечественными исследователями опыт в изучении данной проблематики уже достаточно обширен и требует сопоставления с конкретным фактическим материалом, накопленным украинскими историками. Такое взаимодействие может значительно продвинуть вперед историографию, обращенную к проблемам Восточной Европы в XX столетии.

Следует подчеркнуть, что до сих пор отсутствуют комплексные исследования политики украинизации, учитывающие происходящие изменения на восточноевропейском пространстве в целом. Проблема украинизации рассматривалась в современной исторической науке лишь применительно к отдельным ее аспектам, в основном – к одному из направлений политики украинизации в УССР, не учитывая при этом общественную жизнь всей страны во всей ее сложности. Сосредоточенность на отдельных явлениях не позволяет оценить картину украинизации во всей ее полноте и многогранности, проследить черты сходства и различия между украинизационной политикой правительств различных государственных образований, например, украинизационными усилиями лидеров Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной Республики, Украинской Державы, Карпатской Украины и политикой, проводимой в УССР или в Волынском воеводстве Польши.

Кроме того, малоизученными остаются проблемы внешнеполитического влияния на процесс принятия курса на украинизацию того или иного правительства, формирования общественного мнения в отношении национальной политики государства, сочетаемости украинизации и интеграционной стратегии государства. В конечном счете, изучение указанных аспектов украинизации поможет

глубже изучить такую актуальную проблему современной науки, как выбор этнополитической стратегии в многонациональном государстве.

Источниковая база

Массивы источников по избранной нами проблематике весьма обширны. В первую очередь, это относится к области советской украинизации. Много документов было опубликовано еще в период существования СССР – документы партийных и советских органов власти, а также отдельных государственных деятелей того времени. Прежде всего, это стенограммы партийных съездов, декреты советской власти, сочинения В.И. Ленина и И.В. Сталина и т.п., были изданы также сборники документов по отдельным направлениям партийной политики (как, например, культурное строительство[280], образование Союза ССР[281] и т.п.) и материалы, относящиеся к области внешней политики[282]. Конечно, опубликованные в советский период документы представляют несомненный интерес для исследователя, но, следует признать, что они далеко не в должной степени отражали подлинную картину национального и культурного строительства в межвоенный период. С началом перестройки в Советском Союзе ситуация стала меняться, и с конца 1980-х стали появляться публикации ранее неизвестных исследователю документов. Первоначально интересные материалы были опубликованы в «Известиях ЦК КПСС»[283], а постепенно, с течением времени стали появляться и самостоятельные сборники документов.

Из опубликованных документов, дающих представление о положении на Украине в 1920–1930-х гг., следует отметить, прежде всего, неизвестные документы В.И. Ленина[284], переписку Л.М. Кагановича с И.В. Сталиным[285], донесения ГПУ И.В. Сталину[286], стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.[287], документы партии и органов госбезопасности о культурной политике в 1917–1953 гг.[288], материалы, касающиеся

создания первых советских учебников по истории[289], журналы записей посетителей, принятых Сталиным в 1924–1953 гг.[290], материалы по истории Бессарабии[291]. Был издан также стенографический отчет Четвертого совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, которое состоялось в июне 1923 г.[292]: он в значительной степени расширяет наши представления о выработке курса на коренизацию, принятым в апреле XII съездом партии. Интересные сборники документов увидели свет в издательстве РОССПЭН, среди них стоит отметить публикацию неизвестных ранее широкому кругу читателей архивных материалов, посвященных советской национальной политике[293], Коминтерну[294], а также украинскому национализму[295].

Активная публикаторская работа ведется и на Украине. Национальной проблематике посвящены многие сборники документов, среди которых стоит отметить «Национальные процессы в Украине. История и современность»[296] и «Украинский язык в ХХ веке: история лингвоцида»[297], «Украинская интеллигенция и власть: сводки секретного отдела ГПУ УССР 1927–1929 гг.»[298]. Заслуживает внимание также публикация документов и материалов, посвященных культурной ситуации на Западной Украине[299], а также истории Академии наук УССР[300]. Были изданы сборники документов по истории УНР и ЗУНР[301], истории Буковины[302], Карпатского региона[303], польско-украинским отношениям[304]. Однако самое большое количество сборников посвящено голоду 1932–1933 гг.[305] Стоит заметить, что украинские специалисты традиционно много внимания уделяют этой проблеме, однако они отнюдь не являются монополистами в данной области. В издательстве РОССПЭН вышли две подготовленные российскими специалистами многотомные публикации о положении в советской деревне, куда вошли документы различных ведомств и организаций, в том числе ОГПУ, НКВД, информационные сводки, справки, доклады спецслужб высшему партийному и

государственному руководству страны, которые раскрывают механизм антикрестьянской политики сталинского руководства[306].

Таким образом, начиная с 1990-х годов, появилось довольно много сборников документов и отдельных документальных публикаций. Однако следует признать, что в настоящее время существует большой массив неопубликованных архивных материалов, не привлекавшийся ранее к исследованию. Прежде всего, это материалы руководящих органов ЦК КП(б)У, хранящиеся в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины (Ф. 1: Центральный комитет компартии Украины). Находящиеся здесь стенограммы съездов и конференций, документы руководящих органов и аппарата ЦК, материалы отделов ЦК, информационные документы обкомов партии раскрывают механизм деятельности партийной системы, процесс выработки решений по проведению украинизационной политики. Для исследования проблемы украинизации важное значение имеют хранящиеся в архиве документы съездов и пленумов ЦК КП(б)У, на которых рассматривался национальный вопрос, материалы Комиссии ЦК КП(б)У по национальному вопросу, Комиссии политбюро по украинизации, протоколы и материалы заседаний политбюро, оргбюро и секретариата, на которых также принимались решения по проблемам украинизации, а также многочисленные справки и записки украинского руководства.

Большое количество сведений об украинизации содержат документы органов советской власти, хранящиеся в Центральном государственном архиве высших органов власти Украины (Ф. 1: Верховный Совет Украины; Ф. 2: Кабинет Министров Украины; Ф. 166: Министерство просвещения Украины). Привлечение документов органов законодательной и исполнительной власти УССР позволяет проследить их действия по претворению в жизнь политики украинизации, выявить, с какими трудностями пришлось столкнуться, какие меры предпринимались для их

преодоления. При украинском Совнаркоме была создана Центральная всеукраинская комиссия по украинизации советского аппарата, а при ВУЦИК – Центральная комиссия по делам национальных меньшинств: переписка и материалы этих комиссий представляют несомненный интерес при исследовании проблемы украинизации.

В упомянутых архивах содержатся и коллекции личных документов партийных и советских деятелей, участников Октябрьской революции, гражданской войны и установления советской власти на Украине, где содержится также немало сведений по интересующей нас теме. Например, интересные материалы содержатся в фонде 4402 Центрального государственного архива высших органов власти Украины, где отложились доклады, отчеты, и материалы к ним В.Я. Чубаря – члена ЦК КП(б)У, долгое время бывшего председателем СНК УССР. Интересные материалы о политическом, экономическом и культурном положении УССР, содержатся в фонде 237 Центрального государственного архива общественных организаций Украины – личном фонде Г.И. Петровского, долгое время являвшимся главой Всеукраинского ЦИК. В фонде 59 этого же архива содержится коллекция воспоминаний участников революционных событий, гражданской и Великой Отечественной войн и социалистического строительства. Здесь, например, хранятся воспоминания Я.С. Блудова (ректора Харьковского госуниверситета, члена президиума ВУАМЛИН), В.Э. Квиринга (сына главы украинских коммунистов 1923–1925 гг. Э.И. Квиринга), там же хранятся любопытные воспоминания одного из участников VII Всеукраинский съезд Советов, Михаила Ильича Смирнова, о процедуре выдвижения делегатов на первый съезд Советов СССР.

В этом же архиве интересные материалы хранятся в фондах 17 (Комиссии по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции на Украине при ЦК КП(б)У) и 5 (Комиссия по истории

гражданской войны при ЦК КП(б)У. В фонде 17, помимо стенограмм 1, III съездов КП(б)У и IV партконференции, копий резолюций пленумов, протоколов заседаний Политбюро, Оргбюро, Зафронтбюро и т.п., хранятся документы УНР, отдельных лиц о политической ситуации на Украине того времени. Среди документов этого фонда находится, например, доклад одного из представителей командования австрийской армии при Украинской Центральной Раде генерал-майора Вальдштетена в Министерство иностранных дел в Вене 16 мая 1918 г. В фонде 5 содержатся рукописи, воспоминания, анкеты участников гражданской войны, а также материалы, относящиеся к событиям того времени: документы УНР и Украинской Державы, наказы и обращения австро-немецкого командования, обращения Киевского комитета КП(б)У и т.д., а также перепечатки из прессы.

Конечно, основной массив архивных источников по истории украинизации содержится в украинских архивах. В то же время российские специалисты также располагают значительным комплексом источников. Большое количество документов, помогающих полнее понять большевистскую политику коренизации, хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Архивные партийные материалы (документы конференций, руководящих и контрольных органов, аппарата ЦК) хранятся в фонде 17 РГАСПИ (Центральный Комитет КПСС). Большой интерес для исследователя национальной политики партии представляют документы пленумов (оп. 2), сектора информации (оп. 21, 26), организационно-инструкторского отдела (оп. 22), оргбюро и секретариата (оп. 116), а также материалы, присланные в ЦК для информации (оп. 87). Кроме того, важные уточнения, касающиеся коренизационной политики, можно сделать, изучая материалы XII и XVII съездов партии (ф. 50, 59). Проблемы, касающиеся

национальной политики, рассматривались на партийных форумах, центральный аппарат проверял исполнение постановлений и указаний ЦК, собирал и анализировал информацию, поступившую от партийных организаций, инструктировал их. Кроме того, отечественный исследователь располагает и официальными документами ЦК КП(б)У: материалы пленумов, политбюро, оргбюро и секретариата ЦК украинской компартии поступал в сектор информации отдела руководящих политорганов ЦК ВКП(б). Привлечение материалов РГАСПИ помогает понять эволюцию политики коренизации вообще и украинизации в частности, взаимоотношения между центром и парторганизацией УССР.

Весьма ценные материалы хранятся также в фондах Л.М. Кагановича (Ф. 81), В.М. Молотова (Ф. 82), Д.З. Мануильского (Ф. 523) в РГАСПИ. В фонде Кагановича содержатся документы 1925–1928 гг., т.е. того периода, когда Лазарь Моисеевич возглавлял компартию Украины. Здесь хранятся его личные письма, заметки, черновики статей и выступлений, докладные записки, подготовительные материалы к заседаниям политбюро ЦК КП(б)У и т.п. В фонде В.М. Молотова хранятся его отчеты о поездках на Украину в 1927–1932 гг. Личные материалы Д.З. Мануильского представляют интерес прежде всего в связи с его пребыванием на Украине в 1920–1922 гг.

В ГАРФ хранятся документы Народного комиссариата по делам национальностей (ф. 1318). Для нашей темы интерес представляют, прежде всего, материалы украинского отдела Наркомнаца, который действовал в 1918–1919 гг. и вел информационную, культурно-просветительскую и агитационную работу среди украинцев, включая военнопленных галичан. Доклады, отчеты, переписка данного подразделения Наркомнаца позволяет представить украинскую политику большевиков во всей ее полноте.

Кроме того, фонды этого архива содержат ценные материалы, касающиеся урегулирования украино-российской границы в середине

1920-х гг. (ф. 5677, 6892). Так, там хранятся протоколы заседаний Административной комиссии и Комиссии по районированию при ВЦИК, протоколы заседаний Комиссии ЦИК СССР по урегулированию пограничных споров и т.д.[307] Наконец, в ГАРФ хранятся документы конспиративной организации Центр действия, которая стремилась к свержению большевистской власти (ф. 5784). Организация была образована в 1920 г. в Париже, организовала свои отделения и в других странах и активно работала до весны 1923 года. Для нашей темы интерес представляют материалы отделения в Киеве, члены которого работали до своего ареста в июле 1923 г.: в своих донесениях они уделяли особое внимание настроению широких кругов населения Украины.

Наконец, важные для исследуемой темы материалы находятся в Российском государственном военном архиве. Это коллекция документов по событиям на Западной Украине 1939 г.: материалы Украинского фронта (ф. 35084) и Политуправления РККА (ф. 9). В сохранившихся докладах, информационных сводках и справках содержатся сведения как о действиях армейских политорганов, так и их наблюдения за настроениями населения на присоединенных к УССР областях.

Документы официальных органов власти дополняют статьи политических лидеров, опубликованные в газетах, журналах и отдельными изданиями. Использование подобных материалов помогает представить, как вырабатывались основные направления политики украинизации, как формировались представления о ее объеме и сроках. Необходимо заметить, что в 1920-е годы велись активные дискуссии по этому поводу: у политики украинизации находились как сторонники, так и противники. Последние, если и не выражали открыто сомнения в необходимости ее проведения, то настаивали на корректировке курса, приводили факты многочисленных «перегибов» и «извращений». Помимо статей В.И. Ленина и И.В. Сталина, Ю. Пилсудского, Р. Дмовского,

Т.Г. Масарика, стоит выделить произведения М.С. Волобуева, Г.Ф. Гринько, В.П. Затонского, Ю. Ларина, Н.А. Скрыпника, А.Я. Шумского, А.А. Хвыли и др.

Большое количество сведений об украинизации содержится в периодической печати – как центральной (журнал «Большевик», газеты «Правда», «Известия»), так и украинской (журнал «Більшовик України» и газеты «Комуніст, «Вісті ВУЦВК», «Пролетарська правда»). Анализ газетных и журнальных публикаций позволяет определить как направление информационного воздействия на общество, так и оценить весь спектр мнений по поводу сроков и объемов украинизации в процессе выработки решений высшими органами власти республики.

При исследовании политики украинизации важное значение принимают источники личного происхождения – мемуары и дневники. Помимо вышеупомянутых воспоминаний, хранящихся в архиве на Украине, были использованы и опубликованные произведения такого рода. Их авторами являются как партийные деятели – Л.М. Каганович[308], Е.Б. Бош[309], так и лица, далекие от большевиков: В.И. Вернадский[310], П.П. Скоропадский[311], И. Кедрин[312], В. Шандор[313], А.А. Гольденвейзер[314], А.И. Деникин[315], Н.М. Могилянский[316], А.С. Мартынов[317], С.А. Ефремов[318], Т.М. Кардиналовская[319], И. Майстренко[320]. Привлечение воспоминаний позволяет реконструировать общую картину событий, проследить личностное отношение к украинизации, ее интерпретацию разными по политическим убеждениям лицами.

Использование такого широкого круга источников поможет реконструировать возможно более целостную картину украинизации, позволяет выявить механизм принятия решений в области национального строительства, степень конкретного участия центральных и местных органов в этой политике, формы и методы контроля за конкретной работой украинских политических деятелей, роль субъективного фактора в

политике. Анализ существующей историографии выявил необходимость раскрытия сущности политики украинизации как метода нациестроительства в восточноевропейском регионе, не ограничиваясь при этом лишь ее культурными аспектами. Рассматривать украинизацию необходимо на широком общеполитическом фоне, с учетом внутренней и внешней политики государства, особенностей экономического, социального и политического развития Восточной Европы в каждый конкретный отрезок времени. Только таким путем возможно преодолеть устоявшиеся стереотипы в оценке украинизации и избежать подмены исторической действительности стандартным набором идеологических клише. Настоящая работа и является такой попыткой дать объективный анализ украинизационных усилий большевистской партии.

Научная новизна исследования

Изучение политики украинизации, направленной на преобразование этнокультурной и этносоциальной ситуации в украинских землях, необычайно важно для понимания общей динамики развития национального строительства в восточноевропейском регионе. Несмотря на обилие литературы по национальной проблематике, ее украинские аспекты в российской науке изучены недостаточно. В то же время активное внимание современного украинского общества к данной проблеме вызывает необходимость реагирования на появившиеся политизированные концепции и предвзятые оценки.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной исторической науке автором осуществлен комплексный анализ концепции украинизации, ее места и роли в становлении украинской государственности, определены этапы украинизации, эволюция ее форм, методов, объема в зависимости от политической ситуации, сложившейся после развала Российской империи и Австро-

Венгрии. В работе реконструированы не отдельные составляющие, а политика украинизации в целом, прослежено ее влияние на развитие национального строительства на украинских землях Восточной Европы. Основу исследования составил широкий круг источников различного происхождения, в том числе архивные документы, ранее не использовавшиеся исследователями.

В диссертации проанализирована деятельность государства по регулированию межнациональных отношений, выявлено влияние национальной политики на восприятие обществом происходивших в стране этнокультурных и этносоциальных изменений. Впервые обобщены и систематизированы данные о восприятии украинизации различными слоями населения, а также ее роль в трансформации социокультурной ситуации в политэтничном регионе, в изменении характера диалога между представителями различных национальностей.

В диссертации впервые поднят вопрос о влиянии на формирование концепции советской украинизации различных теоретических воззрений партийных лидеров о национальной культуре и многонациональном обществе в целом. Анализ дискуссий о развитии национальной культуры в период социализма, в которых участвовали представители большевистской интеллектуальной элиты различного уровня (Д.З. Лебедь, Ю. Ларин, А.Я. Шумский, Н.Г. Хвылевой, В.А. Ваганян и др.) позволил лучше понять, в каких условиях вырабатывались представления о границах и формах украинизации.

Украинизация представлена не как процесс, происходивший исключительно в Украинской ССР, а как составная часть происходивших в Восточной Европе перемен в политической, социальной, культурной сферах. В диссертации прослежена взаимосвязь политики советского государства в области национальных отношений с эволюцией системы управления социокультурной сферой, показано воздействие

унификаторских и централизаторских тенденций 1930-х годов на судьбу украинизационных процессов в республике.

Положения, выносимые на защиту

1. Украинизация представляет собой метод национального строительства, целенаправленный государственный курс по утверждению украинского характера социокультурного пространства той или иной территории путем специальной языковой, культурной и кадровой политики.

2. Украинизация являлась главным направлением внутренней политики формирующихся государств: Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной Республики, Украинской Державы гетмана П.П. Скоропадского, Карпатской Украины. В законченной форме украинизация проводилась на территории Украинской ССР, являлась важнейшей составляющей этнонациональной политики большевиков, ориентированных на укрепление советской власти в республиках путем воздействия на протекавшие там социальные и культурные процессы.

3. Усилия правительственных кругов Польши были направлены на национальную или государственную ассимиляцию восточнославянского населения. В то же время отдельные элементы украинизации применялись в политике волынского воеводы Г. Юзевского. Несмотря на благосклонное временами отношение к украинскому движению в отдельных политических кругах Чехословакии, правительство в Праге политику украинизации на территории Подкарпатской Руси не проводило. Власти Румынии были нацелены на ассимиляцию нерумынского населения, стремясь минимизировать программу сотрудничества с украинским движением.

4. Политика украинизации проводилась в условиях существенных изменений на пространстве Восточной Европы после распада империй в

результате Первой мировой войны. На политику лидеров новых государств в украинском вопросе существенное влияние оказывали их геополитические расчеты, планы по преобразованию недавних территорий Российской империи и Австро-Венгрии.

5. Лидеры УНР, ЗУНР, Украинской Державы и Карпатской Украины стремились поднять статус украинской политики и культуры в Восточной Европе. Для них политика украинизации являлась необходимым условием существования суверенного украинского государства. Однако недолговременность существования формирующихся государств не позволила провести начатые преобразования в полном объеме, и украинизация не смогла принять законченную форму.

6. Большое воздействие на механизмы урегулирования национального вопроса в Восточной Европе после распада Российской империи и Австро-Венгрии оказали позиции советского руководства и польской правящей элиты. Обе стороны были заинтересованы в том, чтобы вовлечь украинские земли в орбиту своего влияния. Для партии большевиков первостепенное значение имело социальное переустройство мира, и советскому украинскому государству отводилась роль «собирателя» украинских земель. Польские же лидеры рассчитывали создать барьер между собою и Россией из независимой Украины.

7. Советская украинизация проводилась в общем контексте строительства социалистических наций и достигла определенных результатов. Большевистское руководство объединило украинские земли в едином государственном пространстве, предприняло меры для развития социальной структуры украинской нации путем создания украинской советской элиты и увеличения численности украинцев в среде рабочих. Протекционистская кадровая и культурная политика приводила к расширению коммуникативной сферы украинского языка, развитию украинской литературы и искусства.

8. Украинизационная кадровая политика использовалась для увеличения круга сторонников линии И.В. Сталина на Украине и была способом инкорпорирования украинской советской элиты в состав общесоюзной элиты. Корректировка украинизации в условиях централизации и унификации общественной жизни 1930-х годов служила цели интеграции советских республик. При этом принципы украинизации продолжали действовать в кадровой политике и коммуникативной сфере.

9. В 1939–1941 гг. принципы советской национальной политики были распространены на присоединенные к УССР земли: интегрирование западноукраинских областей в состав советской республики проходило на основе не только советизации, но и украинизации общественной и культурной жизни региона.

10. После включения в состав II Речи Посполитой земель с украинским населением, польское руководство стремилось добиться их интеграции в составе польского государства. Продемонстрировать возможность польско-украинского диалога должен был «волынский эксперимент» Г. Юзевского, в котором были применены украинизационные принципы, но в ограниченном варианте. Политика Юзевского была нацелена на противодействие советской украинизации, но, в отличие от нее, не была целенаправленным государственным курсом, была не последовательной и, в конечном счете, привела к росту националистических настроений среди украинского населения.

11. В условиях полиэтнического общества как проведение целенаправленной политики украинизации, так и использование отдельных ее элементов вызывало неприятие у сторонников других политических и национальных проектов. Оживленные дискуссии о допустимости украинизации и ее влиянии на межэтнические отношения велись и в Украинской Народной Республики, и в Украинской Державе

гетмана П.П. Скоропадского, и в Украинской ССР, и во II Речи Посполитой в период проведения «волынского эксперимента».

12. Несмотря на то, что политика советской украинизации и «волынский эксперимент» были нацелены на инкорпорирование украинской элиты в элиту общесоюзную (СССР) или общегосударственную (Польша), создание социального слоя, заинтересованного в укреплении своих позиций на региональном уровне, при определенных условиях могло стать потенциально дестабилизирующим фактором для развития единого государства.

Практическая значимость работы

Научные выводы и фактическая составляющая диссертационного исследования могут быть использованы при дальнейшей разработке ключевых проблем истории Восточной Европы. Представленный в работе материал расширяет представления о сущности происходивших в межвоенный период на украинских землях этнонациональных и социокультурных изменений, впоследствии оказавших существенное влияние на развитие украинских земель как в составе Украинской ССР и II Речи Посполитой, так и Украины как независимого государства. Осмысление происходивших в межвоенный период в Восточной Европе процессов позволяет выявить основные тенденции развития общества и государства, чтобы не допустить повторения стратегических неверных решений.

Материал диссертации может быть использован при подготовке обобщающих работ по истории Украины XX века, истории СССР и восточноевропейского региона в целом. Кроме того, он может быть полезен в преподавательской деятельности, в том числе при подготовке учебных пособий.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что положения и выводы диссертации развивают и дополняют существующие представления о методах национального строительства на восточноевропейском пространстве в межвоенный период. Диссертационное исследование решает важную научную проблему – анализ концепции украинизации и ее реализацию в национальном строительстве различных государственных образований, в том числе в УССР в 1920–1930-е годы, которая до сих пор в отечественной исторической науке комплексно не рассматривалась. Изучение политики украинизации позволяет глубже понять природу происходивших изменений в сфере межнациональных отношений, представить сложность происходивших на украинских землях социокультурных процессов, выявить возникшие проблемы в ходе реализации государственной национальной политики, уточнить представления об использовавшихся в национальной политике методах, подходах, инструментах воздействия властных структур на общество. Материалы и выводы диссертации расширяют представления о закономерностях в развитии полиэтнического государства и позволяют выявить механизмы и формы взаимодействия властных структур и населения. Проведенное исследование вносит вклад в развитие таких специальных дисциплин, как историческая политология, история государственного управления и органов власти, этнопсихология, конфликтология.

Степень достоверности и апробация результатов

Достоверность результатов диссертационного исследования достигнута путем применения комплексного подхода к изучению исторических процессов, который включает в себя различные научные методы, основанные на принципах объективности и историзма. Степень достоверности определяется также достаточно представительной,

репрезентативной источниковой и историографической базой. Анализ проведен на основе корректного использования фактического документального материала, сопоставления и критического изучения содержащихся в источнике сведений.

Диссертация подготовлена в Институте славяноведения РАН. Всего по теме диссертации опубликовано 49 работ, из них 19 публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, а также монография «Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы» (М., 2006).

Результаты исследования были представлены на научных конференциях и «круглых столах», проходивших в Институте славяноведения РАН и МГУ им. М.В. Ломоносова. Ключевые положения диссертации легли в основу докладов, сделанных автором на международных научных конференциях, происходивших как в России, так и в Украине и Белоруссии, в том числе на конгрессе Международной ассоциации украинистов, конференции Российской ассоциации украинистов, на Международной научной конференции «История сталинизма. Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы» (2013) и др.[321]

Примечания

[1] *Гринько Г.* Хозяйственные основы советского культурного строительства. Харьков, 1921; *Равич-Черкасский*. История Коммунистической партии Украины. Харьков, 1923; *Яворський М.* Революція на Вкраїні в її головних етапах. Харків, 1923; *Затонский В.П.* Национальная проблема на Украине. Харьков, 1926; *Машкін А*. Освітня політика за доби диктатури пролетаріату. Харків, 1926; *Ряппо Я.П.* Народна освіта на Україні за десять років революції. Харків, 1927; *Приходько А*. Культурне будівництво на Україні (за 1926 та 1926–1927 роки). Харків, 1927; *Годин Д. К.* 10 лет Октябрьской революции и просвещение. Киев, 1927; *Авдієнко М.О.* Народна освіта на Вкраїні. Харків, 1927; *Скрипник М.О.* До теорії боротьби двох культур. Харків, 1928; *Лейтес А., Яшек М.* Десять років української літератури (1917–1927). У 2-х т. Харків, 1928; *Марков В.Н.*

Советская система народного образования УССР: Материалы к истории развития УССР. Саратов, 1928; *Яворський М.* Історія України. в стислому нарисі. Харків, 1928; *Козаченко А.* Десять років книжкової продукції Радянської України: Іст.-стат. начерк. Харків, 1929; *Полоцький О.* Культурна п'ятирічка України. Харків, 1929; *Агуф М.* Преса УСРР до роковин Жовтня. Харків, 1932; *Гірчак Є.Ф.* На два фронти в боротьбі проти націоналізму. Харків, 1932; *Хаїт І.* На педагогічні теми. Харків, 1936; и др.

[2] См., напр.: *Маланчук В.* Історія однієї зради. Львів, 1958; *Карпенко О.* До питання про характер революційного руху в Східній Галичині у 1918 р. // З історії західноукраїнських земель. Вип. 1. Київ, 1957. С. 59–90.

[3] Історія Української РСР. У 2 т. Київ, 1953–1956.

[4] Історія Української РСР. У 2 т. Київ, 1967.

[5] *Яремчук В.П.* Минуле України в історичній науці УРСР післясталінської доби. Острог, 2009. С. 212, 232.

[6] *Слуцький О.Б.* Радянське і культурне будівництво на Україні в перші роки боротьби за соціалістичну індустріалізацію країни (1926–1929 рр.). Київ, 1957.

[7] *Бабій Б.М.* Українська радянська держава в період відбудови народного господарства (1921–1925 рр.). Київ, 1961.

[8] *Слуцький О.Б.* Радянське і культурне будівництво на Україні в перші роки боротьби за соціалістичну індустріалізацію країни (1926–1929 рр.). С. 68.

[9] *Золотоверхий І.Д.* Становлення української радянської культури (1917–1920 рр.). Київ, 1961; *Курносов Ю.О., Бондар О.Г.* У навчанні та праці: Підготовка кадрів інтелігенції в Українській РСР. Київ, 1964; *Гриценко М.* Нариси з історії школи в Українській РСР (1917–1965). Київ, 1966.

[10] *Бачинский П.П.* Деятельность КП(б)У по осуществлению ленинской национальной политики в 1921–1925 гг. Автореф. дисс. … докт. истор. наук: 07.570. Одесса, 1970.

[11] *Шевчук Г.М.* Культурне будівництво в Україні в 1921–1925 роках. Київ, 1963.

[12] *Бабко Ю.В*. Партійне будівництво на Україні у 1933–1937 рр. Львів, 1971.

[13] *Гутянський С.К.* Здійснення ленінських принципів народної освіти. Київ, 1960.

[14] *Грищенко М.М.* Розвиток радянської школи на Україні. Київ, 1958; *Его же*. Ленін і народна освіта в Українській РСР. Київ, 1968; и др.

[15] Розвиток народної освіти і педагогічної науки в Українській РСР (1917–1957). Київ, 1957; *Черкашин Л.* Загальне навчання в Українській РСР (1917–1957). Київ, 1958; *Гриценко М.* Нариси з історії школи в Українській РСР (1917–1965). Київ, 1966.

[16] *Яремчук В.П.* Минуле України в історичній науці УРСР післясталінської доби. С. 135–136.

[17] *Дзюба І.* Інтернаціоналізм чи русифікація. Мюнхен: Сучасність, 1968.

[18] См.: Історія Української РСР: У 8 т. , 10 кн. Т. 6. Київ, 1977.

[19] См.: Великий Жовтень і розквіт возз'єднаного Закарпаття. Матеріали наукової сесії, присвяченої 50-річчю Великої Жовтневої соціалістичної революції. 29 червня – 2 липня 1967 р. Ужгород, 1970; Возз'єднання українських земель в єдиній українській радянській державі – торжество ленінської національної політики КПРС: Матеріали науково-теоретичної конференції, присвяченої 30-річчю возз'єднання Закарпаття з Радянською Україною. 17–18 квітня 1975 р. Ужгород, 1976; и др.

[20] *Цибко О.* Революційно-визвольна боротьба трудящих Західної України за воз'єднання з УРСР. Львів, 1963*; Заболотний І.* Нескорена Волинь. Нарис з історії революційного руху на Волині 1917–1939. Львів, 1964; *Оксенюк Р.Н.* Нариси історії Волині. Соціально-економічний розвиток, революційний та національно-визвольний рух трудящих (1861–1939 рр.). Львів, 1970; *Макарчук С.А.* Этносоциальное развитие и национальные отношения на западноукраинских землях в период империализма. Львов, 1983; *Васюта І.К.* Робітничо-селянський союз у народному фронті Західної України (1935–1939рр.) // Український історичний журнал. 1986. № 9. С. 83–93*; Ковальчак Г.І.* Економічний розвиток західноукраїнських земель. Київ,1988.

[21] *Сливка Ю.Ю.* Західна Україна в реакційній політиці польської та української буржуазії (1920–1939). Київ, 1985.

[22] См., напр.: *Винниченко В.* Відродження нації (Історія української революції). У 3-х част. Київ; Відень, 1920; *Постернак С.* Із історії освітнього руху на Україні за часи революції. 1917–19 рр. Київ, 1920; *Донцов Д.* Підстави нашої політики. Відень, 1921 р.; *Христюк П.* Замітки і матеріали до історії української революції: у 4 т. Прага, 1921–1922; *Лозинський М.* Галичина в рр. 1918–1920. Відень, 1922; *Лозинський М.* З новим роком 1924: Теперішній стан будови Української Держави і задачі західно-українських земель. Женева, 1924; *Назарук О.* До історії революційного часу на Україні: Українські політичні партії, їх союзи і теорії. Вінніпеґ, 1924; *Кучабський В.* Большевизм і сучасне завдання українського Заходу: Національно-політичні замітки. Львів, 1925; *Шаповал М.* Велика революція і українська визвольна програма. Прага, 1928; *Бачинський Ю.* Большевицька революція і українці: критичні заміткі. Берлін, 1928; *Томашівський С.* Десять літ українського питання в Польщі. Львів, 1929;

Левицький К. Великий зрив. Львів, 1931; *Кучабський В.* Україна і Польща. Отверта відповідь польському консерватистові. Львів, 1933; *Галій М., Новицький Б.* Геть маску! Національна політика на радянській Україні в світлі документів. Львів–Прага, 1934; *Ковалевський М.* Україна під червоним ярмом: документи і факти. Варшава–Львів, 1936; *Стахів М.* Демократія, соціалізм та національна справа. Львів, 1936; *Сірополко С.* Історія освіти на Україні. Львів, 1937; *Славинский М.* Национально-государственная проблема в СССР. Париж, 1938; *Назарук О.* Значення партій. Львів, 1939; *Мазепа І.* Україна в огні й бурі революції: 1917–1921: у 3 ч. Прага, 1942–1943; *Мазепинець І.* Правда про наше минуле. Рівне, 1942; *Николишин С*. Культурна політика більшовиків і український культурний процес. Б.м., 1947; *Гармаш Р.* Трагедія Хвильового – трагедія нашого покоління // Вежі (Мюнхен). 1947. № 1. С. 24–34. 1948. № 2. С. 37–47; Правобережний Ф. 8 000 000. 1933-й рік на Україні. Вінніпег, 1951; *Вербицький М.* Найбільший злочин Кремля. Запланований штучний голод в Україні 1932–1933 років. Лондон, 1952; *Соловей Д.* Голгота України. Московсько-більшовицький окупаційний терор в УРСР між першою і другою світовою війною. Вінніпег,1953; *Калиник О*. Що несе з собою комунізм? Документи про російсько-комуністичний терор в Україні. Мюнхен; Торонто, 1954; *Ковалевський М.* Опозиційні рухі в Україні і національна політика в 1920–1954 рр. Мюнхен, 1954; *Maistrenko I.* Borot'bism: A Chapter in the History of Ukrainian Communism. New York, 1954; *Dmytryshyn B.* Moscow and the Ukraine 1918 – 1953: A study of Russian bolshevic nationality policy. New York, 1956; *Пігідо Ф.* Україна під большевицькою окупацією (Матеріали до історії боротьби українського народу в 1920 – 30 роках). Мюнхен, 1956; *Прокоп М*. Україна і українська політика Москви. Мюнхен, 1956; *Крилов І.* Система освіти в Україні (1917–1930 рр.). Мюнхен,1956; *Luckyj Y.* Literary Politics in the Soviet Ukraine. 1917–1934. New York, 1956; *Петров В*. Українські культурні діячі УРСР – жертви більшовицького терору. Нью-Йорк, 1959; *Соловей Д.* Україна в системі совєтського колоніялізму. Мюнхен, 1959; *Kostiuk H*. Stalinist Rule in the Ukraine: A Study of the Decade of Mass Terror (1929–1939). New York, 1960; *Феденко П.* Марксистські і большевицькі теорії національного питання. Мюнхен, 1960; *Гришко В.І.* Москва сльозам не вірить. Трагедія України 1933 року з перспективи 30-річчя (1933–1963). Нью-Йорк, 1963; *Лисий В.* Державний статус УСРР в 1917–1923 роках. Мюнхен–Нью-Йорк, 1963; *Кононенко К.С.* Україна і Росія. Соціально-економічні підстави української національної ідеї. 1917–1960. Мюнхен, 1965; *Юрченко О*. Українсько-російські стосунки після 1917 р. у правовому аспекті.

Мюнхен, 1971; *Галій М.* Організований голод в Україні 1932–1933. Чикаго, Нью-Йорк, 1968; *Кошелівець І.* Микола Скрипник. Мюнхен, 1972; *Чапленко В.* Мовна політика більшовиків (Спроба історичної аналізи). Нью-Йорк, 1976; *Майстренко И.* Национальная политика КПСС в ее историческом развитии. Мюнхен, 1978; *Его же.* Історія комуністичної партії України. Мюнхен, 1979; *Шевельов Ю.* Українізація: радянська політика 1925–1932 років // Сучасність. 1983. Ч. 5 (265). С. 36–57; *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Сучасність, 1987; *Голубенко П.* Україна і Росія у світлі культурних взаємин. Нью-Йорк; Париж, 1987; *Пастернак Є.* Нарис історії Холмщини і Підляшшя: Новіші часи. Вінніпег–Торонто, 1989; *Бойко Ю.* Шлях нації (1943). Париж–Київ–Львів, 1992; *Костюк Г.* Сталінізм в Україні (Генеза і наслідки). Дослідження і спостереження сучасника. Київ, 1995; *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. Київ, 1997.

[23] Книга С. Николишина была написана еще в 1939 г., а опубликована в 1947 г.

[24] Интерес представляет рецензия на книгу В. Чапленко Д.Б. Чопика из университета Юты (The University of Utah): *Чопик Д.Б.* Рец. на кн.: Чапленко В. Мовна політика більшовиків (Спроба історичної аналізи). Нью-Йорк, 1976. // Український історик: журнал українського історичного товариства. № 1–3 (57–59). Нью-Йорк–Торонто–Мюнхен, 1978. С. 179–181.

[25] *Batsell W.R.* Soviet rule in Russia. New York, 1929.

[26] *Deutsher I.* Stalin: A Political Biography. London, 1949; *Carr E.H.* A History of Soviet Russia. Vol. 1: The Bolshevik Revolution, 1917–1923. London, 1950; *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, 1954.

[27] *Fainsod M.* How Russia is Ruled. Cambridge, 1953; *Inkeles A., Bauer R.A.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge; London, 1959.

[28] *Sullivant R.* Soviet Politics and the Ukraine 1917–1957. New York, 1962.

[29] *Subtelny O.* Ukraine: A History. Toronto, 1988.

[30] *Субтельний О.* Україна: історія. Київ, 1991. С. 329.

[31] Там же. С. 330.

[32] Там же. С. 372.

[33] Там же. С. 337.

[34] Там же. С. 367.

[35] *Портнов А.В.* Terra hostica. Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2004. № 4 (36). С. 86.

[36] *Magocsi P.R.* A History of Ukraine. Toronto, 1996.

[37] *Magocsi P.R.* The Shaping of A National Identity: Subcarpathian Rus', 1848–1948. – London–Cambridge, 1978; *Магочій П.-Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994; *Магочій П.-Р.* Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012.

[38] *Плохій С.М.* Якої історії потребує сучасна Україна? // Український історичний журнал. 2013. № 3 С. 7.

[39] *Магочий П.-Р.* Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012. С. V.

[40] Там же. С. 506.

[41] Там же. С. 524.

[42] Там же. С. 549, 553–554, 558.

[43] *Mace J.E.* Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine 1918–1933. Cambridge, 1983.

[44] *Liber G.* Soviet nationality policy, urban growth and identity change in the Ukrainian SSR 1923–1934. Cambridge, 1992.

[45] *Kaiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. New York, 1994.

[46] *Suny R.G.* The Soviet Experiment: Russia, the USSR and Successor States. New York, 1998; *Suny R.G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

[47] *Malia M.* The Soviet Tragedy: a History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1996.

[48] *Шпорлюк Р.* Імперія та нації (з історичного досвіду України, Росії, Польщі та Білорусі). Київ, 2000.

[49] *Brandenberger D.* National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, 2002; *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.

[50] *Yekelchyk S.* Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. Toronto, 2004; *Єкельчик С.* Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008.

[51] *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca and London, 2001**;** *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М, 2011.

[52] *Snyder T.* Sketches from a Secret War. A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine. New Haven, 2005; *Snyder T.* Tajna wojna. Henryk Józewski i polsko-sowiecka rozgrywka o Ukrainę. Kraków, 2008. См. также рецензию на книгу Т. Снайдера: *Борисёнок Ю.* Романтик с Андреевского спуска // Родина. 2009. № 5. С. 47–50.

[53] *Chojnowski A.* Ukraina. Warszawa, 1997; *Olszański T.A.* HistoriaUkrainy XX w. Warszawa, 1995. S. 145; *Paruch W.* Od konsolidacji państwowej do konsolidacji narodowej: mniejszości narodowe w myśly politycznej obozu pilsudczykowskiego (1926–1939). Lublin, 1997. S. 202–203.

[54] *Chojnowski A.* Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939. Wrocław, 1979.

[55] *Tomaszewski J.* Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 1985.

[56] *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989.

[57] *Mironowicz E.* Białorusini I Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok, 2007. S. 152.

[58] *Mędrzecki W.* Województwo Wołynskie. 1921–1939. Elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych. Wrocław, 1988*; Kęsik J.* Zaufany Komendanta. Biografia polityczna Jana Henryka Józewskiego 1892–1981. Wrocław, 1995.

[59] *Mędrzecki W.* Województwo Wołyńskie 1921–1939: Elementy przemian cywilizacyjnych, spo łecz nych i politycznych. S. 147–148.

[60] Ibidem.

[61] *Mędrzecki W.* Inteligencja polska na Wołyniu w okresie międzywojennym. Warszawa, 2005. S. 212–213.

[62] *Kęsik J.* Zaufany Komendanta. Biografia polityczna Jana Henryka Józewskiego 1892–1981. S. 89.

[63] Ibid. S. 90.

[64] *Staweski P.* Polityka wolyńska Henryka Józewskiego w świetle nieznanych źrodeł z lat 1935–1936 // Przęgląd Wschodni. 1997. T. 4. Z. 1 (13). S. 179–209.

[65] *Zaporowski Z.* Wołyńskie Zjednoczenie Ukraińskie. Lublin, 2000. S.109, 157.

[66] Об историографии этой проблемы см.: *Великочий В.С.* Українська історіографія суспільно-політичних процесів у Галичині 1914–1919 рр. Івано-Франківськ, 2009; *Капелюшний В.П.* Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольнихзмагань(1917–1921рр.). Київ, 2003; *Радченко Л.О.* Сучасна історіографія національно-демократичноїреволюції в Україні 1917–1920 років. Харків, 1996; *Солдатенко В.Ф.* Українська революція: Концепція та історіографія. Київ, 1997; *Солдатенко В.Ф.* Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.). Київ, 1999; Українська революція і державність (1917–1920 рр.): наук.бібліогр. вид. Київ, 2001.

[67] *Майборода В., Майборода С.* Національні школи України: історія, розвиток, уроки // Рідна школа. 1992. № 5–6. С. 3–9; *Майборода В.К.* Вища педагогічна освіта в Україні: історія, досвід,уроки (1917–1985 рр.). Київ, 1992; *Розовик Д.Ф.* Центральна Рада й українська культура // Український істор. журн. 1993. № 2–3. С. 17–28; *Тхоржевський Д., Вихрущ А.* Трудова політехнічна школа: міфи і реальність (1917–1945 рр.). Київ, 1994; *Вовк Л.П.* Історія освіти дорослих в Україні: Нариси. Київ, 1994; *Філоненко С.М.* Освітня політика українських урядів у 1917–1920 рр. // Педагогіка і психологія. 1995. № 2. С. 156–163; *Слюсаренко А.Г., Пижик А.М.* Проблеми шкільної освіти за Директорії УНР // Вісник Київського університету імені Тараса Шевченка. Історія. 1996. Випуск 34. С. 136–146; *Зубалій О., Ященко Д.* Освітній рух в добу національно-державного відродження // Український істор. журн. 1998. № 3. С. 12–23; *Завальнюк О.М., Телячий Ю.В.* Будівництво української загальноосвітньої школи в роки національно-демократичної революції (1917–1920): Іст. нарис. Кам'янець-Поділ., 2001; *Розовик Д.Ф.* Українське культурне відродження в роки національно-демократичної революції (1917–1920). Київ, 2002; *Янковська О.В.* Культурне життя в Україні у період національно-демократичної революції (1917–1920 рр.) // Український історичний журнал. 2005. № 2. С. 105–118; *Даниленко В.М., Завальнюк ОМ., Телячий Ю.В.* Освіта України в роки національно-демократичної революції (1917–1920): з хроніки подій. Кам'янець-Поділ., 2005; *Лебідь І.* Управління процесом українізації початкової освіти (1917–1920 рр.) // Освіта і управління. 2006. № 3–4. С. 206–213; *Боровик А.М.* Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). Чернігів, 2008; *Купрійчук В.М.* Політика культурного розвитку в історії українського державотворення (1917–1920 рр.) // Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. 2011. Вип. 1. С. 197–204; *Купрійчук В.М.*

Розвиток освітніх процесів у період Української національної революції 1917–1920 років // Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. 2011. Вип. 2. С. 205–212; *Купрійчук В.М.* Доба Центральної Ради УНР: від мовної українізації до українознавчого змісту освіти // Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. 2012. Вип. 1. С. 16–25.; *Купрійчук В.М.* Становлення національної шкільної освіти як напрям гуманітарної політики в добу української національної революції (1917–1920рр) // Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. 2012. Вип. 2. С. 179–188; *Маньківська Т.О.* Українізація шкіл і вчительство на Слобожанщині у 1917–1918 рр. // Наука. Релігія. Суспільство. 2012. № 4. С. 41–45; *Купрійчук В.М.* Вплив товариств «Просвіта» на державотворчі процеси гуманітарного розвитку доби української національної революції (1917–1920 рр.) // Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. 2013. Вип. 1. С. 179–188; и др.

[68] См., напр.: *Шевченко В.Ф.* Директорія: спроба поновлення українізації // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. 2008. Вип. XXIV. С. 124–131; *Его же.* Процеси українізації революційної доби та гетьманат Павла Скоропадського // Національна та історична пам'ять: зб. наук. пр. Київ: ДП НВЦ «Пріоритети», 2013. Вип. 7. С. 267–276; и др.

[69] *Розовик Д., Мазур В.* Перші кроки національної школи. Про освітянський аспект у діяльності Української Центральної Ради // Наука і суспільство. 1993. № 2. С. 18–22. См. также: *Розовик Д.Ф.* Центральна Рада й українська культура // Український історичний журнал. 1993. № 2. С. 17–28; *Его же.* Деякі аспекти українізації державно-адміністративної системи та громадського життя України (1917–1920 рр.) // Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України: науково-практичний збірник. № 4 (28). Київ, 2004. С. 247–253.

[70] Рання історія Академії Наук України (1918–1921) / Під ред. Ю. Храмова, В. Кучмаренко та ін. Київ, 1993; Сохань П., Ульяновський В., Кіржаєв С. М.С. Грушевський і ACADEMIA. Ідея, змагання, діяльність. Київ, 1993; Правовий статус Академії наук України: історія та сучасність / Під ред. Ю. Шемшученка. Київ, 1999; Національна академія наук України. 1918–2008: до 90-річчя від дня заснування. Київ, 2008.

[71] Нариси історії української інтелігенції: Перша половина ХХ ст.: У 3-х кн. / Під ред. Ю.О. Курносова, С.І. Білоконя та ін. Київ, 1994.

[72] См., напр.: *Ротар Н.Ю.* Діяльність українських національно-демократичних урядів в

галузі освіти (1917–1920 рр.): Дисс. … канд. іст. наук: 07.00.01. Чернівці, 1996; *Машевський О. П.* Політика уряду гетьмана П. Скоропадського в галузі освіти, науки, мистецтва (квітень–грудень 1918 р.): Дисс. … канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 1997; *Пижик А.М.* Культурно-освітня політика в добу Директорії УНР (1918–1920 рр.): Дисс. … канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 1998; *Передерій І.Г.* Становлення основ національної системи освіти в Україні за доби Центральної Ради (березень 1917 р. – квітень 1918 р.): Дисс. … канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 1998; *Агафонова Н.В*. Становлення національної системи освіти в Україні: 1917–1920 рр.: Дисс. … канд. іст. наук: 07.00.01. Одеса, 1998; *Сорочан Н.А.* Формування системи управління освітою в україні за доби Центральної ради: Дисс. … канд. іст. наук: 07.00.01. Харків, 1998; *Телячий Ю.В.* Реформа української загальноосвітньої школи в роки національно-демократичної революції (1917–1920 рр.): Дисс. … канд. іст. наук: 07.00.01. Чернівці, 2000; *Богуславська В.Г.* Народна освіта в добу національно-демократичної революції 1917–1920 рр.: Дисс. … канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2001; *Кравченко А.А.* Українська загальноосвітня середня школа в період визвольних змагань (1917–1920 рр.): Дисс. … канд. іст. наук: 07.00.01. Запоріжжя, 2002; *Марчук М.В.* Освіта України в роки національного відродження (1917–поч. 1930-х рр.): Дисс. … канд. іст. наук: 07.00.01. Івано-Франківськ, 2003; *Боровик А.М.* Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). Дисс. ...докт. іст. наук: 07.00.01. Харків, 2005 и др.

[73] См., напр.: *Литвин М., Науменко К.* Історія ЗУНР. Львів, 1995; *Литвин М.* Українсько-польська війна 1918–1919 рр. Львів, 1998.

[74] *Тищик Б.Й.* Західна Українська Народна Республіка (1918–1923). Історія держави і права. Львів, 2004; *Кобилецький М.* Утворення та структура державного апарату ЗУНР. Львів, 1998; *Шологон Л.* Освітні процеси в Західно-Українській народній республіці (1918–1919 рр.) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 18: Західно-українська народна республіка: До 90-річчя утворення. Львів, 2009. С. 240–248; *Купрійчук В.М.* Нормативно-правове забезпечення розвитку гуманітарної політики Західноукраїнської Народної Республіки (листопад 1918–1919 рр.) // Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. 2012. Вип. 4. С. 219–226; и др.

[75] *Шевченко В.Ф.* Процеси українізації революційної доби та гетьманат Павла Скоропадського. С. 267.

[76] *Янковська О.В.* Культурне життя в Україні у період національно-демократичної революції (1917–1920 рр.). С. 105.

[77] Там же.

[78] *Шевченко В.Ф.* До питання про українізацію доби визвольних змагань і відродження національної державності та соборності (1917–1921 рр.) // Україна у світовій історії. 2014. № 4. С. 111–112.

[79] *Пиріг Р.Я.* Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. Київ, 2011. С. 121.

[80] *Пиріг Р.* Національна політика Української гетьманської держави (квітень–грудень 1918 р.) // Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 135.

[81] Там же.

[82] *Боровик А.М.* Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). С. 288.

[83] Нариси історії Закарпаття / Ред. Гранчак І., Болдижар М. Т. ІІ: 1918–1945. Ужгород, 1995; *Вегеш М.М.* Карпатська Україна. Документи і факти. Ужгород, 2004; *Вегеш М., Задорожний В.* Велич і трагедія Карпатської України: історико-популярний нарис. Ужгород, 1993; *Вегеш М., Гиря В., Король І.* Угорська іредента на Закарпатті між двома світовими війнами (1918–1939 рр.). Ужгород, 1998; *Болдижар М., Болдижар С.* Державність на Закарпатті: події, факти, оцінки. Ужгород, 2003; Закарпаття в етнополітичному вимірі. Київ, 2008; Закарпаття 1919–1920 років: історія, політика, культура. Ужгород, 2010; и др.

[84] *Лемак В.* Карпатська Україна 1938–1939 років: державно-правовий аспект. Ужгород, 1993. С. 29–31.

[85] См.: Історія Волині. ХХ – початок ХХІ ст.: краєзнавчий бібліографічний покажчик. Луцьк, 2011.

[86] *Крамар Ю. В.* Політика державної асиміляції на Волині (1928–1938 роки): Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.02. Луцьк, 1998; *Его же.* Національні меншини в політиці воєводської адміністрації Г. Юзевського на Волині: (1928–1938 рр.) // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. 2000. № 1: Іст. науки. С. 83–88; *Его же.* Освітня політика воєводської адміністрації Г. Юзевського на Волині // Зб. навч.-метод. матеріалів і наук. ст. іст. ф-ту Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки. Вип. 5. Луцьк, 2000. С. 97–102; *Его же.* Політика польської адміністрації щодо національних меншин на Волині у

міжвоєнний період // Друга світова війна і доля народів України: матеріали 2-ї Всеукр. наук. конф. Київ, 2007. С. 332–342; *Его же.* Проблема неоунії на Волині у міжвоєнний період // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. 1998. № 1: Іст. науки. С. 68–73; *Его же.* Реалізація земельної реформи у Волинському воєводстві адміністрацією Г. Юзефського (1928–1938) // Минуле і сучасне Волині. Олександр Цинкаловський і край : матеріали IX наук. іст.-краєзн. міжнар. конф. Луцьк, 1998. С. 253–257; *Его же.* Рух за українізацію православної церкви на Волині у міжвоєнний період // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Л. Українки. 2002. № 3. С. 126–132; *Его же.* Українське початкове шкільництво на Волині у 1921–1926 роках // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. Луцьк, 1997. № 3: Історія. С. 43–46; *Его же.* Участь українських політичних партій у парламентських виборах 1930 року на Волині // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. 2007. № 1: Іст. науки. С. 198–204; *Его же.* Політика воєводи Г. Юзевського стосовно української кооперації на Волині у міжвоєнний період // Український селянин: зб. наук. пр. Вип. 8 Спеціальний: Матеріали V Всеукраїнського симпозіуму з проблем аграрної історії. Черкаси, 2004. С. 240–244; *Его же.* Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області) // Архіви України. 2013. № 3. С. 115–126.

[87] *Крамар Ю.В.* Політика державної асиміляції на Волині (1928–1938 роки). Автореф. дисс. … канд. іст. наук: 07.00.02. Львів, 1998. С. 16.

[88] *Кучерепа М., Давидюк Р.* ВУО: Волинське українське об'єднання: (1931–1939 рр.). Луцьк, 2001; *Давидюк Р.* Розмежування Західної Волині та Східної Галичини як складова «волинського експерименту» Генрика Юзевського // Сучасна українська держава: історичні імперативи становлення, тенденції та проблеми розвитку. Київ, 2006. С. 498–509.

[89] *Кучерепа М., Давидюк Р.* ВУО: Волинське українське об'єднання: (1931–1939 рр.). С. 26–38.

[90] *Скакальська І.Б.* Політико-соціальні виміри та етнокультурні трансформації української еліти Західної Волині 1921–1939 рр. Тернопіль, 2013.

[91] *Skakalska I., Shvalyuk I.* Национальная элита Западной Волыни межвоенного периода XX века: источники формирования // Zeszyty Naukowe Ostrołęckiego Towarzystwa Naukowego. 2013. № 27. S. 614.

[92] *Грицак Я.* Страсті за націоналізмом: стара історія на новий лад Есеї. Київ, 2011. С. 203.

[93] Там же. С. 201–202.

[94] В современной украинской историографии проблема украинизации используется в спекулятивных целях. Школьные учебники истории включены в систему идеологического воздействия на население страны: сложные перипетии гражданской войны трактуются с точки зрения борьбы большевистской России против Украины, а центральным событием советского периода является голод 1932–1933 гг., представленный как голодомор – геноцид украинского народа.

Курс на украинизацию интерпретируется как вынужденная мера, принятая исключительно под давлением национальной борьбы украинского народа. Так, в учебнике Ф.Г. Турченко говорится: «Опыт гражданской войны свидетельствовал, что без удовлетворения минимума национальных потребностей украинского народа судьба большевизма в республике всегда будет под угрозой» (*Турченко Ф.Г.* Новітня історія України. Час. 1: 1914–1939. Підруч. для 10-го кл. серед. загальноосвіт. навч. закл. Вид. 3-е, виправл. та допов. Київ, 2003. С. 240). При этом «уже с конца 20-х годов сталинский режим начал быстро сворачивать украинизацию, возвращаясь к великодержавной ассимиляторской политике, которую столетиями осуществляла царская администрация» (с. 296). В учебнике Е.И. Пометун подчеркивается, что «московский центр рассматривал украинизацию как вынужденный шаг и временную уступку ради укрепления советской власти на местах. Достигнув этого, партийное руководство начало со второй половины 20-х годов сводить на нет украинизацию и в начале 30-х годов ее прекратили» (*Пометун О. І., Н.М. Гупан.* Історія України : підруч. для 10 кл. загальноосвіт. навч. закл.: рівень стандарту, академічний рівень. Київ, 2012. С. 195). Учебные программы 2016 года по истории, по-видимому, будут характеризоваться отчетливой антироссийской направленностью.

[95] *Ткачова Л.І.* Інтелігенція радянської України в період побудови основ соціалізму. К., 1985; *Галенко О.І.* Історія культурного будівництва в Українській РСР 1921–1941 рр. у документальних публікаціях // Український історичний журнал. 1986 . №8 . С. 42–50; *Лозицький В.С.* Політика українізації в 20–30-х роках. Історія, проблеми, уроки // Український історичний журнал. 1989. № 3. С. 46–55; *Курносов Ю.О.* Духовне життя на Україні в 20-30-ті рр. // Український історичний журнал. 1990. №1. С. 83–99; *Дашкевич Я.Р.* Українізація: Причини і наслідки // Слово і час. 1990. № 8 С. 55–64; *Бурлака С.І.* Українізація і партапарат (перша половина 20-х років) // Трибуна. 1991. №5. С. 28–29.

[96] *Даниленко В.М. Касьянов Г.В., Кульчицький С.В.* Сталінізм на Україні: 20–30-ті роки. - Київ, 1991.

[97] *Касьянов Г.В.* Українська інтелігенція 1920-х – 1930-х років: соціальний аспект та історична доля. Київ, 1992.

[98] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ, 1996.

[99] См., напр.: Нариси історії української інтелігенції (перша половина XX ст). / С.І. Білокінь, О.Д. Бойко, Г.С. Брега, інш. ; Відп. ред. Ю.О. Курносов. У 3 кн. Київ, 1994; *Комаренко Т.О., Шипович М.А.* Влада і мистецька інтелігенція Раддянської України; 20-ті роки XX ст. Київ, 1999.; *Кузьменко М.М.* Науково-педагогічна інтелігенція в УСРР 20–30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. Донецьк, 2004; *Бачинський Д.В.* Українізація 1920-х – початку 30-х років та інтелігенція: навч. посіб. Чернівці, 2009; и др.

[100] См. напр.: *Виговський М.Ю.* Номенклатура системи освіти в УСРР 1920-1930-х років: соціальне походження, персональний склад та функції. Київ, 2005; *Лозицький В.С.* Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991). Київ, 2005; *Дорошко М.С.* Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.). Київ, 2008. и др.

[101] См., напр.: *Новохатько Л.М.* Національний аспект доктрини «соціалістичної реконструкції»: спроба історико-теоретичного переосмислення. Київ, 1997; *Новохатько Л.М.* Проблеми соціально-економічного і культурного розвитку України в контексті національної політики (20–30-ті рр. XX ст.). Київ,1998. и др.

[102] См., напр: *Кручек О.А.* Становлення державної політики УСРР у галузі національної культури (1920–1923 рр.). Київ, 1996; *Бондарчук П.М.* Національно-культурна політика більшовиків в Україні на початку 1920-х років. Київ, 1998; *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо Радянської України (1932–1938) . Київ, 2001; и др.

[103] См., например: *Цвілюк С.А.* Українізація України: тернистий шлях національно-культурного відродження доби сталінізму. Одеса, 2004. 200 с. Вид 2-ге, переробл. й доп. Одеса, 2009.

[104] Напр.: *Нестеренко В.А.* Українізація на Поділлі у 20–30-х роках XX сторіччя : основні напрями, наслідки, недоліки та особливості. 2. вид., доп. та виправл. Кам'янець-Подільський, 2003.

[105] Напр.: *Мельниченко В.Е.* Раковский против Сталина. М., 1991; *Мельниченко В.* Християн Раковський: невідомі сторінки життя і діяльності. Київ, 1992;

Солдатенко В.Ф. Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. Київ, 2002; *Лозицький В.С.* Бунтівник. Життя і смерть Миколи Хвильового: іст.-біогр.-публіцист. нарис. Київ, 2009; и др.

[106] *Чирко Б.В.* Національні меншини в Україні (20–30 роки XX століття. Київ, 1995; *Рафальський О.О.* Національні меншини України у XX столітті: Історіографічний нарис. Київ, 2000; *Орлянський В.С.* Євреї України в 20-ті – 30-ті роки XX сторіччя: соціально-політичний аспект. Запоріжжя, 2000; *Місінкевич Л.Л.* Єврейська і польська національні меншини Поділля (20–30-ті рр. XX століття). Київ, 2001; *Рябошапко Л.І.* Правове становище національних меншин в Україні (1917–2000). Львів, 2001; *Якубова Л.Д*. Етнічні меншості УСРР у першій половині 20-х років XX ст. Київ, 2002; *Якубова Л.Д.* Соціально-економічне становище етнічних меншин в УСРР: 20-ті – початок 30-х років XX ст. Київ, 2004; *Якубова Л.Д*. Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і – перша половина 30-х рр. XX ст. Київ, 2006; *Калакура О.Я.* Поляки в етнополітичних процесах на землях України у XX столітті. Київ, 2007; *Якубова Л.Д.* Етнічні меншини УСРР і влада: динаміка соціально-економічних, політичних і культурних перетворень (1921–1935 рр.). Дис... докт. іст. наук: 07.00.01. Київ, 2007; *Ее же.* Повсякденне життя етнічних меншин радянської України у міжвоєнну добу. Київ, 2011; *Мануілова К.В.* Політика коренізації в південно-західних національно-адміністративних районах УРСР (1923–1939 рр.). Одеса, 2013; *Рубльов О.С, Якубова Л.Д.* Органи етнополітичного регулювання в контексті політики коренізації: український досвід. Київ, 2014; и др.

[107] Одна из ведущих специалистов по истории национальных меньшинств в УССР Л.Д. Якубова пишет, что среди самых заметных работ последнего времени по проблеме русских следует назвать диссертацию Н.Г. Малярчук. (*Малярчук Н.Г.* Росіяни в Донбасі (20 – 30 рр. XX ст.). Дисс. ...канд. ист. наук: 07.00.01. Донецьк, 2006; *Малярчук Н.Г.* Росіяни в Донбасі (20–30 рр. XX ст.): монографія. Донецьк, 2011). См.: *Якубова Л.Д.* Вітчизняна історіографія історії етнічних меншин УСРР: напрямки досліджень, здобутки, перспективи // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 17. Київ, 2007. С. 384, 388.

[108] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003; Політика коренізації в радянській Україні (1920–30-і рр.). Науково-допоміжний бібліографічний покажчик. Київ, 2003.

[109] *Криворучко О.І.* Проблема взаємодії сільської та міської культур в УСРР в 20-х роках: історичний аспект. Дисс. ...канд.іст. наук: 07.00.01. Київ,1994; *Кукса Н. Г.* Культурно-освітній розвиток українського селянства в період українізації. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Черкаси, 2005.

[110] *Васильчук Г.М.* Українізація вищих органів державної влади та управління УСРР (20-ті роки). Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 1994.

[111] *Бондарь О.М.* Українізація та національні формування у військах УВО у 1922–1935 роках. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Одеса,1996.

[112] *Чернявська С.М.* Впровадження української мови в систему освіти 1923–1932 рр. Дисс. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Харків, 2003; *Ніколіна І.І.* Загальноосвітня школа України в контексті суспільно-політичного життя 20-х – початку 30-х рр. XX ст. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Чернівці, 2007.

[113] *Тарапон О.А.* Становище та діяльність літературно-мистецької інтелігенції України в умовах українізації (1923р. – початок 1930-х рр.). Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 1999.

[114] *Бондарчук П.М.* Профспілки УСРР як об'єкт і суб'єкт політики українізації (1920-ті рр.). Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 2000; *Бондарчук П.М.* Політика українізації і профспілки УСРР (1920-і рр.). Київ, 2002.

[115] *Нестеренко В.А.* Національні відносини на Поділлі в 20–30-ті роки XX століття. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Чернівці, 1998; *Богінська І.В.* Педагогічні кадри Донбасу і політика українізації (1920–1930-ті рр.). Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2000; *Обидьонова О.В.* Національні меншини Донбасу в 20–30–ті роки XX століття. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2000; *Колісник К.Е.* Проведення політики українізації на Харківщині в 1923–1932 рр. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2001; *Місінкевич Л.Л.* Національні меншини Поділля в 20–30–х рр. XX ст. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 2000; *Стремецька В.О.* Політика українізації на Півдні України у 20–30–ті роки XX ст. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2001; *Нечипоренко З.В.* Регіональні особливості політики коренізації (українізації) в УСРР. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Черкаси, 2006; *Рожкова Л.І.* Здійснення політики українізації на Лівобережній Україні в 20-х – на початку 30-х рр. XX ст. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 2006; *Сергієнко С.Ю.* Специфіка процесу українізації 20–30-х рр. XX ст. у Донбасі. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Луганськ, 2011; *Ісакова І.А.*

Співпраця УСРР та РСФРР у здійсненні українізації на Кубані (1923–1933 рр.). Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Черкаси, 2014 и др.

[116] См.: *Коцур В.П.* Історичні дослідження: упереджені та обє́ктивні оцінки (соціальні зміни і політичні процеси в Україні 1920–30-х рр.: Історіографія. Київ, 1998; *Ващенко І.В.* Національне відродження 20-х років в Україні в історичній літературі кінця 50-х-середини 80-х рр. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць молодих вчених. Харків, 1998. С. 36–39; *Его же.* Українське національне відродження 1920-х рр.: спроба переосмислення радянською історіографією середини 80-х – початку 90-х років XX ст. // Збірник наукових праць Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди: Серія історія та географія. Харків, 1999. Вип. 3. С. 3–11; *Его же.* Спроба національної реформи 20-х років у поглядах її сучасників // Четверта міжрегіональна науково-практична конференція. Концепція формування законодавства України (листопад 1999 р.). Запоріжжя, 2000. С. 44–50; *Его же.* Проблема політики українізації в історичній літературі після 1991 року // Збірник наукових праць Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди: Серія історія та географія. Харків, 2000. Вип. 4. С. 113–122; *Его же.* Українізація в історіографії середини 1930 – початку 1950-х рр. // Збірник наукових праць Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди: Серія історія та географія. Харків, 2000. Вип. 5. С. 36–43; *Его же.* Історіографія 50-х - середини 70-х рр. про культурне будівництво в Україні 1920-х – початку 30-х рр. // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. Історія. Харків, 2000. Вип. 32. С. 211–218; *Его же.* Політика українізації 1920-х – початку 1930-х років в Україні: проблеми історіографії. Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01. Дніпропетровськ, 2001; *Якубова Л.Д.* Етнічні меншини УСРР у 20-і – першій половині 30-х років XX ст.: історіографія та джерела дослідження Київ, 2006; *Васильчук Г.М.* Другий «неп»: сучасна історіографія теорії та історії політики українізації в УСРР // Науковий вісник Ужгородського національного університету. 2007. С. 150–154; *Васильчук Г.М.* Зарубіжна історіографія політики українізації 20–30-х рр. в УРСР // Вісн. Київ. славіст. ун-ту. Серія: історія. 2007. Вип. 32. С. 186–195; *Нечипоренко З.В.* Регіональні особливості політики коренізації (українізації) в УССР: сучасний стан та перспективи вивчення // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя. Вип. 21. 2007; *Васильчук Г.М.* Радянська Україна 20–30-х рр. XX ст.: сучасний історіографічний дискурс. Запоріжжя:

Запорізький національний університет, 2008; *Марискевич Т.* Історіографія поняття «українізація» // Всеукраїнський науковий журнал Мандрівець. 2010. № 5. С. 33–35, 394–396; и др.

[117] *Кульчицький С.В.* Першопочатки радянської українізації // Світогляд. 2011. № 4. С. 64.

[118] Там же.

[119] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 5.

[120] *Кузьменко М.М.* Науково-педагогічна інтелігенція в УСРР 20–30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. С. 96.

[121] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). С. 380.

[122] *Даниленко В.М.* «Українізація» 1920-х рр. і сьогодення // Другий міжнародний конгрес україністів. Львів, 22–28 серпня 1993 р. Львів, 1994. С. 67.

[123] *Даниленко В.М.* Згортання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. Вип. 2. Київ, 1996. С. 98.

[124] *Верменич Я.В.* Здійснення українізації у 20–30-х роках: політичні і культурні проблеми: Автореф... дисс. канд. іст. наук // Київ. ун-т ім. Т.Шевченка. Київ, 1993. С. 4

[125] *Касьянов Г.В.* Українська інтелігенція 1920-30-х років: соціальний портрет та історична доля. С. 70.

[126] *Васильчук Г.М.* Причини та мета українізаційної кампанії на Україні (II десятиріччя 20 ст.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. 2004. Вип. 18. С. 193.

[127] *Солдатенко В.Ф.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. С. 142.

[128] Там же. С. 145.

[129] Історія України / Ю.Д. Зайцев, В.М. Баран, Л.В. Войтович та ін. 3-є вид. Львів, 2002. С. 272–273.

[130] *Даниленко В.М., Бондарчук П.М.* Рец. на кн. Солдатенко В.Ф. Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. Київ, 2002 // Український історичний журнал. 2003. № 3. С. 155–156.

[131] *Кульчицкий С.В.* У площині державного співіснування. Радянська Україна і Радянська Росія: відносини між першою і другою світовими війнами // Політика і час. 1996. № 5. С. 62.

[132] Історія України / В.Ф. Верстюк, О.В. Гарань, О.І. Гуржій та ін. Під ред. В.А. Смолія. Вид. 3-є доп. Київ, 2002. С. 301–302; «Українізація» 20–30 років: передумови, здобутки, уроки. С. 6–7.

[133] См.: *Кузьменко В.Б.* Міжнаціональні відносини в Радянській Україні (1917–1939 рр.): правові аспекти. Одеса, 2009.

[134] *Дорошко М.С.* Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.). С. 289.

[135] *Антонюк О.В.* Етнополітика в Україні; історія та сучасний стан // Український історичний журнал. 1999. № 4. С. 15.

[136] *Ізюмов В.І.* Проблема української державності у 20-ті роки ХХ ст. (історіософічний та політологічний аспекти) // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Випуск VIII. Запоріжжя,1999. С. 75.

[137] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). С. 380–381.

[138] *Кульчицький С.В.* Зміст радянської українізації 20-х років // Сучасність. 1998. № 9. С. 70.

[139] *Кульчицький С.В.* Український Голодомор в контексті політики Кремля початку 1930-х рр. Київ, 2014. С. 27.

[140] *Рубльов О.С, Якубова Л.Д.* Органи етнополітичного регулювання в контексті політики коренізації: український досвід. С. 48–49.

[141] *Шаповал Ю.И.* ҐПУ–НКВД як інструмент антиукраїнізації в 20–30–ті роки // Український історик. 1995. № 1–4. С. 57–72.

[142] *Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В.* Сталінізм на Україні. 20–30-ті роки. С. 250.

[143] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 19.

[144] *Кульчицький С.В.* Сталінська «революція згори» // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 22. Київ, 2013. С. 119.

[145] *Цвілюк С.А.* Українізація України: Тернистий шлях національно-культурного відродження доби сталінізму. Одеса, 2004. С. 14.

[146] Там же. С. 13.

[147] *Букач В.М.* Политика украинизации в первой половине 20-х годов: Материалы к курсу по истории Украины и украинской культуры. Одесса, 1997. С. 49.

[148] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика як один з основних засобів модернізації радянського суспільства у 1920–1930-ті роки // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Вип 9. Київ, 2003. С. 275.

[149] *Єфіменко Г., Якубова Л.* Національні відносини в радянській Україні (1923–1938) // Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 196.

[150] *Новохатько Л.М.* Соціально-економічні і культурні процеси в Україні у контексті національної політики радянської держави (20-ті – середина 30-х рр. ХХ ст.): Автореф. дисс. ... докт. іст. наук: 07.00.01. Київ,1999 С. 38

[151] *Криворучко О.І.* Проблема взаємодії сільської та міської культур в УСРР в 20-х роках: історичний аспект. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Київ,1994. С. 109–129.

[152] *Ідріс Н.О.* Антиукраїнські настрої у містах УСРР за доби «українізації» у 20 – на початку 30-х рр. ХХ ст. // Мандрівець. 2010. № 5. С. 37.

[153] *Бондарчук П.М., Шарпатий В.Г.* Профспілки і проблема "українізації" робітників і службовців УСРР в 1920-ті рр. // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика: 36. статей. Київ, 2001. Вип.4. С. 248–256.

[154] *Богінська І.В.* Педагогічні кадри Донбасу і політика українізації (1920–30-ті роки). Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2000.

[155] *Богінська І.В*. Педагогічні кадри Донбасу і політика українізації (1920 – 30-ті роки). Автореф. дисс. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2000. С. 14–15.

[156] *Обидьонова О.В.* Національні меншини Донбасу в 20–30-ті роки ХХ століття. Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2000.

[157] *Обидьонова О.В.* Національні меншини Донбасу в 20–30-ті роки ХХ століття. Автореф. дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2000. С. 17.

[158] *Стремецька В.А.* Політика українізації на Півдні України у 20–30-ті роки ХХ ст. Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2001.

[159] *Стремецька В.А*. Політика українізації на Півдні України у 20–30-ті роки ХХ ст. Автореф. дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01. Донецьк, 2001. С. 16.

[160] *Дашкевич Я.Р.* Українізація: причини і наслідки // Слово і час. 1990. № 8 С. 58–60.

[161] *Виткалов В.Г.* Українська культура: Сторінки історії 20 століття. Рівне, 1997; *Кокошко Ф.В.* Розвиток культурно-освітньої діяльності в українському селі в 20-ті рр. (на матеріалах Півдня України). Миколаїв, 1998; *Мандрик Я.І.* Культура українського

села в період сталінізму. Івано-Франківськ, 1998; *Петров В.* Діячі української культури (1920–1940 рр.). Жертви більшовицького терору. Київ, 1992.

[162] *Мануілова К.В.* Вплив політики українізації на вибір мови промислових робітників і міщанства УСРР (1920-ті–1930-ті рр) // Актуальні питання вітчизняної та світової історії: збірник матеріалів Всеукраїнської наукової конференції, 23–24 квітня 2010 р. Суми, 2010. С. 95.

[163] *Нечипоренко З.В*. Регіональні особливості політики коренізації (українізації) в УССР: сучасний стан та перспективи вивчення // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя. Вип. 21. 2007. С. 395.

[164] *Касьянов Г.В*. Українська інтелігенція 1920–30-х років. С. 76.

[165] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 62, 66.

[166] Там же. С. 59.

[167] *Виговський М.Ю.* Номенклатура системи освіти в УСРР 1920–1930-х років: соціальне походження, персональний склад та функції. С. 212–213.

[168] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А*. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20-50-ті роки ХХ ст. Київ, 1994. С. 45.

[169] *Рубльов О.С.* Західноукраїнська інтелігенція у загальнонаціональних політичних та культурних процесах (1914–1939). Київ, 2004. С. 87.

[170] *Чумак В.М*. Вплив політики українізації на українську емиграцію (20-ті – поч. 30-х рр.) // IV Міжнародний конгрес україністів. Одеса, 26–29 серпня 1999 р. Доповіді та повідомлення. Історія. Част. ІІ. ХХ століття. Одеса–Київ–Львів, 1999. С. 405.

[171] *Чумак В.М.* Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. // Наукові записки Інститута політичних і етнонаціональних досліджень. Вип. 13. Схід и захід України: проблеми єднання. Київ, 2001. С. 194.

[172] *Даниленко В.М.* Згортання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. С. 97.

[173] *Касьянов Г.В.* Українська інтелігенція 1920–30-х років. С. 79.

[174] *Даниленко В.М*. Згортання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. С. 99, 103.

[175] *Шарпатий В.Г.* Участь М.О. Скрипника в українізаційних процесах 20-х років. // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. Вип. 2. Київ, 1996. С. 38.

[176] См. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 45–190.

[177] См, напр. *Бутенко В.І.* Шкільна освіта на Харківщині (20 ті р. XX ст) // Вісн. Харк. Ун-ту. № 401. Історія України. 1998. Вип. 2. С. 152–158; *Гриневич О.В*. Рівноправність мов та проблема українізації в 20–30-х р. XX ст на Миколаївщині // Рідна стежина. Часопис історії і практики національного виховання. Пошуки. Проблеми. Знахідки. Досвід. Миколаїв, 1994. Вип. 1. С. 6–8; *Гриневич О.В.* Розвиток національної школи на Миколаївщині в 20–30-ті рокі // Історія України: маловідомі імена, події, факти. Київ, 1999. Вип. 7. С. 219–223; *Гусєва С.О., Цобенко М.М.* З досвіду розв'язання національного питання на півдні України (1920–30 р.) // Український історичний журнал. 1991. № 2. С. 45–54; *Сурабко Л.* Українізація на Чернігівщині в 20–30-ті роки // Сіверянський літопис. 1997. № 5. С. 6–11.

[178] *Сергійчук В.І.* Етнічні межі і державний кордон України. Вид. 2-е, доповнене. Київ, 2000; *Его же.* «Українізація Росії». Політичне ошуканство українців російською більшовицькою владою в 1923–1932 роках. Київ, 2000.

[179] *Кондратюк К.* Радянська Україна 20–30-х років XX ст.: сучасний історіографічний дискурс // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2013. Вип. 48. С. 250.

[180] *Кондратюк В.О., Зайцев О.Ю.* Україна в 20–30 рр. XX століття. Суспільно-політичне життя XX століття. Львів, 1993. С. 235–237.

[181] Там же. С. 19.

[182] *Пристайко В.І., Шаповал Ю.І.* Справа «Спілки визволення України». Невідомі документи і факти. Київ, 1995; *Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А*. ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997; *Шаповал Ю.І.* Україна 20–50-х років: сторинки ненаписаної історії. Київ, 1993; *Пристайко В.І., Шаповал Ю.І.* Михайло Грушевсьдкий і ГПУ–НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934. Київ, 1996; *Пристайко В.І., Шаповал Ю.І.* Михайло Грушевський. Справа «УНЦ» і останні роки (1931–1934). Київ, 1999; *Шаповал Ю.І.* Україна 20–50-х років: Сторінки ненаписаної історії. Київ, 1993; *Его же*. Україна XX ст. Особи та події в контексті важкої історії. Київ, 2001; *Его же*. Невигадані історії. Київ, 2004.

[183] *Кульчицький С.В.* Український Голодомор в контексті політики Кремля початку 1930-х рр. С. 94.

[184] *Шаповал Ю.І.* Невигадані історії. С. 61.

[185] Там же. С. 63.

[186] Там же. С. 308.

[187] *Єфіменко Г.Г.* Зміна векторів у національній політиці Москви у голодоморний 1933 р. // Український історичний журнал. 2003. № 5. С. 32.

[188] *Мороз В.Я.* Голод 1933-го року й українізація // Державність. 1993. № 2. С. 3–5.

[189] *Даниленко В.М., Бондарчук П.Н.* «Українізація» і голод 1932–1933 рр. в Україні // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 18: Голод 1932–1933 років – геноцид українського народу. Київ, 2008. С. 328, 331.

[190] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 226.

[191] *Єфименко Г.Г.* Питання національної політики Кремля в Україні в перш. пол. 1937 р.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 12. Київ, 2004. С. 280.

[192] Там же. С. 281.

[193] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика як один з основних засобів модернізації радянського суспільства у 1920–1930-ті роки // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Вип 9. Київ, 2003. С. 276.

[194] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 46–48.

[195] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 627.

[196] Там же. С. 505.

[197] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20–50-і рр. XX ст. Київ, 1994.

[198] *Литвин М.Р., Луцький О.І., Науменко К.Є.* 1939. Західні землі України. Львів, 1999.

[199] Там же. С. 144.

[200] *Чоповський М.Ю.* Голгофа Західної України (Злочинна діяльність окупаційних режимів проти населення західноукраїнських земель та його боротьба за волю і незалежність 1920–1953 рр.). Львів, 1996; *Чоповський М.Ю.* Криваві події на Західній Україні. Національно-визвольна боротьба на західноукраїнських землях в 1920–1953 рр. Львів, 1998.

[201] *Брицький П.П.* Україна у Другій світовій війні (1939–1945 рр.). Чернівці, 1995. С. 27.

[202] См. напр.: *Білас І.Г.* Репресивно-каральна система в Україні 1917–1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз: У 2-х книгах. Київ, 1994 и др.

[203] *Васильчук Г.М.* «Радянська інтелігенція»: сучасні тлумачення і аксіологічні орієнтири // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф.Кураса НАН України. 2008. Вип. 37. С. 347

[204] *Горєлов М.Є., Моця О.П., Рафальський О.О.* Цівілізаційна історія України. Київ, 2005. С. 403–415.

[205] История Украины. Научно-популярные очерки / Под ред. В.А. Смолия. М., 2008. С. 626.

[206] Нариси історії Росії: Пер. з рос.; за заг. Ред. О.О. Чубар҆яна. Київ, 2007. С. 644.

[207] *Шубин А.В.* История Новороссии. М., 2015. С. 3.

[208] Там же. С. 323.

[209] По существу, сослаться можно лишь на наши работы, напр. «Феномен советской украинизации» (М., 2006), а также статьи, опубликованные в журналах «Славяноведение», «Отечественная история», «Родина» и других изданиях, начиная с 1998 г.

[210] См. например: *Акопян В.З.* Общее и особенное в причинах украинизации на юге России и Украине // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Материалы Международной научной конференции. г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г. Ростов-на-Дону, 2013. С. 167–173; *Бершадская О.В.* Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения: (материалы научно- теоретической конференции (доклады, научные сообщения, публикации) Краснодар, 2000. С. 120–125; *Васильев И.Ю.* Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века) М., 2014; и др. его работы; *Иванцов И.Г.* Мова в районном масштабе : Украинизация Кубани 1922 – 1932 годов // Родина. 2008. № 9. С. 77–80; *Его же.* Система партийно-государственного контроля РКП(б)–ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920–1934. Краснодар, 2008; *Его же.* Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б) 1920-е – начало 1930-х гг. Краснодар, 2009; *Его же.* Украинизационные мероприятия ВКП(б) на Кубани в 1921–1932 гг. // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: мат-лы Междунар. науч. нонф. г. Ростов-на-Дону, 3-4 октября 2013 г. Ростов н/Д., 2013 и др. работы; *Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А.* Национальные меньшинства Воронежского края в 1917–1941 гг. Воронеж, 2012; *Ласунский О.Г.* Украинский вопрос

в Воронежском крае. К постановке проблемы // Из истории Воронежского края: Сб. ст. Вып. 10. Воронеж, 2002; и др. работы; *Прокофьева Е.Ю.* Осуществление национальной политики на Белгородчине во второй половине 20-х годов XX века (проблемы украинизации) // Белогорье. Белгород, 1999; *Рянский Л.М.* Из истории национально - культурного строительства на территории Курской губернии в 1920-х годах: украинизация просвещения //Курский край. 2002. № 3–4 (23–24). С. 20–26; *Его же.* Украинизация в ЦЧО: к истории образования, культуры и национальной политики СССР в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. // Время и человек в зеркале гуманитарных исследований: Материалы Пятой международной летней культурно-антропологической школы молодых ученых «Культура–Образование–Человек»: В 2 т. Т. 1. Курск, 2003. С. 330–336; *Сивков С.М.* К вопросу об украинизации на Кубани в период с 1917 по 1922 гг. // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Материалы Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г. Ростов-на-Дону, 2013. С. 246–250; *Скибицкая И.М.* Проблемы украинизации Кубани в период Гражданской войны: по материалам государственного архива Краснодарского края // Кубань–Украина: вопросы историко- культурного взаимодействия. Вып. 7: Материалы конференции, 10–11 мая 2013 г., г. Краснодар. Краснодар, 2013. С. 354–366; *Скорик А.П.* Политика украинизации на юге России и казачество в условиях сплошной коллективизации // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Материалы Международной научной конференции. г. Ростов-на-Дону, 3-4 октября 2013 г. Ростов-на-Дону, 2013. С. 251–257; *Скорик А.П., Бондарев В.А.* Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е – нач. 1930-х гг.) // История в подробностях. 2013. № 10. С. 62–71; *Скрынников А.В.* К вопросу об украинизации школ Воронежской губернии в 20-е годы // Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия. Тезисы научных докладов и сообщений международной конференции. Воронеж, 1997; *Хлынина Т.П.* Влияние административно-территориальных преобразований на развитие национальной ситуации на Кубани (1920-е годы) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1996 год. Дикаревские чтения (3): материалы науч.-практической конф., Краснодар, 14 сентября 1997 г. Краснодар, 1997. С.3–9; *Ее же.* Политика украинизации Кубани (1920-е–1930-е годы) // Итоги фольклорно-

этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. Дикаревские чтения (4): материалы науч.-практической конф., Белореченск, 23 мая 1998 г. Белореченск, 1998. С.30 – 32 и др. работы; *Чернова О.А*. Формирование профсоюзов в Центральном Черноземье в 20-е гг. XX в. в контексте проведения политики украинизации в регионе // Пятые Дамиановские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Курск, 26–28 марта 2008 г. Курск, 2008. Ч.1. С. 93–99; *Чернышов В.* Украинизация как она была // Имперское возрождение. Журнал политической аналитики. Москва. 2010. № 5. С. 47–49; *Шульга И.И.* Украинцы нижнего Поволжья в зеркале «украинизации» // Народы Саратовского Поволжья. Взгляд из XXI века: Материалы региональной научно-практической конференции. Саратов: Саратовский областной музей краеведения, 2008. С. 32–39; *Его же*. «Не нужно хохлов учит на их хохлацком языке» // Родина. 2010. Спецвыпуск «Образование в России: вчера, сегодня, завтра». С. 74–76; *Его же.* Украинизация АССР НП, Саратовской и Сталинградской губерний (1923–1933 гг.) // История Отечества и культуры: сборник научных статей. Саратов, 2011. С. 145–153; *Его же.* Трансформация взглядов регионального партийного руководства на «украинский вопрос» в Нижнем Поволжье (1923–1933 годы) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. №4. С. 152–156 и др. его работы.

[211] *Ильин С.К.* Этнические меньшинства в автономных областях и республиках юга РСФСР, 20-е годы. Дисс. …канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1995; *Алдакимова О.В.* Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг. Дисс. …канд. пед. наук: 13.00.01. Сочи, 2004; *Кайкова О.К.* Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг. Дисс. …канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02. М., 2007; *Дроздов К.С.* Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.). Дисс. …канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2010; и др.

[212] *Дроздов К.С.* Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.). С. 229.

[213] Там же. С. 3.

[214] *Матвеева Л.Д.* Политика «коренизации» по созданию нефтяных кадров Башкирии в 30-е гг. XX в. (историографические аспекты) // Нефтегазовое дело. 2006. № 4. С. 251.

[215] *Коротун С.Н., Толкачева С.П., Шевченко Е.А.* Национальные меньшинства Влоронежского краая в 1917–1941 гг. С. 70.

[216] *Акопян В.З.* Общее и особенное в причинах украинизации на юге России и Украине. С. 167.

[217] Там же. С. 171.

[218] *Васильев И.Ю.* Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). С. 29.

[219] Там же. С. 208–209.

[220] *Иванцов И.Г.* Украинизационные мероприятия ВКП(б) на Кубани в 1921–1932 гг. С. 212.

[221] *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века), СПб, 2000.

[222] *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.

[223] *Михутина И.В.* Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и Правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007.

[224] *Шубин А.В.* Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. Нестор Махно как зеркало Русской революции. М., 2005; *Он же.* Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1920 гг. в России и Украине. М., 2013.

[225] *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение; УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 544, 549. В 2015 году вышло второе издание книги, причем «при переиздании было решено не вносить изменения в ее текст» (*Марчуков А.В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 9.). Отсутствие изменений в тексте касается и раздела историографии.

[226] Русские об Украине и украинцах / отв. ред. Е.Ю. Борисенок. СПб., 2012.

[227] *Вдовин А.И.* Русские в XX в. М., 2004; *Его же*. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа М., 2013.

[228] *Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925. М., 1992; *Ее же.* Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. М., 1998; *Ее же.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 г.): Документы и материалы. М.,

2007; *Ее же.* Модернизации российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – 1920-е годы). М., 2011.

[229] *Борисёнок Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013.

[230] *Савченко В.Н.* Восточнославянское польское пограничье, 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.

[231] *Савченко В.Н.* Восточная Галиция на историческом перепутье: 1910 – начало 1920-х годов // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 181–182.

[232] Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. Под ред. В.В. Кондрашина. М., 2011.

[233] Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. / Под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011.

[234] Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI Международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014.

[235] *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). С. 252.

[236] *Шубин А.В.* Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1920 гг. в России и Украине. С. 41.

[237] *Булдаков В.П.* Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 203.

[238] Там же. С. 204.

[239] *Булдаков В.П.* Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000 № 1. С. 35

[240] *Булдаков В.П.* Феномен революционного национализма в России. С. 215.

[241] *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение; УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. С. 550.

[242] Там же. С. 553.

[243] *Чешко С.В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. Изд. 2-е. М., 2000. С. 123–124.

[244] *Матвеев Г.Ф.* Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 241.

[245] *Шишкин В.А.* Устои советского федерализма в годы становления единого союзного государства (1922–1929) // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 297.

[246] *Ненароков А.П.* 70 лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1994 № 1. С. 106–117.

[247] *Гросул В.Я.* Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2007. С. 191. В 2012 г. вышло второе издание книги.

[248] *Ненароков А.П.* 70 лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б). С. 109.

[249] *Борисьонок О.Ю.* Обговорення проблем українізації вищим партійним керівництвом у 1922–1923 рр. // Український історичний журнал. 2000. № 4. С. 97.

[250] *Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925. С. 37, 258, 264.

[251] *Нежинский Л.Н.* У истоков большевистско-унитарной внешней политики (1921–1923) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 89–105.

[252] См.: *Ненароков А.П.* 70 лет назад. Национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечяественная история. 1993. № 6. С. 11–124; 1994. № 1. С. 106–117.

[253] *Чешко С.В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. С. 215.

[254] *Борисёнок Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. С. 103.

[255] *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001. С. 54.

[256] *Шишкин В.А.* Устои советского федерализма в годы становления единого союзного государства (1922–1929) // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 301.

[257] *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение; УССР. 1920 – 1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 559.

[258] *Кондрашин В.В.* И.В. Сталин и голод 1932–1933 гг. в УССР: проблема ответственности Центра и республиканского руководства // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. С. 255–256.

[259] *Шишкин В.А.* Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997. С. 132.

[260] Национальная политика России. История и современность. М., 1997. С. 296.

[261] *Чешко С.В.* Распад Советского Союза: этнополитичесукий анализ. С. 140.

[262] *Доронченков А.И.* Межнациональные отношения и национальная политика в России: Актуальные проблемы теории, истории и современной политики: этнополитологический очерк. СПб., 1995. С. 47.

[263] *Чешко С.В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. С. 141.

[264] *Носкова А.Ф.* Национальные меньшинства в Восточной Европе: геополитичесукий ракурс проблемы (от Первой ко Второй мировой волйне) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. СПб., 2011. С. 159

[265] *Шубин А.В.* Украинский фактор в развитии международной ситуации 1938-1939 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1(4). С. 16.

[266] Там же. С. 17.

[267] *Левкиевская Е.Е.* Западная Украина 1939 года: культурный и языковой конфликт // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб., 2011. С. 291.

[268] См.: *Борисенок Е.Ю.* Кадровая политика большевиков в западных областях Украины в 1939–1941 гг. // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. С. 177–198; *Петровская О.В.* Деятельность Красной армии среди населения Западной Белоруссии в 1939–1941 годах // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. С. 199–247.

[269] *Петровская О.В.* Деятельность Красной армии среди населения Западной Белоруссии в 1939–1941 годах. С. 205–207.

[270] *Петровская О.В.* Формирование границ Западной Белоруссии в 1939–1940 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1(4). С. 25.

[271] Там же. С. 37.

[272] *Ольховский С.В.* Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4. С. 272.

[273] *Симонова Т.М.* Именем революции: мир и счастье – на штыках // Родина. 2000. № 10. С. 59–62; *Ее же.* «Прометезим» в восточной политике лагеря Пилсудского в 1919–1926 годах // Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета: материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И.А. Воронкова (1921–1983). М., 2001. С. 119–131; *Ее же.* Стратегические замыслы

начальника польского государства Юзефа Пилсудского: прометеизм во внеш. политике Польши в 1919–1923гг. // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 42–48; *Ее е.* Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 // Новая и новейшая история. 2002. №4. С.47–63; *Ее же.* «Мы бесподданные безгосударственники...» Россияне в межвоенной Польше // Родина. 2007. № 2. С. 75–81; *Ее же.* Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013.

[274] *Федевич К.К.* Галицькі українці у Польщі 1920–1939 (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920–1930-ті рр.). Київ, 2009. С. 270.

[275] *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 383.

[276] *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М., 2006. С. 270.

[277] В данной связи нельзя не упомянуть «Энциклопедию Подкарпатской Руси» И.И. Попа: *Поп И.И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001; 2-е изд. 2006.

[278] *Дронов М.Ю.* Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919–1938). Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.03. М., 2013.

[279] Там же. С. 54.

[280] Например: Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр.: збірник документів у 2 т. Т. 1: 1917 – червень 1941). Київ, 1959.

[281] Например: Образование Союза Советских Социалистических Республик: сборник документов. М., 1972.

[282] Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. М., 1955; Документы внешней политики СССР. Т. 1–21. М., 1959–1977; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1–6. М., 1957–1964.

[283] Так, для нашей темы интерес представляют: Из истории образования СССР: документы и материалы о работе комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к Пленуму ЦК партии (6 октября 1922 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191–219; «Ильич был тысячу раз прав» (Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б) в июле-августе 1923 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 192–207.

[284] *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999.

[285] И.В. Сталин и Л.М. Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001.

[286] «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): в 10 т. Т. 1–9. М., 2001–2013.

[287] Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000.

[288] Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК-ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002.

[289] Историю – в школу: создание первых советских учебников. М., 2008.

[290] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953). М., 2008.

[291] Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.

[292] Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992.

[293] Политическое руководство Украины 1938–1989: сборник документов. М, 2006; ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос»: сборник документов в 2 т. Т. 1: 1918–1933 гг. М, 2005; Т. 2: 1933–1945. М., 2009.

[294] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: сборник документов. М., 2004.

[295] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: сборник документов. В 2 т. М., 2012.

[296] Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. У 2 ч. Київ, 1997.

[297] Українська мова у XX сторіччі: історія лінгвоциду. Документи і матеріали. Київ, 2005.

[298] Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. Київ, 2012.

[299] Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. 1. 1939–1953. Київ, 1995.

[300] Історія Національної академії наук України (1934–1937): документи і матеріали. Київ, 2003.

[301] Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. Київ, 1992; Українська Центральна Рада: Документи і матеріали. У 2 т. Київ, 1997; Західно-Українська Народна Республіка. 1918–1923. Документи і матеріали:у 5-ти т., 8-ми кн.

Івано-Франківськ, 2001–2013; Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920 рр.: Док. і матеріали. У 2-х т. Київ, 2006.

[302] Буковина 1918–1940 рр.: зовнішні впливи та внутрішній розвиток: Матеріали і документи. Чернівці, 2005.

[303] Тернистий шлях до України: збірник архівних документів і матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1939–1939, 1944–1946 рр. XX ст.». Ужгород, 2007; Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів. Ужгород, 2009; Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 1. (1919–1929). Івано-Франківськ, 2012; Т. 1. Кн. 2 (1929–1939). Івано-Франківськ, 2014.

[304] Україна – Польща 1920–1939 рр.: З історії дипломатичних відносин УССР з Другою Річчю Посполитою: Документи і матеріали. Київ, 2012; *Юзевський Г.* Замість щоденника // «Роде наш красний…» Волинь у долях краян і людських документах. Т. 2. Луцьк 1996. С. 195–211.

[305] Среди публикаций стоит выделить: Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. Київ:, 2007.

[306] Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. М., 2000–2012; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939: в 5 т. М., 1999–2006.

[307] Стоит заметить, что в 2007 г. вышел сборник документов о пограничном споре между РСФСР и УССР в 1920–1925 гг., в который вошли материалы Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области, Центра хранения архивных документов Ростовской области в г. Шахты, а также Государственного архива Донецкой области (*Галкин Ю.И.* Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. М, 2007.

[308] *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996.

[309] *Бош Е.Б.* Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М., 1925.

[310] *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Киев, 1994; *Вернадский В.И.* Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11–12. С. 5–44.

[311] Павло Скоропадський. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995.

[312] *Кедрин І.* Життя–події–люди. Спомини і коментарі. Нью-Йорк, 1976.

[313] *Шандор В.* Спомини. Т. 1: Карпатська Україна 1938–1939. Ужгород, 1995.

[314] *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 7–63.

[315] *Деникин А.И.* Гетманство и Директория на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С.136–185.

[316] *Могилянский Н.М.* Трагедия Украины // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С.115–135.

[317] *Мартынов А.С.* Мои украинские впечатления и размышления. М.; Пг., 1923.

[318] *Єфремов С.О.* Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997.

[319] *Кардиналовская Т.М.* Жизнь тому назад. Воспоминания. СПб., 1996.

[320] *Майстренко І.* Історія моего покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985.

[321] В том числе: IV Международный конгресс украинистов (Одесса, 26–29 августа 1999 г., Одесский государственный университет); «круглый стол» «Актуальные проблемы взаимоотношений Украины и России в исторической ретроспективе и на современном этапе» (Киев, 5 сентября 2006 г., Институт политических и этнонациональных исследований им. Кураса), Международная научная конференция «Украина и Россия: как усилить фундамент стратегического партнерства. Исторические, социокультурные и геополитические факторы развития отношений между двумя государствами и народами» (Киев, 8–9 ноября 2007 г., Институт политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса); Международная научная конференция Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники и новые взгляды» (Москва, 22–24 ноября 2007 г., Институт славяноведения РАН), межданародная научная конференция «Специфика формирования этнополитической элиты Советской Украины. 1920-1960 гг.» (Киев, 16–17 мая 2008 г., Институт политических и этнонациональных исследований им. Кураса); Международная научная конференция « «Западная Украина и Западная Белоруссия в 1939–1941 гг.: люди, события, документы» (Москва, 17 сентября 2009 г., Институт славяноведения РАН); Международная научная конференция «Механизмы формирования этнокультурной идентичности: Россия, Украина, Белоруссия, Польша» (Москва, 6–7 апреля 2010 г., Институт славяноведения РАН); Международная научная конференция «Войны и конфликты в судьбах славянских народов в XX в.» (Москва, 22 апреля 2010 г., Институт славяноведения

РАН), Первая конференция Российской ассоциации украинистов (Москва, 10–11 ноября 2010 г., РГГУ); Международная научная конференция «Славянский мир: в поисках идентичности» (Москва, 3–4 декабря 2010 г., МГУ им. Ломоносова); Международная научно-практическая конференция «Геополитические трансформации в Восточной Европе между двумя мировыми войнами. К 90-летию подписания Рижского мирного договора» (Брест, 17–18 марта 2011 г., Брестский государственный университет им. Пушкина); Международная научная конференция «Политика и культура в белорусско-русско-украинских отношениях. XVII-XXI вв.». (Москва, 6–7 апреля 2011 г., Институт славяноведения РАН), Международная научная конференция «Империи, нации и национальные государства как историографические образы» (Ужгород, 7–8 октября 2011 г., Ужгородский национальный университет); Вторая конференция Российской ассоциации украинистов «Цивилизационно-культурные связи России и Украины». (Москва, 1 декабря 2011 г., МГИМО); Международная научная конференция «Беларусь, Россия, Украина. Диалог народов и культур» (Гродно, 1–2 июля 2012 г., Гродненский государственный университет); Международная научная конференция «Национальные меньшинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы: опыт и современное положение» (Москва, 26–27 марта 2013 г., Институт славяноведения РАН); III Международная научная конференция Российской ассоциации украинистов (Москва, 25 апреля 2014 г., МГИМО); Российская научная конференция «Украина и ее жители в официальных и научных терминах, публицистике и литературе» (Москва, 17 марта 2015 г., Институт славяноведения РАН).

Глава 1

«Украинский вопрос» после распада Российской империи и Австро-Венгрии: стратегические планы новых национальных государств

§ 1. Украинские земли Российской империи и Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны: особенности демографической и политической ситуации

В начале XX в. земли современной Украины входили в состав двух империй – Российской (территории на левом и правом берегу Днепра и в Причерноморье в составе Юго-Западного края, Малороссии и Новороссии) и Австро-Венгерской (Закарпатье, Восточная Галиция и Северная Буковина). При этом большинство предков современных украинцев проживало в Российской империи, в связи с чем деятелями украинского национального движения эти земли именовали также Большой Украиной. Именно здесь в результате революционных событий 1917–1920 гг. и была образована Украинская Советская Социалистическая Республика – огромный полигон для большевистской политики коренизации. Чтобы полнее представить себе ее суть, следует напомнить о положении Большой Украины к 1917 г., о ее довольно пестром и неоднородном социальном и национальном составе населения.

Для обозначения восточнославянского населения определенной территории Российской империи, преимущественно на левом берегу Днепра, в начале XX века использовалось понятие «малоросс». В официальной трактовке малороссы, наряду с великороссами и белорусами, представляли собой часть триединой русской нации. Подобная идентификация населения юго-запада европейской части Российской империи, хотя и поддерживалась большей частью образованного общества, однако, не была единственной. Малороссийству как локальной форме

общерусской идентичности противопоставлялась идентичность украинская, сторонники которой отрицали общерусскую концепцию и настаивали на самостоятельности украинского – не малороссийского – народа. Между последователями обеих концепций велась активная полемика, на страницах периодических изданий шли ожесточенные споры о языке, литературе, национальном характере, этническом происхождении малороссов/украинцев[1].

В первой всеобщей переписи населения 1897 г. содержался пункт о родном языке и вероисповедании, именно эти сведения в современной науке используются для выводов об этническом составе населения Российской империи. Данные о малороссах обычно трактуются как характеризующие состав украинского населения Российской империи, дабы соотнести этнические наименования прошлого и настоящего. Итак, согласно переписи 1897 г., на правом и левом берегах Днепра и степной Украине проживали не только украинцы/малороссы (73 %), но и великороссы (12 %), евреи (8 %), а также немцы, поляки, белорусы (всего около 7 %)[2]. При этом к крестьянскому сословию относилось 93 % всех украинцев/малороссов, тогда как среди городского населения последние составляли всего 30 %[3]. При этом, чем меньше был город, тем выше был процент в нем украинского населения: в городах с числом жителей от 2000 до 15000 украинцы составляли около 50 % населения, тогда как в крупных (свыше 100 000) – лишь 17 %[4]. Русское население проживало в основном в городах (34%), где вместе с евреями (27 %) оно составляло большинство населения[5].

Другой особенностью являлось непропорциональное расселение по регионам Украины (в ее современных границах) представителей различных национальностей. Как правило, украинцы жили в губерниях, в наименьшей степени затронутых индустриализацией и урбанизацией, тогда как половина русского населения проживала в промышленно

развитых регионах (Екатеринославский, Таврический, Херсонский, Харьковский, Киевский)[6]. При этом следует учесть, что украинская буржуазия не достигла сколько-нибудь значительного развития (за некоторым исключением – к примеру, семьи министра иностранных дел М.И. Терещенко, известной своим сахарными заводами), а украинская интеллигенция была в основном сельской: по данным 1897 г., три четверти украинцев, по своей профессии связанных с интеллектуальным трудом, проживало в сельских районах[7]. К концу XIX в. украинцы были представлены по роду занятий следующим образом: государственная администрация, суд, полиция, гуманитарные профессии – около 31 %, военная служба – 30,5 %, торговля и коммерция – 13 %, промышленность, строительство, транспорт – 37 %, поденные работники и слуги – 52 % и, наконец, сельское хозяйство – 85 %[8].

Таким образом, основным слоем, сохранявшим национальную самобытность, было крестьянство. Специалист по национально-социальным проблемам развития украинского общества в XX в. Б. Кравченко даже считает, что до революции и в первые годы после нее определение «украинский» было синонимично определению «крестьянский»[9]. При этом, пишет исследователь, «перед Первой мировой войной и революцией украинцы были народом, который еще не выработал четкого национального сознания и государственность которого выглядела далекой целью»[10]. Действительно, для украинского крестьянства национальный вопрос имел меньшее значение, чем вопрос аграрный. А среди городского населения преобладала русская культура (и среди рабочих, и среди служащих, и среди высших слоев общества).

Национальная идея находила поддержку преимущественно среди интеллигенции (имеется в виду та ее часть, которая ощущала себя украинской, ведь на Украине интеллигенция была большей частью русской). Численность украинской интеллигенции оставалась

небольшой[11]: Б. Кравченко объясняет это тем, что украинская интеллигенция пополнялась в основном за счет выходцев из крестьян, хотя первое ее поколение в основном сформировалось из рядов мелкого дворянства. Преобладание мелкого крестьянства на Украине вкупе с русскоязычной системой образования привело к тому, что «украинская интеллигенция составляла крохотный слой населения»[12]. В 1897 г. только 16 % юристов, менее четверти учителей, 10 % писателей и артистов было украинцами. По переписи, проведенной в Киеве в 1917 г., только 11 % студентов считали себя украинцами по национальности[13].

Сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация в России в период Первой мировой войны, а затем революции и войны гражданской приводили к обострению социальных и национальных проблем. С течением времени «украинская идея» приобретала все большую популярность и использовалась различными политическими силами для достижения собственных целей – в первую очередь, создания украинского национального государственного образования**.** Российская империя распадалась по национальным швам, а общерусские основы идентичности все больше теряли свое значение, и в «борьбе украинца с малороссом»[14] стал побеждать украинец. Этноним «украинец» все чаще стал употребляться для идентификации населения Южной Руси. Один из персонажей повести Владимира Винниченко «На той бік», доктор Верходуб, в ответ на вопрос украинской патриотки Ольги Чернявской «Вы украинец?» не без иронии заметил: «Так, я – малоросс, или, как теперь модно говорить, украинец»[15].

После революционных событий февраля-марта 1917 г. украинская национальная идея получила существенное распространение. Так, на выборах в местное самоуправление, проведенное на Украине летом 1917 г., позиция украинских партий была еще не очень стабильной. Только в 5 из 20 произвольно выбранных пунктах украинские партии добились

перевеса (Миргород, Конотоп, Елизаветград, Ромны, Лохвица) и еще в пяти (Харьков, Полтава, Чернигов, Черкассы, Проскуров) – завоевали треть голосов. В Киеве же украинские партии завоевали только 20 % мандатов, в Екатеринославе – 10 %, в Одессе – 4 %[16]. В то же время в конце ноября – начале декабря 1917 г., как показали выборы в Учредительное собрание, украинские социал-демократы и эсеры добились явного перевеса и завоевали 75 % голосов[17].

Успех национально настроенных политических сил в условиях социальной напряженности не вызывает удивления. Мечтавшее о земле и мире украинское крестьянство разочаровалось во Временном правительстве, затягивавшем решение аграрной проблемы и продолжавшем войну. Поэтому национальная идея стала все больше находить поддержку и в городе, и на селе. В сельской местности обещаниям украинских политиков готово было поверить крестьянство. В городах же, как указывает итальянский специалист по советской истории А. Грациози, был слой населения, «который вместе с сельской интеллигенцией встал во главе националистического движения» – мелкобуржуазная интеллигенция, а также часть войск, расквартированная в городах[18].

Впрочем, если говорить об украинском городе, то следует учесть, что после октябрьских событий туда хлынул поток беженцев с севера, искавших защиты от большевиков. Среди них было немало представителей элитарной интеллигенции, примеру, ученый с мировым именем, философ и общественный деятель В.И. Вернадский. Он переселился сначала в Полтаву, а затем в Киев. На Украине искали защиты от большевиков помещики. Кроме того, население украинских городов постоянно пополнялось за счет еврейских семей, искавших убежище от погромов.

Это обстоятельство еще более углубило различие в национальном облике села и города на Украине. Так, в Киеве количество населения увеличилось с 468 тыс. человек в 1917 г. до 544 тыс. в 1919 г., процент еврейского населения увеличился с 18 % до 28 %. Численность же украинского населения сначала пошла вверх, а затем стала падать и в 1920 г. составила всего 14 %.[19] А. Грациози даже делает вывод, что «в городах с таким составом украинский национализм не мог пустить глубоких корней»[20].

Кроме того, современники отмечают довольно сильные пророссийские настроения на юге и востоке Украины. Так, один из представителей командования австрийской армии при Украинской Центральной Раде генерал-майор Вальдштетен докладывал в Министерство иностранных дел в Вене 16 мая 1918 г.: «Нет никакой украинской национальной мысли, по крайней мере в южной Украине. Все живут, думают и говорят по-русски. По-украински никто не понимает. Главное интеллигенция – не исключая еврейской ее части – за союз с Россией»[21]. «Впрочем, – сообщал далее австрийский генерал-майор, – представляется мне, что союз Украины с Россией рано или поздно снова наступит»[22]. Вальдштетен объясняет это тем, что между Украиной и Россией много общего – «язык, религия, хозяйство»[23].

В высказываниях австрийского генерала была немалая доля истины. Действительно, до революции доминирующую роль играло либерально-демократическое крыло интеллигенции, ориентированное в первую очередь на национально-культурную автономию для Украины. Хотя основные политические партии на Украине и выдвигали в качестве перспективы требование национально-территориальной автономии, до 1917 г. они не играли ведущей роли.

Только после февральских событий известный украинский ученый и политический деятель, возглавивший Центральную Раду,

М.С. Грушевский настаивал на необходимости перехода от культурно-просветительских требований к политическим, т.е. к лозунгу национально-территориальной автономии Украины в составе федеративной России[24]. И только под воздействием бурных событий войны и революций, особенно октябрьской 1917 г., политический расклад существенно изменился. Слабость либерального центра компенсировалась усилением леворадикальных тенденций. Как уже говорилось, в 1917 г. усилились позиции украинских национальных партий, зачастую имевших социалистическую окраску[25]. Так, в Центральной Раде, созданной после февральской революции, были представлены Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская социал-демократическая рабочая партия и Украинская партия социалистов-федералистов[26]. В дальнейшем, под воздействием революции и гражданской войны, эти партии не один раз пережили расколы и преобразования.

Сложившейся ситуацией воспользовались большевики, которые постепенно заменили термин «малоросс» на «украинец». Об украинцах и Украине большевики стали говорить задолго до октября 1917 года, термин стал внедряться в большевистскую лексику после активизации украинского движения в революционный период 1905–1907 годов, после того, как «украинский вопрос» стал привлекать внимание Государственной думы.

Если речь шла о партиях, то, естественно, употреблялся термин «украинский» в соответствии с их названиями. Например, в речи В.И. Ленина по вопросу о практических соглашениях с эсерами, произнесенной на III съезде РСДРП 12–27 апреля (25 апреля–10 мая) 1905 г., названы Украинская революционная партия, Украинская социалистическая партия[27]. Упоминание украинских политических партий стало обычным делом. Например, в работе «Первые итоги политической

группировки», напечатанной в октябре 1905 года, упоминалась украинская Революционная партия[28] и т.д.

Однако когда речь заходила о населении, то наименование «украинцы» лидер большевиков употреблять до поры до времени не торопился. Например, в листовке, написанной Лениным и напечатанной 23 ноября 1906 г. «Кого выбирать в государственную думу?» РСДРП позиционировала себя как «партия сознательных рабочих всех народностей России, русских, латышей, поляков, евреев, малороссов, армян, грузин, татар и проч.»[29].

Но через год, в написанной Лениным в ноябре–декабре 1907 г. работе «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции» речь шла уже об украинцах: «Из представителей нерусских народностей в Думе высказывались по аграрному вопросу поляки, белорусы, латыши и эсты, литовцы, татары, армяне, башкиры, киргизы, украинцы»[30].

Следует признать, что такой переход от «малороссов» к «украинцам» был не случаен: он был обусловлен намерением большевиков использовать в своих интересах национальный вопрос (и украинское национальное движение, в частности) для разрушения Российской империи. Действительно, в период «первой русской революции» произошло оживление деятельности национальных партий, выдвигавших различные варианты решения национальных проблем. Государственная Дума I и II созывов неоднократно обращалась к проблемам нерусских народов. При обсуждении поднимались вопросы о реформе в сфере образования, о решении аграрного вопроса и т.д. После 1907 года национальный вопрос продолжал играть заметную роль в общественно-политической жизни Российской империи, причем если первоначально большое внимание большевиков уделялось польскому, еврейскому вопросу, взаимоотношениям с рабочими организациями в Прибалтике и на Кавказе, то позднее в работах большевистских лидеров все чаще стали упоминаться

украинцы. В работе И.В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (написано в январе, опубликовано в марте–мае 1913 г.), речь шла о «проснувшихся к самостоятельной жизни» нациях, среди которых были названы и украинцы: «В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. … Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях не ликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации. Но капитализм начинает развиваться и в восточных государствах. … Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своем пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!.. Так складываются в нации чехи, поляки и т.д. в Австрии; хорваты и пр. в Венгрии; латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и пр. в России»[31].

Таким образом, украинцы (не малороссы) были признаны самостоятельной нацией, отдельной от великороссов. Термин «украинец», по логике большевиков, должен был ассоциироваться с борьбой угнетенных народов за национальное равенство (а этот лозунг и поддерживали большевики), а термин «малоросс» – с политикой царского правительства. Например, 4 декабря 1913 г. была опубликована статья Ленина «Нищета народных учителей», в которой речь шла об изданном Министерством народного просвещения первом томе «Однодневной переписи начальных школ в Империи». Ленин утверждал: «В результате, например, по вопросу о родном языке учащихся имеется лишь общая графа о «русском» языке: подразделение на белорусский, малорусский

(украинский) и великорусский явно запрещено»[32]. Через несколько дней, 14 декабря 1913 г. появилась статья «Национальный состав учащихся в русской школе». Анализируя данные о распределении учащихся в начальных школах министерства народного просвещения по родному языку учащихся, Ленин писал, что «под именем «русского языка» чиновники постоянно смешивают великорусский, белорусский и украинский («малороссийский», по казенному наименованию)»[33]. Следует признать, что статья затрагивала непростой вопрос. На протяжении XIX в – начала XX века в российской литературной и научной публицистике велась ожесточенная полемика о статусе малороссийского языка, о возможностях его применения в образовательной и культурной сферах, церковной жизни. Ленин встал на сторону Академии наук в Петербурге, которая в 1905 году сделала вывод: «малорусское население должно иметь такое же право, как и великорусское, говорить публично и печатать на родном своем языке»[34].

В 1917 году большевики все активнее высказывались об украинцах и Украине. Например, в статье «Украина», написанной по поводу принятия универсала Центральной рады в июне 1917 года, Ленин утверждал: «Ни один демократ не может также отрицать права Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за добровольное соединение в одно государство двух народов. … Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке»[35].

Позиции партии большевиков на Украине поначалу были не очень сильны. К августу 1917 г. она насчитывала на украинских землях немногим более 22,5 тыс. членов, причем две трети из них приходилось на Донбасс. При этом на селе работали только около 16 % от общего их

количества[36]. Возможно, именно поэтому на выборах в Учредительное собрание большевики сумели собрать только 10 % голосов украинских избирателей, тогда как украинские социал-демократы и эсеры – 75 % [37]. Следует учесть, что до революции не существовало территориальной украинской большевистской организации. КП(б)У была образована лишь в июле 1918 г.: настоятельная потребность в ее существовании стала ощущаться лишь после Брестского мирного договора 1918 г.[38]

Завоевав власть, большевики убрали из официального оборота этноним «малоросс» и заменили его на «украинец». Большевистское руководство убеждало и рядовых партийцев, и население в целом в существовании украинцев как самостоятельного, отдельного от русского, народа. Большевики вели речь не о малороссах как части русского народа, а об украинцах, представляющих собой самостоятельную нацию, что соответствовало национальным лозунгам РСДРП(б).

Как известно, лозунг самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельного государства был необходим большевикам в основном на этапе разрушения самодержавия. Следует согласиться с выводом А.И. Вдовина о том, что «пролетарское государство, идущее на смену буржуазному и добуржуазному», марксисты-ленинцы видели, прежде всего, «единой и неделимой республикой». «Такое видение определяло их отрицательное отношение к расчленению России и какому-либо ослаблению централизма путем рассредоточения власти по федеративным и автономным частям государства, – пишет историк, – а если и допускало его, то лишь в определенных случаях: если нельзя было обойтись без федерации как формы перехода “к вполне единому государству”»[39].

Общедемократическое требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», сформулированное еще на II съезде РСДРП в 1903 г., было важным тактическим шагом

большевиков, в немалой степени определившим их успехи во внутриполитической борьбе. В программе партии провозглашалось равноправие граждан независимо от пола, религии, расы и национальности, оговаривалось право получать образование на этом языке, использовать его в собраниях и даже право его введения наряду с государственным во всех учреждениях.

Принцип права наций на самоопределение большевики дополнили положением о самоопределении вплоть до государственного отделения. В работе «О праве наций на самоопределение» Ленин подчеркнул, что «признание права на отделение уменьшает опасность “распада государства”»[40]. Самоопределение рассматривалось Лениным как вынужденная мера и предпосылка для последующего перехода к централизованному унитарному демократическому государству социалистического типа: «…Мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получается после отделения!! Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма…»[41]

На совещании ЦК РСДРП с партийными работниками 23 сентября – 1 октября 1913 г. в Поронине близ Кракова еще раз была подтверждена приверженность большевиков принципу права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения, поскольку «этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией»[42]. В то же время в резолюции содержался призыв не смешивать вопрос о праве на самоопределение («т.е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении») с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. «Этот последний вопрос

с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм»[43], – говорилось в резолюции.

В том же году появились «Критические заметки по национальному вопросу», в которых Ленин подчеркивал: «Централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира, и иначе как через такое государство... нет и не может быть пути к социализму»[44]. При этом речь шла о демократическом централизме, который «не только не исключает местного самоуправления с автономией областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т.п., а, напротив, необходимо требует и того и другого»[45].

В письме С.Г. Шаумяну 6 декабря 1913 г. Ленин высказался более резко: «Мы в принципе против федерации – она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства. ... Мы за автономию для всех частей, мы за право отделения (а не за отделение всех!) автономия есть наш план устройства демократического государства. Отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения. Но мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получается после свободного отделения!!

Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма»[46].

Большевики постоянно напоминали о необходимости объединения сил в борьбе против капитализма. В опубликованной в «Правде» 28 марта 1917 года статье «Против федерализма» Сталин подверг резкой критике

идею создания из России федеративного государства (имелась в виду статья «Россия – союз областей», опубликованная в № 5 эсеровской газеты «Дела Народа»). Сталин подчеркивал, что «в Америке, как и в Канаде и Швейцарии, развитие шло *от* независимых областей *через* их федерацию к унитарному государству, что тенденция развития идет не в пользу федерации, а *против* нее. Федерация есть переходная форма»[47]. По его мнению, «развитие капитализма в его высших формах и связанное с ним расширение рамок хозяйственной территории с его централизующими тенденциями требуют не федеральной, а унитарной формы государственной жизни»[48]. Сталин перечислил территории, которые «принято в России называть областями, нуждающимися, скажем, в автономии»: Украина, Закавказье, Сибирь, Туркестан и др.[49] и предложил предоставить «право на отделение для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого»[50], и в то же время – политическую автономию «в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции для областей, отличающихся известным национальным составом и остающихся в рамках целого»[51].

Такое противоречие между желаемым и возможным, т.е. между идеалом – централизованным государством – и правом на самоопределение вплоть до отделения, очень характерно для большевистской мысли, в том числе и в революционный период. Примечательно, что примерно в то же время, когда вышла статья Сталина, Лениным была написана брошюра «Задачи пролетариата в нашей революции» (апрель 1917 г.). Лидер большевиков отстаивал «провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетенных царизмом», одновременно при этом подчеркивая, что «пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства», и эта цель должна

быть достигнута «свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций»[52].

Национальному вопросу уделялось большое внимание и на апрельской конференции РСДРП 1917 года. Сталин в своем докладе по национальному вопросу подчеркивал свою приверженность праву наций на самоопределение, но отделял право на отделение от обязательности отделения. Г.Л. Пятаков сделал содоклад, в котором расценил право наций на самоопределение лишь как «просто фразу, без всякого реального содержания». Он предлагал рассматривать национальный вопрос исходя из того, что победа социалистической революции возможна только одновременно во всем мире или в большинстве стран; поэтому, с хозяйственно-экономической точки зрения, независимость наций – явление устарелое, отжившее. В связи с этим Пятаков предложил вести борьбу за социализм под лозунгом «Прочь границы!». «Мы должны, прежде всего, установить тот принцип, что мы против сепаратистских движений, против лозунга национальных государств и ведем борьбу против таких движений, – заявил Пятаков. – Раз это так, то «право наций на самоопределение» теряет реальную почву под ногами. …Все социал-демократы ведут определенную борьбу против насильственного удержания наций в пределах государства Российского, но это еще не значит, что, если мы ведем такую борьбу, то мы видим в праве наций на самоопределение положительный лозунг»[53].

Позиция Пятакова разделялась и другими участниками конференции. Ленину пришлось резко выступить против этого проекта: «Мы стоим за необходимость государства, – говорил вождь большевиков, – а государство предполагает границы... Что значит «прочь границы»? Здесь начинается анархия...»[54]. Ленин критиковал «революционное нетерпение» своих товарищей по партии, указывая на необходимость считаться со сложной внутриполитической ситуацией в стране. Свою позицию он

пояснил следующим образом: «Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ, должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии?»[55]. Он заявил: «Мы хотим братского союза всех народов. Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия. Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся»[56].

В принятой резолюции за всеми нациями, входящими в состав России, признавалось «право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства»[57]. Однако вопрос о праве наций на свободное отделение «непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент», такие вопросы должны были решаться в каждом отдельном случае и с учетом интересов «общественного развития и интересов классовой борьбы интересов классовой борьбы пролетариата за социализм». При этом отвергалась «культурно-национальная автономия», но поддерживалась идея «широкой областной автономии, отмены надзора сверху, отмены обязательного государственного языка и определения границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. п.»[58].

Накануне прихода к власти большевиков была напечатана еще одна статья Ленина «К пересмотру партийной программы», в которой по-прежнему утверждалось, что партия обязана признать право на отделение, и это право большевики признали бы «и за Финляндией, и за Украиной, и за Арменией». Но в то же время большевики и их лидер признавались: «Но мы, с своей стороны, вовсе отделения не хотим. Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами…»[59]

Каким именно будет будущее государство, у большевистского руководства однозначного видения не было. Очевидно, что, декларировав право наций на самоопределение, Ленин всячески подчеркивал, что «отделение вовсе не наш план». Несмотря на приверженность крупному государству, в программных документах речь не шла об унитарном государстве, а о тесном союзе братских народов. Более того, в работе «Государство и революция», написанном в августе–сентябре 1917 года, Ленин вновь обратился к вопросу о федерации: «Энгельс, как и Маркс, отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как «шаг вперед» при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос»[60]. Таким образом, несмотря на неблагосклонное отношение к федеративному устройству государства, Ленин отнюдь не исключал полностью возможность его использования в определенных условиях и на определенном этапе, что и показали дальнейшие события.

Сразу после прихода к власти, большевики подчеркнули неизменность принципов своей национальной политики. На II Всероссийском съезде Советов 25–27 октября 1917 г. было объявлено, что советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение[61]. 12 (25) января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой были зафиксированы принципы свободного развития и равноправия народов: равенство и суверенность народов России, право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена национальных и национально-религиозных

привилегий и ограничений. Во 2-м пункте провозглашалось: «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик»[62].

Несколько иная ситуация складывалась на землях с восточнославянским населением, оказавшихся после разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. в составе Австрийской монархии. Та часть населения, которая в последующем будет именоваться украинским, проживало в трех провинциях в австрийской части монархии – Королевстве Галиции и Лодомерии (Галиция), Буковине – и в Угорской Руси, входившей в состав венгерской части монархии.

Для обозначения местного населения употреблялись различные наименования. В период габсбургского правления на официальном уровне употреблялись понятия «русины» (Russen) или «рутены» (Ruthenen)[63]. В качестве самоназвания употреблялись наименования «русины», «народ руський», «руснаки». Были распространены и наименования по конфессиональному признаку (например, «греко-католики»). Деятели украинского движения настаивали на употреблении наименования украинско-руський народ, а затем – украинский народ. Как считают специалисты, «многообразие и противоречивость этнонимов говорит о том, что процесс формирования национального самосознания восточнославянского населения в регионе во второй половине XIX – начале XX вв. был далек от своего завершения»[64].

В границах Австро-Венгерской монархии удельный вес русинов/украинцев[65] достигал к накануне Первой мировой войны составил 8,5 % (в Венгерском Королевстве – 2,4 %)[66]. Для сравнения: удельный вес малороссийского населения в Российской империи составил к 1917 г. 18,1 %[67]. Русины преобладали во всех округах Восточной Галиции, лишь во Львовском они составили к 1910 году 37,1 % (собственно во Львове в

1910 г. – 19,1 %). На Буковине доля русинов в начале XX века составила 38,1 % населения, в Закарпатье на землях проживания русинов их доля составила в 1910 году 15,7 %[68].

При этом следует учитывать, что состав населения этих регионов был разнородным. Здесь проживало не только восточнославянское население, но и поляки, евреи и др. Так, в конце XIX в. в пятидесяти городах и местечках Восточной Галиции поляки составляли 64 %, русины – 23,4 %. В крупных городах с населением свыше 20 тыс. человек поляки составляли 72,5 % населения, русины – 13,6 %. В сельской же местности поляки составляли только 26 %. Значительным было и еврейское население. В Восточной Галиции евреи составляли 12,8 % населения (в Западной Галиции – 7,7 %). В 1900 г. евреи составляли свыше 30 % населения городов Галиции, в Восточной Галиции они составляли почти 40 % промышленных рабочих, 74 % торговцев, 27 % служащих, 49,3 % интеллигенции[69].

В начале XX века в Буковине русинское население составляло большинство в северных провинциях. Другую большую по численности группу коренного населения Буковины составляли румыны (34,4 %). Евреи были третьей по численности этнической группой, на рубеже веков они составляли почти 13 % общего количества жителей, а в Черновцах – до 20 %[70]. При этом восточнославянское население Галиции и Венгрии было преимущественно греко-католиками, Буковины – православными.

В Закарпатье на землях проживания русинов доля их в 1910 году составила 15,7 % населения[71]. При этом украинское население по роду занятий распределялось по комитатам следующим образом: в Уже (Унге) земледельцы достигали 88,7 % украинского населения, ремесленники – 4,5 %, купцы – 0,2 %; в Береге – соответственно 88,8 %, 3,9 %, 0,3 %; в Мараморoше – 89,2 %, 4,7 %, 0,9 %[72]. Таким образом, в целом необходимо подчеркнуть, что восточнославянское население на территории Австро-

Венгрии проживало в наименее промышленно развитых районах, основным занятием населения оставалось сельское хозяйство.

Исследуя этнические процессы среди украинского населения, известный отечественный специалист В.М. Кабузан выделил территории абсолютного преобладания украинцев («которые могут считаться украинской этнической территорией») – Правобережная Украина, восточная часть Галиции, территория Гетманщины, без северной части Черниговщины[73].

По словам известного канадского ученого П.Р. Магочи, габсбургские правители, не отождествляли себя ни с одной национальностью империи, и украинцы могли существовать среди принятой структуры иерархии различных лояльностей, не отказываясь от собственной национальной идентичности: галичанин или буковинец мог быть одновременно украинским национальным патриотом и лояльным подданным Австрийской империи. Поэтому абсолютное большинство украинских лидеров оставалось верными идее Габсбургской империи вплоть до последних месяцев Первой мировой войны[74].

Среди восточнославянского населения этих регионов национальные идеи развивались по двум направлениям: речь шла или об отстаивании своей общности с русским народом (русофилы), или констатировании своей принадлежности к самостоятельному украинскому народу (украинофилы). Русофилы говорили о едином русском мире, общем русском культурно-историческом пространстве, частью которого являются русские земли Австро-Венгрии. Деятели украинского движения вели речь об украинских землях Австро-Венгрии как части соборной Украины

В Австро-Венгрии украинское движение получило большее распространение, нежели в Российской империи, власти которой стремились не допустить развития украинского движения. Граница же препятствовала объединению украинского движения в Российской и

Австрийской империях. Кроме того, большое развитие получили марксистские и социалистические идеи, поэтому часть молодежи, которая в иных условиях могла быть потенциальной силой украинского движения, была вовлечена в российские революционные организации. Большую роль играло и восприятие малороссов как части русского народа, а культурная специфика Малороссии была вполне приемлема в глазах сторонников концепции «большой русской нации», пока, как пишет А.И. Миллер, не входила с этой концепцией в противоречие[75].

В Австро-Венгрии украинское движение особенно активно развивалось в Восточной Галиции, причем к началу Первой мировой войны и в ходе ее оно стало занимать лидирующие позиции в общественно-политической жизни. Здесь действовали украинские политические партии, деятели украинского движения имели опыт парламентской борьбы (в 1913 г. был создан единый Украинский клуб в галицийском Сейме). Кроме того, большое внимание уделялось науке и образованию: здесь работало Научное общество им. Шевченко, во Львовском университете была создана кафедра украинской истории (1892) и шла борьба за создание украинского университета. Для работы с широкими слоями населения Восточной Галиции были созданы просветительные общества («Просвита» и др.), молодежные («Сокол» и «Сечь»), экономические организации (страховое общество «Днестр», «Краевой кредитный союз» и др.). С началом Первой мировой войны украинское движение получило новый импульс. 1 августа 1914 г. украинские партии Восточной Галиции (национально-демократическая, радикальная и социал-демократическая) основали во Львове межпартийную организацию – Главный украинский совет (Головну українську раду), который должен был направлять общеукраинские политические акции во время войны. 4 августа Совет одобрил решение о начале формирования легиона украинских сечевых стрельцов[76].

В других регионах Австро-Венгрии украинское национальное движение достигло значительно меньшего размаха, нежели в Восточной Галиции. Однако и там получило развитие национальное движение восточнославянского населения. Так, на Буковине было создано культурное товарищество «Русская беседа» («Руськая Бесіда»), активно работали также «Русская школа» («Руська школа») и «Русский народный дом» («Руський народний дім»), политическое товарищество «Русская Рада» («Руська Рада»); были созданы молодежные студенческие организации (например, «Союз», «Молодая Украина» и др.), спортивные организации («Украинский Сокол в Черновцах» и др.), в университете в Черновцах существовали украинские кафедры, а в начале XX века на Буковине зародились и первые украинские политические партии.

Несомненные успехи украинского движения конца XIX – начала XX вв. не отменяют тот факт, что русофильские идеи также находили своих сторонников. Русофильство имело устойчивые позиции среди русинской интеллигенции и Галиции, и Буковины, и особенно Угорской Руси, в среде которой были популярны идеи о принадлежности русинов к единому русскому племени. В то же время интенсивная мадьяризация, усилившаяся после трансформации в 1867 г. Австрийской империи в Австро-Венгрию, а также усилия венгерских властей по ослаблению русофильских воззрений, приведшие к появлению на рубеже XIX–XX вв. сторонников разработки литературного языка на основе местных диалектов, привело значительному ослаблению национальных движений среди русинского населения. Такое положение в основном сохранялось вплоть до окончания Первой мировой войны.

Украинское движение к началу Первой мировой войны было представлено политическими силами, по-разному видевшими будущность Украины. В период Первой мировой войны и революции украинское движение радикализировалось, постепенно перейдя от автономистских и

федерализационных планов к попыткам установления независимого украинского государства. Следует признать, что одним из лозунгов украинского движения была соборность Украины, т.е. создание государственного организма, который включал бы все этнографические земли как в России, так и в Австро-Венгрии. В то же время, украинский вопрос привлекал внимание различных политических сил, не только российских, но и польских, чешских, румынских лидеров, чьи планы построения национальных государств обычно не совпадали с планами украинцев.

В период образования Польского государства выделялись две крупные политические силы, различающиеся разным подходом к проблеме польско-украинских отношений.

Лидером национальных демократов был Роман Дмовский (1864–1939). Он не ограничивался восстановлением польской государственности в ее этнографических границах. «Восточные кресы» он рассматривал как неотъемлемую часть польского государства, поскольку они были «историческим полем нашей национальной экспансии, где польская культура на протяжении нескольких веков достигла больших результатов…»[77]. Указывая на цивилизационную роль поляков, Дмовский считал, что будущее польское государство «имеет право выйти за пределы польских этнографических пределов в такой мере, чтобы отвечать ценностям исторической Польши и реализовать цивилизационный потенциал большого народа»[78]. В своей концепции национальной политики Дмовский исходил из того, что народы «кресов» являются «этнографическим материалом», не способным к самостоятельному политическому существованию, и потому подлежат ассимиляции[79].

Р. Дмовский не поддерживал идею федеративной Польши. По его мнению, разделение Польши на автономные части нецелесообразно, поскольку федерация по его мнению – слабость, а не сила[80], а создание

сильного государства предполагает его унитарный моноэтничный характер. При этом он отдавал себе отчет в том, что идея возрождения Польши в границах в 1772 г. была практически не выполнимой и географическим нонсенсом[81]. План эндеков был инкорпорационным: сторонники Дмовского призывали инкорпорировать такие украинские земли, как Восточная Галиция, Волынь и Подолье, а в последующем – полонизировать их, превратив Польшу в мононациональное государство. Другие украинские земли, по мнению эндеков, должны были отойти к России, в которой они видели противовес немецкому гегемонизму. Эндеки были сторонниками национальной ассимиляции: их идеология была основана на признании жизнеспособности только этнически «чистых» государств. В политической сфере они выступали за создание польского большинства в сейме и чисто польские правительства.

В противоположность идеям Дмовского, сторонники Юзефа Пилсудского (1867–1935) предполагали создать в Восточной Европе большую и сильную Польшу, возродив ее на федеративных началах. План Пилсудского часто именуется федералистским. Как и Дмовский, Пилсудский также рассчитывал включить в состав польского государства часть бывших территорий Первой Речи Посполитой. Так, Восточную Галицию сторонники Пилсудского считали исконной польской землей и выступали за ее интеграцию в будущее польское государство.

В теоретическом плане, основываясь на идеях своего соратника Леона Василевского (1870–1936), Пилсудский до момента реальной борьбы за границы возрожденной Польши провозглашал возможность создания некоего литовско-белорусского государства, связанного с Польшей федеративными отношениями. На украинских землях, ранее входивших в состав Российской империи, он также теоретически предлагал помочь создать союзное Польше и независимое от России украинское национальное государство. Федеративный проект был

направлен против России, которую Пилсудский считал смертельным врагом Польши. Польское государство, по Пилсудскому, является препятствием для великодержавных планов России. Если же дать России овладеть украинскими землями, то следующим ее шагом будет нападение на Польшу. Следовательно, необходимо было парализовать силы России и отгородить от нее Украину. Вопрос восточных рубежей Польши был важнейшим пунктом политической стратегии Пилсудского, который логично предполагал, что если западные рубежи Речи Посполитой определят путем арбитража державы Антанты, то на восточном направлении все решит метод свершившихся фактов для самого сильного игрока[82]. Несмотря на то, что история приписывает ему авторство федеративной концепции, Пилсудский никогда ее четко не формулировал, подходя к ней, по существу, очень инструментально. В письме к Леону Василевскому он писал: «Знаешь, мои взгляды в том отношении заключаются в том, что я не хочу быть ни империалистом, ни федералистом, пока у меня нет возможности говорить в этих делах с какой то серьезностью - ну и револьвером в кармане. В связи с тем, что в божьем мире начинает, по-видимому, побеждать болтовня о братстве людей и народов и американское доктринки, я склоняюсь на сторону федералистов»[83].

Таким образом, планы наиболее влиятельных польских политиков не предполагали ограничить территорию будущей Польши польскими этническими землями, а предусматривали включить в нее и часть бывших областей I Речи Посполитой. Создание крупного единого (соборного) украинского государства противоречило интересам польской политической элиты, так как в этом случае оно бы включало земли со смешанным населением, такие, как Восточная Галиция, где, наряду с украинцами проживали поляки. На «кресах» в крупных городах украинское население было в явном меньшинстве, а в сельской местности

крупными землевладельцами были в основном поляки.

Чешские лидеры в период образования национального государства воспринимали украинскую проблему в основном через призму внешнеполитической стратегии или научного интереса к славянской проблематике. Так, Т.Г. Масарик признавал отличие между малороссами и великороссами, национальное и этнографическое единство малороссов и русинов. Он воспринимал украинский вопрос не только как языковой, но как политический и культурный[84], связывая его решение с демократическими преобразованиями России. Масарик подчеркивал, что в вопросе о том, «являются ли украинцы отдельной нацией или только русским племенем, является ли малорусский (украинский) язык отдельным языком, или диалектом русского», эксперты не дают однозначного ответа. Он утверждал, что «украинцы даже в том случае, если бы их язык был только диалектом, могут быть отделены от русских по экономическим, социальным и полититическим причинам. Политическая независимость не регулируется только языком»[85]. В провозглашении Украинской Радой IV универсала он видел проявление антироссийской политики немцев и австрийцев.

К независимой Украине первый президент ЧСР относился негативно, поскольку это могло ослабить Россию – главный барьер немецкой экспансии на Востоке Европы. «Мы признали Украину, когда она III Универсалом провозгласила себя государством, но в рамках федеративной России. Это мы могли принять, исходя из чешской и славянской ситуации... Мы признали Украину как часть России и думали, что Украина еще будет воевать. Но в IV Универсале сказано, что войны не будет, что будет мир, и, в частности, с Австро-Венгрией... Лично я не могу признать самостоятельную Украину вне рамок России как правовое и политическое образование. Это решительно противоречит моему мнению. Разбивать Россию, на мой взгляд, – это просто работать на Пруссию», – считал

Масарик[86].

К Восточной Галиции у чехословацкого руководства после образования независимого государства было особое отношение. Чехословакия не признавала притязаний Польши на Восточную Галицию и даже рассматривала проект образования западноукраинского государства, впрочем, он так и не осуществился[87].

У чешских политиков первоначально не было однозначного мнения о включении в состав будущего государства территории карпатских русинов. Так, в 1914 г. Т.Г. Масарик писал: «включение в пределы чешского королевства некоторых русских меньшинств в этой (близ Ужгорода) области было бы желательно, так как дало бы повод к провозглашению русского, конечно, литературного, языка официальным наравне с чешским, немецким и польским языками»[88]. В то же время, в 1915 г. об этом не шла речь ни в Конституции Славянской империи К. Крамаржа, ни в меморандумах Масарика. Представленная в марте 1915 г. в Женеве карта будущего чехословацкого государства включала только небольшую часть будущей Подкарпатской Руси[89]. Впрочем, планы изменились в 1918 г. на фоне дестабилизации положения в России и интенсивной деятельности дипломатов по разработке планов послевоенного устройства Европы.

Интерес к украинской проблеме проявили румынские политические деятели, радикально настроенная часть которых выдвинула идею «Большой Румынии», предусматривавшую присоединение значительного количества смежных земель за счет внешнеполитических маневров. Эта концепция основывалась на государственном централизме, контроле над общественностью, борьбу с любыми проявлениями сепаратизма. Вопросы «восточной политики» Румынии разрабатывались И. Нистором. В его трудах обосновывалось «историческое право» Румынии на Покутье, Бессарабию и всю Буковину, сформулированные претензии на

Транснистрию[90].

§ 2. *Украинское движение и большевики в 1918 году: от федеративного союза с Россией к независимому государству*

На Украине в 1917–1920 гг. события развивались весьма динамично. Власть менялась неоднократно и внезапно. 7 (20) ноября 1917 г. Центральная Рада провозгласила образование Украинской Народной Республики в федеративном союзе с Россией. Причем, если Временное правительство ограничивало компетенцию Центральной Рады пятью губерниями – Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской и большей частью Черниговской, то УНР объявила о своей претензии также на Херсонскую, Екатеринославскую, Харьковскую, Таврическую (без Крыма), южные части Курской и Воронежской губерний.

Отношения между Центральной Радой и большевиками были далеки от идеала. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. на I Всероссийском съезде военного флота В.И. Ленин, оценивая происходившие в стране события, подчеркнул приоритет классового принципа в построении российско-украинских отношений. Он заявил, что большевикам «нечего бояться» распада России на отдельные республики: «Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций. …Мы скажем украинцам: как украинцы, вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем братскую руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии»[91]. В записке по прямому проводу Н.В. Крыленко 24 ноября (7 декабря) 1917 г. Ленин и Л.Д. Троцкий подчеркивали: «Мы считаем, что... Рада явно и решительно встала на

сторону кадетско-корниловской и калединской контрреволюции. Мы за советскую власть в независимой республике Украинской, но не за контрреволюционную калединскую Раду»[92]. Совет Народных Комиссаров в своем манифесте от 3 (16) декабря 1917 г. с одной стороны, признавал УНР и ее право отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой, но с другой обвинял Центральную Раду в двусмысленной буржуазной политике в отношении Советов и Советской власти (отказ созвать краевой съезд украинских Советов, дезорганизация фронта, разоружение советских войск на Украине и т.п.) «Мы обвиняем Раду в том, – говорится в документе, – что, прикрываясь национальными фразами, она ведет двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине…»[93]. Очевидно, что признание право украинского народа на национальную независимость увязывалось с советским характером государственного образования. Совнарком не желал признавать Центральную Раду, поскольку та не была избрана Всеукраинским съездом Советов. 11–12 декабря в Харькове был созван Первый Всеукраинский съезд Советов, в резолюции которого значилось: «В условиях современного буржуазно-капиталистического общества, основанного на существовании классов с противоположными интересами и с обостренной борьбой между буржуазией и пролетариатом, принцип права наций на самоопределение приобретает противоречивый характер, смотря по тому, кто осуществляет этот принцип: буржуазия или пролетариат. Победа рабоче-крестьянской революции и декрет Совета Народных Комиссаров уничтожает всякие формы национального угнетения и неравенства в России. На Украине же проведение в жизнь этого принципа попало в руки украинской буржуазии и мелкобуржуазных социалистов, которые, провозгласив Украинскую Республику, проводят мелкобуржуазную политику в интересах буржуазии

не только украинской, но и неукраинской. … Поэтому I Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, признавая Украинскую Республику как федеративную часть Российской Республики, объявляет решительную борьбу пагубной для рабоче-крестьянских масс политике Центральной рады, раскрывая ее буржуазный, контрреволюционный характер. Съезд будет бороться за самоопределение Украины в интересах рабочих и крестьян, за их господство, за устранение всяких национальных ограничений, всякой национальной вражды и ненависти, за Украинскую рабоче-крестьянскую республику, основанную на тесной солидарности трудящихся масс Украины, независимо от их национальной принадлежности, с трудящимися массами всей России»[94].

На съезде украинские большевики объявили о переходе власти в их руки. Поскольку Центральная рада не была согласна с таким решением, противостояние вскоре приняло вооруженные формы. Большевистские войска начали наступление и к середине января (ст. ст.) 1918 г. захватили власть почти на всей Правобережной Украине.

Однако удержать власть на Украине большевикам оказалось очень трудно. Центральная рада провозгласила 11(24) января 1918 г. независимость УНР[95]. Переговоры о мире со странами Четверного союза, начавшиеся в декабре 1917 г., придавали борьбе за власть на Украине особую остроту: большевики, стремясь не допустить подписание договора с правительством УНР, пытались овладеть Киевом. Советские войска под командованием левого эсера М.А. Муравьева 26 января (8 февраля) 1918 г. вступили в Киев, официально сообщив о ликвидации последних очагов сопротивления и овладении всеми правительственными зданиями в 10 часов вечера. Большевики рассчитывали на то, что если немцы и заключат «фиктивный договор с мертвецами», то «шила в мешке не утаишь». Однако договор Четверного союза с Украинской Народной Республикой

все же был заключен буквально в ночь на 27 января (9 февраля)[96]. Германские войска восстановили власть Центральной Рады на Украине.

В этих условиях некоторыми региональными организациями большевиков были предприняты попытки создания отдельных государственных образований на территории, на которую претендовала УНР. Уже первый Всеукраинский съезд советов в Харькове показал, что единого мнения об организации советской власти на Украине нет. Как вспоминала активная большевичка Е.Б. Бош, «настроение собравшихся товарищей было чрезвычайно возбужденное, горячились, нервничали, говорили, перебивая и не слушая друг друга, торопились принять решение и вместе с тем никто не вносил определенных предложений». Одни делегаты предлагали признать Центральную Раду, другие считали, что Донецко-Криворожская область должна присоединиться к России, меньшевики призывали к созданию Донецко-Криворожской автономной области, независимой и от России, и от украинской центральной власти[97]. Н.А. Скрыпник предлагал включить Донецкий и Криворожский районы в состав Южнороссийской Украинской Республики – части Всероссийской Федерации Советских Республик[98]. В то время, как руководители УНР подписывали договор с Четверным союзом, на IV областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, который состоялся 27–30 января (9–12 февраля) 1918 г. в Харькове, было объявлено о создании Донецко-Криворожской Советской Республики[99]. Главой Совнаркома этой республики стал Артем (Ф.А. Сергеев).

На съезде разгорелись острые дебаты: какой принцип – экономический или национальный – необходимо положить в основу организации республики. Сторонниками экономического принципа были Артем, С.Ф. Васильченко, В.Г. Филов, М.Н. Жаков и др. Они считали Донецко-Криворожский бассейн самодостаточным в экономическом отношении, и следовательно, вполне способным выделиться в отдельную

республику. Член советского правительства Скрыпник выступал против создания Донецко-Криворожской республики и выделения ее из Украины, считал, что это означает подрыв советской власти и предлагал провозгласить Донецкий бассейн автономной частью украинской советской республики, которая входит в Российскую Федерацию[100]. Впрочем, большинством голосов была принята резолюция, внесенная Васильченко, в которой говорилось: «Донецкий и Криворожский бассейн, как область, что уже и в настоящий момент имеет свою определенную экономическую хозяйственную физиономию, должен иметь собственные органы экономического и политического самоуправления, единственные органы власти, которые организуют в бассейне политический, экономический и культурный правопорядок Советской республики»[101]. Такое решение свидетельствовало о желании отмежеваться от «националистической Центральной Рады», не допустить расширения ее влияния на Донецко-Криворожский бассейн после подписания договора между УНР и странами Четверного союза. Однако подобные надежды не оправдались, и австро-немецкие войска начали оккупацию восточных территорий УНР. В апреле 1918 года Совнарком Донецко-Криворожской республики провел совещание партийных, советских и военных организаций, на котором были определены меры для дальнейшего усиления обороны Донецкого бассейна[102]. Но несмотря на сопротивление, в течение второй половины апреля на территории Донбасса был установлен оккупационный режим.

Лидер большевиков с большим вниманием отнесся к событиям на Донбассе: в конце февраля В.И. Ленин встречался с В.И. Межлауком, в начале марта – с Артемом[103]. В телеграмме В.А. Антонову-Овсеенко 28 февраля Ленин указывал: «Против автономии Донской области ничего не имею. Географические границы этой автономии должны быть определены по соглашению с населением смежной полосы и автономной республики

Донецкого бассейна»[104]. А 3 марта 1918 г. секретариат ЦК РКП(б) приветствовал возникновение Донецко-Криворожской республики специальной телеграммой[105].

Однако судьба революции в этом регионе в условиях наступления немецких и австрийских войск оказалась под угрозой, и вставал вопрос о необходимости обеспечить единый фронт против внешнего врага. 14 марта Ленин в своей телеграмме Орджоникидзе ясно выразил свое отношение к Донецко-Криворожской республике: «Что касается Донецкой республики, передайте товарищам Васильченко, Жакову и другим, что, как бы они ни ухитрялись выделить из Украины свою область, она, судя по географии Винниченко, все равно будет включена в Украину и немцы будут ее завоевывать. Ввиду этого совершенно нелепо со стороны Донецкой республики отказываться от единого с остальной Украиной фронта обороны. Межлаук был в Питере, и он согласился признать Донецкий бассейн автономной частью Украины; Артем также согласен с этим; поэтому упорство нескольких товарищей из Донецкого бассейна походит на ничем не объяснимый и вредный каприз, совершенно недопустимый в нашей партийной среде. Втолкуйте все это, тов. Серго, крымско-донецким товарищам и добейтесь создания единого фронта обороны»[106].

15 марта под руководством Ленина состоялось заседание ЦК РКП(б) с участием членов Народного секретариата В. Затонского и В. Шахрая, а также главы СНК ДКР Артема. Обсуждался вопрос о взаимоотношениях между Украинским советским правительством и Донецко-Криворожской Республикой. ЦК постановил: «Донецкий бассейн рассматривать как часть Украины», и обязал всех партийных работников «работать совместно по созданию единого фронта обороны», обеспечить участие советов со всей Украины, в том числе из Донецкого бассейна, во II Всеукраинском съезде советов, на котором необходимо создать одно правительство для всей

Украины[107]. Действительно, съезд советов, проводившийся 17–19 марта 1918 года в Екатеринославе, создал единое правительство Украины.

Следует признать, что для того времени образование Донецко-Криворожской республики не было уникальным явлением. Сразу же после установления советской власти в Одессе 17 (30) января 1918 г. была провозглашена Одесская Советская Республика (в основном охватывала Херсонскую губернию), просуществовавшая до 13 марта. Одесский СНК возглавил В.Г. Юдовский. В марте–апреле 1918 г. существовала Советская Социалистическая Республика Тавриды, также заявившая о своем вхождении в состав РСФСР. Возникновение подобных республик являлось результатом провозглашенного большевиками курса на федеративное строительство. На местах появлялись различные государственные формирования, образованные не только по национальному, но и по территориальному признаку. Например, существовала Калужская советская республика[108]. Весной 1918 года были провозглашены Терская советская республика, Таврическая социалистическая республика, Донская советская республика, Кубано-Черноморская советская республика и др. Четким правовым статусом такие республики не обладали, большая часть их прекратила существовать или под напором белогвардейцев, или в результате интервенции.

Образование советской федерации только началось. Несмотря на то, что в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая была принята в январе 1918 г. третьим Всероссийским съездом Советов, говорилось, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик»[109], вопрос о принципах федерации оставался весьма актуальным. Работа Конституционной комиссии ВЦИК, начавшаяся в апреле 1918 г., показала, что единство в определении принципов федерации отсутствует. Одни отстаивали национальный

признак построения РСФСР, другие – экономический. Так, принимавший участие разработке первой советской конституции ученый-юрист М.А. Рейснер считал определяющим признак экономический, т.е. членами федерации должны быть хозяйственные единицы, а И.В. Сталин настаивал на том, что области, обладающие особым бытом и национальным составом населения, одновременно представляют собой целостные экономические территории и отстаивал национальный признак построения РСФСР[110].

В этих условиях появление Донецко-Криворожской республики отражало желание местных большевиков дистанцироваться от «буржуазной» УНР, заключившей союз со странами Четверного Союза, тем более что вопрос о принципах построения советской федерации оставался не до конца решенным. Тем не менее, в сложных внутри- и внешнеполитических условиях большевистское руководство продолжали поддерживать лозунг свободы наций, их права на самоопределение, исходило из необходимости создания крупной советской украинской республики, включавшей промышленные районы на востоке и юге. Именно промышленные районы с пролетарским населением, являвшиеся потенциальной социальной базой РСДРП(б), должны были стать опорой на Украине в сложной международной обстановке.

Советская Россия была вынуждена подписать 3 марта в Брест-Литовске мирный договор с союзниками (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией). В соответствии с условиями Брестского мира большевики признали независимость УНР, хотя и считали это мерой вынужденной, а существование независимой Украины – лишь результатом внешнеполитических обстоятельств, лишенным каких-либо внутренних обоснований. Украина была занята германскими и австро-венгерскими войсками. В конце апреля 1918 г. к власти на Украине пришел бывший генерал-лейтенант русской армии П.П. Скоропадский, провозглашенный гетманом Украинской Державы[111].

В такой непростой социально-политической ситуации политика по внедрению украинского языка в общественную и культурную жизнь, поддержка украинской культуры в Украинской Народной Республике и Украинской державе, проводившаяся различными ее правительствами и являвшаяся символом суверенизационного процесса, приковывала к себе пристальное внимание со стороны различных общественных и политических сил. Такая политика именовалась «украинизацией», восприняв, таким образом, термин, впервые введенный в оборот М.С. Грушевским[112].

Особое значение правительства УНР и Украинской Державы придавали статусу украинского языка, который должен был стать языком законодательства, администрации, армии. Основные усилия «незалежных» властей были направлены на введение украинского языка в систему образования (на всех уровнях – от начального до высшего), в издательский процесс (издание газет, журналов, книг, особенно учебной литературы и т.п.), развитие украинского театрального и музыкального искусства, музейного дела и т.п.

Так, уже вскоре после Февральской революции, 18 марта 1917 г. была открыта первая украинская гимназия им. Т.Г. Шевченко в Киеве, которая финансировалась за счет средств украинских деятелей и обществ. Если участники всеукраинских учительских съездов, которые прошли в апреле и августе 1917 г., принимали решения об украинизации школьного образования, то учительские съезды губернского и уездного уровня были далеко не так категоричны и сторонники украинизации часто оказывались в меньшинстве[113]. Министерство народного просвещения УНР в марте 1918 г. пришло к выводу, что «широкие намерения в отношении украинизации не оправдались»[114].

Большое внимание языковому вопросу уделялось и в гетманской Украине. 7 мая 1918 г. Совет министров, рассматривая вопрос о языке

судопроизводства, постановил признать, что украинский язык является государственным языком, и все учреждения должны перейти на этот язык. Министерство военных дел постановило все официальное общение перевести на государственный (т.е. украинский) язык, а в учреждениях и частях должны были быть организованы курсы украиноведения. Министерство внутренних дел обязало сотрудников почты, телеграфа и телефонных станций во время исполнения своих служебных обязанностей пользоваться лишь государственным языком. Министерство путей сообщения также объявило о необходимости помнить, что в Украинской Державе государственным языком является украинский. Однако проведение в жизнь украинизации наталкивалось на проблему недостаточного знания украинского языка специалистами, причем государственные учреждения постоянно пополнялись выходцами из великороссийских губерний, отнюдь не стремившимися изучать украинский язык[115].

Проблема кадров стояла очень остро. Скоропадский вспоминал, что спустя несколько дней после переворота к нему явились представители украинских партий и заявили о своей готовности поддерживать гетмана, если он согласится на роль президента республики. Скоропадский же считал это гибельным, поскольку спасти страну можно только диктаторской властью[116]. В результате после переворота партии социалистической и национальной ориентации стали в оппозицию к режиму гетмана, и Скоропадский столкнулся с острой кадровой проблемой: «Украинцы все говорят о том, что я пользовался русскими силами для создания Украины, – писал гетман. – Да потому, что одними украинскими силами нельзя было создать ничего серьезного. Культурный действительно класс украинцев очень малочислен. Это и является бедой украинского народа»[117].

Личные убеждения Скоропадского и его окружения, с одной стороны, и «кадровый голод», с другой, обусловили особенности проведения украинизации в период гетманата. Вице-премьер и министр просвещения Н.П. Василенко, известный ученый, член ЦК партии кадетов, подчеркивал, что «ни о какой насильственной украинизации не может быть и речи»: «Я по своим убеждениям абсолютно далек от насильственных методов в сфере культуры»[118]. Позднее Скоропадский в своих воспоминания писал: государственным языком на Украине должен быть украинский, но он ничего не имел против того, «чтобы со временем оба языка, т.е. русский и украинский, были равноправны». Боязнь некоторых украинцев, что русский язык «затрет» украинский, утверждал гетман, «показывает отсутствие веры в Украину». Тем не менее пока «положение с языками так остро», «украинский язык будет один»[119].

Тем не менее, большое внимание уделялось украинизации в образовательной и культурной сферах. Гетманское Министерство просвещения 22 июля 1918 г. обратило внимание местных органов власти на обязательное введение обучения в начальной школе для украинского населения на украинском языке, а 29 августа было введено изучение украинского языка в школах, где обучение проводилось не на украинском языке, т.е. для школ национальных меньшинств. Наконец, 1 августа Совет Министров Украинской Державы гетмана Скоропадского установил обязательное изучение украинского языка и литературы, истории и географии Украины во всех средних общеобразовательных и профессиональных школах, духовных и учительских семинариях и институтах. 3 августа гетман утвердил этот закон[120].

В сентябре в 1918 г. Совет министров принял закон об объявлении прежних русских высших школ на территории гетманата украинскими государственными вузами. Это университеты св. Владимира в Киеве, Харьковского, Новороссийского (Одесса), а также технические вузы –

Катеринославский горный, Харьковский технологический и ветеринарный, Киевский политехнический институты. Никаких предостережений относительно языка преподавания документ не содержал. Впоследствии был принятый закон об объявлении Нежинского историко-филологического института князя Безбородька украинским государственным высшим учебным заведением. При Харьковском, Новороссийском университетах и Нежинском институте открывались ряд кафедр украиноведческого направления.

Несмотря на непростые условия, украинским правительствам удалось добиться определенных успехов (особенно Центральной Раде и гетманскому правительству). Создавались украинские школы (только в 1917 году было открыто 215 так называемых высшеначальных школ, а к концу 1918 года число украинских гимназий достигло 150). Число периодических изданий на украинском языке достигло в 1917 году 106 названий и 212 в 1918 году. Что касается книг, то в 1917 году вышло 747 наименований, в 1918 г. – 1084, 1919 г. – 665[121]. В 1918 году была создана Украинская Академия наук. При русских высших учебных заведениях открывались кафедры украиноведения, кроме того, был открыт университет в Каменце-Подольском, историко-филологический факультет в Полтаве, Народный университет в Киеве был преобразован в Украинский госуниверситет, была открыта Национальная библиотека, работали несколько национальных театров.

Сущность украинизаторской деятельности Центральной Рады выразил заместитель ее председателя известный писатель В.К. Винниченко: «Мы, украинцы, хотели жить и проявлять себя во всех сферах и областях жизни. Мы полагали, что все общественные, политические и социальные учреждения должны быть для народа, а не народ для них. На Украине – народ украинский, Поэтому для него, как украинского народа

должны быть все учреждения: правительство, администрация, школа, суд. А также и армия»[122].

Украинизация, по мысли ее инициаторов, должна была охватить все стороны жизни общества. Однако условия гражданской войны не позволили провести все задуманное в полной мере. К тому же большинство украинского населения было озабочено другими, в первую очередь социально-экономическими, проблемами. По сравнению с продовольственной и аграрной проблемами появление украинских школ, книг на украинском языке и кафедр украинознавства казалось второстепенным явлением. На мероприятия по украинизации из-за их ярко выраженного политизированного характера обращали внимание прежде всего представители интеллигенции. Настроения русского общества[123] весьма образно зафиксированы в «Белой гвардии» М.А. Булгакова. Естественно, много внимания уделялось новому статусу украинского языка: «… Кто терроризировал русское население этим гнусным языком, которого и на свете не существует? Гетман[124]», – говорит Алексей Васильевич Турбин. И далее: «Сволочь он (гетман. – *Е.Б.*), ведь он же сам не говорит на этом проклятом языке!»[125]. Турбину возражает Леонид Юрьевич Шервинский: «Я должен сказать в защиту гетмана. Правда, ошибки были допущены, но план у гетмана был правильный. О, он дипломат. Край украинский, здесь есть элементы, которые хотят балакать на этой мове своей, – пусть!» Но Турбин с этим не был согласен: «Пять процентов, а девяносто пять – русских!..»[126]

Киевский присяжный поверенный и общественный деятель А.А. Гольденвейзер в своих «Киевских воспоминаниях» упомянул о том резонансе, который вызывало это явление в обществе. Он отмечал, что украинизация «приводила в смущение всех неукраинцев, причастных к школе, науке, адвокатуре. Украинский язык, с которым впоследствии немного свыклись, вызывал аффектированные насмешки; никто не

собирался учиться этому языку»[127]. Но если действия Центральной рады по украинизации («борьба против русского языка») мемуарист считал просто «некультурным и вредным», то политика гетмана Скоропадского воспринималась им совершенно по-другому. Если Грушевский и Винниченко, писал Гольденвейзер, боролись за «осуществление мечты всей их жизни», то политика гетмана «с самого начала была совершенно беспринципной». «Единственным постоянным элементом в правительственной программе было угождение немцам, – говорится в «Киевских воспоминаниях». – Немцы, по-видимому, хотели образования независимой Украины; поэтому гвардейский офицер Скоропадский стал украинским националистом и самостийником. […] Это был лицемерный, притворный национализм»[128]. Украинизационные мероприятия Скоропадского воспринимались Гольденвейзером столь негативно, во-первых, из-за сотрудничества гетмана с врагом Российской империи – Германией. Кроме того, автор воспоминаний не верил в искренность «украинских чувств» бывшего царского генерала, представителя военной элиты Российской империи.

Наблюдение Гольденвейзера подтверждается и мемуарами других современников. Вспоминая о событиях 1917–1919 гг., Т.М. Кардиналовская (жена украинского премьера В.А. Голубовича) прежде всего упоминала о негативном восприятии украинизации со стороны киевской интеллигенции: «…одни протестовали из-за нетерпимости ко всему украинскому, другие из-за ее насильственного насаждения». Большое впечатление на Кардиналовскую произвели печатавшиеся в газете «Русская мысль» длиннейшие списки людей, подписавшихся под лозунгом «Я протестую против насильственной украинизации Юго-Западного Края». При этом, по словам мемуаристки, фамилии были не только русские, но и украинские[129].

Протесты против украинизации были довольно широко распространены. «Начался целый ряд заседаний школьных советов, школьных родительских комитетов, на которых, дружно объединившись, черносотенец и демократ, единодушно стали выносить протест за протестом, посылая их в правительство, – свидетельствовал Винниченко. – Они протестовали против “насильственной украинизации”!»[130] Если украинизация среднего образования вызывала множество вопросов со стороны родителей, то в высших учебных заведениях она зачастую негативно воспринималась научной интеллигенцией. Так, профессора университета св. Владимира в Киеве категорически воспротивились стремлениям Центральной рады перестроить университетский уклад в интересах украиноведения. 26 июля 1917 г. Совет университета св. Владимира направил Временному правительству протест против насильственной украинизации Южной России. Особенно беспокоила профессуру ориентация украинского движения на «политическое обособление и отчуждение от остальной России тех областей, которые они считают украинскими» и стремление сделать украинский язык языком преподавания на Украине[131]. А ректор Одесского университета, получив от генерального секретаря по делам образования письмо с просьбой прислать отчет о ходе украинизации учебного заведения, вернул ее с требованием перевести на государственный русский язык, поскольку он не знает языка украинского[132].

Неприятие украинизаторских мероприятий было весьма существенным фактором. Газета «Голос Киева» опубликовала 13 июня 1918 г. обращение правления Союза служащих правительственных учреждений Винницы к властям. В тексте говорилось об отсутствии необходимости введения украинского делопроизводства в учреждениях, поскольку «случаев взаимного непонимания между этими учреждениями, с одной стороны, и местным населением – с другой, никогда не было»[133].

«Более того, – читаем далее в документе, – такие случаи возможны именно при введении украинского языка, ибо последний в своей литературной форме почти ничего общего с местным просторечием не имеет»[134]. Служащие же вполне понимают, «а в некоторых случаях и объясняются» на «простом языке местного населения». Украинским литературным языком никто не владеет[135].

Украинский общественный деятель, оказавшийся после гражданской войны в эмиграции, Н.М. Могилянский в своих воспоминаниях о пережитом в Киеве в 1918 г. задавался вопросом: «Пользуется ли «украинизация»[136] симпатиями широких масс населения Украины?»[137] Пытаясь честно разобраться в ситуации, Могилянский признавал, что «в той исторической стадии, в какой жило тогда население Украины, оно было более чем равнодушно ко всяким попыткам и затеям украинизации»[138]. Подтверждая мнение других современников, мемуарист также отмечал отрицательное отношение к украинизации со стороны широких слоев населения: «Как показали грустные события и переживания Киева, Харькова, Одессы, население городов везде имеет явную склонность к большевизму, а деревня везде жаждала одного: земли!»[139] Более того, Могилянский считал единственными «союзниками» украинизации немцев, «которые были заинтересованы углублением «украинизации» для успеха расчленения России»[140].

Для полноты картины приведем еще одно мнение. В своих «Очерках русской смуты» генерал А.И. Деникин весьма резко отзывался о происходивших на Украине событиях. Он называл программу гетманского правительства не иначе как «национальным шовинизмом и украинизацией»: «Министр внутренних дел Кистяковский вводил закон об украинском подданстве и присяге; министр народного просвещения Василенко приступил к массовому закрытию и насильственной украинизации учебных заведений; министр исповеданий Зеньковский

готовил автокефалию украинской церкви… Все вместе в формах нелепых и оскорбительных рвали связь с русской культурой и государственностью»[141].

Характерны и другие примеры негативного восприятия украинизации со стороны широких слоев русской и украинской интеллигенции. В отличие от государственных деятелей Украинской Народной Республики, считавших украинизацию закономерным процессом, сопровождавшим строительство украинской государственности, русская и русскоязычная общественность считала, что подобные мероприятия со стороны правительства нарушают «равенство национальностей». Вот какие мысли высказывал В.И. Вернадский (заметим, что отец академика был этническим украинцем) в апреле 1918 г.: «Сейчас в Полтаве очень тревожное чувство в связи с начинающейся насильственной украинизацией. Через три недели вывески магазинов д[олжны] быть по-украински… Всюду предписано ввести делопроизводство на укр[аинском] яз[ыке]. Вводят на язычии. Возбуждается ненависть к языку»[142]. Украинизацию Вернадский называл «насильственной» и считал ее «полным нарушением равенства национальностей»[143], неоднократно указывал на численность русского населения на Украине и на сильное влияние там русской культуры. «Едва ли может при условиях, какие есть в стране, возродиться Украйна с чисто украинским языком и культурой, – писал Вернадский. – Для этого нет ни одного слоя, который бы поддерживал и был охвачен этой идеей»[144].

Вернадский считал, на Украине «удивительно сильна русская культурная струя, и ясно, что украинизация едва ли может пройти»[145]. Поэтому для ученого «борьба за русский язык как равный в общественной и культурной жизни» была, конечно, борьбой «за права меньшинств». Но в то же время он подчеркивал «значение русского языка как мирового языка для подъема образования народа и интеллигенции»: «Не может быть

заменен чуждым и трудным для понимания английским или немецким, или французским яз[ыками]»[146]. Такое замечание появилось в дневниках не случайно. Вопрос о языке приобретал особую важность в процессе образования Украинской АН, причем мнение Вернадского о значении русского языка многие не разделяли. 8 июня 1918 г. Вернадский сделал запись о своей встрече с М.С. Грушевским и передал его мнение по поводу языка работ будущей академии наук: «укр[аинский] с правом фр[анцузского] или нем[ецкого] сопровожд[ения] (русский яз[ык] исключается)»[147]. Многочисленные дебаты по поводу вопроса о языке работ и издания не утихали. Первоначально уставом закреплялось печатание трудов на украинском языке и на том, каком пожелает автор. Однако в декабре 1918 г. были внесены изменения, согласно которым труды должны были печататься на украинском языке, и по желанию – одновременно на французском, или немецком, английском, итальянском, латыни[148].

При этом Вернадский отнюдь не был ярым противником украинского языка и культуры, напротив, он считал «возрождение украинского языка очень положительным явлением»[149]. Для Вернадского было важным не допустить разрыва украинской и русской культуры: «Я указывал на силу русской культуры и на необходимость мирного творческого сожительства с украинской. Не допускать тяги в сторону, и это возможно»[150]. По его словам, было необходимо объединить украинцев, «работающих в украинск[ом] возрождении, но любящих русскую культуру, для них тоже родную», и «сохранить связь всех ученых и научно-учебных учреждений с русской культурой и аналогичной русской организацией, а не немецкой»[151]. Необходимо всячески «сохранить научную и культурную связь с Россией»[152], – считал Вернадский. В то же время ученый с горечью отмечал, что многие русские не могут осознать, что «отделение от России есть совершившийся факт»[153], и единственный

выход, с его точки зрения – «рост русской культуры», остающейся связующим звеном «между оторванными частями государства». «Поражаешься малым сознанием происшедшего среди русского общества»[154], – писал Вернадский 1 июня 1918 г. по дороге из Полтавы в Киев.

Впрочем, по его мнению, вина лежит и на представителях украинского движения: Вернадский отмечал «низкий моральный уровень украинских деятелей»[155], «узкий и мелкий шовинизм этого движения», «несправедливое отношение к русской культуре»[156]. Вернадский решительно осуждал «зоологические украинские и великорусские настроения», подчеркивая, что опору в жизни он находит «только в самом себе», «в глубине своей личности»[157].

Подчеркнутое знаменитым ученым обострение национальных противоречий в УНР являлось не просто следствием украинизаторских усилий Центральной Рады, Гетманата и Директории, но и отражало характерную для распада имперских структур ситуацию. Общественное мнение разделилось не только по партийно-политическому признаку, но и по национальному: политика украинских правительств изменяла сложившуюся культурно-языковую ситуацию, украинский язык проникал в ранее недоступные для него сферы, что создавало дополнительную социальную напряженность. Русская интеллигенция была встревожена и озабочена новой ролью украинского языка в культурном пространстве Украины, предложенной национальными правительствами. Несмотря на то, что Российская академия наук признала самостоятельный статус украинского языка, среди русской интеллигенции по-прежнему была широко распространена точка зрения по-прежнему рассматривать украинский язык как «наречие», а попытки активного внедрения в массовое сознание украинской идентичности вызывали, по крайней мере, недоумение.

Между тем, большевики предлагали свои рецепты решения украинского вопроса. Выступая на III Всероссийском съезде Советов 18 (31) января 1918 г. с заключительным словом, Ленин выразил твердую уверенность в добровольном объединении трудящихся всех наций вокруг России. «Мы видим сейчас, что наши идеи победили в Финляндии, на Украине и побеждают на Дону, пробуждают классовое сознание трудящихся и организуют их в твердый союз, – заявил лидер большевиков. – Мы действовали без дипломатов, без старых способов, применяемых империалистами, но величайший результат налицо – победа революции и соединение с нами победивших в одну могучую революционную федерацию. Мы властвуем, не разделяя, по жестокому закону древнего Рима, а соединяя всех трудящихся неразрывными цепями живых интересов, классового сознания. … Вот основа нашей федерации, и я глубоко убежден, что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима. Добровольность объединения подсказывалась конкретными условиями 1917 г урегулировать отношения с уже с созданными национальными образованиями»[158].

Сталин, выступая на том же съезде 15 января с докладом по национальному вопросу, фактически ставил национальный вопрос в зависимость от классового, трактуя принцип самоопределения как право исключительно «трудовых масс данной нации». Анализируя ряд конфликтов «между Советом Народных Комиссаров и окраинами», наркомнац сделал вывод, что «эти конфликты, однако, создавались не вокруг вопросов национального характера, а, именно, вокруг вопроса о власти». На примере Центральной Рады докладчик доказывал, «каким образом принцип самоопределения был использован буржуазно-шовинистическими кругами Украины в своих классовых

империалистических целях». «Все это указывает на необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации, – заявил докладчик. – Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма»[159]. Как показала полемика по национальному вопросу на VIII съезде партии в 1919 г., многие большевики разделяли сталинский подход.

Действительно, выработка официального курса национальной политики проходила в острых дискуссиях. Хотя многие коммунисты, уповая на грядущую мировую революцию, отвергали значение национальной культуры и считали нации принадлежностью безвозвратного исторического прошлого, в своей реальной политике им приходилось учитывать особенности менталитета «отсталого» населения, подверженного «национальным пережиткам». Продолжение русификаторской политики в этой ситуации было невозможно. Сохранение Украины как одного из «плацдармов социализма» в Европе настоятельно требовало нейтрализации «буржуазного влияния» на крестьянство как большинства населения Украины.

В этой ситуации национальная окраска советской власти на Украине могла сыграть решающую роль: если остановить распад Российской империи было весьма проблематично, то было возможно бороться за установление в независимых республиках советской власти. Проводить в жизнь национальную политику советской власти должен был созданный в числе первых народных комиссариатов Народный комиссариат по делам национальностей, который возглавил Сталин. В мае 1918 г. при Наркомнаце был создан украинский отдел (позже – украинское представительство). В задачи этого отдела входила организация «украинского общественного мнения в пользу Российской Советской Федеративной Республики»[160]. Отдел должен был вести строгий контроль

за проезжающими на Украину и обратно, «ибо много вредного элемента с определенной целью являются за пропусками».

Культурно-просветительная и агитационная работа должна была вестись как среди «московской колонии украинцев и украинских красноармейцев», так и «военнопленными галичанами», а также «между приходящим элементом», «который часто очень мало знакомый с задачами Советской власти». Предусматривалась и «посылка агитаторов на места». Отдельным пунктом значилась задача ликвидации «всех контрреволюционных организаций»[161].

Идеологическая направленность большевистской национальной политики была особенно очевидна. Основное внимание большевики уделяли борьбе с «буржуазным влиянием» среди «масс трудового народа». Так, в начале мая 1918 г. руководители Наркомнаца одной из основных задач комиссариата считали борьбу с «контрреволюцией во всех ее национальных проявлениях». «Так как Советы и центральные учреждения Советской власти часто плохо разбираются в физиономии различных национальных обществ, учреждений и кругов, то Народный комиссариат по делам национальностей является тем органом, который в этом отношении должен оказывать Советской власти существенную помощь»[162], – указывалось в одном из писем Наркомнаца, адресованном во ВЦИК. «Идеологически вредными» считались все неподконтрольные большевикам общественные организации с национальной окраской. К последним относились и украинские «Просвиты».

Когда стало очевидным, что Украина не войдет в качестве составной части в РСФСР, главной задачей украинского представительства при Наркомнаце стала работа среди украинцев, «живущих в качестве национального меньшинства вне пределов Украины на территории РСФСР»[163]. На местах предполагалось развернуть широкую сеть местных подотделов украинского отдела Наркомнаца. Такие подразделения в

разное время существовали в Ярославле, Тамбове, Калуге, Брянске, Орше, Курске, Петрограде, Самаре, Воронеже[164]. Борьба за политическое влияние была весьма жесткой. Представители Наркомнаца действовали в тесной связи как с местными исполкомами, так и с местными отделениями Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и органами Военного управления. Таким образом действовал, например, Украинский Воронежский отдел, руководитель которого, некий тов. Москаленко, отмечал: «20-го октября с.г. (1918 г. – *Е.Б.*) указанный отдел начал функционировать... Контрреволюционерам и буржуазии были сразу закрыты до сего времени открытые ворота. Многие контрреволюционеры принимали меня за Украинского Консула, почему не стесняясь приходили за пропусками и служащие советской Красной Армии, бывшие офицеры, желающие поступить в ряды Красновской Армии, а также в ряды Армии пана Скоропадского. Подобные лица мною арестовывались».

Репрессии проводились не только в отношении отдельных лиц, но и целых организаций. В том же Воронеже 27 октября 1918 г. была закрыта Украинская Воронежская Громада, «поводом к закрытию этой громады послужило контрреволюционное направление этой организации». «При обыске обнаружено много литературы правых эсеров, а также портреты профессора Грушевского и других врагов Советской власти». Разрушительную работу оказалось вести легче, нежели созидательную. Так, библиотеку и читальню открыть удалось, но попытка открыть школу для «младшего возраста беженцев и эвакуированных украинцев» потерпела поражение: желающих обучаться на украинском языке попросту не оказалось[165].

Организация местных украинских отделов на территории РСФСР не всегда проходила успешно, и украинское представительство Наркомнаца вынуждено было признать в качестве «печального факта», что «в широких кругах русского общества, не исключая даже ответственных советских и

партийных работников, до сих пор еще существует полное непонимание значения всестороннего развития украинской национальной культуры, как основы строительства социалистического общества среди украинского народа». На деле это нередко приводило – «сознательно или бессознательно» – к печальным последствиям: «...по отношению к лицам украинского происхождения и даже к целым украинским организациям принимаются меры в лучшем случае тормозящие их деятельность, а в худшем – прямо... идущие вразрез с постановлением руководящих правительственных и партийных органов РСФСР»[166].

После Брестского мира в новых внешнеполитических условиях встал вопрос об оформлении организации большевиков Украины и о дальнейшей тактике большевиков по украинскому вопросу. К началу 1918 г. на Украине действовали два самостоятельных областных объединения РСДРП(б) – Донецко-Криворожского бассейна и Юго-Западного края, придерживавшиеся различных взглядов на перспективы развития большевистской партии на Украине.

Во главе киевских большевиков стоял Г.Л. Пятаков. Вместе с группой единомышленников он составил группировку, получившую название «левой». «Левые» были убеждены в том, что в мире идет решающая схватка между капитализмом и социализмом и рассматривали украинскую революцию как составную часть мировой революции. Брестский мир оценивался негативно, а Украина должна была служить делу продолжения мировой революции. Один из большевистских партийных деятелей той поры, А.И. Буценко (в 1917–1919 гг. он работал в Полтаве) особо подчеркивал данный момент. По его словам, Пятаков считал, что «Украина должна явиться плацдармом для развертывания революции дальше на запад без помощи русского пролетариата за перманентное восстание, а не ждать, пока все партийные организации

проведут должную подготовку к организованному повсеместному вооруженному восстанию»[167].

Именно в интересах революционной борьбы Пятаков предлагал объединить все большевистские организации Украины. В ноябре 1917 г. по его инициативе была проведена партийная конференция Юго-Западного края и провозглашено создание региональной большевистской организации «Социал-демократия Украины», правда, не получившая одобрения ЦК РСДРП(б)[168].

Большевиков Екатеринослава и Донбасса возглавлял Э.И. Квиринг. «Правые» Донбасса считали, что без помощи России революция на Украине бесперспективна и поэтому были убежденными сторонниками тесного союза с Москвой. «Правые» не желали идти на контакт с киевской организацией и выступили инициаторами создания упоминавшейся выше Донецко-Криворожской Советскую Республику в январе 1918 г. Инициаторов образования этой республики вдохновляла идея сохранения всего Донецко-Криворожского бассейна с Харьковом в составе Российской республики на положении отдельной единой области.

«Левые» и «правые» не ладили между собой, и для сглаживания «острых углов» на Украину послали в конце 1917 г. старого большевика (члена партии с 1897 г.) Н.А. Скрыпника, а в начале 1919 г. – другого партийца, деятеля болгарского и международного социалистического движения Х.Г. Раковского.

При этом многие большевики на Украине (особенно екатеринославская, харьковская, одесская организации) выступали резко против даже формальной украинизации партии. Буценко вспоминал, как в Луганском горисполкоме некий Червяков арестовал делегатов II Всеукраинского съезда Советов (март 1918 г.), приехавших проводить украинизацию госаппарата и «разговаривавших на украинском языке»[169]. По его оценке, «основная беда правых заключалась в том, что они

недооценивали национального вопроса, вернее, недопонимали его»[170]. Причины этого Буценко видел в том, что опору «правых» составляли русские рабочие Донбасса, а к украинскому крестьянству они относились с большой осторожностью.[171]

Впрочем, киевляне также по-разному относились к украинскому вопросу. К примеру, «левый коммунист» Пятаков вообще был убежденным противником права наций на самоопределение и даже получил от Винниченко прозвище «русского коммуниста-централиста, врага украинского национально-государственного возрождения»[172]. Однако в тот момент Пятаков считал, что относительная независимость от Москвы – в интересах мировой революции, поскольку обеспечивает возможность маневра против политики Бреста.

Неудивительно, что в процессе объединения большевистских организаций Украины существовали две точки зрения. В соответствии с этим на Таганрогском партийном совещании 19–20 апреля 1918 г. были выдвинуты две резолюции по организационному вопросу. Первая, принадлежавшая перу Квиринга, предусматривала создание автономной партии со своим Центральным Комитетом и со своими съездами, но подчиненной единому ЦК и съездам РКП(б). Автором второй резолюции был Скрыпник. Хотя он и не разделял взглядов «левых коммунистов», однако также считал целесообразным создать на Украине самостоятельную коммунистическую партию, со своим ЦК и своими партийными съездами и связанную с РКП(б) лишь через III Интернационал. На совещании большинством голосов прошла резолюция Скрыпника.

Однако центральное партийное руководство в Москве не могло допустить такого развития событий: в условиях гражданской войны важнейшей задачей становилось укрепление партийных рядов.

5–12 июля 1918 г. состоялся I съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, обсудивший среди прочих и вопрос «Украина и Россия». С докладом выступил Квиринг, заявивший, что самостоятельность Украины была добыта «не силой национального движения масс украинского народа, а силой немецких штыков», и не имеет никаких серьезных корней»[173]. Более того, «самостийность» Украины, по его мнению, «не имеет никаких экономических оснований», и для «длительного разделения этих двух частей ранее единой России, необходима посторонняя помощь, сила, в виде силы германского империализма и финансового капитала»[174]. Вывод Квиринга был следующим: «Поскольку стремление к отделению противоречит экономическим интересам трудящихся масс Украины, мы должны ему противодействовать и стремиться к объединению с Советской Россией на началах демократического централизма». При этом он подчеркивал, что подобное стремление «не следует смешивать со стремлением к воссоединению у правых эсеров и меньшевиков для восстановления “Великодержавной России”»[175]. Выступивший в прениях Скрыпник заявил, что «лозунг права наций на самоопределение, вплоть до отделения, имел свое оправдание до Октябрьской пролетарской революции. В процессе развертывания борьбы классов мы можем становиться на разные позиции в этом вопросе. И именно для Украины характерно диалектическое изменение нашего отношения к этому лозунгу. До Октября наша линия была вполне правильна, но когда у власти стал пролетариат, положение коренным образом изменилось.

Уже во время Брестских переговоров Всеукраинский съезд Советов высказался против отделения, а теперь мы против отделения подавно, ибо теперь самостоятельность – ширма, для контрреволюционной борьбы против советской власти»[176].

В итоге обсуждения была принята резолюция, в которой говорилось: «…задачей нашей партии на Украине является, порвав решительно с ошибками прошлого, бороться за революционное объединение Украины с Россией на началах пролетарского централизма в пределах Российской Советской Социалистической Республики, на пути к созданию всемирной пролетарской коммуны»[177].

Обсуждался также вопрос и о статусе КП(б)У. Скрыпник считал, что «социалистические и политические условия деятельности наших организаций в России и на Украине не только различны, но и, в известном смысле, противоположны»[178], поэтому «организационное обособление, организационное выделение [строящейся] в настоящее время на Украине Коммунистической партии большевиков необходимо»[179]. Квиринг согласился, что «на Украине совершенно иные условия борьбы, чем в России, и что нашим организациям на Украине приходится прибегать к совершенно иным тактическим приемам и приходится проводить совершенно иные организационные принципы и вести работу в совершенно иных условиях, чем в России». Однако он не считал, что это не может служить основанием для выделении КП(б)У «в особую партию»[180]. В итоге было принято решение «объединить партийные коммунистические организации Украины в автономную, в местных вопросах, Коммунистическую партию Украины со своим Центральным Комитетом и своими съездами, но входящую в единую Российскую Коммунистическую партию с подчинением в вопросах программных общим съездам Российской Коммунистической партии и в вопросах общеполитических – ЦК РКП»[181].

Ясность в статус КП(б)У внес VIII съезд РКП(б) в марте 1919 г., принявший специальное постановление, в котором говорилось: «необходимо существование *единой* централизованной коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях

РСФСР. Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные Комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП»[182].

§ 3. *Украина между Россией и Польшей: проблема национального строительства и геополитика (1919–1920 гг.)*

Летом и осенью 1918 года, в период существования Украинской Державы гетмана П.П. Скоропадского, усилия украинских большевиков была направлена на концентрацию сил в пролетарских центрах. Однако в конце 1918 г., с окончанием первой мировой войны, политическая ситуация вновь изменилась. Немецкие и австрийские войска утратили оккупационные функции, чем не преминули воспользоваться украинские политические круги, решившие восстановить Украинскую Народную Республику. В декабре 1918 г. произошел переворот: 14 декабря гетман отрекся от власти, а 18 декабря в Киеве встречали называемую Директория, лидерами которой были известные украинские политические деятели В.К. Винниченко и С.В. Петлюра. Вскоре было даже провозглашено объединение УНР с Западно-Украинской Народной Республикой, образовавшейся после распада Австро-Венгрии.

Практически сразу после установления власти директории, 1 января 1919 г., был утвержден закон о государственном языке в УНР, по которому украинский язык стал обязательным для употребления во всех правительственных и общественных учреждениях. Министерство народного образования 30 января издало приказ, по которому украинский объявлялся языком преподавания во всех школах Украины, а 5 февраля

была подготовлена специальная инструкция, по которой при губернских и уездных комиссариатах образования создавались специальные комиссии для рассмотрения заявлений тех учителей, которые не смогут преподавать на украинском языке. Разрешение не преподавать на украинском языке давалось лишь до конца текущего учебного года (т.е. до 1 июля 1919 г.)[183].

Однако власть Директории также не стала стабильной. Когда ситуация в «украинском вопросе» изменилась, и после поражения Германии и начала в ней революции большевики предприняли попытку восстановления на Украине советской власти. «Украина, товарищи, это наш путь к европейской революции»[184], – заявил К.Б. Радек на II съезде КП(б)У в октябре 1918 г. 28 ноября было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство УССР во главе с Г.Л. Пятаковым. 29 ноября советское правительство Украины опубликовало специальный манифест, в котором говорилось о падении власти Скоропадского и оккупантов и переходе власти в руки рабочих и крестьян.

В январе 1919 г. началось наступление большевистских войск на Киев. 4 января 1919 В.А. Антонов-Овсеенко возглавил Украинский фронт, наступавший на Левобережье, а уже через два дня, 6 января 1919 г., Временное рабоче-крестьянское правительство провозгласило образование Украинской Социалистической Советской Республики. В конце января 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство было преобразовано в Совет народных комиссаров, который возглавил Х.Г. Раковский. Наступление завершилось успехом, и 5 февраля 1919 г. большевики были уже в Киеве.

Хотя украинские большевики и отказывали «национальному движению масс» в реальном влиянии среди украинского населения, продвижение Красной Армии было обставлено со всеми необходимыми атрибутами в виде создания временных советских правительств. 29 ноября 1918 г. Ленин отправил главкому И.И. Вацетису телеграмму следующего

содержания: «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей, как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их, как освободителей»[185].

На III съезде Советов УССР в марте 1919 г. была принята Конституция Украинской Социалистической Советской Республики и одобрен курс на укрепление отношений с Советской Россией. Политика большевистского руководства весной–осенью 1919 года диктовалась стремлением упрочить свой контроль над Украиной, поскольку последняя была крайне важной частью распадавшегося на глазах имперского здания. В постановлении Политбюро РКП(б) от 8 апреля 1919 г. говорилось об Украине как источнике «топлива, металла, наличных заводов и мастерских, а также запасов продовольствия»[186]. Упустить столь ценный для развития мировой социалистической революции регион большевики не могли.

Хотя независимость УССР была провозглашена, однако большевики рассчитывали в ближайшем будущем добиться слияния этих двух республик. 23 апреля 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) предложило ЦК КП(б)У обсудить вопрос, при каких условиях и в какой форме такое слияние будет проведено[187]. Как подготовку к такому слиянию следует, по всей видимости, рассматривать и централизаторскую политику учреждений РСФСР. 3 марта 1919 г. президиум ВСНХ РСФСР высказался за прямое управление народным хозяйством советских республик из Москвы на принципах «демократического централизма». Буквально через

несколько дней, 7 марта, украинское советское правительство приняло постановление об объединении ВСНХ РСФСР и Украинского СНХ в единую систему и об объединении банковской системы обеих республик[188].

Более того, украинский исследователь С.В. Кульчицкий, ссылаясь на архивные документы, указывает, что Раковский считал возглавляемое им правительство Украины органом ЦК РКП(б). Правда, указанные документы не были официально приняты и являлись черновым вариантом постановлений ВРКП Украины[189]. Возможно, черновиком указанные документы остались неспроста.

Скорее всего, Раковский просто не понимал всю сложность ситуации на Украине. Большевики противопоставляли свою национальную политику национальной политике царского правительства. В резолюции III съезда Советов от 9 марта 1919 г. значилось, что украинский язык, история и география Украины должны преподаваться в школах[190]. 10 марта 1919 г. Наркомпрос УССР принял даже постановление об отмене государственного языка и провозглашении равноправия всех языков. Признавая «своеобразное явление господства русской культуры при несомненном количественном перевесе украинского населения», Наркомпрос в качестве причин сложившейся ситуации указывал на проводившуюся ранее «насильственную русификацию». Отныне же, «считаясь [с] отменой государственного языка как такового [и] объявлением всех местных языков равноправными, нарком прос[вещения] предоставляет право населению на местах определять язык, [на] котором должно вестись преподавание [в] школах. При этом должны быть обеспечены интересы всех национальных групп Украины...»

Несмотря на провозглашенное равноправие, Наркомпрос УССР отдавал явное предпочтение украинскому языку, подчеркивая необходимость «активно работать [в] сторону развития укр[аинского]

языка и укр[аинской] культуры». В качестве обязательного предмета в школах вводилось изучение истории и географии Украины, а также одного из местных языков[191].

Однако провозглашенные большевиками национальные лозунги не мешали им строить планы «полного слияния» УССР и РСФСР. 23 апреля 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) предложило ЦК КП(б)У обсудить вопрос об условиях и формах будущего слияния Украины с Советской Россией, а 27 мая на пленуме ЦК КП(б)У рассматривался вопрос о военно-экономическом союзе. Было принято решение объединить военное командование, совнархозы, железные дороги, финансы и управление труда[192].

В июне 1919 г. были приняты два важных решения. Во-первых, было подписано постановление ВЦИК о военном союзе советских республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии, которое признавало необходимым «тесное объединение» указанных республик, причем не только объединение военного командования, но и советов народного хозяйства, железнодорожного хозяйства, финансов, комиссариатов труда. Одновременно признавалось независимость всех советских республик[193]. Кроме того, при ВЦИК была создана комиссия (Л.Б. Каменев, Н.Н. Крестинский, Х.Г. Раковский, Д.И. Курский) для изучения вопроса о вхождении национальных республик в состав РСФСР[194]. При этом Раковский настаивал на объединении только на началах федеративного устройства при создании единого органа верховного управления в виде Федеративного Совета Республик[195].

Однако разработка объединительных планов вновь была прервана из-за обострившегося положения на фронтах Гражданской войны. В мае 1919 г. белогвардейские войска генерала Деникина, контролировавшие Донбасс, Дон, Кубань и Северный Кавказ, перешли в наступление. Преодолевая сопротивление Красной армии, к концу лета 1919 г. деникинцы

оккупировали почти всю Украину, однако удержать власть не смогли, и в результате наступления Красной Армии на Украину зимой 1919–1920 гг. Украина была очищена от деникинских войск.

Уже к лету 1919 г. стало очевидным недовольство украинского крестьянства (равно как и в России) большевистской аграрной политикой – экспедициями продотрядов за хлебом; «дикими» реквизициями, проводимыми Красной Армией в условиях отсутствия снабжения из центра; введенной 12 апреля продразверсткой на урожай предыдущих лет. По данным А. Грациози, украинские крестьяне стали встречать продотряды криком «бей жидов и москалей!»[196]

Следует учитывать, что столь частые перемены власти дестабилизировали ситуацию. Настроения широких масс постоянно менялись, следовательно, менялся и политический климат на Украине. Национальный и социальный факторы постоянно переплетались. Население, отвергнув не оправдавшую надежд одну власть, готово было поддержать их противников и т.д. Так, союз с Германией скомпрометировал национальное правительство. Украинское крестьянство выражало крайнее недовольство реквизициями и, кроме того, опасалось за судьбу захваченных земель. На волне крестьянской поддержки в начале 1919 г. властью овладели большевики. Однако реквизиции продолжались, последовал новый всплеск крестьянского движения, сделавший позиции советской власти на Украине крайне непрочной. Но на Украине не смог найти поддержки и Деникин, благодаря чему большевикам, в конце концов, удалось здесь закрепиться.

Очень ярко описывает сложившуюся ситуацию в своей книге «Мои украинские впечатления и размышления» (1923) А.С. Мартынов, известный меньшевик, перешедший к сотрудничеству с советской властью. Еще в июне 1918 г. он уехал с женой и дочерями из Москвы на Украину, жил в селе Ялтушково и в Николаеве, работал учителем в

заводских профшколах. Он отмечал, что поддержка крестьянством той или иной политической власти, в том числе и национальной, прямо зависела от предлагаемой ими аграрной программы. При этом он ставил под сомнение силу национального чувства украинского крестьянства. «Когда петлюровцы пытались играть на чисто националистических струнках украинского крестьянства, они не имели никакого успеха»[197], – отмечал Мартынов. Далее мемуарист приводит высказывание одного из «уличных политиков-самостийников»: «Наша беда в том, что у украинского селянства еще совершенно нет национального самосознания. Наши дядьки говорят: мы на фронте из одного котла ели кашу с москалями и нам незачем с ними ссориться»[198]. Другое дело, отмечает Мартынов, – украинская мелкобуржуазная интеллигенция (народные учителя, кооператоры, фельдшеры и т.д.). Среди них такая пропаганда имела несомненный успех[199].

Действительно, население устало от политической чехарды, бесконечной войны всех со всеми и бытовой неустроенности. Это подтверждается и сведениями «с другого берега» – от противников большевиков. Агенты эмигрантской организации «Центр действия»[200] в своих донесениях особое внимание уделяли настроению широких кругов населения Украины. Их данные относятся к 1922 г., однако с известной поправкой могут быть отнесены и на предшествующие годы. «О какой же власти мечтает украинская деревня? – задает вопрос информатор. – О такой, которая бы их не грабила, установила определенные правовые отношения»[201]. Город же, отмечается в том же донесении, «не имеет своей яркой политической физиономии»: «Вся эта масса в ежедневной погоне за взяткой, за пайком, за легкой наживой постоянно занята мыслью о будущем дне»[202].

Однако, по мнению информатора, это отнюдь не означало, что национальная идея нигде не находила поддержки. В донесении отмечается

сильная поддержка национальной идеи, прежде всего, украинской интеллигенцией: «Тут на первом плане своя независимость, своя культура. Олицетворение этого Семен Петлюра»[203].

Настроения крестьянской массы были противоречивы. С одной стороны, в своем стремлении к твердой власти крестьянство, как отмечается в документе, готово было отдать свои симпатии Петлюре: «Петлюру критикуют, в присутствии большевиков ругают, но доверие к нему безусловное»[204]. В то же время полученные «Центром действия» сведения не говорили об однозначной поддержке национальной идеи крестьянством. Одни наблюдатели[205] говорили о «сильном национальном (в украинском смысле) подъеме» во всем крестьянстве, выражающемся «в стремлении к независимой Украине и крайне враждебном отношении к Москве»[206]. Другие, напротив, были убеждены в «слабом развитии национальных чувств и отсутствии ощущения родины»[207] среди крестьянства. «У крестьянской массы почти отсутствует понимание родины, как чего-то целого, существующего помимо бытия отдельной деревни, отдельной волости, отдельного уезда»[208], – говорится в одном из документов.

Вопрос о силе национального чувства крестьянства, составлявшего, как уже говорилось, большинство среди украинского населения вообще, довольно сложный и не поддается однозначной оценке. Тем не менее, следует отметить, что для большевиков особую опасность могло представлять соединение социальных чаяний простого населения с национальными устремлениями украинской интеллигенции, тем более что на украинской политической арене у большевиков появились конкуренты. В украинских социалистических партиях стали выделяться «левые» течения и появляется направление национал-коммунизма (1918–1925 гг.). Среди последних следует отметить две партии, образовавшиеся в результате консолидации эволюционировавших к коммунизму левых

украинских эсеров и социал-демократов: Украинская партия социалистов-революционеров (коммунистов) и Украинская социал-демократическая рабочая партия («незалежных») объединились в августе 1919 г. в Украинскую коммунистическую партию (боротьбистов). Другая часть УСДРП («незалежных») в январе 1920 г. оформилась в Украинскую коммунистическую партию. Влияние этих партий на селе было довольно сильным. Кроме того, устойчивые позиции в городах востока и юга Украины занимала Украинская партия левых социалистов-революционеров (борьбистов), возникшая в марте 1919 г. Количество боротьбистов к весне 1920 г. составляло около 15 тыс. человек, укапистов – около 600 человек (по некоторым данным – до 3000), борьбистов – свыше 7 тысяч[209].

Программа национал-коммунистов предусматривала создание суверенного украинского государства (как предпосылки всемирной социалистической федерации), самостоятельной украинской армии, независимой от Москвы партии, диктатуру не пролетариата, а всего трудового народа. Но, как считает украинский исследователь О.Б. Брындак, эти партии, как и РКП(б), стремились к монопольной партийной диктатуре[210].

Экономическая программа национал-коммунистов предусматривала социализацию земли, раздел ее по трудовым нормам. Это, собственно, и обеспечивало им поддержку на селе. В то же время «ортодоксально-марксистская УКП» выступала против раздела помещичьих земель[211].

Однако не только недовольство крестьянства и сепаратистские устремления украинских политиков обостряли ситуацию до крайности. Не менее важное значение по-прежнему играл внешнеполитический фактор[212]. Деятели УНР, пытаясь обрести опору в своей борьбе с большевиками, вели активный поиск внешнеполитических союзников.

Самое пристальное внимание украинским землям уделяла возвратившая себе государственность в ноябре 1918 г. Польша. Как уже упоминалось, в начале XX в. в польских политических кругах активно обсуждался вопрос о путях достижения независимости. Одни главную опасность в деле возрождения Польши видели в Германии, другие – в России. Последние обращали внимание на то, что Россия владеет большей частью земель Польши и бывшей Речи Посполитой. Они были убеждены, что Российскую империю ожидает распад, и произойдет он по национальному признаку. В результате на окраинах Российской империи должны были возникнуть независимые государства – своеобразный буфер между Москвой и Варшавой[213].

Подобные взгляды разделял и «временный начальник государства» Ю. Пилсудский. К тому же Пилсудскому не чужды были и экспансионистские устремления[214]. Уже в ноябре 1918 г. Польша начала активные военные действия в Восточной Галиции против образованной там Западно-Украинской Народной Республикой. Польско-украинская война закончилась в июне 1919 г. победой Польши и оккупацией всей Восточной Галиции польскими войсками.

Свои территориальные претензии Польша стремилась закрепить официально, используя весьма распространенные в Западной Европе антибольшевистские настроения. Как известно, в Германии находила довольно весомую поддержку идея расчленения Российской империи, в частности, образования независимого украинского государства, чем активно пользовались многие политические силы в борьбе за власть на Украине. Поляки же нашли поддержку у Франции. Последняя рассматривала независимое польское государство как щит между русским большевизмом и германской революцией и оказывала активную помощь полякам путем поставок военного снаряжения и посылки военных инструкторов.

В декабре 1918 г. на переговорах с представителем Парижского Польского национального комитета С. Грабским Пилсудский заметил, что восточная граница Польши должна пройти по линии небольших белорусских и украинских рек Улла – Березина – Случь – Горынь – Ушица. Своего ближайшего соратника и участника Парижской мирной конференции Л. Василевского Пилсудский инструктировал таким же образом: восточная граница должна обеспечить вхождение в Польшу железной дороги Дрогобыч – Львов – Ковель – Пинск – Лунинец – Барановичи – Вильно и ее «прикрытие» в виде пояса болот и лесов вдоль Припяти[215].

Все это создавало благоприятные условия для польско-украинского союза на антибольшевистской основе. Первые контакты правительства Украинской Народной Республики с Польшей приходятся уже на конец 1918 – начало 1919 гг. 31 декабря в Варшаву отправилась украинская миссия во главе с профессором В. Прокоповичем, целью которой было добиться помощи Польши в борьбе с большевиками. В свою очередь, поляки также стремились наладить дипломатические контакты с УНР и отправили в январе 1919 г. на Украину специального представителя для проведения консультаций с украинскими политическими кругами[216].

Однако достичь соглашения было не просто из-за территориальных противоречий между Польшей и УНР: и те, и другие претендовали на Восточную Галицию. Парижская мирная конференция пыталась урегулировать этот вопрос. В конце концов в феврале 1919 г. Совет Десяти Парижской конференции согласился с территориальными претензиями Польши в Восточной Галиции и разрешил ввести туда польские войска для «охраны от большевистских банд». Правящие круги УНР вынуждены были учесть данное обстоятельство. В мае 1919 г. Директория одобрила решение о начале мирных переговоров с Польшей. В этом же месяце к Петлюре

прибыл особый представитель Ю. Пилсудского Я. Мазуркевич («Заглоба»)[217].

1 сентября 1919 г. было заключено прелиминарное соглашение между УНР и Польшей. Положение армии УНР было крайне тяжелым, и Петлюра решил отказаться от западноукраинских земель в обмен на военную помощь. В октябре 1919 г. в Варшаву прибыла дипломатическая миссия УНР, а 2 декабря, без согласия галицийской делегации, миссия УНР подписала украинско-польскую декларацию, в которой признала права Польши на Восточную Галицию[218]. В начале 1920 г. на территории Польши началось формирование украинских частей.

Отношения же между Польшей и РСФСР складывались крайне сложно. Польское руководство не без оснований подозревало советское руководство в попытках вызвать революцию в Польше, но с другой стороны относилось к Ленину и Троцкому как к меньшему злу по сравнению с белым движением и его лозунгом «Единой и неделимой России». Столкновения между польскими и советскими войсками, начавшиеся еще в ноябре 1918 г., вспыхивали на протяжении всего следующего года. Польское руководство не без оснований подозревало советскую власть в попытках вызвать революцию в Польше. А отмену большевиками актов царского правительства о разделах Речи Посполитой в Варшаве рассматривали едва ли не как юридическое признание Россией прав Польши на восстановление ее в границах 1772 г., которые оставались недостижимой мечтой всех польских политических формирований с конца XVIII в.

Польша не ответила на предложение Совнаркома РСФСР 22 декабря 1919 г. начать мирные переговоры. Потерпев неудачу в переговорах с поляками, которые не пошли на заключение мира с РСФСР, видя крайнюю заинтересованность Польши судьбой западных окраин бывшей Российской империи, большевистское руководство в Москве решило дополнительно

обезопасить себя и прекратило попытки развернуть пропаганду слияния двух советских республик.

В условиях социальной напряженности, недовольства крестьянства украинско-польский союз представлял несомненную угрозу для планов большевиков по укреплению своей власти на Украине. В этих условиях большевистскому руководству пришлось корректировать свои планы. Пользуясь тем, что Деникин не оставил на Украине о себе доброй памяти своей программой возрождения великой империи и реставрацией помещичьей власти, центральное большевистское руководство в Москве призвало к особо внимательному отношению к национальным чувствам украинцев.

Еще осенью 1919 года желание большевиков добиться «полного слияния» Украины с Россией было крайне велико, о чем свидетельствует проект тезисов о политике на Украине, подготовленном к заседанию Политбюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1919 г., Ленин отмечал: «Пока – самост[оятельная] Укр[аинская] С[оциалистическая] Р[еспублика], в тесной федерации с РСФСР... п. 2 на Политбюро ЦК РКП(б) 21.Х1. 19 “принять с указанием, что до созыва украинского съезда Советов Украина и Россия федерируются на основе резолюции ВЦИК и постановления Политбюро от 1.VI–19 г. и что в то же время партийным путем ведется осторожная подготовка планов слияния Украины и России”»[219]. Однако уже в этом документе Ленин призывал к величайшей осторожности «в отношении к националистским традициям», считал необходимым «строжайшее соблюдение равенства украинского языка и культуры»[220].

Впрочем, это отнюдь не означало создания благоприятных условий для деятельности украинской интеллигенции. За ней, по мнению Ленина, следовало наблюдать особенно внимательно: за «учительской спилкой», кооперативами и «тому подобными мелкобуржуазными организациями» на Украине. Их надлежало взять «под особый надзор» и принять «особые

меры для разложения». С этой целью необходимо было провести подготовку «особого кадра работников для Украины»[221].

Любопытно, что важность установления контактов и привлечения на свою сторону украинской интеллигенции Ленин отметил еще в апреле 1918 г., во время своей встречи с украинскими большевиками по поводу образования КП(б)У. По словам А.И. Буценко, присутствовавшего на этой встрече, «при выходе из зала, прощаясь с нами, Владимир Ильич несколькими словами обратил внимание В.П. Затонского, чтобы больше было бы уделено внимания украинской интеллигенции. Она должна стать приверженцем советской власти»[222].

В дальнейшем планы, намеченные на заседании Политбюро 21 ноября, были пересмотрены. Большевистское руководство признало необходимым подчеркнуть независимый статус Украинской ССР. Так, 3 декабря 1919 г., когда переговоры деятелей УНР с польскими лидерами шли полным ходом, VIII Всероссийская конференция РКП (б) приняла резолюцию о советской власти на Украине. Особое значение имели первых два ее пункта: «1. Неуклонно проводя принцип самоопределения наций, ЦК считает необходимым еще раз подтвердить, что РКП стоит на точке зрения признания самостоятельности УССР.

2. Считая бесспорной для всякого коммуниста и для всякого сознательного рабочего необходимость теснейшего союза для всех Советских республик в их борьбе с грозными силами всемирного империализма, РКП стоит на той позиции, что определение формы этого союза будет окончательно решено самими украинскими рабочими и трудящимися крестьянами»[223]. Одновременно всем членам партии вменялась обязанность «содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры», «всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить

украинский язык на второй план», «превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс»[224].

Я.А. Яковлев в своем докладе о советской власти на Украине на VIII конференции РКП(б) (декабрь 1919 г.) подчеркнул: «Должна быть такая политика, которая каждому трудящемуся покажет, что советская власть не является специально московской или кацапской властью, а является народной властью, что эта власть, со своей стороны, принимает все меры к тому, чтобы помочь украинскому трудовому народу, который угнетался в течение десятков и сотен лет, что она дает полную свободу крестьянам и рабочим и обеспечит возможность украинскому народу учиться, развиваться, говорить на его родном языке, что возникающая на Украине советская власть является именно властью украинской»[225].

28 декабря 1919 г. В.И. Ленин написал «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным». Лидер большевиков провозгласил, что только украинские рабочие и крестьяне «на своем Всеукраинском съезде Советов» могут решить вопрос о судьбе Украины. Ленин объявил о готовности большевиков пойти на уступки в столь важном вопросе: «...Мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса»[226].

Насколько серьезно большевистский лидер относился к положению на Украине, свидетельствует относящееся к этому же времени записка Ленина в Политбюро ЦК РКП(б): «Надо установить немедленно практическую, краткую, но существенную форму отчетов (2 раза в месяц) каждого работника партии с Украины. [...] За неприсылку отчетов *арестовывать*. Иначе прозеваем Украину»[227]. В телеграмме Сталину от 22 февраля 1920 г. Ленин настаивал на необходимости «немедленно завести

переводчиков во всех штабах и военных учреждениях, обязав безусловно всех принимать заявления и бумаги на украинском языке». Ленин подчеркивал, что это «безусловно необходимо» – «насчет языка все уступки и максимум равноправия»[228].

На Украине в партийной печати появились статьи о равноправии украинского языка. 24 января 1920 г. в киевском «Коммунисте» вышла публикация Г. Хименко, в которой доказывалась необходимость развивать украинский язык, поскольку он является средством воплощения идей коммунизма среди трудящихся масс Украины. Хименко подчеркивал, что украинский язык – не язык Петлюры, а средство организации трудящихся. В харьковском «Коммунисте» 6 февраля 1920 года была опубликована статья Мирошниченко, в которой разъяснялось, что на украинский язык следует смотреть как на способ просвещения, а не «поддержки петлюровщины». 27 февраля в той же газете Раковский отмечал: « Мы желаем, чтобы украинский язык стал господствующим языком Украины...»[229]

В сложившейся обстановке такая политика была логичной. Внешнеполитическая ситуация продолжала оставаться весьма напряженной. В начале февраля 1920 года глава НКИД Г.В. Чичерин сообщал ЦК РКП(б), что, по сообщению французского радио в Варшаве, Польша собралась потребовать независимости Украины (а также Белоруссии, Литвы и Латвии)[230]. Польские лидеры надеялись, что независимая Украина перейдет под польское влияние. Как подчеркивает И.В. Михутина, об этом ясно говорилось в одном из секретных информационно-политических документов, подготовленном в марте 1920 г. по указанию Пилсудского для командного состава Волынского фронта. Там, в частности, говорилось: «В настоящее время польское правительство намерено поддержать национальное украинское движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и таким путем значительно

ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраину»[231].

Между тем, переговоры же между Польшей и УНР осенью-зимой 1919 г. стали приносить плоды. Однако польская военная помощь Петлюре была оказана только в следующем году. Осторожная позиция Пилсудского объяснялась наступлением на Москву А.И. Деникина. В этой ситуации вмешательство Польши могло сыграть последнему на руку, что было крайне невыгодно полякам: Деникин не желал признавать независимость Польши и представлял еще большую опасность, чем большевики. В то же время Польша не ответила и на предложение Совнаркома РСФСР 22 декабря 1919 г. начать мирные переговоры.

В этих условиях центральное большевистское руководство вынуждено было отказаться от слияния РСФСР и УССР, сделав ставку на тесный союз между этими двумя республиками. 17 марта 1920 г. в Харькове начала работу IV конференция КП(б)У, которая должна была определить очередные задачи большевиков Украины, в том числе по хозяйственному, земельному, продовольственному, национальному вопросам. Выступивший на конференции Сталин заявил, что до сего времени перед коммунистами Украины «стояла одна основная задача – сдержать поляков, наступающих на Украину, разгромить Петлюру и прогнать Деникина». Теперь стоит «другая не менее важная, не менее сложная задача: задача организации совершенно разрушенного хозяйства Украины и разваленной промышленности». Эти высказывания не вызывают удивления. Вместе с тем, важно отметить, что Сталин подчеркнул необходимость «сохранить ту спаянность, то единство, которого нет ни в одной партии, которыми гордится наша партия, благодаря которым мы одержали и еще одержим победу»[232]. Последнее замечание было сделано не случайно, и касалось оно не только внешнеполитической ситуации, но и положения внутри самой КП(б)У. В

этот период среди украинских коммунистов достаточно серьезные позиции занимала группа «демократического централизма», выступавшая против проведения принципов единоначалия на производстве, строгой дисциплины, за коллегиальность в решении хозяйственных вопросов, отстаивала право создания в партии групп и фракций, добивалась ограничения руководящей роли ЦК РКП(б).

На конференции развернулась острая дискуссия, прозвучало много негативных оценок работы ЦК КП(б)У. Прозвучали требования в корне изменить линию, характер деятельности ЦК КП(б)У, ввести в него новых людей, найти новые параметры отношений с ЦК РКП(б)[233]. В результате была утверждена резолюция, в которой значилось, что главная задача весны 1919 года была выполнена, но не вполне удовлетворительно, причем ЦК обвинялся в отсутствии самостоятельности в решении вопрос партийной и советской работы на Украине[234].

Необходимо отметить, что накануне конференции, 21 февраля 1920 года, были опубликованы тезисы ЦК КП(б)У, в которых обосновывалась историческая, политическая, экономическая и военная необходимость тесного союза УССР и РСФСР. На конференции Г.И. Петровский указал на безальтернативность такого единства, причем подчеркнул, что советская власть дала трудящимся Украины широкие возможности для развития национальной культуры и языка[235]. Однако на конференции высказывались и сомнения в необходимости существования УССР. Децист И. Дашковский считал, что украинские трудящиеся, в частности, крестьяне, национальным вопросом не интересуются и сделал вывод, что надо отбросить всякую игру в украинское правительство и открыто поставить вопрос о слиянии обеих республик в одну Советскую Республику[236]. Среди украинских коммунистов существовали и сторонники противоположных взглядов: Г. Лапчинский и «группа федералистов». Они отстаивали необходимость замены КП(б)У

Украинской коммунистической партией (большевиков), независимой от РКП(б) и непосредственно подчиненной только Коминтерну. Кроме того, он считал необходимость объединения Украины с другими социалистическими республиками только на федеративных началах, чтобы все общие для всех федерированных государств органы управления состояли из представителей всех членов федерации[237]. На IV конференции подобные взгляды были раскритикованы, и принятая резолюция о государственных отношениях Советской Украины и Советской России подчеркивала значение тесной братской солидарности между рабочими и крестьянами всех стран, особо выделяла роль Советской России как руководителя и организатора борьбы против международного империализма, указывала на необходимость тесного союза УССР и РСФСР[238]

В условиях польской угрозы такой союз становился весьма актуальным. После поражения Деникина Варшава начала готовиться к решительной схватке. 21 апреля 1920 г. переговорный процесс между УНР и польским правительством завершился подписанием Варшавского договора. Был подписан секретный протокол с Петлюрой о разделе Украины: Польша признавала его главой независимой Украины, Петлюра отдавал Восточную Галицию. В апреле 1920 г. активизировались военные действия на советско-польском фронте. Польские войска перешли в наступление и в мае захватили Киев, пройдя парадом по Крещатику. Однако захват Киева вызвал небывалый патриотический подъем в Советской России. Одновременно на IV Всеукраинском съезде Советов 20 мая 1920 г. была принята специальная резолюция о государственных отношениях между УССР и РСФСР. Съезд указал, что «УССР, сохраняя свою самостоятельную государственную конституцию, является членом Всероссийской Социалистической Советской Федеративной Республики…»[239]

Красная Армия перешла в наступление и в июле 1920 г. разгромила польскую группировку на Украине и в Белоруссии. Большевики продолжили наступление, желая превратить войну оборонительную в наступательную революционную. Началось наступление на Варшаву, конечной целью был Берлин. Как вспоминал В.М. Молотов, «Ленин поставил целью использовать навязанную Пилсудским войну с Польшей, чтобы пройти войсками и «прощупать штыком», не готова ли Германия к началу пролетарской революции»[240]. В связи с наступлением Красной Армии в Польше руководство РКП(б) считало возможными крупные классовые выступления рабочих как в Польше, так и в Венгрии, Чехословакии, Румынии, Италии[241]. Рассчитывая на «советизацию» Польши, В.И. Ленин готов был пойти и на территориальные уступки. 11 июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон потребовал от Советского правительства остановить наступление Красной Армии на линии, определенной Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. в качестве восточной границы Польши (Гродно – Яловка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогобуж – Устилуг – восточнее Грубешова, через Крылов – западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля – до Карпат). Пытаясь «помочь пролетариату и трудящимся массам Польши и Литвы освободиться от их буржуазии и помещиков»[242], Ленин отправил 15 июля 1920 г. телеграмму И.С. Уншлихту, в которой говорилось о готовности обеспечить «польским рабочим и крестьянам границу восточнее той, которую дает Керзон и Антанта»[243]. Но расчеты большевиков не оправдались: в своем докладе на IX конференции РКП(б) Ленин признал, что «прощупать готовность Польши к социалистической революции удалось чрезвычайно мало»[244]. Поляки в массе своей восприняли Красную Армию не как освободительную и революционную, а как захватническую. Произошло известное «чудо на Висле», Красная

Армия была отброшена от Варшавы, тысячи красноармейцев были взяты в плен[245].

Во время переговоров с Польшей советская сторона настаивала на признании независимости и территориальной целостности УССР, БССР и Литвы. 23 сентября 1920 г. ВЦИК принял заявление об основах соглашения между РСФСР и Польшей, в котором говорилось что «в основу мира должно быть, во-первых, положено немедленное торжественное подтверждение как Польшей, так и Россией независимости Украины, Литвы, Белоруссии и признание независимости Восточной Галиции; во-вторых, как Польша, так и Россия должны немедленно официально признать, как форму выражения воли соответствующих наций, те государственные представительные учреждения …, кои существуют в каждой из этих стран»[246]. 12 октября 1920 г. был подписан договор о перемирии и прелиминарных условиях мира, согласно которым Польша обязалась признать независимость Белоруссии и Украины.

В этой ситуации для большевистского руководства важно было официально закрепить союз между РСФСР и УССР. VIII Всероссийский съезд Советов 28 декабря 1920 г. и V съезд Советов УССР в феврале 1921 г. утвердили «Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР», в котором подтверждались независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон и одновременно говорилось о вступлении республик в военный и хозяйственный союз. Важнейшие комиссариаты объявлялись объединенными (военный и морских дел, ВСНХ, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почт и телеграфа) и предусматривалось их вхождение в состав СНК РСФСР, а СНК УССР должен был иметь своих уполномоченных[247].

Советско-польскую войну завершил мир, подписанный в Риге в марте 1921 г., по которому Польша получила земли Западной Украины и Западной Белоруссии. Обе стороны признавали независимость Украины и

Белоруссии[248]. Специальная статья предусматривала не только воздержание от вмешательства во внутренние дела другой стороны, но и отказ от поддержки организаций, «имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, либо покушающиеся на ее территориальную целость, либо подготовляющих ниспровержение ее государственного или общественного строя»[249]. Одновременно оговаривалось предоставление всех прав, обеспечивающих свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов русским, украинцам и белорусам, проживавшим в Польше. Со своей стороны, те же права обеспечивались полякам, проживавшим в России, Украине, Белоруссии[250].

Таким образом, объявив об образовании Украинской ССР, большевистское руководство, с одной стороны, высказалось в пользу идеи о существовании самостоятельной украинской нации, но с другой стороны, рассчитывало на дальнейшее слияние Украины и России. Однако сложное внутреннее положение, и, прежде всего, недовольство крестьянства, а также внешнеполитические расчеты политиков УНР, наложившиеся на активизацию «восточной политики» Польши, заставили большевиков отказаться от первоначальных планов и взять курс не на слияние, а на тесных союз двух республик. Более того, итогом сложной внешне- и внутриполитической ситуации в стране стал курс большевиков на создание «национального облика» УССР.

§ 4 Судьба украинцев в Восточной Галиции, Угорской Руси, Северной Буковины и Бессарабии

Федеративная концепция Ю. Пилсудского позволяла заключить союз с Петлюрой на антибольшевистской основе. Однако такое взаимопонимание было возможно лишь в том случае, если проект не

затрагивал интересы польских лидеров в Восточной Галиции. Эту территорию поляки считали своей и вели решительную борьбу за включение ее в состав Польши.

Осенью 1918 года нарастающие национальные движения в различных частях империи привели к распаду Австро-Венгрии. 7 октября 1918 г. Регентский совет Королевства Польского опубликовал воззвание «К польскому народу» с требованием создания независимого государства, охватывающего все польские земли с доступом к морю, политически и экономически самостоятельного. Через три дня, 10 октября польские политики заявили о выходе Галиции из Австро-Венгрии и о вхождении ее в состав польского государства. Однако такое развитие событий не устраивало лидеров украинского движения. 18–19 октября во Львове на собрании украинских депутатов австрийского парламента, Галицийского краевого сейма и Краевого сейма Буковины, епископата, представителей (делегатов) украинских партий был избран временный украинский парламент – Украинская национальная рада (Українська Національна Рада) во главе с Е. Петрушевичем. 18 октября был принят статут (устав) Украинской национальной рады, которая объявлялась «конституантой» (представительским собранием) той части украинского народа, которая живет в Австро-Венгерской монархии, на ее этнографической территории и случае, «который сочтет соответствующим», решить вопрос о судьбе всех областей, заселенной украинцами, «именем украинского народа австро-венгерской монархии, его правом самоопределения»[251]. В прокламации, выпущенной на следующий день, 19 октября, УНРада определила территорию украинской этнографической области в Австро-Венгрии: «Восточная Галиция с границей по Сяну с включением Лемковщины, северо-западная Буковина с городами Черновцы, Строжинец и Серет, украинская полоса северо-восточной Венгрии»[252].

Польские политики негативно восприняли попытки галичан создать собственное государство. 28 октября была образована Польская ликвидационная комиссия, которая намеревалась взять власть в Галиции. Приезд комиссии во Львов был намечен на 1 ноября. В ответ 1 ноября 1918 г. Украинская национальная рада приняла обращение к украинскому народу, в которых объявлялось, что 19 октября было создано украинское государство на землях бывшей Австро-Венгрии, что украинский народ освобожден «от вековой неволи», и теперь он – «господин своей земли, свободный гражданин украинского государства». Кроме того, объявлялось, что с этого дня, 1 ноября, УНРада взяла власть во Львове и на всей территории украинского государства. Объявлялось также о создании национальных вооруженных сил и передаче австрийско-польской администрации украинцам. Кроме того, провозглашалась равноправие граждан всех народностей и вероисповедания, а полякам, евреям и немцам предлагалось направить своих представителей в УНРаду. Кроме того, предполагалось созыв Учредительного собрания для решения дальнейшей судьбы украинского государства[253].

Конфликт за обладание Восточной Галицией перерос в украинско-польскую войну. Уже 1 ноября украинские вооруженные силы взяли под контроль Львов, а позднее – и другие города Восточной Галиции. Во Львове польские политические партии и общественные организации образовали Польский национальный комитет, который призвал с оружием в руках ответить на действий украинцев[254]. 2 ноября в УНР прибыла польская делегация. Польская сторона предлагала включить в возрожденное польское государство Перемышль, Львов и другие города. Диалога не получилось. 5 ноября УНР вновь обратилось к населению Восточной Галиции, предложив признать за поляками на украинской земле полное равноправие. 9 ноября было объявлено о названии нового государства – Западно-Украинская Народная Республика[255]. В тот же день

был сформирован Государственный секретариат, а 13 ноября принят Временный основной закон. Однако ситуация для ЗУНР складывалась тяжелая. 21 ноября украинская армия оставила Львов, а правительство ЗУНР переехало сначала в Злочев, потом в Тарнополь, а 3 января 1919 г. – в Станислав[256].

3 января 1919 г. УНРада объявила о своем намерении объединить ЗУНР и УНР в единую суверенную народную республику. 22 января на Софийской площади в Киеве было проведено торжественное объединение двух республик. В состав директории УНР был избран Е. Петрушевич, а ЗУНР стала Западной областью Украинской Народной Республики.

В Станиславе был принят ряд законов, в том числе закон о созыве Сейма ЗУНР и закон о выборах, по которым депутаты сейма избирались на основе общего без различия пола, равного, прямого, тайного, пропорционального избирательного права. В сейм предлагалось избрать 160 украинцев, 27 евреев, 3 поляков и 6 немцев[257].

3 февраля 1919 г. Украинская национальная рада приняла закон «Об огосударствлении украинских школ», а 14 февраля – закон «Об огосударствлении украинских частных гимназий и женских семинарий», согласно которым все школы – общественные (начальные), средние, гимназии, реальные, и тому подобное, – объявлялись государственными, а учителя – государственными служащими. Языком преподавания становился украинский. Учителя народных школ также были объявлены государственными служащими.

15 февраля 1919 г. был одобрен закон «О применении украинского языка во внутреннем и внешнем управлении государственных властей и правительств, публичных институций и государственных предприятий, в Западной области Украинской Народной Республики». Государственным языком объявлялся украинский. В марте было издано распоряжение для чиновников госадминистрации, по которому к службе в государственных

органах допускались лишь граждане Украинской Народной Республики, «безукоризненного поведения, которые владеют украинским языком в устной и в письменной речи и не переступили сорокового года жизни». Правда, последнее не касалось действующих служащих»[258].

Делопроизводство государственных органов, органов местной власти, государственных предприятий должно было вестись на украинском языке. Впрочем, закон предусматривал и гарантию национальным меньшинствам – свободу употребления родного языка в устной и письменной форме при обращении в правительственные инстанции. Национальным меньшинствам гарантировалось право иметь свои школы и библиотеки, периодические издания, свободно пользоваться родным языком в повседневной жизни.

Языковая политика ЗУНР предусматривала открытие начальных народных школ, причем поляки, евреи и немцы могли открывать собственные школы. Во всех школах было отменено обязательное преподавание немецкого языка, а в неукраинских – с третьего класса вводился как обязательный предмет украинский язык. Польские школы стали превращаться в украинские. Всего было открыто 30 украинских средних школ, в том числе 20 гимназий, 3 реальные школы, 7 учительских мужских и женских семинарий. Расширялась сеть специальных и профессиональных учебных заведений. Особое внимание уделялось изучению украинского языка, математики, истории, географии Украины[259].

Таким образом, языковая и культурная политика ЗУНР была выражена достаточно четко. Был взят курс на преобладание украинского языка в официальной и образовательной сферах, но при этом не предусматривалась ассимиляция неукраинского населения. Поскольку существование украинского государства на западноукраинских землях было кратковременным, программа национализации культурной и общественной жизни не обладала системным характером. Однако можно

утверждать, что основы украинизационной политики были выработаны. Такие черты, как внедрение украинского языка и культуры в различные сферы общественно-политической и культурной жизни государства при одновременном обеспечении прав национальных меньшинств, сближали этот курс с советской украинизацией.

Для ЗУНР неудачно складывались военные действия: созданная Украинская галицкая армия не смогла остановить польские войска, и 16–17 июля вынуждены была отступить за Збруч. Украинским политикам не удалось урегулировать конфликт и дипломатическим путем. Польские лидеры считали Восточную Галицию своей территорией и активно боролись за включение ее в польское государство. На Парижской мирной конференции активно работало польское дипломатическое представительство, которое до начала апреля 1919 г. возглавлял Р. Дмовский, а затем – И. Падеревский.

29 января 1919 г. Р. Дмовский выступил с речью на Совете Десяти. В представленной им ноте о границах польского государства доказывалась, что Восточная Галиция представляет собой польскую территорию, которая всегда и полностью принадлежала полякам. Впрочем, оговаривалось, что Восточная Галиция представляет исключением, так как временно входила в состав Древней Руси. Предложенная Дмовским территориальная программа предусматривала трактовку Восточной Галиции, как составной части Польского государства. Он настаивал, что «руськое» население хотя и составляет 58,6% (такую цифру приводил Дмовский) от общего количества в восточной части Галиции, оно все равно составляет меньшинство по сравнению со всем населением Галиции. Численность украинской интеллигенции Дмовский оценивал в 16 тыс. чел., польской – в 465 тыс. чел. Позиция польского представительства было однозначным: украинцы не способны самостоятельно сформировать органы управления и самоуправления[260].

В феврале 1919 г. была создана специальная Комиссия по делам Польши. 28 февраля польская делегация выступила перед Комиссией с очередной нотой. Вступительная часть документа практически повторяла текст ноты Р. Дмовского. Восточная Галиция представлялась в качестве польской территории с преобладающим польским элементом, а украинское национальное движение как искусственное, созданное благодаря германскому и австрийскому влиянию в этом регионе[261].

После многочисленных согласований и попыток урегулировать польско-украинский конфликт, 25 июня 1919 г. «Совет 10» на Парижской мирной конференции разрешил Польше оккупировать Восточную Галицию, через несколько дней Р. Дмовский вместе с И. Падеревским подписал от имени Польши Версальский мирный договор.

Несмотря на подписание Версальского договора, украинско-польские переговоры не прекратились: они с разной интенсивностью длились с конца 1918 года. В конце октября 1919 г. в Варшаве начала работу новая украинская дипломатическая миссия во главе с министром иностранных дел УНР А. Ливицким. В состав миссии входили три представителя ЗУНР – С. Витвицкий, А. Горбачевский и М. Новаковский[262]. Первоначально украинская сторона решила не идти на уступки в вопросе о Восточной Галиции, однако тяжелое положение УНР заставило поднепровцев изменить свои позиции. Как пишет И.В. Михутина, «Ливицкий убеждал галицийских коллег, что Польша предоставит краю национально-территориальную автономию, условия автономии будут вырабатываться с участием украинцев и т.д.»[263]. 2 декабря миссия назвала свои условия: западная граница УНР от Черного моря по Днестру, вдоль Збруча и через Волынь. Польше предоставлялась северо-западная часть Волыни и вся Восточная Галиция. Взамен ожидалось признание УНР и заключение соглашений военного, торгового и консульского характера[264]. Окончательный договор между правительствами Польши и УНР был

подписан в апреле 1920 г., но уже в марте название «Галиция» заменено на «Малая Польша», употреблялся термин «русин», а не «украинец». В декабре 1920 г. были созданы Львовское, Станиславское и Тарнопольское воеводства, которые, в свою очередь, разделялись на уезды.

Деятели УНР еще пытались бороться за международное признание Восточной Галиции на международной арене. В июле 1920 г. было образовано правительство диктатора ЗУНР, пытавшееся найти понимание у британского премьера Д. Ллойд Джорджа. Однако успехов эти попытки не принесли, и 14 марта 1923 г. Совет послов Антанты признал восточной границей Польши границу, установленную Рижским мирным договором.

Ожесточенная борьба за Восточную Галицию негативно сказалась на польско-украинских отношениях. Воспоминания о событиях 1918–1919 гг. накладывали отпечаток и на украинскую, и на польскую общественную мысль. Если часть украинского политического лагеря через несколько лет пришла к мысли о возможности сотрудничества с польскими властями, то другая часть, напротив, постепенно радикализировалась, что привело к укреплению украинского националистического движения. Польские власти столкнулись с необходимостью укрепления своих позиций в восточнославянском регионе, в котором украинские деятели вели борьбу за укрепление украинского национального самосознания среди широких масс населения.

Угорская Русь, входившая в Венгерское королевство, после распада Австрийской империи представляла несомненный интерес для различных политических игроков. Свои претензии на эту территорию с восточнославянским населением заявляли и венгры, и чехи, и украинцы Галиции. Среди самих русинов находились сторонники различных вариантов решения закарпатской проблемы, о чем свидетельствуют обращения образовавшихся осенью 1918 года русинских народных рад в

различных городах края. Так, Ужгородская народная рада обнаружила венгерские предпочтения, рада в Хусте высказалась за присоединение к Соборной Украине, рада в Прешове первоначально вообще обходила стороной вопрос о присоединение русинских земель к какому-либо государству, ссылаясь на право свободного самоопределения и возможность изложить свои требования на мирной конференции. А после объединения Лемковской и Прешовской рады в Карпаторусскую народную раду последняя высказалась за присоединение Подкарпатской Руси и Лемковской Руси к Чехословакии. Сторонники присоединения к России надеялись на восстановление порядка в государстве. Например, в изданной в марте 1919 года декларации Карпаторусского комитета в Париже говорилось о том, что русский народ составляет большинство населения Галиции, Буковины и Закарпатья и стремится присоединиться к России[265].

Стоит заметить, что после распада Австро-Венгрии правительство созданной Венгерской Республики стремилось сохранить довоенные границы, опираясь на провенгерски настроенную часть русинской интеллигенции. Власти Венгрии решили создать народную раду в Будапеште и поручили Оресту Сабову подготовить проект автономной провинции.

10 декабря в 1918 г. О. Сабову созвал народное собрание венгерских русинов. Президиум собрания подготовил проект решения, в котором шла речь о том, что угрорусский народ останется верным своим тысячелетним традициям и Отчизне и желает обеспечения автономии во внутренних делах. Автономия, названная «Ruszka Krajna», была образована 21 декабря 1918 г. В законе об образовании автономии указывалось, что русской нации в Венгрии принадлежит право на самоопределение в сфере внутренней администрации, законодательства, школьного образования, культуры, религии, употребления языка[266]. Впрочем, разочарование в венгерском проекте наступило довольно рано. А. Волошин увидел в

действиях венгерских властей «пустые обещания» и в январе 1919 года обратился к послу Чехословакии в Будапеште М. Годже с просьбой, чтобы Чехословакии заняла всю русскую территорию под Карпатами. 15 января чехословацкие войска вступили в Ужгород,

Чехословацкий проект был поддержан 31 января Карпаторусской народной радой в Прешове, которая от имени «русского народа, живущего в северных комитатах бывшей Венгрии и южных частях бывшей австро-галицкой провинции», заявила о желании присоединить эти земли к Чехословакии[267]. 8 мая 1919 г. на собрании в Ужгороде центральная народная рада, объединившая Прешовскую, Ужгородскую и Хустскую, также высказался за вхождение в состав Чехословакии[268].

Большую активность в решение закарпатского вопроса проявили американские русины. Планы присоединения территории карпатских русинов к России, активно обсуждавшиеся в годы Первой мировой войны, были пересмотрены: нестабильная обстановка в бывшей империи Романовых и приход к власти большевиков не способствовали укреплению позиций сторонников русского варианта решения русинской проблемы.

23 июля 1918 г. в г. Хоумстед была основана Американская Народная Рада угро-русинов во главе с Г. Жатковичем. Был составлен специальный меморандум президенту США В. Вильсону, в котором предлагались несколько вариантов решения судьбы русинов: образование независимой Карпатской Руси, образование общего государства карпатских, галицких и буковинских русинов, автономия Карпатской Руси в составе Венгрии. Однако Вильсон посоветовал автономию в составе Чехословакии[269]. Жаткович встретился с Масариком, к тому времени прибывшим в США. В результате переговоров 28 октября 1918 г. было достигнуто соглашение о присоединении населенных русинами областей северо-восточной Венгрии к Чехословакии[270]. Во второй половине ноября 1918 г. был проведен референдум по вопросу вхождения угорских русинов

в состав ЧСР. Около 67 % участников высказались за присоединение к ЧСР, 28 % – за присоединение к Украине, по 1 % – за присоединение к Венгрии и большевистской России[271].

Некоторые русинские политики во главе с А. Бескидом пытались весной 1919 г. добиться присоединения к Чехословакии не только Угорской Руси, но и Лемковщины, однако эти планы не были поддержаны ни Масариком, и Жатковичем[272].

Между тем, 18 января 1919 г. начала работать Сен-Жерменская мирная конференция, создавшая специальную комиссию для рассмотрения чехословацкого вопроса из представителей США, Великобритании, Франции и Италии.15 мая в 1919 г. члены комиссии заслушали министра иностранных дел Э. Бенеша, который заявил, что Чехословакия намеревается решить русинский вопрос так же, как и других национальных меньшинств: немецкого, венгерского, польского[273].

Бенешу было поручено разработать окончательный проект автономии Подкарпатской Руси. В подготовленном меморандуме «О правовом положении южнокарпатских русинов, территория которых составляет часть территории Чехословацкого государства» отмечалось, что край будет иметь собственный сейм и губернатора, назначаемого президентом, к компетенции губернатора и сейма относятся языковые, образовательные и религиозные вопросы, а в других вопросах высшую власть будет принадлежать министерствам ЧСР со специально созданными отделами, служащие будут назначаться губернатором, высшие служащие – президентом по представлению губернатора, а в Совете Министров ЧСР край будет представлен Министром без портфеля[274].

Во время обсуждения меморандума комиссией Бенеш напомнил, что Закарпатье достаточно слаборазвитая территория – и в экономическом, и в культурном плане. Поэтому, перед тем как предоставить реальную широкую автономию, Прага планирует сначала поднять уровень развития

Закарпатья и уравнять его с другими чешскими и словацкими регионами. Предложенный в Меморандуме план был одобрен на заседании Совета Министров иностранных дел, причем по предложению члена комиссии Лансинга к нему было прибавлено положение, согласно которому служащие в Подкарпатской Руси должны назначаться за возможности из русинов[275]. 5 июля в 1919 г. была завершена работа над проектом об отношении союзных государств Антанты к Чехословакии и месте в ней Подкарпатской Руси, а 6 августа его принял Совет глав больших государств. Наконец, 10 сентября 1919 г. был подписан Сен-Жерменский договор.

Чехословакия брала на себя обязательство образовать на русинской территорию автономную (самоуправляющуюся) единицу под названием Подкарпатская Русь, со своим автономным сеймом, обладающим законодательной властью в языковых, образовательных и религиозных вопросах и в вопросах местного самоуправления. Губернатор области должен был назначаться президентом ЧСР, но должен быть подотчетен русинскому сейму. Чиновники должны были быть по возможности из местного населения. Наконец, русины должны быть представлены в законодательном органе Чехословацкой Республики[276]. При этом по решению Парижской мирной конференции Пряшевщина административно включалась в состав Словакии, а 14 украинских сел Мармарощины присоединялись к Румынии.

После распада Австро-Венгрии и Российской империи часть их бывших территорий оказались под властью Румынии, в том числе и территории, где проживало восточнославянское население – Бессарабия и Буковина.

К концу 1917 года на территории Бессарабии действовали группировки, различающиеся по своим политическим и национальным

пристрастиям. По инициативе группы молдавской интеллигенции 21 ноября (4 декабря) 1917 г. был создан краевой орган власти Сфатул Цэрий, который 2 (15) декабря 1917 г. принял решение о создании Молдавской Демократической Республики в составе Российской Федерации. Однако южные уезды края бойкотировали Сфатул Цэрий, не принимали участие в этом движение и население Хотинского уезда. Такое решение натолкнулось на сопротивление советских органов власти, формировавшихся в городах Бессарабии и опиравшихся на Фронтовой отдел Исполнительных комитетов советов Румфронта, черноморского флота и одесского округа (Румчерод). Борьбой советских и молдавских органов власти воспользовалась Румыния, начавшая в январе 1918 года оккупацию края. Согласие на ввод румынских войск в Бессарабию дали согласие посланники Антанты и США в Яссах[277].

При этом румынское руководство заручилось поддержкой части политиков из Сфатул Цэрия. 20 декабря 1917 г. Сфатул Цэрий, ссылаясь на беспорядок, возникший при отступлении с Румынского фронта русских частей, принял решение пригласить в Бессарабию румынские войска, несмотря на протесты крестьянской секции[278]. 24 января (6 февраля) 1918 г. Сфатул Цэрий принял декларацию о независимости Молдавской Республики.

Совнарком РСФСР расценил действия Румынии как военные действия против Российской Республики. Румынские войска встретили отпор со стороны революционизированных частей русской армии и Кишиневского совета, где большинство составляли большевики, однако уже 13(26) января Кишинев был оккупирован. Сопротивление румынским войскам продолжалось в восточной и южной Бессарабии, не признававших Сфатул Цэрий. В середине февраля в Бессарабию направились части Красной Армии, принимавшие до этого участие в борьбе против Центральной Рады. 5–9 марта 1918 г. было заключено

соглашение между Советской Россией и Румынией, по которому последняя в двухмесячный срок обязывалась вывести войска из Бессарабии[279]. Однако после заключения прелиминарного мира с Центральными державами в Буфте (5(18) марта 1918 г.), Румыния пропустила германские и австрийские войска на Украину и левобережную Молдавию. Для обоснования своего положения в Бессарабии румынское правительство вновь использовало Сфатул Цэрий. 27 марта 1918 г. Сфатул Цэрий принял акт об объединении с Румынией на правах провинциальной автономии[280], чему немало способствовали репрессии румынских сил против политических лидеров, выступавших против присоединения Бессарабии к Румынии.

Украинская Народная Республика также проявляла интерес к Бессарабии, но сложное положение, в котором она оказалась в начале 1918 года, не позволила ей активно вмешаться в события. В Третьем универсале Центральной Рады Бессарабия не упоминалось, однако после заключения Брестского мира, 14 февраля 1918 г. на заседании Совета министров, во время обсуждения условий будущего мирного договора между УНР и РСФСР, было вынесено предложение: «Вопрос относительно Бессарабии решает Украинская Народная Республика на основании самоопределения наций, по согласованию с Румынией и Бессарабией, после вывода из территории последней войск Совета народных комиссаров»[281].

13 апреля 1918 г. УНР приняла «Заявление Румынскому правительству», в котором осуждалась аннексия Бессарабии Румынией, а также не признавалось решение «Сфатул Церий» о присоединении всего края в состав королевства. Кроме того, в заявлении звучал призыв к румынскому правительству пересмотреть бессарабский вопрос и дать возможность свободно самоопределиться «всему бессарабскому населению». В документе высказывалась надежда, «что Румынское правительство найдет в Бессарабском вопросе определеннаую почвуа для

согласия, которое могло бы удовлетворить обе стороны». Заявление подписали Председатель Совета народных министров В. Голубович и министр иностранных дел М. Любинский[282].

Между тем в Париже 28 октября в 1920 г. между Великобританией, Францией, Италией, Японией и Румынией, без участия России и Украины и без проведения плебисцита (референдуму) был заключен договор о передаче Бессарабии в состав Румынии.

В Буковине борьба за власть шла между политическими представителями румын и украинцев, который завершился с вмешательством в него королевской Румынии.

12 октября в Черновцах было созвано совещание четырех украинских партий – национально-демократической, народной, социал-демократической и радикальной. Было решено созвать расширенную конференцию, которая и состоялась на следующий день. Ссылаясь на право на самоопределение, конференция объявила о намерении «вместе со всеми украинцами Австро-Венгрии бороться за свою судьбу»: «Мы хотим в мире и согласии разойтись с нынешним и всегдашним нашим соседом румынским народом… Мы провозглашаем свое право на украинские области Буковины»[283].

После этого украинские представители отправились во Львов для того, чтобы принять участие в создании Украинской национальной рады. На совещании УНРады 19 октября было решено поделить ее на две секции – галицкую и буковинскую. Вернувшись в Черновцы, буковинские члены Национальной рады решили расширить свой состав и образовать Краевой комитет. Главой Краевого комитета был избран депутат сейма О. Попович[284].

Между тем определило свои позиции румынское сообщество Буковины. 6 октября в Яссах состоялось собрание румынских эмигрантов

из Австро-Венгрии и был создан «Комитет буковинских эмигрантов», выступивший за объединение Буковины и Трансильвании с Румынией.

В свою очередь, украинские лидеры продолжали настаивать на своем видении будущего переустройства Буковины. Различное видение будущего Буковины между украинскими и румынскими лидерами привело к тому, что попытки переговоров между ними не привели к успеху. Депутат австрийского парламента Исопескул-Грукул признавал право украинцев только на 4 повета Буковины без Черновцов. Другой депутат А. Унчул отстаивал идею разделения края по этническому принципу, а Черновцы предлагал оставить под совместным контролем. Я. Флондор считал, что вся Буковина должна быть присоединена к Румынии. При этом Исопескул-Груку, А. Ончул и ряд других румынских политиков отказалась принять участие в собрании 27 октября, которое проводили сторонники Флондора[285].

27 октября в Черновцах состоялось народное собрание буковиныских румын, объявивший себя учредительным собранием (конституантой) и избравший Румынский национальный совет Буковины. Собрание постановило: «объединить всю Буковину с остальными румынскими территориями в единое национальное независимое государство и будет добиваться этой цели в полной солидарности с румынами Трансильвании и Венгрии». При этом собрание высказалось против попыток разрушения целостности Буковины[286].

Украинцы приступили к решительным действиям. 3 ноября в 1918 г. в Черновцах состоялось Буковинское народное вече, которые провозгласили воссоединение Северной Буковины с Украиной. 5 ноября на совещании Краевого комитета было решено взять власть в Черновцах в свои руки[287].

На следующий день было опубликовано обращение Краевого комитета Украинской национальной рады к населению края, в котором

рада объявила о том, что принимает управление Черновцами и всеми поветами края, в которых украинское население составляет большинство, а в Черновцах берет «под свою защиту» все центральные учреждения. Об этом украинская делегация сообщила губернатору Буковину графу Й. фон Эцдорфу. Однако губернатор Добжанский заявил, что он может передать власть украинцам только вместе с румынами, иначе в крае наступит анархия. Переговоры Эцдорфа с Я. Флондором не имели результатов: он не соглашался на раздел Буковины. Тогда губернатор принял решение передать власть над румынской частью Буковины А. Ончулу. В протоколе о передаче власти от украинской стороны подписи поставили О. Попович, М. Спинул, И. Семака, от румынской – А. Ончул. Была опубликовано заявление украинского и румынского национальных комиссаров Поповича и Ончула о взятии власти в Буковине. 7 ноября Попович и Ончул приняли присягу государственных чиновников на верность украинской и румынской власти[288]. Однако удержать власть ни Попович, ни Ончул не смогли.

Румынский национальный совет обратился к правительству Румынии с просьбой прислать военную помощь для оказания порядка в Буковине. Инициатива перешла к правительству Румынии, принявшему решение об оккупации Буковины, чтобы прекратить анархию и защитить имущество граждан. Попытка Ончула, отправившегося в Яссы, добиться одобрение румынскими властями произошедших на Буковине перемен, провалилась. Провалились и попытки Поповича организовать вооруженное сопротивление румынским войскам.

11 ноября Черновцы были заняты румынами, а вся полнота власти перешла к Румынскому Национальному Совету (РНС). 28 ноября 1918 г. объединительный съезд Румынского Национального Совета провел решение о безусловном «присоединении Буковины в ее старых границах до Черемоша, Колачина и Днестра к Королевству Румыния»[289]. Украинцы

и евреи отказались принимать участие в работе съезда. В результате в составе РНС оказались 74 румына, 7 немцев, 6 поляков, и 13 лояльных к Румынии украинцев[290].

Правительство ЗУНР выразило протест против оккупации Буковины, совершенной вопреки принципу самоопределения народов[291]. Невзирая на это, 18 декабря в 1918 г. в Париже было поддержано решение о присоединении Северной Буковины в состав Румынии. В этот же день румынское правительство издало декрет о воссоединении Буковины с Румынией, который 31 декабря был утвержден королем. 10 августа в 1920 г. Севрский – мирный договор окончательно зафиксировал вхождение всей Буковины в состав Румынии. Документы, подписанные Румынией в рамках Версальской Мирной Конференции (Договоре между Союзными Силами и Румынией 9 декабря в 1919 г. и Договоре между Румынией и Великобританией, Францией, Италией, Японией 28 октября в 1920 г.), предусматривали, чтобы румынская сторона защищала интересы национальных меньшинств, в том числе и этнических украинцев, которые очутились на ее территории в результате заключения этих соглашений[292].

§ 5. *Формирование принципов советской политики украинизации и образование Советского Союза*

Украинская эмиграция и польские спецслужбы внимательно следили за ситуацией на Советской Украине. Большевики учитывали это обстоятельство и в свою очередь стремились продемонстрировать образцовое решение национального вопроса в УССР. Было издано множество постановлений и декретов о равноправии украинского и русского языков. 21 февраля 1920 г. Всеукраинский ЦИК постановил: «На всей территории Украинской ССР, во всех гражданских и военных учреждениях должен применяться украинский язык наравне с

великорусским. Никакое преимущество великорусскому языку недопустимо. Все учреждения, как гражданские, так и военные, обязаны принимать заявления и другие дела как на великорусском, так и на украинском языках и за отказ или уклонение в приеме виновные будут привлекаться по всей строгости военно-революционных законов»[293].

После поражения Красной армии под Варшавой в августе 1920 года и краха попыток «революционизировать» Польшу, большевистское руководство перешло к практическим мерам по реализации планов украинизации. 9 сентября 1920 г. на заседании Политбюро ЦК КП(б)У был рассмотрен проект закона «Об украинизации». Были высказаны замечания, и проект был направлен на доработку[294].

Через несколько дней, 15 сентября 1920 г. глава Госиздата УССР, главный редактор газеты «Вісті ВУЦВК», украинский писатель, бывший боротьбист В. Эллан-Блакитный обратился в ЦК КП(б)У с докладной запиской «С чего начинать «украинизацию» Украины». Во-первых, он указывал на то, что партийные и советские работники, знающие украинский язык и условия Украины, разбросаны «по всей территории советской федерации», и предлагал «объявить соответствующую мобилизацию, заменив мобилизованных равноценными работниками с Украины, незнающими украинского языка»[295]. Кроме того, он предлагал обучить советских и партийных работников украинскому языку (издать самоучители, учебники, словари, организовать краткосрочные курсы). Для «перелома пренебрежительного отношения к украинскому языку мещанской массы советских служащих» Блакитный предлагал «издать приказ, хотя бы с предварительным обозначением срока, в какой они должны изучить украинский язык»[296].

Блакитный обратил внимание и на организацию прессы на украинском языке: «Наша пресса на украинском языке, получающая весь материал по-русски, кустарным способом его перерабатывающая, не

может угнаться в быстроте и постановке информации за прессой на русском языке…» Он считал необходимым «положить конец этому ненормальному положению». То же положение сложилось и в литературе, считал Блакитный, и предлагал положить конец «неизжитым тенденциям упорного общеруссизма, проводимые под всяким видом, не считаясь с интересами революции»[297].

4 мая 1920 г. Наркомпрос Украины принял постановление «О подготовке работников просвещения с обязательным обучением украинскому языку»[298], а 21 сентября 1920 г. Совет Народных Комиссаров УССР принял постановление о введении украинского языка в школах и советских учреждениях. Оно предусматривало обязательное изучение украинского языка во всех «учебно-воспитательных учреждениях с украинским языком преподавания», обратив особое внимание на «изучение украинского языка во всех... учреждениях по подготовке работников просвещения». Государственному издательству вменялось в обязанность «озаботиться изданием... достаточного количества учебных пособий на украинском языке, равно как художественной литературы и всех прочих изданий», популярной и пропагандистской литературы. Исполкомы в обязательном порядке должны были издавать в каждом губернском городе «не менее одной украинской газеты». Во всех губернских и уездных городах должны были создаваться вечерние школы для обучения украинскому языку советских служащих[299]. Наконец, 21 октября того же года Совнарком УССР подписал постановление о введении украинского языка во всех «учебно-воспитательных заведениях с неукраинским языком обучения»[300].

В следующем году ЦК КП(б)У несколько раз рассматривало вопрос об украинском языке и культуры. 1 января 1921 г. политбюро ЦК поручило Затонскому вместе с Наркомпросом «разработать меры по развитию украинской культуры… и представить проект в ВЦИК»[301]. 15 февраля,

заслушав вопрос об издании украинской газеты, политбюро решило «подтвердить губкомам необходимость издания в каждой губернии селянской газеты на украинском языке» и во время съезда Советов «запросить товарищей с мест, в каких уездах желательно издание селянской газеты на украинском языке». В тот же день В.Я. Чубарю и А.Я. Шумскому было поручено «написать циркуляр к членам организации об использовании украинского языка как средства распространения коммунистических идей среди трудящихся масс Украины»[302]. 30 мая 1921 г. на базе Правописно-терминологической комиссии при Историко-филологическом отделении ВУАН и Терминологической комиссии Украинского научного товарищества в Киеве был основан Институт украинского научного языка (в 1930 году реорганизован в Институт языкознании при Академии Наук). 4 июня политбюро поручило Затонскому «собрать по своему усмотрению нескольких наиболее видных общественных украинских деятелей и предложить им обратиться с призывом к украинской интеллигенции честно служить советской власти и принять активное участие в расколе украинской интеллигенции»[303].

Таким образом, в декретах и постановлениях высших украинских органов власти были обозначены основные направления политики большевиков в отношении украинского языка и культуры: введение обучения на украинском языке, выпуск печатных изданий, обучение государственных служащих украинскому языку и т.п. На практике это привело к постепенному появлению украинских советских культурных организаций и печатных изданий на украинском языке.

В 1920 году на Украине окончательно оформился «Всеукраинский пролеткульт». Эта пролетарская культурно-просветительная и литературно-художественная организация, формально подчинявшаяся наркомпросу, выпускала русскоязычный литературный журнал «Зори грядущего». Молодые писатели, бывшие символисты М. Терещенко, Д.

Загул, Г. Шкурупый, В. Полищук и др. в 1920 г. стали издавать журнал «Червоний вінок», а в 1921 году начал выходить «Вир революції». В 1921 году бывшая «пролетарская» литературная группа боротьбистов во главе с В. Элланом-Блакитным и Г. Михайличенко начала издавать журнал «Жовтень». В апреле 1922 года Главполитпросвет Наркомпроса утвердил устав литературной организации «Плуг» (основатель – С. Пелипенко). Другой украиноязычной литературной организацией был союз пролетарских писателей «Гарт», основанный в январе 1923 г. (основатель и руководитель – В. Эллан-Блакитный). В 1922 г. в Одессе было основано Товарищество художников им. К. Констанди; в 1923 г. в Киеве – Ассоциация художников Красной Украины; по инициативе молодых украинских композиторов в 1922 году было создано Товарищество им. Н. Леонтовича[304].

Начала издаваться большевистская украиноязычная пресса. С марта 1919 г. в Киеве выходила ежедневная газета «Більшовик», в Харькове – орган ЦК КП(б)У «Комуніст» (последний печатал материалы преимущественно на русском языке). С 1921 года на русском и украинском языке выпускались «Вісті ВУЦВК» (с 131 номера – на украинском языке). Однако подавляющее большинство газет по-прежнему издавались на русском языке. По данным Книжной палаты УССР на Украине в 1920 г. выходило 87 украинских газет и 266 русских, а в 1921 г. – 45 украинских и 95 русских, в 1922 г. – 30 украинских и 102 русских[305].

Успехи в развитии образования на украинском языке были скромнее. Несмотря на появление постановлений о развитии украинского языка и культуры, в УССР в 1922 г. украинских школ было лишь 50 % от всего наличного состава; подавляющее большинство высших и средних специальных учебных заведений было русскоязычным (на украинский язык перешли в 1923 г. лишь 17,1 % институтов, 16,3 % техникумов и 1,9 % профшкол)[306].

Объяснение сложившейся ситуации содержится в одном из рабочих документов украинского Совнаркома – справке, подготовленной в 1924 г. заместителем главы украинского Наркомпроса Я. Ряппо для Чубаря, возглавлявшего в тот период Совет Народных Комиссаров УССР. В этом документе подводился итог усилиям партии в области украинизации. Основные трудности с украинизацией возникали в городах, где население в своем большинстве говорило на русском языке, тем более что за годы гражданской войны и интервенции здесь проводилась украинизация то «по-гетмански, то по-петлюровки»; были и периоды русификации «по-царски, по-деникински». «Менялись вывески и формы, но содержание оставалось за указанные годы старым – либо русско-черносотенным, либо петлюровским»[307], – говорится в документе.

Без сомнения, трудности украинизации начала 1920-х гг. были связаны и с субъективными настроениями многих большевиков на Украине, для которых украинский язык нередко ассоциировался с М.С. Грушевским, П.П. Скоропадским и другими «буржуазными деятелями». Неудивительно, что Ряппо сделал следующий вывод: «Наряду с введением украинского языка, необходимо сохранить в качестве обязательного предмета преподавания во всех учебных воспитательных и культурно-просветительных учреждениях русский язык, имеющий государственное и общесоюзное значение в приобщении к культуре Союза Социальных (так в тексте – *Е.Б.*) Советских Республик»[308].

Выступая на V конференции КП(б)У в ноябре 1920 г. секретарь ЦК КП(б)У С.В. Косиор заметил, что «многие товарищи, прибывающие из России», не были довольны украинской политикой центрального руководства. «Я должен отметить определенный процент, который не выдержал украинского давления и просил его освободить от украинской обстановки»[309], – признавал Косиор. Выступавший на конференции Г.Е. Зиновьев также высказал озабоченность создавшимся положением:

«Тов. Ленин рассказывал, что посетивший его один из бывших виднейших боротьбистов, ныне член нашей партии на Украине сказал ему: через пять лет на Украине нельзя будет показаться человеку, говорящему на русском языке»[310]. По мнению Зиновьева, социальные аспекты политики должны были иметь преимущество перед национальными, и многие украинские большевики разделяли его мнение. «Мы плакать не станем, если украинский язык за пять лет станет языком коммунизма и на этом языке мы будем воспитывать деревню, – восклицал Зиновьев. – Нам безразлично, на каком языке деревня будет воспитываться. Это для нас один из второстепенных вопросов. …Нам не важно, на каком языке будут говорить трудящиеся, а нам надо говорить сколько мы с кулака сдерем шкур, одну или пять, в пользу бедняка, крестьянина и рабочего. Вот для чего нам была нужна правильная постановка национального вопроса»[311]. Зиновьев считал, что «язык должен свободно развиваться»: «В конце концов через ряд лет победит тот язык, который имеет больше корней, более жизненный, более культурный, следовательно, наша политика заключается в том, чтобы не на словах, а на деле искренно и честно показать украинской деревне, что советская власть ей не помеха говорить и учить своих детей на каком угодно языке»[312]. Это высказывание в дальнейшем служило для обвинения Зиновьева в пренебрежительном отношении к украинской культуре, Зиновьева постоянно вспоминали в связи с критикой «борьбы двух культур» (см. гл. 1 § 6), а Сталин назвал многолетнего председателя исполкома Коминтерна «сторонником колонизаторства»[313].

Решение партии о применении украинского языка наравне с русским и недопустимости создания преимуществ последнему волновало русскую интеллигенцию. Буквально через неделю, 27 ноября 1920 г., А.В. Луначарский подписал специальную резолюцию Наркомпроса РСФСР, которая была направлена в ЦК КП(б)У: «По вопросу об общей политике украинского Наркомпроса Коллегия, одобряя заботливое

отношение к культурным запросам украинского села и большинства населения республики, говорящего на украинском языке, выражает уверенность, что Наркомпрос Украины озаботится сохранением и русской культуры, к которой примыкает значительная часть населения городов и некоторых местностей Украинской Республику, а также, что Наркомпросом Украины будут приняты меры к бережной охране культурных ценностей национальных меньшинств»[314].

Очевидно, что требования центрального партийного руководства зачастую не совпадали с настроениями рядовых членов партии, тем более что численность украинцев в КП(б)У была невелика и к 1922 г. составляла лишь 23 %, русских было 54 %, и 21 % – других; при этом свободно владели русским 99 % членов КП(б)У, а украинским – только 11 %[315].

Несмотря на трудности с воплощением в жизнь своих планов, большевики не намерены были отступать. Более того, в начале 1920-х годов в статьях и речах высших партийных деятелей отчетливо стали проявляться те основные направления национальной политики, которые в 1923 г. составят основу коренизации.

В октябре 1920 г. в статье «Политика советской власти по национальному вопросу в России» Сталин отмечал необходимость «взаимной поддержки центральной России и ее окраин», ибо без этого «невозможна победа революции, невозможно освобождение России от когтей империализма». Экономическая взаимозависимость РСФСР и национальных республик была особенно острой: «Центральная Россия, этот очаг мировой революции, не может долго держаться без помощи окраин, изобилующих сырьем, топливом, продуктами продовольствия. Окраины России в свою очередь обречены на неминуемую империалистскую кабалу без политической, военной, организационной помощи более развитой центральной России». Между тем, «чтобы упрочить этот союз, нужно прежде всего ликвидировать ту отчужденность

и замкнутость окраин, ту патриархальность и некультурность, то недоверие к центру, которые остались на окраинах, как наследие зверской политики царизма».

Чтобы советская власть стала родной для «народных масс окраин России», Сталин предлагал «поставить школу, суд, администрацию, органы власти на родном языке»[316]. Таким образом, уже в 1920 г. прозвучали слова о ликвидации недоверия к центру, которые тремя годами позже Сталин разовьет в тезис о полном взаимном доверии между русским пролетариатом и крестьянством иных национальностей. В сталинской речи на XII съезде партии в апреле 1923 г. не был новым и тезис о двоякой опасности – со стороны великодержавного шовинизма и местного национализм. Требование развить «богатую сеть курсов и школ на окраинах по всем отраслям управления для создания инструкторских кадров из местных людей»[317] также войдет составной частью в сталинский план коренизации.

Обозначенные в 1920 г. направления национальной политики не были временным лозунгом или краткосрочным политическим расчетом. Мысль о необходимости развития национального языка, культуры, школы, введение делопроизводства на родном языке и т.п. была взята на вооружение и должна была непосредственно проводиться в жизнь аппаратом Наркомнаца. Так, Л.Б. Каменев, приветствуя от имени партии участников первого Всероссийского совещания представителей автономных республик и областей и губернских отделов по делам национальностей, которое состоялось в Москве 18–21 декабря 1920 г., также особо отметил необходимость сохранения единства центра и окраин в интересах мировой революции: «...Мы в течение этой войны сами научились, поняли это, как урок стратегический: необходимое единство центра и окраин как для спасения центра, так и для спасения окраин».

Этот тезис стал краеугольным камнем национальной политики, именно из этого обстоятельства исходили большевики, призывая с осторожностью подходить к национальным чувствам нерусских народов. «Мы здесь, в Москве, поняли, что мы не можем жить и строить коммунистическое общество, не имея точного и определенного отношения с теми народами, которые живут и расположены вокруг Донецкого бассейна или вокруг бакинской нефти или вокруг сибирского хлеба или вокруг степных пространств, на которых пасется скот»[318]. Отмечая тот факт, что народы, населяющие территорию бывшей Российской империи, находятся на разных ступенях общественного развития, Каменев в качестве основной причины этого явления по традиции сослался на эксплуататорскую политику царского правительства.

«...Нам необходимо не забывать того, что эти угнетенные нации склонны не доверять тем, кто был еще недавно частью той машины, которая их угнетала, и что мы, как коммунисты, как Советская власть, должны завоевывать это доверие»[319], – эти слова Каменева, произнесенные в 1920 г., отражали намерение большевиков завоевать доверие представителей различных национальностей за счет уничтожения пресловутых привилегий русского народа царского времени. Та же мысль прозвучит и на XII съезде партии в 1923 г., когда будет широко пропагандироваться опасность «великорусского шовинизма».

Как и Сталин, Каменев понимал необходимость создания опоры на местах путем воспитания национальных партийных кадров: «Без школы и администрации на родном языке, без управления людьми, которые знают местную обстановку и местное население, – без этого пробудить широкие массы, которые иногда тысячелетиями держались в рабстве, нам никогда не удастся, а мы с вами только что решили, что стоять один на один против мирового империализма, не имея резервов в миллионных хозяйствах, расположенных на окраинах, мы борьбы с империализмом не выдержим.

Нам нужны эти резервы. Мы знаем, что нельзя эти резервы мобилизовать приказом. Они должны расти снизу, т.е. расти на основе собственного культурного развития, пользуясь собственным языком, собственным судом, пользуясь теми коммунистами, которые вышли из его собственной среды»[320]. Подобные рассуждения звучали и на XII съезде партии, во время обсуждения политики партии в области национального вопроса.

Уже в 1920 г. пропагандировалось мировое значение решения национального вопроса революционной Россией. Каменев подчеркивал: «Наше решение национального вопроса стало центром притяжения громаднейших масс индийцев, китайцев и других народов, с которыми раньше никто не считался, они были слишком бедны и слишком отсталы, у них не было вождя. Этот вождь есть теперь в лице Советской России и, конечно, степень доверия к нам со стороны этих многомиллионных масс... будет зависеть от того, как мы решим у себя национальный вопрос»[321].

Следующим этапом в развитии национальной политики партии был ее X съезд в марте 1921 г., где с докладом по национальному вопросу выступил Сталин. В тезисах к съезду в качестве одной из задач РКП(б) он указывал на необходимость: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов; б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке». Данное положение, как и указание на опасность «искажений политики партии в национальном вопросе» как в сторону «великодержавности, колонизаторства, великорусского шовинизма», так и в сторону «буржуазно-демократического национализма»[322], составляло одну из главных принципов курса РКП(б) в национальном вопросе и в дальнейшем

составило основу политики коренизации партийного и советского аппарата в национальных республиках.

На X съезде РКП(б) Сталин выступил с докладом, в котором разъяснил «суть национального вопроса». По его мнению, необходимо «уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях»[323]. При этом два момента в речи наркома по делам национальностей представляются особенно важными. Прежде всего, он счел нужным подчеркнуть, что теперь речь шла не о национальном самоопределении, а о праве народов на государственное отделение. Если первый лозунг он считал «совершенно расплывчатым», то второй – революционным, крайне необходимым в «момент разгорающегося освободительного движения в колониях». «Поскольку советские государства объединяются в федерацию на началах добровольных, постольку право на отделение остается неиспользованным по воле самих народов, входящих в РСФСР»[324]. Сталин подчеркнул, что «при Советском федеративном государстве нет больше ни угнетенных национальностей, ни господствующих, национальный гнет уничтожен, но, ввиду унаследованного от старого буржуазного порядка фактического неравенства (культурного, хозяйственного, политического), между национальностями более культурными и менее культурными национальный вопрос принимает форму, требующую выработки мероприятий, ведущих к тому, чтобы трудовым массам отсталых народностей облегчить хозяйственное, политическое и культурное преуспеяние, дать им возможность догнать ушедшую вперед центральную – пролетарскую – Россию»[325].

Кроме того, Сталин обратил внимание на настроения, распространенные среди коммунистов. «Немногочисленные группы

русских коммунистов» игнорировали «особенности быта и культуры на окраинах», уклоняясь иногда в сторону русского великодержавного шовинизма. Одновременно «коммунисты-туземцы» не всегда, по его мнению, умели «отличить классовые интересы трудовых масс своего народа от так называемых «общенародных» интересов», что приводило к уклону «в сторону местного туземного национализма»[326].

В заключительном слове Сталин вновь обратил внимание на настроения, распространенные среди русских коммунистов и попытался развеять сомнения, возникавшие по поводу существования таких наций, как украинская и белорусская. «Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке, – заявил Сталин. – Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, об украинской национальности. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность — выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет 40 тому назад Рига представляла собой немецкий город. Но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига — чисто латышский город. Лет 50 назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же можно сказать о тех городах Украины, которые носят русский характер и которые будут украинизированы, потому что города растут за счет деревни. Деревня — это хранительница украинского языка, и он войдет во все украинские

города как господствующий элемент. То же самое будет с Белоруссией...»[327]

Большое внимание, уделенное на съезде национальному вопросу, было не случайным. Большевики стремились к тому, чтобы их слово в его решении стало решающим. Так, украинские национал-коммунистические партии могли составить в этой области серьезную конкуренцию КП(б)У. Украинские большевики это понимали и шли на сотрудничество с ними с величайшей осторожностью. В июле 1918 г. I съезд КП(б)У допустил сотрудничество партии лишь с «низами» левых украинских эсеров, провозгласив беспощадную войну всем другим партиям. II съезд в октябре того же года выступил и против сотрудничества с левыми эсерами, а III съезд в марте 1919 г. отказался разделить властные полномочия с боротьбистами. Украинский исследователь О.Б. Брындак считает, что только указание свыше – РКП(б) – на опасность такого поведения украинских большевиков позволило боротьбистам возглавить 3 наркомата из 16 и получить несколько мест заместителей наркомов[328].

Однако среди украинских большевиков были и сторонники более тесного сотрудничества с украинскими эсерами и социал-демократами. На совещании представителей партийных организаций Правобережной Украины в Гомеле 25 ноября 1919 г. группа так называемых федералистов выступила за объединение с левыми фракциями украинских социал-демократов и социалистов-революционеров и создание отдельной от РКП(б) Украинской коммунистической партии[329].

Большевики старались постоянно держать своих друзей-противников под контролем. Бриндак подробно рассказывает, как осуществлялся такой контроль. Ряды боротьбистов, укапистов, борбистов опустошали, с одной стороны, партийные мобилизации на фронт. В то же время на Украине была установлена ограничительная система выборов (25 тыс. жителей городов приравнивались к 125 тыс. крестьян) и контроль за прессой с

помощью цензуры. Кроме того, финансовые дотации национал-коммунистическим партиям были всегда невелики по сравнению с большевиками. Мирному сотрудничеству украинских большевиков с укапистами и боротьбистами отнюдь не способствовали и специальные циркуляры ЦК РКП(б) о борьбе с антисоветскими партиями, которые рассылались в губернские партийные организации[330].

В конце концов, угрожая разрывом блока, ЦК КП(б)У добился самороспуска национал-коммунистических партий и включения их членов в КП(б)У на индивидуальной основе. Боротьбисты объявили о самороспуске в марте 1920 г., борьбисты – в мае 1920 г. Дольше всего держались укаписты – до 1925 г.[331] На 1 января 1926 г. в КП(б)У состояло 5100 выходцев из других партий, что составляло 3,4 % от ее общей численности[332]. Однако в дальнейшем бывшие боротьбисты и укаписты оказывались первыми кандидатами на исключение из партийных рядов при проведении «чисток», и к 1938 г. в КП(б)У не осталось ни одного из них[333].

Таким образом, большевики обеспечили себе свободу политического маневра, в том числе в области национальной политики. Новая власть стремилась сохранить единство страны путем образования национальных советских республик. Усиление национального самосознания на Украине, деятельность национальных правительств, опиравшихся на заинтересованность в существовании независимой Украины со стороны Германии и других европейских стран, требовали воплощения в жизнь провозглашенных еще до революции лозунгов о самоопределении и свободном развитии национальной культуры. В этих целях партийное руководство всячески подчеркивало как единство интересов советских республик, так и необходимость бороться с «великорусским шовинизмом».

Вопреки мнению многих партийных и советских деятелей, ожидавших в недалеком будущем мировую революцию, центральное

руководство настаивало на необходимости изучения служащими национального языка, развития системы образования и средств массовой информации на национальном языке. Между тем множество насущных проблем – как экономических, так и внутриполитических – оттеснило на второй план вопрос о национальном языке и культуры вплоть до того момента, когда он стал актуальным в связи со сложным процессом образования Союза ССР.

После окончания гражданской войны встал вопрос об оформлении отношений РСФСР с образовавшимися советскими республиками. Как известно, в 1920–1921 гг. были заключены двусторонние договоры с Азербайджаном, Украиной, Белоруссией, Дальневосточной Республикой, Хорезмской и Бухарской республиками. В 1922 г. была образована Закавказская Федерация (Грузия, Армения, Азербайджан), также заключившая союз с РСФСР. Договоры предусматривали оборонительный и хозяйственный союз. Однако стала очевидной необходимость официального оформления тесных взаимоотношений советских республик.

На Х съезде РКП(б) весьма эмоционально выступил Затонский, подчеркнувший необходимость борьбы с «тенденциями русопятства» и уточнить принципы взаимоотношения национальных республик и центра. «Но я лично не знаю, в каких взаимоотношениях мы находимся сейчас с РСФСР, мы, живущие на Украине, – заявил Затонский. – Я лично не разобрался окончательно. Что же говорить о широких массах! С заключением последнего договора мы не то находимся в федерации, не то не находимся. … Но необходимо точнее определить взаимоотношения частей федерации не потому, чтобы нужно было увеличить или уменьшить права этих частей, – не в этом дело, – а для того чтобы установить точность и устранить ту неразбериху, которая у нас имеется и портит хорошо наладившееся дело»[334]. В данном случае Затонский критиковал положение, сложившиеся после заключения договора между РСФСР и

Украинской ССР 28 декабря 1920 г., по которому обе республики вступили в хозяйственный и военный союз, объединив важнейшие наркоматы. Признавая необходимость сохранения централизма, Затонский призывал внести порядок в распределение властных полномочий между центральными и республиканскими наркоматами.

В период образования СССР и учреждения структуры власти единого государства, представители Украины пытались предложить свой вариант распределения властных полномочий. Яростным противником усиления полномочий центра выступал глава правительства УССР Раковский. Еще в апреле 1921 г. он делегировал в Москву секретаря ЦК КП(б)У Ф.Я. Кона с предложением учредить украинский отдел при ЦК РКП(б), который был бы аналогичен по своему статусу постоянному представительству правительства УССР при Совнаркоме РСФСР. Такой отдел информировал бы ЦК РКП(б) о нуждах и предложениях республиканской партийной организации[335]. Однако вопрос о структуре партии и роли республиканских партийных организаций был определен еще в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б). Предложение украинских коммунистов было Сталиным отвергнуто, о чем Кон незамедлительно доложил Политбюро[336].

Очевидно, что и многие украинские лидеры, и центральное большевистское руководство по-разному интерпретировали вопрос о союзе между РСФСР и УССР. Действительно, вышеупомянутый «Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР» допускал возможность появления претензий как со стороны Украины (поскольку речь шла о суверенности каждой из договаривающихся сторон), так и со стороны РСФСР (поскольку объединенные комиссариаты входили в состав российского совнаркома).

Претензии украинских лидеров были не случайны: они базировались на предоставленной УССР возможности проявить внешнеполитическую активность в период проведения в Риге важных советско-польских

переговоров о прекращении войны и заключении мирного договора. Внешнеполитическое ведомство Советской Украины было создано 16 марта 1920 г. Представителем правительства УССР на переговорах с Польшей был Квиринг. Он считал, что УССР должна в будущем иметь самостоятельные посольства в Англии, Франции, США, Германии и Италии, предлагал создать посольство в Варшаве с консульствами во Львове, Тарнополе, Станиславе. Помимо Польши, Квиринг предлагал учредить представительства и в других странах, где проживали этнические украинцы – Чехословакии, Румынии, Австрии[337]. В начале января 1921 г. при российском правительстве была создана дипломатическая миссия УССР, в которую вошли Ю.М. Коцюбинский, В.К. Лях и В.Х. Ауссем. Дипломатическая активность УССР в 1921 г. была весьма высока: в феврале был заключен договор с Литвой об установлении дипломатических отношений, в августе Украина заключила мирный договор с Латвией, а в ноябре – с Эстонией. Украинские представители участвовали в торговых переговорах с Чехословакией и Италией, в переговорах об установлении дипломатических отношениях с Австрией. В январе 1922 г. УССР заключила договор о дружбе с Турцией (он был аналогичен российско-турецкому договору 1921 г.).

В начале 1922 г. вопрос об объединении советских республик стал еще более актуальным в связи с подготовкой к Генуэзской конференции. Народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерин 10 января написал секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотов письмо, в котором высказал свою точку зрения на состав советской делегации на будущей конференции. Он подчеркнул, что «в протоколе заседания комиссии по подготовке европейской конференции от 9 января выдвинут чрезвычайной важности вопрос о включении братских республик в РСФСР к моменту конференции»[338]. По его мнению, «момент достаточно благоприятен для проведения этой очень крупной меры без серьезных международных

осложнений», и «на конференции следует поставить державы перед свершившимся фактом». «Если мы на конференции заключим договоры как девять параллельных государств, это положение дел будет юридически надолго закреплено, и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших сношениях с Западом»[339], – утверждал глава советской дипломатии.

13 января 1922 г. Сталин написал членам Политбюро записку по вопросу о составе и полномочиях советской делегации на европейской конференции. Отметив, что в Италии придется столкнуться с вопросом о юридических взаимоотношениях между независимыми республиками и РСФСР, он опасался, что противники «постараются вскрыть при этом всю неопределенность и противоречивость в этих взаимоотношениях». По его словам, исходя из необходимости установления единства дипломатического фронта, «некоторые товарищи предлагают добиться в кратчайший срок объединения всех независимых республик с РСФСР на началах автономии». Сталин вполне разделял эту точку зрения, однако, учитывая необходимость проведения серьезной подготовительной работы в этой области и отсутствие необходимого времени, предложил подписать мандаты всех членов делегации всеми председателями советских республик, а также председателем правительства ДВР[340].

28 января свою точку зрения по данному вопросу высказал и Раковский. Согласившись с тем, что на конференцию «нужно нам явиться как единой делегацией»[341], он считал предложения главы НКИД политической ошибкой, поскольку «проект Чичерина формально упраздняет независимые советские республики»[342]. Проводить единую линию в иностранной политике он предлагал «не в механическом устранении» от нее советских республик, а «при условии инициативы советских республик», для чего предлагал создать специальный общий федеральный орган. Для Генуэзской конференции он считал достаточным

подписать соглашения между республиками, а членам единой делегации выступать только от имени всего Союза Советских Республик[343].

28 января Чичерин высказал свою точку зрения на предложения Раковского. «Тов. Раковский, соглашаясь с желательностью создания федерального органа внешних сношений, указывает, что нельзя подчинить братские республики российскому органу, а надо создать федеральный орган, являющийся выразителем всех республик»[344], – писал Чичерин. Это можно было сделать или путем присоединения к российскому наркоминделу представителей всех республик, или создав общефедеральный орган. Поскольку общефедерального съезда советов не было, Чичерин предлагал такой общефедеральный орган создать в форме комиссии, поскольку «было бы империализмом подчинить братские наркоминделы российскому наркоминделу вместо того, чтобы поставить во главе всех настоящий федеральный наркоминдел»[345].

Действительно, Чичерин выступал против параллельного существования представительств России и Украины. Весной 1922 г. В.Х. Ауссем пытался выдвинуть украинские требования к Германии во время переговоров заместителя Чичерина М.М. Литвинова в Берлине, что могло существенным образом сказаться на судьбе переговоров. Для спасения положения в Берлин был отправлен Чичерин[346]. 16 марта 1922 г. нарком по иностранным делам РСФСР направил в Политбюро ЦК РКП(б) письмо, в котором высказал сомнение в целесообразности существования параллельных представительств в зарубежных странах России и Украины, тем более что «западные представительства уже неоднократно обнаруживали стремление сепаратно заигрывать с Украиной и вообще с окраинными государствами и разыгрывать их против РСФСР»[347]. После обращения Чичерина Политбюро ЦК РКП(б) 27 апреля 1922 г. приняло постановление, в котором указало, что «никакие самостоятельные

переговоры советских республик с иностранными государствами не должны вестись без предварительного согласования с НКИД РСФСР»[348].

Между тем весной 1922 г. была предпринята еще одна попытка усиления влияния Украины и украинской парторганизации в Москве. На проходившем с 27 марта по 2 апреля 1922 г. XI съезде РКП (б) Н.А. Скрыпник, представлявший Украину, подчеркнул, что советская власть дает возможность трудящимся «полностью развивать все свои способности и, независимо от национальности, удовлетворять их национальные запросы». Однако, по его словам, на практике «отдельные лица проводят несколько иную линию, заражая подчас и отдельные советские аппараты»: «имеется тенденция к ликвидации той государственности рабочих и крестьян, которая добыта силою рабочих и крестьян этой страны». Подобного рода тенденция была обусловлена влиянием лозунга о «единой и неделимой России», и партии необходимо отмежеваться от таких настроений[349]. В ответ Д.З. Мануильский, работавший с декабря 1921 г. первым секретарем ЦК КП(б)У, заявил, что он выступает от имени украинской делегации, в то время как Скрыпник «по целому ряду вопросов… имеет свое своеобразное мнение»[350].

Следующий эпизод был связан с Коном. По распоряжению ЦК РКП(б) он был отозван в Москву для работы в Коминтерне, и Политбюро ЦК КП(б)У, вспомнив свою прошлогоднюю попытку учредить украинский отдел при ЦК РКП(б), решил назначить его официальным представителем ЦК КП(б)У при ЦК РКП(б). Естественно, последовало замечание, что республиканская организация не может учреждать должность постпреда при партийном центре, и 28 апреля Политбюро ЦК КП(б)У приняло протокольное постановление, в котором уведомляло ЦК РКП(б), что под назначением представителем ЦК КП(б)У подразумевалось только то, что на Кона, близко знакомого с потребностями украинской организации,

возлагались обязанности лично поддерживать предложения украинской парторганизации перед центральным партийным руководством[351].

В результате 11 мая 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании специальной комиссии, которая должна была урегулировать взаимоотношения между РСФСР и УССР. В состав комиссии вошли И.В. Сталин, Л.Б. Каменев, М.В. Фрунзе, Н.А. Скрыпник, Д.З. Мануильский. В решении Политбюро подчеркивалось, что «никакой перемены в отношении РСФСР к УССР в смысле отмены или умаления независимости Украинской Республики и вообще в смысле пересмотра основных конституционных положений Украинской Республики не произошло»[352]. Более того, подобные шаги осуждались: «Если бы оказалось, что НКИД РСФСР была допущена посылка ноты или какие-либо сношения от имени Украины или непосредственно затрагивающие Украину без предварительного оповещения НКИД Украины, то такого рода шаги ЦК РКП признает безусловно недопустимыми и требует, чтобы в случае повторения чего-либо подобного были преданы суду секретарь и управделами НКИД РСФСР, отвечающие за нарушение непосредственно, и партийному суду нарком и заместители его, ведающие непосредственно данной областью работы». А.И. Рыкову и А.Д. Цюрупе поручалось «наблюдать за тем, чтобы эти решения проводились в практике НКИД РСФСР»[353].

12 мая, рассмотрев все предложения о разногласиях и «неправильностях» во взаимоотношениях ведомств УССР и РСФСР, Комиссия ЦК РКП(б) по урегулированию взаимоотношений между РСФСР и УССР постановило «обязать все центральные органы РСФСР в течение двух недель представить в Комиссию согласованные проекты об их взаимоотношениях». Особо подчеркивалось, что центральные органы обязаны были не допускать каких-либо «мероприятий, которые

практически вели бы к ликвидации УССР и умалению прав ее ЦК, Совнаркома и ее центральных органов»[354].

Второе заседание этой комиссии состоялось 17 мая. Комиссия приняла к сведению, что «между наркоматами РСФСР и УССР выработан проект временного соглашения», наркоматам поручалось «зафиксировать это соглашение и провести надлежащим порядком соглашением обоих ВЦИКов»[355]. Одновременно комиссия признавала «желательным и необходимым, чтобы в Малый Совнарком РСФСР был на правах его члена введен представитель УССР». На заседании политбюро ЦК РКП(б), которое должно было состояться на следующий день, 18 мая, Сталин должен был поставить на повестку дня и поддержать это предложение[356]. Наконец, комиссия подтверждала постановление предыдущего заседании «о возложении на все центральные органы РСФСР и УССР [обязанности] взаимно согласовывать свои отношения». Обе стороны должны были «представить проекты или фиксированные разногласия для рассмотрения Комиссии»[357].

Между тем процесс формирования союзного государства вступил в решающую стадию. 10 августа 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос о взаимоотношениях между РСФСР и Украиной и приняло решение «указать в партийном порядке тем наркоматам, соглашение которых с Украиной было утверждено комиссией Политбюро ЦК, что они должны руководствоваться в своих действиях этим соглашением, но без оформления его в советском порядке». Одновременно политбюро приняло важное решение: «Предложить Оргбюро образовать комиссию с поручением к следующему Пленуму ЦК подготовить вопрос о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик, для оформления его потом в советском порядке»[358]. Такая специальная комиссия была создана под председательством В.В. Куйбышева, в которую также вошли Г.К. Орджоникидзе, Х.Г. Раковский, Г.Я. Сокольников, И.В. Сталин и

представители национальных республик, в том числе Г.И. Петровский от УССР.

Сталин, ставший к тому моменту генеральным секретарем партии и изучивший состояние работы и настроения периферийных парторганизаций, настаивал на необходимости немедленного изменения существующего порядка отношений «между центром и окраинами». 11 августа комиссия Оргбюро приняла проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками, подготовленный И.В. Сталиным и получивший позднее название «план автономизации». Проект был разослан для обсуждения в ЦК компартий национальных республик.

Сталинский проект признавал «целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее»[359]. Признавалось целесообразным «формальное распространение компетенции ВЦИКа, СНК и СТО РСФСР на соответствующие центральные советские учреждения» в перечисленных республиках. «Внешние дела (Индел, Внешторг), военные дела, железнодорожные, финансовые и потель» (почта и телеграф – *Е.Б.*) республик предлагалось объединить с соответствующими учреждениями РСФСР; наркоматы продовольствия, труда и народного хозяйства должны были формально подчинить директивам соответствующих наркоматов РСФСР; наконец, остальные наркоматы (юстиции, просвещения, внутренних дел, земледелия, рабоче-крестьянской инспекции, здравоохранения и социального обеспечения) должны были быть самостоятельными; органы борьбы с контрреволюцией подчинялись директивам ГПУ РСФСР. Сталин предлагал данное решение не

публиковать, а передать национальным ЦК в качестве циркулярной директивы для его проведения через ЦИКи или съезды Советов республик до созыва Всероссийского Съезда Советов, на котором оно и должно было быть продекларировано «как пожелание этих республик»[360].

Свой мысли по поводу объединения республик Сталин изложил Ленину в письме 22 сентября 1922 г. Сталин оценивал сложившуюся ситуацию как «отсутствие всякого порядка и полный хаос», которые тормозят и парализуют «всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе». Сталин предлагал выбрать одно из двух: «либо действительная независимость и тогда – невмешательство центра», либо «действительное объединение Советских Республик в одно хозяйственное целое», т.е. «замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции вну[тренних] дел, земледелия и прочее»[361]. При этом действовать надо было, как говорилось в письме, быстро: если сейчас «речь идет о том, как бы не «обидеть» националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве»[362]. Причиной такой спешки было не только удобство администрирования, но и партийно-политические соображения. Сталин указывал на существование среди коммунистов большого числа «социал-независимцев», упорно признававших «слова о независимости за чистую монету» и недовольных централизаторской политикой ЦК партии, объясняя их появление необходимостью «демонстрировать» в период гражданской войны «либерализм Москвы в национальном вопросе»[363].

Сталин настаивал на форсированных сроках образования СССР, указывая, что «через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик». Хотя единая партийная система виделась большевикам мощной объединительной силой, Сталин, по-видимому, опасался раскола партии на национальной почве, тем более что в

официальных документах по отношению к советским республикам постоянно фигурировали определения «независимый» и «суверенный». Это давало основания республиканским руководителям требовать выполнения декларированных принципов[364].

Действительно, в период обсуждения вопроса о характере суверенности республик и принципе строительства СССР в 1921–1922 гг. среди украинских коммунистов было немало сторонников широких прав союзных республик в СССР. Л.М. Каганович вспоминал, что «на Украине национал-коммунисты из “боротьбистов” в содружестве с троцкистами... усиленно популяризировали идею “конфедерации” с сугубо урезанными правами: все, например, постановления правительства “конфедерации” должны подтверждаться правительствами республик; “конфедерации”, как правило, не должны иметь своей армии, единого гражданства.. своих законодательных органов и т.д.»[365] Самым известным среди них был председатель Совнаркома (1919–1923) и нарком иностранных дел Украины Раковский. Отстаивая свои принципы построения союза, он указывал на необходимость учета внешнеполитического дискурса при разработке большевистской национальной стратегии. В своем письме Сталину 28 сентября 1922 г. он писал: «Форма независимых республик давала нам возможность производить максимум революционного эффекта на всех окраинах, а также за границей. … Посредством независимости Советской Украины – Советская Федерация имела возможность совершать революционное проникновение в Галицию, Буковину, Бессарабию. Без всякой серьезной надобности мы сами себя лишаем этого оружия и, наоборот, даем польской и румынской буржуазии новое оружие для борьбы с нами и усилении я своей национальной политики. По отношению к Украине Польша выступит в роли защитницы ее независимости, признанной Рижским миром»[366]. О самостоятельном внешнеполитическом курсе речь не шла, однако попытка установления своих собственных

международных связей была налицо. Центр же не считал правильной концепцию признания национальных и государственных прав советских республик в качестве субъектов международного правоотношения.

Однако не все украинские коммунисты разделяли мнение Раковского или Скрыпника. Секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Мануильский занимал противоположную позицию. В своем письме Сталину от 4 сентября 1922 г. он высказался за ликвидацию самостоятельных республик и превращение их в «реальную автономию»: «Нынешняя форма взаимоотношений изжила себя и на месте единого руководства у нас создается несколько «хозяев», что не может не отражаться гибельно на самом хозяйстве. …Эта система двойственности вносит лишь путаницу и затрудняет положение с хозяйственным возрождением страны»[367]. Образование на окраинах самостоятельных республик отвечало, по мнению Мануильского, определенному этапу революцию, «в период которого пролетарской диктатуре пришлось развязывать национальный вопрос». «Это была неизбежная уступка национальной стихии, приведенной революцией в движение и которая, опираясь на недовольство крестьянской массы, могла превратиться в серьезнейшую Вандею»[368], – говорилось в письме. Секретарь ЦК КП(б)У считал, что на Украине «никакого серьезного национального движения» такой шаг не вызовет, поскольку «почвы у украинской интеллигенции нет»: «Украинский мужик «национальным» вопросом не интересуется и больше принимать участие в бандах политического характера не хочет»[369].

Столь различные взгляды на сущность будущего государства существенно затруднило выработку руководством УССР единой позиции, и в ответ на телеграмму Куйбышева о начале заседания комиссии 23 сентября, Раковский и Петровский попросили отложить его до 15 октября. Однако предложение украинского руководства было отклонено[370]. 23 и 24 сентября состоялись заседания комиссии. Проект Сталина поддержали ЦК

Азербайджана и Армении. ЦК компартии Грузии сочла объединение в форме автономизации преждевременным, высказавшись за объединение хозяйственных усилий и общей политики, но с сохранением всех атрибутов независимости. ЦК КП Белоруссии высказалась за сохранение договорных отношений между независимыми республиками[371]. Несмотря на выявившиеся различные точки зрения по вопросу образования будущего государства, была принята сталинская резолюция по вопросу о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками. 25 сентября материалы комиссии были переданы в Горки, а 26 сентября 1922 г. состоялась беседа Ленина со Сталиным по вопросу об объединении Советских Республик. В тот же день Ленин написал письмо членам Политбюро, в котором высказался против идеи Сталина об «автономизации» самостоятельных национальных Республик и предложил создать СССР. «По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться»[372], – писал Ленин. По настоянию Ленина были внесены уточнения в пункты резолюции. Теперь речь шла не о вступлении в РСФСР, а об объединении в СССР советских республик. «Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских республик Европы и Азии»»[373], – настаивал Ленин. Для него было важным, «чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик»[374]. Соответствующие изменения Ленин предлагал внести и в другие пункты предлагаемой Сталиным резолюции. Так, он считал необходимым создание общефедерального ВЦИКа Союза Советских Республик, а наркоматы продовольствия труда и народного хозяйства не формально подчинить директивам соответствующих наркоматов РСФСР, как предлагал Сталин, а слить их по соглашению ВЦИКов[375].

На следующий день Сталин ответил Ленину, согласившись с формулировкой «признать целесообразным формальное объединение советских социалистических республик Украины, Белоруссии, Грузии Азербайджана и Армении с РСФСР в Союз Советских Социалистических Республик Европы и Азии»[376]. Однако он был против создания двух ЦИКов в Москве (федерального и РСФСР), поскольку «ничего кроме конфликтов и трений не даст» и может привести к обязательному созданию «русского ЦИКа с исключением оттуда восьми автономных республик». Вместо этого он предлагал преобразовать ЦИК РСФСР в общефедеральный ЦИК[377]. Замечания Сталина вызывали и ленинские поправки, касающиеся наркоматов: «…по-моему, товарищ Ленин «поторопился», потребовав слияния наркоматов финансов, продовольствия, труда и народного хозяйства в федеральные наркоматы. Едва ли можно сомневаться в том, что эта «торопливость» даст пищу «независимцам» в ущерб национальному либерализму т. Ленина»[378].

Настаивая на корректировке сталинской резолюции, Ленин руководствовался идеей мировой революции. В первые годы после завоевания власти большевики много говорили о «прямом штурме» бастионов капитализма. По воспоминаниям А.А. Андреева, тогда секретаря ВЦСПС, «Владимир Ильич любил иногда до начала заседания Центрального комитета в кругу собравшихся членов ЦК вслух помечтать с большой уверенностью и надеждой о направлении исторического развития и конечной победе социалистической революции». Ленин подходил с карандашом в руке к карте мира и, указывая на колониальные страны, говорил: «Вот где заключена величайшая сила социализма – в его решающей борьбе с капитализмом; здесь будет нанесено еще одно смертельное поражение империализму»[379].

В сталинском плане Ленин видел препятствие на пути объединения пролетариев всех стран в единую семью. С наступлением мировой

революции федеральное устройство государства сделает возможным присоединение к этому союзу новых республик[380]. Большевики всерьез рассчитывали на скорую революцию в Германии. Но вступить та сможет лишь в союз советских республик Европы и Азии, а отнюдь не в РСФСР.

Ленинский проект «федерализации» одержал победу, однако влияние Сталина на процесс государственного строительства в национальной области было неизменным и весьма значительным. Как и предлагал генсек, самостоятельный статус был оставлен лишь за некоторыми наркоматами (юстиции, внутренних дел, земледелия, просвещения, охраны здоровья и соцобеспечения). Без сомнения, Сталин не оставил попыток претворить в жизнь свою идею о замене «фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, внудел, земледелия и прочее», пытаясь таким образом возместить ограничение самостоятельности «независимых республик».

В данном случае Сталин действовал как практический политик, ставя во главу угла удобство администрирования и крепость создаваемого образования. Взгляды Ленина же явились выражением широко распространенной в этот период веры в грядущую – причем почти незамедлительно – мировую революцию. Действительно, революция в Германии в ноябре 1918 г., в Венгрии в марте 1919 г. давали на это, казалось бы, все основания. Правда, поведение польских рабочих и крестьян в 1920 г. не укладывалось в готовую схему, но к 1923 г. в Германии интенсивно готовилась новая революция.

В данной ситуации становится понятным не только принцип создания СССР, но и лозунги большевистской национальной политики, призванные революционизировать пролетарские массы соседних (и не только соседних) государств. Сталин в своих работах подчеркивал значение внешнеполитического аспекта. Если в 1921 г. указывалось лишь на «коренное улучшение отношений Турции, Персии, Афганистана, Индии

и прочих восточных окраин к России»[381], то двумя годами позже речь шла о необходимости «расшевелить, революционизировать» «восточные колониальные и полуколониальные страны», видящие в СССР «знамя освобождения»[382].

Была подготовлена «более точная формулировка» проекта резолюции об отношениях РСФСР с независимыми Советскими Социалистическими Республиками, которую подписали И.В. Сталин, А.Ф. Мясников, Г.К. Орджоникидзе и В.М. Молотов. Теперь первый пункт звучал так: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в «Союз Социалистических Советских Республик» с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава «Союза»»[383]. Высшим органом Союза должен был стать Союзный ЦИК, исполнительным органом – союзный Совнарком. Наркоматы строились следующим образом: «Индел, Внешторг, Наркомвоен, НКПС и Потель Республик и Федераций, входящих в состав «Союза», слить с таковыми «Союза Сов[етских] Соц[иалистических] Республик»»; «Наркоматы финансов, продовольствия народного хозяйства, труда и инспекции республик и федераций … подчинить директивам соответствущих наркоматов и постановлениям Совнаркома и СТО «Союза Республик»»; «остальные наркоматы… как-то: юстиции, просвещения, внудел, земледелия, народного здравия и соц. обеспечения считать самостоятельными»[384].

Наконец, 6 октября 1922 г. пленум ЦК РКП(б) принял специальное постановление «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми Социалистическими Республиками», которое было разослано республиканским компартиям для обсуждения. 16–17 октября решения пленума ЦК РКП(б) о создании федеративного союза советских республик были одобрены пленумом ЦК КП(б)У, а 10–14 декабря 1922 г. в Харькове

прошел VII Всеукраинский съезд Советов, который принял «Декларацию об образовании Союза Социалистических Советских Республик» и «Постановление об основах Конституции Союза Социалистических Советских Республик». В декларации говорилось: «Проведение новой экономической политики и связанный с этим относительно быстрый рост мелкобуржуазных элементов увеличивают опасность усиления этих враждебных пролетариату националистических настроений, как в форме возрождения великодержавно-российских тенденций, с одной стороны, так и сепаратистски-шовинистических, с другой. Вместе с тем, вытекающая из факта нашей международной изоляции необходимость базироваться в деле внутреннего строительства всецело на собственных силах и средствах советских республик требует дальнейшего усиления и углубления их экономического единства, открывающего возможность ставить и разрешать хозяйственные задачи, непосильные для каждой из них в отдельности»[385]. Как подчеркивал съезд, «единый Союз Социалистических Советских Республик, закрепляющий на принципах взаимного равенства их тесную экономическую и политическую связь и в то же время обеспечивающий самостоятельность национально-культурного строительства и необходимые гарантии проявления хозяйственной инициативы каждого из членов Союза, явится наилучшей формой разрешения национального вопроса в духе международной пролетарской солидарности, первым шагом к установлению будущей Всемирной Советской Республики Труда и мощным оплотом интересов рабочих и крестьян не только союзных стран, но и всего мира»[386]. Съезд избрал представительную украинскую делегацию в количестве 352-х человек, которая первоначально должна была участвовать в работе X Всероссийского Съезда Советов, а затем в I съезде Советов СССР.

Сохранились любопытные воспоминания одного из участников съезда, Михаила Ильича Смирнова, о процедуре выдвижения делегатов на

первый съезд Советов СССР. Один из участников съезда сказал, что «надо послать Мишу Смирнова. Он московский рабочий, русский, но воевал за Советскую Украину, за это награжден орденом Боевого Красного Знамени, затем восстанавливал Донбасс». Эту реплику услыхал Николай Алексеевич (Скрыпник – *Е.Б.*) и сразу выступил: «О це добре! Правильно! Это и есть пролетарский интернационализм. Украинский народ уполномочивает русского рабочего представлять Украину и подписывать договор о братском Союзе. Это очень хорошо. Я поддерживаю предложение. Смирнов достойно представит Советскую Украину». Я был избран и был участником первого съезда Советов в Москве от Украины»[387].

Партийное и советское руководство УССР, одобрив в целом образование союзного государства, уделяло большое внимание хозяйственным и экономическим полномочиям республик. Так, еще при обсуждении комиссией конституции будущего союза 21 ноября 1922 г. дискуссию вызвал вопрос об объединенных и автономных наркоматах. «За» превращение автономных наркоматов (юстиции, просвещения, внутренних дел, земледелия, народного здравия и социального обеспечения) в объединенные проголосовали Чичерин и Каменев, а «против» – Сталин, Калинин, Раковский и Пятаков[388].

Этот вопрос вновь был поднят на заседании фракции РКП(б) на X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г. У представителей УССР не было единого мнения. Затонский, признавая необходимость создания Союза («давным-давно пора упорядочить те отношения, которые сложились исторически, стихийно»)[389], посетовал на сложности, возникшие в работе: «Это особенно видно у нас, имеющих несчастье состоять в так называемых самостийных республиках, куда нас посадили и где приходится ковыряться в довольно тяжелой обстановке»[390]. Он считал, что могут сложиться трудности с финансированием необъединенных

комиссариатов, поскольку средства на их работу «каждый раз придется протаскивать при помощи ЦК»[391]. Он прямо заявил: «Мы сознательно усиливаем часто центр, за счет слабых окраин, когда это нужно, а здесь получается рвачество и страдают окраины, которые хотят облагодетельствовать независимостью». По его словам, когда-то «прибалтийские бароны освободили своих крестьян без земли», а сейчас «Сокольников не прочь освободить наркоматы, чтобы они ушли каждый в свою республику и не было бы духа в Союзном Совнаркоме»[392]. «…Нам полная оторванность не нужна совершенно, – заявил Затонский. – Нам нужно между собой столковаться, и нам нужно, чтобы наш представитель необъединенного комиссариата в Совнаркоме был…»[393].

Другой представитель Украины, П.К. Солодуб, с Затонским был не согласен, поскольку последний «предлагает организацию унитарного централизованного государства». «У нас самостоятельные республики», – подчеркнул Солодуб. Он считал, что управлять «таким государством, какое представляет собой наша федерация республик, централизованно невозможно», поэтому «все эти наркоматы, которые будут при союзном наркомате, должны иметься и в каждой самостоятельной республике», причем последняя «должна иметь свой бюджет, который утверждается конфедерацией»[394].

Сталин же отстаивал предложенный проект организации наркоматов трех типов, не преминув при этом «уколоть» украинских руководителей. Сталин напомнил, что этот вопрос о наркоматах обсуждался несколько раз, причем «тов. Затонский раньше выступавший против объединения, во всяком случае фигурировавший в ряду товарищей, ругающих нас, сторонников “единого неделимого”, теперь вдруг сам ударился в лагерь “единого неделимого”»[395]. Если же «вверху и внизу будут все комиссариаты», то, по мнению Сталина, это существенно затруднит их работу: «как они будут руководствовать, аллах их ведает, я не знаю».

Сущность объединения заключается, по мнению Сталина, в том, что «некоторые дела, крайне важные и крайне существенные, мы отбираем у местных республик и сосредоточиваем их в союзные республики, иначе никакого объединения не будет, да оно в противном случае и не нужно»[396].

Действительно, со стороны украинских руководителей вызывала немало нареканий централизаторская финансово-экономическая политика Москвы, в частности, процесс переподчинения важнейших (стратегических) хозяйственных объектов на территории Украины наркоматам РСФСР. На VII Всеукраинской партконференции в апреле 1923 г. Раковский жаловался на многочисленные стычки «между украинскими хозяйственными, административными и другими органами и федеральными органами»[397]. Следует согласиться с оценкой С.В. Кульчицкого, что в период существования «договорной федерации» центральные ведомства стремились непосредственно управлять важнейшими объектами, что вызывало протесты со стороны харьковского центра. Впрочем, «это не означает, что он отстаивал суверенитет республики, ее государственные права, – считает украинский историк. – Речь шла только о борьбе за собственное выживание. Будучи органичным элементом системы власти, партийно-советское руководство Украины искало в ней свое место»[398].

Подобный «поиск места» был особенно активным в конце 1922 и в 1923 гг., когда вопрос союзного строительства находился в центре внимания партии. В «Договоре об образовании Союза Советских Социалистических Республик», принятом на I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г., разграничивались функции верховных органов СССР, Совета Народных Комиссаров, союзных республик. В частности, республикам полагалось иметь свои бюджеты, которые являлись бы составными частями общесоюзного бюджета, при этом перечень доходов и размеров доходных отчислений, идущих на образование бюджетов

союзных республик должен был определять Центральный Исполнительный Комитет Союза[399]. Устанавливалось единое союзное гражданство, учреждались флаг, герб и государственная печать СССР, признавалось право свободного выхода союзных республик и необходимость внесения изменений в конституции республик в соответствии с Договором. На первой сессии ЦИК СССР I созыва, состоявшейся сразу же после закрытия съезда Советов СССР, Президиуму ЦИК была поручена разработка Конституции СССР, Положения о Наркоматах СССР, Совнаркоме и Совете Труда и Обороны СССР и др. Между тем вопрос о союзном строительстве отнюдь не все сочли решенным. Так, на VII Всеукраинской конференции КП (б) У 4–10 апреля 1923 г. Раковский высказался вполне определенно. Несмотря на то, что вопрос о союзном строительстве «теперь разрешен на более или менее длительный период», он не считал его решенным окончательно: «Нет, к этому вопросу нам придется еще сто раз вернуться»[400]. Большую роль в определение практики национального строительства сыграл XII съезд РКП(б), проходивший 17–25 апреля 1923 г. в Москве.

§ 6. *Курс на украинизацию: XII съезд и совещание национальных работников*

К началу 1920-х гг. вне границ Украинской ССР оказались достаточно обширные территории с восточнославянским населением. Они входили в состав трех государств – Польши, Чехословакии и Румынии. Украинцы в Польше проживали на территории Восточной Галиции и Западной Волыни. Массив украинских земель межвоенной Польши достигал 130 тыс. кв. км, там проживало 10 млн. украинцев (около 30 % населения Польши)[401].

Румыния оккупировала Буковину и часть Бессарабии. По официальным румынским источникам, общая численность украинцев в этой стране достигала 580 тыс. человек. По данным украинских демографов, украинское население межвоенной Румынии приближалась к миллиону[402]. Территория Подкарпатской Руси в составе Чехословакии составляла 11,4 тыс. кв. км, Пряшевщины – 3,5 тыс. кв. км. По переписи 1930 г. там проживало соответственно 438 тыс. и 87 тыс. украинцев[403].

Провозглашенную на ХП съезде РКП(б) в апреле 1923 г. политику коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках (на местах она именовалась украинизацией, белорусизацией и т.п.) следует рассматривать как составляющую двух факторов. С одной стороны, внешнеполитического: угроза со стороны Польши еще далеко не отпала, и контакты польских спецслужб с украинской военной эмиграцией вызывали серьезную озабоченность в Москве[404]. С другой стороны, в интересах развития мировой революции стоило продемонстрировать внимательное и эффективное решение национального вопроса в СССР.

Утративший формально силу польско-украинский военно-политический союз продолжался еще не менее года. Несмотря на то, что Рижский договор предусматривал отказ сторон от поддержки враждебных друг другу организаций на своей территории, из интернированных украинцев при содействии польских спецслужб были созданы отряды. Целью их было вторжение на Украину, чтобы поднять там восстание. Это и произошло в октябре-ноябре 1921 г. Хотя первоначальные планы польских спецслужб потерпели неудачу, лагеря для интернированных военнослужащих УНР просуществовали в Польше до 1924 г.[405] По данным польских государственных регистрационных органов, общая численность украинской эмиграции в конце 1920 г. составляла 43 тыс. человек[406]. При этом в Польше нашли пристанище и многие украинские политики. На границе не прекращались вооруженные инциденты с участием

проникавших с территории Польши бандитских формирований. Между Москвой и Варшавой велась продолжительная дипломатическая переписка со взаимными обвинениями в нарушении условий договор[407].

Одновременно Варшава стремилась превратить временную оккупацию Восточной Галиции в официально признанное вхождение региона в состав II Речи Посполитой. 15 февраля 1923 г. Польша обратилась в Совет послов с данным вопросом, сославшись на соответствующую статью Версальского мирного договора, по которой США, Великобритания, Франция, Италия и Япония оговорили за собой право определить границу Польши на востоке[408]. Политический комитет Совета министров Польши в своем постановлении от 10 марта 1923 г. констатировал: «Польская республика никогда и ни под каким условием не откажется от своих полных суверенных прав на всю территорию б. Галиции, так как это было бы для нее равносильно лишению государства элементарных основ существования и обороноспособности»[409]. Дипломатические усилия Польши увенчались успехом, и 14 марта в Париже Совет послов стран Антанты признал за ней все права верховной власти над территориями, границы которых были определены Рижским мирным договором. Советская сторона пыталась протестовать. 13 марта (накануне принятия решения Советом послов), правительство УССР приняло ноту правительствам Франции, Великобритании и Италии, в которой решительно возражало против любого решения судьбы территорий, непосредственно граничащих с Украиной, без его участия. В ноте указывалось, что в Восточной Галиции «3/4 населения составляют украинцы», что ее оккупация польскими властями и войсками является актом насилия, и население «всеми средствами сопротивляется новому насилию над его правами и свободами»: «Отказ украинского населения принять участие в выборах, толпы украинцев и других галичан, перебегающих на территорию соседних с Польшей государств, чтобы не

подвергнуться набору в польские войска, частичные восстания, охватившие целые районы Восточной Галиции, – все это свидетельствует о решительном протесте Восточной Галиции против аннексионистской политики Польши»[410].

Между тем, оставалась довольно сложной и внутриполитическая ситуация в стране Советов. По оценке ГПУ, на Украине был активен политический бандитизм. «Переходящие на Украину и частью в Гомельскую и Брянскую губернии банды из Польши и Румынии терроризуют партработников и подготовляют восстание, предполагаемое на 1-е июня или 10-е июля, ко времени жатвы, – говорилось в обзоре политэкономического состояния СССР за апрель-май 1923 года. – На состоявшемся в Тарлове съезде представителей всех банд присутствовали: Петлюра, Тютюник, генерал Янченко, англичане и французы, причем последние обещают подвезти бандитам через Польшу 500000 комплектов обмундирования, а англичане – амуницию и боеприпасы»[411]. Особенно активно банды действовали в Волынской, Подольской, Киевской, Екатеринославской, Харьковской и Полтавской губерниях. Всего же на Украине весной 1923 года, как говорилось в отчетах ГПУ, было 57 банд[412].

В этой ситуации решение национального вопроса в только что созданном СССР приобретал особую актуальность. Партийное руководство УССР в этот период основное внимание уделяло создававшемуся Советскому Союзу, однако национальный характер объединявшихся в единое государство советских республик вынуждал украинских лидеров обратить внимание на проблему культурного развития Украины.

В начале 1922 года украинское партийное и советское руководство обсуждало вопросы объема украинизационных мер. Нарком просвещения Г.Ф. Гринько выступал за активное введение украинского языка в школах, а глава правительства Раковский предлагал обратить особое внимание не

на украинизацию, а на советизацию культурно-просветительской жизни общества. Как отметил октябрьский пленум ЦК КП(б)У 1922 г., без неуклонного стремления к советизации украинской народной школы последняя неминуемо станет цитаделью украинского национализма[413]. Однако позиция Гринько в период его пребывания в должности наркома просвещения УССР (1920–1922) отнюдь не была однозначной. По свидетельству украинского исследователя Н.Ю. Выговского, «позиция Гринько относительно ее (т.е. украинской культуры – *Е.Б.*) развития была противоречивой: он балансировал между боротьбистским прошлым и советской номенклатурой». Как говорил Гринько, «для нас нет задачи распространить ту или иную национальную культуру, наша задача – коммунистическое воспитание, и какая культура способствует, ту мы и поддерживаем...»[414]

Вышеупомянутый октябрьский пленум, одобривший решение о создании Союза советских республик, рассмотрел и вопрос об украинском языке. В отчетном докладе, сделанном Лебедем, речь шла о проведенной проверке работы Главполитпросвета. «Эта ревизия дала результаты указывающие несомненно на уклон в сторону украинизации, – отметил Лебедь. – Во-первых издательство Главполитпросвента сводилось к выпуску различного рода никчемной на украинском языке литературы. …фактически в низовых культурно-просветительных организациях, учреждениях Главполитпросвета и Наробразах выполняют работы петлюровцы (зачеркнуто и написано от руки – невыдержанные работники – *Е.Б.*), что в большинстве просвит до настоящего времени наш советский дух не проник достаточно. Там висели петлюровские портреты различных идеологов украинской буржуазии вплоть до Винниченко, что имело место в одном из харьковских уездов. Все это говорит, что мы должны дать соответствующие указания в смысле решительной борьбы с такого рода извращением нашей линии в культурном строительстве»[415]. Впрочем,

Лебедь утверждал, что в национальном вопросе линия оставалась прежней – «всяческого поощрения советизации украинской культуры с одной стороны, решительной борьбы с национальной петлюровской интеллигенцией, – с другой, а также решительной борьбы с русотяпством – с третьей стороны»[416].

На пленуме был поднят вопрос и о политике в области просвещения. Раковский признал, что «мы до сих пор политикой просвещения мало интересовались, занимались другими вопросами: войной, хозяйством»[417]. Он поднял вопрос о целесообразности введения принципа волеизъявления населения в школьной политике при введении того или иного языка преподавания в школах и высказался за право ведения каждым преподавателем обучения на знакомом ему языке – из соображения «интересов науки»[418]. Скрыпник же высказался против предложений Раковского, поскольку «имеющийся у нас запас учителей высшей и средней школы… говорит только на русском языке»[419]. Он подчеркнул необходимость сделать украинский язык языком коммунистического просвещения, «а не выбрасывать за борт, и дать этим пищу чуждым шовинистически настроенным русским и украинским профессорам»[420]. Лебедь тоже выступил против предложений Раковского: «почему такая привилегия, что в низшей школе мы указываем и следим, а в высшей школе не следим. Я считаю и в высшей школе надо следить»[421]. В то же время Лебедь высказал озабоченность тем обстоятельством, что большинство партийцев не владели украинским языком. Если вести обучение членов партии на украинском языке, то «добрая половина организации будет просить откомандировать в распоряжение ЦК РКП», заявил Лебедь. По имеющимся у него сведения, «и сейчас заявлений куча»[422]. Фрунзе высказался очень конкретно: «в данный момент украинский язык является оружием борьбы с нами, борьбы с коммунизмом, нам все-таки надо попытаться овладеть этим оружием»[423].

«Мы не должны создавать особую породу коммунистов, говорящих только на украинском языке, – заявил Фрунзе, – но должны вести преподавание украинского языка во всех совпартшколах, при том так, чтобы это обязательное преподавание проводилось на деле и не выпускать ни одного ученика из русских учебных заведений не знающего украинского языка и наоборот ни одного украинца, не знающего русского языка[424].

В директивах пленума по национальному вопросу речь шла о равноправии украинского и русского языка, о борьбе против искусственной украинизации и русификации, и одновременно – об устранении препятствий развитию украинской культуры. В школах с преподаванием на русском языке надлежало ввести обязательное изучение украинского языка, а в школах с украинским языком – русского. Говорилось также о преподавании украинского языка в качестве обязательного предмета в совпартшколах. Отдельный пункт предусматривал выдвижение кадров коммунистов-украинцев («из русских, знающих украинский язык, и украинцев – из сельской бедноты»)[425].

22 ноября 1922 г. ВУЦИК утвердил Кодекс законов о народном образовании в УССР, где подчеркивалось, что «украинский язык, как язык большинства населения Украины, особенно на селе, и русский язык, как язык большинства населения в городах и общесоюзный язык, имеют в УССР общегосударственное значение и обязаны преподаваться во всех учебно-воспитательных учреждениях Украинской Социалистической Советской Республики»[426].

Между тем после I съезда Советов Союза ССР встал вопрос о сосуществовании народов в созданном многонациональном государстве. К XII съезду партии И.В. Сталин подготовил проект тезисов «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве», который обсуждался на очередном Пленуме ЦК РКП(б) 21 февраля 1923 г. Для редактирования тезисов была создана комиссия во главе со Сталиным.

Политбюро ЦК РКП(б) 22 марта рассмотрело и утвердило тезисы, а 24 марта они были опубликованы в «Правде». В тезисах Сталин попытался найти правильное соотношение между объективной тенденцией к интеграции в современном мире и правильным разрешением национального вопроса. В тезисах говорилось, что развитие капитализма обнаружило «тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связное целое»[427]. Однако эта тенденция развивалась в своеобразных формах – «не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другими»[428]. Именно поэтому в основу национальной политики большевиков было положено «право наций на самоопределение, право народов на самостоятельное государственное существование»[429], а «победа Советов и утверждение диктатуры пролетариата являются той базой, тем фундаментом, на основе которого может быть построено братское сотрудничество народов в едином государственном союзе»[430].

Для правильного проведения в жизнь национальной программы, считал Сталин, необходимо преодолеть наследство прошлого: пережитки великодержавного шовинизма; хозяйственное и культурное неравенство национальностей Союза Республик; пережитки национализма «в среде целого ряда народов». Ярким выражением старого наследства Сталин считал тот факт, что «Союз Республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого “единого-неделимого”»[431]. Подчеркнув недопустимость таких настроений, Сталин предлагал следующие практические меры: создать в системе высший органов Союза

специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства; сконструировать комиссариаты «на началах, обеспечивающих удовлетворение нужд и потребностей народов Союза»; и наконец, строить «органы национальных республик и областей … по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов»[432].

Точку зрения на национальный вопрос накануне XII съезда высказало и украинское партийное руководство. Квиринг опубликовал статью «Национальные моменты», в которой дал оценку состоявшемуся объединению республик в единый союз «как шаг к дальнейшему укреплению национальных советских республик и в то же время как шаг к укреплению единства советских республик»[433]. Поэтому предстоящий съезд «должен подтвердить характер добровольности и равноправности принятием положений, которые гарантировали бы равноправность в союзе небольших республик (Украина, Закавказье, Белоруссия)»[434]. По его мнению, «Союзный ЦИК, составленный по пропорциональному принципу, дает возможность механического подавления меньшинства представителей мелких республик», и поэтому необходим специальный орган, «в котором ни одна из союзных республик не имела бы большинства, через который должны проходить все вопросы, имеющие отношение к союзной Конституции, и вопросы по заявлениям отдельных республик. Такой орган мог бы явиться полной гарантией решения всех вопросов с учетом интересов всех входящих в союз республик»[435]. По мнению украинского партийного лидера, «наш Союз Советских Социалистических Республик не случайно является безыменным. Это – не Россия. Он не ограничен какими-либо границами. Пятым членом Союза должно явиться первое новое Советское государство, где бы оно ни образовалось. Было бы

совершенно нерезонно приглашать советскую Германию стать частью РСФСР, и очень логично ее вхождение в СССР»[436].

В то же время Квиринг четко разделял вопрос о правах национальных республик в Союзе и «вопрос о методах работы в области культурной». Квиринг признавал, что «некоторые товарищи выдвигают принцип усиленной украинизации», и в этих предложениях «сильно отдает украинским шовинизмом», поскольку «вопрос ставится о прямом покровительстве одной культуре и искусственном ее насаждении». По мнению Квиринга, «сама по себе украинская культура настолько сильна, что не нуждается в искусственной поддержке для своего естественного развития». «Смычка культур – процесс длительный, острым столкновениям культур в Советском государстве нет места, – считал Квиринг, – но при том обязательном условии, что государство не ведет политики искусственного насаждения какой-либо культуры»[437]. По его мнению, «взаимодействие культур украинской и русской, что сейчас имеет место на Украине, приносит пользу, а не вред, давая Украине полную возможность пользоваться всеми достижениями более сильной России»[438]. Общий вывод был таков: «давая должный отпор националистическим уклонам, откуда бы они ни исходили, мы должны взять твердый курс на укрепление достигнутого единства советских республик»[439].

В связи с предстоящим обсуждением национального вопроса на съезде партии высказался и второй секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Лебедь. В марте 1923 г. в «Коммунисте» появилась его статья, посвященная проблеме развития украинского языка и культуры. «У нас, на Украине, в силу исторических обстоятельств, культура города – это русская культура, культура деревни – украинская»[440], – считал Лебедь. Поэтому он считал неизбежной борьбу двух культур на Украине. При этом под культурой Лебедь понимал «культуру – экономику города и культуру – экономику села, язык же для марксиста – средство»[441]. Говоря о борьбе двух культур,

он говорил о борьбе «крупной промышленности» и «мелкособственнического, почти натурального крестьянского хозяйства». Целью партии, по мнению Лебедя, было «подчинение развития сельского хозяйства промышленности проникновением крупного производства в сельское хозяйство»[442]. Это должна была сделать «культура города», т.е. «культура, которая имеет больше элементов социалистических, пролетарских»[443].

Поэтому второй секретарь предлагал «изыскать сочетание между правильным теоретическим решением вопроса, давно уже имеющимся в партии, и трезвым, реальным, и, в то же время, не вредным социалистическому культурному строительству планом практического овладения партией культурной работой на селе»[444]. С одной стороны, Лебедь признавал актуальность изучения членами партии украинского языка: «Поскольку крестьянин иногда требует обучения его детей на украинском языке, поскольку надо иногда идти в деревню и разъяснять крестьянам на понятном им языке вопросы, их интересующие, то отсюда мы должны сделать вывод, что наша партия должна овладеть украинским языком и через него проводить культуру»[445]. Однако при этом он предлагал не забывать, что «язык является не средством проведения национализма», и считал недопустимым превращать язык «в средство для национализации»[446], не допускать «украинизации во имя украинизации»[447]. Именно последняя тенденция, по мнению Лебедя, наблюдается «среди некоторых членов нашей партии». Автор статьи подчеркивал: «…искусственное насаждение украинского языка в партии и рабочем классе, при нынешнем политическом, экономическом и культурном соотношении между городом и деревней, – это значит, стать на точку зрения низшей культуры деревни, по сравнению с высшей культурой города»[448].

Идеи Лебедя получили название «борьбы двух культур». Против нее сразу же выступил сторонники активного проведения украинизации, среди

которых были выходцы из небольшевистских партий. А.Я. Шумский «в порядке обсуждения» и «подготовки партийного съезда» высказался очень категорично: «Ясно, что эта формула ничего общего с марксизмом не имеет. Эта теория «борьбы культур» составляет неотъемлемую собственность националистического мракобесия и ей не место в устах «коммуниста и настоящего марксиста». Пролетариат никогда не допустит борьбы с крестьянством из-за формы культуры-языка»[449]. Он подчеркивал, что Лебедь «не проповедует нейтралитета пролетарской диктатуры в этом вопросе», наоборот, «т. Лебедь предостерегая «коммунистов и настоящих марксистов» от украинских националистических опасностей, в своей статье сам занял по существу ту же националистическую позицию, что и шаповало-винниченковцы, но только расположился по другую сторону созданных ими баррикад[450].

В ответ Лебедь не преминул заявить, что коммунистам стоит проявлять осторожность в данном вопросе («поменьше поспешности») и призвал рассматривать борьбу двух культур с точки зрения развития экономики: «Ведь сейчас в условиях пролетарской диктатуры есть нэп, есть крупная промышленность, есть, наконец, мелкособственническое почти натуральное крестьянское хозяйство и пусть не думают, что между этими элементами культуры нет борьбы. Она идет и будет идти, ибо сельское хозяйство еще находится в руках огромных слоев собственнически настроенного класса, а промышленность, городское хозяйство находятся в руках рабочего класса, который не забыл еще пока в лице нашей партии свою цель: необходимость подчинить развитие сельского хозяйства промышленности проникновением крупного производства в сельское хозяйство. Но это должна сделать культура города, т.е. культура, которая имеет больше элементов социалистических, пролетарских. Вот это основное разговорами о языке не подменишь»[451].

Окончательно разрешил спор между Лебедем и Шумским XII съезд РКП(б). На съезде «теорию борьбы двух культур» осудили как шовинистическую, как попытку закрепить господство русской нации над другими, более отсталыми. В пункте 7 резолюции по национальному вопросу было отмечено: «Положение в ряде национальных республик (Украина, Белоруссия, Азербайджан, Туркестан) усложняется тем, что значительная часть рабочего класса, являющегося основной опорой советской власти, принадлежит к великорусской национальности. В этих районах смычка между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством встречает сильнейшее препятствие в пережитках великорусского шовинизма как в партийных, так и советских органах. В этих условиях разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности. Поэтому решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии»[452].

Такая резолюция была принята после эмоционального обсуждения национального вопроса на съезде. Сталин сделал доклад по 6-му пункту повестки дня: «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве». Прежде всего, генсек подчеркнул международное значение правильного разрешения национального вопроса в Советском Союзе. На СССР смотрят «как на опытное поле», и установление братских отношений между народами будет иметь «притягательную силу», а Союз станет «знаменем освобождения», примером для подражания[453]. Внутреннее же значение национального вопроса, согласно Сталину, связано с большим удельным весом «ранее угнетенных национальностей», которые «занимают наиболее нужные для хозяйственного развития районы

и наиболее важные с точки зрения военной стратегии пункты»[454]. К тому же в связи с введением нэпа во взращиваются две силы – великорусский шовинизм и шовинизм местный[455]. Поэтому большевики имеют дело «с вопросом об установлении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации, представляющим наиболее культурный слой пролетариата всей нашей федерации, и крестьянством, по преимуществу крестьянством ранее угнетенных национальностей»[456].

Преодолеть основные негативные факторы («великорусский шовинизм, фактическое неравенство наций и национализм местный») Сталин предлагал тремя средствами. Первое из них заключалось в том, чтобы «принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной, чтобы Советская власть была у нас не только русской, но и междунациональной». Для этого Сталин предлагал «не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа»[457]. Второе средство для «безболезненного изживания наследия, полученного от царизма и от буржуазии» – совершенствование органов управления, т.е. создание такой конструкции комиссариатов в Союзе, «которая бы дала возможность по крайней мере основным национальностям иметь своих людей в составе коллегий и которая создала бы такую обстановку, когда нужды и потребности отдельных республик безусловно удовлетворялись бы»[458]. Наконец, третье средство Сталин видел в создании в составе высших центральных органов такого, «который служил бы отражением нужд и потребностей всех без исключения республик и национальностей»[459].

Таким образом, на XII съезде партии было положено официальное начало проведению так называемой политики коренизации. Очевидно, что при ее разработке Сталин исходил из собственных теоретических

построений о нации. В соответствии с ее общими признаками (общность языка, общность территории, общность экономической жизни, общность психического склада, проявляющаяся в общности специфических особенностей национальной культуры[460]) были разработаны и основные направления коренизации.

Один из признаков сталинского определения нации – это общность территории. На XII съезде РКП(б) о территории национальных республик не говорилось, однако вскоре было произведено и национально-территориальное размежевание в Средней Азии, и урегулирован вопрос об украино-российской и украино-белорусской границах (об этом см. § 7). На съезде Сталин обратил внимание на фактическое экономическое неравенство союзных республик, он особо настаивал на том, чтобы в этих республиках «были устроены очаги промышленности», приводил конкретные примеры[461]. Говорилось также и о проблеме языка и культуры, о национализации партийных и советских органов власти: «Только при этом условии мы получим возможность Советскую власть из русской сделать междунациональной, близкой, понятной и родной для трудящихся масс всех республик и особенно для тех, которые отстали в хозяйственном и культурном отношениях»[462].

Новым было предложение создать такую «конструкцию комиссариатов в Союзе Республик», которая позволяла бы «безусловно удовлетворять» нужды и потребности отдельных республик. С этой же целью в составе союзного ЦИКа учреждались две палаты: «первая выбиралась бы на союзном съезде советов, независимо от национальностей, а вторая палата выбиралась бы республиками и областями»[463].

Между тем представители республик прекрасно понимали подоплеку происходящих событий. Предлагаемая Сталиным коренизация практически не обсуждалась. Однако обстановка на съезде вокруг

национального вопроса свидетельствовала о том, что дискуссии о характере созданного СССР далеко еще не закончились.

Бывший нарком просвещения УССР, а с ноября 1922 г. – председатель Госплана УССР, бывший боротьбист Г.Ф. Гринько во время своего выступления в прениях по докладу Сталина назвал два препятствия, мешающие правильному проведению национальной политики: первое – «в области государственных взаимоотношений внутри Союза», второе – «в области национально-культурной». «Ни для кого не секрет, что не только в нашем советском аппарате, … но и внутри нашей партии есть глубочайшая централизаторская инерция, – заявил Гринько. – И эта глубочайшая централизаторская инерция давит. Гнет, часто очень, ответственных руководителей наших и является одной из крупнейших преград для налаживания государственных взаимоотношений внутри Союза»[464]. По его мнению, съезд «должен дать директиву при размежевании хозяйственной компетенции, взять курс на расширение хозяйственной инициативы, на предоставление республикам больших прав в области бюджетной и хозяйственной вообще[465].

Резкой критике Гринько подверг также раздававшееся в партийных кулуарах мнение о неактуальности национального момента к 1923 г. По мнению оратора, многие считали, что национальный момент был важен в 1919–1920 гг., «когда он явился оружием идущего против нас крестьянства», теперь же он был изжит, ликвидирован, не представляет опасности. Вопрос о смычке рабочих и крестьян мог быть разрешен экономическим путем. «Ответственнейшие товарищи из Украины говорят так: я всю Украину изъездил вдоль и поперек. Я разговаривал с крестьянами, и я вынес впечатление, что они не хотят украинского языка, – негодовал Гринько. – Вместо того чтобы анализировать крупнейшие общественные движения, эпоху Центральной рады, петлюровщины, национальных восстаний и т. д., довольствуются некритическими

методами личных впечатлений и на этом строят политику в национальном вопросе. Дальше эта психология или идеология, если угодно, в крайнем случае допускает свободную борьбу культур и т. д. И, наконец, приходит к выводу, что вся наша постановка в национальном вопросе в текущий период отличается *излишней ноткой активизма»*[466].

Не менее эмоциональным было выступление на съезде Н.А. Скрыпника, исполнявшего в то время обязанности генерального прокурора и наркома юстиции УССР. Он обратил внимание, прежде всего, на положение украинцев за пределами УССР, на совершенно недостаточное удовлетворение «культурно-просветительных нужд украинского населения». Скрыпник отметил, что не только многие губкомы в РСФСР не признают необходимости партийной работы на украинском языке, но «такие же ответы… давали многие парткомы и в самой Украине. Говорят, можно вести работу и на русском языке»[467]. «Армия до сих пор остается орудием русификации украинского населения и всего инородного населения»[468], – восклицал оратор.

Скрыпник, настаивая на живучести великодержавных предрассудков, пытался перенести акцент на необходимость борьбы с «великодержавным шовинизмом». «Великодержавные предрассудки, всосанные с молоком матери, стали инстинктом у многих и многих товарищей, – считал выступавший. – Припомните, как многие и многие из товарищей у нас были шокированы, когда наш Союз Республик принял название не РСФСР, а СССР. Припомните, какие недоуменные разговоры слышались среди товарищей о переименовании Российской Коммунистической партии в Коммунистическую партию СССР, как многие считали принципиально недопустимым самое поднятие вопроса об этом, чем-то оскорбительным, отказом от традиции и т. п. …»[469]

Скрыпник считал, что Сталин не предложил ничего нового в области национальной политики, а линия, «давным-давно намеченная», искажается

при проведении. «Дело в том, что мы все время балансируем в области национального вопроса. Некоторые все время пытаются найти среднюю линию. Каждое указание на великодержавный шовинизм всегда считают необходимым компенсировать указанием противоположным на шовинизм народностей недержавных, и всегда получается двойная бухгалтерия»[470], – подвел итоги оратор. На практике же противопоставление двух национализмов является поводом для того, чтобы «многие и многие на практике свою бездеятельность в области национального вопроса оправдывали таким противопоставлением»[471].

Любопытно, что Сталин в своей записке Н.И. Бухарину о замечаниях по проекту резолюции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу подчеркивал: «У меня нигде не сказано, что борьба с антирусским национализмом «столь же важна», наоборот, у меня сказано, что борьба с русским национализмом важнее. Я говорю, не «столь же важна» борьба с антирусским национализмом, а столь же «необходима и обязательна»»[472].

Выступил на съезде и председатель СНК и нарком иностранных дел Украины Х.Г. Раковский. Он еще в период подготовки к ХII съезду предлагал свой вариант тезисов по национальному вопросу. Раковский писал: «Подчеркивая необходимость ... централизма ... в настоящее время..., – Коммунистическая партия еще раз подчеркивает, что пролетарский централизм не исключает и признания равноправия национальностей Советского Союза в пользовании материальными благами.

Коммунистическая партия всегда утверждала, что централизм должен быть демократическим, даже когда идет речь о национально-однородном государстве, и что только широкая областная и местная автономия, хозяйственная и административная, при соблюдении единого руководства и общего планового хозяйства, является единственно

совместимой с интересами пролетариата и с интересами хозяйственного развития страны»[473].

Эти предложения не были приняты, однако Раковский не переставал надеяться на успех. На съезде он выразил недовольство местом национального вопроса в повестке дня: «...некоторое время мы питали надежду накануне съезда, что национальный вопрос, как предполагал Ильич, станет центром нашего съезда, а он стал хвостом нашего съезда»[474]. Прозвучала явная критика в адрес только что созданного Союза: «Что получилось после создания Союза Республик? Союз — это было понято многими центральными органами в том смысле, что они могут обрушиться всей своей тяжестью на отдельные республики»[475]. «...наши центральные советские органы поддаются ведомственной психологии, этим центральным органам было дано в десять, в двадцать раз больше прав, чем они имели раньше, до союзной Конституции, – считал Раковский. – Вместо того, чтобы их одернуть, вместо того, чтобы скостить их права, им, наоборот, как награждение, как награду, как премию за всю ту головотяпскую политику, которую они в национальном вопросе вели, в ущерб и партийной, и хозяйственной политике, и в ущерб нашей заграничной политике…, этим органам были приданы еще новые функции»[476]. Раковский требовал «отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам[477].

Таким образом выступления на XII съезде РКП(б) отражали основные настроения украинской парторганизации. Раковский, Скрыпник и Гринько отстаивали требования расширения полномочий союзных республик, настаивая на их национальных правах, были убеждены в недопустимости централизаторских устремлений Москвы. Несмотря на подписание союзного договора, становление государственных институтов только началось, и острые дискуссии свидетельствовали о желании как

центра, так и союзных республик, оказать решающее влияние на этот процесс.

Устремления некоторых республиканских лидеров расширить полномочия подчиненных им органов власти натолкнулись на жесткую позицию центра, не желавшего «преувеличивать значение национального вопроса». «Кроме права народов на самоопределение, есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти, и поэтому последнему праву подчинено право на самоопределение»[478], – подчеркивал Сталин. А.П. Ненароков совершенно справедливо отмечает, что для большинства оппонентов генсека по национальному вопросу на XII съезде главными элементами независимости были «четкое разграничение сфер ведения Союза и местного самоуправления на всех уровнях», обеспечивающее «возможность самостоятельного определения основ экономического и культурного развития при эффективном ограничении централизма»[479].

Действительно, в острых дискуссиях на съезде речь шла в основном о правах республик и центра, тогда как лозунг коренизации партии отходил на второй план. Необходимость коренизации не вызывала сомнений, однако на ее характер существенное влияние должны были оказать взаимоотношения республик и центра, не до конца выясненные на XII съезде партии.

В то же время у делегатов съезда возникло множество вопросов по поводу практического проведения национальной политики. В президиум Сталину поступили записки о соотношении прав национальных республик и общей социально-экономической политики СССР. Один из делегатов спрашивал, «как сочетать принцип управления по национальному признаку с принципом районирования по признаку экономическому»[480]. В другой записке речь шла о взаимовлиянии национального и социального вопроса: «Вы не учитываете, что во всей Украине, Белоруссии и Западном районе евреи играют доминирующую роль в торговле; что борьба между

различными группами торговцев приобретает национальный характер; что противоречие между городом и деревней, между торговцем и крестьянином-покупателем или между крестьянином-продавцом сырья и покупающим его городом тоже принимает форму национальной борьбы. Вся эта грызня происходит в пограничной полосе. Эти настроения передаются рабочим и даже членам партии. И об этом нужно говорить, а не замалчивать. …вы должны были бы кое что сказать, учитывая Польшу, Литву, Галицию и Румынию, это и политически желательно»[481].

Возник вопрос и о связи национальности с определенной территорий. В одной из записок содержался такой вопрос к Сталину: «Вы говорите только по вопросу о взаимоотношениях народов, связанных с известной территорией, а как же урегулировать взаимоотношения «экстерриториальных» народов, например, евреев к русским и наоборот?»[482] В другой записке один из делегатов спрашивал, «можно ли при советской системе допустить идею господствующей нации, т.е. можно ли сказать, в РСФСР русские – это господствующая нация, или в Грузии – господствующая нация – грузины? Есть ли идея государственного или господствующего языка, т.е. русский язык в РСФСР является ли господствующим языком или нет? Можно ли обязать нерусских учиться и говорить по-русски?»[483]

Одна из записок поступила Раковскому. В ней делегат съезда выражал озабоченность проведением национальной политики в УССР: «Крестьяне и рабочие Украины сами и во многих районах протестуют против украинизации и только интеллигенция Украины настроенная мелкобуржуазно требует этой украинизации»[484].

Подводя итоги работы секции, Сталин отметил, что группа товарищей (во главе с Бухариным и Раковским) преувеличивают значение национального вопроса и заявил о подчиненном значении национального вопроса по сравнению с рабочим вопросом. «Основой всей нашей работы

является работа по укреплению власти рабочих, и после этого только встает перед нами другой вопрос, вопрос очень важный, но подчиненный первому, – вопрос национальный, – подчеркнул Сталин. – Говорят нам, что нельзя обижать националов. Это совершенно правильно, я согласен с этим, – не надо их обижать. Но создавать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций, – это значит сказать несообразность»[485]. Генсек настаивал на том, что «политической основой пролетарской диктатуры являются прежде всего и главным образом центральные районы, промышленные, а не окраины, которые представляют собой крестьянские страны». Поэтому, если «перегнуть палку» «в сторону крестьянских окраин, в ущерб пролетарским районам», то это нанесет вред диктатуре пролетариата[486].

Второй момент, на который обратил внимание Сталин, был связан с проблемой соотношения шовинизма великорусского и местного. Он не согласился с предложением «выкинуть пункт, говорящий о вреде местного шовинизма»[487]. Это свидетельствует, по мнению Сталина, о том, что предлагавшие подобную поправку не понимали сути национального вопроса. Сам же он считал, что русские коммунисты должны бороться с великодержавным шовинизмом, а нерусские – с местным шовинизмом: «Когда говорят, что нужно поставить во главу угла по национальному вопросу борьбу с великорусским шовинизмом, этим хотят отметить обязанности русского коммуниста, этим хотят сказать, что обязанность русского коммуниста самому вести борьбу с русским шовинизмом. Если бы не русские, а туркестанские или грузинские коммунисты взялись за борьбу с русским шовинизмом, то их такую борьбу расценили бы как антирусский шовинизм. Это запутало бы все дело и укрепило бы великорусский шовинизм. Только русские коммунисты могут взять на себя борьбу с великорусским шовинизмом и довести ее до конца»[488]. В то же

время, «русские коммунисты не могут бороться с татарским, грузинским, башкирским шовинизмом, потому что если русский коммунист возьмет на себя тяжелую задачу борьбы с татарским или грузинским шовинизмом, то эта борьба его будет расценена как борьба великорусского шовиниста против татар или грузин». Как подчеркнул Сталин, «только татарские, грузинские и т.д. коммунисты могут бороться против татарского, грузинского и т.д. шовинизма»[489]. Вот почему, по его мнению, был необходим тезис о борьбе как с великорусским, так и местным шовинизмом.

25 апреля 1923 г. съезд принял резолюцию по национальному вопросу, в которой констатировалось, что ликвидация национального гнета требует новых форм объединения в единое многонациональное советское государство. Одновременно речь шла о борьбе с «пережитками прошлого» – с великорусским шовинизмом, с фактическим неравенством национальностей и местными националистическими пережитками. Одновременно следовало обеспечивать хозяйственные и культурные нужды республики, и, кроме того, укреплять партию в национальных районах[490].

Представители Украины не были одиноки в своей критике практического проведения национальной политики в центре и на местах. Очень активно выступали два представителя Грузии – Б.Г. Мдивани и Ф.И. Махарадзе. Мдивани говорил о необходимости уничтожения фактического неравенства. По его мнению, хозяйственный момент в области разрешения национального вопроса являлся первым вопросом[491]. Махарадзе, поддержав призыв к борьбе против великодержавного шовинизма, поставил вопрос о самостоятельности республик в условиях существования одной партии, «которая определяет решительно все»[492]. Татарский коммунист М.Х. Султан-Галиев, ярый противник сталинского проекта «автономизации», на съезде высказался за расширение прав

автономных республик. В то же время и против Раковского, и против Мдивани и Махарадзе выступил А.С. Енукидзе, поддержал тезисы Сталина Г.Е. Зиновьев. Н.И. Бухарин, подчеркивая силу националистического движения на Украине, подчеркивал необходимость борьбы прежде всего против великодержавного шовинизма.

Критика на съезде сталинского плана разрешения национального вопроса не осталась без последствий: Раковский и Мдивани были отправлены на дипломатическую работу, а против татарского оппонента генерального секретаря было выдвинуто целое «дело». Султан-Галиев резко критиковал план «автономизации» и в период подготовки к образованию СССР, и на XII съезде партии, считая ошибочным разделение «советских республик на национальности, которые имеют право вхождения в союзный ЦИК, и на национальности, которые не имеют этого права»[493]. Эти высказывания были расценены Сталиным как подрыв революционного объединительного движения, и за татарским коммунистом было установлено специальное наблюдение. 4 мая 1923 г. Султан-Галиев был снят со всех постов, исключен из партии, а «дело» передано в ОГПУ. Обвинения были достаточно серьезными, в частности, ему инкриминировалась связь с басмачами.

«Дело» Султан-Галиева появилось неспроста: конфликты между центральными и республиканскими органами управления, о которых не раз говорили участники XII съезда, становились все более острыми. Втянутыми в эти споры оказались и Политбюро ЦК РКП(б), и Оргбюро, и Секретариат. Центральное партийное руководство было этим крайне недовольно и попыталось взять реванш.

Позиции Раковского на Украине были ослаблены еще летом 1922 г., когда первый секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Мануильский четко выразил свою поддержку сталинского плана автономизации. Попытка Раковского опереться на украинскую парторганизацию в противостоянии со Сталиным

не достигла успеха: как считает Н.С. Дорошко, «полную поддержку в этом он получил, по большому счету, только от представителей украинского национального коммунизма, которые составляли абсолютное меньшинство в составе украинского ЦК»[494]. Сталин, в свою очередь, решил «перегруппировать» ответственных работников в УССР, и в последний день работы VII конференции КП(б)У 10 апреля 1923 г. первым секретарем ее ЦК был избран «интернационалист» Э.И. Квиринг[495]. На Украине началась «переброска» сторонников Раковского. Как отмечал Квиринг в своем письме Сталину от 23 июля 1923 г. перемещения коснулись всех украинских губерний, за исключением Полтавской, Харьковской и Черниговской[496]. Результатом таких действий стала, по мнению Дорошко, «массовая миграция целых номенклатурных кланов, которые переезжали следом за своими лидерами», достигшая таких размеров, что Политбюро 1 июня 1923 г. решило поднять в ЦК РКП(б) вопрос о необходимости прекратить установленную в последнее время систему отзыва группы работников с Украины по ходатайству ответственных товарищей, отозванных оттуда[497].

Вскоре после ареста Султан-Галиева было принято решение о созыве IV совещания национальных работников. Повестка дня включала два вопроса: исключение татарского коммуниста из партии и мероприятия по проведению резолюции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу. Совещание было построено таким образом, чтобы реализовать желание Сталина «приструнить» непокорных «националов», указывая на пример Султан-Галиева.

Особое внимание было уделено Украине. Так, в речи Сталина по второму пункту повестки дня говорилось о необходимости «постепенной национализации правительственных учреждений» в национальных республиках, и «в первую голову в такой важной республике, как Украина»[498]. Выделение Украины здесь не случайно: отношения

украинского и центрального партийного руководства были в тот период далеки от идеальных, Сталин же, уже в начале своего пути к единоличной власти, стремился поставить эту крупную республиканскую парторганизацию под свой полный контроль.

Намерения центрального руководства были совершенно очевидны для участников совещания. Скрыпник, выступая на совещании, считал, что вопрос о Султан-Галиеве «не является просто делом личным, он поставлен в плоскость партийной политики»: «Я опасаюсь, чтобы... постановка дела Султан-Галиева на настоящем совещании не привела бы к какому-нибудь сдвигу нашей линии»[499]. Скрыпник верно уловил намерение Сталина покончить с плюрализмом мнений по национальному вопросу, но не смог предугадать последствия этих начинаний: те, кто выступал в поддержку Султан-Галиева, через несколько лет стали «врагами народа».

Раковский и Скрыпник воспользовались трибуной совещания, чтобы вновь попытаться взять верх в старой дискуссии. Так, Раковский подробно информировал присутствовавших о ходе украинизации, приводил конкретные цифры, называл постановления и т.п. По мнению украинского партийного руководства, более или менее благополучная картина складывалась в системе образования, тогда как государственные и партийные органы требовали особого внимания. Раковский так характеризовал ситуацию: «...У нас в центральных органах, т.е. в комиссариатах, в правлениях трестов, в кооперации, исключая сельскохозяйственную, – число украинцев, знающих и понимающих по-украински, чрезвычайно мало. Может быть 1/5, 1/8 и даже иногда 1/10 всех служащих...» Несколько лучше обстояло дело на периферии, где число украинцев в государственных учреждениях уже превышало 50 %[500].

Однако целью его выступления было по прежнему добиться «расширения прав отдельных республик»: «Самое главное, однако, на что мы напираем в наших постановлениях, это дать – республикам гораздо

больше прав в финансовом хозяйстве и большую инициативу в распределении таких кредитов, каким является сельско-хозяйственный кредит». Раковский предложил перевести несколько объединенных комиссариатов в состав самостоятельных, а слитных – в объединенные; сохранить два отдельных президиума в двухпалатном Союзном ЦИКе[501].

К вопросу о союзном строительстве обратился в своем выступлении и Скрыпник: «Наш Союз Соц. Республик имеет свою суверенную волю... Это есть единое суверенное государство, выступающее как единое целое. Это вовсе не означает, что в таком союзе уничтожается воля объединяющихся в ней республик, что уничтожается суверенность объединяющихся республик. Это не так. Мы строим свое государство таким образом, что свободные объединяющиеся республики остаются внутренне независимыми...» При этом оратор придавал большое значение национальной форме союзной республики, во имя которой он предлагал «украинизировать» пролетариат УССР: «...для того, чтобы понять украинское крестьянство, нам необходимо подойти к пролетариату и сказать: передовые отряды рабочего класса, научитесь украинскому языку для того, чтобы вести украинское крестьянство к социализму». При этом Скрыпник признавал, что по данному вопросу ему пришлось «вести усиленную борьбу в партии на Украине»[502].

Примечательно, что Раковский и Скрыпник, уделяя основное внимание союзному строительству, отодвигали вопросы украинизации на второй план, указывая таким образом на их подчиненный характер. Вопросы украинизации для Скрыпника были тесно связаны с вопросами союзного строительства, так как для него было очевидно, что от того, как будут строиться взаимоотношения центра и республик, будет зависеть и то, каким путем и в каких формах будет проводиться украинизация. Для Раковского же было более важным добиться реальной самостоятельности Украины, проблемы же украинского языка в республике его волновали в

значительно меньшей степени, хотя он и считал необходимым выполнять решения съезда партии.

Другой представитель УССР на совещании Г.Ф. Гринько также проявил себя сторонником украинизации: «Я хочу сказать, что на Украине, хотя вопрос с проведением украинизации стоит чрезвычайно сложно, все же у меня такое впечатление, что мы отстаем, что на Украине мы не держим настоящего темпа развития в этом отношении». Особую озабоченность Гринько вызывал национальный состав партии: «...мы не выравниваемся в сторону увеличения в ней (партии. – *Е.Б.*) украинских элементов», «нам нужно еще будет создать такое положение, чтобы широкие ряды националов в партии вовлечь в политическую работу и активность, потому что до сих пор еще мы имеем очень сложное и сильное давление великорусских тенденций и уклонов»[503]. Высказался выступавший и по поводу взаимоотношений республики и центра, указав на необходимость «обеспечить развитие хозяйственной инициативы, которой такая большая республика, как Украинская, должна обладать полностью и реально»[504].

Безусловно, конфликты, разгоревшиеся на совещании, были эхом недавних еще споров на XII съезде партии. Следует в целом согласиться с мнением П. Гобла, считающего, что «Сталин использовал атаку против татар только как шар в отношении украинцев», и что «таким образом Сталин реагировал на Украину, где его позиции в 1923 году были еще слабыми»[505]. Необходимо, однако, учитывать, что генсек на совещании рассчитывал припугнуть не только украинцев, но и других «националов», несогласных с политикой центрального партийного руководства.

В соответствии с решениями XII съезда и IV национального совещания в ЦК РКП(б) началась разработка коренизационных мероприятий. Сохранился документ под названием «Меры по проведению в жизнь постановлений по национальному вопросу, принятых XII съездом

и национальным совещанием», в котором речь идет об обязательном преподавании национальных языков как в республиканских совпартшколах, так и «во всех без исключения учебных заведениях национальных областей и республик», о предоставлении «достаточного количества мест» в рабфаках вузов национальных республик и областей представителям «коренной национальности», о систематическом субсидировании национальных газет ввиду их «невозможности немедленного перехода на хозрасчет». Устанавливалось правило, согласно которому «в каждом основном отделе Обкома или нац. ЦК или зав. или его зам. должен быть работником местной национальности». Кроме того, под жесткий контроль подпадали как русские работники, «против которых возникли обвинения в русском шовинизме, колонизаторстве и непонимании задач партии в области национального вопроса», так и любые другие «отдельные работники», уклоняющиеся «в сторону местного шовинизма и национализма» и приверженные «к персональным группировкам и склокам». Особое внимание уделялось Украине (наряду с Туркестаном): подчеркивалась необходимость «особо наблюдать за проявлениями великодержавного национализма и местного шовинизма», «принимая своевременные меры к их предупреждению и изживанию»[506].

Данный документ, видимо, был одним из этапов обсуждения плана мероприятий по реализации постановлений по национальному вопросу XII съезда и IV совещания ЦК РКП(б). Позже появилось циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 7 января 1924 г., в котором подробно, по пунктам излагался «коренизационный план», по сути совпадающий с вышеприведенными «Мерами по проведению в жизнь…» Однако в циркулярном письме некоторые требования были «сглажены». Так, в «Мерах по проведению в жизнь…» говорилось о необходимости сделать ряд запросов о линии поведения и о целесообразности снятия как ряда русских работников, обвиненных в русском шовинизме, так и отдельных

работников, «уклоняющихся» в сторону национализма[507]. В циркулярном письме речь шла о том, чтобы «изучить весь руководящий состав национальных республик и областей» в целях «постепенной замены работников, не могущих усвоить принципы национальной политики РКП низовыми туземными работниками»[508].

Предпринятый большевистским руководством курс на коренизацию предполагал существенное изменение социальной и культурной жизни национальных республик. Прежде всего, речь шла о выдвижении представителей «коренной национальности» на руководящие партийные и советские посты, преследующее цель создание национальной советской партийной элиты.

Помимо этого, большевистская политика была ориентирована на расширение сферы применения украинского языка. Правовые акты существенно изменили статус украинского языка, не просто «легализовав» его, но предоставив ему даже определенное преимущество. По справедливой оценке О.А. Остапчук, «политика украинизации стала самым масштабным языковым экспериментом, продемонстрировав возможности активного воздействия на языковые процессы, причем как внешние, связанные с функционированием языков, так и внутренние, затрагивающие глубинные основы языка»[509].

Таким образом, коренизация была ориентирована на подготовку национальных кадров и их выдвижение на руководящие посты, что закладывало основу для формирования этнической республиканской элиты, включавшей, помимо партийных функционеров и управленцев, представителей научной и творческой интеллигенции. Как справедливо замечают украинские специалисты, в результате украинизации изменилась мотивация использования украинского языка: если раньше она носила в основном культурный характер, то теперь присутствовал и политический аспект[510]. Действительно, национальная принадлежность стала одним из

условий успешной карьеры. Чтобы занять определенную должность или положение, следовало знать украинский язык, а еще лучше, быть украинцем по происхождению. Все это приводило к тому, что формирующаяся бюрократия, фактически монополизировавшая право на подбор кадров низшего и среднего звена республиканского аппарата управления, приобрела национальный характер.

§ 7. *Территориализация украинского советского проекта: вопрос о границах УССР в 1920-е годы*

Заданный одним из делегатов XII съезда вопрос о связи национальности с определенной территорий был не случаен. Большевики вынуждены были максимально точно подгонять административные границы к границам этническим. Признав неизбежность самостоятельного существования Украины и провозгласив ее Социалистической Советской Республикой, большевистское руководство должно было очертить ее территориально[511]. Как известно, западная граница УССР была определена по итогам советско-польской войны. Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г., граница между Украиной и Польшей устанавливалась по реке Збруч.

Проблема же границ Украины с другими советскими республиками обговаривался в 1919 г. Вопрос был непростым: в частности, во времена гетманата украинская власть распространилась на ряд уездов, входивших ранее в Курскую губернию. Вопрос об их принадлежности оставался открытым[512]. Так, 27 января 1919 г. на заседании украинского правительства рассматривался вопрос о границах с РСФСР. Было принято решение «вследствие запутанности вопроса подать запрос через т. Чичерина в Совнарком РСФСР о включении Белгородского и Грайворонского поветов в состав Харьковской губернии и передаче всех

поветов Черниговской губернии». Однако с этим были не согласны в Курске. 22 января 1919 г. курский губернский чрезвычком направил в украинское правительство телеграмму, в которой говорилось о том, что освобождающиеся уезды подчиняются своему губернскому центру, и, следовательно, должны подчиняться Курску[513].

14 февраля украинское правительство отправило своих делегатов в Москву для официального рассмотрения вопроса о границах. Первоначально украинские лидеры намеревались оставить Белгородский и Грайворонский уезды за собой, но глава правительства УССР 16 февраля отправил Чичерину телеграмму: «Украинское рабоче-крестьянское правительство отказывается от какой либо юрисдикции над этими уездами»[514]. 25 февраля 1919 г. состоялось «Межведомственное совещание по вопросам выделения Гомельской губернии и установления границ с Украиной» при экономическо-правовом отделе Народного комиссариата иностранных дел. Единогласным решением участников совещания границы между Украиной и Россией, за исключением северной части Черниговской губернии, были утверждены довоенные, межгубернские, а Перекопский перешеек стал границей между Украиной и Крымом[515].

В феврале – начале марта 1919 г. еще не было четко обозначено решение о судьбе северной части Черниговской губернии. Хотя на совещании и в договоре о границах шла речь о передаче Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбковского уездов в состав РСФСР, но окончательное решение было принято только 24 апреля 1919 г., когда состоялось еще одно заседание межведомственного совещание при экономико-правовом отделе Наркомата иностранных дел РСФСР. В состав Гомельской губернии РСФСР из состава Минской был передан Речицкий уезд, и границы созданной губернии были окончательно обозначены. А 28 апреля политбюро ЦК КП(б)У, рассмотрев вопрос «О северных уездах

Черниговской губернии», постановило «окончательно оставить их в составе России»[516].

10 марта украинский Совнарком утвердил «Договор о границах с Российской Социалистической Советской Республикой», по которому государственными фактически признавались административные границы украинских земель, входивших ранее в состав Российской империи, т.е. 9 бывших губерний (Киевская, Херсонская, Подольская, Волынская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская и Таврическая). Однако в первой половине 1920-х гг. территория УССР неоднократно подвергалась корректировке.

В 1920 г. в состав Украины вошел также так называемый Донецкий округ. 17 января Донецкий губревком с центром в Луганске временно утвердил – «до выяснения экономической территории Донецкой губернии» – ее одиннадцать административных районов, куда входили Енакиевский, Юзовский, Гришинский районы Донской области[517]. Через два месяца, 15 марта 1920 г., за подписью председателя Совета Украинской Трудовой армии Сталина вышло постановление об образовании Донецкой губернии из частей Харьковской, Екатеринославской губерний и Области Войска Донского. Всесоюзный ЦИК через несколько дней, 23 марта подтвердил это постановление[518].

Позиция донских властей, с которыми украинское руководство не согласовало свои действия, была предсказуемой. 30 марта Донской исполком отправил телеграмму окружным исполкомам, в которой разъяснял, что «Донская область сохраняется в старых территориальных границах с сохранением прежнего административного деления по округам, станицам и волостям»[519]. Донские власти ссылались на решение совещания ВЦИК от 19 марта, однако они ошиблись в своих расчетах: 23 марта Совнарком «признал необходимым выделить Каменноугольный бассейн в особую Донецкую губернию с центром в г. Луганске»[520]. 16 апреля 1920 г.

Президиум Всеукраинского ЦИК Советов, ссылаясь на «предложения Совнаркома Украины и Укрсовтрудармии и соглашения с Всероссийским ЦИК», утвердил границы и состав Донецкой губернии из частей Харьковской, Екатеринославской губерний и Области Войска Донского. От Харьковской губернии к Донецкой отходили Славянская, Белянская, Николаевская, Запотянская волости Изюмского уезда; Кременская, Терновская волости Купянского уезда; а также Старобельский уезд целиком. От Екатеринославской губернии – целиком Бахмутский, Луганский, Мариупольский уезды, от Области Войска Донского – Гундоровская, Каменская, Калитвенская, Усть-Белокалитвенская станицы и Карпово-Обливская волость Донецкого округа; Владимирская, Александровская Мало-Несветаевская, Нижне-Кременская станицы Черкасского округа, Казачьи лагеря, а также Таганроский округ целиком[521].

В ответ донские власти 21 апреля вновь подтвердили свое решение о том, что «границы Донской области остаются прежние»[522]. Началась неразбериха, и окружная партконференция Таганрогского округа потребовала от центральных властей «прекратить безобразия», дезорганизующие работу: «Луганск телеграфно предписывает Таганрогу, ссылаясь на Постановление СНК подчиняться ему. Ростов-на-Дону на это телеграфирует Таганрогу, что границы Донской области остаются прежние. Часть Таганрогского округа без ведома согласия Таганрогского окружного ревкома уже занята Донецкой губернией, где представители Луганска грозят представителям Таганрога арестом вооруженной силой»[523].

Через несколько дней последовала реакция Москвы. 26 апреля ВЦИК «признал необходимым выделить Донецкий каменноугольный район в особую Донецкую губернию», причем в ее состав из Области Войска Донского вошли Таганрогский округ; от Донецкого округа - Гундаревская,

Каменская, Калитвенская, Усть-Белокалитвенская станицы и волость Карпово-Обливская; Черкасская, Александро-Грушевская и северная половина станиц Грушевской и Аксаевской[524]. А 28 апреля из Москвы последовала телеграмма Донисполкому, в которой предлагалось «в точности выполнить» указанное постановление[525].

Однако борьба пограничные территории на этом не закончилась Максимально подогнать границы УССР, очерченные в 1919-1921 гг., к национально-этническим границам (по заключению известного российского этнолога С.В. Чешко, Сталин этнизировал нацию[526]) должно было особое территориальное урегулирование 1924–1926 гг.

В начале 1923 г. украинские руководители представили в Москву проект пересмотра украинских границ. Они предлагали присоединить к Минской губернии часть Словечанской и Юровской волостей Коростенского повета Волынской губернии[527], взамен требуя от РСФСР значительную часть Курской, Воронежской и Брянской губернии[528]. В то же время уже с 1921 г. Краевой экономический совет Юго-Востока России поднимал вопрос о возвращении Юго-Востоку «поспешно отделенных от него Таганрогского, Александро-Грушевского и Каменского районов»[529]. В декабре 1922 г., рассматривая вопрос о районировании РСФСР, Госплан пришел к выводу о необходимости образования в числе других экономических районов и Юго-Восточной Области с центром в Ростове-на-Дону, что вновь сделало актуальным возвращение России Таганрога и прилегающей к нему территории.

Ходатайства региональных властей, однако, долгое время оставались без ответа. Так, 14 апреля 1923 г. Крайэкономсовет Юго-Востока России направил в Народный комиссариат внутренних дел письмо, в котором был поднят вопрос о границах Юго-Восточной области и возможных ее изменениях. В нем, в частности, говорилось о том, что «современные границы Юго-Восточной Области экономически недостаточно

целесообразны и, по мнению Крайэкономсовета, должны быть изменены включением в состав области Таганрогского и Александро-Грушевского районов»[530]. Региональные российские власти приводили подробное экономическое обоснование необходимости изменения этого участка украинско-российской границы.

Подчеркивалось, что Таганрог, являясь единственным глубоководным портом Юго-Востока на Азовском море и составляя своим рейдом часть Ростовского порта, «безусловно необходим для развития последнего» как крупного экспортного порта всего Юго-Восточного Края и в то же время «для Украины, обладающей в Азовском море двумя портами, могущими принимать суда с океанской осадкой, Бердянском и Мариуполем, не имеет такого существенного значения»[531]. К тому же «экономическая жизнь Таганрога является общей с Юго-Востоком, т.к. последний снабжает его заводы сырьем и является главнейшим потребителем их продукции». Речь шла об одном из крупнейших в то время Таганрогском металлургическом заводе, обеспечивавшем металлообрабатывающие предприятия Юго-Востока чугунным литьем, котельным и кровельным железом, сталью. Развитая в указанной области масличная и кожевенная промышленность также работала на юго-восточном сырье[532].

Однако, помимо собственно Таганрога, обсуждалась также передача РСФСР Александро-Грушевского и Екатерининско-Каменского (Шахтинского) районов, являвшихся ближайшими поставщиками дешевого топлива и, «несмотря на административное разделение, связанных с Юго-Востоком более тесно, чем с Украиной». «Правильное разрешение ... вопросов энергетики и топливоснабжения Ростовского района, являющегося снабдителем Юго-Востока, – заключал Крайэкономсовет, – настоятельно требует объединения энергетического хозяйства Александро-Грушевского района с Ростовским»[533]. Таким

образом, Юго-Восточная Область претендовала на возвращение Екатерининско-Каменского района в составе волостей: Гундоровской, Каменской, Карпово-Обрывской, Калитвенской, Екатерининской волостей с населением 102965 человек и площадью 573994 десятин.

Между тем, Украина не спешила передавать указанные районы. Так, и на заседании президиума Укргосплана 22 мая 1923 г., было решено «считать передачу Шахтинского района, охватывающего огромную часть всего антрацитного района Донбассейна, нецелесообразным». Вместо этого предполагалось «разработать вопрос о возможной передаче Юго-Восточной Области узкой полосы по Донцу...» Признавая обоснованность экономических претензий Юго-Востока России на Таганрог, Укргосплан апеллировал к важнейшему для большевиков «классовому принципу»: он считал необходимым еще раз «выяснить вопрос с Таганрогской промышленностью и ее отношение к Донбассу в связи с политической целесообразностью отрыва крестьянского Таганрогского района от пролетарского Донбасса и присоединения этого района к Ростовской Области»[534].

14 июня 1923 г. состоялось заседание расширенной комиссии ЦИК СССР по выработке Конституции СССР. При обсуждении ст. 81 «Территория союзных республик», Скрыпник высказался однозначно: «Территория каждой из союзных республик и ее конституция могут быть изменяемы лишь ее решением. Право инициативы с его мнением принадлежит Союзу, но решения никакой силы не имеют»[535]. Председательствовавший на заседании председатель ВЦИК и ЦИК СССР М.И. Калинин считал иначе: «Если от РСФСР хочет выделиться какая-либо из автономных республик и самоопределиться, то я считаю, что она имеет это право. Отказать ей в апелляции к Союзу, что ей тесно, что она в РСФСР не может выявить своих национальных стремлений, нельзя».

Например, «на Украине может выделиться целый ряд русских областей: они не имеют этого права»[536].

Чтобы понять истинную подоплеку тогдашних коллизий, следует учитывать, что в это самое время (в середине 1923 г.) в Административной комиссии ВЦИК находились на рассмотрении дела о присоединении к УССР ряда волостей Путивльского и Рыльского уездов Курской губернии, а также Родионово-Несветайской волости Черкасского округа Донской области[537]. Что касается волостей Путивльского и Рыльского уездов, то желание местного населения, от имени которого и было составлено ходатайство во ВЦИК, мотивировалось лучшим сообщением указанных местностей с крупными городами Харьковской губернией, по сравнению с Рыльском Курской губернии. Вопрос о Родионово-Несветайской волости был более запутан: в 1920 г. местное население высказало пожелание войти в состав РСФСР, в 1923 г. – в УССР, и в первом, и во втором случае утверждая, что «туда дороги лучше и речек нет»[538]. Как бы то ни было, в 1923 г. вопрос о присоединении волостей Курской губернии к Украине не разрешился: курские власти высказались решительно против[539], давления же на местных руководителей решено было, по-видимому, не оказывать. В.Д. Боечко, А.И. Ганжа и Б.И. Захарчук указывают на стремление жителей ряда пограничных с Украиной районов РСФСР войти в состав УССР еще в 1917–1918 гг.[540] В то же время известно отрицательное отношение народных масс губерний Черноземного Центра к территориальным притязаниям гетманской Украины в 1918 г.[541].

Настойчивость России в вопросе о присоединении Таганрога, Александро-Грушевского и Екатерининско-Каменского районов к Юго-Восточной Области РСФСР, по всей видимости, не вызвало восторга у украинских руководителей. С другой стороны, «желание населения» ряда волостей Курской губернии войти в состав «братской Украины» оказалось как нельзя кстати. Украинские руководители понимали, что не смогут

предотвратить передачи РСФСР Таганрога. Пытаясь овладеть ситуацией, они выдвинули в начале 1923 г. проект пересмотра украинско-российских границ, требуя значительную часть Курской, Воронежской и Брянской губерний.

После ряда согласований и запросов местных российских властей в апреле 1924 г. постановлением Президиума ЦИК СССР была создана специальная комиссия по урегулированию границ между РСФСР, Украиной и Белоруссией. Комиссия работала долго, заседания ее проходили в ожесточенных спорах, поскольку российские губернские власти были настроены резко против украинского проекта. Вокруг проблемы границ УССР развернулась упорная борьба партийного начальства двух республик. Харьковские вожди умело оперировали лозунгами советской национальной политики, ссылались на решения XII съезда партии о «коренизации» и на желание украинского населения спорных районов[542].

Украинская сторона подчеркивала несовпадение этнографических границ Украины с границами девяти губерний, составивших УССР. «Еще при создании Украинской Социалистической Советской Республики, – подчеркивали в Харькове, – встал вопрос о несовпадении этнографических границ Украины с границами девяти губерний, заселенных в большинстве украинцами... Было решено этот вопрос отнести на более позднее время, когда, по окончании гражданской войны и укреплении советского строя, его можно будет решить во всей полноте после длительного и спокойного освещения со стороны этнографических и экономических данных»[543]. Именно этот этнографический момент был для украинской стороны главной официальной причиной пересмотра российско-украинских границ. Предметом бесконечных прений стали данные о численности и процентном соотношении проживающего в приграничной зоне украинского и русского населения. Обосновывая свои территориальные

притязания, украинские власти ссылались на авторитетное мнение двух крупнейших украинских историков – академиков Д.И. Багалея и М.С. Грушевского, написавших специально по этому случаю небольшие исторические справки. 1 сентября 1924 г. в ЦИК СССР пришли две небольшие исторические справки: та, что принадлежала перу Багалея, носила название «Историко-этнографические и лингвистические материалы, касающиеся северной границы УССР и РСФСР», Грушевский назвал свою работу «К вопросу о восточных границах Украины».

Багалей в частности писал: «Всем хорошо известно, что границы губерний, как в пределах России, так и в пределах Украины, не имеют под собой национальной хозяйственно-экономической почвы»[544]. Поэтому в основу государственного размежевания молодых советских республик должны быть положены принципы исторические, географические, этнографические, лингвистические и экономические. В своих выкладках академик уделил основное внимание этнографическим и лингвистическим моментам. Он подчеркивал, что «часть... уездов Курской и Воронежской губерний являлись в отношении колонизации продуктом смешанной великорусско-украинской колонизации с очевидно преобладающим количественно украинским этнографическим элементом...»[545]. Таким образом, спорная территория, по мнению ученого, с точки зрения этнографии, должна была отойти к Украинской ССР. Багалей доказывал также «общность хозяйственно-экономической жизни» этой части Курской и Воронежской губерний со «Слободянщиной и Харьковщиной», ибо «первые... поселенцы принесли с собою в этот край свой обще-украинский хозяйственный уклад и культурно-бытовые формы с право- и левобережной Украины, откуда они сюда перешли... Этнографические черты всего этого населения также были более или менее одинаковыми, и это население чувствовало себя единым народом, который имел отличительные черты от населения великорусского»[546].

Грушевский основное внимание уделил истории украинской колонизации. Ссылаясь на собственную «Историю Украины-Руси», бывший глава Центральной Рады, возвратившийся на Украину в марте 1924 г., рассматривал процесс «украинского движения на Восток» начиная с конца XVI и вплоть до XIX века. В начале XVII в. граница украинской колонизации, по мнению ученого, проходила по линии Путивль–Старый Оскол–Костелки–Полтава–Старобельск–Богучар. После казацких войн с Польшей в первой половине XVII века «развернулось еще большее движение на восток» – на Дон, по реке Тихая, Сосна, Острогоща. В конце XVIII и XIX вв. с ликвидацией Крымского ханства это «расселение», согласно Грушевскому, проникает дальше на юг, «занявши всю территорию Азовского побережья и хребта Яйли». В результате «образовалась огромнейшая, необыкновенно однородная по языку и в этнографическом отношении область, так называемого юго-восточного украинского наречия»[547].

Отрицая сложный характер колонизационных процессов указанных территорий, Грушевский в своей записке делал вывод о необходимости «восстановления справедливости»: «Как будто бы настало время объединить край по принципам экономической и культурной целесообразности, порвав совершенно со случайными и механичными губернскими делениями, и соответственно размежевать и восточные границы Украинской Республики в целях достижения более планового производства и культурного развития»[548].

Однако желание местных чиновников сохранить существующую территорию российских губерний было не менее сильным, чем стремление Украины расширить свои границы. Российская сторона ссылалась на «этнографическую чересполосность», затрудняющую разрешение вопроса о границах с точки зрения национального состава населения спорной территории. Причем такая чересполосность, указывали губернские власти,

были характерны и для приграничных районов Украины. Одновременно обращалось внимание на то, что отторжение территории может нанести ущерб экономике российских губерний, в частности, сахарной промышленности, а также изучению Курской магнитной аномалии[549]. Более того, курские большевики выдвинули контрпредложение, пожелав присоединить к своей территории часть Черниговской губернии[550].

После рассмотрения мнений обеих сторон последовали бесконечные согласования и уточнения. Летом 1924 г. был в значительной степени разрешен вопрос о Таганроге и прилегающей к нему территории. По всей видимости, соглашения не удалось бы достичь без решения ЦК РКП(б), куда обратились власти Юго-Востока. Политбюро ЦК РКП(б) 11 июля 1924 г. вынесло решение о присоединении Таганрогского и Александро-Грушевского (Шахтинского) округов к РСФСР (данная территория должна была войти в создаваемый Северо-Кавказский край РСФСР). Хотя это решение вызвало недовольство политбюро ЦК КП(б)У, однако оно было санкционировано «на высшем уровне»[551]. Накануне партийного пленума в середине августа 1924 г. по поручению Сталина была разослана членам и кандидатам ЦК и Президиума ЦКК записка Юго-Восткрайкома о присоединении Шахтинского и Таганрогского округов к Юго-Востоку, что оказало большое влияние на решение пленума[552].

Итак, судьба Таганрога была решена. 24 июля 1924 г. секретариат ВЦИК образовал специальную Комиссию для установления точных границ отходящих от УССР к РСФСР районов[553]. Была создана так называемая Паритетная комиссия Донецкого губисполкома и Юго-Восточного крайисполкома, которая руководила непосредственной передачей территории. В состав РСФСР с 1 октября 1924 г. передавались Шахтинский, Сулиновский, Владимировский, Усть-Белокалитвенский, Ленинский, Глубокинский, Каменский, Федоровский, Николаевский, Матвеево-Курганский, Советинский райны, части Алексеевского,

Екатерининского, Голодаевского и Сорокинского районов, а также город Таганрог и Мариенгеймский сельсовет из Амвросиевского района[554]. Соглашение было достигнуто пока только на уровне представителей Донецкого губисполкома и Юго-Восточного крайисполкома, однако затем соответствующее решение, как мы увидим позже, было вынесено и Президиумом ЦИК СССР.

17 октября 1924 г. по различным центральным ведомствам были разосланы специальные запросы о целесообразности передачи Украине частей территории РСФСР. Письма были направлены в Центральное статистическое управление, Наркомзем РСФСР, Наркомпочтель, Наркомвнутторг, Хлебопродукт, Сахаротрест, в ВСНХ РСФСР и ВСНХ СССР, Центросоюз и Наркомпуть.

Несколько ведомств сочли нецелесообразным передачу части территории РСФСР Украине. Это касается ответа ВСНХ РСФСР, Центросоюза, Наркомзема, Хлебопродукта. Другие же отвечали уклончиво, считая, что передача части территории РСФСР Украине не вызовет затруднений в работе их ведомств, (Наркомвнутторг, Наркомпочтель), или же вовсе не давали никакого ответа, мотивируя необходимостью специального изучения вопроса (Наркомпуть, ЦСУ). Сахаротрест считал некоторые участки границы между УССР и РСФСР «неудобными» для сахарной промышленности и предлагал «исправить» ее – либо за счет российских, либо за счет украинских земель с тем, чтобы заводы не оказались отделенными от источников сырья – районов выращивания сахарной свеклы[555].

Свою позицию определил и Президиум ВЦИК, постановление которого гласило: «Ввиду запроса членов комиссии от РСФСР об их линии поведения при рассмотрении границ РСФСР и УССР предложить им руководствоваться:

1. национальным составом населения,

2. тяготением населения к той или другой республике,

3. принимать во внимание экономические соображения и

4. идти навстречу УССР *всюду*, где это *резко* (курсив мой – *Е. Б.*) не нарушает интересов пограничного населения РСФСР»[556]. Возможно, такое решение было вызвано опасением из-за неуступчивости делегации РСФСР потерять Таганрог и Шахтинский округ, постановление о передаче которых России еще должно было утверждаться президиумом ЦИК СССР. В целом же указание «идти навстречу УССР» отражает сложную ситуацию в стране, когда еще не до конца утихли споры по поводу создания СССР и роли союзных республик в нем, а на высших партийных уровнях звучали требования «безусловно удовлетворять» нужды и запросы отдельных республик[557].

К ноябрю 1924 г. в Комиссии по урегулированию границ накопилось довольно большое количество материалов, составленных как украинской стороной, так и российскими губисполкомами. Чтобы обработать полученную информацию для предстоящего заседания Комиссии, 11–12 ноября 1924 г. работала специальная техническая подкомиссия. В состав последней вошли сотрудники ЦИК СССР и РСФСР, Госплана, а также представители украинской и российской сторон. Подкомиссия в основном занималась систематизацией имеющегося материала. В результате подкомиссия сделала следующие выводы: национальный состав спорных территорий отличается чрезвычайной чересполосностью; вопросы должны решаться на основе «политических соображений», имея в виду не только национальный состав населения отторгаемой территории, но и возможный экономический ущерб курской промышленности[558].

Между тем работа комиссии затягивалась. Очередное заседание состоялось 27–28 ноября 1924 г. Открывая работу комиссии, председатель комиссии А.Г. Червяков обратил внимание ее участников на политическую сторону обсуждаемого вопроса. «Работы нашей комиссии, – сказал он, –

стали предметом обсуждения, полемики, нападок, всяких инсинуаций в заграничной прессе, главным образом в эмигрантской прессе и в польской. ...Мы по отношению к Польше ведем довольно агрессивную политику в смысле поддержания национального движения, национальных меньшинств, находящихся в Польше, украинцев и белоруссов. По отношению к ним мы ведем борьбу за всякий клочок, на котором живут украинцы или белоруссы, требуя включения их в состав территории Украины или Белоруссии... Поэтому у себя на территории нужно быть особенно выдержанными для того, чтобы избежать возможности упрека в том смысле, что мы требуем по отношению к Польше одного, в то время как не проводим до конца нашей национальной политики. Наша работа сделалась предметом инсинуаций заграничной прессы в том смысле, что украинские домагания (так в тексте – *Е.Б.)* на присоединение к Украине территории с украинским населением встречают решительный отпор со стороны русских товарищей...»[559]

Комиссией было решено передать Украине часть территории Курской губернии – ряд волостей Путивльского уезда, Крениченскую волость Суджанского уезда, весь Грайворонский уезд (за исключением Бутовской волости), весь Белгородский уезд, ряд волостей Корочанского уезда и часть Ново-Оскольского уезда, – а также Семеновскую волость Гомельской губернии, село Знобь-Трубчевская и ряд сел Подыводской волости Севского уезда Брянской губернии, Валуйский уезд Воронежской губернии[560].

Компромиссное решение вызвало недовольство как украинской, так и российской сторон. Украинская делегация выступила с «особым мнением» по вопросу об изменении границ между УССР и РСФСР, настаивая на необходимости привести Украину «к пределам ее этнографических границ и тем исправить неправильное размежевание по губерниям царского времени», а также основываться на «национально-

этнографическом моменте» и «экономическом сродстве данной территории с УССР»[561]. Делегация РСФСР направила доклад в Президиум ЦИК СССР, сформулировав собственное мнение по спорным вопросам. «Отторгаемая согласно решению комиссии территория, – читаем в докладе, – имеет население (сельского) 901287 чел., из них украинцев 478814 чел. (53 %), великороссов 419892 чел. (47 %) и прочих 1581 чел. (0 %), если мы сюда причислим городское население Белгорода..., Путивля, Грайворона... то украинское население составит около половины»[562].

Обращение российской делегации в Президиум ЦИК СССР не осталось без последствий. 23 января 1925 г. Комиссия ЦИК СССР по урегулированию границ между УССР и РСФСР приняла «окончательную редакцию решения комиссии по вопросам о границах между УССР и РСФСР», в значительной степени отличающуюся от предыдущего своего решения. Так, например, в составе Курской губернии остались волости Корочанского, Ново-Оскольского, Острогожского, Богучарского и Павловского уездов; из Белгородского уезда в состав УССР включили лишь южную часть Муромской волости, из Грайворонского уезда лишь южную часть Грайворонской волости того же уезда, из Валуйского уезда Воронежской губернии лишь Троицкую волость и часть Уразовской волости[563]. Таким образом, окончательное решение Комиссии по урегулированию границ от 23 января 1925 г. практически совпадало с предложениями российской делегации, высказанными в конце ноября 1924 г. в докладе Президиуму ЦИК СССР.

Первая половина 1925 г. прошла в бесконечных согласованиях и уточнениях проекта Комиссии по урегулированию границ с ЦИК СССР. В конце концов, 16 октября 1925 г. председатель ЦИК СССР М.И. Калинин подписал постановление об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР. Белоруссии отходила небольшая часть Волынской губернии,

РСФСР – часть территории Донецкой губернии, УССР – небольшая часть Мозырского округа БССР, часть Гомельской, Брянской, Воронежской и Курской губерний. Аппетиты украинских властей при этом были существенно ограничены, но формальное следование национальному принципу в территориальном устройстве государства в 1920-е гг. сохранялось.

Вполне логично, что в этих условиях украинские руководители не оставляли попыток расширить территорию республики. В 1925-1926 гг. несколько статей о положении украинцев в РСФСР было опубликовано в газете «Вісті ВУЦВК», а в 1927 г. там уже велась постоянная колонка об украинцах в РСФСР. По подсчетам Терри Мартина, в 1925 г. было опубликовано четыре статьи на эту тему, в 1926 г. – шесть, в 1927 г. – 34 колонки, большинство которых состояло из нескольких статей[564]. В мае 1927 г. ЦК КП(б)У направило в ЦК ВКП(б) докладную записку о границах УССР. Ссылаясь на то, что в непосредственно прилегающей к УССР территории РСФСР оставалось около 2 млн. украинцев, расселенных компактными группами в Курской, Воронежской губерниях и Северо-Кавказской Крае, украинский ЦК предлагал передать Украине часть районов Курской и Воронежской губерний, заселенных, по мнению Харькова, украинцами, а также вернуть УССР Шахтинский и Таганрогский округа[565].

Не прошло и года, как весной 1928 г., на повестке дня Политбюро ЦК КП(б)У вновь стоял вопрос об урегулировании государственной границы между УССР и РСФСР. Пользуясь тем, что в центре началась подготовка к созданию Центрально-Черноземной области (ЦЧО), Харьков опять выдвинул претензии – на этот раз только на часть Воронежской и Курской губерний. Украинские лидеры ссылались на «грубое извращение национальной политики партии по отношению к украинскому населению в Курской и Воронежской губерниях»: как доказывал украинский нарком

просвещения Н.А. Скрыпник, украинизация там якобы не проводилась[566]. К тому же, по мнению вождей украинских большевиков, в экономическом плане указанные территории имели «гораздо больше общих черт с приграничными округами УССР». Таким образом, заключало украинское Политбюро, «проведение государственной границы между УССР и РСФСР по этнографическому принципу вполне совпадает с сельскохозяйственными и экономическими районами»[567].

Украинские лидеры обратились со своими требованиями в секретариат ЦК ВКП(б), куда и было отправлено соответствующее письмо[568]. Кроме того, делались попытки решить вопрос и не столь официальным путем: сохранился черновик письма Л.М. Кагановича Сталину. В этом документе тогдашний украинский партийный лидер просил заслушать украинских партийных руководителей «по национальному вопросу», составной частью которого считал «вопрос о передаче Украине украинских уездов Воронежской и Курской губернии»[569].

Однако интересы республиканской элиты противоречили интересам центрального руководства, и обе попытки украинцев оказались безуспешными. Вопрос об «украинских уездах Курщины и Воронежчины» волновал не только партийных руководителей Украины, но и украинскую интеллигенцию. Вопрос о судьбе этих районов был задан Сталину 12 февраля 1929 г. во время встречи генерального секретаря ВКП(б) с украинскими писателями. Сталин ответил, что «этот вопрос несколько раз обсуждался у нас», и решено было ничего не менять: «слишком часто меняем границы – это производит плохое впечатление и внутри страны, и вне страны»[570]. Было упомянуто также, что у «некоторых русских это (изменение границ. – *Е.Б.*) вызывает большой отпор», и с этим «надо считаться». «У нас каждый раз, когда такой вопрос ставится, начинают рычать: а как миллионы русских на Украине угнетаются, не дают на

родном языке развиваться, хотят насильно украинизировать и т.д.»[571], – рассуждал Сталин. Но с точки зрения вождя, в СССР нет никаких границ: «С точки зрения национальной культуры, и с точки зрения развития диктатуры, и с точки зрения развития основных вопросов нашей политики и нашей работы, конечно, не имеет сколько-нибудь серьезного значения, куда входит один из уездов Украины и РСФСР»[572].

* * *

Таким образом, после распада Российской империи и Австро-Венгрии «украинский вопрос» оказался в центре внимания различных политических сил, вырабатывавших собственные программы переустройства постимперского пространства. Лидеры украинского движения сделали попытку создать независимое государство и изменить существующую этнокультурную ситуацию путем проведения политики украинизации. Для них проблема государственного строительства была тесно связана с вопросом о статусе украинского языка, который представлялся одной из определяющих черт самостоятельной украинской нации. Именно поэтому украинские деятели основное внимание уделяли языковой и образовательной политике возникших украинских государств. Однако существование УНР, ЗУНР, Украинской Державы оказалось недолговечным: земли с украинским населением оказались в поле стратегических расчетов новых национальных государств, и в результате они оказались в составе межвоенных Польши, Чехословакии и Румынии. Версальская система предусматривала защиту интересов национальных меньшинств, однако на практике национальные правительства отнюдь не торопились выполнять взятые на себя обязательства и тем более реализовывать политику автономизации украинских земель.

Между тем украинское государственное образование было создано в рамках федеративного советского государства, именно большевистским руководством под влиянием ряда внутренних и внешних факторов был

предпринят курс на украинизацию. С одной стороны, большевики постоянно говорили о праве наций на самоопределение, о равноправии украинского языка и культуры, с другой стороны, надеялись на тесное сосуществование украинской и российской республик. Они вынуждены были учитывать и сложную социальную ситуацию, особенно недовольство крестьянства, а также принимать во внимание существование политических конкурентов на территории Украины – боротьбистов, укапистов, и не игнорировать активные действия деятелей УНР. В этой ситуации внешний фактор оказывал весьма ощутимое влияние на формирование стратегическойу линии большевистского руководства в национальном вопросе. Весной – осенью 1919 г., покуда Парижская мирная конференция активно обсуждала проблемы восточных границ Польши, и польско-украинский конфликт был далек от своего урегулирования, большевики ориентировались на временный характер созданной Украинской ССР и дальнейшее ее присоединение к РСФСР. Однако когда на рубеже 1919–1920 гг. Польша окончательно избрала активный вариант своей восточной политики, ситуация для большевиков в корне изменилась. «Польская угроза» для большевиков не была пустым звуком: они реально опасались утратить Украину в случае активных действий Второй Речи Посполитой и намеревались предотвратить такую угрозу умелыми действиями в сфере национальной политики. Украина должна была стать образцовой советской республикой, привлекающей симпатии западноукраинского населения. Большевики вынуждены были поддержать лозунг независимого украинского государства, конечно, в единственно приемлемой для них советской форме. Дальнейшие их шаги вольно или невольно были направлены на придание этому государственному образованию, национальному по форме, соответствующего содержания.

Суммируя вышесказанное, следует упомянуть о следующих причинах проведения коренизации. Такой курс обеспечивал национальный облик советской власти в республиках, а для этого было необходимо привлечь на руководящие должности в республиках представителей коренной национальности. Коренизация на Украине отвечала геополитическим интересам СССР, поскольку создавала притягательный образ для западных украинцев, утративших надежды на создание в Восточной Галиции независимого государства.

Кроме того, украинизация выбивала почву из-под ног украинской политической эмиграции, обвинявшей большевиков в притеснении украинской национальной культуры, а также не давала соседним европейским державам возможность разыграть «украинскую карту», используя недовольство украинского населения. Одновременно коренизация позволяла установить прочные связи с национально-освободительными движениями, прежде всего в Азии, и сохранить для большевиков имидж борцов за социальную и национальную справедливость.

Далее, коренизация окончательно выбивала почву у немногочисленных, но достаточно влиятельных украинских партий боротьбистов и укапистов, социалистическая программа которых отличалась национальной ориентацией, и которые могли составить конкуренцию правящей партии.

И, наконец, коренизация должна была продемонстрировать образцовое решение национального вопроса в СССР и создать положительный образ у европейского пролетариата и колониальных народов. Это должно было бы способствовать поднятию их революционного духа и служило бы интересам мировой революции.

Необходимое отрезвление произошло только после крупного поражения Коминтерна в Германии в октябре 1923 г. Как известно,

Коминтерн активно готовил там революцию, назначенную на 23 октября. Однако в последний момент восстание было отменено из-за его недостаточной подготовленности. Восстание произошло только в Гамбурге и было вскоре подавлено. События в Германии показали, что на скорую помощь Советской России со стороны мирового пролетариата пока рассчитывать не приходилось. Во весь рост стал несущественный ранее вопрос о «возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране».

В декабре 1924 г. Сталин выпустил работу «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», в которой говорилось о возникновении очагов социализма в мире. Вскоре, на апрельской конференции 1925 г., большинство членов ЦК поддержат мысль о том, что можно построить социализм в СССР и без революции в развитых странах[573].

Несмотря на то, что вера в мировую революцию была существенно поколеблена, нужда в революционном воздействии на мировой пролетариат далеко не отпала, и пример коренизации в СССР пришелся тут как нельзя кстати.

Неудивительно, что в этих условиях национально ориентированные этнические украинцы, проживавшие за пределами УССР, внимательно следили за событиями, происходившими на Большой Украине. Для многих из них к середине 1920-х гг. стало очевидно, что созданная большевиками Украинская ССР была единственным украинским государственным образованием и могла сыграть в будущем важную роль в судьбе украинского народа. Большевики же рассчитывали использовать УССР в качестве путеводной звезды в продвижении к социализму для западных украинцев, не забывая при этом и об ослаблении восточноевропейских политических режимов, в первую очередь Польши. Политика коренизации придавала пропагандируемому большевиками социалистическому выбору привлекательные для украинцев формы.

Примечания

[1] См. подробнее: Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 122–283.

[2] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX с. Київ, 1997. С. 20.

[3] Там же. С. 25, 40.

[4] Там же. С. 28.

[5] Там же. С. 27.

[6] Там же. С. 19.

[7] Там же. С. 58.

[8] Там же. С. 59.

[9] Там же. С. 40.

[10] Там же. С. 17.

[11] Там же. С. 58.

[12] Там же. С. 57–58.

[13] Там же. С. 58.

[14] См.: *Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И.* «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 9–27.

[15] *Винниченко В. На той бік.* Повість. Нью Йорк, 1972. С. 32; см. также: *Мануйкін О.* Національна ідея у громадсько-політичній діяльності та літературній творчості Володимира Винниченка (1917 – середина 30-х років XX ст.) // Вісник Черкаського університету. Сер. Філологічні науки. Вип. 67. Черкаси, 2005. С. 25.

[16] *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 58.

[17] *Реєнт О.П.* У робітнях історичной науки. Київ, 1999. С. 71.

[18] *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 гг. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. М., 1997. С. 21–22.

[19] Там же. С. 21.

[20] Там же. С. 22.

[21] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральний державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 25. Л. 13.

[22] Там же.

[23] Там же. Л. 14.

[24] Історія України. Нове бачення. У 2-х т. Т. 2. Київ, 1996. С. 6.

[25] *Булдаков В.П.* Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 204.

[26] *Реєнт О.П.* У робітнях історичной науки. С. 34–36.

[27] III съезд РСДРП. *Ленин В.И.* Речь по вопросу о практических соглашениях с с.-р. 23 апреля (6 мая) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 10. М.,1967. С. 181.

[28] *Ленин В.И.* Первые итоги политической группировки // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 12. М., 1968. С. 7.

[29] *Ленин В.И.* Кого выбирать в государственную думу? // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 14. М., 1972. С. 132.

[30] *Ленин В.И.* Аграрная программа с.-д. в первой русской революции // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 16. М., 1973. С. 386.

[31] *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 303–305.

[32] *Ленин В.И.* Нищета народных учителей // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 24. М., 1973. С. 195.

[33] *Ленин В.И.* Национальный состав учащихся в русской школе // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 24. М., 1973. С. 219.

[34] Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання (1847–1914). Збірник документів і матеріалів. Київ, 2013. С. 370.

[35] *Ленин В.И.* Украина // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 32. М., 1969. С. 341–342.

[36] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX с. С. 132.

[37] *Реєнт О.П.* У робітнях історичной науки. С. 71.

[38] *Лозицький В.С.* Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991). Київ, 2005. С. 7.

[39] *Вдовин А.И.* Особенности этнополитических отношений и формирование новой государственности в России (исторический и концептуальный аспекты). М., 1993. С. 13.

[40] *Ленин В.И.* О праве наций на самоопределение // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 25. М., 1969. с. 285

[41] *Ленин В.И.* Письмо С.Г. Шаумяну 6 декабря 1913 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 48. М., 1970. С. 234-235.

[42] «Августовское» («летнее») 1913 г. совещание ЦК РСДРП с партийными работниками. Резолюция совещания по национальному вопросу // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7. Ч. 1. 1898–1924. М., 1954. С. 316.

[43] Там же.

[44] *Ленин В.И.* Критические заметки по национальному вопросу // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 24. М., 1973. С. 144.

[45] Там же.

[46] *Ленин В.И.* Письмо С.Г. Шаумяну 6 декабря 1913 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 48. М., 1970. С. 235.

[47] *Сталин И.В.* Против федерализма // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 3. М., 1946. С. 25.

[48] Там же.

[49] Там же. С. 26–27.

[50] Там же. С. 27.

[51] Там же. С. 27–28.

[52] *Ленин В.И.* Задачи пролетариата в нашей революции // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 31. М., 1969. С. 167.

[53] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков) Апрель 1917 г. Протоколы. М., 1958. С. 215.

[54] Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б). *Ленин В.И.* Речь по национальному вопросу 29 апреля (12 мая) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 31. М., 1969. С. 435.

[55] Там же. С. 433.

[56] Там же. С. 436.

[57] Там же. С. 439.

[58] Там же. С. 440.

[59] *Ленин В.И.* К пересмотру партийной программы // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 34. М., 1969. С. 379.

[60] *Ленин В.И.* Государство и революция // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 33.М., 1969. С.72.

[61] Второй всероссийский съезд советов рабочих солдатских депутатов 25–26 октября (7-8 ноября) 1917 г. *Ленин В.И.* Рабочим солдатам и крестьянам // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 35. М., 1974. С. 11.

[62] Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 35. С. 221.

[63] В венгерском варианте – «orosz».

[64] *Клопова М.Э.* Национальные движения восточнославянского населения Галиции в контексте отношений России и Австро-Венгрии. 1898–1914 гг. Дисс. …канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2010. С. 3–4.

[65] В историографии восточнославянское население Австро-Венгрии обозначается разными терминами – «русинское», «украинское», «руськое»; иногда наименование «украинский» применяется только по отношению к политическим и общественным организациям. Существуют различия и в названии организаций, где встречается слово с корнем «рус»: они именуются или «руськими», или, в соответствии с современными языковыми нормами, «русскими». Учитывая разночтения, удобнее обозначать это население в соответствии с принятым в то время официальным наименованием – русины.

[66] *Кабузан В.М.* Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М., 2006. С. 291.

[67] Там же. С. 285.

[68] Там же. С. 292–293.

[69] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 41–42.

[70] Особливості буковинського пограниччя: історія культурного полілогу. Донецьк, 2010. С. 19.

[71] *Кабузан В.М.* Украинцы в мире: динамика численности и расселения. С. 293.

[72] Там же. С. 376.

[73] Там же. С. 348.

[74] *Магочій П.Р.* Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012. С. 450.

[75] *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб, 2000. С. 31–41.

[76] *Рубльов О.С.* Західноукраїнська інтелігенція у загальнонаціональних політичних та культурних процесах (1914–1939). Київ, 2004. С. 31.

[77] *Dmowski R.* Myśli nowoczesnego Polaka. Lwów, 1907. S. 144–145.

[78] *Dmowski R.* Pisma. T. V. Polityka polska i odbudowanie państwa. Cz. I. Przed wojną. Wojna do r. 1917. Częstochowa, 1937. S. 24–25.

[79] *Dmowski R.* Myśli nowoczesnego Polaka. S. 95.

[80] *Engelgard J.* Koncepcje inkorporacyjne Romana Dmowskiego i ruchu narodowo - demokratycznego w latach 1918–1921 // Archiwum Narodowej Demokracji. T. 1. Warszawa, 2013. S. 55–56.

[81] *Dmowski R.* Pisma. T. III. Dziesiec lat walki. Częstochowa, 1939. S. 5

[82] См: *Baranowski W.* Rozmowy z Piłsudskim // Niepodległość. T. XVIII. Z. l. S. 50–51; *Koseski A.* Polityka wschodnia Józefa Piłsudskiego // Myśl polityczna Józefa Piłsudskiego. Warszawa, 2007. S. 145.

[83] *Piłsudski J.* List do Leona Wasilewskiego w sprawach polityki wschodniej/ 8 kwietnia 1919, Warszawa // Józef Piłsudski o państwie i armii. W 2 t. T. 1: Wybór pism. Warszawa, 1985. S. 87.

[84] См.: *Віднянський С.В.* Т. Масарик про Україну і українців // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. Вип. 4. Київ, 1993. С. 132–147.

[85] *Masaryk T.G.* Nová Evropa: stanovisko slovanské. Praha, 1920. S. 139–140.

[86] *Masaryk T.G.* Slovanské problémy. Praha, 1928. S. 91–92.

[87] *Бетлий О.* Украина 1919–1923: пражский проект // Европа: журнал Польского института международных дел. Т. 6. 2006. № 2. С. 120.

[88] Цит. по: *Серапионова Е.П.* Чехословвацкая печать о вхождении Подкарпатской Руси в состав ЧСР // Историк-славист:призвание и профессия. К юбилею В.В. Марьиной. М., 2013. С. 31.

[89] *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994. С. 62–63; *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 109.

[90] *Nistor I.* Die moldauische Ansprüche auf Pokutien: Mit einer Kartenskizze. Wien, 1910; *Nistor I.* Românii Şi Rutenii În Bucovina: Studiu istoric Şi Statistic. Bucureşti, 1915, *Nistor I.* Der nationale Kampf in der Bukowina: Mit besonderer Berücksictingung der Rumanen und Ruthenen historisch beleuchtet. Bukarest, 1918.

[91] *Ленин В.И.* Речь на Первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 35. С. 115–116.

[92] *Ленин В.И.* Записка по прямому проводу Н.В. Крыленко 24 ноября (7 декабря) 1917 г. // *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 222.

[93] *Ленин В.И.* Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 35. М., 1974. С. 144.

[94] Резолюция I Всеукраинского съезда советов «О самоопределении Украины» // Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик. Сб. документов. 1917–1936. Т. II. М., 1960. С. 16–17.

[95] Одновременно накануне принятия IV Универсала 9 января УНР приняла закон о национальной персональной автономии, по которому национальные меньшинства (великороссы, поляки, евреи) имели право на «самостоятельное устройство своей национальной жизни, которое осуществляется через органы Национального союза, власть которого распространяется на всех его членов, независимо от места их проживания в границах Украинской Народной Республики» (Закон Центральної Ради про національно-персональну автономію 9 січня 1918 р. // Українська Центральна Рада: документи і матеріали: У 2 т. Т. 2. Київ, 1997. С. 99–100).

[96] *Михутина И.В.* Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством украинской Центральной рады. М., 2007. С. 229–230.

[97] *Бош Е.Б.* Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М., 1925. С. 86; также: *Дояр Л.В.* «Придніпровський» фрагмент життя більшовика Артема: історія ДККР // Історія і культура Придніпров'я: Невідомі та маловідомі сторінки. Вип. 7. Дніпропетровськ, 2010. С. 166.

[98] *Дояр Л.В.* «Придніпровський» фрагмент життя більшовика Артема: історія ДККР. С. 166.

[99] Донецко-Криворожская республика является предметом дискуссии в современной исторической литературе, см., например: *Удод О.А.* Історіографія Донецько-Криворізької радянської республіки // Регіональна історія України: зб. наук. стат. Вип. 1. Київ, 2007. С. 221–228; *Корнилов В.В.* Донецко-Криворожская Советская Республика: Расстрелянная мечта. Харьков, 2011; *Шабельніков В.І.* До питання про утвворення Донецько-Криворізької республіки: історико-регіональний аспект // Історичні і політологічні дослідження. наук. журнал: видання Донецького національного університету. 2013. № 2 (52). С. 145–151; и др.

[100] *Ревегук В.Я.* Соборність українських земель: теорія та практика місцевих більшовицьких організацій (квітень 1917 – квітень 1918 років) // Історична пам̓ять. 2010. № 1. С. 76–77; *Шабельніков В.І.* До питання про утворення Донецько-Криворізької республіки: історико-регіональний аспект. С. 148.

[101] Матеріали та документи про Донецько-Криворізьку Республіку // Літопис революції. 1928. № 3. С. 258–259; *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу: Іст. есе-хроніки. У-4-х т.: Т.ІІ. Рік 1918. Київ, 2009. С. 91.

[102] *Шабельніков В.І.* До питання про утвворення Донецько-Криворізької республіки: історико-регіональний аспект. С. 148.

[103] *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу: Іст. есе-хроніки. У-4-х т.: Т.ІІ: Рік 1918. С. 94.

[104] *Ленин В.И.* Телеграмма В.А. Антонову-Овсеенко. 28 февраля 1918 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 50. М., 1970. С. 365–366.

[105] *Поплавський О.О.* Радянські республіки Півдня України як знаряддя централістичної політики більшовиків на початку 1918 р. // Проблеми політичної історії України: зб. наукових праць. Вип. 7. Дніпропетровськ, 2012. С. 99.

[106] *Ленин В.И.* Телеграмма С. Орджоникидзе // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 50 М., 1970. С. 50.

[107] Из протокола заседания ЦК РКП(б) по обсуждению состояния партийной работы и советских организаций на Украине 15 марта 1918 г. // Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917–апрель 1918 г.). Сборник документов и материалов. К., 1962. С. 66; *Солдатенко В.Ф.* Україна в революційну добу: Іст. есе-хроніки. У 4-х т.: Т. ІІ: Рік 1918. С. 94.

[108] *Филимонов В., Берговская И.* Калужская советская республика: что это было? // Родина. 2014. № 10. С. 71–73.

[109] Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 321.

[110] *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 года. Изд. 2-е, перераб. М., 2003. С. 19–38; *Хованских А.Ю.* Принципы федерализма в первых законодательных актах советского правительства и Конституции РСФСР 1918 года // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. К 10-летию Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 49. Тольятти, 2005. С. 183–202**.**

[111] По принятому Центральной Радой закону, «гражданином Украинской Народной Республики считать каждого, кто родился на территории Украины и связан с ней постоянным проживанием и на этой основе выберет себе подтверждене своей принадлежности к гражданам Украинской Народной Республики» (Протоколи засідань Малої Ради 1–2 березня 1918 р. м. Житомир // Українська Центральна Рада: документи

і матеріали: У 2 т. Т. 2. С. 173). Гражданином Украинской Державы считались все российские подданные, которые пребывали на Украине во время издания закона в июле 1918 г. Политическая платформа новой власти в сфере национальных отношений, как считают украинские специалисты, основывалась на подходе «без различия национальностей». Закон о национальной персональной автономии был отменен, а соответствующие органы ликвидированы (этот процесс затянулся вплоть до октября в 1918 г.) (*Пиріг Р.* Національна політика Української гетьманської держави (квітень–грудень 1918 р.) // Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 129–130).

[112] См. *Верменич Я.В., Бачинський Д.В.* «Українізація»: походження і зміст поняття // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. Вип. 3. Київ, 1999. С. 140–155; «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 15–19; *Борисенок Е.Ю.* Смысловые и оценочные особенности употребления термина «украинизация» // Между Варшавой, Киевом и Минском. Сборник к 50-летию М.В. Дмитриева. М., 2008 С. 217–224.

[113] *Боровик А.М.* Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). Чернігів, 2008. С. 35–41.

[114] Там же. С. 47. О дискуссии относительно количества украинских школ в период Центральной Рады см. *Боровик А.М.* Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). С. 48–53.

[115] *Пиріг Р.Я.* Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. Київ, 2011. С. 120–123; Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 131–132.

[116] Павло Скоропадський. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ; Філадельфія,1995. С. 173–174.

[117] Там же. С. 233.

[118] *Пиріг Р.Я.* Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. С. 90.

[119] Павло Скоропадський. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. С. 258.

[120] *Боровик А.М.* Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). С. 71.

[121] *Рубльов О.С., Реєнт О.П.* Українські визвольні змагання. 1917-1921 рр. Київ, 1999. С. 89–95, 139–143, 182–185.

[122] *Винниченко В.* Відродження нації. Ч. 1. Київ; Відень, 1920. С. 125–126.

[123] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Русские об Украине и украинизации 1910–1930-х годов // Русские об Украине и украинцах. СПб, 2012. С. 362–414.

[124] *Булгаков М.А.* Белая гвардия // *Булгаков М.А.* Собр. соч. В 5 т. Т. 1. М., 1992. С. 208.

[125] Там же. С. 208.

[126] Там же. С. 210.

[127] *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л. 1930. С. 18.

[128] *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспомитнаний // Архив русской революции. Вып. 6. Берлин, 1922. С. 229.

[129] *Кардиналовская Т.* Жизнь тому назад. Воспоминания. СПб., 1996. С. 62.

[130] *Винниченко В.* Відродження нації. Ч. 1. С. 111.

[131] *Завальнюк О.М.* Українська ідея і національне університетське будівництво в Україні (1917–1920 рр.) // Україна: національна ідея. Матеріали Міжнародної наукової конференції 23 квітня 2002 р. Київ, 2003. С. 238. См. подробнее: *Завальнюк О.* Утворення і діяльність державних українських університетів (1917–1921 рр.). Кам’янець-Подільський, 2011.

[132] Нариси історії української інтелігенції (перша половина XX ст.): У 3 кн. / Відп. ред. Ю. О. Курносов. Кн. 1. Київ, 1994. С. 89.

[133] ЦДАГОУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

[134] Там же.

[135] Там же.

[136] Это один из немногих случаев употребления термина в кавычках.

[137] *Могилянский Н.М.* Трагедия Украины // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 121.

[138] Там же.

[139] Там же.

[140]Там же.

[141] Цит. по: Деникин А.И. Гетманство и Директория на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых. С. 139.

[142] *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Киев, 1994. С. 70.

[143] Там же. С. 70.

[144] Там же. С. 78.

[145] Там же. С. 84.

[146] Там же. С. 68.

[147] Там же. С. 96.

[148] Там же. С. 243–244.

[149] Там же. С. 72.

[150] Там же. С. 105.

[151] Там же. С. 98.

[152] Там же. С. 90.

[153] Там же. С. 86.

[154] Там же. С. 87.

[155] Там же. С. 119.

[156] Там же. С. 158.

[157] Там же. С. 155.

[158] Третий всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. *Ленин В.И.* Заключительное слово перед закрытием съезда 18 (31) января 1918 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 35. М., 1974. М. 287–288.

[159] *Сталин И.В.* Выступления на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10–18 января 1918 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 31–32.

[160] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 25. Л. 22.

[161] Там же. Л. 22–22 об.

[162] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.

[163] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 425. Л. 139.

[164] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 25. Л. 49, 66.

[165] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 97.

[166] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 425. Л. 139.

[167] ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 157. Л. 12.

[168] *Мейс Дж., Панчук М.* Український національний комунізм: трагічні ілюзії. Київ, 1997. С. 13–14.

[169] ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 157. Л. 11 об.

[170] Там же.

[171] Там же. Л. 25.

[172] *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 гг. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. С. 83.

[173] Первый съезд партийных организаций коммунистов (большевиков) Украины. 5–12 июля 1918 г. Протоколы. Киев, 1988. С. 125–126.

[174] Там же. С. 126.

[175] Там же.

[176] Там же. С. 129.

[177] Там же. С. 127.

[178] Там же. С. 164.

[179] Там же. С. 167.

[180] Там же. С. 170.

[181] Там же. С. 178.

[182] Резолюции и постановления VIII съезда РКП(б). По организационному вопросу // VIII съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 425.

[183] *Боровик А.М.* Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). С. 82

[184] II съезд КП(б)У. 17–22 октября 1918 г. Протоколы. Киев, 1991. С. 87.

[185] *Ленин В.И.* Телеграмма главкому И.И. Вацетису // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 37. М., 1969. С. 234.

[186] Цит. по *Лозицький В.С.* Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991). С. 19.

[187] Там же. С. 20.

[188] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ, 1996. С. 85.

[189] Там же. С. 75–76.

[190] *Кручек О.А.* Становлення державної політики УСРР у галузі національної культури (1920–1923). Київ, 1996. С. 15.

[191] До історії міжнаціональних процесів на Україні // Український історичний журнал. 1990 № 6. С. 110.

[192] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). С. 87–88.

[193] Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. М., 1972. С. 103. См. также: *Гросул В.Я*. Образование *СССР* (1917–1924 гг.). М., 2007.

[194] *Волковинський В. М., Кульчицкий С.В.* Християн Раковський. Політичний портрет. Київ, 1990. С. 187.

[195] *Ненароков А.П.* К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917–1925. М., 1991. С. 94–95; *Мельниченко В.* Христиан Раковский. Неизвестные страницы жизни и деятельности. Київ, 1992. С. 46.

[196] *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 гг. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. С. 117.

[197] *Мартынов А.С.* Мои украинские впечатления и размышления. М.; Пг., 1923. С. 43.

[198] Там же. С. 43–44.

[199] Там же. С. 44.

[200] Штаб организации располагался в Париже. В 1921–1923 гг. на Украине действовали его агенты.

[201] ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 60. Л. 98.

[202] Там же. Л. 99.

[203] Там же. Л. 98.

[204] Там же.

[205] Профессор Киевского политехнического института Коваль, ноябрь 1921 г.

[206] ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.

[207] ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 57. Л. 160.

[208] Там же.

[209] *Бриндак О.Б.* Ліквідація більшовиками політичної опозиції та встановлення однопарійної системи в Україні в 20-ті роки XX століття. Одеса, 1998. С. 96.

[210] Там же. С. 93.

[211] Там же. С. 93–94.

[212] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Влияние польского фактора на политику большевиков по национальному вопросу (большевики и украинский вопрос в 1917–1923 годах) // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. М., 2009. С. 179–194.

[213] *Матвеев Г.Ф.* Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 237–238.

[214] Там же.

[215] *Ціхаміраў А.В.* Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду паслеваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003. С. 22.

[216] *Срібняк І.* Симон Петлюра на чолі держави та війска. До питання про польско-украігські взаємини 1919–1920 рр. // Симон Петлюра та українська національна революція. Збірник праць Другого конкурсу петлюрознавців України. Київ, 1995. С. 142.

[217] Там же. С. 143.

[218] *Гетьманчук М.П.* Між Москвою та Варшавою: українське питання у радянсько-польсских відносинах міжвоєнного періоду. Львів, 2008. С. 63.

[219] *Ленин В.И.* Проект тезисов ЦК РКП(б) о политике на Украине. Не позднее 21 ноября 1919 г. // *Ленин В.И.* Неизвестные документы. С. 306.

[220] Там же. С. 306–307.

[221] Там же.

[222] ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 157. Л. 13 об.

[223] Восьмая Всероссийская конференция РКП(б). Москва. 2–4 декабря 1919 г. Резолюция о советской власти на Украине // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1898–1924. С. 459.

[224] Там же.

[225] VIII конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. М., 1934. С. 84.

[226] *Ленин В.И.* Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 40. М., 1974. С.42, 45–46.

[227] *Ленин В.И.* Записка в Политбюро ЦК РКП(б). Декабрь 1919 г. // *Ленин В.И.* Неизвестные документы. С. 314.

[228] *Ленин В.И.* Телеграмма И.В. Сталину 22 февраля 1920 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 51. М., 1970. С. 141–142.

[229] *Єфіменко Г.Г.* Мовне питання в політиці більшовиків в Україні в роки першого комуністичного штурму (1919–1920 рр.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжв. зб. наук. пр. Вип. 21. Київ, 2012. 181–183.

[230] *Симонова Т.М.* «Прометеизм» в восточной политике лагеря Пилсудского в 1919–1926 годах // Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И.А.Воронкова (1921–1983). М., 2001. С. 126.

[231] *Михутина И.В.* Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919–1920 гг. // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 165.

[232] Четверта конференція Комуністичної партії (більшовиків) України. 17–23 березня 1920 р. Стенограма. Київ, 2003. С. 29–31.

[233] Там же. С. 82.

[234] Там же. С. 443.

[235] Там же. С. 132.

[236] Там же. С. 134.

[237] См. *Харченко В.* Георгій Лапчинський, лідер «групи федералістів» у КП(б)У // Комуніст України. 2005. № 1. С. 76–80; *Лапчинский Г.* Гомельское совещание (Воспоминание) // Летопись революции. 1926. № 6. С. 36–37. В ноябре 1919 г. «федералисты» даже направили в ЦК РКП(б) заявление, подписанное П. Поповым и Я. Ландером от имени 32-х украинских работников, в котором критиковался состав бюро ЦК КП(б)У и методы его работы, а также высказывался протест против мобилизации партийных и советских работников из русских губерний для Украины. Оргбюро ЦК РКП(б) 18 декабря 1919 г. рассмотрело заявление украинских работников и постановило «объявить выговор за то, что они вместо положительной работы по указанию Всеукраинского Ревкома и Бюро ЦК КП(б)У тратят время и силы на пересуды и безответственное политиканство, являющееся нарушением партийной дисциплины, и предложить впредь, строго подчиняясь директивам партийного центра, делать ту работу, которая каждому из них будет указана» (*Ленин В.И.* В оргбюро ЦК РКП(б). Не позднее 19 декабря 1919 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 51. М., 1970. С. 95–96).

[238] Четверта конференція Комуністичної партії (більшовиків) України. С. 145, 444–449. В состав ЦК КП(б)У были выбраны в основном «децисты» и сочувствующие им. ЦК РКП(б) не признало выборы легитимными и назначило вместо новоизбранного ЦК временное бюро в составе 13-ти человек во главе с С. Косиором. Для «укрепления» КП(б)У ЦК РКП(б) в марте–ноябре 1920 года прислал 838 коммунистов, которые были утверждены на руководящих постах не ниже ответственного работника губернского масштаба (*Дорошко М.С.* Номенклатура: керівна верхівка радянської України (1917–1938 рр.). Київ, 2008. С. 148).

[239] IV Всеукраинский съезд Советов. Постановления, резолюция и другие документы съезда. О государственных отношениях между УССР и РСФСР // Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик. Сб. документов. 1917–1936. Т. 2. М., 1960. С. 71–72.

[240] *Никонов В.А*. Молотов: Молодость. М., 2005. С. 492.

[241] Телеграмма В.И. Ленина И.В. Сталину о положении в Коминтерне. 23 июля 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 54–55.

[242] Телеграмма В.И. Ленина И.С. Уншлихту о плане наступления на Польшу. 15 июля 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. С. 53.

[243] Там же.

[244] Из доклада В.И. Ленина «Политический отчет ЦК РКП(б)» на IX конференции РКП(б). 22 сентября 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. С. 63.

[245] См. подробнее: *Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С.* Польский плен. Военнослужащие Красной армии *в* плену *у* поляков *в* 1919–1921 годах. М., 2011.

[246] 23 сентября 1920 года ВЦИК принял Заявление ВЦИК об основах соглашения между РСФСР и Польшей. 23 сентября 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920 г.–18 марта 1921 г. М.:, 1959. С. 205.

[247] Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР // Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. С. 166–168.

[248] Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой. 18 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. Т. 3: 1 июля 1920 г.–18 марта 1921 г. С. 619.

[249] Там же. С. 622–623.

[250] Там же. С. 625–626.

[251] Конституційні акти України. 1917–1920: Невідомі конституції України. Київ, 1992. С. 92.

[252] Там же. С. 93.

[253] Там же. С. 94.

[254] *Литвин М.Р.* Українсько-польська війна 1918–1919 рр. Львів, 1998. С. 53–54.

[255] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 151.

[256] Там же. С. 152.

[257] Там же. С. 153.

[258] *Гай-Нижник П.П., Солдатенко В.Ф.* Державотворчий процес в Західноукраїнській Народній Республіці // Нариси історії державної служби в Україні. Київ, 2009. С. 231–232.

[259] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 154; *Литвин М.Р.* Українсько-польська війна 1918–1919 рр. С. 13–14; *Литвин М.Р., Науменко К.Є.* Історія ЗУНР. Львів, 1995. С. 99..

[260] *Зелінський М.В.* Дипломатична діяльність Романа Дмовського у вирішенні «українського питання» на Паризькій мирній конференції (1919–1920) // Чорноморський літопис. 2013. Вип. 8. С. 14–15.

[261] Там же. С. 15.

[262] *Дем'янюк О.Й.* Волинь та Галичина в українсько-польських стосунках у 1919 р. / О.Й. Дем'янюк // Вісн. Нац. ун-ту «Львівська політехніка». Львів, 2007. № 584: Держава та армія. С. 118.

[263] *Михутина И.В.* Польско-украинский союз 1920 года // Славяноведение. 2011. № 5. С. 16.

[264] Там же. С. 16–17.

[265] *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 122.

[266] *Панов А.В.* Масарик і Закарпаття. Ужгород, 2010. С. 92–93.

[267] *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. С. 128–129.

[268] Там же. С. 131.

[269] Там же. С. 115–116.

[270] Там же. С. 117.

[271] Там же. С. 119.

[272] Там же. С. 124.

[273] *Панов А.В.* Масарик і Закарпаття. С. 108

[274] Там же. С. 108–110.

[275] Там же. С. 111–112.

[276] *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. С. 147

[277] Российско-румынский конфликт вокруг Бессарабии в 1918–1920 гг. // Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 177.

[278] Там же. С. 176–177; *Степанюк В.* Государственность молдавского народа: исторические, политические и правовые аспекты. Кишинев, 2006. С. 198–199.

[279] Российско-румынский конфликт вокруг Бессарабии в 1918–1920 гг. // Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. С. 214–216.

[280] Там же. С. 220–221.

[281] Протоколи засідань Ради народних міністрів 14-15 лютого 1918 р. // Українська Центральна Рада: Документи і матеріали. У 2 т. Т. 2. Київ, 1997. С. 167.

[282] *Боєчко В.Д., Ганжа О.І. , Захачук Б.І.* Формування державних кордонів України, 1917–1940 рр. Київ, 1991. С. 12.

[283] *Добржанський О.* Листопад 1918 р. на Буковині. Ще раз про втрачені можливості // Питання історії України: зб. наук. ст. Т. 11. Чернівці, 2008. С. 65.

[284] Там же. С. 65.

[285] Там же. С. 65.

[286] *Піддубний І.* Румуни Буковини в житті краю: 1848–1918 р. // Історична панорама. 2010. Вип. 10. С. 35.

[287] *Добржанський О.* Листопад 1918 р. на Буковині. Ще раз про втрачені можливості. С. 67.

[288] Там же. С. 67–69.

[289] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 305.

[290] *Губань Р.* Входження Бессарабії та Північної Буковини до складу Румуніі (історико-правовий аспект) // Наукові записки Інституту законодавства Верховної Ради України. 2014. № 2. С. 7.

[291] Там же; *Старик В.П.* Від Сараєва до Парижа. Буковинський Interregnum 1914–1921. Чернівці, 2009. С. 33.

[292] *Рендюк Т.* Національна політика королівської Румунії у міжвоєнний період та під час Другої світової війни // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки та знахідки: Міжвід. зб. наук. пр. 2010. Вип. 19. С. 141.

[293] До історії міжнаціональних процесів на Україні // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 110.

[294] *Шевченко В.Ф.* Процеси українізації революційної доби та гетьманат Павла Скоропадського // Національна та історична пам'ять. Зб. наук. праць. Вип. 7. Спецвипуск: Павло Скоропадський – останній гетьман України (до 140-річчя від дня народження). Київ, 2013. С. 275.

[295] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 159. Л. 45.

[296] Там же.

[297] Там же.

[298] *Куліш Т.* Українізація шкільної освіти в період національного відродження 20-х років XX ст.: причини, проблеми, шляхи реалізації // Історико-педагогічний альманах. 2010. № 2. С. 65.

[299] До історії міжнаціональних процесів на Україні. С. 112.

[300] *Куліш Т.* Українізація шкільної освіти в період національного відродження 20-х років XX ст.: причини, проблеми, шляхи реалізації. С. 65.

[301] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 14. Л. 7а.

[302] Там же. Л. 29–29 об.

[303] Там же. Л 130 об.

[304] *Кручек О.А.* Становлення державної політики УСРР у галузі національної культури (1920–1923 рр.). Київ, 1996. С. 33–35.

[305] Там же. С. 28.

[306] *Хвыля А.* Национальный вопрос на Украине. Киев, 1926. С. 37–41.

[307] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ЦДАВОВУ). Ф. 4402. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

[308] Там же. Л. 16.

[309] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. л. 47.

[310] Там же. Л. 87–88.

[311] Там же. Л. 88.

[312] Там же. Л. 119.

[313] *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. М., 2004. С. 96.

[314] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 159. Л. 51.

[315] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 62.

[316] *Сталин И.В.* Политика советской власти по национальному вопросу в России // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. статей и речей. М., 1937. С. 58, 61–62.

[317] Там же. С. 63.

[318] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 93, 94.

[319] Там же. Л. 98, 99.

[320] Там же. Л. 97.

[321] Там же. Л. 102.

[322] *Сталин И.В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе // *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. статей и речей. М., 1937. С. 70.

[323] Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 184.

[324] Там же. С. 186–187.

[325] Там же. С. 187.

[326] Там же. С. 185.

[327] Там же. С. 213.

[328] *Бриндак О.Б.* Ліквідація більшовиками політичної опозиції та встановлення однопарійної системи в Україні в 20-тіроки ХХ століття. С. 94–95.

[329] *Лозицький В.С.* Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991). С. 25.

[330] *Бриндак О.Б.* Ліквідація більшовиками політичної опозиції та встановлення однопарійної системи в Україні в 20-ті роки ХХ століття. С. 91–114.

[331] Там же.

[332] Там же. С. 135.

[333] Там же.

[334] Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. С. 205.

[335] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). С. 236.

[336] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 14. Л 93.

[337] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). С. 294–295.

[338] Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 87.

[339] Там же.

[340] Там же. С. 88–89.

[341] Там же. С. 90.

[342] Там же. С. 89–90.

[343] Там же. С. 91.

[344] Там же. С. 92.

[345] Там же.

[346] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). С. 294–298.

[347] Письмо наркома по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о нарушении СНК Украины постановления о порядке заключения договоров

советскими союзными республиками. 16 марта 1922 г. // ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933. М., 2005. С. 65.

[348] Там же. С. 66.

[349] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март–апрель 1922 года. Стенографический отчет. М., 1961. С. 74.

[350] Там же. С. 115.

[351] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). С. 236–237.

[352] Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 94.

[353] Там же.

[354] Протокол заседания Комиссии ЦК РКП(б) по урегулированию взаимоотношений между РСФСР и УССР. 12 мая 1922 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 68–69. Документы комиссии были опубликованы: Из истории *образования СССР* // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191–219; Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 95–96, 102.

[355] Заседание Комиссии ЦК РКП(б) по урегулированиюю взаимоотношений между РСФСР и УССР. 17 мая 1922 г. // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 96.

[356] Там же.

[357] Там же.

[358] Там же. С. 102.

[359] *Сталин И.В.* Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками. Не ранее 11 августа 1922 г. // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 103; Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192–193.

[360] Там же.

[361] Письмо И.В. Сталина В.И. Ленину об определении порядка отношений центра с республиками. 22 сентября 1922 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. С. 78.

[362] Там же.

[363] Там же. С. 78–79.

[364] Национальная политика России: история и современность. М, 1997. С. 269.

[365] *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. С. 299.

[366] Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 212.

[367] Письмо секретаря ЦК КП(б)У Украины Д.З. Мануильского И.В. Сталину об объединении советских республик на правах автономии. 4 сентября 1922 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933. С. 77.

[368] Там же.

[369] Там же.

[370] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). С. 286.

[371] Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191–219; Сталин: «Нужна, по-моему, твёрдость против Ильича» // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 104–123.

[372] В. Ленин – Л. Каменеву. 26 сентября 1922 г. // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 111.

[373] Там же.

[374] Там же.

[375] Там же. С. 111–112.

[376] И. Сталин – В. Ленину и членам Политбюро (Ответ на письмо тов. Ленина тов. Каменеву). 27 сентября 1922 г. // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 112.

[377] Там же. С. 113.

[378] Там же.

[379] *Никонов В.А*. Молотов: Молодость. С. 629.

[380] Там же. С. 657.

[381] *Сталин И.В.* Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов // Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. статей и речей. С. 88–89.

[382] *Сталин И.В*. Заключительное слово по организационному отчету ЦК на XII съезде РКП(б) 19 апреля 1923 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 237.

[383] И. Сталин, А. Мясников, С. Орджоникидзе, В. Молотов — всем членам и кандидатам в члены ЦК РКП(б): «Вносим более точную формулировку». Проект об отношениях РСФСР с независимыми Советскими Социалистическими Республиками. Не ранее 27 сентября 1922 г. // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 114.

[384] Там же. С. 115.

[385] Декларация об образовании Союза Социалистических Советских Республик // Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. М., 1972. С. 344–345.

[386] Там же.

[387] ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1278. Л. 3.

[388] Заседание Комиссии Пленума ЦК РКП (б) от 21 ноября 1922 г. // Образование Союза Советских Социалистических Республик. С. 304–305.

[389] «Груз нерешённых проблем». Из стенограммы заседания фракции РКП(б) X Всероссийского съезда Советов. 26 декабря 1922 г. // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? С. 151.

[390] Там же.

[391] Там же. С. 152.

[392] Там же.

[393] Там же. С. 153.

[394] Там же. С. 153–154.

[395] Там же. С. 167.

[396] Там же. С. 168.

[397] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). С. 282.

[398] Там же. С. 281–282.

[399] Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик // Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик. Сб. документов. 1917–1936. Т. 3. М., 1960. С. 18–22.

[400] *Мельниченко В.* Христиан Раковский. Неизвестные страницы жизни и деятельности. С. 63.

[401] *Кульчицький С.В.* Україна між двома війнами (1921–1939 рр.). Київ, 1999. С. 268.

[402] Там же. С. 270.

[403] Там же. С. 272.

[404] Из воспоминаний Андрея Евлампиевича Гречко: «На VII Всеукраинском съезде Советов делегация Каменец-Подольской губернии внесла запрос правительству Украины, какие меры принимает правительство против панской Польши, которая проводит против Украины так званую (так в тексте – *Е.Б.*) политику булавочных уколов, забрасывая на нашу территорию разные банды. После запроса председательствовавший на съезде товарищ Петровский предоставил слово делегату

съезда Г.И. Котовскому. Подходя к трибуне, сделав саблей кавалерийский салют, сабля словно сияние закружилась поверх головы товарища Котовского, а Котовский в форме Красного казачества, очень крепкий и крупный человек, в упор посмотрев в ложу, где находился польский консул и, обернувшись к президиуму, громко потребовал: «Прикажите и моя конница не замочив копыт в Збруе (так в тексте – *Е.Б.*) проучит панов и покажет ему красного казака» (ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 308. Л. 11.)

[405] *Матвеев Г.Ф.* Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период. С. 240–241.

[406] *Трощинський В.П.* Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. Київ, 1994. С. 20.

[407] См. подробнее: Внешняя политика СССР. Сб. документов. Том II: 1921–1924. М., 1944. С. 88–140, 263, 742, 774, 805–809.

[408] Документы внешней политики СССР. Т. 6. 20 ноября 1922 г. – 31 декабря 1923 г. М., 1962. С. 615.

[409] Постановление Политического комитета Совета министров Польши 10 марта 1923 г. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. Апрель 1921 – май 1926. М., 1966. С. 221.

[410] Нота Правительства УССР Правительствам Франции, Великобритании, Италии 13 марта 1923 г. // Документы внешней политики СССР Т. 6. 20 ноября 1922 г. – 31 декабря 1923 г. С. 224–225.

[411] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 87. Д. 177. Л. 195.

[412] Там же. Л. 196.

[413] *Кузьменко М.М* Науково-педагогічна інтелігенція в УСРР 20–30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. Донецьк, 2004. С. 93.

[414] *Виговський М.Ю.* Номенклатура системи освіти в УСРР 1920–1930-х років: соціальне походження, персональний склад та функції. Київ, 2005. С. 152.

[415] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 11.

[416] Там же.

[417] Там же. Л. 47.

[418] Там же. Л. 48.

[419] Там же. Л. 50.

[420] Там же. Л. 51.

[421] Там же. Л. 54.

[422] Там же.

[423] Там же. Л. 56.

[424] Там же. Л. 64.

[425] Директивы Пленума ЦК КП(б)У. 17 октября 1922 г. // Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. В 2-х т. Т. 1: 1918–1941. Київ, 1976. С. 211–214.

[426] *Кручек О.А.* Становлення державної політики УСРР у галузі національної культури (1920–1923). С. 16.

[427] *Сталин И.В.* Национальные моменты в партийном и государственном строительстве // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 181.

[428] Там же. С. 181–182.

[429] Там же. С. 183.

[430] Там же. С. 185.

[431] Там же. С. 190.

[432] Там же. С. 191.

[433] *Квиринг Э.И.* Национальные моменты (к XII съезду партии – в порядке обсуждения) // *Квиринг Э.И.* Избранные речи и статьи. Киев, 1988. С. 104.

[434] Там же.

[435] Там же. С. 104.

[436] Там же. С. 105.

[437] Там же.

[438] Там же. С. 105–106.

[439] Там же. С. 106.

[440] Рукописный вариант статьи сохранился в архиве: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 11.

[441] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 20.

[442] Там же. Л. 21.

[443] Там же.

[444] Там же. Л. 12.

[445] Там же. Л. 11.

[446] Там же.

[447] Там же. Л. 12.

[448] Там же.

[449] Там же. Л. 17.

[450] Там же. Л. 18.

[451] Там же. Л. 21.

[452] Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 693–694.

[453] *Сталин И.В*. Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 25 апреля 1923 г. // *Сталин И.В*. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 238.

[454] Там же. С. 238.

[455] Там же. С. 239.

[456] Там же. С. 240.

[457] Там же. С. 257.

[458] Там же. С. 258.

[459] Там же. С. 258.

[460] *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 293-297.

[461] Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. С. 486.

[462] Там же. С. 489.

[463] Там же. С. 492.

[464] Там же. С. 503.

[465] Там же. С. 503–504.

[466] Там же. С. 505.

[467] Там же. С. 570.

[468] Там же. С. 571.

[469] Там же.

[470] Там же. С. 572.

[471] Там же. С. 573.

[472] Записка И.В. Сталина Н.И. Бухарину о замечаниях по проекту резолюции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 113–114.

[473] РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. Л 72.

[474] Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. С. 577.

[475] Там же. С. 580.

[476] Там же. С. 581.

[477] Там же. С. 582.

[478] Там же. С. 650.

[479] *Ненароков А.П.* 70 лет назад: национальный вопрос на ХII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 117.

[480] РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 57. Л. 77.

[481] Там же. Л. 85–85 об.

[482] Там же. Л. 78.

[483] Там же. Л. 79.

[484] Там же. Л. 47.

[485] *Сталин И.В.* Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 25 апреля 1923 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 264.

[486] Там же. С. 265.

[487] Там же. С. 266.

[488] Там же. С. 267.

[489] Там же.

[490] Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. С. 691–697.

[491] Там же. С. 495–502.

[492] Там же. С. 516.

[493] Цит. по: *Ланда Р.Г.* Мирсаид Султан-Галиев // Вопросы истории. 1999 № 8. С. 64–65.

[494] *Дорошко М.С.* Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.). Київ, 2008. С. 270.

[495] Там же. С. 271.

[496] Там же. С. 273.

[497] Там же. С. 274–275.

[498] Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992. С. 102.

[499] Там же. С. 61, 62.

[500] Там же. С. 107–108.

[501] Там же. С. 108–109.

[502] Там же. С. 240, 242.

[503] Там же. С.257–258.

[504] Там же. С. 259.

[505] *Гобл П.* Рождение сталинской национальной политики: Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, 9–12 июня 1923 г. // Межнациональные отношения в России и СНГ. Семинар Московского Центра Карнеги. Вып. 1. М., 1994. С.19–20.

[506] РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 10. Лл. 55–62.

[507] Там же. Л. 62.

[508] Циркулярное письмо ЦК РКП(б) о мероприятиях по реализации постановлений по национальному вопросу принятых XII съездом РКП(б) и IV совещанием ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей. 7 января 1924 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. С. 170.

[509] На путях становления украинской и белорусской нации: факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 210.

[510] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 184.

[511] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Волость за волость, уезд за уезд. Вопрос о границах между Украиной и Россией в 1920-е гг. // Родина. 1998. № 8. С. 111–115; *Борисенок Е.Ю.* Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 205–237; *Борисенок Е.Ю.* «Когда такой вопрос ставится, начинают рычать…»: Границы Украинской СССР: территориальные споры 1920-х годов // Родина. 2015. №1. С. 77–80.

[512] *Бойко О.* Територія, кордони і адміністративно-територіальний поділ Української Держави гетьмана П.Скоропадського (1918) // Регіональна історія України. Зб. наук. ст. Вип. 3. Київ, 2009. С. 223–224; *Єфіменко Г.* Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 20. Київ, 2011. С. 148.

[513] *Єфіменко Г.* Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920). С. 149–150.

[514] Там же. С. 151.

[515] *Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б.* Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ, 1994. С. 123–125; *Єфіменко Г.* Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920). С. 152.

[516] *Єфіменко Г.* Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920). С. 153–154.

[517] Приказ Донецкого Губревкома г. Луганска 17.01.1920 г. // *Галкин Ю.И.* Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. М., 2007. С. 7.

[518] Краткий обзор «Сборника документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области» // *Галкин Ю.И.* Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. С.3.

[519] Телеграмма № 2853 (отослана всем отделам и окружным исполкомам) от 30.03.1920 // *Галкин Ю.И.* Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. С. 10.

[520] Постановление ВЦИК об образовании Донецкой губернии от 02.04.1920 // *Галкин Ю.И.* Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. С. 11.

[521] Постановление Президиума Всеукраинского ЦИК Советов 16.04.1920 // *Галкин Ю.И.* Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. С. 11.

[522] Телеграмма № 71/2468 21.04.1920 // *Галкин Ю.И.* Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. С. 11.

[523] Москва, Председателю Совнаркома тов. Ленину Председателю ВЦИК тов. Калинину Луганск Губисполкому, Ростов-на-Дону Донисполкому 24.04.1920 // *Галкин Ю.И.* Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. С. 12.

[524] Постановление Президиума ВЦИК об образовании Донецкой губернии 26.04.1920 // *Галкин Ю.И.* Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. С. 12.

[525] Телеграмма Донисполкому, Ростов-на-Дону 28.04.1920 // *Галкин Ю.И.* Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. С. 12.

[526] См. *Чешко С.В.* Распад Советского Союза. М., 2000. С. 196–217.

[527] *Боєчко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І.* Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 67.

[528] ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 393. Л. 18.

[529] Там же. Л. 11.

[530] Там же. Л. 1.

[531] Там же.

[532] Там же. Л. 12–13.

[533] Там же. Л. 1 об., 15.

[534] Там же. Л. 18.

[535] Из стенограммы заседания расширенной комиссии ЦИК СССР по выработке Конституции СССР. 14 июня 1923 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 121.

[536] Там же. С. 122.

[537] ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 20. Л. 1.

[538] Там же. Л.7.

[539] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

[540] *Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б.* Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.). С. 67.

[541] *Переверзев А.Я.* Губернии УЧР и гетманская Украина в 1918 году // Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия. Тезисы научных докладов и сообщений международной конференции. Воронеж, 1997. С. 48.

[542] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 18; Д. 11 Л. 2.

[543] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

[544] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

[545] Там же. Л. 9.

[546] Там же. Л. 10.

[547] Там же. Л. 17–18.

[548] Там же. Л. 18.

[549] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–14, 91, 99.

[550] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

[551] *Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б.* Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. С. 57.

[552] Там же. С. 56–57, 147–153.

[553] ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 20. Л. 18.

[554] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 14. Л. 21.

[555] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д.. 4. Л. 127–128; Д. 12. Л. 7–9; Д. 5. Л. 66.

[556] ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 27. Л. 5.

[557] Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. С. 492.

[558] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 22. Л. 9–10 об.

[559] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–3.

[560] ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 26. Лл. 28–30.

[561] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

[562] Там же. Л. 12.

[563] ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 26. Л. 32.

[564] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011. С. 395.

[565] *Боєчко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І.* Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.). С. 70.

[566] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2673. Л. 80–94.

[567] Там же. Л. 36–37.

[568] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 120. Л. 57.

[569] Там же. Л. 60.

[570] Полный текст стенограммы встречи приведен Ю.И. Шаповалом. См. *Шаповал Ю.И.* Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. Київ, 2001. С. 112.

[571] Там же.

[572] Там же.

[573] *Шубин А.В.* Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 82–83.

Глава 2

Варианты решения украинской проблемы в Восточной Европе в начале межвоенного периода: политика советской украинизации и другие политические конструкции

§ 1. Украинские земли в Польше: между национальной и государственной ассимиляцией

Межвоенная Польша была страной многонациональной. Программа первой польской переписи 1921 года содержала пункт о национальности или «национальной принадлежности» жителей и их вероисповедании. Однако в переписи 1931 г. пункт об этнической принадлежности был исключен: регистрировали родной язык и конфессию жителей. Польские власти предпочитали использовать термины «русины», «русинский», «русский» («rusini», «rusiński», «ruski») вместо «украинцы» и «украинский»[1]. Следует учитывать, что многие украинцы из районов со смешанным населением объявляли своим родным языком польский[2]. Так, удельный вес украиноязычного населения во всей Галиции в 1931 г. составил 33,9 %, греко-католиков – 39,2 %. Численность греко-католиков с польским языком составила в 1931 г. 487 тыс. человек, римо-католиков с украинским языком – 25,5 тыс. человек[3].

В целом по переписи 1931 г. в Польше насчитывалось 14% населения, считавшего родным украинский и русинский языки. При этом на Волыни они составляли 68 % населения, во Львовском воеводстве – 34,1 % населения, в Станиславском – 69 %, в Тарнопольском – 45,5 %[4]. Украинское население проживало в основном в сельской местности, обычно их часть в городском населении не превышала 35 %. Во Львове в 1931 году из 312 тыс. жителей было 50 тыс. украинцев (16 %)[5].

Добиваясь международного признания на Парижской мирной

конференции, 28 июня 1919 г. Польша подписала в Версале договор с основными союзными державами (США, Великобритания, Франция, Италия и Япония), по которому брала обязательства в отношении национальных меньшинств. Все польские граждане независимо от расы, языка или религии должны были быть равными перед законом и могли пользоваться всеми гражданскими и политическими правами, в том числе свободно употреблять любой язык в частных или коммерческих делах, религиозных делах, прессе, или в публикациях любого рода или на публичных собраниях. В городах и поветах, где значительное число граждан пользовалось другим языком, нежели польский, польское правительство должно было регулировать вопросы народного просвещения и обеспечивать в школах обучение на родном языке[6].

Буквально накануне подписания в Риге мирного договора с РСФСР и УССР, который также предусматривал защиту прав украинцев, проживавших в Польше, 17 марта 1921 г. была принята Конституция Польши. В основном законе подчеркивалось, что государство, в первую очередь, было создано для защиты интересов каждого человека, гарантировалось обеспечение широких свобод для экономической, политической, национальной и культурной деятельности граждан. Конституция содержала формальные гарантии национальным меньшинствам (сохранение национального языка и свободного развития собственной культуры, свободное использования языка в учебных заведениях и т.п.)[7].

26 сентября 1922 года польским сеймом был принят закон «Об основах общего воеводского самоуправления и в частности воеводств Львовского, Тарнопольского и Станиславского». В документе говорилось, что власти, в том числе судебные, использовавшие во внутреннем производстве польский язык, обязаны были отвечать на заявления сторон на их языке, то есть по-польски или по-русински. Власти самоуправления

самостоятельно определяли язык внутреннего делопроизводства. Язык преподавания в школах, которые содержались одной из палат воеводского сеймика, определялась той же палатой. Воеводские законы и различные решения должны были оглашаться на польском и русинском языках. Законы, распоряжения и другие государственные акты должны были издаваться в воеводствах также и на русинском языке[8].

Статьями закона не предусматривалось создание при министерстве по делам религии и образования специального департамента по делам греко-католической церкви и украинской школы, который возглавил бы украинец, как это предполагалось в проекте закона о воеводской автономии, опубликованном в сентябре 1922 г. в газете «Діло»[9].

Следует отметить, что выделение Львовского, Тарнопольского и Станиславского воеводств в законе о воеводском самоуправлении было не случайным. Уровень национального самосознания восточнославянского населения в восточных регионах Польши был различным. Так, в Восточной Галиции большое развитие получило украинское национальное движение, свидетельством чему было стремление к созданию собственного украинского государства после распада Австрийской империи. Иная ситуация сложилась на Волыни и Полесье, которые входили ранее в состав Российской империи. Устойчивое национальное самосознание не признавалось отличительной чертой местного населения. Так, по результатам переписи 1931 г. 700 тысяч жителей Полесья указали «тутейший» язык в качестве родного[10]. Активной деятельности украинских общественных и политических организаций на Волыни, в отличие от Восточной Галиции, в начале 1920-х годов не наблюдалось.

Между тем украинское национальное движение в 1920–1930-е гг., базой которого были восточногалицийские земли, приобрело значительный размах и состояло из политических организаций различной направленности. Социалистическое крыло было представлено Украинской

социал-радикальной партией и Украинской социал-демократической партией, консервативно-христианское направление – Украинским национальным обновлением и Украинским католическим союзом. Праворадикальные позиции занимала Организация украинских националистов (ОУН), образованная на базе Украинской военной организации (УВО) в 1929 году. Леворадикальные позиции занимала Коммунистическая партия Восточной Галиции (с 1923 г. – Коммунистическая партия Западной Украины).

Ведущие позиции в национальном движении занимало центристское Украинское национально-демократическое объединение (УНДО), которое вышло на политическую арену в 1925 году. На учредительном съезде этой структуры во Львове 11 июля 1925 г. говорилось, что главной задачей УНДО является объединение украинской нации в Польше в политическую организацию, говорилось также о национальном единстве всего украинского народа и стремлении к созданию соборного независимого украинского государства на всех украинских землях. На съезде 19–20 ноября 1926 г. политическая платформа партии была несколько изменена: смягчалось негативное отношение к Польше – из программы был исключен пункт о невозможности юридического признания польской власти на западноукраинских землях, зато выдвигался лозунг самоуправления[11]. УНДО стремилось активно добиваться прав для украинцев, но исключительно мирным путем, в первую очередь парламентским, объединение имело большое влияние в образовательных учреждениях и кооперативном движении, издавало собственную прессу, в первую очередь газету «Діло». Члены УНДО стояли во главе крупных культурных и хозяйственных организаций: «Просвиты», «Родной школы», «Ревизионного союза украинских кооперативов», «Центробанка» и др.

Сильные позиции в украинском национальном движении занимала греко-католическая церковь. Митрополит Галицкий А. Шептицкий

оказывал финансовую поддержку УНДО. Многие униатские священники сотрудничали с Организацией украинских националистов. Станиславский епископ Г. Хомишин принимал активное участие в создании в середине 1920-х гг. партии Украинское национальное обновление. А. Шептицкому и Г. Хомишину принадлежало 80% уставного капитала самого большого украинского банка – ипотечного банка «Дністр», формально контролировавшегося членами УНДО[12].

Впрочем, помимо украинского, на территории Восточной Галиции по-прежнему присутствовало и русофильское движение[13]. В 1919 г. возникла Галицко-русская народная организация, отличавшаяся пророссийскими и пропольскими симпатиями. В 1923 г. организация раскололась. Правые образовали Русскую народную организацию (РНО), требовавшую автономию русским землям в Польше. В 1928 г. РНО было преобразовано в Русскую селянскую (крестьянскую) организацию. Для РСО были характерны прорусские, православные, антипольские и антиукраинские взгляды[14].

Значительную роль в общественно-политической жизни играла образованная в 1919 г. в Станиславе Коммунистическая партия Восточной Галиции (КПВГ). Часть лидеров КПВГ были сторонниками объединения с Коммунистической рабочей партией Польши, другие же всячески противились этому процессу, одновременно отстаивая лозунги борьбы за объединение западноукраинских земель с Советской Украиной. В 1923 г., после того, как Совет Послов Антанты признал за Польшей все права верховной власти над территориями, границы которых были определены Рижским мирным договором, вопрос об отношении двух партий был решен. В сентябре 1923 г. II съезд Коммунистической рабочей партии Польши приняла ряд документов, в которых речь шла о борьбе с политикой национального угнетения. Партия признавала: «Народам, силой включенным в состав Польского государства, третируемым и угнетаемым,

II съезд КРПП гарантирует поддержку польских трудящихся масс в борьбе этих народов за национальное освобождение и за право свободно решать свою судьбу»[15]. Речь шла о «полной национальной свободе украинцев» и их праве «на соединение с братьями, находящимися по другую сторону пограничных столбов»[16], за «объединение в трудящимся народом Советской Украины»[17].

После этого Коммунистическая партия Восточной Галиции была переименована в Коммунистическую партию Западной Украины (КПЗУ), деятельность которой распространялась на территорию Волыни, Полесья, Подляшья, Холмщины. КПЗУ присоединилась к КРПП на правах автономной части. Западноукраинские коммунисты выдвинули лозунг воссоединения западноукраинских земель с Советской Украиной путем социалистической революции в Польше. В январе 1924 г. ЦК КПЗУ выпустило обращение к рабочим и крестьянам Западной Украины, в котором говорилось: «II съезд КРПП еще раз показал, что революционный польский пролетариат не только не хочет притеснять пролетариат других народов, но залогом своего освобождения считает освобождение трудящихся других народностей. Съезд указывает им прямую дорогу к соединению со своими братьями-пролетариями, которых империалистическая буржуазия разделила границей»[18]. В 1924 г. польские власти запретили деятельность компартии, ее члены ушли в подполье.

В 1926 г. по инициативе КПЗУ была создана партия «Сельроб» («Українське селянсько-робітниче соціалістичне об’єднання»), целью которой была борьба за социализм, за «равные права для всех граждан, независимо от пола, расы, национальности и религии, за полную свободу слова, совести, печати, за свободу собраний и организаций, профсоюзов работающих сел и городов, за свободу забастовок»[19]. Раскол КПЗУ (см. гл. 2 § 7) повлиял и на деятельность Сельроба. Осенью 1927 г. партия раскололась, часть ее членов создала организацию Сельроб-левица,

которая поддерживала политическую линию Сталина и Кагановича, проводимую в УССР. В мае 1928 г. состоялось объединение расколотых групп под названием Украинская крестьянско-рабочая социалистическое единство (Сельроб-единство) и принята Декларация единства. Сельроб-единство стояло на позициях КП(б)У.

В первые годы после включения западноукраинских земель в состав Польши, несмотря на включенные в мартовскую конституцию положения о правах национальных меньшинств, украинские партии Галиции демонстрировали непримиримое отношение к властям. Практически все эти партии, за исключением небольшой организации «хлеборобов», призывали к бойкоту переписи населения в 1921 г. и выборов в парламент в ноябре 1922 г. Подобная позиция заставила польские власти обратить особое внимание на «украинский вопрос». Принятые законодательные акты должны были составить сильную основу для национальной политики польского государства. Но, как отмечает Г.Ф. Матвеев, «предложенная в 1921 г. Польше модель демократии не имела под собой прочного фундамента, обществу еще только предстояло научиться жить в условиях непрерывного консенсуса между устремлениями отдельных социальных и национальных групп населения. Без этого власть становилась инструментом реализации интересов не общества в целом, а отдельных партий…»[20].

В течение 1923–1926 гг. в правительственных коалициях доминировали эндеки. Несмотря на закрепленный в конституции многонациональный характер государства, национальные демократы сохранили свою приверженность созданию государства только для этнических поляков[21]. Правые партии и центристы придерживались концепции национальной ассимиляции, т.е. фактически полонизации меньшинств. Сторонники Пилсудского и левые партии были приверженцами концепции государственной ассимиляции, т.е. готовы

были обеспечить национальным меньшинствам свободу культурного и экономического развития в обмен на политическую лояльность Польше[22].

Политика польских властей первой половины 1920-х гг. преследовала цели инкорпорации украинского населения в польской среде. Прежде всего, предпринимались усилия для предотвращения влияния на украинское население приверженцев советской идеи: после 1923 г. часть украинского общества видела в УССР силу, способную реализовать идею соборной государственности: советофильство стало одной из ведущих тенденций общественной жизни середины 1920-х годов[23]. Нерешенный национальный вопрос в Польше создавал благоприятные условия для пропаганды польских и западноукраинских левых партий, активно поддерживаемых советским руководством. Кроме того, в начале 1920-х гг. как на территории Польши, так и на территории Советской Украины действовали партизанские и диверсионные отряды. В 1924 году польскими властями был учрежден Корпус пограничной охраны, началось обустройство границы для борьбы с партизанским движением в украинских и белорусских землях, которое поддерживали советские республики.

Кроме того, правительство стремилось усилить польское присутствие на украинских землях, для чего туда были направлены польские военные и гражданские колонисты («осадники»), пользовавшиеся финансовыми субсидиями правительства. В июле 1919 г. сейм одобрил принципы проведения аграрной реформы, а через год утвердил соответствующий закон, предусматривавший парцелляцию государственных земель, части помещичьих земель и др. Если в центральных воеводствах II Речи Посполитой норма земли, которая не подлежала принудительному выкупу, составляла 60–180 гектаров, то для восточных – до 400 гектаров. С сентября 1919 по июнь 1920 г. на 69 тыс. гектаров земли Восточной Галиции были поселены 12 тыс. польских семей (около 60 тыс. человек). В

декабре 1920 г. были приняты законы, предусматривавшие заселение военными колонистами земель Волынского воеводства и передачу в бесплатное пользование до 45 гектаров земли бывшим военным. Эти вновь созданные хозяйства нельзя было ни продавать, ни передавать другим лицам без разрешения правительства в течение 25 лет.

К январю 1923 г. на восточных землях Польши поселилось 16 тыс. польских семей, которые прибыли из Западной Галиции, привлеченные выгодными условиями, государственными кредитами и другими льготами. 4 марта 1923 г. Сейм временно прекратил военную колонизацию, а 20 июня 1924 г. принял закон, который давал право покупать землю на «крессах» не только полякам, но и лицам других национальностей, при условии, что они «не были наказаны за преступления перед польским государством». В итоге землю в юго-восточных территориях Польши получили 75 % поляков и 25 % украинцев. Одобренный 28 декабря 1925 г. сеймом закон об аграрной реформе предусматривал продолжение политики колонизации «на крессах». В целом за 1919–1929 гг. было создано свыше 77 тыс. польских хозяйств (600 тыс. га земли)[24].

Важное значение для восточнославянского населения имела языковая политика польских властей. В 1924 г. были приняты так называемые «кресовые законы», определившие принципы организации школьного дела в Польше и правила использования языков в различных организациях. 31 июля польский сейм утвердил законы «О языке государственной и местной администрации», «О языке судов, прокурорских органов и нотариата», «О некоторых постановлениях в организации школьного дела». Действия законов распространялись на Львовское, Станиславское, Тарнопольское и Волынское воеводства. Инициатор школьного закона, министр по делам религии и образования С. Грабский заявил, что так называемые «кресовые законы» обусловлены признанием того факта, что, «первое, польская Речь Посполитая является польским государством, во-

вторых, что в границах польской Речи Посполитой нет ни одного лоскутка земли или национальности, принудительно присоединенной к польскому государству»[25].

На территории Польши государственным языком объявлялся польский, он использовался государственно-административными органами и органами самоуправления, учреждениями связи и на железнодорожном транспорте. Представители национальных меньшинств имели право пользоваться родным языком в общении с государственными и административными органами, вести документацию в учреждениях местного самоуправления позволялось двумя языками. Школьный закон предусматривал плебисцит родителей учеников о языке обучения. Преподавание украинского языка вводили в школе лишь тогда, когда община насчитывала не менее 25 % украинского населения и если родители не менее 40 учеников подавали соответствующие просьбы-декларации. Однако в том случае, когда набиралось 20 учеников, родители которых хотели учить детей государственным польским языком, то такая школа становилась двуязычной. Во всех других случаях школы переходили на польский язык обучения. Для открытия средних школ с украинской требовали декларации от родителей 150 учеников[26]. Организацией и проведением школьных плебисцитов занималось общество «Родная школа» под руководством центрального и местных комитетов УНДО, причем объединение фиксировало названия населенных пунктов, где местная власть сопротивлялась сбору деклараций и утверждению подписей[27].

Несмотря на предпринятые активистами украинского движения усилия, после принятия этого закона резко сократилось число национальных школ, что, естественно, вызывало недовольство среди украинцев. Еще в 1923 г. была закрыта украинская мужская гимназия во Львове, а затем были превращены в двуязычные учебные заведения

женская учительская семинария в Перемышле и Львове. Кроме того, польские власти стремились переселить учителей-украинцев из Восточной Галиции в Западную и в центральные районы Польши. За несколько лет из Восточной Галиции было перемещено 1,5 тыс. учителей-украинцев, а 2,5 тыс. уволено с работы[28]. На территории Западной Украины в 1935 г. в целом среди учителей было 77,7 % поляков, 21,67 % украинцев, 0,03 % немцев, 0,6 % евреев[29]. В 1924/1925 учебном году в Львовском, Станиславском и Тарнопольском воеводствах было 2568 польских школ, 2151 украинских и 9 двуязычных. В 1929/1930 учебном году на территории этих воеводств стало 2189 польских школ, 648 украинских и 1793 двуязычных[30]. Почти треть украинских детей вообще оставалась вне школы: в 1931 г. в восточных регионах свыше 38% жителей старше 10 лет было неграмотным[31].

Болезненным оставался вопрос об украинском университете. Закон о самоуправлении 1922 г. предусматривал открытие украинского (русинского) университета, однако польские власти чрезвычайно осторожно подходили к этому вопросу и не торопились принимать окончательное решение. В польском сейме и правительстве существовало несколько проектов, предлагавших различные пути разрешения вопроса об украинском университете: создать университет с украинским языком обучения в Станиславе, перенести в Польшу Украинский университет из Праги, организовать курсы для украинской молодежи при Варшавском университете, образовать соответствующий институт при Львовском университете или же перенести идею его создания в Ягеллонский университет в Кракове[32].

Политика в области образования вызывала возмущение украинской общественности. «Не будет преувеличением сказать, что именно борьбе за язык и школу мы обязаны враждебности к Польше и полякам со стороны украинской молодежи, которая на территории Восточной Малой Польши

охвачена враждебными настроениями на 100 %»[33], – считали специалисты из отдела национальностей польского МВД. Для польских властей ситуация обострялась тем, что деятели украинского движения внимательно следили за происходящими на Советской Украине событиями. Д. Левицкий, глава УНДО, в феврале 1925 г. в газете «Діло» признавал: «Как демократы мы были, есть и будем противниками всякой диктатуры, и, в частности, никогда не примиримся с основами большевистского режима, опирающегося фактически на диктаторское господство одной официальной партии. … Но фиксируя факты, мы не можем видеть одни из них, и пренебрегать другими. И потому мы утверждаем всем давно известный и никем не оспариваемый факт, что на Советской Украине растет, крепнет и развивается украинская национальная идея, и вместе с ростом этой идеи – чуждые рамки фиктивной украинской государственности наполняются родным содержанием подлинной государственности»[34].

После переворота Ю. Пилсудского в мае 1926 г. политика польского правительства по национальному вопросу подверглась корректировке. При этом национальная политика санации отличалась и от федералистской программы периода становления независимого государства. Как считает польский историк Е .Миронович, Ю. Пилсудский, хотя и выражал симпатию к украинцам, был убежденным сторонником интеграции всех земель польского государства, а уступки в интересах национальных меньшинств признавал потенциальным источником роста сепаратистских настроений[35].

По словам российского ученого С.В. Ольховского, основная линия национальной политики была направлена на реализацию программы государственной ассимиляции, приоритет отдавался концепции государственного солидаризма, предполагающей верховенство государственных интересов над интересами граждан, независимо от их

национальной принадлежности. Декларация об уважении к правам национальных меньшинств соседствовала с допущением силовых действий по отношению к лицам, замеченным в антигосударственной деятельности[36].

Новые тенденции проявились в появлении на ответственных постах политиков, выступавших не только за силовое, но и мирное урегулирование польско-украинских отношений – Тадеуша Голувко и Генрика Юзевского. Голувко принимал самое активное участие в разработке новой концепции восточной политики Польши. По поручению Ю. Пилсудского он курировал создание «прометейских» организаций. В конце 1925 г. в Париже была создана организация «Прометей», идеологи которой придерживались антисоветской риторики, говорили о порабощенных большевистской Россией народах, об их праве на свободное развитие, о создании национальных суверенных государств и т.п.[37]

В 1928 г. руководство прометеевским движением перешло к Экспозитуре № 2 Отдела II Генерального штаба Польши, специально созданной для консолидации антисоветских усилий разнозненных эмигрантских организаций. В конце 1928 г. в Варшаве была создан клуб «Прометей» – Лига порабощенных народов России: Азербайджана, Дона, Карелии, Грузии, Идель-Урала, Ингрии, Крыма, Коми, Кубани, Северного Кавказа, Туркестана и Украины. Перед руководством этой организации была поставлена задача воспитания эмиграции и польских граждан в духе идей прометеизма[38].

Наконец, в 1930 г. Совет министров издал распоряжение о создании в Варшаве Украинского научного института. В институте было создано три отделения – украинской экономической и общественной жизни, украинской политической истории и истории украинской культуры, история церкви. Помимо изучения украинской истории прошлых веков,

институт занимался и актуальными проблемами, изучая положение Украины в Советском Союзе. Таким образом, создание института, с точки зрения польских властей, способствовало противодействию советской идеологической кампании и соответствовало лозунгам «прометеизма»[39].

Идеологи прометеизма стремились проводить внутреннюю политику таким образом, чтобы при условии сохранения собственной национальности у меньшинств сформировалось чувство принадлежности к польскому государству. Необходимо было так объединить украинские земли с Польшей, чтобы в случае создания «независимой» Украины над Днепром это не привело бы к изменению границ. При этом осуществление подобной программы возлагалось на местную администрацию. Как заявил министр внутренних дел генерал К. Млодзяновский на заседании Совета министров Польши 18 августа 1926 г., национальный вопрос зависит от эффективности управления на местном уровне, а не от смены политического устройства государства[40].

Во внутренней политике Польши в этот период четко проявился региональный подход к украинской проблеме – в воеводствах применялись различные методы национальной политики. Волынь стремились изолировать от Восточной Галиции – региона, где сильные позиции занимало украинское движение вообще и украинское националистическое в частности.

В Восточной Галиции польские власти стремились, прежде всего, бороться с радикальным украинским движением. В ОУН в полном составе вошел Союз украинской националистической молодежи, что привело к структурному оформлению молодежного подразделения в ОУН («Юнацтво»)[41]. Наряду с массированной пропагандой, ОУН активно проводила акции саботажа, бойкоты, акты индивидуального террора. Летом 1930 г. боевики УВО–ОУН осуществили ряд поджогов имущества польских помещиков, диверсионных актов на линиях телефонной и

телеграфной связи. В течение июля 1930 г. было проведено 11 акций саботажа, в августе – 54, в сентябре – 101, в октябре – 22[42].

Пилсудский решил силой подавить украинское националистическое движение при помощи карательной операции полиции и армейских подразделений. Приказ об «умиротворении» Пилсудский отдал 1 сентября. Акция проводилась с 16 сентября по 30 ноября 1930 г. и охватила 450 сел в 16 поветах Львовского, Тарнопольского и Станиславского воеводств. Разгрому подверглись украинские культурные общества, были закрыты три украинских гимназии, были проведены многочисленные аресты, в т.ч. украинских депутатов сейма, всего аресту подверглось 1739 украинцев, 1143 из них обвинили в террористической и антигосударственной деятельности, было изъято около 2,5 тыс. единиц огнестрельного оружия[43].

События 1930 г. негативно сказались на польско-украинских отношениях и привлекли внимание международных организаций. Украинские политические и общественные круги неоднократно пытались апеллировать к львовскому и тарнопольскому воеводам, к Президиуму Совета министров, к МВД, Министерству юстиции, Министерству вероисповеданий и образования[44].

Активно действовала Организация украинских националистов, пытавшаяся поднять вопрос на международном уровне. Использовались контакты с журналистами разных стран. Например, журналист «Манчестер Гардиан» Ф.А. Войгт опубликовал 21 ноября 1930 г. статью о пацификации, которая имела резонанс в британских общественных кругах. ОУН обратилась также к правительственным организациям разных стран. Так, 21 декабря 1930 г. Провод украинских националистов отправил меморандумы о положении украинцев в Восточной прГалиции в министерства иностранных дел 27 государств. В документах речь шла о нарушении Польшей международных обязательств по отношению к украинцам, в частности, в результате проведения «пацификации»;

содержалось требование расследовать приведенные факты специальной комиссией и обязать польское правительство возместить украинцам нанесенные убытки[45].

16 декабря 1930 г. депутаты британского парламента обратились к генеральному секретарю Лиги Наций с просьбой провести расследование. В Лиге Наций был создан специальный комитет для рассмотрения положения украинского национального меньшинства в Польше. Польские дипломаты ссылались на необходимость защиты от террористических актов украинских националистов. В январе 1932 г. комиссия приняла окончательное решение прекратить рассмотрение дела.

В конце лета 1931 г. польское правительство объявило программу налаживания польско-украинских отношений. Речь шла о реформе самоуправления (дать возможность украинцам Галиции выбирать своих представителей в органы местного самоуправления), возобновить деятельность закрытых в 1930 г. украинских гимназий в Тарнополе, Рогатине и Дрогобыче с возможностью их преобразования в средние технические школы в рамках образовательной реформы на территории всей Польши; оказывать государственную финансовую помощь украинским кооперативам, занимающимся сбытом продовольственных товаров; легализовать украинское молодежное спортивное общество «Великий луг» в обмен на его подконтрольность польской армии. В качестве первого шага объявлялось об освобождении из заключения украинских парламентариев[46].

Польско-украинское соглашение было решено достичь при опоре на УНДО. В 1931 г. состоялось несколько тайных встреч польских и украинских политиков, однако конкретных договоренностей достигнуто не было[47]. Ситуация обострилась после убийства членами ОУН в Трускавце 29 августа 1931 г. сторонника соглашения между УНДО и правительством Т. Голувко. Впрочем, идея нормализации польско-украинских отношений

пропагандировалась на страницах созданного в 1932 г. Экспозитурой № 2 II Отдела ГШ «Польско-украинского бюллетеня» («Biułetyń Polsko-Ukraiński»). Главным редактором издания стал В. Бончковский. Журнал печатал статьи антисоветского содержания, объединяя на этой основе украинцев и поляков, разделявших концепцию прометеизма[48].

Между тем обострение польско-украинских отношений привело к популяризации идей украинского национализма среди украинской молодежи. В первой половине 1930-х гг. часть отделений перешедшей в подполье запрещенной украинской молодежной организации «Пласт» влилась в «Юнацтво» – молодежную структуру ОУН. Например, так были реорганизованы отделения «Пласта» в Кременце в 1931 году[49].

Другое украинское молодежное спортивное общество «Великий Луг» согласилось подчиниться Главному управлению по физическому воспитанию и военной подготовке, подконтрольному Военному министерству Польши. Негласную поддержку при этом оказали УНДО и греко-католическая церковь. Последние не афишировали свою позицию, поскольку боялись обвинений в пособничестве польской власти. Реальное сотрудничество «Великого Луга» с польской армией началось в декабре 1932 г., когда были организованы курсы для руководителей «Луга» по физическому воспитанию и спортивным играм, руководителем которых стал поручик польской армии Шопиньский. Стоит заметить, что такое сотрудничество проводилось при активном участии украинской военной эмиграции из Восточной Украины. Октябрьский номер «Польско-украинского бюллетеня» позитивно оценил сотрудничество «Великого Луга» с Главным управлением по физическому воспитанию и военной подготовке, подчеркивая, что «Луг» якобы стал средоточием молодых украинских патриотических элементов, которые отворачиваются от ОУН[50].

Между тем ОУН сосредоточилась на индивидуальном терроре и экспроприационных актах. В 1933 г. была проведена так называемая

«школьная акция». Решение о ее проведении было принято на конференции украинских националистов в Берлине в июне 1933 г., а основной ее размах пришелся на ноябрь–декабрь. Акция была направлена против «ополячивания украинских школ», поскольку «борьба против польского духа в школах это борьба за воспитание украинской молодежи в украинском духе». В распространяемых листовках содержался список предлагаемых действий – молиться только по-украински, снимать польские гербы, портреты, надписи, не позволять «преподавать учителям на польском языке, ни вообще в польском духе»: «Пусть украинская молодежь уже сызмальства учится бороться с врагами Украины»[51].

15 июня 1934 г. в центре Варшавы боевиком ОУН при активном участии С. Бандеры был смертельно ранен министр внутренних дел Б. Перацкий. Через два дня, 17 июня, Ю. Пилсудский издал декрет «О лицах, угрожающих безопасности, спокойствию и общественному порядку», предусматривавший заключение в специальные лагеря не по суду, а в административном порядке людей, не совершивших преступления, но неугодных режиму. Лагерь был создан в местечке Береза Картузская в белорусском Полесье[52].

На Волыни ситуация складывалась по-другому. Проводимый в этом регионе эксперимент был связан с именем волынского воеводы Г. Юзевского, уроженца Киева, выпускника университета св. Владимира, товарища министра внутренних дел Украинской Народной Республики в 1920 году.

Суть своей «волынской программы» Юзевский разъяснил на съезде депутатов и сенаторов Волыни 20 августа 1928 г., который состоялся в Луцке. Предложенная воеводой Юзевским политика сотрудничества поляков и украинцев на Волыни имела целью снятие польско-украинских противоречий и создание условий для сосуществования обоих народов в рамках польской государственности: о какой-либо украинской автономии

речь не шла. При этом воевода не исключал в будущем возможность расширения «волынского эксперимента» на остальную территорию «восточных кресов» – на восточные воеводства Польши (Виленское, Новогрудское, Полесское, а также часть Белостокского воеводства). Руководители именно этих воеводств собрались по инициативе Юзевского в начале декабря 1929 г. в Луцке. На совещании волынский воевода говорил о тесной интеграции Волыни с Речью Посполитой и о мерах, реализация которых привела бы к радикальному изменению характера польско-украинских взаимоотношений на Волыни[53].

По мнению Юзевского, украинское движение Волыни, учитывая государственные интересы Польши, имело один существенный изъян – сильное галицийское влияние. «Обстоятельством немалого веса, – заметил он, – было непосредственное соседство Волыни с Восточной Галицией, с миром другим, нежели Волынь, но также польско-украинским. Там господствовал другой уклад, австрийские традиции и воинственный польский и украинский национализм»[54]. Юзевский, таким образом, ясно сформулировал присущий польской межвоенной украинской политике регионализм, выразившийся в создании так называемого «сокальского кордона» (от местечка Сокаль на галицийско-волынской границе). Граница должна была препятствовать проникновению украинского движения на Волынь из Восточной Галиции, не допустить роста влияния как ОУН и КПЗУ, так и украинских политических организаций умеренного толка.

При этом следует учесть, что советское руководство уделяло большое внимание ситуации на Западной Украине. Политбюро ЦК КП(б)У в конце 1925 г. признало необходимой работу среди «украинских национальных групп и мелкобуржуазных партий» Западной Украины в направлении их ориентации на советскую Украину и СССР, постановило поддерживать политические течения и группы, которые «не идут на соглашение с правительствами и с активными, враждебными СССР

капиталистическими силами Западной Украины»[55]. В середине 1920-х гг. советник полномочного представительства СССР в Варшаве М. Лебединец активно работал над разработкой программы финансовой помощи западным украинцам со стороны УССР, причем главное внимание уделялось Волыни, Полесью, Холмщине и Подляшью – Галиция «как-то спасается, потому что издавна приобрела определенные методы борьбы…»[56]. Проект предполагал выделение средств на развитие школ – Лебединец составил смету на 17700 долларов США в год на развитие средних школ, 42000 долларов в год на развитие начальных школ, 4800 долларов в год – для помощи «домашним» учителям, 10800 – на поддержку украинского педагогического общества «Родная школа»[57].

Лебединец предлагал также оказать помощь «Просвите» – 8-ми ее ячейкам, существовавшим на Волыни, Холмщине, Полесье и Подляшье, планировал помощь на строительство «Народных домов». Был разработан также план помощи кооперативному движению Западной Украины: минимальная сеть крестьянско-рабочей кооперации должна была состоять из 9 новых кооперативных банков в Холме, Кобрине, Ровно, Ковеле, Дубно, Тарнополе, Станиславе, Львове, Перемышле, которые бы занимались кредитованием сельскохозяйственной и потребительской кооперации. Эти кооперативы, как считал Лебединец, создали бы экономическую почву для «Сельроба»[58].

Предложения Лебединца не были уникальными: в 1920-е гг. советские дипломатические представительства в Польше много внимания уделяли работе с украинской общественностью. Активно действовал первый советник полпредства СССР в Варшаве Ю.М. Коцюбинский, руководившей всей украинской советской работой в 1927–1930 гг., связи с местными украинскими научными и культурными организациями налаживало львовское консульство. Советофильские настроения части украинской общественности в середине 1920-х годов, которые

использовало советское и партийное руководство Советской Украины, с одной стороны, и активизирующаяся деятельность украинских националистов, с другой, весьма беспокоили польские власти. В такой ситуации и был предпринят так называемый «волынский эксперимент» Юзевского.

В сентябре в 1931 г. волынский воевода разработал секретный документ, направленный потом министру внутренних дел Польши. В нем, помимо остального, содержались конкретные предложения относительно тактики постепенного отграничения северо-восточных земель от галицких воеводств. «Нынешняя политическая ситуация на Волыни, – отмечал Юзевский, – учитывая соседство с Восточной Малопольшей обязывает осуществить определенные шаги, что, с одной стороны, предотвратило бы распространение террористических выступлений, а из второго, – подчеркнули бы политическую отдельность Волыни». Юзевский подчеркивал: «Отрезая Волынь от Восточной Малопольщи, я отворачивался от Львова – центра польской культуры и польской интеллектуальной жизни, ячейки украинской галицкой мысли, города чрезвычайно привлекательного. Львова semper fidelis. Я отрекался от Львова как столицы Волыни. В тогдашней ситуации Львов не имел что рассказать Волыни, а польская и украинская ментальность Галиции могли волынскую жизнь лишь отравлять»[59].

Стоит отметить, что воевода рассматривал в качестве важного отличия Волыни православие. Юзевский был сторонником украинизации православной церкви на Волыни, что дало бы возможность, с одной стороны, противодействовать русскому влиянию, а с другой – формировать лояльное отношение украинского православного населения к польской государственности. Украинизацию православной церкви проводило Общество им. митр. Петра Могилы, которое было создано в 1931 г. Украинским парламентским представительством Волыни.

Юзевский содействовал назначению некоторых пригодных для «волынского эксперимента» церковных иерархов: Луцкого викарного епископа Волынской епархии Поликарпа (Сикорского) в 1932 г., в 1934 г. – назначению на Волынскую кафедру архиепископа Гродненского Алексия (Громадского) на Волынскую кафедру, секретарем Духовной консистории тогда стал И. Власовский[60] При Юзевском из епархиальных органов были устранены противники украинизации, стали проводиться меры по внедрению украинского языка в церковную жизнь (проповеди на украинском языке, обучение Закону Божию в школах на украинском языке и т.п.)[61].

К концу 1937 г. из 687 храмов Волынской епархии украинский язык употреблялся в 415. Богослужение совершалось или исключительно на украинском языке (124 храма), или поочередно (40 храмов), или периодически (126 храмов), а в 99 храмах богослужение проводилось на церковнославянском, но чтение Священного писания, молитв «Отче наш» и «Символа веры» – на украинском, в 26 – на церковнославянском языке с украинским произношением[62].

Цель «волынского эксперимента» состояла в выработке у украинцев чувства принадлежности к Польскому государству, воспитании лояльных граждан при помощи их политической ассимиляции. Наибольшую опасность для этого эксперимента составляло украинское движение, поэтому немало усилий направлялось на ликвидацию тех украинских организаций, центр которых располагался в Восточной Галиции. Преследованиям подвергались УНДО, УСРП, Сельроб, кооперативы Ревизионного союза украинских кооперативов во Львове. В октябре 1930 г. полиция осуществила аресты известных деятелей УНДО, руководителей украинского кооперативного движения на территории Луцкого и Ровенского поветов. Власти Волынского воеводства запретили деятельность культурно-просветительных обществ («Просвита», «Родная

школа» и др.), общественных («Союз Украинок») и военизированных организаций («Сечь», «Луг», «Сокол» и др.), было запрещено также распространение украинских книг и периодических изданий, выходивших в Восточной Галиции.

Так, в 1928–1929 гг. в Волынском воеводстве насчитывалось 640 ячеек «Просвиты», которые объединяли 16 700 членов. С назначением воеводы Юзевского на Волынь административные репрессии в отношении «Просвиты» усилились. Только в 1928 г. было ликвидировано 318 ячеек общества. В том же году «Просвита» вынуждена была прекратить свое существование в Ровенском, Ковельском и Дубновском поветах, а в следующем – во Владимирском повете. К середине 1930-х гг. администрация Г. Юзевского ликвидировала большинство ячеек «Просвиты» на Волыни. В 1935 г. их осталось лишь 7[63].

В 1931 г. на политической арене Волыни появилась новая организация пропольской ориентации – Волынское украинское объединение (ВУО), созданное по инициативе и финансовой поддержке волынской администрации. Юзевский осуществлял свою программу при помощи как самой ВУО, так и связанных с ним общественных («Просвитянским хатам», «Родным хатам», «Селянским хорам ВУО») и кооперативных организаций (кооперативный союз «Гурт», чьи подразделения появились в конце 1933 г. по инициативе местной власти). Ведущие деятели ВУО принадлежали к украинской политической эмиграции, к той ее части, которая была связана с Украинской Народной Республикой.

Лагерь УНРовской эмиграции на Волыни, склонявшийся к проправительственной позиции, активизировал свою деятельность после переворота Ю. Пилсудского 1926 года. По распоряжению правительства от 18 ноября 1927 г. было разрешено свободное перемещение и проживание эмигрантов в восточных воеводствах. Волынский воевода, уроженец

Киева, со многими деятелями УНР был знаком еще со времен Директории. Юзевский отмечал: «Немалую роль играли объединения петлюровцев, прежних министров УНР, политических деятелей. На Волыни они стали постоянно проживать»[64]. Газета «Волинське слово» писала: «Надднепрянцы, поселившись на Волыни, органично вошли в местную жизнь. Они основывали кооперативы, кооперативно-хозяйственные курсы, активно занимались просветительством, читали лекции, организовывали национальные праздники, – словом нырнули с головой в общественную работу»[65]. Эмигранты из Поднепровской Украины П. Певний, С. Тимошенко, С. Скрыпник, Н. Маслов и др. приняли активное участие в создании ВУО. Первым главой партии стал П. Певний[66].

Тесное сплочение Волыни с Польшей Юзевский понимал не только как процесс взаимного проникновения двух культур, но и как «насыщение украинских национальных черт побегами польской [культуры]»[67]. Поэтому важную роль воеводская администрация отводила смешанным по своему составу организациям («Волынский союз сельской молодежи», кооперативный союз «Гурт», «Общество сельскохозяйственных организаций и кружков»), членами которых были и поляки, и украинцы. По замыслу воеводы, эти организации должны были охватить весь спектр общественно-политической жизни воеводства, начиная от территориального самоуправления, молодежных организаций, сельскохозяйственных обществ, польско-украинских кооперативов, и заканчивая региональной парламентской группой Беспартийного блока сотрудничества с правительством. Правда, как отмечают исследователи, невзирая на многочисленные декларации воеводы, украинцы не набрали большого количества мест даже в территориальном самоуправлении, где на протяжении 1930-х годов увеличилось представительство поляков[68]. В 1931 г. в органах самоуправления городов Ровно, Луцка и Ковеля, было

представлено 60,4 % поляков, 18,6 % украинцев, 10,1 % евреев, 10 % русских, 0,3 % чехов, 0,5 % немцев[69].

Большое значение придавалось школьному образованию. Реализуя программу польско-украинского сближения, Юзевский отдавал преимущество польским школам с обязательным изучением украинского языка. В конце 1930-х гг. такой тип школ доминировал в структуре волынской начальной школы. У воеводы вызывала опасение возможность увеличения числа украинских школ путем проведения плебисцитов. Юзевский считал, что украинцы используют опросы для раздувания конфликта на кресах. В полицейских отчетах и других документах плебисциты расценивались как «украинская националистическая акция», а местные чиновники не стремились проводить на Волыни повторные опросы, которые инициировало в 1932 г. общество «Родная школа» из Львова. Как свидетельствует отчет самого воеводы, в 1932 г. школьные плебисциты должны были состояться в 742 школах, а состоялись – в 120, результаты же были признаны лишь в 63. В 1933 г. плебисциты не проводились, хотя таких школ было 869, поэтому и остались на Волыни лишь четыре частных украинских школы. В то же время волынские чехи имели 13 своих национальных школ, русские – 5, евреи – 57, немцы – 66[70].

Стоит также иметь в виду, что учителя на Волыни были преимущественно поляками из Малой Польши и Познанского воеводства. В 1932–1933 учебном году во всех типах школ на Волыни работало 3446 учителей, и лишь 451 (13,1 %) были украинцами, 128 (3,7 %) – были русскими, а 2795 (81,1 %) составляли поляки. Что же касается начальных украинских школ на Волыни, то на протяжении десяти лет их количество оставалось неизменным, едва достигая 0,4 % – 8 частных начальных школ, а государственных не было совсем. В общей структуре волынских школ доминировали польские школы с украинским языком как предметом преподавания – 40,9 % (853), польские – 26,6 % (555), двуязычные – 24,9 %

(520)[71]. В 1937/1938 учебном году на Волыни было лишь 8 школ с украинским языком обучения (0,4 % от общего количества начальных школ)[72].

Политика Юзевского не удовлетворила ни украинцев, ни поляков. Его пытались убить советские агенты в 1932 г., украинские националисты – в 1934 г., польские националисты – в 1942 г., польские коммунисты – в 1943 г., а гестапо – в 1944 году.

Эндеки обвиняли Юзевского в уничтожении польских общественных институций. Однако речь шла не столько об уменьшении польского влияния в воеводстве, сколько о росте украинского. «Волынский эксперимент» Юзевского в определенной степени был откликом на советскую политику украинизации. Образование Украинской ССР, признание украинцев самостоятельной нацией, отличной от русской, проведение протекционистской политики в отношении украинского языка и культуры и взращивание украинской советской элиты не могло не привлечь внимания и польской, и западноукраинской общественности. «Волынский эксперимент» был рассчитан в том числе и на противодействие советской украинизации: создание УССР, в которой украинцы занимали положение «коренной национальности», приковывало внимание украинской общественности в Польше, многие украинские деятели решились принять участие в советском национальном строительстве и переехали на Советскую Украину (см. гл. 2 § 3). Юзевский, со своей стороны, также использовал украинскую эмиграцию – из лагеря сторонников УНР. Поскольку украинцы оказались по обе стороны польско-советской границы, советская национальная политика играла на руку геополитическим расчетам большевистского руководства по «собиранию» украинских земель. Юзевский стремился убедить волынян, что в условиях польского государства возможно не только мирное сосуществование поляков и украинцев, но также их активное

сотрудничество.

Однако если в советском варианте украинизация представляла собой целенаправленный курс политики правительства по полному преображению облика бывших украинских земель Российской империи, то волынский вариант демонстрировал ограниченное применение украинизационных принципов. Как писал сам Юзевский, «бубнят временами о денационализации поляков, что означает украинизацию. Можно ли представить себе явление украинизации в общественно-политической и государственной ситуации на Волыни в 1935 году на территории, охваченной деятельностью польского государственного аппарата?»[73]

В отличие от большевиков, Юзевский отнюдь не предполагал объединения всех земель с украинским населением в какое-либо целостное административное образование, где украинцы выступали бы в роли «коренной» национальности со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, намерение Юзевского украинизировать православную церковь также отличало «волынскую программу» от советской украинизации. Большевистское руководство заявило о своей готовности придать советской республике национальный облик и бороться с великорусским шовинизмом, а Юзевский был сторонником взаимного проникновения двух культур. Если большевики в 1920-е гг. взяли курс на создание системы образования на украинском языке, т.е. образовательных учреждений всех уровней с преподаванием по-украински, то Юзевский был сторонником лимитированного внедрения украинского языка в школьную систему, отдавая предпочтение польским школам с преподаванием украинского языка и двуязычным учебным заведениям.

Большевики при помощи своей образовательной политики и системы выдвижения национальных кадров взращивали украинскую советскую элиту. На Волыни такой последовательной политики не велось, подготовка

лояльных польскому государству украинских кадров давала сбой. Так, подготовку национальных кадров вел среди прочих и Кременецкий лицей, при котором был открыт в 1932 г. народный университет в Михайловке. В Михайловке работали курсы по подготовке сельских общественных деятелей, которые должны были пропагандировать идеи польско-украинского сотрудничества. Однако поставленные перед руководством народного университета цели достигались с большим трудом. Так, одна из слушателей, А. Стегнивна, высказала руководителю Народного университета Г. Юршовой свое мнение о польско-украинском сотрудничестве: «Я не могу себя переубедить. Я их ненавижу и не могу смотреть на это дело иначе. Они все одинаковы, это все наши враги… таких, как я, много, и все мы взаимно ненавидим. В университете на каждом курсе господствовало мнимое согласие. Подчеркиваю, мнимое, так как настоящего не было. Я жила с ними и видела, что всегда образовывались два лагеря, польский и украинский»[74].

На Волыни, невзирая на превентивные мероприятия со стороны полиции, наблюдались тревожные для властей тенденции к укреплению позиций украинских националистов. Первая ячейка ОУН на Волыни была создана в 1930 г. в Ковеле. Если в 1931 г. государственная полиция зафиксировала всего 2 акции оуновцев, то в 1932 г. – 16, а в 1933 г. – уже свыше 100. В результате ячейки ОУН были созданы в каждом повете воеводства[75]. Распространение влияния украинского национализма на Волыни привело к печальным последствиям – «волынской резне» в период Второй мировой войны.

Не удавалось искоренить и влияние коммунистической идеологии, хотя уровень советофильских настроений в западноукраинском обществе постепенно снижался, особенно после распространения сведений о голоде в УССР 1932–1933 годов. Но даже к осени 1934 г. Волынская и Холмская окружные партийные организации КПЗУ насчитывали в своих первичных

ячейках около 1600 членов. Это было вдвое больше, чем численность членов ОУН на Волыни (790 человек)[76].

Таким образом, политика властей была направлена на укрепление позиций польского этнического элемента в Восточной Галиции и Волыни. Стремясь добиться полного инкорпорирования данных территорий в состав единого польского государства, варшавские политики, тем не менее, не могли не учитывать сильные позиции украинского движения в Восточной Галиции, причем последние стремились распространить свое влияние на все территории, где, по их мнению, проживало украинское население. В этих условиях с согласия Ю. Пилсудского волынский воевода Г. Юзевский решил провести эксперимент, взять инициативу в свои руки и внедрить на Волыни, где в момент присоединения к Польше сильного украинского движения не наблюдалось, собственные пропольски настроенные украинские организации. Можно считать, что отдельные элементы украинизационной политики в мероприятиях Юзевского имели место, однако системного претворения в жизнь украинизации на Волыни не произошло.

Политика польских властей в отношении «украинского вопроса» была направлена на жесткое пресечение любых форм сепаратизма при благосклонном отношении к готовым сотрудничать украинским политическим и общественным организациям. Главной задачей Варшавы была ассимиляция, причем ее формы – национальная или государственная – зависели во многом от позиции политических группировок и различных ведомств. Ассимиляторские усилия правительства ярко проявились в попытке укрепить влияние польского языка при помощи образовательной политики, а пример Волыни демонстрировал попытку добиться польско-украинского сотрудничества при помощи введения украинского языка в польских школах. Как справедливо указывает Г.Ф. Матвеев, языковые законы должны были обеспечить национальным меньшинствам доступ «ко

всем областям деятельности на всей территории страны, а не только в регионах их проживания», тем более что в Восточной Галиции и на Волыни проживали поляки, евреи, немцы, чехи, причем поляки и евреи доминировали в городах[77].

Однако попытки налаживания польско-украинских отношений иногда воспринимались в качестве необоснованной уступки и вызывали волнения среди части польского населения и армии, что в немалой степени было связано с весьма распространенным в польском обществе нежеланием решать украинский вопрос. Приверженцами украинского движения ассимиляционная политика властей воспринималась как наступление на национальные права украинцев и вызывало бурную реакцию со стороны радикально настроенной его части. Интеграционная политика властей зачастую не приносила ожидаемых результатов также из-за особенностей социальной структуры украинского населения: основная его масса принадлежала к бедным слоям, и поэтому просто не могла воспользоваться теми благами, которые могло им предоставить гимназическое образование. Экономическое же положение страны не позволяло вкладывать значительные средства в социальные и культурные проекты, в том числе и в «волынский эксперимент» Юзевского: если в 1926 г. в ряде отраслей экономики Польши и наметилось оживление, то экономический кризис, начавшийся в 1929 г. заставил сокращать финансирование многих начинаний.

§ 2. ЧСР и Румыния: варианты решения национальных проблем украинцев

Политика чехословацкого руководства в отношении подкарпатских русин существенно отличалась от политики Польши в отношении Восточной Галиции и Волыни. 18 ноября 1919 г. был объявлен подготовленный руководством ЧСР генеральный статут. В документе речь

шла о правовом положении и территориальных границах русинской области в составе Чехословакии. Окончательное решение языкового вопроса возлагалось на русинский сейм, при этом подчеркивалось предпочтительность введения народного языка в школах в качестве языка обучения и использования его в качестве официального. Как указывает современный исследователь К.В. Шевченко, на содержание статута оказал влияние Т.Г. Масарик, который еще в октябре 1919 года изложил свои соображения по поводу политики в отношении Подкарпатской Руси: «…Масарик указывал на необходимость «предотвратить не только великорусскую, но и украинскую пропаганду. Это будет возможно в том случае, если языковой вопрос будет решен путем введения народного (малорусского) языка в школы в качестве языка преподавания, а также в качестве официального языка вообще. … В старших классах средних школ при необходимости может изучаться и великорусский язык. Было бы жаль, если бы русины не использовали культурное богатство русской литературы, в основном переводной. Примечательно, что значительная часть данного пассажа из документа, направленного Масариком правительству, практически дословно вошла в третий раздел Генерального статута, посвященный вопросам языка, разумеется, без упоминания о том, что планируемая чехословацким президентом поддержка «народного языка» была нужна Праге прежде всего в качестве средства нейтрализации не только великорусской, но и украинской пропаганды»[78].

Международные обязательства в отношении национальных меньшинств и Подкарпатской Руси были отражены и в конституции ЧСР, которая была принята 29 февраля 1920 г. Впрочем, следует признать, что предусмотренный конституцией сейм Подкарпатской Руси так и не был созван за все время существования Первой Чехословацкой Республики.

Одновременно с Конституцией Чехословацкой Республики был принят закон «О принципах языкового права», языковые права

национальных меньшинств были затем конкретизированы специальным правительственным постановлением в феврале 1926 г. Государственным языком республики становился «чехословацкий язык». В округах, где не менее 20% населения составляли граждане, которые пользовались другим языком, государственные органы, учреждения и суды должны были принимать запросы населения и отвечать на них, помимо государственного языка, также и на языке соответствующего национального меньшинства. Предусматривалось также создание школ, где языком обучения мог быть не государственный язык, а язык национального меньшинства[79].

Закон не определял язык Подкарпатской Руси и оставил окончательное решение этого вопроса на рассмотрение местного сейма. Между тем это был очень важный вопрос, поскольку напрямую был связан с проблемой национально-культурного самоопределения местного населения. Чехословацкое правительство использовало название «Rusin», «rusinsky», «podkarpatoruský»[80].

В Подкарпатской Руси в 1921 году проживало 604,6 тыс.человек, из них 62 % русинов, 17,2 % венгров, 13,4 % евреев, 3,3 % – чехов и словаков, 1,8 % немцев, 2,3 % – других национальностей[81]. Чехословацкие власти приостановили мадьяризацию русинского общества, характерную для периода венгерского правления. Однако, учитывая значительное количество венгерского населения в регионе, потенциальной угрозой политической стабильности региона, власти постоянно высказывали опасения, что мадьяронская интеллигенция еще не полностью утратила свое влияние.

Среди русинской элиты существовали различные подходы к проблемам национальной идентификации и языкового строительства. В межвоенный период в Подкарпатской Руси имело место русофильское течение, имевшее давние традиции в крае, и украинофильство, представленное как местными интеллектуалами, так и эмигрантами из

Восточной Галиции, оказавшимися в ЧСР после падения ЗУНР. Постепенно ряды эмиграции пополнили граждане бывшей Российской империи. В 1921 г. был создан Украинский общественный комитет (Український Громадський Комітет, УГК), по данным которого в начале 1922 г. количество украинских эмигрантов в ЧСР достигло 20 тыс. человек. Постепенно в Чехословакии появились представители различных украинских политических течений. При этом, по данным УГК, среди украинских эмигрантов выходцы из Галиции составляли 40,9%[82]. Украинские эмигранты организовывали различные организации, культурно-просветительские общества, научные и учебные центры (Украинский свободный университет, Украинская педагогическая академия им. М. Драгоманова, Украинский институт общественных наук в Праге, Украинское историко-философское общество, Украинское педагогическое общество и др.). В Подкарпатской Руси украинские эмигранты активно включились в культурно-просветительскую работу среди русин, способствовали усилению украинофильского течения в регионе.

Впрочем, настроения в русинском обществе украинофильской и русофильской ориентацией не исчерпывались. Как отмечает К.В. Шевченко, в Подкарпатской Руси в рамках русофильского движения постепенно выкристаллизовывалось русинофильское течение, ориентировавшееся на русинскую идентичность как отличную от русской и украинской[83]. И русофилы, и украинофилы, предлагавшие различные модели этнонациональной идентичности[84], создавали свои политические структуры, общественные и культурные организации, прессу, на страницах которой велись ожесточенные споры по языковой проблематике. В условиях значительно различающихся местных диалектов встал достаточно сложный вопрос: на какой язык следует ориентироваться: на русский литературный язык, какой-либо территориальный вариант

украинского языка (западноукраинский или центрально-восточноукраинский) и как соотнести их с живой разговорной речью русин (например, ориентироваться на украинскую фонетическую орфографию или этимологическое правописание).

Проблемой толкования «народного языка» занялось созванное чехословацким правительством в декабре 1919 г. совещание с участием известных ученых-лингвистов. В протоколе заседания говорилось, что в вопросе языка необходимо в первую очередь учитывать мнение местных деятелей. Однако свое мнение чехословацкие специалисты высказали достаточно ясно. По их мнению, «местный диалект не должен быть поднят на уровень литературного языка; вместо этого в качестве языка преподавания необходимо принять литературный украинский язык с этимологическим правописанием. Также подчеркивалось, что «осознание связи с русским языком не должно стираться, поэтому рекомендуется обучение русскому языку, а также словацкому и чешскому языку, в высших учебных заведениях». На заседании ученые приняли решение о том, что в качестве языка преподавания в Подкарпатской Руси необходимо принять литературный украинский язык с этимологическим правописанием: немедленно ввести незнакомую русинам украинскую фонетическую письменность было невозможно[85].

В принятом после заседания специальном распоряжении министерства о литературном языке в Подкарпатской Руси говорилось, что «создавать искусственно новый славянский литературный язык для населения Карпатской Руси было бы не только трудно, но с точки зрения научной полностью ошибочно и с нашей точки зрения и славянской политики нежелательно». Далее подчеркивалось: местное русинское наречие «есть, безусловно, наречие малороссийское», поэтому «следует признать литературным языком местного населения литературный язык малороссийский, который употребляют его ближайшие соседи и

соплеменники, то есть галицкий украинский язык». Признание литературного украинского языка языком обучения в Подкарпатской Руси облегчит организацию и деятельность школ, поскольку можно будет использовать книги и учителей из Галиции. В то же время в заключительном пункте рекомендаций утверждалось: чтобы русины не теряли сознания того, что они «как украинцы принадлежат к большому русскому народу», в средних школах необходимо изучать русский язык наряду с чешским и словацким[86].

Разделение русинской интеллигенции на противоборствующие лагери – украинофильский и русофильский – отразилось и на языковой ориентации учителей Подкарпатской Руси. Когда украинский филолог из Галиции И. Панкевич по поручению министерства просвещения ЧСР подготовил базовый учебник грамматики, вокруг него разгорелись жаркие споры. Учебник, впервые изданный в 1922 г. задумывался как переходная форма к украинскому фонетическому алфавиту, ориентировался на местные диалекты и использование традиционного этимологического алфавита как более привычного для местного населения. Учителя-русофилы критически отнеслись к грамматике Панкевича за то, что она «отходит от литературного русского языка», предпочитая использовать грамматику А. Волошина, и грамматику Е. Сабова (последняя была утверждена министерством в качестве учебника только в 1936 г.[87]). Впрочем, учебник Панкевича не устроил и радикально настроенную украинскую интеллигенцию. Они обвиняли Панкевича в том, что он якобы пытался создать из подкарпатских русинов отдельный народ путем составления искусственного языка[88].

Картина общественной и политической жизни в Подкарпатской Руси носила сложный характер. Так, здесь действовали как общегосударственные партии, организовывавшие здесь свои партийные филиалы, так и местные, автономные партии. В межвоенной

Подкарпатской Руси популярностью пользовалась Коммунистическая партия Чехословакии (в 1924 г. на парламентских выборах в Подкарпатской Руси партия получила 39,4 % голосов, в 1925 г. – 30,8 %, в 1929 г. – 15,2 %, в 1935 г. – 24,4 %). Аграрная партия получила на выборах 1924 г. 6,4 % голосов; в 1925 г. – 14,2 % голосов; в 1929 г. – 29,1 % и в 1935 г. – 19 % голосов избирателей. Автономный земледельческий союз, опиравшийся на русофильское культурно-просветительское общество им. А. Духновича, на выборах 1924 года получил 8,4 % голосов, в 1925 г. – 11,6 %, в 1929 г. – до 18,2 %, в 1935 г. – 13,9 % избирателей[89].

В Подкарпатской Руси в различные временные промежутке действовало свыше тридцати автономных политических организаций, среди которых были русофильские, украинские, венгерские, еврейские, немецкие[90]. Активно работали Автономный земледельческий союз, Русская народная партия, Венгерская христианско-социалистическая партия, Социал-демократическая партия Подкарпатской Руси и др. Кроме того, существовали общественные организации, среди которых выделялись общество «Просвита» и «Общество им. А. Духновича».

Учредительное собрание культурно-просветительного общества «Просвита» в Подкарпатской Руси состоялось 9 мая 1920 г. в Ужгороде. Инициаторами были сторонники украинского направления в крае. Организационная структура украинской общественной организации «Просвита» на 1937 г. включала, кроме центрального органа в Ужгороде, 13 филиалов и 234 читальни, 135 театральных кружков, 94 хора, 44 спортивных молодежных организации, 12 духовых оркестров. В течение 1920–1937 гг. общество выдало 150 книг общим тиражом 450 тыс. экземпляров[91].

«Русское культурно-просветительское общество им. А. Духновича» являлось наиболее влиятельной русофильской культурно-просветительской организацией. Непосредственно к организации общества

приступили 22 марта 1923 г. на народном конгрессе в Мукачево. Общество издавало русскоязычную литературу, внедряло в школах учебники на русском языке, проводило литературные конкурсы, открывало памятники и т.п. В середине 1930-х гг. общество имело 315 общественных читален и насчитывало 21 тыс. постоянных членов («Просвита» – 223 читальни и окало 15 тыс. членов)[92].

Кроме этих организаций существовали также и партии со слаборазвитым структурно-организационным аппаратом (Карпаторусская немецкая партия, Земледельческая автономная партия, Русское народное объединение и др.)[93], и общественные организации, по своей структуре и количеству членов менее крупные, чем «Просвита» или «Общество им. Духновича» (например, «Женский союз», «Пласт», «Общество карпаторусских студентов», «Педагогическое товарищество» и др.). По официальной статистике в январе 1926 г. в Подкарпатской Руси существовали 158 общественных организаций с разнообразными направлениями деятельности: культурно-образовательных, профессиональных, творческих, национальных, хозяйственных, кредитных[94].

Отношение к русофильскому и украинофильскому движениям в Подкарпатской Руси среди чехословацких политиков было различным. Лидер национально-демократической партии К. Крамарж был известен своими русофильскими взглядами, однако национальные демократы в межвоенной Чехословакии не оказывали серьезного влияния на политику в Подкарпатской Руси. Сочувствие украинскому национальному движению выражали социал-демократы, коммунисты и некоторые аграрии, позднее пересмотревшие свое отношение к украинофилам. Так, за активную проукраинскую политику Праги высказывался Я. Нечас, в первой половине 1920-х гг. курировавший вопросы Подкарпатской Руси в канцелярии президента: к Чехословакии, «окруженной со всех сторон

врагами, из всех соседей по-дружески относятся только украинцы…»[95]. При этом местная организация Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) в середине 1920-х годов четко заявила о своем видении национального вопроса в Подкарпатской Руси. В декабре 1925 г. подкарпатская делегация на IX съезде КП(б)У подчеркнула, что подкарпатский народ должен считаться украинским, а на VII конференции Закарпатского крайкома КПЧ в декабре 1926 г. было объявлено: «Нам ясно, что мы является частью украинского народа», надо положить конец «обдуриванию нас всякими "языковыми вопросами", названиями "русин", "руський" или "русский"». Как указывает Магочи, после февраля 1926 г. «Карпатська правда» выходила только на литературном украинском языке, а под конец года край назывался в газете только Закарпатской Украиной[96]. Как писала газета в октябре 1937 г., «наша задача – пояснить народу, что "русин" и "украинец" – одно и то же»[97].

Однако не все разделяли такую точку зрения. Как указывает К.В. Шевченко, часть официальных кругов (особенно это было характерно для властей Восточной Словакии, опасавшейся украинского сепаратизма) «демонстрировала сознательное стремление закрепить и углубить культурно-языковые различия русинов как с русскими, так и с украинцами»[98]. Объяснялось это геополитическими расчетами. Например, в программе деятельности министерства просвещения Чехословакии на 1922 год также говорилось, что «с точки зрения чехословацких государственных интересов предпочтительным является местный язык, так как после стабилизации положения в России или Украине Подкарпатская Русь отошла бы в будущем какому-либо из этих государств… Наоборот, поддержка местного языка, предполагающая существование малого народа, отделенного от русских и украинцев литературно-языковым барьером, не будет способствовать развитию центробежных тенденций, и связь с чехословацким государством будет сильнее…»[99].

Как указывает П.Р. Магочи, под конец 1919 года чехословацкое правительство начало негативно относиться к русофильскому движению, опасаясь, что оно «в конечном счете направлено на отделение Подкарпатской Руси от Чехословацкой Республики», а русинофилов подозревали в связи с венгерским ревизионизмом. Не удивительно, что правительство социал-демократа В. Тусара, пришедшего к власти в 1919 г., благосклонно относился к украинофильской ориентации[100].

После принятия конституции 26 апреля 1920 г. правительство издало распоряжение «Об изменении Генерального устава Подкарпатской Руси», которым ликвидировало Директорию и вместо должности администратора ввело должности губернатора и вице-губернатора. 5 мая губернатором Подкарпатской Руси был назначен Г. Жаткович, активный деятель Американской народной рады угро-русинов. Вице-губернатором стал чешский чиновник П. Эренфельд, которому вменялось в обязанность гарантировать влияние правительства Чехословакии и обеспечивать контроль за регионом. Возможные споры и разногласия между губернатором и вице-губернатором решались чехословацким правительством.

Жаткович пребывал в должности губернатора около года: в марте 1921 г. он, недовольный политикой Праги в отношении русинской автономии, подал в отставку. После отставки Жатковича всей полнотой власти стал обладать Эренфельд, благосклонно относившийся к украинскому движению.

Украинофилы достигли значительных успехов во время правления Эренфельда. В 1919–1924 гг. школьный отдел министерства образования ЧСР возглавлял Й. Пешек, проводивший проукраинскую образовательную политику и привлекавший украинских эмигрантов из Галиции для работы в Подкарпатской Руси. После своей отставки Эренфельд, объясняя свою поддержку украинского направления, ссылался на полученный от

правительства прямой наказ в этом отношении, который он и претворял в жизнь[101].

В 1923 году ситуация изменилась: Прага намеревалась расширить свою политическую опору в Подкарпатской Руси и пошло на уступки русофилам[102]: губернатором был назначен русофил А. Бескид, а вице-губернатором стал Розсыпал. Деятели украинского направления стали обвинять правительство в предвзятом отношении. Например, А. Волошин на съезде «Просвиты» в Ужгороде 1937 г. заявил: «Эта правительственная, можно сказать политическая неблагосклонность к читальням «Просвиты» еще увеличилась с 1924 года, когда губернатором Подкарпатской Руси стал Антоний Бескид... Началась дальнейшая борьба против «Просвиты», главным лозунгом которой было обвинение нашего направления, с одной стороны, в ирреденте («Подкарпатски гласи»), а с другой стороны, в стремлинии к чехизации (мадьяронские псевдорусофилы)»[103].

В действительности ситуация не была такой однозначной, как это пытались представить деятели украинского движения. Так, негодование украинофилов вызвало заявление А. Бескида о том, что языком преподавания в школах может быть только русский[104]. Однако губернатор мало влиял на систему образования, поскольку здесь задавало тон чехословацкое министерство образования. Несмотря на то, что назначенный вместо Пешека в министерстве образования Й. Шимек отдавал предпочтение бывшим чешским легионерам, галичане продолжали занимать важные позиции в сфере образования в Подкарпатской Руси, контролировали значительную часть национальных школ и некоторые гимназии, в том числе учительскую гимназию в Берегово. Галичане работали в учительских семинариях в Ужгороде, где в качестве языка обучения также был введен украинский литературный язык[105]. В Подкарпатской Руси язык обучения в том или ином учебном заведении во многом зависел от предпочтений учителей, их культурно-национальной

ориентации. На практике язык обучения мог варьироваться между русским, украинским и местными диалектами; к тому же во многих русинских школах был чешский язык обучения. Как указывает П.Р. Магочи, если учителя заканчивали семинарии в Ужгороде, то они были украинофилами, если семинарию в Мукачево – то преимущественно были сторонниками русофильской ориентации[106]. В целом в Подкарпатской Руси в 1920 г. было 475 начальных школ (из них 321 школа с тем или иным восточнославянским языком обучения), 10 городских (из них 7 с восточнославянским языком), 4 гимназии (3 со славянским языком), 3 учительские семинарии (все со славянским языком), 3 профессиональных и технических училища (все со славянским языком). В 1938 году количество школ значительно увеличилось: начальных школ теперь было 809 (469 с восточнославянским языком обучения), городских – 52 (23 с восточнославянским языком), гимназий – 8 (5 с восточнославянским языком), учительских семинарий – 5 (4 с восточнославянским языком), профессиональных и технических училищ – 5 (все с восточнославянским языком)[107]. Образовательная политика чехословацких властей привела к росту сети различных учебных заведений, количество неграмотных уменьшилось за межвоенные годы с 67 до 27,4 %[108]. Разнообразная языковая палитра была характерна и для печатных изданий. Так, в 1932 г. в Подкарпатский Руси издавалось 118 газет, в том числе 70 выходило на русском, местном диалекте и украинском языках, 31 – венгерском, 10 чешском, 2 – иврите, 5 газет были смешанными. В целом в 1919–1938 гг. в Подкарпатской Руси насчитывалось свыше 180 периодических изданий, из них 126 выходило на украинском, русском языках и местных диалектах, 51 – языках национальных меньшинств[109].

Конечно, чехословацкие власти предпринимали меры для укрепления позиций чешского языка в крае. Чешский язык как предмет

преподавался в школах всех уровней, росло число чешских учебных заведений. Как указывает К.В. Шевченко, в мае 1932 г. было принято постановление Сената Высшего Административного Суда Чехословакии, по которому «чехословацкий» язык как официальный государственный язык был объявлен «имеющим преимущество» на территории Подкарпатской Руси перед языком местного населения до окончательного решения языкового вопроса будущим сеймом Подкарпатской Руси[110]. Однако вопрос о том, проводило ли чехословацкое правительство чехизацию края, остается открытым – в современной литературе встречаются различные точки зрения. Одни исследователи склонны говорить об ассимиляторской политике (по крайней мере, как инициатива местных чешских чиновников), другие отрицают это явление, ссылаясь на то, что программа чехизации в документах не встречается. Если говорить о национальном составе чиновников, то важнейшие посты находились в руках чехов. Так, в 1927 году среди государственных служащих в администрации Подкарпатской Руси было 255 чехов, 17 словаков, 142 русина, 56 венгров и 22 представителя других национальностей. В 1935 году в краевом управлении были 7 чехов, 1 украинский эмигрант, из 12 начальников округов 7 человек были чехами, 1 – украинским эмигрантом, 2 – русскими эмигрантами и 2 – русинами. Служащих насчитывалось: 497 чехов, 20 украинских и 12 русских эмигрантов, 85 русинов и 54 венгра[111].

Чехословацкая политика в отношении Подкарпатской Руси в целом носила осторожный, во многом противоречивый характер, иногда даже демонстрируя невмешательство в национально-культурные процессы в Подкарпатской Руси[112]. Так, 30 ноября 1924 г. Масарик заявил представителям Общества им. Духновича, что языковой спор является автономным делом Подкарпатской Руси: «Чешский народ не может ей языки назначить. Что же касается нынешних “языковых споров”, то это является вопросом большинства и меньшинства. Для меньшинства

действуют предписания закона о меньшинствах. Этого я придерживаюсь и “языковой вопрос” решать не буду»[113]. Тем не менее, позиция местных органов власти или отдельных правительственных чиновников могла отличаться от политики центрального руководства[114]. По мнению К.В. Шевченко, «украинский крен» в политике чехословацкого руководства имелся: украинофилы составляли противовес венгерскому ирредентизму, а многие русофилы были настроены провенгерски. Кроме того, русофилы были в основном настроены консервативно, а украинофилы близки левым политическим силам, имевшим большое влияние в ЧСР[115].

О результатах языковой политики чехословацких властей в определенной степени дает представление проведенный в 1937 г. по инициативе министерства образования ЧСР референдум в Подкарпатской Руси в школах с восточнославянским языком обучения. Родителям учеников были розданы анкеты, чтобы определить, каким языком и по какой грамматике обучать их детей в школе. Родители могли выбрать русский или украинский язык обучения, или же вместо них написать – карпато-русский, малорусский, здешний народный и т.д. В целом за преподавание на литературном украинском языке высказались 26,8 %, по грамматике Сабова (т.е. грамматике для преподавания русского языка в средних школах) высказалось 73,19 %, причем за нее голосовали также и те родители, «для которых не было разницы в фонетическом звучании слов «русский» и «руський»»»[116].

В целом следует признать, что политика чехословацких властей в отношении Подкарпатской Руси не являлась четкой проработанной программой поддержки какого-либо одного национально-культурного направления. Она во многом была обусловлена желанием пресечь ирредентистские тенденции среди русинского населения, сохранить целостность Чехословацкой Республики. Если русофилов подозревали в провенгерских настроениях, то украинофилов стали подозревать в

желании отколоться от ЧСР, чтобы войти в состав будущего объединенного украинского государства[117], что особенно ярко проявилось в настроении чехословацких властей уже в 1930-е годы. Целенаправленной правительственной политики украинизации в Подкарпатской Руси не осуществлялось.

Политика межвоенной Румынии в отношении русинского/украинского населения значительно отличалась и от политики Польши, и от политики Чехословакии. В Конституции Румынии от 23 марта 1923 г. отмечалось, что Румынское королевство является «национальным, унитарным и неделимым» государством, но при этом «в Румынии принадлежность к разным вероисповеданиям и конфессиям, к другой национальности и языку не является препятствием для получения гражданских и политических прав и для пользования ими». Конституция Румынии от 27 февраля 1938 г. также повторяла положение о том, что «все румынские граждане, независимо от этнического происхождения и вероисповедания, равны перед законом»[118]. Несмотря на положения конституции, национальная политика румынского правительства основывалась на румынизации национальных меньшинств, в возвращении «денационализованных румын в лоно материнской культуры»[119].

Политика румынских властей предусматривала расширение сферы применения румынского языка и увеличение доли румынского населения на присоединенных территориях. Проведение аграрной реформы и активной колонизационной политики привело к увеличению количества землевладельцев-румын. Так, крестьяне Буковины получили около 8 тыс. га земли, почти 49 тыс. га была распределена между румынскими колонистами – демобилизованными военными и представителями румынского чиновничества[120]. Чиновники бывшей Австрийской и Российской империйутве были отстранены от должностей, а претендентам

на управленческие должности и работу в учебных заведениях предлагалось изменить свои фамилии на румынские соответствия.

Румынизация инкорпорированных территорий предусматривала строгий контроль за населением силами жандармерии, тайной полиции, и военных. 29 января 1919 г. был издан закон о Центральной службе государственной безопасности (сигуранце). В Северной Буковине действовали три подотдела румынской службы безопасности (сигуранцы), которые следили положением на границе и преследовали ее нарушителей, пресекали большевистскую и украинскую агитацию, следили за перемещениями служащих-украинцев во внутренние районы королевства, за соблюдением цензуры.

Была проведена унификация политической жизни: на присоединенных территориях действовали местные аналоги румынских политических партий. К началу 1930-х гг. все румынские политические партии имели свои ячейки и в Буковине, где уже во времена Австрийской империи получило определенное развитие украинское национальное движение. Впрочем, на Буковине в межвоенный период действовали политические организация, ставившие своей задачей борьбу за права украинцев в Румынии (Социал-демократическая партия Буковины, Украинская народно-демократическая партия). Действовала также Коммунистическая партия Буковины как составная часть Коммунистической партией Румынии. На сотрудничество с румынскими властями была ориентирована созданная в 1921 г. на Буковине Украинская народная партия. В 1927 г. возникает Украинская национальная партия (УНП), которая действовала легально, в основном занималась культурно-просветительской деятельностью и стремилась к компромиссу с румынскими властями.

Была ликвидирована прежняя сеть периодики, в том числе и украиноязычных печатных изданий, и основаны новые, исключительно

румынские, средств массовой информации, была введена жесткая цензура средств массовой информации. Большинство украиноязычных журналов издавалось украинскими партиями и обществами и находилась под постоянным контролем цензуры. Наиболее известным изданием была ежедневная газета «Час» (выходила с 1 октября в 1928 г.; всего вышло 3350 номеров), которую редактировали В. Мегидинюк, Ю. Сербинюк, Л. Когут. «Час» позиционировал себя как «независимое, беспартийное» издание (с 1932 г. лишь как «независимый журнал»)[121].

Языковая политика властей была направлена на повсеместное внедрение в общественную жизнь румынского языка. Была проведена кампания по переименованию населенных пунктов. Соответствующий декрет был принят 21 июля 1919 г., по которому «населенным пунктам присваиваются их давние исторические названия»[122].

По распоряжению от 17 мая 1922 г. использование украинского языка в суде было запрещено. Впоследствии и суды, и администрация, и общественные учреждения были обязаны перейти на румынский язык при общении с гражданами. По закону об унификации администрации 14 июня 1924 г., мэрии (примарии) могли использовать нерумынские языки в общении с партиями только в случае, когда последние специально признаны Верховным административным советом (департаментом Министерства внутренних дел). Весной 1927 г. был издан указ о регламентации надписей и рекламы. Все вывески, дорожные указатели, объявления, реклама и т.п. в любых помещениях и общественных местах не могли быть напечатаны по-украински, если не имели над собой румынского соответствия[123].

Большие изменения произошли в системе образования. На Буковине уже в 1919–1921 гг. из 168 начальных школ на румынский язык обучения перевели 93. Учителя обязывались сдавать экзамены и направлялись в регионы с румынским населением. В Бессарабии украинские школы были

сосредоточены в Хотинском и Сорокском уездах. К 1922 г. уже половина из них была переведена на румынский язык обучения[124].

26 июля 1924 г. был издан закон о школьном образовании. Проведенная румынскими властями унификация в сфере образования обеспечивала государственные интересы и интересы титульной нации. Ликвидировалась существовавшая в Австро-Венгрии система украинских начальных школ, гимназий и лицеев, которые были заменены румынскими учебными заведениями. В течение 1925–1927 гг. украинские школы были ликвидированы, учителей-украинцев преимущественно заменили на румынов. Были закрыты украинские гимназии в Черновцах, Кицмани, Вижници. Еще раньше, законом от 23 сентября 1919 г. король Румынии Фердинанд I провозгласил румынизацию Черновицкого университета. Ректором университета стал И. Нистор. В 1923 году были закрыты действующие при Австро-Венгрии кафедры украинистики. В 1933/34 учебном году часть украинских студентов в Черновицком университете сократилась до 4,8 %, а в 1938/1939 – до 2,9 % (для сравнения румыны составляли тогда 83,4 %)[125]. В декабре 1925 г. парламент принял закон о частном образовании: образовательные учреждения должны были давать образование и представителям национальных меньшинств, но изучение румынского языка у них было частью обязательной программы, как и преподавание ряда предметов на румынском языке[126].

Борьба за украинскую школу превратилась в лозунг украинского движения, реализованного мирными методами на всех уровнях, – от местных органов самоуправления и румынского сената к Лиге Наций. В середине 1920-х гг. свыше 40 тыс. родителей-буковинцев подписались под петицией с требованием возрождения украинской школы. Собственным средством украинские общества пытались хранить письменность, создавая «курсы неграмотных», «вакацийни курсы» и тому подобное[127].

Одновременно в Буковине среди молодежи стал находить приверженцев украинский национализм. Конечно, уровень развития украинского национализма в Восточной Галиции был, несомненно, выше. Однако в 1930 г. в Черновцах возник Легион украинских националистов (ЛУР) во главе с О. Зубачинским, в 1932 г. организована группа «Мстители Украины» («Месники України»), она была временно действующей платформой для ЛУР с лидерами Д. Квитковским и И. Григорьевичем. Организации установили связи с ОУН, и с 1934 г. Зубачинский стал краевым руководителем ОУН на Буковине, в Бессарабии и Марамуреше[128].

Таким образом, Чехословакия и Румыния продемонстрировали противоположные варианты политики в отношении украинского вопроса. Власти ЧСР придерживались осторожной политики, не настаивая на внедрении какой-либо одной идентичности в массовое самосознание русинов. Благосклонное отношение к украинскому движению не привело к проведению политики украинизации в Подкарпатской Руси.

Румыния действовала очень жестко, демонстрируя, с одной стороны, намерение ассимилировать нерумынское население, и в то же время – признавая минимальную программу сотрудничества с украинскими лидерами. В данном случае политика румынских властей была противоположная политике украинизации, предпринятой в УССР.

§ 3. Становление советского варианта украинизации (1923–1925 гг.)

20–22 июня 1923 г. состоялся Пленум ЦК КП(б)У, уделивший основное внимания национальному вопросу. В своем докладе лидер коммунистов УССР Э.И. Квиринг подчеркнул, что «неравенство культур украинской и русской на Украине в смысле отсталости украинской, поставили в необходимость ЦК считать на первое время культуру, украинскую привилегированной. Украинизация должна пойти по линии

укрепления связи с широкими крестьянскими массами»[129]. Квиринг признал необходимость перехода «от пассивности к активному введению украинского языка (сроком в 1 год)», причем «более резкий курс» предполагался «в области делопроизводства» наркоматов и в отношении совпартшкол, более постепенный – по отношению к высшей школе. Что же касается издательского дела, то Квиринг согласился с необходимостью издания как украинской, так русской литературы, поскольку последняя была «легко самоокупающейся». Впрочем, первый секретарь ЦК КП(б)У предложил перевести на украинский язык окружных газет[130].

Любопытно, что возглавлявший в то время отдел агитации и пропаганды ЦК КП(б)У бывший боротьбист А.Я. Шумский, который позднее, в 1926-м году, уже будучи наркомом просвещения УССР, активно отстаивал быстрые темпы украинизации, на июньском пленуме 1923 года вынужден был признать: «Неприятное впечатление, безусловно связанное с непрактичностью, производит разгон и форсирование в области украинизации, чреватое последствиями. Принудительность, в области как партийной, так и советской не годится, и мы можем пойти по пути «гетмановской украинизации», курс на создание крестьянской интеллигенции не правильный. Нам нужно создавать украинскую интеллигенцию из рабочей среды»[131]. Известный украинский коммунист В.Я. Чубарь, который меньше чем через месяц возглавил Совнарком УССР, на июньском пленуме также признавал, что «темп, взятый политбюро слишком быстрый и непрактичен своей механизацией… Быстрый темп при отсутствии возможности при настоящем состоянии украинского языка, действительного изучения на нем научных дисциплин, может вызвать реакцию отлива от языка, как со стороны партийных работников, так и советских»[132]. Д.З. Мануильский (до апреля 1923 г. первый секретарь ЦК) поставил вопрос о внутренней консолидации КП(б)У, ее «русской и украинской частей», причем назвал последнюю

(украинскую) пасынком и поставил вопрос о «действительной подготовке и подборе украинских работников на смену»[133].

Одновременно, во исполнение решений XII съезда РКП(б), республиканским руководством был создан ряд комиссий по украинизации. В 1923–1924 гг. при ЦК КП(б)У действовала Комиссия по национальному вопросу и Специальная комиссия по украинизации профсоюзов, при СНК УССР – Комиссия по претворению в жизнь директив XII съезда по национальному вопросу, при ВУЦИК – Центральная комиссия по делам национальных меньшинств[134].

Начав работу, Комиссия ЦК КП(б)У по национальному вопросу приняла постановление, в котором был изложен план коренизационных мероприятий. Так, Комиссия считала необходимым предпринять ряд мер по переходу советских учреждений на украинский язык, для чего «декретировать обязательное знание обоих государственных языков всеми государственными служащими по истечении одного года». Законы должны были издаваться на двух наиболее распространенных языках (украинском и русском). Делопроизводство в госучреждениях также должно было переводиться на украинский язык постепенно, учитывая «как характер ведомства, так и национальный состав обслуживаемого учреждением населения». Ставилась задача украинизации образования, причем комиссия считала, «что в отношении школ низшего типа положение с украинизацией, за некоторыми исключениями (Донецкая и Харьковская губернии), обстоит благополучно и главное внимание должно быть обращено на школы профобра». Украинизацию преподавания надлежало проводить «в соответствии с наличными преподавательскими силами», в первую очередь – институтов народного образования и сельскохозяйственного института. В украинских школах, считала комиссия, «украинскими лекторами замещаются только те кафедры, на которые есть достаточно компетентные лектора»[135]. В школах всех видов и

ступеней должно было обеспечено преподавание «обоих государственных языков», «ни один учитель не может быть выпущен из них без полного владения обоими языками и знакомства с историей культур обоих народов». Особое внимание должно уделяться изучению украинского языка в партшколах, так как «именно члены партии, в первую очередь, должны овладеть украинским языком и культурой, для того чтобы она не перешла целиком в руки враждебных нам элементов»[136]. Следует заметить, что в указанном документе комиссии использовалось понятие «государственный язык», которое в принятые позднее постановления не вошло: по решению июньского (1923 г.) пленума ЦК КП(б)У термин «государственный язык» был заменен на «общеупотребительный»[137].

Был подписан ряд директивных решений, самым известным среди которых являются два постановления, принятые в конце июля – начале августа 1923 г.: 27 июля – «О мерах в деле украинизации школьно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений»[138], 1 августа – «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка»[139]. Исходя из сложившейся ситуации, высшие республиканские органы власти – ЦИК и СНК – признали недостаточным формальное равенство между украинским и русским языками. «Вследствие относительно слабого развития украинской школы и украинской культуры вообще, вследствие отсутствия необходимых учебных пособий, отсутствия достаточно подготовленного персонала, жизнь, как показал опыт, приводит к фактическому преобладанию русского языка»[140], – отмечалось в документе.

Было решено «избрать в качестве преимущественного для официальных сношений – украинский язык», хотя по-прежнему наиболее распространенными на Украине считались оба языка – украинский и русский. В постановлении говорилось о необходимости предпринять меры по обеспечению равноправия языков всех национальностей и обеспечению

украинскому языку места, «соответствующего числу и удельному весу украинского народа на территории УССР». Учитывая «преобладающую численность населения, говорящего на украинском языке», для официального общения был выбран украинский язык. В административно-территориальных единицах и городах с большинством населения, которое принадлежит к национальным меньшинствам, органы власти должны были пользоваться языком большинства населения. Согласно этому постановлению вновь поступающие на государственную службу должны в течение 6 месяцев изучить украинский язык (для других – «тех, кто уже находится на службе» – был определен срок в 1 год), делопроизводство предполагалось также перевести на украинский язык, ввести украинский язык в партийных школах, реорганизовать государственное издательство и т.п. Что касается образовательных учреждений, то предполагалось привести в соответствие язык обучения в учебных заведения с национальным составом населения и обязательное обучение на родном языке учащихся всех учебных заведений, в том числе в пунктах ликвидации неграмотности. На украинский язык переводилось обучение в школах профессионального, сельскохозяйственного и социально-экономического профиля. Вместе с введением украинского языка предусматривалось сохранение его в качестве обязательного предмета обучения во всех учебно-воспитательных и культурных обучениях, как и русского языка, за исключением школ национальных меньшинств[141].

В результате законодательных усилий руководства УССР, дело украинизации начало понемногу продвигаться. На 1 января 1924 года украинцев среди членов КП(б)У насчитывалось уже 33,3 %, (напомним, что по партийной переписи 1922 года их было 23 %), численность русских не изменилась – 45 %, но уменьшилось количество представителей других национальностей[142]. Соотношение между газетами на русском и украинском языках стало понемногу меняться. Общее количество газет в

УССР сократилось: если в 1922 г. выпускалось на украинском языке 30 газет, на русском – 102, то в 1923 г. 28 на украинском и 86 на русском языках, в 1924 г. – 36 на украинском и 95 на русском языках[143]. Таким образом, если в 1922 г. количество русских газет превышало количество украинских в 3,4 раза, то в 1924 – уже только в 2,6 раза. Количество книг на украинском языке тоже немного увеличилось: если в 1922 г. продукция на украинском языке составила 29,3 % от общего количества, то в 1924 г. – уже 40,2 %[144].

Принятые постановления создавали условия для овладения основной частью населения УССР письменным украинским языком. Именно на украинском с середины 1920-х годов преимущественно проводилась ликвидация неграмотности. Пока же численность школ с украинским языком обучения только начинала расти. В 1922–1923 учебному году в УССР действовало 29,7 % украинских школ и 25,5 % смешанных, в следующем же учебном году школ с украинским языком обучения в городах насчитывалось уже 33,7 %, на селе – 69,7 %[145]. В 1924/1925 учебном году 85% школ по ликвидации неграмотности вели преподавание на украинском языке[146]. К началу 1923/1924 учебного года была выпущено 82 учебника, из них на украинском языке – 79, а в следующем учебном году было издано уже 105 названий учебников, из них на украинском – 62 %, остальные – на русском и языках нацменьшинств[147].

Таким образом, к делу украинизации республиканское руководство подходило очень осторожно: соответствующие законодательные акты были приняты, но темпы были невысокими. Украинские власти в этот период отнюдь не стремились к радикальным изменениям в этой области.

Необходимо отметить еще один существенный момент национально-государственного строительства в УССР в 1920-е годы. Политика украинизации велась и в Красной Армии. В 1923 г., декретом ЦИК и СНК СССР от 8 августа, армия перешла на территориальную систему

комплектования. В декабре этого же года решением Реввоенсовета СССР армия перешла на национально-войсковой принцип строительства. Под непосредственным руководством главы Реввоенсовета Л.Д. Троцкого была принята первая программа национально-войскового строительства в СССР.

Как известно, Троцкий был сторонником создания в республиках национальных армий, которые должны были составить общесоюзную Красную Армию. Это должно было продемонстрировать нерусским народам последовательность советской власти в решении национального вопроса. К тому же, по мысли Троцкого, такие армии могли очень пригодиться для мировой революции. Однако большинство центрального партийного руководства во главе со Сталиным относилось к идее создания национальных войсковых центров и армий негативно: они опасались, что такие армии подпадут под влияние сепаратистов и соглашались только на организацию национальных частей[148].

Первоначальная программа не была выполнена. Уже в марте 1924 г. она была пересмотрена и существенно сокращена, а центр тяжести в деле организации национальных войсковых частей был перенесен на восток. При непосредственном участии М.В. Фрунзе специальной комиссией во главе с Ф.Э. Дзержинским была подготовлена другая – пятилетняя – программа национально-войскового строительства (1924–1929 гг.), в основе которой лежал принцип единства советских вооруженных сил. Фрунзе прямо указывал на опасность тенденции «к превращению национальных формирований в ядро национальных армий», подчеркивал ошибочность такой позиции, ее несоответствие «классовым интересам рабочих и крестьян»[149].

В соответствии с программой в течение пяти лет предполагалось украинизировать четыре территориальных дивизии. Национальный подход предусматривал комплектацию украинским красноармейским и командно-

политическим составом, введение украинского языка в командование, политработу, украинизацию военных школ. В середине 1920-х гг. красноармейский состав частей и объединений Украинского военного округа стал в большинстве своем украинским[150].

Наконец, составной частью коренизации была политика в отношении национальных меньшинств. Каждая из вошедших в состав Советского Союза национальных республик была многонациональной. Так, на Украине проживали помимо украинцев и русских, также евреи (по переписи 1926 г. они составляли 5,4 % населения), поляки (1,6 %), немцы (1,3 %), молдаване (0,8 %), греки (0,3 %), болгары (0,3 %), белорусы (0,2 %) и др.[151]

Разрешать организационные, просветительные, правовые вопросы национальных групп должны были специально созданные при высших республиканских органах власти комиссии и отделы. С апреля 1921 г. при НКВД УССР работал отдел национальных меньшинств, осуществлявший контрольно-административные функции. В сентябре 1923 г. была создана Центральная комиссия по делам национальных меньшинств при ВУЦИК, куда входили представители национальных меньшинств, проживавших на Украине. При отделе пропаганды и агитации ЦК КП(б)У работало национальное бюро[152].

Для реализации провозглашенного принципа равноправия наций и недопустимости какого-либо ограничения прав национальных меньшинств, в УССР были созданы национально-территориальные административные единицы. 29 августа 1924 г. СНК Украины принял постановление «О выделении национальных районов и Советов», подтвержденное решением 4-й сессии ВУЦИК VIII созыва «О низовом районировании» 19 февраля 1925 г[153]. Согласно принятому решению, обязательный минимум численности жителей, необходимый для создания

национальных образований, был определен для национальных районов в 10 тысяч жителей, а для национальных сельсоветов – пятьсот человек.

Выделение национальных районов и сельсоветов активно велось с 1924 года. Постепенно в УССР появились немецкие, болгарские, греческие, польские, еврейские, белорусские, молдавские национальные советы и районы. В этих национально-территориальных образованиях на языке большинства населения (т. е. немецком, польском, болгарском и т. п.) должны были работать школы, выпускаться газеты, работать органы власти. Количество их было весьма значительным. Если на 1 апреля 1925 г. на Украине действовали 188 национальных сельсоветов, то к началу 1930 г. их насчитывалось 1121. Кроме того, на это время в республике насчитывалось 26 национальных районов. При этом следует учитывать, что национальные районы не были мононациональными. Поэтому, например, в рамках польского национального района могли действовать немецкие сельсоветы, а в болгарском – русские и немецкие[154].

С другой стороны, немало этнических украинцев проживало за пределами УССР[155]: в Воронежской и Курской губерниях, Северо-Кавказском крае, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахской АССР. После создания СССР Народный комиссариат национальностей РСФСР, курировавший работу с национальными меньшинствами, был упразднен. Отныне такая работа сосредотачивалась в Совете Национальностей ЦИК СССР. Но если Наркомнац мог опереться на сеть местных отделов, то такая структура при Совете Национальностей не предусматривалась, что существенно усложняло ситуацию.

Вопросы поднятия культурного уровня и образования национальных меньшинств курировал один из главков Наркомпроса – Центральный совет по просвещению национальных меньшинств[156]. Работа на местах велась в разных направлениях – открывались национальные школы, курсы, библиотеки, детские и дошкольные учреждения, издавалась литература.

В большинстве случаев успехи в проведении коренизационных мероприятий зависели от наличия профессионально подготовленных кадров и местных активистов. Их недостаток существенно затруднял работу. Конечно, определенную помощь (в основном литературой и кадрами) оказывал украинский Наркомпрос[157]. Однако и в этом случае результаты существенно разнились, поскольку в РСФСР местные партийные и советские власти далеко не всегда проявляли заинтересованность в организации украинских школ, ведении культработы на украинском языке и т.п.

Осуществить на практике установки украинского руководства по коренизации было чрезвычайно непросто. Украинизация государственных учреждений и партийного аппарата на Украине зачастую шла не так, как планировали в Харькове. Темпы преобразований оказались значительно ниже предполагаемых. С одной стороны, катастрофически не хватало большевистских кадров, знающих украинский язык. Остро ощущалась нехватка украиноязычных преподавателей в совпартшколах. Особенно напряженной была ситуация на местах. Например, когда в августе 1924 г. в одном из городов Черниговской губернии было получено предписание вести делопроизводство на украинском языке, местные партийные власти «бросились искать украинцев, могущих хотя бы чему-нибудь научить по-украински. Нет никого. Наконец нашли кого-то, но оказался исключенным из профсоюза, как чуждый элемент. Пришлось пойти на поклон – предложить принять вновь его в профсоюз – учи только. Разве не анекдот!»[158]

В мае 1923 г. второй секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Лебедь, чья «теория борьбы двух культур» была раскритикована на XII съезде РКП(б) (см. гл. 1 § 6), направил записку в комиссию Политбюро ЦК КП(б)У по разработке мероприятий практического проведения национальной политики с предложениями в короткий срок «взять на учет всех членов партии,

говорящих на украинском языке, и членов партии – коренных украинцев… Выяснить украинских работников, говорящих на украинском языке, отозванных и откомандированных на территории других республик… Поставить задачу подбора в каждом губкоме, особенно правобережных губерний, в агитпропы губкомов одного работника, знающего украинский язык и способного вести партийно-воспитательную и культурную работу».[159] Кроме того, Лебедь написал Раковскому, предложив «всех товарищей, хотя бы в первую очередь ответственных работников, выходцев из украинских партий, как-то: боротьбистов, укапистов и т.д. в целях приобретения марксистской дисциплины и некоторых знаний теории марксизма пропустить, в порядке известной последовательности, через партшколы и специальные курсы. Это поможет товарищам отделаться от идеологического наследства старых мировоззрений, приобретиенных в эсеровской и других мелкобуржуазных партиях»[160].

Примерно через месяц, в июне 1923 года Лебедь написал письмо членам Комиссии письмо, в котором признал, что ЦК должен «учесть и соразмерить план работы партии и советских учреждений в деле украинизации»[161]. При назначении украинцев, ЦК должно считаться с тем, «насколько эти работники выдержаны марксистски, чтобы иметь гарантии, что они вместе с украинизаторской водой не выбросят и коммунистического ребенка»[162]. Лебедь подчеркнул, что следует считаться не только с национальными настроениями крестьянства, но и рабочих: «Украинизация петлюровская в свое время, помимо ее классовой неприемлемости, вызвали и среди рабочих недовольство по самой своей форме»[163]. С его точки зрения, «повальная украинизация несомненно уменьшит доступ рабочим и увеличит для крестьян и мелких буржуа»[164]. Нельзя было и форсировать украинизацию профсоюзов («нельзя насильно навязывать организации пролетариев формы и средства культурного развития им чуждые»). В то же время, он считал необходимым «усилить

бдительность в отношении украинской интеллигенции и укапистов»[165], хотя и предлагал, как было сказано выше, использовать их при проведении политики украинизации. «Усиление украинопляски в среде петлюровски настроенной общественности, имеющей сейчас место, меня еще больше убеждает в том, что раздувать вопросы национальной политики на Украине – это значит ослаблять себя самих, – писал Лебедь. – В глубоких рабочих и крестьянских массах такое раздувание вызовет только лишнюю настороженность, а иногда и враждебность, а для наших врагов будет козырь в руки»[166].

В 1924 году была опубликована работа Лебедя «Советская Украина и национальный вопрос за пять лет». «На Украине национальный вопрос, являющийся средством в руках пролетарской партии для сближения с крестьянством, от неумелого проведения может всегда дать противоположные результаты, тем более, если проведение этой работы не будет обеспечено необходимым кадром, способным в духе пролетарской политики на деле проводить работу национального порядка»[167], – писал Лебедь.

Таким образом, партийное руководство УССР в этот период, поддерживая идею украинизации, предпочитало осторожный подход, поскольку учитывало недостаток украинских кадров. Это касалось как членов партии и советских работников, знающих украинский язык, так и преподавательских кадров. Чтобы восполнить нехватку украинских кадров, решено было привлечь украинцев, работавших за границей, прежде всего в Восточной Галиции. На июньском пленуме ЦК КП(б)У 1923 года Э.И. Квиринг заявил: «В связи с присоединением Галиции к Польше и ориентировкой части галицийских партий на Польшу и наличия тенденций масс Галиции ориентироваться на Советскую Украину, перед ЦК стал вопрос о решительной поддержке галицийского движения. Хотя вопрос не окончательно разработан, но ЦК счел нужным принять

некоторые практические мероприятия в деле облегчения эмиграции галичан на Украину и организации Галицийского клуба, который будет содействовать дальнейшей ориентации масс на Советский Союз»[168]. Действительно, с 1923 г. увеличился въезд украинской интеллигенции в УССР из-за рубежа, как уроженцев Поднепровья (реэмигрантов), так и галичан. Так, 4 октября 1925 г. С.А. Ефремов писал Е.Х. Чикаленко о том, что «кому можно возвращаться – нужно возвращаться», поскольку работников мало, а работы – непочатый край[169]. Особенно много кадров из-за рубежа привлек к работе в вузах Н.А. Скрыпник в период своего руководства Наркомпросом в 1927–1933 гг.[170]

Такое отношение к украинцам Галиции не удивительно: эту территорию большевики воспринимали как украинскую. Так, 31 июля 1924 года Сталин написал Д.З. Мануильскому письмо с замечаниями к проектам резолюций Пятого конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам. «Резолюция по национальным вопросам Средней Европы и Балкан в общем хороша. ... Я бы советовал только сделать некоторые изменения в тех пунктах, где говорится о присоединении (выделено Сталиным – *Е.Б.*) украинских и белорусских территорий к СССР, – отмечал Сталин. – Лучше было бы исправить это в том смысле, что речь идет о воссоединении разорванных империалистскими державами на части Украины и Белоруссии. Так будет скромнее и осторожнее. Иначе могут обвинить конгресс, что он заботится не об освобождении национальностей, а о приращении территории России. На деле мы от такого исправления ничего не проиграем, ибо все равно все эти разорванные части сомкнутся в свое время с СССР (больше им некуда ткнуться)»[171].

О нехватке украинских кадров и сроках изучения украинского языка госслужащими шла речь на пленуме ЦК КП(б)У 6–8 октября 1924 г. Выступая на пленуме с докладом, В.Я. Чубарь заявил, что «большинство

учреждений живет на переводчиках, не имея достаточно работников, знающих украинский язык». Он также подчеркнул недостаток подготовленных кадров «для внедрения украинского языка»: «Словари – дефективные, учителя, которые обучают украинскому языку – несовершенны, учебников мало, вообще обучение украинскому языку встречает целый ряд затруднений. … нам необходимо пересмотреть сроки обучения украинскому языку и обеспечить твердое партийное руководство работой по украинизации»[172]. Признав, что мало сделано и в плане «вовлечения и выдвижения украинских работников», Чубарь предложил создать специальную комиссию «по разработке и по проведению всех мероприятий, связанных с проведением дела украинизации в жизнь»[173]. Заслушав доклад Чубаря об украинизации, пленум постановил «а) обратить особое внимание на обучение украинскому языку членов партии; б) поручить политбюро создать комиссию по проверке и изучению проведения украинизации»[174].

В конце 1924 – начале 1925 года разрабатывались новые планы украинизации госаппарата. Согласно постановлению ВУЦИК и СНК УССР от 1 августа 1923 г., предполагалось уже в течение года перевести на украинское делопроизводство такие ведомства, как управление делами ВУЦИК, СНК, Наркомпрос, Наркомзем, Наркомвнудел, Наркомпрод, Наркомспецобес и др. При этом государственные служащие в обязательном порядке должны были овладеть украинским языком под угрозой увольнения. Первоначальные установки оказались недостаточно продуманными и вызвало угрозу одновременного увольнения значительного числа служащих, не овладевших украинским языком. 26 февраля 1925 г. политбюро ЦК КП(б)У признало необходимым создать Центральную всеукраинскую комиссию по руководству украинизацией во главе с председателем СНК, а также решено было продлить срок украинизации госучреждений до 1 января 1926 г. Было предложено

смягчить формулировку в отношении увольнения служащих за незнание украинского языка, они получали право восстановиться на службе после того, как в достаточной степени выучат язык. Однако президиум Всероссийского центрального совета профсоюзов в письме к Сталину от 11 марта 1925 г. выразила обеспокоенность, что принятие нового декрета о полной украинизации госучреждений создаст угрозу одновременного увольнения большого числа служащих и работников. Руководству КП(б)У пришлось оправдываться перед генеральным секретарем ЦК ВКП(б), обещая переработать документ в сторону смягчения требований к госслужащим[175].

Таким образом, в 1923–1924 годах руководство УССР хотя и объявило о необходимости проведения украинизации и приняло ряд постановлений по этому поводу, однако отнюдь не стремилось ускорить ход их реализации, полагаясь на «естественный ход событий». В своей записке от 30 сентября 1925 г. заместитель заведующего Организационно-распределительным отделом ЦК РКП(б) В.Ф. Черный в ЦК РКП(б) «О советском строительстве в национальных республиках и областях» отметил низкий темп украинизации партийного советского аппарата в УССР. «Во всех центральных и губернских учреждениях Украины украинцев в 24 г. числилось 39,9 %»[176], – заметил Черный. Он также подчеркнул, что «на Украине наибольшее достижение в области украинизации имеется на Полтавщине, где делопроизводство всех губернских и окружных учреждений, кроме Кременчуга, переведено на украинский язык. Слабо проведена украинизация в промышленных губерниях и окраинах»[177]. Кроме того, партработника возмутило, что «среди ответственных работников-националов имеется значительный процент не владеющих родным языком». Например, «в Киеве проверка работников 13 учреждений показала, что 13 % украинцев не знает своего языка. В последнее время ЦК КП(б) Украины и украинская

парторганизация проводят целый ряд мероприятий по обучению советского и партийного аппарата украинскому языку»[178].

Стоит отметить, что в этот же период органы безопасности отмечали значительный рост активности сельской антисоветской интеллигенции, «в том числе в рядах бывших членов украинских антисоветских партий»: «Деятельность «бывших людей» сводится к критике мероприятий советской власти, при этом указывается на то, что Украина живет на подачки Москвы, что украинизация проводится исключительно под напором культурно-национальных стремлений украинского народа и деятельности украинской эмиграции за кордоном, причем как только соввласть укрепится, то немедленно прекратит украинизацию и что даже сейчас украинизация проводится формально, в действительности же во всех учреждениях преобладают "кацапи" и "жиды" и т.п.»[179].

Действительно, несмотря на принятые постановления и распоряжения, к практическому воплощению украинизации харьковское партийное руководство приступать не торопилось. В Справке Организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б) о ходе украинизации партийного и государственного аппарата в УССР от 2 апреля 1925 г. отмечалось отсутствие в ЦК достаточного количества материалов по данному вопросу: «…после XIII партсъезда от ЦК КП(б)У не поступало в ЦК РКП ни одного информационного отчета»[180]. Материалы же украинских губкомов свидетельствовали о недостаточном внимании «руководителей губернских органов к проведению украинизации губернских аппаратов», об индифферентном отношении со стороны «некоторой части членов партии, даже украинцев, работающих в низовых органах и не желающих разговаривать на украинском языке»[181]. В другой справке Организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б), составленной через несколько месяцев – 1 августа 1925 г. (т.е. уже после назначения на высший украинский партийный пост Л.М. Кагановича),

также отмечалось, что на Украине (как и в Белоруссии, Средней Азии – «кроме районов бывших Бухары и Хорезма», – и в ряде мест Казахстана) делопроизводство губкомов почти исключительно ведется на русском языке, а в укомах, в лучшем случае, параллельно[182].

Без сомнения, имелись и объективные, и субъективные причины неспешного проведения украинизационной политики в 1923–1924 гг. Именно личная позиция главы КП(б)У, считают украинские историки, привела к тому, что курс на коренизацию поначалу реализовывался лишь на бумаге. Так, С.В. Кульчицкий полагает, что глава украинских коммунистов уделял мало внимания украинизации, поскольку полностью был поглощен внутрипартийной борьбой в Москве[183]. Курс на коренизацию был принят XII съездом РКП(б) в 1923 г. в обстановке ожидания скорой революции в Германии. Однако вскоре стало очевидным, что мировой пролетариат не спешит прийти на помощь революционной России, а тем временем в стране не прекращались экономические и политические кризисы, весьма опасные для неустойчивой новой власти. Большевистское руководство, столкнувшись с крайне тяжелой экономической и социальной ситуацией в стране после окончания гражданской войны, вынуждено было ориентироваться на нэповскую социально-политическую модель. Как известно, последняя предусматривала административную рыночную экономику при жестком политическом режиме (фактическое партийное управление страной при номинальной принадлежности власти советам, широкое применение государственных карательных органов, система цензуры, лишение отдельных категорий граждан избирательных прав и т.д.).

Противоречия между жесткой системой политической власти и многоукладной рыночной экономикой выливались в острые кризисы (так называемые «кризисы нэпа» в 1923, 1925, 1927 гг.). Естественным итогом сложившейся ситуации было обострение борьбы в центральном партийном

руководстве по поводу методов корректировки экономического курса, обострявшаяся схваткой за власть после смерти Ленина в январе 1924 г. Первый этап такой борьбы был связан с противостоянием Л.Д. Троцкого и так называемой «тройки» – Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и И.В. Сталина. При этом украинские партийные лидеры, особенно первый секретарь КП(б)У (с марта 1925 г. – генеральный секретарь) Э.И. Квиринг, принимали довольно активное участие в этой борьбе. Квиринг поддерживал «тройку» в ее борьбе с Троцким и активно помогал Сталину в устранении одного из главных украинских троцкистов – Х.Г. Раковского.

Участие Квиринга во внутрипартийной интриге в конечном счете определило его дальнейшую судьбу. Расстановка сил в Москве постепенно изменилась: уже в начале 1925 г. проявилось противостояние Сталина с Зиновьевым и Каменевым по ключевым вопросам политической стратегии партии. «Новая оппозиция» Зиновьева и Каменева пыталась изменить расстановку сил внутри партии в свою пользу и решила привлечь на свою сторону первого секретаря КП(б)У (с марта 1925 г. – генерального секретаря). Первая прикидка состоялась, по-видимому, еще в январе 1925 г. Квиринг, прибывший вместе с другими украинскими коммунистами в Москву на пленум ЦК РКП(б), был приглашен Зиновьевым к нему на совещание. На этом совещании речь шла о смещении Сталина с поста генерального секретаря. «Тов. Квиринг об этом совещании и о том, что там обсуждалось, нам никому ничего не сказал»[184], – оправдывались позже украинские делегаты. Однако сторонники Сталина сработали оперативно – о совещании им стало известно уже на второй день.

Квиринг же о своей договоренности с Зиновьевым и Каменевым молчал до тех пор, пока это было возможно. После «питерских событий» весны 1925 г., когда Зиновьев сделал попытку противопоставить центральному органу ЦК РКП(б) журналу «Большевик» собственный

теоретический орган, украинские коммунисты собрались на совещание, чтобы «выразить свое отношение к происшедшим событиям». И только там, «и то не подробно», Квиринг изложил «информацию об упомянутом совещании у т. Зиновьева»[185]. На состоявшемся в апреле 1925 г. пленуме ЦК КП(б)У говорилось, что эта история вызвала недоверие к Квирингу; созывается заседание Политбюро, на котором был поставлен вопрос о «необходимости ухода тов. Квиринга с поста генерального секретаря», с чем тот «вполне согласился»[186].

В своих «Памятных записках» Л.М. Каганович так описывал дальнейшие события: «Осложнение и обострение борьбы с троцкистстко-оппозиционными течениями в связи с новыми проявлениями антиленинской оппозиционности со стороны Зиновьева и Каменева и так называемой ленинградской оппозиции, обострение явлений националистических уклонов и местнических группировок... потребовали улучшения и укрепления руководства самого ЦК КП(б) Украины, которое на новом этапе обнаружило известные слабости»[187]. В беседе с поэтом и публицистом Ф.И. Чуевым Каганович выразился менее официально: «На Украине тогда (в 1925 г. – *Е.Б.*) поднимали голову троцкисты, рабочая оппозиция и зиновьевцы. В ЦК Украины большие колебания были. …Квиринг колебался, Петровский колебался, решили туда послать Кагановича. И я поехал, повел борьбу за спасение организации на платформе ЦК»[188].

Действительно, ситуация в парторганизации Украины вызывали серьезную озабоченность центра. Еще летом 1922 г. Ленин в своей записке Сталину по поводу высылки из России «меньшевиков, н.-с-ов, кадетов и т.п.» писал: «...Харьков обшарить, мы его не знаем, это для нас “заграница”»[189]. Действительно, в июле 1922 г. Д.З. Мануильский в качестве секретаря ЦК КП(б)У совершил поездку по Украине. В своем дневнике он отметил далеко не лучшие впечатления от встреч и бесед с

руководством районных парторганизаций. По его мнению, «полтавская верхушка разложена вдребезги», «никакой глубокой идейной работы в организации нет», «организация атаманская и что с этой атаманщиной придется покончить хотя бы каленым железом»[190]. О необходимости железной партдисциплины и борьбы с местничеством он говорил на конференции в Кременчуге[191]. В Киеве было туго с воспитательной работой[192], в Виннице вообще не чувствовалось руководство ЦК[193]. «Ознакомился с положением в районах: выводы неутешительные»[194], – писал Мануильский. Единственное благоприятное впечатление на него произвела одесская парторганизация, где он беседовал с местным руководством «по поводу взаимоотношений центра с местами». «С одесскими товарищами мы договоримся»[195], – решил Мануильский.

Однако отсутствие «железной дисциплины» являлось не единственной проблемой украинских парторганизаций. Осенью 1923 г. у главного тогда противника Сталина – Л.Д. Троцкого было немало сторонников на Украине[196], что вызвало серьезную озабоченность «тройки» – своеобразного «триумвирата» трех высших партийно-государственных деятелей – председателя Петроградского совета и председателя исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьева, заместителя главы Совнаркома Л.Б. Каменева и генерального секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина. Вскоре после совещания в письме Г.Е. Зиновьева Сталину от 31 июля 1923 г. дается краткая характеристика положению на Украине: «Тут был на днях Раков[ский]. Приезжал к Тр[оцкому], к нам не заходил. Украину, по-моему, надо серьезно укрепить новыми крупн[ыми] людьми»[197]. На фоне сложной расстановки сил внутри партии и ее руководящих органов, украинская парторганизация могла сыграть существенную роль во внутрипартийной борьбе.

Подразумевая усиление национальных моментов в партийном и государственном строительстве, украинизация способствовала

выдвижению местных национальных кадров на руководящую работу, что создавало возможность оказывать влияние на местные республиканские парторганизации. Кроме того, украинизация имела особое значение в связи с процессом бюрократизации советского общества и образования его нового правящего слоя – номенклатуры. Кандидатуры на руководящие посты в партийном и советском аппарате предварительно рассматривались и обсуждались партийными комитетами. Партийный контроль за назначением на должности был упорядочен и приведен в определенную систему решением Политбюро в ноябре 1923 г.[198] Список номенклатурных должностей постоянно расширялся и касался уже не только высшего, но и среднего звеньев управления. Поскольку кадры для номенклатуры пополнялись за счет «выдвиженцев», коренизация, проходившая в советских республиках, создавала благоприятные условия для формирования национальной партийно-советской бюрократии.

Это обстоятельство открывало для главы украинских коммунистов хорошие перспективы для регулирования кадрового состава партийных и советских руководящих работников, тем более что национальный состав КП(б)У не соответствовал курсу на коренизацию партии в республиках. Требование центрального партийного руководства увеличить численность членов партии «местной национальности» в республиканских парторганизациях могло существенно изменить облик последних, а при помощи умелой кадровой политики новый глава украинских коммунистов мог пополнить ряды сторонников Сталина.

В Москве состоялось совещание, в котором участвовали представители украинского политбюро. Кандидатом на пост нового генерального секретаря ЦК КП(б)У был выдвинут секретарь ЦК РКП(б) В.М. Молотов, а после его отказа – 32-летний Л.М. Каганович. «Я заявил, что согласен поехать на Украину, тем более что я вырос как большевик и работал в подполье на Украине, но не уверен, справлюсь ли с такой

большой работой. Мои сомнения не нашли поддержки. В частности, товарищ Сталин доказывал их несостоятельность, а представители ЦК Украины обещали мне всяческую поддержку»[199], – вспоминал позже Каганович. Таким образом, смена руководства украинской парторганизации была напрямую связана с борьбой с оппозицией в центре.

В Харьков Каганович приехал к пленуму ЦК и ЦКК КП(б)У, который состоялся 5–7 апреля 1925 г., где и был избран генеральным секретарем украинской компартии. На пленуме прозвучал рассказ члена ЦК РКП(б) и политбюро ЦК КП(б)У, председателя ВУЦИК Г.И. Петровского о позиции Квиринга на упомянутом выше совещании у Зиновьева по вопросу «о смене с поста генерального секретаря т. Сталина и назначение его председателем РВС»[200]. По его словам, Квиринг предложил вопрос о смене генерального секретаря снять с обсуждения», однако не проинформировал об этом остальных украинских лидеров, что вызывало «вопрос о доверии ЦК РКП к нам и в частности, а может быть и в особенности, к т. Квирингу»[201]. После этого состоялось заседание Политбюро КП(б)У, на котором было принято решение о необходимости отставки Квиринга. Кроме того, Политбюро «решило настаивать перед ЦК РКП на назначении к нам в генеральные секретари т. Молотова». «Когда мы с тов. Чубарем были в Москве по поводу этого вопроса, наше решение о снятии тов. Квиринга было одобрено, – заявил Петровский, – что же касается тов. Молотова, то т. Сталин должен был поставить этот вопрос на очередном заседании политбюро ЦК РКП, решения которого мы ожидать не могли и уехали. ЦК РКП… предложило нам т. Кагановича, который здесь вот присутствует»[202].

Пленум, помимо выбора нового главы украинских коммунистов, оказал большое влияние и на судьбу украинизации. На этом партийном форуме отчетливо прозвучали новое отношение к проведению украинизации. Подводя итоги двухлетней работы партии в этой области,

А.Я. Шумский констатировал: «…мы пошли в некоторой степени по линии наименьшего сопротивления и что линия партийной политики в национальном вопросе получила некоторый уклон в сторону украинизации, главным образом, советского аппарата, соприкасающегося с селом, и низового сельского просвещения, оставляя почти незатронутыми украинизацией партийную жизнь, партийный аппарат и жизнь рабочих организаций»[203]. При этом особое внимание он уделил трудностям украинизации советского аппарата. По его словам, «стоящая во главе советского аппарата партийная верхушка не украинизировалась», а выполнение украинизации было формальным: «…для укранизации того или иного советского органа приглашается в качестве переводчиков какой-нибудь Петренко, Карпенко или Ковбаса, который и переводит на украинский язык все то, что входит в свет из недр данного учреждения. …партия в течение этих двух лет сделала чрезвычайно мало в смысле овладения украинским языком»[204]. В результате партия «не приобщилась к украинской общественной жизни», и «начинают воскресать… политические трупы вроде Грушевского и других, которые начинают восстанавливать порванные в период гражданской войны общественно-политические связи»[205].

Выступивший в прениях Л.М. Каганович подчеркнул, что он считает вопрос о кадрах кардинальным: «И здесь вопрос стоит не только об украинском языке. Тут речь идет о подготовке украинцев, и от этого отказываться нельзя. Конечно, вся партия – и русский кадр, и в первую очередь, старые большевики, старая гвардия – должна заняться изучением украинского языка, чтобы приблизиться к украинским массам. Но нужно подготовить украинских работников, которые, зная быт, психологию, были бы марксистски грамотны»[206].

После пленума, 17 апреля 1925 г., состоялось заседание политбюро ЦК КП(б)У, на котором новый лидер украинских коммунистов выступил с

планом «конкретных мероприятий по проведению постановлений пленума ЦК об украинизации». Политбюро постановило, что в ближайшее время основное внимание должно быть сосредоточено на украинизации партаппарата, для чего предполагалось улучшить «существующую сеть курсов», в том числе организовав летние «краткосрочные повторные курсы для переподготовки низовых работников на украинском языке», просить ЦК РКП(б) командировать на Украину «всех товарищей, оканчивающих Свердловку, Университет Зиновьева, Институт красной профессуры и Коммунистическую академию и знающих украинский язык». Особое внимание полагалось обратить на «выдвижение работников из украинцев, в первую очередь, рабочих и крестьян». Предполагалось и разработка «практических мероприятий по украинизации печати»[207].

Решение активизировать украинизацию было принято не случайно. Помимо внутрипартийных причин, это было обусловлено и внешними обстоятельствами. К этому времени во внешнеполитической стратегии сталинского руководства произошли существенные изменения. Провал «германского октября» в 1923 г. заставил по-новому взглянуть на постреволюционную реальность. Правда, еще некоторое время большевики, видимо, ожидали возобновления национально-классовой борьбы на своих западных рубежах, в связи с чем проводили диверсионную военно-подрывную работу в Польше. Однако 25 февраля 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) секретным постановлением приняло решение ликвидировать «активную разведку», т.е. организацию связи, снабжения и руководства диверсионными отрядами в Польше. Вся боевая и повстанческая работа передавалась в «полное подчинение коммунистических партий данной страны» и должна была вестить исключительно в интересах «революционной работы данной страны»[208].

Действительно, большевистское руководство, хотя и рассчитывало определенное время на скорую мировую революцию, однако в то же время

предпринимало немалые усилия к сплочению недавно созданного Союза ССР и всячески противодействовало любым тенденциям, могущим привести к дезинтеграции нового государственного образования. А таким дезинтегрирующим фактором по отношении к Украинской ССР могли стать украинские земли, оказавшиеся в составе других государств – Польши, Чехословакии и Румынии. Польше в этой связи отводилось особое внимание, поскольку именно в ее составе оказался пресловутый «украинский Пьемонт» – Восточная Галиция, где украинское движение было значительно более развито, нежели в Буковине или Подкарпатской Руси. Советское руководство опасалось возможных действий польских властей по «собиранию» украинских земель, и на протяжении всех 1920-х гг. уделяло большое внимание Польше.

Это объяснялось тем, что, еще начиная с 1919 г., западные соседи предпринимали попытки координации своей политики в отношении Москвы. Так, в первой половине 1920-х годов (1919–1926 гг.) состоялось около 60 различных «балтийских конференций» с участием Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и Польши. Правда, Большой балтийский блок создать не удалось (в значительной степени из-за захвата поляками в октябре 1920 г. Вильно, переданного ранее большевиками Литве), однако эта идея постоянно беспокоила советских руководителей[209].

К тому же еще в январе 1921 г. Польша заключила договор с Румынией о взаимных гарантиях на случай советской агрессии, а в апреле и июне 1921 г. были заключены пакты Румынии с Чехословакией и Югославией, что привело к окончательному оформлению Малой Антанты. В феврале 1921 г. был заключен франко-польский, а в январе 1924 г. – франко-чехословацкий союзы, в результате чего эта сеть соглашений на рубежах СССР была укреплена поддержкой сильной военной европейской державы[210]. Как считают О.Н. Кен и А.И. Рупасов, «логика

международных комбинаций придала Малой Антанте побочную антисоветскую функцию»[211].

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 3 апреля 1925 г. говорилось, что «факт создания блока из Прибалтийских стран, Польши и Румынии таит в себе непосредственную угрозу безопасности СССР». Кстати, эта установка продолжала существовать и в последующие годы. 19 апреля 1928 г. на заседании Политбюро также отмечалось, что военная опасность угрожает Советскому Союзу главным образом со стороны Польши[212].

В 1925 г. действиям по разложению вышеупомянутого блока уделялось большое внимание, и прекращение диверсионно-разведывательной работы в Польше должно было сыграть свою роль. Можно предположить, что большевистское руководство предпочло перейти от таких открытых действий к методу убеждения и продемонстрировать украинцам в Польше (а также в Чехословакии и Румынии) все преимущества социалистического общественного устройства. 25 июня 1926 г. Дзержинский писал в Секретно-оперативное управление ОГПУ Г.Г. Ягоде: «Переворот Пилсудского… является выражением националистических сил в Польше, направленных против «России», т.е. нас, целиком поддержанных Англией. Поэтому, безусловно, мы должны все свои силы направить на подготовку к обороне. Объектом захвата поляков будет Белоруссия и Украина – Минск и Киев, как столицы их». Дзержинский ставил перед ОГПУ такие задачи: «…Изучение и постоянное наблюдение за белорусскими и украинскими настроениями, партиями и лицами и крестьянских масс, как враждебных нам, так и дружественных. … Изыскивать меры для поднятия в Зап[адной] Белор[уссии] и Зап[адной] Укр[аине] симпатий к нам. …. Изыскивать меры и постоянно наблюдать за их проведением по улучшению настроения и по отношению к нам (к СССР) населения Белоруссии и Правобережной Украины»[213].

В феврале 1925 г. Политбюро приняло упомянутое выше решение о прекращении активной разведки, а уже в апреле Л.М. Каганович оказывается в Харькове, где, с одной стороны, приступает к искоренению оппозиции, с другой – интенсифицирует украинизационные процессы в республике. После пленума была создана Комиссия политбюро по украинизации со специальными подкомиссиями (по украинизации партии, народного просвещения, государственного аппарата, печати, профсоюзов, армии)[214]. 23 июля 1925 г. при Наркомате просвещения была создана Государственная комиссия для разработки правил правописания украинского языка[215]. Главным результатом работы комиссии стало проведение в Харькове в 1927 г. так называемой правописной конференции, предметом обсуждения которой стала единая система орфографии[216] (она была введена в действие в 1928 г. постановлением СНК УССР)[217].

30 апреля 1925 г. ВУЦИК и СНК УССР опубликовали постановление «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата», по которому перейти на украинское делопроизводство в государственных учреждениях и государственных торгово-промышленных предприятиях надлежало не позднее 1 января 1926 г. Кроме того, речь шла об увеличении тиражей учебных изданий и художественной литературы на украинском языке. На рабоче-крестьянскую инспекцию возлагалась обязанность проведения периодических проверок украинизации советского аппарата. Кстати, этим же постановлением учреждалась упомянутая выше Центральная всеукраинская комиссия по руководству украинизацией[218].

Таким образом, вводился новый срок «полной украинизации». При этом специальный, 15-й пункт постановления гласил: «сотрудники государственных учреждений и государственных торгово-промышленных предприятий, у которых замечено будет отрицательное отношение к

украинизации, выражающееся в том, что за истекший период они не принимали никаких мер к изучению украинского языка, могут быть администрацией этих учреждений и предприятий уволены без выдачи выходного пособия». На рабоче-крестьянскую инспекцию возлагалась обязанность проведения периодических проверок состояния украинизации[219].

Однако одним этим постановлением дело не ограничилось. 16 июля 1925 г. Совнарком принял постановление «О практических мерах по украинизации советского аппарата», согласно которому руководство украинизацией служащих возлагалась на Центральную всеукраинскую комиссию при Совнаркоме, а при всех учреждениях в центре и на местах организовывались специальные ведомственные комиссии, которые должны были проводить проверки знания украинского языка у сотрудников учреждений и организаций, организовать обучение украинскому языку на специальных курсах и проводить аттестацию после их окончании. Выпускникам присваивалась одна из трех категорий в зависимости от знания украинского языка: «знающие язык и могущие свободно проводить работу в учреждениях», «нуждающиеся в усовершенствовании знаний», «не знающие языка»[220]. Центральную всеукраинскую комиссию возглавил председатель украинского Совнаркома В.Я. Чубарь.

Украинское партийное руководство убеждало чиновников, что на этот раз поблажек не будет, а за украинизацию советского аппарата взялись решительно[221]. В газете «Коммунист»[222] 6 июня 1925 г. была помещена статья М. Перваченко под заголовком «Украинизация советского аппарата должна быть закончена». В статье речь шла о недопустимой пассивности «некоторых ответственных работников центральных советских учреждений и высших хозяйственных органов», особенно общесоюзного значения, об отсутствии у них «готовности

выполнить директивы партии», об игнорировании постановлений об украинизации. Таких руководителей автор статьи предлагал «призвать к порядку по партийной линии», а непокорных чиновников – увольнять[223]. Впрочем, через несколько дней, 20 июня, в том же «Коммунисте» появилась еще одна статья об украинизации советского аппарата. Ее автор, Ю. Бодняк, считал вопрос об украинизации более сложным, нежели полагал Перваченко. Признавая, что «до сих пор вопрос украинизации в крупных городских учреждениях оставался веселым разговором, а не делом», Бодняк был убежден, что «здесь дело не в злой воле большей или меньшей части ответственных работников, а в сложнейших объективных трудностях». Как полагал Бодняк, украинизация в течение 5-6 месяцев возможна, когда речь идет о «составление протокола, текущего краткого отношения, записки и т.п., а не о сложной работе (составление докладов, тезисов и пр.), которую приходится выполнять ответственным работникам». Кроме того, не так просто можно было заменить «неответственных работников», поскольку соответствующего «резерва как будто и не предвидится ни на периферии, ни в городах». В конце статьи было размещено мнение редакции, которая была согласна с Бодняком, что «в системе проведения украинизации видное место должны занять меры общественно-воспитательного воздействия». Однако редакция считала позицию автора статьи слишком осторожной. «Но автор ошибается, когда говорит, что невозможно украинизировать соваппарат в 5-6 месяцев, – утверждала редакция. – Работа по украинизации соваппарата идет уж 6-ой год и затяжной характер ее отчасти объясняется наличностью противодействия внутри советского аппарата. Это противодействие требует наряду с общественно-воспитательной работой, также и мер административного свойства для ускорения украинизации»[224].

Центральная комиссия политбюро по украинизации предложила Наркоматам и центральным учреждениям республики немедленно

провести «точный подсчет личного состава сотрудников Наркоматов и подведомственных им учреждений с целью выяснения степени знания ими украинского языка»[225]. На общих собраниях надлежало ознакомить служащих с декретом ВУЦИК, «разъяснить общественное значение этого вопроса и предупредить их, что после окончательной проверки те их служащих, которые своевременно украинский язык, будут… уволены со службы»[226]. Одновременно следовало постоянно на партсобраниях и со страниц партийной печати вести пропагандистскую работу, чтобы «преодолеть существующую инертность и напоминать о важности дела украинизации»[227].

23 сентября 1925 г. Совнарком УССР постановил провести и в центре, и на местах проверку знаний сотрудников украинского языка «для выявления достижений в деле изучения языка». Окружным исполнительным комитетам, народным комиссариатам, центральным учреждениям предлагалось «на основе постановления ВУЦИК и СНК УССР от 30 апреля 1925 г. «О мерах срочного проведения полной украинизации соваппарата» уволить с должностей сотрудников, которые до настоящего времени не овладели украинским языком»[228]. 30 декабря 1925 г. Центральная всеукраинская комиссия по украинизации советского аппарата приняла решение провести несколько показательных увольнений, основываясь на постановлении от 30 апреля, – уволить тех служащих из третьей категории, кто враждебно относился к изучению украинского языка. Впрочем, 1 февраля 1926 г. комиссия решила ограничиться «условным увольнением» с должности служащих, не владеющих украинским языком, т.е. «условно оставить» их на службе[229]. Подобные случаи увольнения должны были быть оформлены в соответствии с принятым законодательством, поэтому необходимо было выяснить, насколько ст. 15 постановления от 30 апреля 1925 г. соотносится с существующим Кодексом законов о труде.

15 февраля 1926 г. Центральная комиссия по украинизации постановила: «Считать, что увольнение с должности сотрудников, проявивших неуважительное или враждебное отношение к украинизации, а также проявивших недостаточное знание украинского языка, соответствует постановлению Правительства УССР по украинизации соваппарата, при этом означенное постановление является также и предупреждением об увольнении в случае не изучения украинского языка». Одновременно комиссия предложила Наркомтруду УССР «издать по своей линии соответствующий разъяснительный циркуляр»[230]. После проведения соответствующих согласований СНК УССР 1 июля 1926 г. признал постановление ВУЦИК и СНК УССР от 30 апреля 1925 г. исключительным, т.е. «общие положения Кодекса Законов о труде к случаям увольнения в порядке, предусмотренном вышеуказанным постановлением ВУЦИК и СНУ УССР, применяться не могут»[231]. Как указывал Наркомюст, постановление ВУЦИК и СНК от 30 апреля 1925 г. является исключительным. Положения Кодекса законов о труде, касающиеся прекращения трудового договора по пункту «г» ст. 47 только после разрешения оценочно-конфликтной комиссии, не могут применяться к случаям увольнения, предусмотренным ст. 15 постановления от 30 апреля. Такие увольнения проводятся «администрацией учреждения или предприятия без передачи дела на рассмотрение конфликтно-оценочной комиссии, в порядке, установленном ЦК Комиссии украинизации соваппарата при СНК УССР»[232].

Республиканское руководство настаивало на повсеместном введении делопроизводства на украинском языке: отдельные исключения касались лишь административно-территориальных единиц, созданных по национальному признаку[233]. После апрельского постановления встал вопрос о том, на каком языке должна была вестись переписка учреждений и организаций УССР (главным образом – филиалов общесоюзных) с

общесоюзными органами: обязаны ли филиалы общесоюзных организаций на Украине вести переписку с украинскими организациями по-украински? Обязаны ли филиалы общесоюзных органов на Украине вести свое внутреннее делопроизводство на украинском? Имеют ли право украинские организации (включая филиалы общесоюзных учреждений и организаций на Украине) вести переписку с общесоюзными организациями в Москве на украинском? В данном случае позиции республиканских и общесоюзных властей оказались различными. Довольно подробно эту ситуацию проанализировал Т. Мартин. Республиканские власти настаивали на ведении делопроизводства на украинском языке, ВСНХ считало, что принятые украинским руководством постановления «выходят за рамки республиканской компетенции и требуют непомерных расходов», о чем и сообщило Президиуму ЦИК 5 мая 1925 г.[234] В октябре 1925 г. Совет Национальностей поддержал ВСНХ и принял постановление, отрицавшее право республик навязывать общесоюзным организациям тот или иной внутренний рабочий язык[235]. Украинские власти сочли это постановление «нарушением принципов советской национальной политики»[236].

Как подчеркнул Т. Мартин, Сталин поддержал в этом споре национальные республики. 18 ноября в письме М.И. Калинину, сославшись на мнение Политбюро, Сталин указывал, что решение Совета Национальностей «противоречит партийной линии в национальной политике» и предложил внести изменения в документ «в том духе, что, во-первых, любые документы могут посылаться во ВЦИК представителями любой национальности на любом языке без каких-либо ограничений и, во-вторых, что в самом ВЦИК следует создать особый отдел переводчиков, сведущих во всех языках РСФСР»[237]. ЦИК отменил решение Совета Национальностей и попросил Совнарком принять постановление в поддержку позиции Украины[238]. Однако СНК СССР не торопился принимать такое постановление. В результате вопрос о языке переписки

украинских организаций с общесоюзными пока оставался открытым, что приводило к возникновению конфликтных ситуаций: ЦИК просил сопровождать письма из республик переводом на русский язык, украинская сторона в ответ ссылалась на «право каждой союзной республики использовать язык собственной территории». Как замечает Т. Мартин, Украина даже посоветовала ЦИК нанимать переводчиков[239].

Вопрос сдвинулся с мертвой точки только почти через два года. Сначала, в июле 1927 г., союзный Совнарком окончательно подтвердил, что Красная Армия обладает исключительным статусом и может вести свое делопроизводство на русском языке на всей территории Советского Союза[240]. Затем 6 февраля 1928 г. заместитель председателя СНК и СТО СССР Я.Э. Рудзутак внес в Политбюро ЦК ВКП(б) вопрос «О языках, употребляемых в сношениях государственных учреждений Союза ССР и предприятий общесоюзного значения, а равно и государственных учреждений и предприятий союзных республик, находящихся на территории других союзных республик». Было решено отложить его рассмотрение на два месяца, поручив РКИ обсудить этот вопрос с Украиной. 1 марта 1928 г. по просьбе ЦК КП(б)У обсуждение вновь отложили до пленума ЦК ВКП(б), намеченного на апрель 1928 г. 19 апреля 1928 г. была создана специальная комиссия для разработки проекта постановления, но 10 мая 1928 г. по просьбе В.Я. Чубаря рассмотрение вопроса вновь было отложено. 17 мая 1928 г. его в очередной раз отложили до приезда представителей ЦК КП(б)У[241]. Постановление было принято 24 мая 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) признало правильным «решение украинского правительства об обязательном изучении служащими государственного и хозяйственного аппарата союзного значения украинского языка, а также обязательном ведении переписки союзных органов со всеми органами и учреждениями УССР, равно как с украинским населением, на украинском языке». Однако, учитывая

«трудности подбора в ближайшее время высококвалифицированных руководящих кадров, владеющих украинским языком», Политбюро продлило сроки введения украинского языка во внутреннем делопроизводстве союзных учреждений и признало неправильным «такое толкование закона об обязательности изучения украинского языка, которое бы приводило к недопущению на службу лиц, не владеющих еще украинским языком»[242].

Очевидно, что для руководства УССР вопрос о языке делопроизводства филиалов общесоюзных организаций был принципиальным: таким образом оно подтверждало серьезность своих украинизационных усилий и оказывало давление на чиновников, пользовавшихся русским языком и не торопившихся изучать украинский. Сотрудники советских учреждений пока не были убеждены, что украинизация предпринята «всерьез и надолго». По свидетельству Организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б), обследовавшего в декабре 1925 г. положение в парторганизациях национальных республик, «отрыжки великорусского национализма проявляются … в явном или скрытом сопротивлении партработников к проведению различных мероприятий по национальной политике. Так, в Белоруссии часть работников считает, что национальная политика проводится для заграницы, что знание белорусского языка нужно лишь для рядовых партийцев, но не для ответственных работников и т.д. Такие настроения имелись и на Украине, и в ряде других республик и областей»[243].

Для партийного руководство было необходимо заставить чиновников изучить украинский язык, поскольку соответствующих кадров не хватало. Кадры со знанием украинского языка требовались не только для государственных учреждений. Большого количества специалистов требовала также украинизация образования и науки, всей культурной жизни республики. 6 августа 1925 г. комиссия по украинизации

Политбюро ЦК КП(б)У специально рассматривала вопрос об использовании украинской интеллигенции из Восточной Галиции. Было решено выявить «все способные к работе силы и использовать их» в УССР[244]. Чтобы придать авторитетность и полновесность своим украинизаторским усилиям, украинское руководство позволило еще в 1924 г. возвратиться на родину М.С. Грушевскому. С его помощью украинское партийное руководство демонстрировало внешнюю серьезность своих намерений в деле строительства национальной культуры и вносило раскол в ряды убежденных противников советской власти, прежде всего в эмигрантской среде.

В 1926 г. вернулся на Украину известный географ С.Л. Рудницкий, а в 1927 г. – признанный специалист по международному и государственному праву, истории юриспруденции М.М. Лозинский[245]. Вообще в период украинизации на родину вернулось немало галичан, особенно представителей творческой интеллигенции и инженерно-технических работников. Украинские специалисты А.С. Рублев и Ю.А. Черченко полагают, что речь шла о десятках тысяч выходцев из Западной Украины[246]. В одном из писем М.С. Грушевский писал, что в УССР из Галиции переехало около 50 тыс. человек, некоторые с женами и семьями, молодые люди, мужчины[247]. Много галичан работало в аппарате Наркомпроса Украины. В Укрнауке работали М.И. Яворский, К.И. Коник, М.Л. Баран; ученым секретарем Наркомпроса были А.И. Бадан-Яворенко, а затем И.М. Зозуляк; личным секретарем Скрыпника был галичанин Н.В. Ерстенюк[248].

Немало галичан было среди писателей, художников, артистов. Активно работал Союз революционных писателей «Западная Украина», объединивший около 50 литераторов и художников, выходцев из Западной Украины. До 1929 г. этот союз возглавлял С.М. Семко-Козачук, который в 1927–1929 гг. был также ректором Киевского института народного

просвещения. В 1929 г. после возвращения из Канады союз возглавил М. Ирчан. Активными членами этой организации были В. Атаманюк, В. Гжицкий, Л. Дмитерко, Д. Загул, М. Гаско, В. Касьян, М. Козорис, Ф. Малицкий, М. Марфиевич, Я. Струхманчук, И. Ткачук и другие. Руководство союза располагалось в Харькове, а филиалы работали также в Киеве, Днепропетровске, Одессе[249]. Среди актерской группы Государственного драматического театра «Березиль» также были уроженцы западноукраинских земель А. Бучма, И. Гирняк, М. Крушельницкий, С. Федорцева[250].

Таким образом, с первых же дней своего пребывания в должности главы украинских коммунистов уроженец деревни Кабаны Киевской губернии Каганович проявил себя ярым сторонником украинизации. Желания нового руководства сразу же стали понятны украинским коммунистам. Д.З. Лебедь теперь выказывал свою лояльность и готовность проводить в жизнь решения партии по украинизации. В письме Кагановичу от 5 июня 1925 г. Лебедь писал: «То, что Вы уже начали проводить украинизацию, в этом меня убеждает первое заседание комиссии по украинизации. Все таки надо иметь в виду, что сопротивление со стороны аппаратов центральных ведомств будет оказано основательное… Нам, очевидно, придется по проверке выделить несколько наиболее злостных случаев бюрократизма, волокиты, сопротивления и использовать для специального какого-нибудь судебного или иного процесса, чтобы тем самым взять тон в деле украинизации»[251].

Лебедь предлагал создавать благоприятную «общественную атмосферу» в городах путем использования таких «мелочей», как объявления, вывески, указатели в государственных ведомствах, учреждениях и частных организациях. Таким образом, то, что ранее многие называли «петлюровщиной», теперь считалось вполне приемлемым и необходимым: «Петлюра украинизацию начал с вывесок и

плакатов, то теперь, по-моему, это не более не менее как средство, облегчающее создание положительной и общественной атмосферы вокруг дела украинизации»[252].

Между тем, деятельность Кагановича по интенсификации украинизационных процессов стала приводить к изменениям состава партии. Как уже упоминалось, в 1922 году украинцы составляли 23 % всех коммунистов; а на 1 января 1926 года их численность в КП(б)У составила 43,9 %[253]. При этом происходили изменения и «качественного состава» КП(б)У. Уже в июле 1925 г. на пленуме ЦК КП(б)У обсуждались вопросы «продолжающейся фракционной оппозиционной работы старых и вновь возрождаемых групп оппозиционеров и усиления более глубокой, идейно-принципиальной и организационной борьбы с ними; вопросы улучшения руководства парторганизациями со стороны ЦК»[254]. Это было особо необходимо накануне перевыборов партийных органов и подготовке к IX съезду КП(б)У, который должен был состояться в декабре 1925 г.

Для Кагановича было важно расширить ряды последовательных сторонников Сталина. Украинский ЦК организовал «выезд членов Политбюро ЦК КП(б)У на места». Сам Лазарь Моисеевич посетил те регионы, которые требовали постоянного контроля – Киев, Донбасс и Екатеринослав. Поездки предпринимались с целью «улучшения и укрепления общегосударственной и общепартийной дисциплины в направлении выполнения общепартийных и общегосударственных решений ЦК партии и Советского правительства»[255]. Каганович с гордостью подчеркивал, что все окружные и крупные районные конференции, состоявшиеся в конце 1925 г., «одобрили работу ЦК КП(б)У и особенно политику и деятельность ЦК РКП(б)». IX съезд КП(б)У также полностью одобрил «политическую и организационную линию ЦК РКП(б)» и «решительно осудил оппозиционные атаки на проводника ленинской линии – ЦК нашей партии»[256]. Сделано это было в основном

при помощи жесткого административного нажима – оппозиционеры жаловались на «давление», «зажим» и «травлю» со стороны ЦК[257].

За недовольными зорко следили органы госбезопасности. Так, 8 января 1926 г. председатель ГПУ Украины В.А. Балицкий сообщал «всем членам политбюро ЦК КП(б)У» и лично Кагановичу о настроениях в одесской парторганизации. Начальник одесского окружного отдела ГПУ доносил Балицкому о том, что «после XV-й партконференции (судя по датировке документа, должно быть – XIV. – *Е.Б.*[258]) в отдельных ячейках Свердловского района принимаются оппозиционные резолюции, имеются случаи значительного числа голосовавших против и воздержавшихся. На некоторых собраниях ячеек Свердловского района также создавалось впечатление, что оппозиционерами руководит какая-то группа»[259]. Распространялись листовки «группы членов ВКП и ЛКСМ, стоящих на платформе т. Троцкого». Листовки имели целью «отмести от оппозиции те обвинения, которые предъявлены... ЦК и не находятся в прямой связи с сущностью вопросов разногласия. Сюда относятся: нарушение партдисциплины в системе проведения взглядов оппозиции, отход от ленинизма и меньшевистский уклон»[260]. По подобным сигналам принимались оперативные решения, что дало возможность Кагановичу в своих «Памятных записках» констатировать: «Борясь с неотроцкистами-зиновьевцами, которые в период между XIV конференцией и XIV съездом партии откатывались на антиленинские, троцкистские позиции, партия решительно отклонила троцкистско-зиновьевские позиции. В первых рядах борцов с ними была закалившаяся ленинская парторганизация Украины»[261].

В условиях упорной борьбы со сторонниками Зиновьева и Каменева Каганович не мог не думать о выдвижении новых кадров, всецело ему преданных. Уже на IX съезде КП(б)У (6–12 декабря 1925 г.) в состав ЦК были введены новые товарищи, среди которых были «выдающиеся

рабочие-большевики». Для такого рода выдвиженцев украинизация открывала широкие возможности. Выступая на съезде, Каганович заявил, что «ни о каком вовлечении масс в государственное строительство не может быть и речи, если само государство и государственное строительство противоречат культуре, быту, языку той нации, которую они представляют»[262]. «Мы должны пойти вглубь, мы должны овладеть национальной культурой, а не только языком, – утверждал Каганович. – До сих пор еще у нас часть украинской интеллигенции во главе с Грушевским пытается монополизировать представительство украинской культуры; в частности, этот самый Грушевский… до сих пор пытается еще быть нейтральным, нигде открыто и прямо не признает Советской власти»[263]. Соответствующей была и резолюция съезда: «Партия должна усилить работу по овладению руководящими партиями и советскими кадрами украинским языком и растущим культурным строительством, укрепляя этим свою связь с массами и решительно пресекая все попытки мелкобуржуазных шовинистических групп украинской интеллигенции и кулачества влиять на крестьянство»[264].

Таким образом, украинское республиканское руководство первое время отнюдь не высказывало заинтересованности в активном проведении украинизации, и, хотя и начало предпринимать соответствующие меры, однако следить за их реализацией не спешило. Ситуация изменилась после назначения в 1925 г. генеральным секретарем ЦК КП(б)У Л.М. Кагановича, который сразу продемонстрировал свою готовность жестко следить за выполнением установок XII съезда. Верный соратник Сталина должен был вести КП(б)У в нужном патрону направлении, одновременно не давая усилиться на Украине его противникам по внутрипартийной борьбе и пополняя ряды партийных и советских работников «коренными украинцами». Активное проведение украинизации сразу же привлекло внимание широкой общественности и

породило дискуссии, в ходе которых решался вопрос о роли национальной культуры при социализме, о месте Украинской ССР в новом мире.

§ 4. Роль украинизации в создании нового «Пьемонта украинских трудящихся масс»: построения Н. Хвылевого и М. Волобуева

Большевистская политика коренизации носила «охранительный» характер, проявляющийся в протекционизме в отношении национальных языков и культуры, что означало изменение сложившейся ситуации в культурно-языковом пространстве Украины, в частности, соотношения сфер применения русского и украинского языков в пользу последнего. При этом речь шла не просто о повышении статуса украинской идентичности, но о новом распределении ролей между русскими и украинцами в социальной сфере. Принадлежность к украинской нации стала одним из необходимых условий успешной карьеры, наряду с социальным происхождением и членством в партии большевиков. В свою очередь, создававшаяся большевиками украинская советская элита пыталась укрепить свои позиции, в том числе и путем обоснования большого значения «украинскости» для дела мировой революции – УССР представлялась «новым Пьемонтом украинских трудящихся масс»[265].

Официальная поддержка украинского языка и культуры вызвало большой резонанс в обществе. После апрельского пленума ЦК КП(б)У 1925 г., на котором Л.М. Каганович продемонстрировал готовность принять меры к немедленной реализации принятых установок в области национальной политики, развернулась так называемая «литературная дискуссия». Следует заметить, что культурная жизнь в УССР (как, впрочем, и других республиках недавно созданного Советского Союза) в это время была весьма насыщенной. Существовало множество различного рода объединений – писателей, художников, музыкантов, существовало

даже объединение «работников революционной кинематографии». Отношение интеллигенции к культурному наследию было также самым различным: от весьма популярного революционного нигилизма, решительно боровшегося с «культурным старьем», до весьма бережного отношения к культурным традициям «неоклассиков», стремившихся поднять украинскую литературу на мировой уровень и высказывавшихся против революционно-массовой литературы[266]. Среди крупных творческих объединений выделялись два: «Плуг» (союз крестьянских писателей Украины, основанный в 1922 г.) и «Гарт» (союз пролетарских писателей Украины, основан в начале 1923 г.). Центры этих организаций находились в столице республики Харькове, в Киеве были их филиалы. Харьковский «Плуг» включал несколько секций, в т.ч. женскую, детской литературы, секцию писателей Западной Украины и др. В «Гарт», помимо писателей, входили журналисты, артисты, художники, робкоры и др.[267]

Отношения между различными организациями нередко были весьма напряженными. Так, пролетарская литературная организация «Гарт» во главе с В. Эллан-Блакитным находилась в весьма натянутых отношениях с союзом украинских крестьянских писателей «Плуг» (руководитель – С.В. Пилипенко). Пилипенко, считая основной задачей «Плуга» воспитание крестьянства в большевистском духе, был сторонником привлечения к культурному строительству широких масс украинского населения. Он утверждал, что сами рабочие и крестьяне должны быть творцами своей культуры. Блакитный же занимал несколько иную позицию. В 1924 г. он пытался создать пролетарскую академию украинской литературы, куда бы вошли наиболее талантливые коммунистические литераторы, способные привлечь массы к участию в литературном процессе и, одновременно, представить высокие образцы художественного творчества – всесоюзного и даже мирового уровня. Различным было и отношение этих двух организаций к Всеукраинской

ассоциации пролетарских писателей (ВУАПП). Блакитный выступил против ВУАПП, подчеркивая, что она является украинским филиалом Российской ассоциации пролетарских писателей, что нарушает принцип суверенитета литературных организаций в разных республиках. Пилипенко же, напротив, приветствовал федеративные связи с ВУАПП[268].

В бурной общественной и художественной жизни на Украине в 1920-е существенную роль сыграл молодой литератор Н. Хвылевой (псевдоним Н.Г. Фитилева, 1893–1933). Первоначально вступив в «Гарт», он довольно скоро убедился, что его не совсем удовлетворяют позиции этого художественного объединения. В середине 1920-х годов Хвылевой активно выступал за создание ВАПЛИТЕ – «Свободной (по-украински – *вільна*) академии пролетарской литературы». ВАПЛИТЕ объединяла около двух десятков известных писателей и поэтов – М. Яловой, Н. Бажан, П. Довженко, Н. Кулиш, Ю. Смолич, В. Сосюра, П. Тычина и др.

На таком фоне и развернулась в 1925 г. известная литературная дискуссия. Начало дискуссии положила статья писателя-плужанина Г. Яковенко «О критиках и критике в литературе», опубликованная 20 апреля 1925 г. в газете “Культура і побут”. В статье речь шла о маститых писателях[269], мешающих утвердиться в литературе молодым дарованиям из крестьян. Яковенко весьма агрессивно изобличал Н. Хвылевого, О. Слисаренко, А. Дорошкевича, бывших членами жюри литературного конкурса, объявленного журналом «Червоний шлях», и отвергнувших присланный на конкурс рассказ Яковенко. Яковенко предложил учредить при редакциях «идеологически выдержанных» рабоче-крестьянских контролеров, которые бы проверяли рецензии «олимпийцев»[270]. Хвылевой не заставил себя ждать с ответом, и 30 апреля 1925 г. в «Культурі і побуті» появилась статья «О “сатане в бочке”, или про графоманов, спекулянтов и прочих “просвитян”» об опасности «массовизма» в культуре.

С этого времени литературно-художественная жизнь на Украине протекала особенно бурно. Разгоралась дискуссия. Противники упрекали Хвылевого за невнимание к рабоче-крестьянскому творчеству. Пелипенко утверждал, что теперь бюсты Ленина значат больше, нежели Венера Милосская[271]. По выражению канадского ученого М. Шкандрия, «литературная критика и дискуссии, политика и идеология неуверенно балансировали между почтенными и проверенными традициями прошлого (патриотизм, народничество, культурное развитие и социальные реформы) и поисками духовного содержания нового мира (интернационализм, отрицание прошлого, классовая расплата и социалистическая революция)»[272].

Поднятые Хвылевым проблемы обсуждались на киевском диспуте 24 мая 1925 г., организованном по инициативе ВУАН. 31 мая в «Культурі і побуті» появилось второе письмо Хвылевого к литературной молодежи[273], а 21 июня – третье[274].

В конце 1925 г.[275] выходит следующий памфлет Хвылевого – «Размышления о направлении», а в № 11 «Червоного шляху» вышла статья «“Ахтанабиль” современности, или Валериан Полищук в роли лектора коммунистического университета». Третий цикл памфлетов Хвылевого под названием «Апологеты писаризма. К проблеме культурной революции» появились в «Культурі і побуті» в феврале–марте 1926 г. В этом же году Хвылевой написал и самый известный свой памфлет – «Украина или Малороссия?», так и не опубликованный в то время. Без сокращений он вышел лишь в 1990 г. Впрочем, первые два цикла памфлетов уже в 1920-е годы вышли отдельным изданием – «Камо грядеши (Куда идем)» (1925) и «Размышления о направлении» (1926). «Апологеты писаризма» остались в газетном варианте.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в украинской культуре, Хвылевой уделял большое внимание формам и методам работы различных

художественных организаций (прежде всего – «Гарта» и «Плуга»). Как истинный большевик, Хвылевой искал причины разногласия между ними не в сфере идеологии или политики, а в особенностях социально-экономической ситуации в УССР. Поскольку на Украине сохраняются еще элементы капитализма, писал Хвылевой, постольку возрождается и молодая буржуазия: в городе – нэпманы, в деревне – кулак (куркуль)[276]. При этом, по мнению Хвылевого, нарождающаяся сельская буржуазия представляет собой большую опасность, нежели городская, поскольку оказывает большее влияние на искусство. «В той невидимой борьбе за влияние на искусство, которая ведется между куркулем и нэпманом (поскольку их интересы не всегда совпадают), – говорится в памфлете, – больше шансов на победу у первого»[277]. Объяснял это Николай Григорьевич тем, что до революции украинская интеллигенция идеологически была связана с деревней, с пролетариатом же и городской буржуазией – весьма слабо. Сегодня, утверждал литератор, ситуация пока примерно та же, но вскоре может измениться, и причину такого изменения Хвылевой тоже называл – украинизация. «Украинизация, открывая нашей нации широкие двери в мир, ускоряя процесс классовой дифференциации на Украине, одновременно устанавливает для идеологии столыпинского «отруба» радиорупор на одной из центральных улиц города»[278], – писал Николай Григорьевич.

Кто же в такой ситуации оказывался в большей опасности, спрашивал Хвылевой: мы, «олимпийцы», или же литературные «массовики»? «Олимпийцы», рассуждал Хвылевой, представляют собой численно небольшую группу, и эта группа уже не связана какими либо идеологическими связями с кулачеством, да и вообще с деревней, и потому не может быть проводником «куркульского» влияния на искусство. Быть же проводником идеологии нэпманов «олимпийцы» могут – теоретически – но при условии отрыва от партии. А среди «олимпийцев» членов партии

– половина, и партия непосредственно вносит коррективы в работу этой группы[279].

Ситуация же в «Гарте» и «Плуге», считал Хвылевой, прямо противоположная. Рассматривая социальный состав этих организаций, Хвылевой обращал внимание, что позиционировать их как рабоче-крестьянскую молодежь несколько ошибочно, поскольку, прежде всего, «никакой рабочей массы в организациях «Гарт» и «Плуг» не было и еще долго не будет»[280]. Объясняется это довольно просто: рабочий класс на Украине до последнего времени был оторван от украинской культуры. Крестьянская же молодежь в «Плуге» действительно есть, в том числе и бедняцкая. Но идеологически руководящий аппарат обеих организаций весьма слаб, и не может противостоять натиску экономически и культурно сильного «куркуля». К тому же эти аппаратчики, претендуя на руководство культурой, занимаются в основном чиновничьей перепиской, являясь при этом людьми малообразованными (и в плане искусства, и в плане знания марксизма). Поэтому, рассуждал Хвылевой, Пилипенко, «хочет он того или нет, сдает куркулю позицию за позицией»[281].

Учитывая особенности этнокультурной ситуации в УССР, Хвылевой видел перспективу развития украинской культуры в ее национальной ориентации: «Поскольку украинская нация столько столетий искала своего освобождения, постольку мы расцениваем это как непреодолимое ее желание *выявить и использовать* свою национальную (не националистическую) окраску»[282] (здесь и далее выделено Хвылевым – *Е.Б.*). Хотя эта точка зрения совпадает с чаяниями мелкой буржуазии, это совсем не означает, что такое мнение ошибочно, утверждает писатель, поскольку, по его словам, такая установка последовательно исходит из политики партии в области национального вопроса[283]. В данной связи Хвылевой, чей отец был русским рабочим, а мать – украинкой, поставил вопрос о влиянии на украинскую культуру культуры русской. Нация, по

его мнению, только тогда может культурно проявить себя, если найдет собственный путь развития, а до последнего времени украинская интеллигенция (за исключением нескольких бунтарей) в культурном отношении шла за русским дирижером[284]. Хвылевой считал, что ориентироваться же украинской культуре надо не на Россию, а на Европу. Весьма подробно эту мысль он выразил в своем известном памфлете «Украина или Малороссия?».

Писатель уверял, что Украина в большевистском варианте является самостоятельным, независимым государством, которое входит «своим республиканским организмом» в Советский Союз: «А разве она не самостийна? …посмотрите в нашу конституцию»[285]. Самостоятельность Украины обусловлена на субъективными, а объективными причинами: не потому, что «этого хотим мы, коммунисты», а потому, что «этого требует железная и непобедимая воля исторических законов»[286]. Иначе говоря, Украине необходимо пройти то «природное состояние», которое «Западная Европа прошла в период оформления национальных государств»[287]. В противном случае, исходя из сложности современной ситуации, Украина будет оставаться плацдармом контрреволюции.

В то же время, продолжал Николай Григорьевич, «социальные процессы, вызванные нэпом, логично ведут к конфликту двух культур. Украинское общество, усиливаясь, не смирится со своим, фактически, если не de jure, декретированным гегемоном – русским конкурентом»[288]. В этом конфликте Хвылевой предлагал «встать на сторону активного молодого украинского общества, которое представляет не только крестьянина, но уже и рабочего, и тем навсегда покончить с контрреволюционной (по сути) мыслью насадить на Украине русскую культуру»[289].

Впрочем, Хвылевой отнюдь не ставил знак равенства между русской революцией и русской культурой. Он не отрицал, что советская власть сделала для Украины столько, сколько ни одна власть на свете[290].

Ю.И. Ковалев, автор одной из первых постсоветских работ о литературной дискуссии, отмечал: Хвылевой выступал не против Москвы, а «против “имперского” стиля управления культурой», которое монополизировала «новая бюрократия сталинского сорта»[291]. Как считал Хвылевой, на Украине большевики «оторваны от национального возрождения», даже несмотря на существование «неслабеньких “хохлацких аппаратов”»[292].

В условиях «классовой дифференциации в национальном организме» партийные и советские работники (Хвылевой называл их «нашими головотяпами») окружают «революционные кадры, которые непосредственно строят украинскую советскую культуру», совершенно невозможной атмосферой. «Каждый мещанский шпингалет из русских кругов считает своей обязанностью смотреть на такого украинца искоса»[293], – возмущался Хвылевой. По его мнению, такое отношение обусловлено тем, что украинцев не считают настоящими коммунистами («мол, работай, национал, может через 100 лет и будешь коммунистом»). А украинская советская молодежь, подчеркивал Хвылевой, хочет быть, «прежде всего, коммунарами, а потом уже украинцами»[294].

Фактически Хвылевой вел речь о недооценке украинской советской интеллигенции, вследствие чего украинская молодежь не доверяет компартии. Происходит это потому, продолжал Хвылевой, что некоторые работники (в данном случае речь идет о члене украинского ЦК А.А. Хвыле) «замазывают» перед Москвой истинную картину размаха культурного строительства на Украине, вызванного национальным возрождением[295]. Между тем национальное возрождение – один из этапов, который должна пройти Украина на своем пути к социализму[296].

В этой связи Хвылевой требовал серьезного подхода к украинизации пролетариата, на «прививке» ему украинской культуры, чтобы никто не отважился говорить, что «рабочий класс у нас русский». Именно таким образом он понимал руководящие установки партии – «потому что так

наказывает нам наша партия»[297]. Рассуждения литератора вполне соответствуют логике того времени. Мы должны, писал Хвылевой, так организовать «идеологию нашей прессы, наших литературных сил», чтобы фактическим идеологическим гегемоном был пролетариат. «Но каким же образом пролетариат будет играть первую скрипку, если для него украинская культура до сих пор terra incognita?»[298] Вывод Хвылевого достаточно жесткий: «Пока пролетариат не овладеет украинской культурой, до тех пор нет никакой уверенности, что культурная революция на Украине даст нам желаемые результаты»[299]. Следовательно, писал Николай Григорьевич, лозунг должен быть таков: «Даешь пролетариат!»[300] К украинизации пролетариата нужно подходить крайне серьезно, подчеркивал Хвылевой, поскольку это является для пролетариата единственным способом овладеть украинской культурой, а украинизация – это воля 30-миллионной нации[301].

Вторым «классовым» лозунгом Хвылевого был «Даешь интеллигенцию!» Необходимо, писал он, «зажечь нашу интеллигенцию огнем бессмертной идеи освобождения человечества, убить в ней мелкобуржуазный скепсис»[302]. Для этой цели, по Хвылевому, подходит не вся интеллигенция: он сомневается, что старая интеллигенция способна воспринять коммунистические идеи, поэтому можно использовать лишь лояльную ее часть. Надежды писатель возлагал на молодую, тесно связанную с пролетариатом интеллигенцию, которая должна быть организована вокруг компартии[303].

Определив социальную базу развития украинской культуры, Хвылевой задался вопросом, какая культура должна быть образцом для Украины? На какую из литератур надо ориентироваться украинской литературе? «*Во всяком случае, не на русскую*», – считал Николай Григорьевич. «Не следует путать нашего политического союза с литературой. От русской литературы, от ее стилей украинская поэзия

должна как можно быстрее убегать, – убеждал Хвылевой. – Поляки никогда бы не дали Мицкевича, если бы они не перестали ориентироваться на московское искусство. Дело в том, что русская литература тяготеет над нами в веках, как господин положения, который приучил нашу психику к рабскому подражанию. Следовательно, воспитывать на ней наше молодое искусство – это значит замедлять его развитие. Идеи пролетариата нам и без московского искусства известны… Наша ориентация – на западноевропейское искусство»[304]. То есть, «даешь свой собственный разум!»[305].

«Если русское искусство – великое и могучее, то это буквально ничего не доказывает»[306], – горячился автор. Он настаивал, что речь идет исключительно об основной стратегической линии, т.е. будущей ориентации украинской культуры. Причины резкого отношения Хвылевого к русской культуре двоякого рода. Первая весьма прозаична – борьба за книжный рынок, обусловленная «борьбой за гегемонию на культурном фронте двух братских культур на Украине – русской и украинской»[307]. Поскольку украинское возрождение признано необходимым и неизбежным этапом, делал вывод писатель, то необходимо развивать материальные рамки для выявления культурных возможностей молодой нации. Между тем, возможности украинской интеллигенции явно ограничены, поскольку на книжном рынке она будет расцениваться как «товар второго, третьего или четвертого сорта, хотя бы он был и первого». «Это закон психологии нашего читателя, по меньшей мере, на первые десять лет»[308], – вздыхал Хвылевой.

Сказывался и традиционный пиетет («рабская природа», по выражению автора) по отношению к русской культуре, что не дает возможности Украине «проявить свой национальный гений»[309]. Хвылевой доказывал, что украинская советская культура должна сделаться «у себя, на Украине, гегемоном». При должном руководстве и должном отношении

к ней со стороны «русского конкурента» украинская культура будет коммунистической. Если же «эту культуру не хотят понять», то последует «отход ее в лагерь мелкой буржуазии»[310].

Вторая причина уничижительного отношения Хвылевого к русской культуре коренится в неприятии украинским писателем современной культурной ситуации в столице СССР. Для него «психологическая Москва» в период нэпа стала синонимом мещанства, регресса, контрреволюционных настроений. Правда, Хвылевой уточнял, что, говоря о русской литературе, он имеет в виду искусство («Ленин или Плеханов тут не при чем»): дело в художественном достоянии Москвы, не в русской революционной демократии, как это пытаются ему, т.е. Хвылевому, приписать[311]. «Коминтерн, – одно дело, а Сухаревка – совсем другое. И будьте добры не путать эти два понятия»[312], – считал литератор. При этом Хвылевой говорил о «московском мещанстве» (и пролетарском, и сменовеховском), «этнографической болтовне» как бонтоне «сегодняшнего московского Парнаса» («все эти Стеньки Разины, русские мужики, Емельки Пугачевы»)[313].

Для современной русской литературы украинский писатель выбирал исключительно отрицательные эпитеты. «Откуда эта арцибашевщина четвертого сорта пролетарских писателей Гладковых, чириканье поэтов соломенной Руси, посредственность Ивановых, ограниченность Пильняков, бульварщина Эренбургов и т.д. и т.п. Откуда эта бесплотная, хотя иногда и остроумная (для провинциальных барышень) формалистика Шкловских? Откуда эта профанация литературных господ Алексеев Толстых?»[314] – восклицал Хвылевой. «Москва сегодня – центр всесоюзного мещанства, – продолжал он, – и в нем, как мировой оазис – пролетарские заводы, Коминтерн и ВКП. Если на Украине и, особенно, в ее центре все только «товарищи», там все давно перешли с «гражданина»

на «господина». Москва имеет сильные традиции, глубоко уходящие в мещанство»[315].

Особенно досталось русскому интеллигенту: Хвылевой называл его не иначе как «жидкобородым московским интеллигентом», затосковавшим по «сухаревской купчихе, по тройке с бубенцами, и, главное… по Спасителю». Поиски Христа в изображении харьковского автора - самый тяжкий грех. Русская интеллигенция, рассуждал Николай Григорьевич, снова начала «богоискательствовать», и снова начинается «вакханалия теософии, порнографии, разочарований и самоубийств»[316].

Поэтому украинской литературе ориентироваться на «московское искусство» нельзя – «безграмотно», как писал Хвылевой. Напротив, стимул к развитию московская словесность может получить только под воздействием внешнего фактора: «Волею истории …русская литература для своего возрождения сможет найти волшебный бальзам только под буйным живым деревом возрождения молодых национальных республик, в атмосфере весны ранее угнетаемых народов. Но это случится тогда, когда национальные гении Украины, Белоруссии, Грузии и т.д. победным триумфальным шагом будут идти по Западной Европе под гром фанфар, которые прервут вековой сон жидкобородого «богоискателя», которые навеки придушат в нем чувство великодержавного шовинизма и заставят его уважать соседа. Клин выбивают клином, а не проповедью христианского социализма»[317]. Старая Россия не умерла, считал Хвылевой, и поэтому «великая русская литература не способна воспитать сильного и здорового …человека»[318]. В этой ситуации «старая западноевропейская литература» ближе украинской молодежи[319]. Новый лозунг, писал Хвылевой, нужно понимать как лозунг здорового соревнования для двух наций и не как наций, а как революционных факторов[320].

Украинской литературе и Украине вообще Хвылевой прочил великое будущее, и в обоснование этой смелой идеи приводил теорию так

называемого «азиатского ренессанса». «Азиатский ренессанс» означает возрождение классической просвещенности, возрождение сильного и цельного человека, возрождение «нового типа отважных конкистадоров, по которым тоскует и европейское общество»[321]. Азиатский ренессанс, писал Хвылевой, это великое духовное возрождение отсталых азиатских стран, где «бродят» идеи коммунизма: Азия понимает, что только коммунизм способен освободить ее от экономического рабства[322]. Таким образом, азиатский ренессанс – это «кульминационная точка эпохи переходного периода», причем длительность этого периода Хвылевой определял в несколько веков[323].

В этом «азиатском ренессансе» Украине уготовано особое место. Поскольку Евразия стоит «на рубеже двух великих территорий, двух энергий», постольку она станет «авангардом четвертого культурно-исторического типа». Хвылевой связывал «азиатский ренессанс» с большевизмом и национальными республиками СССР: «Азиатское возрождение тесно связано с большевизмом», а «духовная культура большевизма может ясно проявиться только в молодых советских республиках… и в первую очередь под голубым небом юго-восточной республики коммун», которая воспитывала «в своих буйных степях тип революционного конкистадора»[324]. Впрочем, в будущем азиатском возрождении ведущую роль сыграют не только молодые республики СССР. Хвылевой обращал внимание читателя на Китай: Гоминьдан, утверждал Николай Григорьевич, теперь является фактором большего революционного значения, нежели амстердамский Интернационал[325].

В своих надеждах Хвылевой был не одинок. Как известно, после провала революции в Германии на новые социальные потрясения в Западной Европе рассчитывать не приходилось. Взоры большевиков обратились на Восток, в Китай, где как раз началась революция. Памфлет Хвылевого «Украина или Малороссия?» был написан, как уже говорилось,

в 1926 г., т.е. в разгар «китайских» надежд. В то же время необходимо подчеркнуть, что Хвылевой, хотя и говорил об «азиатском ренессансе», однако быстрой победы мировой революции не ожидал. Напротив, уверенность в скором («за десяток–другой лет») падении власти буржуазии и установлении во всем мире «единой пролетарской семьи» он называл «казенным оптимизмом». «Для стабилизации нашей психики, – писал Хвылевой, – придется прихватить несколько веков, и только после этих веков мы сможем создать «общечеловеческую культуру»»[326]. При этом писатель был убежден, что теория «азиатского ренессанса» вполне соответствует «истинному марксизму», и в основе своей противоположна славянофильству (а такой упрек в отношении Хвылевого как раз звучал). Славянофильство оторвано от социально-исторических процессов, подчеркивал Николай Григорьевич, это философско-историческая теория национальной самобытности, являющаяся одной из вариаций идеалистического интуитивизма. «Мы же, говоря о «самобытности» Азии, исходим из принципа каузальности и Маркса»,[327] – утверждал харьковский литератор.

Фактически в своих памфлетах Хвылевой доказывал исключительную роль Украины в текущих и грядущих событиях. Не удивительно, что писателя-большевика активно поддержала украинская эмиграция националистического толка. Д. Донцов писал: «Освобождение украинской культуры из-под убийственного влияния русской и введение ее в блестящую семью западных национальных литератур повлияет на весь образ мысли нашей интеллигенции и приведет многих к убеждению, что можно даже, оставаясь коммунистом, осознавать то, что «политический союз с Москвой» есть в действительности колониальная зависимость, и что в силу экономических, культурных причин Украина может быть или московской колонией, или на самом деле самостоятельной нацией»[328]. Украинской эмиграцией Хвылевой провозглашался носителем

национально-освободительной идеи, как пример того, что даже коммунисты осознают противоположность интересов «Московщины и Украины»[329].

Начавшаяся как чисто литературная, с апреля 1926 г. дискуссия приобретает уже иное звучание, она постепенно стала превращаться в политическую и, что было особенно опасно для центрального партийного руководства, в споры активно вовлекалась молодежь. Выдвинутый Хвылевым лозунг «Геть від Москви! (Прочь от Москвы!)» получил широкий резонанс. Один из современников писал: украинская молодежь («особенно мы, пролетарские студенты») внимательно читали темпераментные статьи Хвылевого. Однако «не все призывы и утверждения принимали и одобряли»[330].

Взгляды молодого писателя подверглись критике со стороны республиканского партийного руководства. Вопрос о Хвылевом обсуждался сначала на расширенном заседании Политбюро ЦК КП(б)У 12 мая 1926 г., а потом – на Пленуме ЦК в июне[331]. Заявления Николая Григорьевича были названы «политически вредными»[332], и его дальнейшая карьера, столь удачно начавшаяся, пошла под откос. Периодически в партийной печати помещались разгромные статьи, посвященные Хвылевому. Например, в первом номере журнала «Більшовик України» за 1927 год были напечатаны две статьи, посвященные «неленинским» изысканиям украинского писателя. В статье наркома просвещения А.Я. Шумского говорилось о литературной дискуссии, обострившейся «по линии национальной проблемы»[333]. Шумский утверждал, что Хвылевой «стал на сторону украинского националистического лагеря и своей формулой “от Москвы к Европе” дал ему политический лозунг»[334] и сошел «с классовых пролетарских позиций»[335]. Действующему наркому просвещения вторил нарком будущий (с марта 1927 г.) – Н.А. Скрыпник,

который также утверждал, что Хвылевой «незаметно для самого себя сходит с классовой позиции», называя его уклон буржуазным[336].

Новый роман Хввылевого «Вальдшнепы», отрывки из которого были опубликованы в 1927 г., подвергся резкой критике. В том же году Хвылевой был исключен (вместе с Яловым) из членов ВАПЛИТЕ. Давление на Хвылевого было довольно сильным, писатель в ответ на критику даже опубликовал в «Коммунисте» в феврале 1928 г. покаянное заявление с признанием ошибок. Какое-то время литератор еще «держался на плаву», даже работал (после ликвидации ВАПЛИТЕ) в украинских ежемесячных изданиях. Сначала это был журнал «Літературний ярмарок», а затем «Пролетфронт», после ликвидации которого в 1930 г. литературная карьера Хвылевого фактически прекратилась[337]. 13 мая 1933 г. 39-летний писатель покончил жизнь самоубийством.

Столь пристальное внимание к идеям Хвылевого со стороны партийного руководства было не случайным. Лозунг «европеизации культуры» нашел широкий отклик у украинской интеллигенции. Новые формы западноевропейской театральной культуры активно внедрял Лесь Курбас, возглавлявший художественное объединение «Березіль». Украинские исследователи считают его «творцом и реформатором украинского национального театра, который в 20-е годы прокладывал новые пути в культурно-художественной жизни республики»[338]. Курбас разделял позиции Хвылевого в плане борьбы с провинциализмом и «хохляцкой малоросийщиной». Его постановки пьес Н. Кулиша «Народний Малахій» (1928) и «Мина Мазайло» (1929) вызвали широкий общественный интерес из-за своей политической направленности. Герой пьесы Мазайло хочет изменить свою фамилию на Мазенин, но его сын Мокий, выступает против. В дискуссию между ними включается тетя Мотя, весьма настороженно относившаяся к украинизации. Беседа между этими персонажами представляет несомненный интерес. Тетя задает

вопрос: «Тогда я не понимаю, что такое украинцы, кто они такие: евреи, татары, армяне?.. Пожалуйста, скажите мне, кого у вас называют украинцами?» Мазайло отвечает: *«Украинцами зовутся те, кто учит несчастных служащих так называемому украинскому языку. Не малороссийскому и не Тарасошевченковскому, а украинскому – и это наша малорусская трагедия».* Далее Мазайло разъясняет, что украинцы это частично «наши малороссы, то есть русские», а частично «галичане, то есть австрияки, с которыми мы воевали в 1914 году, подумайте только!». Мазайло не верит в украинизацию: «ничего из вашей украинизации не выйдет, это вам факт, а если и выйдет, то пшик с бульбочкой – это вам второй факт, потому что так говорит мое сердце»; «Сердцем чувствую, что украинизация – это способ делать из меня провинциала, второсортного служащего, и не давать мне ход на высшие должности». Другие персонажи ему возражают, говорят, что это политика партии. Весьма примечательна реплика тети: «Вы серьезно или по-украински?»[339]

В пьесе Кулиш представляет Мазайло как жертву русификации, не желающую понять и принять «сознательное украинство», сомневающегося в существовании украинской идентичности. Партийное руководство республики критически отнеслось к этим постановкам и использовало Всеукраинский театральный диспут в июне 1929 г. для наступления на «Березіль»: Курбас был обвинен в национальной контрреволюции[340].

Поиск путей взаимодействия украинской и европейской культур шел и в изобразительном искусстве. Попытку соединить традиции византийского искусства с элементами украинского народного орнамента, мозаики и фрески периода XVII–XVIII в. сделал украинский художник-монументалист М.Л. Бойчук («бойчукизм» был заклеймен позже как формалистическое искусство)[341].

Между тем в украинском обществе слышались призывы покончить не только с «культурной», но и с «экономической колонизацией».

Впрочем, украинская элита, хотя и делала попытки расширить свои полномочия, однако функционировала в рамках советской системы. Требуя расширения прав Украины, она не противопоставляла себя Советскому Союзу: предметом спора было распределение ресурсов, фондов, кадров. Украинские руководители были заинтересованы в увеличении капиталовложений, тогда как центр выступал за минимальные их объемы при максимальных темпах производства.

В 1925 г. председатель СНК УССР В.Я. Чубарь написал письмо И.В. Сталину, в котором выразил недовольство работой аппаратов союзных наркоматов в УССР. По его словам, они пытаются «побольше забрать в непосредственное свое управление, урезая права и масштаб работы союзных республик»[342]. Чубарь выражал недовольство «изъятием из ведения Украины Южно-Рудного треста, стремлением изъять спиртотрест, подготовкой изъятия треста химической промышленности, разработкой проекта декрета о передаче всех телефонных сетей в ведение созного наркомата»[343]. Кроме того, председадтель украинского совнаркома считал, что нарком финансов СССР Г.Я. Сокольников «ведет линию на ослабление республиканских сельскохозяйственных банков», а «средства, отпускаемые на борьбу с безработицей, НКТруд распределяет самостоятельно, без участия НКТрудов республиканских»[344]. Наконец, по его словам, «участие правительств союзных республик в разработке общесоюзного бюджета сводится почти к нулю»[345].

Чубарю вторил его заместитель (и одновременно председатель Госплана УССР) Г.Ф. Гринько, который в том же 1925 г. подготовил статью «На очередные темы экономического строительства» и отослал ее в ЦК КП(б)У. Гринько ставил вопрос: куда следует двигаться дальше – в сторону централизации или наоборот? По его мнению, необходимо укреплять «передовые республики» Союза: «Совершенно понятна исключительная забота союзного правительства по отношению к отсталым

его частям, бывшим ранее на положении колоний или полуколоний. Поднять на уровень современной цивилизации эти окраины, обеспечить им выход на дорогу социалистического строительства, – это первостепенная историческая задача Советского Союза». Как считал Гринько, разрешение этой задачи «имеет гигантское значение» не только «для всей нашей позиции на колониальном Востоке»: «Однако Советский Союз смыкается не только с колониальным Востоком, но и с высоко развитым индустриальным Западом. И вопрос об этих пограничных с Западом республиках Советского Союза, об их специальном укреплении имеет не менее, если не более важное значение, чем наши задачи на Востоке. Под этим углом зрения в общесоюзном плане, в общесоюзном разрезе следовало бы просмотреть вопросы экономического строительства Украины»[346]. Статью ЦК КП(б)У решил не печатать и на полях статьи была наложена резолюция: «Напечатание этой статьи в прессе даст основание буржуазной прессе сравнить отношения отдельных республик к Союзу с отношениями Великобритании с доминионами, это не в наших интересах»[347].

Борьба за инвестиции для украинского руководства имела особое значение в связи с широкомасштабной индустриализацией страны[348]. Так, проблемы бюджета и экономического развития обсуждался на объединенном пленума ЦК и ЦКК КП(б)У в конце февраля – в начале марта в 1927 г. Партийное руководство УССР, выражая недовольство действиями союзного центра, записало в резолюции: «Признавая неудовлетворительным существующий закон о бюджетных правах республик, считать необходимым последующее уточнение данного закона в направлении обеспечения выполнения директив XII съезда о бюджетах национальных республик»[349].

В данной ситуации весьма характерно появление работы молодого украинского экономиста М.С. Волобуева (1903–1972), недовольного

положением Украины в составе СССР. В его статье о проблемах украинской экономики, опубликованной во втором и третьем номере журнала «Більшовик України» за 1928 г., поднимался вопрос о целостности украинского национально-хозяйственного пространства и о характере руководства промышленностью УССР. Волобуев считал, что следует раз и навсегда признать целостность украинского национально-хозяйственного пространства. «Конечно, можно условно называть СССР «одной страной», если речь идет о противопоставлении СССР как целого всему капиталистическому миру, – писал Волобуев. – Если же речь идет о внутренней характеристике экономики СССР – называть ее экономикой одной страны было бы большой ошибкой. Ведь такая постановка вопроса выявила бы непонимание того, что после революции украинская экономика перестала быть «придатком» к русской, что эта экономика теперь равноправна…»[350]

Украинский экономист считал ошибочным подход Госплана СССР: этот высший хозяйственный орган рассматривал экономику Союза как единое целое, без деления на отдельные национальные народнохозяйственные комплексы. По мнению Волобуева, это было в корне неправильно, поскольку в этом случае Госплан забывал о перспективе. В будущем, как писал ученый, «национально-хозяйственные комплексы должны войти в состав мирового хозяйства» в соответствии с мировым разделением труда[351]. Вследствие такого неправильного подхода, писал Волобуев, общесоюзные органы рассматривали экономические организации национальных республик как «подведомственные им организации», а не как часть национального хозяйственного организма[352]. Харьковский экономист считал также необоснованным распределение союзного бюджета, поскольку прибыль от украинской экономики шла на союзные нужды, а не на развитие УССР[353].

Волобуев считал необходимым исправить отмеченные им ошибки хозяйствования. Прежде всего, предлагалось в статье, руководство народным хозяйством УССР должно принадлежать украинским экономическим центрам, а за союзным Госпланом необходимо оставить общедирективные функции. Последней инстанцией в утверждении украинского бюджета должен был стать ВУЦИК. Волобуев подчеркивал, что доходы от украинской экономики должны использоваться на нужды республики. Волобуев требовал также установления контроля за деятельностью союзных органов со стороны республиканских органов власти[354].

Статья стала предметом дискуссии в харьковском Институте марксизма, а в шестом номере журнала «Більшовик України» появилась статья Скрыпника под говорящим названием «По поводу экономической платформы национализма». Скрыпник доказывал, что Волобуев «дает антиленинскую теорию, с которой можно бороться против КП(б)У, ВКП и Коминтерна и дальше проводить свою отравляющую работу среди рабочих и крестьян Западной Украины»[355]. Вывод Скрыпника очень категоричен: «Кто стоит на позиции противоположности интересов Украины и СССР, тот сторонник или русского, или украинского национализма»[356]. В том же духе была выдержана еще одна статья, помещенная – в порядке дальнейшего обсуждения статьи Волобуева – в том же номере журнала под названием «Новейшая «теория» советской экономики». По словам ее автора, Л. Перчика, «основное в теории советской экономики тов. Волобуева — это экономический национализм, который подкапывается под единство экономики СССР»[357].

Взгляды, высказываемые Волобуевым и Хвылевым, нередко падали на благоприятную почву, особенно в среде молодой украинской интеллигенции. Так, в 1928 г. ОГПУ заинтересовалось деятельностью аспиранта Института марксизма С.В. Шудрика, который, «использовав

свое пребывание в институте марксизма, на кафедре национального вопроса», снабжал сторонников Украинской коммунистической партии[358] «секретными партийными документами»[359]. Шудрик считал, что никто, никогда и нигде не разрешит украинского вопроса, кроме самих украинцев, и поэтому необходимо создавать в КП(б)У «украинский базис», «чтобы иметь возможность впоследствии разрешить украинский вопрос не так, как его теперь разрешают в области языка, и то неудачно, а в плоскости государства, хозяйства, партий, союзов и т.д.».[360] Основной целью кружка Шудрика была «прививка своих (укапистских) взглядов членам КП(б)У» под лозунгами «Хай живе Вільна Україна! Хай живе вільна українська культура, яку породила Жовтнева Революція!»[361]. Действия Шудрика были расценены как антисоветская работа и «шовинистическая обработка своих земляков», а сам он был объявлен украинским националистом.

Взгляды Волобуева находили благодатную почву прежде всего среди интеллигенции: и профессуры, и студенчества. Например, доцент зернового института в Харькове Кривицкий, преподававший экономическую географию, попал в поле зрения властных структур как раз из-за того, что он разделял «волобуевскую точку зрения» и считал, что «УССР является сейчас российской колонией»[362]. Приведем еще один пример, из высказываний студента из Днепропетровска Покотило: «На что нам союз, нам нужно, чтобы Украина была свободной также, как Англия, Франция, чтоб она имела право заключать торговые сделки без морального или другого влияния Москвы… Разве у нас житье на Украине? У нас зажим. Истинное возрождение украинской культуры на Западной Украине»[363].

Среди украинских коммунистов находились и те, кто разделял мнение Волобуева о положении Украины в СССР. Одним из них был заместитель наркома просвещения П.К. Солодуб. 11 марта 1929 г.

состоялась его беседа с членом ЦК и Оргбюро ЦК КП(б)У А.А. Хвылей. В это время Центральная контрольная комиссия обсуждала положение на Украине в связи с проведением там украинизации. По словам Хвыли, Солодуб предлагал заявить на заседании комиссии о том, что, мол, «никакой правильной национальной политики у нас сейчас не проводится и не проводилось»[364].

Хвыля так передает слова своего собеседника: «Имеет ли сейчас украинский народ свое государство? Не имеет! Представляет ли сейчас Украина собою какое бы то ни было единое политическое целое? Не представляет! Представляет ли собою Украина хозяйственное целое? Не представляет! Имеет ли Украина свой бюджет? Не имеет! Сейчас, мол, на Украине и в Советском Союзе проводится не ленинская национальная политика…, а программа еврейского «Бунда», программа культурно-национальной автономии»[365].

Таким образом, изменение отношения к украинскому языку и украинцам вообще, существенная материальная поддержка украинской культуры поднимали престиж украинской интеллигенции. Украинские писатели, художники, артисты активно участвовали в общественной жизни и составляли едва ли не самую активную в национальном плане часть общества. Н. Хвылевой верно отразил господствовавшие в этой части общества настроения, их «самостийную» ориентацию, еще усиливавшуюся вследствие присутствия на Большой Украине множества галицийской интеллигенции.

Формирующиеся элиты (и партийно-государственная, и интеллектуальная) осознавали свою особость и рассматривали Украину как самостоятельную национальную республику, правда, входившую в состав СССР. Они были заинтересованы в сохранении и упрочении своего положения, а следовательно, всячески подчеркивали равноправие отдельных республик в Советском Союзе, пытались поставить вопрос о

компетентности союзных органов в республиканских делах. В своем стремлении обособить Украинскую ССР в культурном и экономическом плане сторонники Хвылевого и Волобуева не принимали в расчет, что Советский Союз представлял собой целостный организм, вычленить какую-либо часть которого было затруднительно. Подвергая резкой критике русскую культуру, Хвылевой не желал принимать в расчет объективное существование общих исторических традиций, этнического и языкового родства, конфессионального единства, совместное создание общего культурного и научного пространства, что являлось основой для формирования и развития представлений о единстве восточных славян, несмотря на осознание существовавших серьезных отличий между Великой и Малой Россией[366]. Не удивительно, что подобные взгляды вызывали резкое отторжение со стороны русскоязычного общества.

§ 5. Украинизация в восприятии украинцев Польши и Советского Союза

Проводимый большевиками коренизационный курс вызвал пристальное внимание среди украинцев за рубежами УССР. В целом до конца 1920-х годов украинизация позитивно оценивалась и в западноукраинском обществе, и в украинской эмиграции. Она воспринималась как частичное осуществление национальных устремлений. Как отмечало львовское «Діло», «при всей ограниченности теперешних украинизационных попыток, они имеют определенно позитивное значение». Украинизация, отмечалось далее, свидетельствует о силе украинского национального движения: «осуществление наших национальных идеалов реализуется хотя и медленным, но уверенным шагом»[367]. По мнению газеты, события в Советском Союзе вообще, и в УССР в частности вызывают большую заинтересованность у западных украинцев, «которые знают очень хорошо, что судьба и будущее соборной

украинской нации зависит от политических достижений и социально-экономического роста и культурного развития украинских масс там, на широких пространствах Большой Украины»[368].

На настроения западноукраинской общественности оказали влияние два произошедших друг за другом события 1923 года: признание Советом Послов Антанты юридических прав Польши на Восточную Галицию и провозглашение в СССР курса на коренизацию. Как писал западноукраинский журналист и общественный деятель И. Кедрин-Рудницкий, украинское советофильство имело различные психологические и политические основания: «огорчение после проигрыша освободительной войны-революции и поиск нового выхода из ситуации; – глубокие чувства к родному краю, тоска по нему и поиск аргументов, которыми можно было бы оправдать перед самими собой и своими земляками свое возвращение на Украину под большевистской оккупацией; – у галичан – ненависть к Польше, которая как будто автоматически говорила им смотреть на Россию, связывала политическое русофильство со сменой отношения к новой – большевистской власти на Украине; – безграничная наивность, которая диктовала веру в то, что «большевики изменились» и что это «изменение» позволяет всем украинцам доброй воли работать в области культуры для блага Украины; – просто бесхребетность, приспособленчество и жизненный оппортунизм, которые говорят людям идти по пути наименьшего сопротивления…»[369]

При общем положительном настрое широких слоев западноукраинского населения, различные политические силы восприняли украинизацию по-разному. Позитивно оценила переход к украинизации Коммунистическая партия Западной Украины, что было вполне естественно в виду ее теснейшей идейной и материальной зависимости от ВКП(б). Советофильских позиций придерживалась Западноукраинская национальная революционная организация (ЗУНРО), образовавшаяся в

середине 1925 г. в результате раскола УВО. В ее состав вошли сторонники президента ЗУНР Е. Петрушевича. Основной акцент ЗУНРО делала на борьбе против польского государства и украинцев-полонофилов. В 1928 г. в «Українському революціонері» появился цикл статей о Советской Украине. В них говорилось, что на место Российской империи пришел Советский Союз, в котором УССР является украинским государством, «а не какой-то русской, московской, или, как некоторые говорят со злобой, большевистской колонией»[370]. Украинская партия труда, созданная в 1927 г., также отмечала, что Советская Украина является достижением освободительной борьбы украинского народа, осуществлением его стремлений, «которые являются основой для полного завершения начальной политической цели украинского народа, которая последует через перестройку этого государства и объединение с ним прочих украинских земель»[371].

Украинская социал-демократическая партия на страницах своего еженедельника «Вперед» также отзывалась об украинизации одобрительно, тогда как Украинская радикальная партия (УРП), переименованная в 1926 г. в Украинскую социалистическую радикальную партию (УСРП), расценила политику большевиков как тактический шаг, рассчитанный на закрепление власти над стремившейся к независимости Украиной. В партийном печатном органе – газете «Громадська думка» помещалось много перепечаток из советской прессы об украинизации, в комментариях к ним подчеркивалось отсутствие реальной политической автономии УССР, финансовой зависимости Харькова от Москвы. Газета отмечала также рост политической сознательности и силы «украинского трудящегося народа, его стремления к полной независимости от Москвы», что и вынудило большевиков пойти на уступки и ввести украинизацию[372]. Так, в резолюции съезда партии в феврале 1925 г. отмечалось, что «тактика украинизации московских комиссаров» была вынужденной,

обусловленной борьбой украинского крестьянства и рабочего класса, ее цель – «найти легкую дорогу к украинским крестьянам и их труду», а не передача власти украинским крестьянам и рабочим. В резолюции говорилось также о закреплении «реакционной власти в руках кучки московских коммунистов и маскирующихся под украинскую окраску чужаков»[373].

Украинское Национально-Демократическое Объединение в своей оценке украинизации сначала отмечало ее позитивное значение в деле продвижения украинской советской государственности к полной независимости, однако позднее стало называть украинизацию формальной и пропагандистской и полагало использовать ее в чисто тактических целях для укрепления украинского национального сознания. Так, тезис об украинской советской государственности как этапе к полной государственной независимости Украины был включен в платформу УНДО. В обращении ЦК партии к населению от 12 июля 1925 г. говорилось, что партия не может одобрить существующий на Советской Украине диктаторский режим, однако признает Советскую Украину важным этапом украинской государственности и верит, что под напором сознательных украинских масс эта государственность будет способствовать осуществлению всеобщих устремлений украинской нации. В программу партии, одобренную в ноябре 1926 г., этот тезис не был внесен, но в резолюции говорилось, что украинский народ в Польше ориентируется на ту национальную силу и те национальные успехи, которые растут над Днепром[374].

В мае 1927 г., после того, как широкую огласку получило «дело Шумского» появилась специальная брошюра УНДО по поводу отношения к УССР. Коммунистическая власть на Украине, по мнению партии, не являлась национальной, коммунистическая партия управляет Украиной при помощи силы, дерусификации пролетариата не проводится, а

украинизация носит формальный характер. В то же время УНДО признавало, что своей постановкой национальной проблемы в международном масштабе коммунисты скрепляют чувство единства в украинском народе. Поэтому украинизация представляет ценность для западноукраинского общества: она давала возможность развиваться украинскому национальному самосознанию[375].

Решительно негативную оценку давали украинизации украинские консервативные круги. Например, идеолог украинского монархизма В. Липинский суть украинизации видел в стремлении большевиков навязать под прикрытием украинского языка свои «московско-интернациональные политические устремления». В своих «Письмах к братьям-хлеборобам» (1924) он выступал против порожденных украинизацией иллюзий о «давлении снизу» украинской национальной стихии. Инициатором украинизации, по мнению Липинского, был «полуграмотный слой современных «верных малороссов», который стремится всеми силами в коммунистическую власть» и «думает, что «украинский язык» прикроет его примитивную некультурность»[376]. Другой представитель консервативного направления в украинском движении, В. Кучабский, в работе 1925 г. «Большевизм и современные задачи украинского Запада» подчеркивал, что украинизация инициирована «сверху» и доказывает «не нашу силу, а наше бессилие»; задача украинизации, белорусизации и т.п. – остановить кристаллизацию «немосковских наций» в политические, свести их на уровень «культурных наций». Цель украинизации – свести украинский народ на уровень национально-пассивной этнографической массы, которая сохранит не только свой устный, но и письменный язык. Полонизация не в силах уничтожить украинскую нацию, писал Кучабский, «она может лишь внести коррективы в украинско-польское этнографическое размежевание». Большую опасность представляет советская политика: как писал

Кучабский, «украинизирующий» большевизм уничтожает сам чувство индивидуальности украинской нации, замещая его чувством интернациональной солидарности». Поэтому, считал Кучабский, украинский Запад должен бороться с ориентацией на Советскую Украину и стать центром всеукраинского государства[377].

Непримиримые позиции в отношении Советской Украины и ее национальной политики занимали и украинские националистические организации, рассматривавшие украинизацию в качестве средства деморализации нации. Один из теоретиков украинского национализма Ю. Вассиян назвал украинизацию «дьявольски разумным шагом», который наносит удар по наиболее чувствительному месту «самовлюбленному украинского сентиментализма», поскольку дает ему «его дорогую культуру». Сведение культуры к быту ведет к культурной зависимости от политического врага[378].

В УССР политика коренизации и привилегированное положение украинской элиты в период проведения коренизации вызывало раздражение другой части общества: большевиков, веривших в мировую революцию и лозунги интернационализма, с одной стороны, и носителей русской культуры (русских и евреев, интеллигенции и рабочих), с другой[379]. Высшее украинское руководство именовало настроение этой части общества «великорусским шовинизмом» и отмечало его связь с русской городской средой. Так, в тезисах июньского пленума ЦК КП(б)У 1926 г. «Об итогах украинизации» подчеркивалось: «Социальные корни русского шовинизма на Украине залегают в толще русского городского мещанства (буржуазии) и в интеллигентско-спецовской прослойке»[380]. Среди пролетариата и членов партии «русского происхождения» пленум констатировал наличие «национального нигилизма, безучастного, а порою и пренебрежительного отношения к национальному вопросу»[381]. Отношения между украински ориентированной частью общества и

приверженцами «великорусского шовинизма» складывались весьма напряженно, поскольку речь шла не только об отвлеченных материях и идеях вообще, но и о чисто практических вопросах (прием в вузы, рабочие места и т.д.).

Существуют любопытные документы, свидетельствующие о том, что политика украинизации обсуждалась и в широких массах. В приветствии XIII съезду РКП(б) в 1924 г. «группа беспартийных товарищей» высказала свои «мысли о национальном вопросе в связи с декретами правительства УССР об украинизации»[382]. Авторов письма беспокоили антиукраинизационные настроения, распространенные среди чиновников на местах, в данном случае – в южных степных губерниях Украины. «Многие в провинции, а бывает и в центре, смотрят на распоряжения правительства об украинизации как на дело не особенно важное, не серьезное, предпринятое, мол, лишь для отвода глаз Европе…»[383] – указывается в письме. Приводятся также случаи бестактного отношения к украинцам («потрудитесь говорить на понятном языке, а не на турецком»[384]) и формального отношения к украинизации («курсы украинского языка устраиваются только для формы»[385]).

Нередко вопросы украинизации тесно связывались с проблемой статуса Украины в СССР. Так, в письме президиуму XIII Всеукраинского съезда Советов (февраль 1931 г.) группа делегатов съезда («прибывших из различных районов УССР, и группы рабочих столицы УССР – Харькова, от заводов ХПЗ, ГЭЗа, «Серпа и молота») «ставила правительству ряд вопросов». «Необходимо немедленно взяться за выдвижение руководящих кадров из местного населения, – говорилось в письме. – А то председатель какого-либо треста или комендант, или генеральный, занимающий всякие другие государственные должности будут обязательно кончаться на «ов» – Козаков – председатель, а заместитель какой-либо «малоросс», чтобы не обидно было – Гонтаренко, Кобаченко. Генеральный – на «ов», и ниже

чином на «ко». Это, знаете, плохая политика. К добру она не приведет. Надо строить украинскую советскую государственность, так как уже пора»[386]. В письме также подчеркивалось, что «до сих пор говорят только о языке, культуре». По мнению авторов письма, необходимо было сделать все, «чтобы УССР действительно была суверенной республикой в Союзе Советских Республик, а не выглядела как культурно-национальная автономия…»[387].

В сводках ГПУ УССР содержатся сведения о настроениях «украинской и русской общественности», о разнообразных «шовинистических группировках» и т.п. Конечно, данные сводок обладают определенной спецификой и требуют взвешенного и осторожного подхода. Тем не менее, эти сведения существенно дополняют характеристику процессов украинизации. Так, в сводке за 10–16 июля 1927 г. говорилось, что в г. Коростене «выявлена шовинистическая группа украинской интеллигенции», в большинстве своем состоящая из учителей. Руководителем группы был Трофим Макода, секретарь окружного методкома при Наробразе. Макода говорил, «что не любит русских и Россию за то, что русское влияние мешает развитию культуры и экономики Украины. Полное возрождение Украины МАКОДА видит в освобождении ее из-под влияния России»[388]. В другой сводке, за 7–13 августа 1927 г., говорилось, что в Херсоне существовала «украинская нелегальная группировка», которая считала, что советская власть «ведет недостаточно твердую национальную политику на Украине, что украинизация проводится неуверенно, а отношение к ней со стороны ответственных руководителей Соввласти только формальное». Это выражалось в том, что «процент украинцев в партии чрезвычайно незначителен, советский аппарат также находится в неукраинских руках», а «коммунисты проявляют враждебное отношение к украинцам и покровительствуют неукраинским элементам». Кроме того, «на

строительство Союза Украина дает чрезвычайно много средств, а на украинские экономические нужды уделяется непропорционально маленькая часть общего бюджета», поэтому «нужно бороться за то, чтобы индустриализация в первую очередь прошла на Украине, а не в иных местах Союза». Группа возмущалась также политикой в отношении нацменьшинств, считая, что «курс на искусственное поднятие культур мелких наций является искусственным и ничем не обоснованным. В связи с этим, она протестует по поводу того, что Соввласть тратит средства на пробуждение и развитие мелких национальных культур»[389].

В то же время необходимо отметить, что в крупных промышленных центрах востока и юга республики присутствовали антиукраинизационные настроения. Комиссия по украинизации в 1926 г. отмечала: «Вообще же впечатление таково, что Одесса не хочет украинизироваться. Везде (учреждения, трамвай, магазины, милиция, суд, клубы) раздается русский язык..». Трудности украинизации чиновники объясняли так: «Затруднительно что-то вообще проводить к жизни, опираясь на широкие массы, когда эти массы сами не сочувствуют работе». Кроме того, сами советские служащие далеко не всегда приветствовали нововведения. Например, комиссия отмечала, что «в Одессе можно часто встретить служащего, который не верит в украинизацию», а «из 787 ответственных рабочих языка вовсе не знает – 602». Не лучше обстояло дело в других городах юга УССР. Например, судя по отчетам, «украинские курсы в г. Мелитополе срываются, благодаря отрицательному отношению к ним партийцев, которое переносится и на беспартийные массы». Заведующий Одесского окружного отдела народного образования Кутузов заявил: «Язык не знаю, изучать его не желаю, но могу пропеть украинскую песню». Как следствие, «рядовые служащие язык учат, но подход к украинизации формален. Учат язык страха ради»[390].

Действительно, чиновники ощущали нажим партийного руководства и опасались, что в новых условиях не смогут сохранить за собой рабочее место. Литературный критик, историк литературы, вице-президент ВУАН С.А. Ефремов 19 марта 1926 г. записал в своем дневнике следующий анекдот на тему украинизации. Беседуют двое «украинизованных»: «Ну и трудное это наречие малороссийское!» – «Это не наречие и не междометие, а предлог, чтобы нас выбросить со службы»[391]. К тому же курсы, которые должны были научить служащих украинскому языку, далеко не всегда справлялись с возложенными на них задачами. Ефремов приводил такие «украинизационные курьезы» (запись от 16 июня 1926 г.): «"Прошу дайте мені пів фунта телячої мови". Друга пише до зав[ідуючого] господарством: "Шафа, що дали мені, попсована. Пришліть слюсаря, нехай зробить мені джерело"»[392]. В первом случае покупательница перепутала два слова: «язик» (язык, орган в полости рта) и «мова» (язык, речь). Во втором случае слесарь должен был починить шкаф, однако девушка попросила сделать к шкафу не ключ, а источник, родник.

Впрочем, отнюдь не все чиновники были настроены «антиукраинизационно». По свидетельству того же Ефремова, с началом кампании появился слой чиновников, в основном те, кто «сами украинизовались года 3–4 назад, хотя перед 1917 г. и не думали, что они украинцы». Эти чиновники рьяно взялись за новые обязанности: «Обыватель не различает и думает, что это старые украинцы проводят так жестко украинизацию – и бранится да плачется, и часто не без основания»[393].

Знания украинского языка у чиновников проверялось на специально организованных экзаменах. Уже в октябре 1924 г. Ефремов записал в своем дневнике о том, что украинизация и «чистки» стали злобой дня: «Просто стон и гвалт стоит в учреждениях. Был издан указ, чтобы все служащие научились по-украински, но никто из русских и "тоже-

малоросов" всерьез этого не брал… Но тут начали проводить экзамены и, кто не сдал – выгонять. Тут все и началось»[394]. Проведение экзаменов для служащих по украинскому языку периодически повторялось. Тот же Ефремов через два года, в ноябре 1926 г., отмечал: «За украинизацию берутся не на шутку. Как раз теперь проводится в учреждениях проверка, и кто не знает украинского языка, тех выгоняют со службы»[395].

Чиновники опасались за свое место не без оснований. 20 декабря 1926 г. Комиссия Политбюро ЦК КП(б)У по украинизации приняла решение, касающееся «украинизации ответственных работников советских учреждений УССР». Комиссия констатировала, что «не усвоение украинского языка ответственными работниками и квалифицированными работниками негативно влияет на украинизацию в целом, особенно на украинизацию нижнего служебного персонала, который до сих пор еще не целиком украинизован». Кроме того, руководители и ответственные работники советских учреждений не полностью выполняют декреты и распоряжения правительства УССР по украинизации. Поскольку это «нарушает директивы партии», следовало привлекать таких работников «к надлежащей ответственности, как по партийной, так и по советской линиях». Кроме того, Всеукраинская центральная комиссия по украинизации соваппарата должна была «представить список ответственных и квалифицированных работников, не знающих украинский язык и негативно относящихся к украинизации, на обсуждение комиссии ПБ по украинизации».

Комиссия Политбюро обращала также внимание Центральной всеукраинской комиссии по украинизации соваппарата при СНК на то, «что ею мало уволено квалифицированных работников за то, что они не выучили украинский язык», и предлагала ей «через окркомиссии украинизации соваппарата уволить ответственных и квалифицированных работников учреждений, которые до этого времени не овладели

украинским языком и вообще невнимательно относятся к украинизации, согласовав увольнение с окружкомами КП(б)У». В ряды советского аппарата, особенно на ответственные должности, следовало привлекать украинцев[396].

И все же большинство же чиновников ни в какую не желало изучать национальный язык. Украинские партийные власти неоднократно обращали внимание на данное обстоятельство. В докладной записке Центральной Всеукраинской комиссии украинизации соваппарата при СНК УССР (1925 г.) отмечалось, что в большом количестве учреждений не выполняются постановления и декреты по украинизации, в частности, на работу принимаются люди, не знающие украинского языка[397].

Комиссия ЦКК ВКП(б), обследовавшая практику проведения национальной политики на Украине в 1928 г., отмечала несколько факторов, существенно затруднявших украинизацию партийных и государственных учреждений. В качестве объективных причин комиссия указывала на трудности, связанные с незавершенностью формирования украинского литературного языка: «несколько раз менялась грамматика, и лица, раз уже сдавшие экзамен по украинскому языку, снова подвергались испытанию»[398]. Кроме того, чиновники, вынужденные изучать украинский язык, отнюдь не горели желанием вникать в историю Украины, историю украинского театра, украинской литературы и т.п., которые были включены в «программу испытаний»[399].

Комиссия также отмечала, что «требования знания украинского языка распространяется на слишком широкий круг служащих». Например, «преподаватели школ нацменьшинств жалуются на то, что с них требуют обязательно знание украинского языка, а между тем никто не интересуется …насколько они владеют тем языком, на котором преподают»[400]. Кроме того, поскольку знание украинского языка требовалось от всех госслужащих, это обстоятельство, по признанию комиссии, существенно

ограничивало круг лиц, «из среды которых производится выбор служащих»[401].

Следует обратить внимание еще на одну особенность укранизации. На Украине коренизаторы стремились к тому, чтобы для служащих национальный язык стал разговорным, чтобы им пользовались не только для деловой переписки. Та же комиссия ЦКК ВКП(б) сетовала, что «для большинства госслужащих украинский язык все еще является языком официальным, которым пользуются лишь в стенах учреждений и то, главным образом, для составления «бумаг». Разговорным же языком вне стен учреждения, но зачастую и в самом учреждении, для многих все еще является русский язык»[402].

Служащие нередко высказывались об украинизации довольно резко. Например, в Николаеве заместитель главного бухгалтера завода «Марти» Новиков (беспартийный) заявил: «Украинский язык – собачий язык и учить я его не буду. Пошлите лучше меня в Великороссию». Товарищеский суд вынес постановление об увольнении Новикова с завода, но за своего бухгалтера вступился директор. Дело закончилось выговором[403].

Данный случай отнюдь не являлся исключением. Важной проблемой стала угроза выезда части специалистов, особенно тех, кто работал в хозяйственных учреждениях, за пределы УССР. По данным РКИ, с их стороны звучали угрозы, что в случае давления они оставят работу на Украине и переедут в Москву, где и зарплата выше и не нужно изучать украинский язык.

На заседании комиссии Политбюро по украинизации еще в мае 1925 г. было признано необходимым, чтобы в докладах по украинизации госаппарата были представлены данные о количестве спецов, выехавших в связи с украинизацией. В переписке между Центральной комиссией по украинизации при СНК и Комиссией по украинизации Политбюро и в

следующем, 1926 г., достаточно часто поднимался вопрос об «эмиграции спецов» из Украины в Москву. Массового выезда так и не случилось[404], однако многие были настроены весьма решительно. Так, член Харьковской коллегии адвокатов Берман резко отрицательно высказывался об украинизации судопроизводства. В одном из своих писем он указывал: «У меня большое горе: суд полностью украинизирован, и я должен выступать только по-украински. Что это значит, ты сам понимаешь. Защитники буквально подавлены. Как быть – никто не знает. Не только обвиняемые, свидетели, эксперты и т. д. ничего не понимают, но ничего не понимают и рабочие – Нарзасы, а иногда и сам председательствующий. Сейчас в суде настоящий цирк. Слушая любого защитника, покатываешься со смеху, это не речь, а бред на неизвестном языке, какое-то жалкое бормотание». В другом письме он сообщал, что собирается перезжать в Москву, «спасаясь от всепроникающей украинизации», так как «даже печатание визитных карточек на русском языке ему приходится заказывать в Москве, вследствие неразрешения печатать в Харькове»[405].

В одном из отчетов, подготовленном по заданию ЦКК КП(б)У, говорилось, что «со стороны партийных работников замечалась известная пассивность и безразличие», а «со стороны спецов нередки случаи пренебрежительного, враждебного даже отношения к украинизации и упорное нежелание изучать язык (в Донбассе со стороны спецов бывали замечания по поводу украинизации, как о “тарабарщине”, “китайщине” и т.д., запугивание, что уедут в РСФСР, если будут нажимать на них и пр.)». На местах жаловались, что «из центра и вообще из вышестоящих учреждений поступают отношения, циркуляры и другие официальные распоряжения по-русски. В учреждениях со стороны ответственных работников слышится только русская речь (за исключением органов НКПроса и школьных учреждений, главным образом, Соцвоса)». Что же касалось качества украинизации, то проверяющие отмечали:

«украинизация делопроизводства в госучреждениях носит характер узко формальный. Язык украинизированной корреспонденции – дубовый... Это, в свою очередь, часто вызывает со стороны “коренных” украинцев пренебрежительное отношение к “украинизированным” наскоро сотрудникам. В губернских учреждениях по-украински пишутся главным образом небольшие отношения, более серьезные и обширные доклады поручается писать по-русски, особенно, если это предназначено для центра»[406].

Однако опыт показывал, что «давить» на нежелающих изучать язык и заменить их новыми работниками, знающими украинский язык или украинцами по происхождению, можно было далеко не всегда: слишком большое количество служащих пришлось бы уволить. К тому же такой подход в отношении высококвалифицированных специалистов не оправдывал себя. В связи с этим Всеукраинская центральная комиссия по украинизации 24 июля 1928 г. вынуждена была смягчить требования по отношению к учреждениям и предприятиям СССР, действовавшим на территории УССР, и временно допустить ведение там делопроизводства и счетоводства «вместе с украинским и на русском языке». Такое послабление комиссия объясняло трудностями с подбором высококвалифицированных сотрудников, знающих украинский язык. Кроме того, дабы «облегчить прием на работу в государственные учреждения и предприятия высококвалифицированных специалистов», комиссия разрешила принимать на работу в государственные учреждения и предприятия работников, не владеющих украинским языком, однако «с тем, чтобы они в течение года со дня поступления на службу выучили украинский язык». Также оговаривалось, что «для отдельных лиц и категорий лиц Всеукраинская центральная комиссия украинизации при СНК УССР может устанавливать специальные сроки для усвоения украинского языка либо языка большинства местного населения»[407]. Таким

образом, с одной стороны, чиновников заставляли бояться увольнения, но с другой – допускались некоторые послабления, да и сроки завершения аппаратной украинизации были перенесены сначала на 1 января 1927 г., а потом на 1 июня 1929 г.[408]

Следует признать, что отношение к украинскому языку со стороны служащих принципиально не отличалось от отношения других слоев русского городского населения. Ситуация обострялась тем, что на почве украинизации нередко вспыхивали конфликты по национальному признаку. Один из таких фактов приведен в монографии А.С. Рублева и Ю.А. Черченко. Директор Украинского института лингвистического просвещения в Киеве И.М. Сияк (галичанин по происхождению) запрещал говорить в институте на русском языке. Над студентом Ивановым, продолжавшим говорить по-русски, по инициативе директора был проведен общественно-показательный суд, после чего студента исключили из института.

Рублев и Черченко полагают, что Сияк руководствовался благими целями развития украинской культуры, а исключение было целиком оправдано – студент-лингвист не удосужился выучить украинский язык[409]. Но стоит заметить, что и в действиях студента Иванова присутствовала своя правда – на его стороне был главный пролетарский писатель Максим Горький. Хвылевой в работе «Украина или Малороссия» приводил характерную выдержку из горьковского письма украинскому писателю А. Слесаренко: «Уважаемый Алексей Макарович! Я категорически против сокращения повести «Мать». Мне кажется, что и перевод этой повести на украинское наречие тоже не нужен. Меня очень удивляет тот факт, что люди, ставя перед собой одну и ту же цель, не только утверждают различие наречий – стремятся сделать наречие «языком», но еще и угнетают тех великороссов, которые очутились меньшинством в области данного наречия»[410].

Приведем еще один случай. В 1927 г. профессура Киевского художественного института резко выступила против приглашения на работу преподавателей из числа русских художников. В украинский наркомпрос было подано соответствующее заявление с 26-ю подписями. По свидетельству ЦК КП(б)У, «еще до подачи заявления в Киеве проводилась ШАЛЕНА классовая борьба. Националисты распространяли листовки-протесты»[411]. В этих листовках говорилось о том, что «украинский художественный фронт» наводняется «кацапами» и «жидами», что все народное украинское глушится, и что все, кому дорого развитие украинской культуры, должны чинить отпор и т.д.[412]

Любопытна реакция украинского Наркомпроса на положение дел в Киевском художественном институте. Скрыпник посчитал, что причиной тому – чрезмерное использование российских кадров и явно недостаточное – кадров украинских, что и привело к обострению «национальной борьбы в институте и около него»[413].

Эти примеры свидетельствуют о том, что ситуация в республике, по крайней мере среди интеллигенции, была, мягко выражаясь, не совсем здоровой. Украинизация приводила к обостренному размежеванию людей по национальному признаку. При этом следует учитывать, что привлечение украинскими властями к сотрудничеству галицийской интеллигенции, в свою очередь, отнюдь не вызывало восторга у интеллигенции русскоязычной, ориентированной на русскую культуру.

Рублев и Черченко подчеркивают, что антагонизм между приезжей и местной интеллигенцией существовал на всем протяжении 1920-х годов[414]. После переезда в Харьков М.М. Лозинский вспоминал: «Мое несчастье в том, что я – галичанин. Тут галичан никто не любит. Старшая русская публика относится к ним враждебно как к большевистскому орудию украинизации (вечные разговоры о «галицийской мове»). Старшие местные украинцы относятся еще хуже, считая галичан «предателями» и

«большевистскими наймитами». А советский актив и партийцы тоже их считают чем-то отличным от себя».[415]

Действительно, позиция русскоязычной интеллигенции, особенно профессуры, часто отличалась крайне негативным восприятием украинского языка. Некоторые ставили даже под сомнение сам факт его существования. Например, преподаватель математики Белинский из Днепропетровка заявлял, что «украинский язык годен только для песен, ведь им нельзя пользоваться всегда, ведь это выдумка, чуждая даже для украинцев»[416]. Преподаватель физики Бароновский заявлял: «На этом (украинском – *Е.Б.*) языке невозможно два слова сказать, он груб и непригоден для такого предмета, как физика… Чрезвычайно глупо и то, что требуют строительства какой-то национальной культуры, ведь, по сути, Украина сейчас не что иное, как часть России. Никогда она не будет самостоятельной, всегда будет жить по указке матушки России»[417].

По данным ГПУ УССР (сводка за январь–февраль 1927 г.), среди киевской профессуры «очень распространено мнение о том, что совласть, проводя украинизацию, впадает в крупнейшую ошибку. В процессе украинизации, по их мнению, развиваются украинские националистические настроения, рост которых неизбежно поведет через 2–3 года к полному отделению Украины от России. Поэтому, хотя украинский язык всем им очень не по душе, изучать его они считают необходимым». Кроме того, ГПУ подчеркивало, что студенты, за исключением первых курсов, к украинизации относятся весьма отрицательно»[418].

Таким образом, проводимая большевиками политика украинизации создавала определенную напряженность в обществе. «Властью проводится такая политика, что сильно обострилась классовая и национальная борьба, ненависть одного к другому, нет никакого братства…» – читаем в одном из писем во Всеукраинский ЦИК[419]. Действительно, политика коренизации,

создававшая довольно благоприятные условия для деятельности национально ориентированных групп населения, вызывала неприятие со стороны тех слоев общества, чьи интересы учитывались далеко не полностью или вообще игнорировались. Против были настроены чиновники (они были почти поголовно русскоязычными), старое городское население[420], пролетариат, русскоязычная интеллигенция (инженерно-технические работники, часть профессорско-преподавательского состава вузов).

Приведем несколько характерных примеров. В Краматорске заведующий тарифно-экономическим отделом заводоуправления Т. Файнберг высказывался в таком духе: «Нам нет надобности изучать украинский язык, потому что при социализме все языки сольются в один»[421]. На заводе К. Либкнехта в Днепропетровске часто слышались такие разговоры: «Зачем нам украинизоваться, изучать украинскую культуру, если мы должны быть интернационалистами и иметь один общедоступный язык, функции которого выполняет русский язык»[422]. Студент Приходько из Харькова считал: «Украинизоваться не буду, революцию проводили на русском языке»[423].

Конечно, ярче всего антиукраинизационные настроения проявлялись в среде интеллигенции. Однако не всегда находила поддержку политика коренизации и среди крестьянства, составлявшего в 1920-е гг. большинство населения УССР. Для крестьян первостепенное значение имела социальная и аграрная политика советской власти. К тому же в восточных и юго-восточных районах Украины проживало много русских и ассимиляция украинского населения зашла дальше, нежели в других районах. Большинство населения там пользовалось русским языком, и переход на украинский школ, печатных изданий, делопроизводства не всегда встречал одобрение.

Вот как описывал рабочий-партиец в своем письме в ЦК КП(б)У положение в Луганске[424]: «Убежден, что 50 % крестьянства Украины не понимает этого украинского языка, другая половина, если и понимает, то все же хуже, чем русский язык... Тогда зачем такое угощение для крестьян?» Особенно возмутил автора письма перевод на украинский язык партийной печати: «Я не говорю уже о “Коммунисте” на украинском языке. Одна часть, более сознательная, подписку не прекращает и самым добросовестным образом складывает газеты для хозяйственных надобностей. Это ли не трагедия... Другая часть совсем не берет и не выписывает газет на украинском языке и только озираясь по сторонам (на предмет партлица), запустит словцо по адресу украинизации»[425].

Один из жителей села Никольского Павловского района Сталинского округа УССР в своем письме в редакцию «Крестьянской газеты» в 1927 г. сетовал на то, что «у нас на Украине Сталинского района издаются книги, объявления, разные распоряжения» на украинском языке, «не понятном для народа». «На сходах читают наказы, распоряжения, объявления и т.д. на украинском языке. Народ заявляет: “Читать на русском понятном языке, не надо нам читать на венгерском”, т.е. на непонятном языке»[426]. Вызывали затруднения и различные объявления, «расклеенные на РИКе (райисполкоме. – *Е.Б.*) и сельсовете», их никто не хотел читать, «потому что написано на украинском непонятном языке». Украиноязычное делопроизводство вызывало недовольство граждан: «Разругается другой гражданин и уйдет, и так большинство недовольно»[427].

Не лучше обстояли дела и с литературой на украинском языке: «Газеты русские из Москвы разворачиваются читать нарасхват, а украинское "Рад[янське] село" лежит рядом, никто не берет»; «какие имеются [книги] на русском языке – нарасхват разбирают, а от украинских отбегают...»; «большинству интересно прочитать биографию В.И. Ленина и др., но на русском понятном языке нет, а на украинском есть, никто не

хочет читать, а если кто возьмется, то ничего не поймет без переводчика»[428]. «Для чего это?» – спрашивал автор письма.

Отнюдь не всегда находила поддержку политика украинизации и среди рабочих. Партийный деятель 1920-х годов И. Майстренко, по роду службы вынужденный заниматься практическим проведением украинизации, оценивая в своих воспоминаниях сложившуюся ситуацию, отмечал «русифицированность» Харькова, Донбасса, Днепропетровска, Одессы и их упорное нежелание украинизироваться. «Харьковская улица все еще говорила на русском языке», – писал Майстренко. Показательно, что хотя сын мемуариста учился в Донбассе в украинской школе, но «на улице и дома говорил на русском языке»[429]. В то же время «старинные украинские города быстро дерусифицировались». В качестве примера Майстренко приводил Полтаву, где к концу 1920-х годов «на улицах господствовал украинский язык»[430].

Рабочие юго-восточных промышленных областей УССР к необходимости изучения украинского языка относились явно негативно. Даже те из них, кто немного владели украинским, не пользовались им. «Некоторые товарищи знают много украинских слов и фраз, но «стесняются» начать говорить, – сообщалось в одной из пропагандистских брошюр Днепропетровской окружной комсомольской организации. – Такое стеснение беспочвенно и достаточно наивно, ибо зазорно теперь совсем не знать украинского языка»[431]. Ситуация осложнялась тем, что Сталин высказывался резко против применения административного нажима на этот слой населения. Единственным средством воздействия на пролетариат оставался метод разъяснения и убеждения, эффективность которого в течение всего советского периода оставалась сомнительной.

Весьма настороженно и далеко не всегда позитивно воспринималась украинизация и среди украинского населения РСФСР. Например, во время урегулирования вопроса о границах между РСФСР и УССР в середине

1920-х гг. возможность присоединения к Украине активно обсуждалась самим населением приграничных районов. Вопрос был поднят на уездных съездах Советов. Делегаты высказывались против присоединения их уездов к Украине, мотивируя это нежеланием жителей подвергаться украинизации. Так, в протоколах Россошанского и Острогожского съездов подчеркивалось, что «имеющееся в уезде часть украинского населения в силу проводившейся до революции национальной политики и по своим бытовым и культурным условиям к данному моменту ассимилировалось с великорусским»[432].

При этом украинское население, по словам делегатов съездов, категорически отказывалось от преподавания в школах на украинском языке и не соглашалось вообще как бы то ни было подвергаться украинизации, «которая неизбежно связана с коренной ломкой выработавшихся и исторически установившихся бытовых условий и языка»[433]. Один из членов губисполкома крестьянин Россошанского уезда Скляренко заявлял, что украинский язык среди населения совершенно не пользуется популярностью: «Как-то в уезде проводилась кампания по организации украинских школ, населению предлагалось, по его желанию, устраивать школы с обучением на украинском языке, и, несмотря на это, не было создано ни одной украинской школы»[434]. «Большинство жителей Острогожского уезда определенно не считают себя малороссами», – делал вывод председатель местного исполкома и приводил интересный пример. В губернской крестьянской «Нашей газете» была открыта специальная рубрика, так называемый «украинский куток», в расчете на то, что крестьяне будут присылать заметки на украинском языке. Что же получилось? «После двух–трех заметок "Куток" заглох», «крестьянство осталось глухим, совершенно не интересуясь данным вопросом... Жители не считают себя хохлами»[435].

Сходная ситуация обнаружилась и в Таганрогском округе. Прослышав о возможном пересмотре границы, местное сельское население высказалось за вхождение в состав РСФСР. Помимо чисто экономических мотивов, прозвучало мнение о том, что в данный момент жители испытывают «тяготение к русскому языку»[436]. Граждане слободы Матвеев Курган Таганрогского округа также высказались против «изучения чуждого населению языка», отмечая «непонимание всех распоряжений советского правительства, издаваемых на украинском языке»[437].

«Нежелание примириться в особенности с украинизацией школ, письмоводства и т.п.» высказали крестьяне Амвросиевского района Сталинского округа Донецкой губернии[438]. А жители Екатериновского района Таганрогского округа написали письмо-заявление председателю ЦИК СССР М.И. Калинину с просьбой о присоединении района к РСФСР, мотивируя это тем, что «украинский язык мы уже забыли, охотно мы и наши дети учим русский язык. Украинская литература для нас непонятна»[439].

В 1928 г. украинские чекисты подготовили справку об украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа и об отношении к ней населения. Отношение местных жителей, которых официально считали украинцами, к украинизации не изменилось. «Украинизация школы... не встречает широкого сочувственного отношения среди местного населения, – говорится в справке. – В большинстве случаев преподавание на украинском языке вызывает явное недовольство, как среди иногородних, так и казачества»[440].

Сотрудники ГПУ признавали, что местное население не понимало литературного украинского языка, значительно отличавшегося от «местного наречия». К тому же из русских школ был обеспечен «бесперебойный переход учащихся в учебные заведения повышенного типа»[441]. В результате на Кубани и Дону русские школы были

переполнены, тогда как в украинских ощущался недобор учащихся. Например, в станице Пашковская Кубанского округа в 1927–1928 учебном году в украинскую школу поступило всего 14 человек, а в русскую школу – 144; в станице Корсунской того же округа в первую группу украинской школы записалось только 10 человек, в русскую же – 130; «то же имело место в станицах Гривенской, Поповнической, Северской, Холмской и ряде других»[442]. Родители учащихся стремились перевести своих детей из украинских школ в русские. Когда они писали соответствующие заявления, то указывали, что «не считают себя украинцами»[443].

Сотрудники ГПУ, знакомясь с ситуацией на Дону и Кубани, старательно изучали настроения рядовых граждан. Высказывания последних были обобщены и приводились в указанной справке. Особенно часто встречались выражения типа: «советская власть навязывает украинизацию против нашей воли», «наши дети портятся в украинских школах по приказу советской власти»[444].

Данные ГПУ подтверждаются и другими источниками. Так, в июле 1928 г. при Кубанском окрисполкоме было созвано совещание по украинизации. Участница совещания Борисенко, работавшая учительницей в станице Марьянской на Кубани, отмечала отрицательное отношение местного населения к украинской школе. За все время существования этой школы в данной станице (а она была образована еще до революции), состоялся только один выпуск. Борисенко замечала: «Население в нашей станице против украинского языка»[445]. Она привела интересный пример: «В прошлом году в нашей станице украинизовались все школы. …И что же получается? Родители подают заявления, чтобы одна-две группы были русские. Заявления отклонили. Они настаивают, кинулись хлопотать сюда, в район, в округ[446]». Другой участник совещания отмечал: «Число украинских школ у нас увеличивается, но число учащихся в них уменьшается»[447].

Непростая ситуация, сложившаяся в обществе, отразилась и в тех замечаниях и предложениях, которые присылали украинские коммунисты в Харьков и Москву. Как и все общество, партия разделилась на сторонников и противников украинизации. К числу первых принадлежали бывшие боротьбисты и укаписты. Они действовали весьма активно, а их письма всегда содержали программу практических действий.

Многих правоверных большевиков волновала активизация деятельности национально настроенной интеллигенции. Об этом писал, к примеру, в своей докладной записке некий С. Семковский (июнь 1926 г.). Размышляя над методами и последствиями политики активной украинизации, Семковский, с одной стороны, признавал необходимость украинизации для укрепления диктатуры пролетариата «в сложной обстановке медленного продвижения к социализму в крестьянской стране». Но в то же время он с тревогой наблюдал за ростом «стихии национализма». «…Идеология «национальной культуры», – писал Семковский, – окружается ореолом, вызывает пафос, оттесняет идеологию революционного интернационализма и в потенции создает предпосылки для своего рода национально-демократического блока…»[448]

Опасность этой «стихии национализма» была двоякого рода. Во-первых, она «определенно угрожает захлестнуть и часть коммунистических рядов, – те элементы, которые к большевизму пришли не по линии классово-марксистской, а по линии национального радикализма». Во-вторых, рано или поздно вызовет пробуждение великорусского национализма среди русских рабочих, особенно на Донбассе, а социальное недовольство, вызванное «хозяйственными трудностями», может сделать подобные настроения особенно опасными[449].

Выход из сложившейся ситуации Семковский видел в ограничении украинизации определенными рамками (он использовал словосочетание «пределы украинизации»). Безусловно, партия, по мнению коммуниста, не

могла отказаться «от активной принудительной украинизации», но последняя должна была применяться лишь в отношении «соответствующих аппаратов» (видимо, Семковский имеет в виду госучреждения). Всякое же искусственное форсирование украинизации («украинификация») в отношении населения вообще, и «массового члена партии» в том числе, должна быть прекращена[450]. Более того, «выделение русского населения в городах в «конституционно» оформленное нацменьшинство является преждевременным», а «массам русского населения в городах (и особенно в рабочих районах) должно быть – и фактически, и программно – обеспечено достаточное административное обслуживание на родном языке, не исключая и высшей школы…»[451]

В то же духе в конце 1926 г. написал письмо Н.И. Бухарину некий А. Дятлов из Киева. Он был озабочен тем, что «под флагом украинизации, необходимость которой вытекает не из «принципиальных» основ ленинской тактики, а из соображений чисто фактического характера, начинает протискиваться и завоевывать укромное, но прочное местечко мелкобуржуазное понимание проводимого мероприятия»[452]. На Украине, утверждал Дятлов, «проводится энергичное возрождение «своей, национальной, украинской культуры», организуются различные общества архимелкобуржуазного толка, проводится генеральное внедрение «украинской культуры» в общественный и индивидуальный быт, вплоть до ношения селянских кожушков, смазных сапог и т.п.»[453]. Организация всевозможных «академий по изучению Шевченко», украинизация научных учреждений и вузов, запрещение приема в аспиранты лиц без знания украинского языка и т.п. приводит, по мнению автора письма, к «возрождению украинской культуры мещанского толка»[454].

Дятлов предлагал не просто «оздоровить личный состав ответственных партработников», а «признать, что задачей партии является не украинизация пролетариата и не внедрение украинской культуры…, а

внедрение социалистической культуры, которая по своему существу интернациональна»[455]. «Ясно, – писал Дятлов, – что никто не отрицает того, что партия должна внедрять социалистическую культуру среди украинцев на украинском языке, среди русских на русском и т.п.»[456]. Главное, по мнению автора письма, «устранить всякий принудительный характер украинизации исходящий сверху». Все должно делаться на добровольной основе, хотя неизбежно «процесс вызревания социализма… ведет если хотите сказать то к «русификации»…[457]».

Автор, хотя и не упоминал о теории борьбы двух культур Лебедя, но, без сомнения, относился к числу его сторонников. Дятлов настаивал на том, что партия должна расширять социалистическую культуру на языке того населения, среди которого она работает, но не предпринимать никаких административных мер к ускорению этого процесса, и тем более внедрять украинский язык насильно. «Никакого принуждения! Никакого угнетения! Иначе… восторжествует культура украинского мещанства…»[458], – настаивал киевский большевик.

Проблема положения русскоязычного населения в связи с проводимой украинизацией волновала многих партийцев. Например, во время своего выступления на собрании партактива в Одессе в январе 1926 г. член ЦК КП(б)У Ф.Д. Корнюшин получил из зала несколько записок относительно украинизации. Одну из них он направил секретарю ЦК КП(б)У В.П. Затонскому. В записке некий Кравчук писал: «Для вас более чем для кого другого должно быть ясным, что подавляющее большинство населения в Одессе и на Одесщине составляют русские и евреи. Зачем же по-ребячьи тешить себя и других, что это не так. Ведь поголовная украинизация – подавляющим большинством неукраинского населения – есть акт насильственного действия, свойственный колонизаторской политике буржуазии… Ведь нынешняя линия ведет к искусственному ассимилированию русского и еврейского населения среди

привилегированной украинской нации… Надо же снять, наконец, шоры с глаз и не душить свободу языка неукраинской нации. Долго ли ЦК КП(б)У будет заниматься насильственной украинизацией и к чему это поведет?»[459]

Подобные высказывания свидетельствуют о том, с каким напряженным вниманием на Украине следили за нововведениями большевиков в области языка и культуры, поскольку выросшее значение национальной культуры не могло пройти незамеченным в полиэтническом обществе. Расширение сферы применения украинского языка вызывало недовольство представителей русской культуры. Неудивительно, что чиновники всячески саботировали введение национальных языков в делопроизводство, а те слои населения, которые привыкли объясняться, читать и обучать своих детей на русском языке, не желали переучиваться.

В то же время национально настроенная часть общества, стремившаяся компенсировать с помощью коренизации неудачи в построении национального государства, выступала за ускорение ее темпов. В этих условиях большевистское руководство вынуждено было лавировать, то упрекая чиновников в «великодержавном шовинизме», то наказывая «буржуазных националистов», постоянно усиливая контроль за деятельностью интеллигенции. Лозунги, подобные выдвинутому Хвылевым («Прочь от Москвы!»), были для центрального руководства потенциально опасны, вынуждали к принятию решительных мер против «темной стороны украинизации», и в конце концов партийное руководство приняло установку на искоренение инакомыслия в национальной сфере.

Итак, первоначальная установка на коренизацию как стабилизирующий фактор в национальных республиках, не соответствовала действительности в той степени, в какой того желали большевики. Более того, в дальнейшем такая политика заложила основы многих последующих конфликтов.

§ 6. Проблема межнациональных интересов при реализации программы национального строительства: «русский вопрос» в политике украинизации

Составной частью коренизации была политика в отношении национальных меньшинств[460]. Положение о статусе национальных меньшинств появилось уже в резолюции X съезда РКП(б) в 1921 г. В ней отмечалось, что «РСФСР и связанные с ней независимые советские республики представляют около 140 млн. населения. Из них невеликороссов – около 65 млн». Однако «кроме названных выше наций и народностей, имеющих определённое классовое строение и занимающих определённую территорию, в пределах РСФСР существуют ещё отдельные текучие национальные группы, национальные меньшинства, вкраплённые в инонациональные компактные большинства и, большинстве случаев, не имеющие определённых территорий (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др. нацменьшинства)». Съезд ставил перед партией задачу «по отношению к трудовым массам этих национальных групп …помочь им полностью использовать это обеспеченное за ними право свободного развития»[461].

Отдельным пунктом резолюции XII съезда РКП(б) в 1923 г. предусматривалась защита прав национальных меньшинств. В частности, речь шла о том, чтобы «были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное и национальное население и национальные меньшинства, – законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав, и в особенности прав национальных меньшинств»[462].

Для реализации провозглашенного принципа равноправия наций в УССР были созданы национально-территориальные административные

единицы. На 1 апреля 1925 г. в УССР были организованы 98 немецких, 15 польских, 19 еврейских, 25 болгарских, 26 греческих, 5 чешских сельсоветов[463]. В течение 1924–1926 гг. появились пять немецких, два болгарских и один польский район[464]. На родном языке должно было вестись преподавание в школах, культурно-просветительная работа, издаваться газеты и книги. Наконец, жители имело право общаться с органами местной власти на родном языке[465]. Первыми появились немецкие национально-территориальные образования, позднее – болгарские, польские, еврейские.

Отдельно стоял вопрос о русских национальных образованиях. В 1925 г. появились русские сельсоветы, однако ни русских районов, ни горсоветов пока не было. Русские, как считали в то время, в качестве бывшей господствовавшей национальности занимали в сфере культуры слишком прочное положение, чтобы предоставлять им дополнительную защиту как национальному меньшинству[466]. Партийное руководство понимало, что если дать право на образование нацсоветов городским русским, городами с русскими горсоветами официально станут такие ключевые украинские города, как Харьков и Одесса[467].

Однако проигнорировать этот вопрос не удалось. Русские составляли до 40 % рабочего класса крупных городов Южной Украины[468]. Около 46 % русских проживали на селе и в 1926 г. они составляли 5,1 % крестьянства УССР, проживая в 33 из 40 округов республики[469]. Как уже говорилось, активные меры по украинизации, предпринятые новым главой украинских коммунистов Л.М. Кагановичем, вызывали недовольство среди русского населения УССР. События, проходившие на Украине, привлекли внимание и стали причиной обсуждения на III съезде Советов СССР в мае 1925 г. Инициативу проявил Юрий Ларин (псевдоним известного революционного деятеля Михаила Залмановича Лурье), член Президиума ВСНХ и Госплана. Признав, что «образование национальных советов уже начато на

Украине и в Белоруссии», он заявил также, что «пока это – первые и очень слабые ласточки», что «целые города с десятками тысяч населения другой национальности, чем данная республика, не имеют в местном совете делопроизводства на их языке», что приводит «к отрыву избранных органов от трудящегося населения этих пунктов» и «извращение практической деятельности административных органов»[470].

Ларин отметил «чрезвычайную чувствительность» к участию «русских элементов в управлении и к русскому языку» в национальных и автономных республиках. Между тем, по мнению докладчика, русские, оказавшиеся национальным меньшинством в республиках, имеют право на защиту своих интересов: «…каждое национальное меньшинство любой республики, т. е. русские, поляки и евреи на Украине и в Белоруссии, русские – в Киргизии, украинцы на Кубани, украинцы в Воронежской губернии, белорусы в Гомельской губернии, – вообще каждое национальное меньшинство, населяющее какую-нибудь деревню, город или местечко, словом, какую-нибудь территориальную часть, имеет право выделиться в отдельный территориальный совет с делопроизводством на своем родном языке»[471].

К тому же негодование Ларина вызвала языковая политика некоторых местных властей. Конечно, совершенно правильно, «когда в наших национальных республиках требуют, чтобы советские органы умели объясняться на языке данной республики», однако «совершенно неправильно…, когда «мерами административного преследования этот язык вбивают в рот тем гражданам, которые на нем говорить не умеют, не могут, и которые привыкли говорить на своем родном языке»[472].

Ларин в качестве примера привел события, имевшие место на Украине. В г. Проскурове 3 января 1925 г. было расклеено объявление: «Во исполнение обязательного постановления проскуровского окружного исполкома предлагается», – а надо сказать, что в Проскурове население

состоит только из евреев и поляков, – и в таком городе Проскурове «предлагается продлить подписку на «Вісти» ВУЦИК, сроком на 4 месяца, т. е. С 1 января по 1 мая 1925 г., не позже 13 января 1925 г. в следующем алфавитном порядке: подписчики, фамилии коих начинаются на А, Б, В, – 5 января (с м е х); подписчики, фамилии коих начинаются от Г до Ж – 7 января; подписчики от З до Л – 8 января; подписчики от М до Р – 9 января» и т. д. До буквы Я, которая кончается 13 января»[473]. Ларин сообщил, что далее в этом объявлении следовало: «Лица, несвоевременно продлившие подписку после 13 января сего года»... (что кто-нибудь совсем не подпишется, этого даже в мыслях не допускается) «несвоевременно продлившие подписку после 13 января сего года, будут оштрафованы (с м е х, а п л о д и с м е н т ы) в административном порядке до 300 рублей золотом или подвергнуты аресту до 3 месяцев» (с м е х, а п л о д и с м е н т ы)»[474].

Докладчик заявил, что подобные объявления типичны «для десятков округов на Украине», причем у него имеются списки этих округов. Например, русские рабочие Донбасса жаловались: «Мы выписываем «Правду», мы выписываем «Рабочую газету», а у нас ходят поголовно все дворы с милицией и требуют, чтобы мы выписывали украинские газеты, на украинском языке, которого мы не знаем, на котором дома не говорим и для выписывания которых не имеем средств»[475].

Ларин подчеркивал, что подобных фактов много и он не может привести их все. Тем не менее, еще один вопрос он счел нужным затронуть: вопрос обучения детей и выбора языка обучения. «В одном большом и очень важном губернском городе, который недавно претендовал на то, чтобы быть столицей оной республики, при определении количества школ, которые нужно было открыть в данном городе на языке данной республики, с одной стороны, и на русском и еврейском – с другой, сделана была такая штука, – возмущался Ларин. –

Взяли не соотношение национальностей данного громадного губернского города имеющего сотни тысяч жителей, преимущественно евреев и русских, а население всей губернии, имеющей 4.000.000 жителей, и сосчитали, сколько процентов составляет коренное население в данной республике и сколько прочее. И открыли школы в губернском городе для русских, евреев и др. не по тому проценту, который это население составляет в данном городе, а по тому, который они составляют относительно всей губернии. Маленький статистический фокус»[476]. Выступающему с места сразу же задали вопрос: «Это Киев?» Ларин уклонился от ответа: «Я не хочу сказать, что это – Киев. Потому что не хочу обидеть другие города, которые прибегают к такому же способу»[477].

Подобную практику докладчик счел совершенно недопустимой и предлагал устанавливать язык обучения детей в школах «безотносительно к их исповеданию и происхождению, на основе того, каким языком дети пользуются в семье»[478]. Кроме того, «по заявлению родителей должны быть организуемы (или преобразуемы в отношении языка) отдельные школы или отдельные классы национальных меньшинств во всех случаях, когда количество детей для обучения на данном языке составляет не менее одного школьного комплекта». Наконец, «должны быть совершенно уравнены материальное снабжение, бюджетные ассигновки, обеспечение помещением и должным количеством преподавателей и организационное обслуживание (например, созданием пионерских отрядов) всех школ с разными языками преподавания, находящихся в оном городе или в одном местечке, или в оном селении»[479]. Таким образом, по мнению Ларина, можно положить конец «самодурству местных советских деятелей, насильственной евреизации и всем прочим насильственным акциям», поскольку основная задача советской национальной политики – братство и полное равенство.

Эмоциональное выступление Ларина задело украинскую делегацию. Первым не выдержал член Президиума и секретарь Всеукраинского ЦИК А.И. Буценко. Он подчеркнул, что на Украине уже организовано около 200 сельсоветов и 6 районов «из национальных меньшинств», причем, если для организации района на Украине существует норма в 25–40 тысяч человек, то для национального района «допускается количество жителей в 10 тысяч», а «для организации национальных сельсоветов … в 500 жителей»[480]. В то же время Буценко пришлось признать, что проскуровский факт действительно имел место, но «по распоряжению правительства это постановление … было отменено, и виновные были подвергнуты наказанию»[481]. Головотяпство имеется (по выражению Буценко, «в отдельных случаях»), не только на Украине, но и на Кубани, в Воронежской и Курской областях (с места раздался шум и возгласы: «Неправда»)[482].

Еще более резкую отповедь попытался дать другой украинский деятель Г.Ф. Гринько: «Но когда т. Ларин ставит вопрос относительно того, что на Украине угнетается русское меньшинство, когда т. Ларин ставит вопрос относительно насильственного впихивания в рот украинского языка тем, кто не желает, то здесь нужно дать т. Ларину отпор»[483]. Горячность Гринько была не случайна: в 1920–1922 гг. он был наркомом просвещения УССР, затем занял пост председателя Киевского губисполкома, а уже в июне 1925 г. стал председателем Госплана УССР и заместителем председателя СНК УССР. Он заявил, что в Москве «нас иногда справедливо упрекают в медленности темпа проведения украинизации». В то же время, слышатся «и другие голоса»: «Вы спешите, вы торопитесь, вы угнетаете. Вы подавляете». По мнению Гринько, первые указания идут «от тех политических верхов Советского Союза, которые видят перспективы», вторые – это голоса «русских, великодержавно

настроенных интеллигентов, не желающих решать национальный вопрос на Украине»[484].

Обсуждение получилось оживленным, и в заключительном слове «всесоюзный староста» вынужден был обратить на это внимание. Тов. Ларин, подчеркнул М.И. Калинин, «огласил факты только по двум республикам – самым большим: по РСФСР и Украине. Но когда он говорил о РСФСР, он говорил о губерниях, поэтому получилось такое впечатление, как будто все прегрешения происходят только на Украине. Но, мне кажется, когда выступали тт. Буценко и Гринько, они перегнули палку в другую сторону: они считали, что большой опасности с этой стороны нет, и считали себя правыми»[485]. В конце концов, съезд в принятом постановлении одобрил «полностью мероприятия правительства, направленные к развитию и укреплению братских отношений между различными народами и частями Союза»[486].

Бурные дебаты по данной проблеме были продолжены в апреле 1926 г. на второй сессии 3-го созыва ЦИК СССР во время обсуждения доклада правительства УССР. Был затронут и вопрос о проведении национальной политики на Украине. Председатель СНК УССР В.Я. Чубарь во время своего доклада «вспомнил», что «на одном из Всесоюзных съездов советов товарищи бросали украинскому правительству и украинским органам упрек в том, что они не ведут работы по удовлетворению запросов национальных меньшинств» и привел ряд цифр: «На 1 января 1926 г. у нас было организовано национальных районов: немецких – 7; еврейских – 2; польских – 1; болгарских – 2; греческих – 2. Национальных сельсоветов, по данным на 1 июля 1925 г., организовано: русских – 89; еврейских – 20; польских – 63; белорусских – 1; немецких – 117; греческих – 27; болгарских – 28; чешских – 13 и молдаванских. Вне пределов молдавской автономной республики — 9. Эта работа не считается законченной»[487].

Присутствовавший на заседании Ю. Ларин в прениях не преминул заявить о существовании «русского вопроса на Украине»[488]. «Жалобы с Украины от поляков, евреев, немцев сократились по крайней мере на 80 %. Я имею в виду те жалобы, поток которых направлялся в редакцию «Правды» и оттуда передавался мне. Целый ряд жалоб, которые туда направлялись, теперь отпал»[489], – признал Ларин. Однако, по его мнению, «практика относительно русских пока порой хромает».

Как и на III съезде Советов СССР, Ларин сослался на имевшиеся в его распоряжении факты. Так, в газете «Харьковский пролетарий» от 14 марта 1926 г. было опубликовано постановление окрисполкома, в котором последний «предложил всем своим отделам и инспектурам вести в дальнейшем всю служебную переписку исключительно на украинском языке. Все бумаги, присылаемые в окрисполком на русском языке, будут возвращаться обратно нерассмотренными»[490]. «На каком основании крестьянам, населяющим этот район, и рабочим, населяющим этот город, великороссам, запрещается обращаться на русском языке в наши официальные учреждения?»[491], – недоумевал Ларин. «Почему вывески на украинских государственных учреждениях, даже в тех городах, где большинство населения составляют великороссы, – должны быть только на украинском языке? Я не могу не вспомнить, что когда Петлюра въехал в Киев, одним из первых его актов было распоряжение снять все вывески на русском языке и иметь вывески только на украинском языке. Почему это петлюровское распоряжение... возобновляется теперь?»[492] – подчеркивал докладчик.

Кроме того, недовольство Ларина вызвали и методы подсчета национального состава населения ряда украинских регионов, от чего напрямую зависело то, какой язык будет «применяться в местных советах». Внимательно просмотрев книгу, изданную украинским Наркоматом внутренних дел под заглавием «Национальный состав

Советской Украины», докладчик обвинил украинские власти в «головотяпстве». Так, по словам Ларина, при подсчете населения Донбасса не были приняты во внимание русские рабочие, на том основании, что они являются «пришлым населением», проживающим «исключительно в рудничных и фабрично-заводских поселениях», и их нельзя смешивать с «коренным населением губернии»[493].

Ссылаясь на книгу, Ларин привел и другие похожие случаи. В 1924 г. было произведено «специальное районное описание Украины с точки зрения изучения ее национального состава» «путем опроса каждого сельсовета и о каждом населенном пункте в отдельности хорошо знающим свой район статистиком». Однако, составители книги, «товарищи из украинского наркомвнудела, получив сведения 1924 г. о том, что такая-то деревня, по заявлению ее жителей – русская, в ряде случаев, … поправили, что эта деревня не русская, а украинская, ссылаясь на то, что …царское правительство в 1859 г. … и затем в 1864 г. … считало, что эти деревни украинскими»[494].

Подводя итоги, Ларин заявил, что «русские на Украине – нацменьшинство, и что к ним нужно подходить, как к нацменьшинству, давая те же гарантии национальных прав и культуры, какие даются другим нацменьшинствам – немцам, полякам, евреям и т. д.» «Когда мы на другой сессии будем слушать доклад не правительства Украины, а правительства РСФСР, тогда я с такой же энергией буду требовать, чтобы у нас в РСФСР также были устранены те следы великорусского шовинизма, какие есть у нас, – подчеркнул Ларин. – Я буду требовать, чтобы были созданы украинские национальные округа на Кубани, на Амуре, за Волгой, чтобы были присоединены к Белоруссии входящие теперь в Гомельскую губернию белорусские округа. Но я буду требовать, чтобы т. Чубарь не говорил, будто только русские чиновники у них на Украине недовольны некоторыми проявлениями указанной мною практики»[495].

Как и в 1925 г., после выступления Ларина незамедлительно последовала реакция. Г.Ф. Гринько заявил, что не оспаривает наличие ошибок, поскольку «в практике наших государственных аппаратов, при искусстве и желании (т. Ларин, кажется, сам оговорился, что он – не последний по части втирания очков) можно найти не только десятки, а сотни примеров самого бесшабашного головотяпства…» Но, по его мнению, «нужно заниматься не нанизыванием формально подобранных, удачных или неудачных, документов, а нужно проанализировать реальное положение вещей в республике»[496].

Гринько указывал на «особое место», которое занимает русская культура на Украине: «Надо понять это сложное положение, надо понять, что русская культура на Украине, опирающаяся на вековые традиции угнетения, а сейчас – на огромный престиж РСФСР в строительстве Советского Союза, мощно противостоит едва поднимающемуся национальному возрождению Украины. Кто хочет честно ответить на политический вопрос, кто не хочет заниматься очковтирательством, тот должен понять своеобразие этого положения, понять трудности, какие в лице русской культуры и русской исторической традиции встречает рост украинского национального строительства»[497].

В то же время представитель УССР не допускал мысли, что в республике не соблюдаются права русских: «На Украине, несомненно, не такое положение, когда утвердившаяся украинская нация угнетает нацию русскую, русское национальное меньшинство. Это – вредная сказка»[498]. По его мнению, подобные высказывания является следствием «сопротивления русской, исторически сложившейся традиции», реакционной точки зрения, нашедшей «своих глашатаев, политиков и прокуроров, в частности в лице т. Ларина»[499].

Председатель ВУЦИК Г.И. Петровский прямо заявил о необходимости придерживаться твердой линии при проведении

украинизации. «Вчера т. Смирнов говорил мне, что несколько крупных ученых заявили ему о желании переехать из Украины в Москву, потому что на старости лет они не могут сейчас изучать украинский язык. При проведении национальной политики мы будем нести большую убыль в этом отношении, пока не созреют новые советские культурные украинские силы. Всегда вновь рождающееся связано с болезнями, и это дело не составляет исключения. Пока дождешься своих ученых или приспособишь тех специалистов, которые должны будут преподавать у нас на украинском языке, несомненно, мы будем иметь, может быть, некоторое понижение культуры, но этого пугаться нельзя»[500].

Секретарь ЦК КП(б)У В.П. Затонский особое внимание обратил на вопрос о том, «чтобы русскую национальность на Украине приравнять к национальным меньшинствам»: «Я утверждаю, что это принципиально неверно, ...русские на Украине не являются нацменьшинством; да этого и не может быть, потому что русская культура слишком велика, обширна, могуча, – культура, которая создавалась веками до революции, но главным образом вся революционная культура. Для нас русский язык это – язык Ленина... Для нас русский язык не просто язык нацменьшинства, и русские на Украине не просто нацменьшинство, но большинство рабочего класса на Украине»[501].

Если Затонский, озвучивая широко распространенную в то время точку зрения, заявил о невозможности выделения русского национального меньшинства, то другой украинский деятель, Нарком юстиции и генеральный прокурор УССР Н.А. Скрыпник, в отличие от большинства украинской делегации, согласился, что к русским на Украине следует относиться как к нацменьшинству. «Я констатирую, что благодаря принятым украинским правительством мероприятиям мы идем к надлежащему и полному обслуживанию этого национального меньшинства в той же мере, в какой мы идем в отношении остальных

национальных меньшинств, – утверждал Скрыпник. – У нас имеются районные и сельские советы с русским большинством населения, где делопроизводство и вся работа, и школы, и суд происходят на русском языке». В то же время он был отнюдь не согласен с Лариным в том, что на Украине существует «русский вопрос», поскольку «русский язык ни в каком отношении не является подавленным у нас на Украине». Скрыпник с негодованием отверг «намеки и заявления» Ларина, подчеркнув, что «русский язык является обязательным во всех школах, на нем ведется преподавание в большинстве высших учебных заведений, процент школ низших и средних, где преподавание ведется на русском языке, у нас значительно более высок, чем процент русского населения»[502].

Украинских товарищей поддержали представители других республик. То, что Ларин «перегнул палку», считали, например, представитель ЗСФСР М.Г. Цхакая, Дагестана – М.Т. Ахундов, Азербайджана – Буниатзаде Дадаш Ходжа оглы и др. Они хорошо представляли, что они тоже могут оказаться на месте украинских руководителей. Однако некоторые из присутствующих признали серьезность поднятого вопроса. Например, С.Я. Тодрия (Грузия), хотя и расценил, что «тов. Ларин зарапортовался» и «подобный материал можно собрать, по всей вероятности, не только об Украине, но и обо всех республиках, в частности Закавказья», но все же вынужден был признать: «Но особенно увлекаться чрезмерно быстрым внедрением национальной культуры тоже не следует. Это лишь средство для осуществления того великого будущего, к которому мы стремимся. Возможно, что украинцы в этом отношении идут слишком далеко и средство превращают в самоцель»[503].

Волков из Иваново-Вознесенска был более категоричен. Он считал, что «нечего подчеркивать, что т. Ларин совершил такое преступление, которое побуждает выступать целый ряд ораторов. Если этот вопрос задел

за живое, стало быть, что-то есть. Может быть, не только одно украинское правительство согрешило... Такие выступления должны показать всему нашему Союзу, что к национальному вопросу в отношении всех населяющих наш Союз народностей нужно относиться внимательнее и не перегибать палки ни в ту, ни в другую сторону»[504].

Однако выступление Ларина все же оказало некоторое впечатление и на украинцев. В заключительном слове Чубарь вынужден был еще раз подчеркнуть, что «русский рабочий, русский крестьянин насильно украинизироваться не будут»[505].

После сессии секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе опубликовал специальную брошюру, посвященную ее итогам. Он признал, что сессия «не ограничилась заслушанием доклада правительства УССР, она оживленно обсудила его и ввынесла по нему довольно большую резолюцию, в которой намечались дальнейшие пути по углублению и развитию проделанной правительством УССР работы». Ссылаясь на принятую резолюцию, Енукидзе подчеркнул, что успехи у правительства УССР имеются, но это «лишь первые шаги, которые требуют дальнейшего укрепления» и необходимо и в дальнейшем проводить мероприятия «в области проведения национальной политики»[506].

Конечно, в чем-то выступавшие на сессии представители УССР были правы: действительно, в высших учебных заведениях преобладал русский язык, и среди национальных сельсоветов были и русские. Однако ни русских национальных районов, ни русских городских советов пока не было. Ларин счел своим долгом опубликовать статью с изложением своих взглядов. 10 декабря 1926 г. он прислал статью в «Більшовик України», сопроводив ее письмом со следующим содержанием: «В “Украинский большевик”. Дорогие товарищи. В середине ноября тов. Сталин говорил со мной о некоторых явлениях в проведении нашей национальной политики и указал направить в «Украинский большевик» статью об этом для

освещения этих явлений там, откуда больше всего идет жалоб. На основании представленных мне редакцией «Правды» материалов такую статью я составил и при сем прилагаю. Считаю полезным, чтобы печатая статью Вы одновременно подвергли ее критике в печати же, если с чем либо не согласны, и солидаризировались бы с тем, с чем согласны. Впрочем, полагаю, насколько знаю Вашу позицию, принципиальных разногласий у нас не может быть, и речь идет об обращении большего внимания на работу аппарата для ее выправления»[507].

Однако статья появилась в последнем номере московского журнала «Большевик» за 1926 год и в первом номере за 1927 год под заголовком «Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения)». Ларин пытался донести до читателей мысль, что «насилие над языком трудовых масс «неизбежно вызывает рост шовинизма (здесь и далее выделено в тексте статьи – *Е.Б.*) с обеих сторон», что «под прикрытием сверхусердного сверхпроведения искаженной в сторону насильственности национально-культурной политики в наши ряды и в наш аппарат вносятся, таким образом, вообще элементы разложения как объективные, так и субъективные»[508].

Автор затронул в статье очень важный вопрос о соотношении понятий этничности и родного языка. Воспользовавшись привычным для себя методом, он привел выписку из одесских «Известий» за 27 июля 1926 г. В газете была помещена заметка «Перевести работу на родной язык» за подписью «Хотимлянский»: «Райком ЛКСМ задался целью перевести на еврейский язык работу комсомольской ячейки 1-й госконсервной фабрики. ... В ячейке огромное большинство членов — евреи, но они совершенно не умеют ни читать, ни писать по-еврейски, даже говорят плохо. Актив ячейки не владеет своим родным языком. Вся работа ведется на русском языке. Райкому ЛКСМ необходимо учесть национальный состав ячейки и принять меры к переводу ее работы на

еврейский язык»[509]. Негодуя против подобной «принудительной евреизации», Ларин подчеркивал, что в данном случае речь шла о людях «русской культуры, хотя еврейской национальности»[510]. Причины подобных явлений следует искать, не только в желании «устранить конкурента»: «Еврейский торговец, еврейский ремесленник, еврейский служащий, поскольку он говорит по-русски – понятен всему городскому и большинству сельского населения Украины. Если же еврейских детей с детства принудительно учить в школах на еврейском языке, …то будущий еврейский ремесленник, торговец (кооперативный) и чиновник не сможет объясняться с подавляющим большинством населения Украины». Причины, считал автор, следует искать в «зоологическом русофобстве» в сочетании с антисемитизмом, что и приводит, по его мнению, к «принудительной евреизации «не владеющих своим родным языком» евреев»[511].

Ларин вновь обратился к вопросу о русских рабочих. Критикуя «принудительную украинизацию профсоюзами», он подчеркивал, что «вообще в профсоюзах Украины … только одна шестая часть членов умеет говорить по-украински», а в городах Украины (Донбасс) «обычно говорят по-украински еще меньшая часть членов профсоюзов, чем по Украине в целом»[512], и не допустимо навязывать всем в качестве «языка обслуживания» украинский. Подобная практика может иметь негативные последствия в виде снижения общего культурного уровня рабочих, предупреждал Ларин и привел в пример письмо в «Правду» одного рабочего-металлиста из Украины. «Из грамотного меня сделали неграмотным… Пятнадцать лет своей сознательной жизни, – пишет этот пролетарий, – я участвовал в партийных организациях на территории Украины, слушал доклады и выступал на собраниях, читал газету, живу среди русских же рабочих, и вдруг мы сразу перестали понимать доклады, газеты и т.д.…»[513]. В результате возникает «раздражение против

украинизации». Более того, «расходящиеся с Украины вести... и разъезжающиеся с Украины люди... разносят затем зародыши таких настроений и по РСФСР», а у московских рабочих появляются вопросы: «Правда ли, что на Украине хотят на заводах рассчитать всех русских и заменить украинцами» и т. п. «Обязательность ознакомления с украинским языком деятелей профдвижения и всего рабочего класса на Украине несомненна, – признает Ларин. – … Но из обязательности ознакомления на Украине с украинским языком никоим образом не вытекает перевод на украинский язык всей работы профсоюзов..., ибо для подавляющей части их членов …украинский язык не является разговорным»[514].

По мнению Ларина, введение украинского языка в городскую жизнь имеет «единственный смысл – создать внешнюю видимость, что Киев, Одесса, Харьков и т.п. центры – сплошь украинские по языку города. Но какая цена такой «потемкинской деревне»...?[515] «Почему в Одессе, где подавляющее большинство жителей говорит по-русски, а не по-украински – на почте вывеска «до востребования» – должна быть только по-украински и по-французски? – задавался вопросом автор. – Это установлено на Одесской почте в ноябре 1926 г. членом ЦКК нашей партии. Есть нечто кривое в такой манере украинизации»[516].

По мнению Ларина, «принудительность в вопросе изучения украинского языка служащими соответствующих публично-правовых органов государства (судов, железных дорог и проч.) – не только не вредна, но необходима». Однако «принудительность недопустима и вредна там и тогда, где она стесняет население в употреблении неукраинского языка или навязывает ему обязательно украинский (да еще под страхом уголовной кары)»[517]. Почему столько жалоб «на применение в школах языка обучения, не являющегося разговорным для детей местного населения»?[518] Чтобы устранить подобные явления, Ларин предлагал поставить язык обучения в зависимость от языка, используемого в семье, а

в качестве языка делопроизводства советов употреблять «язык большинства населения данного города, местечка или иного поселения». При этом он предлагал предоставить национальным меньшинствам «селений, местечек и городов фактическую возможность выделиться в самостоятельные, территориально обособленные советы», а «в местах с разноязычным населением» обеспечить «разноязычный состав местных советов с употреблением соответственных языков в их делопроизводстве и учреждениях»[519].

Выступления Ларина не прошли впустую – они привлекали внимание к проблеме статуса русских на Украине. В еженедельной сводке секретного отдела ГПУ УССР от 1–7 января 1927 г. указывалось, что статья Ларина «вызвала среди украинской общественности большое возбуждение. На следующий же день после прибытия журнала из Москвы, все номера его были расхватаны, остаток продавался из-под полы по повышенным ценам». Ходили слухи, что в Политбюро ЦК ВКП(б) существуют разногласия: Рыков, Калинин, Бухарин и Молотов «якобы не одобряют современный курс национальной политики», а Сталин «настаивает на продолжении этой линии»[520].

8–11 января 1927 г. на Украине при ВУЦИК прошло Совещание представителей национальных меньшинств. Заместитель секретаря ЦИК СССР Н.И. Пахомов, докладывая в Президиум ЦИК СССР о результатах этого совещания, сделал вывод, что «национальное строительство идет, безусловно, очень быстро и в этой области, объективно надо признать, имеются большие достижения»[521]. В то же время «очень большое значение приобретает на Украине русский вопрос», не получивший «конкретного разрешения со стороны высших руководящих органов». Из 80 присутствовавших на совещании делегатов русских было только 8, «и это несмотря на то, что русские в УССР представляют весьма большую группу национального меньшинства»[522]. Однако, по мнению Пахомова, имеется

ряд сложностей, связанных с разграничением сфер применения национальных языков. Несмотря на то, что «многие районы районы имеют в своем составе сельские советы разного национального состава: немецкие, болгарские, украинские, русские», в районных исполкомах «все делопроизводство ведется на украинском языке, в сельсоветах же делопроизводство ведется на языке данной национальности». Такая ситуация, по мнению Пахомова, «нередко порождает недоразумения, как, например, возвращение в немецкий сельсовет всей переписки с предложением последнему присылать на «понятном» языке свои отношения». Существенные трудности возникли и при организации школ на национальном языке, в частности, «во многих местах встает уже вопрос о высших национальных школах – 7- и 9-летках, рабфаках и др»[523].

В дополнение к докладной записке Пахомова М.И. Калинину были направления предложения Комиссии по русскому вопросу. В записке подчеркивалось, что «при осуществлении украинизации в местностях с русским населением имели место отдельные случаи искажения нашей национальной политики и недочета интересов русского меньшинства: советский аппарат переходил полностью на украинский язык в сношениях со всем населением, окладные листы по сельхозналогу, страховые листы и документы Госстраха, справки и удостоверения выдавались на украинском языке, печатание всех официальных материалов в центральных и местных учреждениях на двух языках также соблюдалось не всюду, отмечен ряд случаев печатания приказов и распоряжений на одном украинском языке и т.д.»[524]. По подсчетам комиссии, «процент охвата русской национальности административно-территориальными единицами исчисляется в 30,3 % всего русского населения УССР и 90 % по сельской части». Комиссия предлагала «более интенсивно» выделять русские поселковые советы на Донбассе, Криворожье и Днепропетровщине; выявлять «поселения городского типа с преобладающим русским населением» и объединить

«русские сельсоветы в самостоятельные районы с русскими райисполкомами», одновременно усилив обслуживание русского меньшинства «в городах со смешанным населением»[525].

Первые русские сельские советы на Украине уже были созданы, и этот процесс предполагалось продолжить. Однако статистические данные существенно разнятся. По данным Центральной административно-территориальной комиссии при ВУЦИК, на 1 октября 1925 г. насчитывалось 89 русских сельсоветов[526]. В то же время, по данным вышеупомянутой Комиссии по русскому вопросу, на 1 октября 1925 г. существовали 69 русских советов[527]. В материалах, подготовленных Организационно-информационным отделом Управления делами СНК УССР ко второй сессии ЦИК 3-го созыва указывалось, что в 1926 году «предположено организовать» 90 русских сельсоветов[528]. Комиссия по русскому вопросу указывает, что на 1 апреля 1926 г. существовало 122 русских сельсовета, на 1 октября 1926 – 312[529]. В статье Н. Черлюнчакевича, опубликованной в № 4–5 журнала «Більшовик України» за 1926 г., речь шла о 167 русских национальных сельсоветах[530].

Выделение русских национальных районов произошло позднее, после окончательного принятия решения о статусе русских на Украине. Проблема русского национального меньшинства активно обсуждалась и украинским руководством. 31 января 1927 г. на заседании комиссии по украинизации свою точку зрения на проблему вновь высказал Н.А. Скрыпник. Он подчеркнул ошибочность воззрения на русский язык как язык «союзный» (с его точки зрения, это была неправильная позиция, являвшаяся «целиком продолжением старых дореволюционных отношений»). В то же время он продолжал настаивать, что «русская национальность на территории Украины является национальностью меньшинства и русский язык на территории Украины является языком

нацменов», и, следовательно, нужны меры для соответствующего выделения нацрайонов[531].

Как справедливо заметил Т. Мартин, определение «национального меньшинства» Скрыпник довел до логического конца, сделав понятия «национальное большинство» и «национальное меньшинство» совершенно относительными. Выступая в 1930 г. на заседании Президиума Совета национальностей, Скрыпник заявил, что «национальным меньшинством является каждая из национальностей, населяющих наш Союз, и украинцы, и русские, и евреи, и белорусы и так далее»: «В каждой союзной республике имеются солидные национальные меньшинства, однако нацмены одной республики являются национальным большинством в своем национальном районе. В польском районе национальным большинством являются поляки; на Украине национальным большинством являются украинцы, однако в польском районе они являются национальным меньшинством...»[532]

Между тем, украинское руководство вынуждено было принять окончательное решение по вопросу о статусе русских в УССР. В резолюции от 19 апреля 1927 г. «Об итогах украинизации» Политбюро ЦК КП(б)У констатировало «рост шовинистических настроений, как среди русских, так и среди украинских элементов мелкой буржуазии, пытающихся оказать влияние на рабочий класс и даже на отдельных членов партии». Основным орудием в борьбе с шовинизмом Политбюро в Харькове считало «дальнейшее решительное и твердое проведение украинизации, с обеспечением интересов национальных меньшинств». Однако было признано, что «к числу нацменьшинств на Украине относится также и русской население, обеспечение культурных интересов которого должно проводиться наравне с прочими нацменьшинствами».

Поскольку «русский язык является языком значительной части рабочих, а местами (и как раз в наиболее промышленных районах)

большинства рабочих», за русским языком признавалось «особое значение по сравнению с языками прочих нацменьшинств на Украине», что подразумевало обязательное преподавание русского языка в школах, обязательная публикация правительственных распоряжений наряду с украинским, также и на русском языке. «Однако это ни в коем случае не может служить прикрытием для попыток создать для русской культуры на Украине господствующее положение, которым она пользовалась при царизме»[533], – отмечали украинские руководители. В то же время они подчеркивали нецелесообразность выделения в отдельные административно-территориальные единицы городов, являющихся центрами районов с неукраинским населением, поскольку это может привести к разрыву культурной связи между рабочим классом и крестьянством. «Выделение городов нецелесообразно еще и потому, что динамика социального развития неминуемого ведет к их украинизации по примеру аналогичного процесса изменения национального характера города в соответствии с национальным складом большинства населения страны в Чехии, Венгрии, Латвии и других странах»[534], – говорилось в резолюции.

6 июля 1927 г. ВУЦИК и СНК УССР одобрили постановление «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры», кодифицировавшее все законодательство в этой сфере. В постановлении говорилось, что потребности национальных меньшинств на территории УССР обеспечивались путем выделения национально-территориальных единиц. В национально-территориальные административные единицы выделялись местности, в которых преобладающая часть населения не принадлежала к украинской национальности. Языки всех национальностей, проживающих на территории УССР, объявлялись равноправными. Хотя официальным языком был признан украинский, в национально-территориальных

административных единицах языком официального общения считался язык преобладающей там национальности. Особо подчеркивалось, что города и поселки городского типа не выделяются в национально-территориальные единицы. В учебных учреждениях украинский язык и украиноведение, а также русский язык считались обязательными дисциплинами [535].

По данным ЦСУ УССР, к июню 1927 года на Украине было уже 287 русских национальных сельсоветов[536]. 12 июля 1927 г. президиум ВУЦИК одобрил создание 9 русских национальных районов: в Глуховском округе был создан Путивльский район, в Запорожском округе – Каменский, в Луганском округе – Сорокинский, Станично-Луганский, Петровский, в Мелитопольском округе – Терпинянский, в Харьковском округе – Алексеевский, Староверовский и Чугуевский. В 1928 году рассматривался вопрос о русских национальных районах в Полтавском и Изюмском округах, однако они так и не были образованы: в Полтавском округе русские сельсоветы были слишком удалены друг от друга, а в Изюмском предполагаемый русский район проходил бы узкой длинной полосой на стыке нескольких районов, в связи с чем его образование было также признано нецелесообразным[537].

После ликвидации округов и перехода на двухступенчатую систему управления из смежных русских сельсоветов Харьковского и Сумского округов в 1930 г. был образован еще один русский национальный район – Велико-Писаревский[538]. В дальнейшем состав русских национальных районов и их наименование не один раз претерпевали изменения. К концу 1935 года в Харьковской области было 4 русских района (Велико-Писаревский, Алексеевский, Староверовский, Чугуевский); в Донецкой – 3 (Верхне-Тепловский, Косиоровский, Сорокинский); в Днепропетровской – Каменско-Днепровский, в Черниговской – Путивльский[539].

Таким образом, русские национальные территориальные образования в УССР были образованы позднее остальных, что объяснялось стремлением партийного руководства укрепить позиции украинского языка и культуры в республике. Сильные позиции русского языка и культуры и большая численность русского населения на Украине заставляли республиканское партийное руководство проводить протекционистскую политику в отношении украинцев. Поддержка национальной культуры, с одной стороны, и борьба с великорусским шовинизмом, с другой, существенно затрудняли определение статуса русского населения на Украине. Тем не менее, учитывая большую численность русского населения, особенно в крупных городах, и сильные позиции русского языка и культуры, проигнорировать этот вопрос было невозможно. Украинские лидеры признали русских национальным меньшинством и начали выделение русских национально-территориальных единиц (сначала сельсоветов, а затем и районов). Однако городов такое выделение не коснулось: украинское руководство хотело видеть индустриальные центры Украины украинскими еще до начала массовой миграции крестьян в города в процессе индустриализации, чтобы новоприбывшие не оказались в русскоязычном окружении и при этом склонно было торопиться (по выражению Ю. Шевелева, «не хотели ждать ни минуты»)[540]. Самые рьяные сторонники украинизации, среди которых был и А.Я. Шумский, стали поднимать вопрос о необходимости украинизации пролетарита.

§ 7. «Дело Шумского» и раскол партии украинских коммунистов в Польше

Активное проведение украинизации после назначения на пост генерального секретаря ЦК КП(б)У Л.М. Кагановича поставило на повестку дня вопрос о роли пролетариата в этом процессе[541].

Действительно, пролетариат на Украине был русским по языку, а социальной базой для развития украинской культуры было крестьянство, в связи с чем республиканское руководство должно было решить, какую культурную основу избрать для «смычки» пролетариата с крестьянством? Большевики Украины оказались перед выбором: сохранить ли русский облик рабочего класса или постараться приблизить его к культуре «коренной национальности».

Если в начале 1920-х годов украинский язык ассоциировался с селом, а украинскую культуру большинство партийцев склонно было считать более «низкой» по сравнению с русской, то позже (Ю. Шевелев называет в качестве рубежа 1926 г.) стали избегать увязывания украинского языка и культуры с деревней[542]. Тем не менее, оставался нерешенным вопрос, каким образом осуществить «смычку» русского пролетариата с украинским крестьянством. Все чаще стали раздаваться голоса о том, что пролетариат на Украине по этническому происхождению является украинским, однако подвергшимся русификации царского правительства.

Так, в 1925 г. свое мнение по поводу национального вопроса на Украине высказал секретарь ЦК КП(б)У В.П. Затонский. Затонский отмечал, что на Украине пролетариат («хотя и вышедший из украинского села в город»), «поддался влиянию русской культуры», что было «здоровой тягой к единству рабочего движения». При этом, когда «на севере победила революция, а на Украине Петлюра», в пролетарских районах «самый украинский язык считался контрреволюционным». Однако сейчас, подчеркивал Затонский, «было бы величайшей нелепостью предполагать, что национальный вопрос на Украине может быть окончательно разрешен при условии, если пролетариат и крестьянство будут и впредь национально обособлены». В данной ситуации, по Затонскому, «лучшим выходом была бы украинизация пролетариата» (потому что «русификация крестьянства вещь немыслимая, а поэтому

вредная»), однако насильно украинизировать рабочих нельзя, «можно лишь помогать естественному ходу вещей». Т.е., «не входя в столкновения с непосредственным желанием масс», делать все, чтобы рабочие не забывали «своей украинской речи», украинизировать школы для детей рабочих[543].

В 1926 г. вышла книга заместителя заведующего агитпропотделом ЦК КП(б)У (1926–1928) А.А. Хвыли[544] «Национальный вопрос на Украине», в которой прямо указывалось, что «большинство рабочего класса на Украине было подвергнуто русификаторской политике; меньше эта политика проникла в крестьянство»[545]. «В данный момент, по существу при разрешении национального вопроса на Украине борются между собою две тенденции, – писал Хвыля. – Первая – Украина прошлого, Украина Петлюры, и других националистических группировок и, с другой стороны, – Украина новая, Украина советская, Украина трудящихся»[546]. Автор подчеркивал, что «некоторые слои шовинистической украинской интеллигенции говорят, что Советская власть, Коммунистическая партия – преемники царской России, которая угнетала украинский народ, что такая политика будет продолжаться, и противопоставляет себя, как защитников закономерного хозяйственного и культурного развития Украины»[547]. Подобного рода идеи приводят, по мнению Хвыли, к противопоставлению «украинских рабочих и крестьян рабочим и крестьянам России и других национальностей», что ведет «не к союзу всех народов, а к продолжению прежней вражды, к резне, угнетению одной национальности другой»[548]. Как подчеркнул автор, во главе этой «группировки» «у нас на Украине находятся Ефремов и частично Грушевский»[549].

Действительно, по данным переписи, произведенной ВУСПС в апреле 1926 г., национальный состав украинского пролетариата (за исключением безработных и батрачества) был следующим: украинцев – 49,9 %; русских –31,6 %; евреев – 12,8 %; прочих – 5,7 %[550]. Что касается

разговорного языка рабочих и служащих, то здесь картина имела существенные отличия от полученных данных по национальному составу: на украинском языке говорили – 33,2 %; русском – 66,0 %; еврейском – 7,5 %; прочих – 3,1 %[551]. Среди грамотных рабочих на украинском языке читали – 40,2 %; русском – 91,2 %; еврейском – 7,1 %; прочих – 6,2 %[552].

После того, как рабочие были признаны украинцами по происхождению, но подвергшимися русификации, вопрос об украинизации пролетариата уже не мог вызвать удивления. Одним из главных сторонников украинизации пролетариата был бывший боротьбист А.Я. Шумский, руководивший Народным комиссариатом просвещения УССР в 1924–1927 гг., сменивший на этом посту также бывшего боротьбиста Г.Ф. Гринько. Следует заметить, что в системе просвещения оказалось немало их бывших коллег по партии – А. Полоцкий, А. Приходько, Т. Махно, С. Крига, Н. Калюжный и др.[553] На апрельском пленуме ЦК КП(б)У 1925 г. Шумский, делая доклад «Об украинизации», отметил «уклон в сторону украинизации, главным образом, советского аппарата, соприкасающегося с селом, и низового сельского просвещения, оставляя почти незатронутыми украинизацией партийную жизнь, партийный аппарат и жизнь рабочих организаций»[554]. «Я считаю, – заявил Шумский, – что пролетариат может быть приобщен к украинской общественно-культурной жизни и может и должен занять в ней руководящую роль…»[555].

Активный сторонник украинизации, Шумский был недоволен ее темпами. Он считал, что генеральный секретарь КП(б)У уделяет этому вопросу незаслуженно мало внимания, придает украинизации формальный характер. Особую озабоченность Шумского вызывала роль пролетариата УССР в решении национального вопроса. Он отстаивал необходимость украинизации пролетариата: «Имея полную возможность обеспечивать свои культурные запросы по-русски, русские рабочие должны в то же

время принимать активное участие и в украинском общественно-культурном строительстве»[556]. По мнению Шумского, украинизация пролетариата на Украине способствовала бы «смычке» его с крестьянскими массами и нейтрализации воздействия на эти массы «буржуазной интеллигенции». «...В силу отсутствия у нас руководства общественно-культурным процессом интеллигенция начинает реставрировать утраченные в 1919 и 1920 гг. связи и влияние», – вот чего опасался нарком просвещения. Кроме того, Шумский считал явно недостаточными темпы украинизации партии, обращал внимание на низкую численность украинцев в партии.

Весной 1926 г. вопрос об украинизации вновь обсуждался ЦК КП(б)У: срок украинизации госучреждений, намеченный на 1 января 1926 г., истек, но запланированных целей достичь не удалось, и необходимо было выработать план дальнейших действий. 19 марта в Харькове состоялось заседание Политбюро, обсуждавшее предварительные итоги украинизации[557]. Доклад делал Затонский. 2 апреля украинское Политбюро вновь обратилось к этой проблеме. Итогом стало решение «перевести «Коммунист» на украинский язык не позднее 1 июня, «Пролетарий» решено было «превратить в популярный рабочий орган ЦК и ВУСПС на русском языке», а секретариату ЦК к осени внести «практическое предложение об издании популярной рабочей газеты на украинском языке»[558].

Эти заседания показали, что единого мнения по поводу дальнейшей украинизации нет. Каганович был против принудительной украинизации пролетариата, что вызывало яростные возражения Шумского[559]. На заседаниях шла острая дискуссия по поводу дальнейших путей украинизации. Каганович подчеркивал: «Мы не можем насильственно украинизировать русских рабочих». Украинское политбюро 2 апреля единогласно утвердило это положение. Шумский не соглашался: он

считал, что эта формулировка окажет негативное воздействие на политику украинизации[560].

Накал страстей был очень велик, сказывалась и личная неприязнь между Кагановичем и Шумским. 2 апреля отдельным пунктом повестки дня значилось «О заявлении тов. Шумского, в связи с речью тов. Кагановича на ПБ от 19 марта с.г.»[561]. Через несколько дней ЦК КП(б)У разослал письмо Кагановича и Чубаря, в котором Шумский был обвинен в карьеризме, желании захватить руководящие посты в КП(б)У[562]. Шумский решил апеллировать к Сталину. 20 апреля 1926 г. Сталин принял делегацию КПЗУ, в составе которой был и Шумский[563]. В личной беседе с генеральным секретарем (по словам Сталина, она длилась «часа два с лишним») украинский нарком высказал свое недовольство положением на Украине и предлагал исправить положение с помощью кадровых перестановок. Шумский настаивал, что «украинизация идет туго, на украинизацию смотрят, как на повинность, которую выполняют нехотя, выполняют с большой оттяжкой», «рост украинской культуры и украинской интеллигенции идет быстрым темпом, что ежели мы не возьмем в руки этого движения, оно может пойти мимо нас» и предлагал провести украинизацию «прежде всего в рядах партии и среди пролетариата» Свои кадровые предложения Шумский обосновывал тем, что во главе движения «должны стать такие люди, которые верят в дело украинской культуры, которые знают и хотят знать эту культуру, которые поддерживают и могут поддерживать нарастающее движение за украинскую культуру»[564]. Шумский предлагал заменить Кагановича на В.Я. Чубаря, а председателем украинского Совнаркома сделать Г.Ф. Гринько[565].

Сталин решил сыграть роль «третейского судьи», и направил 26 апреля 1926 г. письмо «Л.М. Кагановичу и другим членам политбюро ЦК КП(б)У». Московскому генсеку не было резона тасовать политбюро, в

роли главы украинской парторганизации ему был необходим именно лично преданный Каганович. Это обстоятельство сыграло решающую роль в судьбе Шумского.

Сталин подверг резкой критике его позицию, особенно требование украинизировать пролетариат. «Нельзя *заставить* русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком – украинский, – писал Сталин, – Это противоречит принципу свободного развития национальностей»[566]. В этом же письме было указано на «теневые» стороны «нового движения на Украине за украинскую культуру и общественность»: «Тов. Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против “Москвы” вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения – против ленинизма»[567].

Заслуживает особого внимания сталинская оценка ситуации на Украине как состояние «все более и более реальной» опасности[568]. Сталин предупреждал членов политбюро ЦК КП(б)У, что увлекаться украинизацией нельзя и что она должна носить прежде всего большевистский, советский характер. «Прав т. Шумский, утверждая, что руководящая верхушка на Украине... должна стать украинской. Но он ошибается в темпе. ... Он забывает, что чисто украинских кадров не хватает пока для этого дела»[569].

Говоря об опасности, Сталин имел в виду прежде всего творчество Хвылевого с его лозунгом «Геть від Москви». Приговор Шумскому и Хвылевому был вынесен Сталиным окончательно и бесповоротно. «Тов. Шумский не понимает, – писал он, – что овладеть новым движением на

Украине за украинскую культуру возможно лишь борясь с крайностями тов. Хвылевого в рядах коммунистов. Тов. Шумский не понимает, что только в борьбе с такими крайностями можно превратить подымающуюся украинскую культуру и украинскую общественность в культуру и общественность *советскую*»[570].

Шумский счел необходимым разъяснить свою позицию на состоявшихся 12 и 15 мая 1926 г., через три недели после появления упомянутого письма, заседаниях Политбюро ЦК КП(б)У. Отстаивая свою точку зрения на необходимость углубления украинизации, нарком просвещения коснулся главным образом трех моментов: положение украинцев в компартии, вопрос об украинизации пролетариата и творчество Хвылевого. «У нас был недавно съезд партии, и там никто даже не говорил на украинском языке», – возмущался Шумский. «А почему они не выступали? – задавал он вопрос и тут же отвечал на него, – Потому, что они в партии забиты, загнаны и составляют меньшинство даже арифметическое, не говоря уже о влиянии. Потому, что в партии господствует русский коммунист, с подозрительностью и недружелюбием, чтобы не сказать крепче, относящийся к коммунисту-украинцу»[571].

Горячность Шумского не могла не вызвать негодования его коллег по партийной верхушке, большинство из которых были русскими по происхождению или пользовались в быту исключительно русским языком. Причем последним досталось по первое число. «Господствует, – негодовал Шумский, – опираясь на презренный, шкурнический тип малоросса, который во все исторические эпохи был одинаково беспринципно-лицемерен, рабски двоедушен и предательски подхалимен. Он сейчас щеголяет своим лже-интернационализмом, бравирует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его (может, иногда и по-украински), если это дает возможность выслужиться и получить теплое местечко»[572].

Основной вывод Шумского был категоричен: «наша партия должна стать украинской по языку и по культуре»[573]. Возмущение оратора вызвало и отношение украинских большевиков к коммунистам – выходцам из других партий. Может ли «этот бывший боротьбист когда-нибудь избавиться от этого своего рода волчьего билета, каким является в настоящем его пребывание в прошлом в рядах украинской компартии (имеется в виду Украинская коммунистическая партия (боротьбистов). – *Е.Б.*), и что нужно для того, чтобы это – его революционное прошлое – не являлось какой-то каиновой печатью, мешающей ему быть полноправным гражданином в партии[574]».

В ответ на это заявление Шумского Каганович признал, что «отдельные факты в отношении затирания “бывших” имеются, этого оспаривать нельзя. Партия с этими извращениями борется и будет бороться, но нельзя, как это делает тов. Шумский, доказывать, будто это у нас такая общая система в партии»[575].

Невзирая на критику Сталина, Шумский продолжал отстаивать необходимость украинизиации пролетариата. «...У нас получается смычка интеллигенции с крестьянскими массами, а не пролетариата с крестьянством», – негодовал он, прекрасно отдавая себе отчет в том, какое положение может занять украинская интеллигенция благодаря проводимой компартией кампании по коренизации. Выход из создавшейся ситуации Шумский видел в приобщении пролетариата к украинскому языку и культуре: «Имея полную возможность обеспечивать свои культурные запросы по-русски, русские рабочие должны в то же время принимать активное участие и в украинском общественно-культурном строительстве»[576].

Нарком просвещения принялся защищать и Хвылевого: «Нельзя же, говоря о Хвылевом, написавшем целые трактаты по вопросам литературы и искусства, выхватывать один отрывок из его произведений, одну лишь

часть и по ней судить… Чем иначе объяснить, как не юношеским задором, такую логику, как “Росія самостійна? Самостійна. Ну, так і Україна самостійна”»[577].

Шумский не учел, что в позиции Хвылевого отчетливо просматривались отголоски недавней дискуссии о роли национальных республик в Союзе ССР, когда многие украинские коммунисты отстаивали большую самостоятельность Украины. Сепаратистские же устремления ряда украинских партийных лидеров вызывали серьезную озабоченность Москвы. Еще свежи были воспоминания о «конфедерализме» Раковского.

Думается, высказывания Шумского в защиту Хвылевого принесли обоим больше вреда, нежели пользы. Каганович не мог не насторожиться, памятуя о жесткой позиции Сталина, стремившегося не допустить расширения полномочий республиканских органов власти. Каганович сформулировал три задачи национальной политики в УССР: 1) укрепление украинской государственности как составной части СССР, привлечения широких масс коренного населения к государственному и хозяйственному строительству, приближение государственного аппарата к массам; 2) развитие культурного строительства; 3) сохранение за партией руководства процессом украинизации. Все должны были понять, что национальное движение для коммунистов было не самоцелью. «Нужно добиться того, — отмечал Каганович, — чтобы каждый член партии подходил к национальной культуре с точки зрения классовой, а не с точки зрения единственной национальной культуры, которая является не марксистским, не ленинским подходом»[578].

В конце заседания В. Чубарь подчеркнул необходимость единства сил в ЦК. Он считал, что генеральный секретарь ЦК КП(б)У должен остаться на своем месте: «Сталин недавно сказал мне и Григорию Ивановичу (Петровскому – *Е.Б.*), что из разговора с Шумским понял, что Каганович нас обижает. Я сказал, что я лично никаких полномочий

Шумскому не давал выступать перед Сталиным»[579]. После заседания Политбюро украинские коммунисты составили ответ генеральному секретарю ЦК ВКП(б). Они писали: «...нельзя отрицать ... того, что несмотря на несомненный перелом в отношении широких партийных масс к украинизации, – мы еще далеко не изжили здесь настроений инерции и косности, в значительной мере связанных с остатками антагонизмов периода острой гражданской войны, принимавшей в отдельных случаях, в силу специфических особенностей Украины, национальную окраску»[580]. «Инерция» и «косность» Шумского выражались в том, как «понимать украинскую культуру». Шумский «солидаризировался» в этом вопросе с Хвылевым (впоследствии, когда разгорелась борьба с «хвылевизмом» и «национал-уклонизмом», эти фамилии очень часто соседствовали).

В письме подчеркивалось, что расхождения членов Политбюро с Шумским «имеются в том, как понимать украинскую культуру (он… солидаризируется фактически с тов. Хвылевым), как относиться к украинизации русской части пролетариата, и, наконец, кого считать украинским работником (иначе говоря, чьими руками должно строить КП(б)У и УССР)»[581]. Члены Политбюро подчеркнули, что они высказываются «против насильственной украинизации русских рабочих»[582].

Члены Политбюро ЦК КП(б)У прекрасно отдавали себе отчет в возможных последствиях «ошибок Шумского». В условиях ожесточенной внутрипартийной борьбы в центре, опасаясь обвинений в создании очередного «уклона» или оппозиции, они решительно отмежевались от «эсеровского прошлого» наркома просвещения: «...Наше расхождение с т. Шумским по вопросу о вовлечении украинских работников заключается в том, что тов. Шумский и его единомышленники часто склонны понимать под украинскими работниками только украинцев по национальности и то не всех, а фактически – людей, имеющих стаж пребывания в национал-

социалистических партиях (так в тексте. – *Е.Б.*) в прошлом, да и то лишь в том случае, если эти люди разделяют... ошибки тов. Шумского...»[583]

Через несколько дней после вышеупомянутых заседаний политбюро, 22 мая 1926 г., Шумский решил лично встретиться и побеседовать с Кагановичем. Он передал свою просьбу через секретаря и настоял на встрече, хотя Каганович и пытался избежать разговора[584]. Шумский, видимо, понял, что сложившаяся ситуация может иметь для него неблагоприятные последствия: вмешался и внешнеполитический фактор – 12–14 мая 1926 г. к власти в Польше в результате государственного переворота пришел к власти Ю. Пилсудский. Шумский покаялся Кагановичу в том, что по отношению к нему «перегнул палку» и спросил, что нужно сделать для того, чтобы «исчерпать весь инцидент».

Как отметил Каганович в своей записке членам Политбюро по поводу состоявшейся беседы, «тов. Шумский тут же сослался на пример с т. Раковским, с которым он имел резкий инцидент и потом с ним сработался, сказал, что он может и со мной сработаться... Лично он против меня ничего не имеет»[585]. Каганович, в свою очередь, предъявил Шумскому ряд требований, в частности, настаивал на необходимости выступить «против позиции Хвылевого» и согласиться с недопустимостью насильственной украинизации русских рабочих. Шумский вынужден был согласиться с предъявленными ему требованиями[586].

Ю.И. Шаповал справедливо отмечает, что именно письмо Сталина послужило толчком к развертыванию Кагановичем кампании против «национал-уклонизма»[587], причем Шумский выставлялся главой целой «опасной группы». Каганович вспоминал: «В процессе борьбы со взглядами Хвылевого... вскрылось, что среди части бывших боротьбистов и других бывших социал-националистстких партий во главе с Шумским сложилась опасная группа национал-уклонизма, с которой

парторганизация большевиков Украины во главе со своим ЦК КП(б)У повела решительную борьбу»[588].

На состоявшемся в июне 1926 г. пленуме ЦК КП(б)У Каганович особо подчеркнул приоритет классового принципа. Хотя «Украина должна служить образцом и примером разрешения пролетариатом проблемы национального освобождения угнетенных масс», тем не менее «основной нашей задачей является строительство социализма и укрепление диктатуры рабочего класса...» Поэтому «само собой разумеется», что национальный вопрос подчинен «этим двум основным задачам»[589]. Глава украинских коммунистов брал пример со Сталина: отвечая на XII съезде РКП(б) «одной группе товарищей», «слишком раздувшим национальный вопрос», последний также настаивал на приоритете социального вопроса перед национальным[590].

В вопросе украинизации Каганович придерживался осторожной позиции, постоянно противопоставляя великорусскому шовинисту украинского националиста, а русскому коммунисту, не понимающему необходимости украинизации, – Хвылевого, которого «губит утеря классового подхода». При этом он предупреждал украинских большевиков об опасности «внутренней драки по национальному вопросу».

Так же осторожно глава КП(б)У решал вопрос о старых и новых большевистских кадрах. «Всякую возможность выдвигать свежих, здоровых, ведущих правильную линию украинских работников мы будем использовать... Но мы имеем и попытку выступить против действительно старых большевистских кадров, при помощи которых строилась большевистская партия, на которых зиждилась ленинская партия»[591]. В этой позиции Кагановича отчетливо проглядывает манера его «друга и соратника» Сталина, предпочитавшего разыгрывать перед партией роль «золотой середины» в преддверии разгрома соперников.

Шумский пытался возражать, объяснить свою позицию. «Уже больше года идет горячая дискуссия о путях развития украинской литературы, а по сути, целого общественно-культурного процесса, – настаивал Шумский. – Молодежь борется за прояснение перспектив этого процесса… Партия, которая живет русской культурой и проводит свое внутреннюю жизнь на русском языке, стоит в стороне и не принимает активного творческого участия в этом процессе. ... Спросим себя честно и открыто: а много ли старых партийцев, кадровиков выучили за этот год украинский язык, познакомились с историей Украины, украинской культурой? Я не одного имени не могу назвать»[592]. Шумский пытался защитить и позицию Хвылевого, но делал это весьма своеобразно. С одной стороны, он признал выступление писателя «политически опасным», но в то же время выразил уверенность, что «Хвылевой хочет строить социализм», но «сделал много ошибок»[593].

Позиция Шумского подверглась беспощадной критике. Особо ожесточенный спор вызвал вопрос о бывших боротьбистах. На закрытой части заседания пленума 6 июня 1926 г. Н.А. Скрыпник от лица большинства ЦК утверждал, что «бывшие боротьбисты – незалежники-укаписты – вошли в партию (большевиков. – *Е.Б.*), отказавшись от своих прежних ошибочных позиций», и настаивал на включение данного тезиса в резолюцию пленума. Шумский настаивал на том, что «ошибок в партии боротьбистов не было и что ее отличие от партии большевиков было лишь в постановке национального вопроса». Однако под давлением большинства ЦК он вынужден был согласиться, что «ошибки имели место», но безуспешно продолжал настаивать на нецелесообразности упоминания о них в резолюции[594].

От Шумского требовали открытого признания ошибок, поскольку своими действиями тот поставил «под удар политбюро, центральный комитет, всю партийную организацию Украины». Нарком просвещения

сначала пытался доказать, что ему было «чрезвычайно трудно работать», причем ответственность за это он возлагал на генерального секретаря КП(б)У. В конце концов Шумский был вынужден заявить, что его предложение снять Кагановича являлось ошибочным, и предложил выразить ему доверие[595]. В конце концов, пленум подтвердил полномочия политбюро и генерального секретаря ЦК КП(б)У Кагановича, выразив им «полное политическое и товарищеское доверие»[596].

Таким образом, на пленуме был затронут вопрос и об отношении к действующему партийному руководству, и об отношении к украинским и русским кадрам. Кроме того, Скрыпник попытался сформулировать и позицию в отношении пролетариата: «Темп украинизации мы должны регулировать в зависимости от того, где мы ее проводим: среди той части рабочего класса, которая складывается из пролетариев-русских, или среди той части рабочего класса, что говорит на смешанном полуукраинском языке. Партия ставит себе вопрос об украинизации полурусифицированных рабочих. Вместе с тем мы обязаны твердо сказать, что не будет проводиться никакой принудительной украинизации в отношении русской части рабочего класса и вообще русских рабочих и крестьян. Тут стоит вопрос агитации, переубеждения рабочих, что им обязательно нужно знать украинский язык… … Города, что были до этого времени русскими, объективно придут к тому, что они станут украинскими»[597].

Обсуждавшаяся партийным руководством УССР проблема национального облика рабочего класса не получила своего логического разрешения. От «административно-принудительных» методов «приобщения к украинской культуре» было решено перейти к методам «административно-добровольным», рассчитывая на то, что бурное экономическое развитие, ставшее возможным благодаря большевистской

индустриализации, так или иначе приведет к изменению национального облика рабочего класса и городского населения Украины.

Конфликт с Шумским, которого поддерживали его бывшие товарищи по партии боротьбистов – П.К. Солодуб и Г.Ф. Гринько[598], происходил в период обострения борьбы Сталина с оппозицией Троцкого, Зиновьева и Каменева. Сталин, поддерживая Кагановича, провел последнего в июле в 1926 г. кандидатом в члены политбюро ЦК ВКП(б). В ноябре в 1926 г. Гринько перевели в Москву на должность заместителя председателя Госплана СССР, а Яловой и Хвылевой были освобождены от обязанностей редакторов журнала «Червоний шлях». Главным редактором журнала стал Затонский.

Одновременно началось давление на Шумского. 16 ноября в 1926 г. на стол Кагановичу легла справка секретаря парткома Наркомпроса Украины А. Кириченко, в которой говорилось о непосещении Шумским коллегий Наркомпроса и неуплате им партийных взносов[599]. Шумский стал отступать. 25 ноября, выступая перед коммунистами своего наркомата, он заявил, что Хвылевой встал на сторону украинского националистического лагеря. В декабре Шумский неоднократно посылал Кагановичу варианты своей критики Хвылевого[600]. Однако всякий раз партийный лидер Украины оставался недоволен, возвращал текст и требовал его доработки, настаивая на том, что нарком просвещения должен публично заявить о своих ошибках. Наконец, 18 декабря Шумский не выдержал: «Должен откровенно сказать, Лазарь Моисеевич, что в общем Ваши поправки произвели на меня гнетущее впечатление отношения ко мне, как к чужому и чуждому для ЦК человеку. Хотя я все сделал на июньском пленуме для того, чтобы покончить с трениями, какие имели место до этого пленума и ни в чем принципиально не расхожусь с ЦК»[601].

В первом номере журнала «Більшовик України» за 1927 год появилась статья Шумского «Идеологическая борьба в украинском

культурном процессе», в которой речь шла о литературной дискуссии и позиции Хвылевого. Автор признал, что Хвылевой «в полемике и поиске путей развития украинской культуры неожиданно стал на сторону украинского националистического лагеря и своей формулой «от Москвы к Европе» дал ему политический лозунг»[602]. После статьи Шумского была помещена статья Скрыпника «Хвылевизм или шумскизм» с примечанием: «редакция целиком согласна с критикой статьи т. Шумского, которую приводит т. Скрыпник»[603]. «Нет, тов. Шумский, вам не удастся прикрыть хвылевистские непартийные уклоны, которые даже сами ваплитовцы признали уклоном от классовой пролетарской линии, линии интернационализма»[604], – негодовал Скрыпник . По сути Шумский целиком согласен с линией Хвылевого, утверждал Скрыпник, «он лишь против его утрированных заостренных формулировок»[605].

Любопытно, что Каганович в полемике с Шумским занял осторожную позицию. Это не удивительно, принимая во внимание большой резонанс, который получили события на Украине. При этом следует учитывать не только выступления Ю. Ларина. Оппозиция внутри партии большевиков обращала особое внимание на перегибы украинизации в УССР. Критиковали национальную политику КП(б)У также известные оппозиционеры Г.Е. Зиновьев и В.А. Ваганян. Весьма характерно заявление Зиновьева о том, что украинизация «льет воду на мельницу петлюровцев», что вызвало взрыв негодования украинских сторонников Сталина[606].

Ваганян же в 1927 г. издал работу «О национальной культуре», в которой дал ее оценку с точки зрения классового подхода. Он писал, что национальная культура «появилась только в момент появления буржуазии» и служит для того, «чтобы через ее посредство сделать идеи господствующего класса господствующей идеей народа, идеей всей нации»[607]. С точки зрения Ваганяна, основной особенностью национальной

культуры является национальное замыкание, самоограничение, самодовление. Следовательно, «борьба с национальной культурой… является одним из необходимых этапов борьбы с национализмом, с национальной замкнутостью и исключительностью, с заскорузлостью и национальным партикуляризмом»[608]. Национальная культура, по Ваганяну, противостоит интернациональной культуре на национальных языках, и отсюда следует «негативная задача» борьбы с национальной культурой и «позитивная» – создание интернациональной культуры на национальных языках[609].

В своей работе Ваганян касался и ситуации на Украине. Особенно его беспокоила «нынешняя ориентация национальной украинской интеллигенции на галицийско-украинскую речь», что означает «самую несомненную попытку оторвать нарождающуюся интернациональную культуру украинского пролетариата от родственной по идеологии культуры великорусского рабочего класса»[610]. Ваганян понимал, что причиной этой тенденции являлось «желание поскорее и решительнее отделить, обособить, выделить и специфизировать украинский язык от великорусского»[611]. Он выступал против повсеместного похода на русский язык («который ведется теперь с особым рвением во всех автономиях и республиках»[612]), поскольку русский язык «есть межнациональный язык нашего Союза», и поход против него – это поход против «нашего общего хозяйства.., против нашей партийной политики»[613].

Учитывая сложность ситуации вокруг политики по национальному вопросу, Каганович действовал сообразно с рекомендациями Сталина и решил выбить почву у сторонников оппозиции. Резкой критике подверглась работа Наркомата просвещения УССР. Каганович фактически обвинял Шумского в ущемлении прав нацменьшинств. Например, в Одессе, «в которой из 9700 учеников, находящихся в школах, 3100 являются украинцами, 3156 русскими и 2926 евреями», все школы были

украинизированы. Шумский попытался возразить: «Украинизированы с тем, чтобы перевести их потом в другие школы». На это Каганович резонно заметил: «Так вы бы раньше перевели в другие школы, а потом уже украинизировали школы. Нельзя же лишать детей возможности обучаться на своем языке»[614].

Весьма серьезным было обвинение Шумского в «утере классового подхода». В вину ему ставились некоторые учебные пособия, выпущенные украинским Наркомпросом. «Конечно, детям не следует преподавать глубокие научные анализы, но нужно, чтобы то, что преподается детям, было строго выдержано и соответствовало нашему коммунистическому миросозерцанию», – настаивал генеральный секретарь КП(б)У. Так, например, в пособии О. Курыло по начальной грамматике украинского языка «ни одного слова нет о деятелях партии, о Ленине, о советском правительстве»; в пособии по истории украинской литературы А.К. Дорошкевича «излагается содержание дискуссии, которая у нас была недавно по вопросам литературы», но совершенно не освещается позиция июньского пленума, осудившего творчество Хвылевого[615]. Вывод из всего этого был очевиден: все достижения украинизации являются результатом «серьезнейшей работы всей нашей партии», и «меньше всего в этом заслуга Наркомпроса, который не сумел охватить и руководить этим процессом, шедшим мимо Наркомпроса»[616].

2 февраля 1927 г. состоялось заседание украинского Политбюро, заслушавшее доклад Шумского «Народное просвещение, политическое просвещение и культурно-просветительская работа в массах». Политбюро отметило « недостаточное руководство со стороны НКПроса процессом культурного роста страны», «неправильность линии НКПса в основных вопросах национальной политики и уклон от линии партии», «недостаточное и бессистемное руководство НКПсом украинизацией даже в количественном отношении, не говоря уже о качестве»[617]. На этом же

заседании Шумский был освобожден от обязанностей наркома просвещения.

По-видимому, заседание выдалось бурным. Как утверждал Шумский, он докладывал, «что пребывание украинца партийца под постоянным подозрением в национализме в атмосфере недоверия … лишает его всякого авторитета перед беспартийными, парализует его боеспособность в борьбе с украинским национализмом делает его пассивным и приводит его к тому, что он забивается в угол и молчит. Либо порождает другое болезненное явление, создает тип коммуниста…, который в погоне за завоеванием доверия в русотяпски настроенной части партии доходит до головотяпства и садизма в борьбе с украинским национализмом (что только увеличивает национализм), изолируется от общественно-культурного украинского процесса и не только губит возможности коммунистического влияния на этот процесс и таким образом перестает быть полезным для партии, а даже просто становится вредным»[618].

Пытаясь дискредитировать Шумского как главу Наркомпроса, Каганович на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У в феврале-марте 1927 г. заявил, что комиссариат просвещения «дошел до невероятного развала». Каганович особо отметил, что поддержка Шумским Хвылевого является недопустимой, поскольку последний – «выразитель мелкобуржуазного влияния» в партии. Впрочем, как всегда, лидер украинских коммунистов «уравновесил» это заявление выпадом в сторону «русского шовинизма Ларина»[619].

Каганович подчеркнул, что «тов. Шумский своим главным лозунгом выдвигает дерусификацию, а что это означает? Дерусификация означает забыть русский язык, перестать быть русским, перестать читать и заниматься русской культурой, а мы говорим – будь русским, занимайся этой культурой, читай книжки по-русски и т.д., и т.д., но украинизируйся»[620]. «Я думаю, что так могут поступать только люди,

которые ставят интересы своей “парламентской” политики выше деловой работы по руководству крупнейшим и важнейшим наркоматом, только люди, для которых игра в дискуссию дороже крупнейших, важнейших задач нашего строительства», – с пафосом восклицал генсек. И продолжал, уже обращаясь к новому наркому просвещения: «Я думаю, что тов. Скрыпник наконец упорядочит работу Наркомпроса, там очень длительное время руководитель почти не работал»[621].

Решением пленума Шумский был отправлен в распоряжение ЦК ВКП(б) в Москву, что послужило причиной осложнения в отношениях между ВКП(б) и Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ). На мартовском пленуме ЦК КП(б)У 1927 г. член ЦК КПЗУ К.А. Саврич (Максимович) заявил, что не видит принципиального расхождения Шумского с линией ЦК КП(б)У и поэтому не согласен с решениями об отзыве Шумского с Украины. К тому же, подчеркнул Максимович, нельзя упускать из виду и то, что Шумский с первых дней революции был одним из активных руководителей борьбы против украинского национализма за власть рабочих и крестьян на Украине, что к нему приковано внимание не только партии, но и «целой страны по обеим сторонам границы». Отъезд Шумского с Украины, по мнению Максимовича, мог быть «использовано националистическими кругами с целью дезориентации» и вербовки «неустойчивых элементов под флаг фашизма УНДО – Пилсудского»[622].

Расширенный пленум ЦК КПЗУ, который состоялся в том же месяце, в своем постановлении хотя и признал последние постановления ЦК КП(б)У «в целом правильными», однако столь же правильным расценил и выступление на пленуме ЦК КП(б)У Максимовича, поскольку счел, что это выступление нельзя рассматривать как несогласующееся с линией КП(б)У в национальном вопросе: Максимович высказал только свою точку зрения на целесообразность отъезда Шумского из УССР[623]. Большинство западноукраинских коммунистов во главе с Васильковым, Турянским,

Максимовичем сочли действия ЦК КП(б)У отклонением от ленинской линии в национальном вопросе, которая была намечена XII съездом РКП(б). Эти «отклонения» выразились в торможении темпов украинизации, недооценке значения украинизации пролетариата, формализме, кампании против «бывших» (боротьбистов и укапистов), а также таких лучших представителей украинских коммунистов, как Шумский и Гринько. Все это расценивалось как ослабление украинизационной политики и усиление влияния великодержавного и националистического уклонов в партии[624].

На этой почве в 1927 г. и произошел первый конфликт между руководством КПЗУ и КП(б)У, переросший в идеологическую кампанию и приведший к расколу в КПЗУ. 14 мая 1927 г. Политбюро ЦК КП(б)У обсудило сложившуюся ситуацию. Н.А. Скрыпник предложил обратиться в Коминтерн: «Коммунистический Интернационал обязан обратить внимание на то, что происходило на территории Коммунистической Украины»[625]. Скрыпника волновали появившиеся статьи в зарубежной печати (немецкой, польской, украинской) о том, что «ведется борьба Москвы против Украины, что откомандирование тов. Шумского с Украины означает поход Москвы против Украины»[626]. Г.И. Петровский также высказал опасение, что «дело, связанное с тов. Шумским, при том остром международном положении, которое грозит нам военной схваткой, нашими врагами в других странах могут быть использованы… против нас»: «…представьте себе положение на случай войны по всей польской границе в Галиции и других местах, коммунисты будут настроены против нас… это в высшей степени опасно для интересов мировой революции и для нашей страны»[627].

16 мая 1927 г. ЦК КП(б)У приняло резолюцию «о позиции ЦК КПЗУ в национальном вопросе». В этом документе подчеркивалось, что «ЦК КП(б)У все время ставит себе целью давать товарищескую идейную и

всяческую материальную помощь КПЗУ»[628]. В том числе ЦК КП(б)У указывал на «крайнюю необходимость усилить работу среди рабочих для устранения возможного отрыва от пролетарской базы», указывал также на «угрозу обратного влияния …мелкого мещанства на нестойкие и невыдержанные в идейном отношении элементы самой КПЗУ». Отказавшись отмежеваться «от мелкобуржуазного националистического уклона т. Максимовича», пленум ЦК КПЗУ тем самым «оказывает идейную помощь этим националистическим уклонам», «становится сам на путь того уклона, и таким путем образовывается единый фронт националистического уклона в области украинского национального вопроса»[629]. ЦК КП(б)У, говорилось в резолюции, сочло необходимым обратиться к Коминтерну.

3–8 июня 1927 г. состоялся пленум ЦК КП(б)У, на котором были рассмотрены проблемы национального строительства на Украине, позиция Шумского и линия ЦК КПЗУ. На пленуме Скрыпник заявил: «Даже в 1926 году.., когда Шумский резко противопоставил свои заявления линии партии, нам удалось совместной работой, долгой товарищеской работой в комиссиях прийти к такой резолюции, к которой мог присоединиться т. Шумский. Однако это не удалось. Были попытки найти пути группового противопоставления внутри партии КП(б)У со стороны т. Шумского. Они не нашла никаких последствий внутри нашей партии. … Не найти себе почвы на Украине в рядах нашей партии, т. Шумский попробовал найти себе почву за пределами нашей партии в рядах другой коммунистической организации, ища себе поддержку со стороны коммунистической партии Западной Украины»[630]. Пленумом ЦК КП(б)У был принят ряд документов: заявление ЦК КП(б)У в исполком Коминтерна, в котором речь шла об опасности украинского националистического уклона в рядах КП(б)У; резолюцию «О линии национальной политики КПЗУ; обращение к ЦК КПЗУ.

Нажим на западноукраинских коммунистов принес свои плоды. На состоявшемся этим же летом IV съезде Коммунистической партии Польши (КПП) делегация КПЗУ выступила с заявлением, в котором признало, что «выступление представителя ЦК КПЗУ, кандидата в члены ЦК КП(б)У тов. Максимовича на пленуме ЦК КП(б)У, выражавшее сомнение в целесообразности перемещения тов. Шумского за пределы Украины, по существу является прикрытием националистических уклонов тов. Шумского»[631]. Делегация подчеркнула, что «самым решительным образом осуждает выступление т. Максимовича».

Давление, оказываемое на коммунистов Западной Украины, привело к конфликтам в КПЗУ и, в конечном счете, к ее расколу. Часть членов ЦК КПЗУ решила отмежеваться от так называемого «большинства». В КП(б)У были направлены письма от обеих сторон со взаимными обвинениями. 4 ноября 1927 г. в Политбюро ЦК КП(б)У поступило заявление «меньшинства» с разъяснением своей позиции по отношению к остальной части западноукраинских коммунистов: «Товарищи из большинства …констатировали, что национальная «ошибка» не имела никакого влияния на партию. Как в действительности состояло дело, можно представить на нескольких примерах… Так, «член секретариата ЦК КПЗУ Гавзнер так агитировал своих товарищей: «Украинизация? Что за украинизация, где украинизация, какая может быть украинизация, если Президент Украины Петровский не знает украинского языка, если 20 ячеек в Одессе высказались за украинизацию оперы, а одна за русскую, … национальная политика КП(б)У такая же, как при царизме. Что за уклон? Какой уклон? Уклона не была и нет, а что поссорился еврей Каганович с украинцем Шумским, то украинцу обязаны были приписать уклон...»[632].

«Большинство» также решило высказаться. В Политбюро ЦК КПП и ЦК КП(б)У 16 ноября 1927 г. поступило письмо от Р.В. Турянского. Узнав, что «тт. Александер и Сухий клевещут на руководство КПЗУ в

недопустимой для всякого честного коммуниста форме, и не имея возможности созвать по этому делу специальное заседание политбюро ЦК КПЗУ», Турянский заявил: «1. Считаю недопустимым явлением, чтобы за спиной политбюро ЦК КПЗУ меньшинство тенденциозно и фальшиво информировало КП(б)У о делах КПЗУ, собирая в свой арсенал «доказательства и аргументы» – всякие легенды вроде высказываний тов. Гевзнера об Одесской опере и еврея Кагановича, который вышвырнул украинца Шумского и т.д. – я с возмущением отвергаю, как обыкновенную клевету.

2. Утверждаю, что в письме меньшинства ЦК КПЗУ нет ни одного упрека, который опирался бы на факты, а сознательная фальсификация действительного положения вещей»[633]. Турянский просил «прекратить демагогию и поклепы меньшинства на ЦК КПЗУ»[634].

Через несколько дней, 25 ноября, политбюро ЦК КП(б)У вновь решило обсудить ситуацию, сложившуюся в западноукраинской компартии. Скрыпник предлагал «выправить» ситуацию, исключив из КПЗУ Максимовича, Василькова и Турянского, «чтобы обеспечить действительное руководство» и «устранить нетвердые элементы»[635]. Политбюро в Харькове приняло решение «немедленно снять тов. Василькова совсем с работы в КПЗУ и даже в Коминтерне, а также снять с работы в КПЗУ тов. Турянского. Что касается тов. Максимовича – категорически запретить ему иметь какую-либо связь с ЦК КПЗУ, считая необходимым, чтобы ЦК КПЗУ исключило тов. Максимовича из состава ЦК»[636]. Состоявшийся в феврале 1928 года IX пленум ИККИ охарактеризовал группу Василькова – Турянского как выражающую «политические настроения верхушки мелкой буржуазии, кулачества и мелкобуржуазной националистической интеллигенции»[637].

Тем временем кампания против «шумскизма» набирала обороты. На пленуме ЦК КП(б)У 12–16 марта 1928 г., обсудившим раскол КПЗУ,

Каганович заявил, что сила Шумского – «это сила куркульства и мещанства, глубоко враждебных нам элементов»[638]. 18 марта 1928 г. Шумский, вместе с Гринько и Максимовичем, подписал письмо в редакцию «Правды», в котором осуждался раскол КПЗУ. В письме говорилось: «У каждого из нас были и есть некоторые разногласия с ЦК КП(б)У в области практического проведения национальной политики на Украине. Но мы решительно отвергаем наличие таких разногласий, которые давали хотя бы малейшее оправдание расколу или поднятой теперь группой Василькова – Турянского недопустимой кампании против политической линии КП(б)У в национальном вопросе»[639].

Однако это Шумскому не помогло, разоблачительная кампания продолжалась. Письмо от 18 марта не опубликовали. Началась долгая история с внесением «редакционных поправок»[640]. В июне 1928 г. Шумский даже обратился к Бухарину как главному редактору газеты «Правда» и попытался высказать свое несогласие с последними изменениями. Если я подпишусь под присланным текстом, писал Шумский, то это будет означать, что «я признаю правильным весь тот устный и письменный поток шельмования моего партийного имени, который с благословения ЦК КП(б)У ширится по Украине»[641]. Однако «каяться» Шумскому пришлось не раз. Так, 19 декабря 1929 г. он направил заявление в ИККИ, ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У с признанием ошибочной его позиции в вопросе украинизации[642].

Однако прощать Шумского украинское руководство не собиралось. 21 апреля 1928 г. Каганович писал Сталину и Молотову о своем твердом убеждении в том, что «Шумский, Гринько, Максимович являются фактически их (т.е. «Васильковского, Турянского и К°» – *Е.Б.*) Политбюро, который руководит ими отсюда»[643]. Как бы не старался Шумский осудить раскол КПЗУ, его позиция в отношении темпов и направления политики украинизации стала причиной конфликтной ситуации. Раскол КПЗУ в

1927–1929 гг. ослабил ее влияние на Западной Украине. Следующий кризис КПЗУ произошел в 1933 г. и связан с разногласиями, возникшими в отношении коллективизации и свертывания украинизации. В 1938 г. КПЗУ по решению Коминтерна прекратила свое существование.

Как мы видим, А.Я. Шумский предпринял попытку активизировать процессы украинизации в республике в благоприятный для этого период: назначенный на пост генерального секретаря ЦК КП(б)У Л.М. Каганович не склонен был продолжать выжидательную политику Э.И. Квиринга и сразу же продемонстрировал свою готовность жестко выполнять указания XII съезда. Однако Каганович хорошо понимал, что административный нажим можно применять далеко не ко всем слоям общества: принуждение чиновников не могло иметь столь неблагоприятных для власти последствий, как это могло быть при принудительной украинизации социальной опоры партии – рабочего класса. Шумский же в своем стремлении ускорить процессы украинизации не только критиковал темпы коренизации партийного и советского аппаратов, но и желал распространить их на русские пролетарские слои населения, не считаясь с тем, что активные действия украинизаторов вызывали у них недовольство. Сталинское же руководство при определении темпов политики украинизации вынуждено было учитывать и реакцию населения самой УССР, и реакцию своих оппонентов внутри партии, и реакцию различных политических сил вне Советского Союза, прежде всего в Восточной Галиции.

§ 8 Украинизация как метод партийно-политической борьбы

Для публичного проявления своих убеждений А.Я. Шумский выбрал не слишком удачное время. Возможно, кампания против Шумского развернулась именно в 1926–1927 гг. не случайно. В это время

международное положение СССР начало ухудшаться. С весны 1926 г. обострились англо-советские отношения из-за поддержки Коминтерном всеобщей забастовки английских шахтеров. Вслед за переворотом Пилсудского в Польше летом 1926 г. во Франции к власти пришел антисоветски настроенный четвертый кабинет Пуанкаре. В 1927 г. положение еще более обострилось: весной советское руководство тяжело переживало разгром коммунистического движения в Китае. Однако гораздо большие последствия мог представлять разрыв дипломатических отношений с Великобританией (27 мая 1927 г.). В Москве опасались, что страны Запада предпримут военную акцию против СССР с помощью стран Восточной Европы. В стране нарастала военная тревога, особенно после убийства советского посла П.Л. Войкова в Варшаве 7 июня 1927 г.

Опасаясь войны, советское руководство внимательно следило за настроениями населения в пограничных районах страны. В «Обзоре политического состояния пограничных округов по данным на 1 сентября 1927 г.», предоставленном Л.М. Кагановичу под грифом «совершенно секретно», особый упор делался на «положении в национальных районах, в частности польских». В документе констатировалось «почти полное беспредельное влияние ксендза», осуществляемое «через посредство актива верующих патриотов, возглавляющих сельские кружки»[644]. При этом «близость границ и опасность войны придает им (ксендзам – *Е.Б.*) большую смелость, за последнее время они просто обнаглели»[645]. «Среди польской молодежи почти открыто ведется агитация за вступление в случае войны в польскую армию, – говорилось в обзоре, – причем в этой агитации деятельное участие принимает большая часть польского учительства, также находящаяся под влияние ксендзов»[646].

Не меньшее беспокойство вызывало и «значительное оживление украинской контрреволюции»: украинская интеллигенция, по мнению авторов документа, не меньше, чем польская, ждала войны[647]. Иным было

настроение среди рабочих. Как говорилось 13 сентября 1927 г. на заседании специально созданной украинским руководством комиссии «по обследованию погранполосы», «за исключением рабочих-поляков, которые связаны с шовинизмом, … русские рабочие, еврейские рабочие, украинские рабочие – они за нас»[648].

Под угрозой войны сталинское руководство стремилось к уничтожению оппозиции. Сразу же после печального события в Варшаве ОГПУ расстреляло 20 «белогвардейцев», что было расценено мировым общественным мнением как возвращение красного террора. Весь год на организованных по всей стране партийных собраниях принимались резолюции, осуждающие «троцкистско-зиновьевский блок». Учитывая возможную внешнюю угрозу, сталинское руководство не могло допустить и других проявлений оппозиционности, особенно в граничащей с Польшей Украине.

К тому же центральное руководство вынуждено было учитывать и настроения большинства членов КП(б)У. Как справедливо замечают Дж. Мейс и В.Ф. Солдатенко, «пророссийски настроенные члены партии, а они составляли 2/3 от общего числа, были недовольны политикой украинизации, и существовала определенная угроза, что они могли примкнуть к так называемому “антипартийному блоку”»[649]. С этим нельзя не согласиться, если учитывать, что открыто критиковать политику украинизации было небезопасно, а Г.Е. Зиновьев как раз внимательно следил за ситуацией на Украине.

Если в ноябре 1920 г. на V конференции КП(б)У Зиновьев заявил, что язык должен «свободно развиваться» и в конце концов победит тот, «который имеет больше корней, более жизненный» (см. гл. 1 § 5), то на XII съезде РКП(б) он говорил уже о недопустимости нейтральной позиции, о громадном значении национального вопроса «для крестьянского населения на Украине» и призывал: «ни малейших уступок “великодержавной” точке

зрения и ни малейшего отступления от школы Ленина в национальном вопросе»: «Я не могу согласиться с теми товарищами, которые говорили на Украинской конференции: “на Украине борются две культуры”; которая победит, – нам все равно. Так, товарищи рассуждать нельзя. Школа т. Ленина учит нас в национальном вопросе тому, что мы должны активно помогать тем нациям, которые до сих пор были угнетенными и загнанными»[650]. А на следующем, XIII съезде РКП(б), уже критиковал отношение к национальным меньшинствам в УССР. Признав, что национальный вопрос представляет собой «громадной важности задачу», Зиновьев подчеркнул, что ЦК партии «разрешил в основном этот вопрос», «осталось доделать только детали», касающиеся, в частности, достаточного обеспечения прав нацменьшинств. «Надо обеспечить нацменьшинства так, чтобы немцу, скажем, или поляку на Украине были обеспечены права, гарантированные им решениями нашего XII съезда. Я взял Украину как пример. Здесь надо доделать уже только детали, а в основном этот вопрос разрешен»[651].

Резкая оценка национальной политики в УССР была дана Зиновьевым 24 июня 1927 г. на совещании ЦКК. Зиновьев упрекнул Сталина в нежелании надлежащим образом осуществлять ленинскую национальную политику и попытался нанести удар по ставленнику Сталина в УССР – Кагановичу. По мнению Зиновьева, «на Украине проводят такую «украинизацию», которая явно противоречит нашей национальной политике. Это ужасно! Они поддерживают петлюровщину и не борются против истинного шовинизма»[652].

При этом противники Сталина по внутрипартийной борьбе попыталась использовать в своих интересах и национальный вопрос. С критикой национальной политики КП(б)У выступали руководители «новой оппозиции». В проекте платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б), составленной Троцким, Зиновьевым,

Пятаковым, Каменевым, Раковским и другими оппозиционерами в сентябре 1927 г., были выдвинуты обвинения в бюрократизме и поверхностно-показной «национализации»: «...бюрократический режим оттесняет на задворки подлинно коммунистические элементы националов, объявляя их нередко “уклонистами”, преследуя их всеми силами...». Более того, по словам лидеров оппозиции, «назначаемые секретариатом ЦК верхушки национального партаппарата берут на себя фактическое решение всех партийных и советских дел, отстраняя национальных работников, как коммунистов второго разряда, которых привлекают к делу зачастую лишь для формального представительства...»

Опасность местного национализма, считали оппозиционеры, явно преувеличена. «Искусственное разделение сверху всех местных работников на “правых” и “левых” применяется как система для того, чтобы назначенные из центра секретари могли бесконтрольно командовать обеими группами». Любопытно, что оппозиция, призывая к полному отказу «от командования националами, от назначенства и ссылок», в то же время призывала к «возможно большему сближению и объединению трудящихся разных наций СССР на почве социалистического строительства и международной революции», призывала «решительно бороться с механическим навязыванием рабочим и крестьянам другой национальности языка преобладающей национальности», требовала предоставить «трудящимся массам полную свободу выбора в этом отношении»[653]. Данные высказывания лидеров оппозиции не могли не вызвать живого отклика у пророссийски настроенной части украинской партийной организации. В то же время лозунги типа «решительная борьба против колонизаторских уклонов», «преодоление великодержавных бюрократических замашек» была рассчитана на поддержку бывших боротьбистов.

Лидеры оппозиции пытались укрепить свои позиции на Украине. С этой целью в ноябре 1927 года один из активных деятелей троцкистской оппозиции Х.Г. Раковский предпринял «пропагандистское турне», посетив Харьков, Днепропетровск, Запорожье. Однако сторонники Сталина приняли все возможные меры к нейтрализации его влияния. Так, в Харькове ситуация находилась под контролем секретаря Харьковского окружного комитета КП(б)У П.П. Постышева. Попытка Раковского выступить на торжественном заседании Харьковского городского совета кончилась провалом: не успел он подняться на сцену, как раздались шум и крики «долой», «вон», «раскольники». Постышев уверял, что «этот самый крик и рев не являлись искусственными», однако вынужден был признать, что «актив коммунаров был подготовлен»[654]. Подобная же ситуация повторилась и в Днепропетровске, и в Запорожье. Однако попытки Раковского выйти непосредственно на рабочих были несколько более удачными, и Постышев вынужден был признать, что «когда оппозиция перенесла свою работу в массы, то ячейки оказались неподготовленными. Местами выявились хвостизм, бессилие или, вернее, растерянность ячеек...»[655]

Таким образом, и Г.Е. Зиновьев, и Л.М. Каганович, каждый по своему, стремились заручиться поддержкой украинских коммунистов. Каганович сделал тактически верный ход, убрав А.Я. Шумского с поста наркома просвещения. «Отстранение Шумского было политическим сигналом русским, что украинизация носит временный характер»[656], – пишут Мейс и Солдатенко. Каганович стремился заручиться поддержкой старых большевистских кадров на Украине, нейтрализовав слишком уж горячее «украинизаторское» рвение бывших боротьбистов.

Весьма показательно в данном плане заключительная речь Кагановича на июньском пленуме ЦК КП(б)У 3 июня 1927 г. В начале своего выступления глава украинских коммунистов рассказал о

достижениях украинизации и о встречающихся на этом пути трудностях (о некотором ослаблении «в смысле изучения украинского языка» в центральных учреждениях). Однако затем он четко выразил свою позицию в отношении роли русского языка на Украине. «Мы должны, товарищи, здесь четко и ясно сказать относительно нацменов и в частности относительно русских, – подчеркнул Лазарь Моисеевич. – Мы считаем, что нужно обеспечить твердо и неуклонно права нацменов на школы, на язык, на воспитание детей и на все области жизни и работы. Мы считаем, что русские входят в состав нацменов, что это есть нацмены на Украине»[657]. Шумский не мог сдержаться: «Господствующее национальное меньшинство…»[658] Услышав эту реплику, Каганович подробно разъяснил свою позицию: «Само собой разумеется, что русский язык на Украине нельзя сравнить ни с польским, ни с еврейским, ни с немецким языком». Русский язык, продолжал генеральный секретарь ЦК КП(б)У, занимает все же особое положение, поскольку «это язык сношений всех союзных республик между собою, этой язык, которым пользуется значительная часть рабочих». Именно поэтому «в школах обязательно преподается русский язык»[659]. Выступление Кагановича было весьма тонким тактическим ходом: с одной стороны, он определил русский язык как язык национального меньшинства на Украине, с другой же стороны, подчеркнул его значение как языка межнационального общения в Стране Советов. Таким путем он мог получить опору и среди украинцев-выдвиженцев, и в то же время не давал большинству членов КП(б)У свернуть к оппозиции.

Отношение Кагановича к украинизации весьма ярко характеризует следующий факт: несмотря на то, что Лазарь Моисеевич выучил украинский язык, которого раньше не знал, говорил на нем в основном тогда, когда было необходимо проявить знание «мовы». Так, выступая в июле 1928 г. на выпускном собрании курсов окружных работников,

Каганович говорил о необходимости изучения чиновниками украинского языка исключительно по-русски. На просьбу с места говорить по-украински, он заявил: «Я сегодня не выступаю по-украински исключительно потому, что страшно устал и голова болит... Я украинский язык знаю, но не настолько, чтобы думать по-украински»[660].

Таким образом, украинизационную политику большевиков следует рассматривать в контексте партийно-политической борьбы в РКП(б)-ВКП(б). В одном из писем Сталину Каганович писал: «3-го июня (1927 г. – *Е.Б.*) собираем пленум ЦК...придется остановиться на внутрипартийных вопросах было бы очень хорошо если бы я имел кое-какие указания или материал хотя для меня ясно, что ... придется [ставить] вопрос о Зиновьеве и вообще о разворачивающ[ейся] вновь фракционной работе ставить твердо и решительно у нас заметно оживление фракционной работы, они слабы, слабее чем в прошлом году в это время, но работу оппозиция разворачивает с той же безпардонностью не только в Харькове но и в других городах Украины (Николаев, Запорожье и т.д.) успех или правильнее не успех прежний, но внимание партии мы мобилизовываем...»[661].

Об оппозиции и взглядах Зиновьева речь шла и на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У 11–12 августа 1927 г. Резкая критика прозвучала в докладе Скрыпника. «Тов. Зиновьев заявил о том, что нашим лозунгом должно быть лишь использование национального вопроса, только использование языка и литературы временно не поддерживания развития национальной культуры»[662], – говорил Скрыпник. При этом Скрыпник вспомнил пресловутое выступление Зиновьева на конференции в Харькове в 1920 году: «Тогда тов. Зиновьев в своем выступлении заявил, что наша линия не является и не может быть поддержкой украинской культуры. Он говорил, что русская культура – это культура пролетариата, … поскольку пролетариат, как сказал Зиновьев, является в большинстве

русским по своему национальному составу, то безусловно неминуемо в конце концов победит русская культура и мы должны делать на это ставку. … Какая линия была у тов. Зиновьева в 1920 году, та же самая у него и сейчас»[663]. Докладчик подчеркивал, что позиция Зиновьева в корне неправильна, что десятки и сотни тысяч пролетариев придут из села в город и «принесут с собой свой язык и украинскую культуру», что «означает неминуемо украинизацию города и украинизацию пролетариата»[664].

Обратим внимание и на то, что Каганович, критикуя Шумского, стремился противопоставить его компартии. В своих воспоминаниях украинский генсек указывал на тесную связь различных «националистических уклонов» и оппозиции: «Нами... велась идейно-партийная борьба с группами, отражавшими и выражавшими в большей или меньшей степени идеи ... буржуазных националистов и внутри партии оказывавшими поддержку троцкистскому оппозиционному блоку»[665].

Курс на украинизацию определялся не только программными положениями коммунистической партии, но и сугубо политическими расчетами, а сама кампания приобретала немалое практическое значение в борьбе за власть. Перед Кагановичем стояли конкретные цели, обусловленные расстановкой сил во внутрипартийной борьбе в центре. Защищая позиции Сталина на Украине (по оценке Молотова, Каганович «среди нас был сталинским двухсотпроцентным»[666]), Кагановичу приходилось постоянно бороться с «националистическими уклонами различного типа». На X съезде КП(б)У в ноябре 1927 г. он выступил с разоблачением ряда «выступлений в общепартийном масштабе, которые целиком поддерживают и прикрывают русский националистический уклон в рядах КП(б)У»[667]. Инициаторами таких выступлений он считал Г.Е. Зиновьева, В.А. Ваганяна и Ю. Ларина. Они, «взяв под сомнение всю политику партии на Украине в области национального вопроса», наносили,

по мнению Кагановича, непоправимый вред ВКП(б), поддерживая «шовинистический уклон в партийных рядах».

По своему обыкновению, глава украинских коммунистов стремился проявлять объективность. Разоблачая Зиновьева, Ваганяна и Ларина, он указывал и на недопустимость «национального шовинизма Хвылевого», «серьезные ошибки» Шумского. «Несмотря на разный подход, несмотря на разные полюсы, уклон шовинизма великорусского – Зиновьева, Ваганяна, Ларина – и уклон Шумского имеют сходство, потому что корень у них один и тот же. Это – мелкобуржуазный мещанский национализм»[668], – подводил итоги генеральный секретарь КП(б)У.

Кагановичу вторили многие выступавшие в прениях. Например, А.А. Хвыля выразил согласие с тезисом, что «оппозиция вместе с другими внутрипартийными вопросами, особенно у нас на Украине, стремится использовать национальные вопросы». Он припомнил высказывание Зиновьева о том, что ЦК КП(б)У проводит не ленинскую, а петлюровскую национальную политику. Не был забыт Хвылей и Д.З. Лебедь, который «до этого времени не отрекся от своей русотяпской ошибки»[669]. При этом разоблачением русского шовинизма Хвыля не ограничился: сторонникам Шумского тоже было уделено немало внимания.

В сложившейся ситуации немаловажным было выступление на съезде нового наркома просвещения УССР Н.А. Скрыпника. Делая доклад о задачах культурного строительства на Украине, он заявил: «Мы ставим своей задачей и ставим вопрос перед ВКП(б) о государственном объединении в границах УССР украинского народа, живущего за пределами Украины, в Курщине, в западной части Воронежинщины и т.д.» По мнению Скрыпника, украинское население этих регионов «не имеет возможности развиваться культурно и не имеет достаточного обслуживания своих национальных потребностей». Видимо, прозвучало это не случайно: Скрыпник пытался привлечь «внимание, симпатию и

поддержку со стороны угнетенного украинского населения украинских земель, оккупированных империалистическими государствами», тем более что «ВКП и Коминтерн поддерживают… лозунг национального освобождения этих угнетенных украинских земель, присоединения их к Украинской Советской Социалистической Республике»[670].

В 1927 году в журнале «Більшовик України» появилось несколько статей, посвященных национальному вопросу. В июньском номере В.П. Затонский анализировал природу русского и украинского шовинизма, при этом в точности повторяя тезисы июньского пленума КП(б)У 1926 г. о социальных корнях русского шовинизма, лежащих «в толще русского городского мещанства и в интеллигентско-спецовской прослойке»[671], о непонимании значения национального вопроса частью пролетариата и партийцев, выражающемся в пассивном отношении и упрощенном подходе к вопросам развития национальных культур[672]. Конечно, были определены и корни украинского шовинизма – «это куркуль на селе» и украинская городская буржуазия. Довольно подробно критиковались взгляды Хвылевого о культурной и хозяйственной самостоятельности Украине, национальном мессианизме и т.п.[673].

Октябрьский номер журнала «Більшовик України» открывался передовой статьей «Национальный вопрос на Украине и оппозиция» и содержал критику уже в адрес Зиновьева. Так, были упомянуты его слова, сказанные на заседании Президиума ЦКК 24 июня 1927 г. о беспринципной политике Сталина в отношении национального вопроса, об украинизации, противоречащей национальной политике и помогающей петлюровщине и т.п.[674] Основной лозунг статьи – «Обвинение Сталина — обвинение партии, потому что Сталин проводит политику партии», Зиновьев же стремится привлечь в ряды оппозиции национал-уклонистов, «потому и сделал реверанс в их сторону»[675].

Следующий номер журнала критиковал уже не национальные уклоны, а великодержавный шовинизм. В статье Хвыли «Ларинская русотяпская “практика”» Ларин был обвинен в предвзятости, поскольку тот «собрал пучок “пикантных” анекдотов, заметок, без надежной проверки работы на местах, и выступает с обвинениями против партии. Спасайтесь! На Украине наших душат! Русская культура гибнет, напрасно гибнет! Никому слова не дают сказать на русском языке — все украинским. Иначе — увольнение с должности»[676]. Хвыля обвинял Ларина в намерении дискредитировать украинизацию, «увековечить на Украине гегемонию русской культуры»[677]. Поэтому «линия Ларина в национальном вопросе ведет к великодержавному русскому колонизаторству»[678].

Наконец, в декабре 1927 г. в журнале появилась статья В. Юринца «Национальный вопрос на Х съезде КП(б)У», в которой было обращено внимание на сложную международную обстановку, на интриги «империалистических государств» против советского государства. Против СССР, указывал автор, проводится «бешеная кампания по национальной линии», цель которой – доказать, что украинизация является исключительно «внешней вывеской», маскирующей процесс подрыва украинской государственности[679].

Конечно, публикации в ведущем партийном журнале не ограничивались разбором националистических уклонов внутри УССР. Осенью 1927 – весной 1928 г. много внимания уделялось разоблачению в печати уклонов в КПЗУ. В сентябре в журнале «Більшовик України» появилась статья В. Юринца «О националистическом уклоне в Коммунистической партии Западной Украины». Юринец расценил выступление Максимовича в качестве «симптома угрозы утраты» пролетарского руководства в национальном революционном движении, как проявление пассивности «против усиливающейся волны национализма среди мелкой буржуазии»[680].

В марте 1928 г., когда пленум ЦК КП(б)У обсуждал «националистический уклон» в КПЗУ, «Більшовик України» опубликовал несколько статей на эту тему. Пятый номер вышел с передовой «Против предателей! Против раскольников! (К расколу в КПЗУ)». В статье говорилось, что Пилсудский, готовящий войну против УССР, пытается дискредитировать национальную политику КП(б)У, и «предатели, осуществившие раскол в КПЗУ, начали активно помогать в этом Пилсудскому»[681]. В этом же номере вышла еще одна статья, С. Викула, «О корнях национализма и оппортунизма в КПЗУ», в которой говорилось о влиянии идеологии национал-социалистов на КПЗУ в условиях задержки мировой революции и «усиления относительной стабилизации капитализма»[682]. В третьей статье Е. Гирчак указывал на влияние «мелкобуржуазной националистическо-шовинистической украинской стихии» на взгляды Шумского, «под знаком защиты которых произошел раскол в КПЗУ». При этом Шумскому помянули и его боротьбистское прошлое, назвав его текущие «ошибки» рецидивом старых ошибок[683]. В следующем, шестом номере журнала, была опубликована речь Л.М. Кагановича на только что прошедшем партийном пленуме («Раскол в КПЗУ и национальная политика КП(б)У»). Каганович подчеркивал, что шатания в национальной политике приравниваются к «переходу на сторону смертельеных врагов в украинском рабочем классе, нашей Республике, СССР и Коминтерне»[684].

Большое внимание национальному вопросу в органе ЦК КП(б)У в этот период было уделено не случайно. Выразив намерение активно проводить украинизацию и контролировать исполнение принятых решений, Каганович привлек тем самым внимание к происходившим в УССР процессам как со стороны активных сторонников украинизации, так и их оппонентов. Если первые стремились увеличить темпы украинизации, то вторые обращали внимание на ее «перегибы». Такой разброс мнений

относительно происходивших в УССР изменений был обусловлен отнюдь не только различным подходом к оценке роли национальной культуры при социализме. Активные сторонники украинизации (а среди них было немало выходцев из национальных украинских партий коммунистического направления, боротьбистов и укапистов) в основном выражали интересы нарождающейся украинской советской элиты. Их оппонентов волновала проблема удовлетворения национальных потребностей не-украинцев, проживавших в УССР, их конкурентоспособность в социальной сфере. Сразу же после того, как Каганович приступил к своим обязанностям на Украине и заявил себя как активного сторонника украинизации, Ю. Ларин привлек внимание к «русскому вопросу» в УССР, Н. Хвылевой написал свои памфлеты, а через год выдвинул свои требования А. Шумский. В этой ситуации Кагановичу приходилось постоянно лавировать, ссылаясь на опасность с двух сторон, искать союзников и направлять деятельность КП(б)У в нужное русло. Каганович, подражая Сталину, стремился бороться на два фронта – и против великодержавного шовинизма, и против украинского национализма.

В данной ситуации весьма примечательно выступление на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. Скрыпника. В своей речи он подробно остановился на «трех атаках», которым подверглась КП(б)У. Прежде всего, «в декабре 1926 г. – январе 1927 г. вся политика Коммунистической партии большевиков Украины в национальном вопросе была поставлена под знак сомнения и подозрения статьями, помещенными в руководящем теоретическом орган ВКП(б) – «Большевике», а именно в двух статьях т. Ларина «Об искажениях в проведении национальной политики», помещенных «в порядке обсуждения» в № 23–24 «Большевика» за 1926 г. и в № 1 того же журнала за 1927 г. Вторая атака – «это атака внутри Коммунистической партии большевиков Украины со стороны наших уклонистов, во главе которых стоял т. Шумский, и затем – со стороны

Коммунистической партии Западной Украины в лице апрельского пленума ее Центрального Комитета». Наконец, «третья атака против линии, проводимой в национальном вопросе Центральным Комитетом Коммунистической партии большевиков Украины, была произведена лидером троцкистско-меньшевистской оппозиции Зиновьевым в его известном заявлении на президиуме Центральной Контрольной Комиссии ВКП в июле текущего года, будто бы на Украине “проводится такая украинизация, которая на деле равняется петлюризации”»[685].

Скрыпник подчеркивал, что подобные «атаки» наносят особый вред УССР, поскольку «правильная политика в национальном вопросе, проводимая ЦК КП(б)У, … много и много значат для определения исхода возможных и неизбежных столкновений между СССР и империалистическим миром»: именно «через территорию Западной Украины и именно на территорию Советской Украины будет направлен ближайший, наиболее серьезный удар против Советского Союза»[686]. Впрочем, ссылки на международную ситуацию в речах украинских лидеров звучали постоянно, особенно в этот период. Так, на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У 12–16 марта 1928 г. Каганович подчеркивал: «…в теперешней сложной международной обстановке империализм стремится использовать украинский национальный вопрос в борьбе против нас и поскольку украинский национальный вопрос теперь набирает международное значение, постольку польская буржуазии в лице Пилсудского, подготавливая наступление на Советский Союз и Советскую Украину, стремится дискредитировать нашу национальную политику, нашу партию, пропагандируя в том духе, что будто бы никакой компартии Украины не существует, а есть русская партия, насаженная из России партия, которая опирается исключительно на русских рабочих и которая переводит политику оккупации – экономичной, политичной, военной»[687].

Поэтому на проходившей в том же месяце активе харьковской парторганизации Каганович так определил основные принципы национальной политики КП(б)У: «В своей политике, при проведении своей национальной линии мы ведем и будем вести решительную борьбу с теми элементами, которые не понимают нашей национальной политики или не хотят ее понять, будь то украинский уклонист, будь то русский уклонист, ... мы будем бороться со всей силой и против шовинизма украинского и против шовинизма российского»[688].

Генеральный секретарь КП(б)У признавал также, что на ход процесса украинизации борьба с оппозицией оказывала большое влияние. Так, с трибуны объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 9 апреля 1928 г. им было заявлено: «Мы к делу подбора людей, к делу подбора работников в значительной мере подходили под политическим углом зрения, обеспечивающим единство партии, обеспечивающим правильную политическую линию»[689]. Действительно, низовой партийный аппарат при Кагановиче значительно обновился. Так, если в 1926 г. среди секретарей окружных партийных комитетов было только 26 % украинцев, то в 1927 г. их было уже 46 %, а в 1928 г. – 55 %; среди секретарей районных партийных комитетов в 1927 г. было 48 % украинцев , а через год – уже 60 %[690].

Насколько действенны были усилия по украинизации, предпринятые Кагановичем, можно судить по следующим данным центрального партийного руководства. В 1927 г. практику проведения национализации в партийном, советском, профессиональном и кооперативном аппаратах нескольких республик – Украинской, Азербайджанской, Узбекистанской, Казахской и Татарской – проверял Организационно-распределительный отдел ЦК ВКП(б). 16 сентября по этому поводу была подготовлена докладная записка и направлена в Оргбюро ЦК ВКП(б), которое и рассмотрело указанный вопрос 7 октября. В принятой резолюции Оргбюро

отметило и достижения, и недостатки проведенной национализации. Так, отмечалось вовлечение в руководящие партийные, советские и др. органы значительных кадров из основных национальностей, рост национальных парторганизаций «при абсолютном и относительном увеличении коммунистов из основных национальностей», рост промышленного пролетариата из основных национальностей, значительное расширение сети школ и др. просветительных учреждений с преподаванием на родном языке, рост национальной печати и др. Однако также подчеркивалось недостаточное внимание к социальному составу вовлекаемых в аппараты национальных работников, недостаточное проведение национализации аппаратов местных учреждений централизованных хозорганов, недостаточная работа по повышению политического и культурного уровня партактива местных национальностей и пр.[691]

В подготовленных сводных материалах были приведены статистические данные, касающиеся УССР. Так, было отмечено, что на Украине число коммунистов увеличивалось на 78,9 %, причем общий рост парторганизаций сопровождался «абсолютным и относительным увеличением числа коммунистов основной национальности: на 1/I–25 г. на Украине было 36,9 % украинцев, в конце 1926 г. – 51,6 %»[692]. В школах политграмоты сельской сети в 1925–1926 гг. обучалось 29 тыс. украинцев (78 % всех учащихся), в городских школах учащиеся-украинцы составили 43,6 %. В совпартшколах в 1925 г. обучалось 38 % украинцев, в 1926 г. – 72 %[693].

Был произведен анализ процентного соотношения национального состава выборных советских органов и национального состава населения. Отмечалось, что «процент националов в выборных советских органах в общем соответствует национальному составу населения. Так, на Украине при 85,2 % украинцев среди сельского населения, в сельсоветах 88,5 % украинцев. ... В составе горсоветов процент националов несколько выше

относи тельного количества населения основной национальности в городе. ... На Украине в горсоветах украинцев 42,3 %, а среди населения городов – 33,4%»[694].

Среди служащих на Украине ситуация складывалась следующим образом. Среди специ специалистов, работающих в центральных органах в 1925 г. было 28,6 %, украинцев, а в 1926 г. – 29,6 %. Однако в местных аппаратах централизованных хозяйственных учреждений и объединенных наркоматов ситуация была хуже: «На Украине в составе руководящих работников в трестах – 10,7 % украинцев, а в среднем по кадрам украинцы составляют 32,2 %»[695].

Что касается делопроизводства, то на Украине в низовых и уездных (окружных) органах оно велось «на языке основной национальности»[696]. Особо отмечалось, что в центральных учреждениях УССР «процент делопроизводства на украинском языке в центральных учреждениях достигает 85–90 %. В остальных республиках в большинстве центральных учреждений на языке основной национальности выходят лишь наиболее существенные директивы и основные руководящие материалы»[697]. Секретариат ЦК КП(б)У ведет занятия по-украински, протоколы Оргбюро и Политбюро пишутся на украинском языке. Почти все окружкомы перевели полностью делопроизводство на украинский язык[698].

«Особенностями Украины является то, что часть работников аппаратов – украинцев по национальности не владеет или плохо владеет украинским языком, – говорится в документе. – В 1925 г. был издан декрет об обязательном изучении украинского языка работниками учреждений. За злостное нежелание учиться украинскому языку по центральным учреждениям было уволено 263 работника, 3,2 % всех служащих». За 1926 г. процент работников советских учреждений, владеющих украинским языком, увеличился на 12 %, умеющих читать и писать, но плохо говорящих – на 27,3 %[699].

В данном случае необходимо напомнить, что, согласно уже упоминавшемуся постановлению ВУЦИК и СНК УССР от 6 июля 1927 г., кодифицировавшее все законодательство в сфере украинизации, а сотрудники, не выучившие украинский язык в установленные сроки (или те, кто был настроен против украинизации) увольнялись без предупреждения и выходного пособия[700]. Впрочем, в июле 1928 г. Всеукраинская Центральная комиссия по украинизации при СНК УССР издала специальную инструкцию. В этом документе говорилось о трудностях с подбором высококвалифицированных кадров, владеющих украинским языком, для работы в государственных учреждениях СССР, действовавших на территории УССР. Для этих учреждений допускалось – временно – вести делопроизводство на двух языках (русском и украинском). В целях обеспечения учреждений высококвалифицированными кадрами, инструкция разрешала принимать на работу людей, не владевших украинским языком, но с условием, чтобы они в течение года язык все-таки выучили[701].

Согласно данным Организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б), на Украине велась и украинизация профсоюзной работы. Среди всех членов профсоюзов считают украинский язык своим разговорным языком – 33,2 % (всего украинцев-рабочих – 49,9 %). По производственным союзам «разговаривающих на украинском языке» – 22,2 % (всего украинцев – 41,6 %)[702]. Однако общие собрания в производственных союзах велись в основном на русском языке, на украинском – 5,5 %, из всех стенгазет издаются на украинском языке – 8,5 %. В низовой культработе «украинский язык употребляется на 5,3 %»[703]. С другой стороны, в документе подчеркивалось, что «в некоторых местах с украинизацией перебарщивали»: «Так, например, в одном из союзов Киева при 33 % украинцев была произведена полная украинизация, в Луганском округе в Алмазной шахте ставили спектакли

исключительно на украинском языке, несмотря на то, что русские рабочие составляли 75 % всех работающих»[704].

Наконец, были приведены цифры, касающиеся образования и печати. На Украине «процент охвата школой детей украинского населения немного ниже, чем детей русских: 45,3 % вместо 53,4 %»[705]. В сфере высшего образования произошел рост числа студентов-украинцев: «В институтах Украины в 1924–1925 гг. состояло украинцев 31,3 %, в 27 г. состоит 50,9 %. Одновременно увеличился и процент владеющих украинским языком с 48,8 % до 64,3 %»[706]. В УССР тираж всех украинских газет с 1924 по 1927 год вырос с 90 тыс. до 612 тыс., в 1926 году тираж украинской книги достиг 10 млн.[707]

Подводя итоги своей работы на закрытом объединенном заседании политбюро и президиума ЦКК КП(б)У 27 июня 1928 г., Каганович заявил, что «в последний период мы изжили окончательно всякую семейственность и внесли в работу ПБ (политбюро. – *Е.Б.*) исключительно деловой дух»[708]. Следует признать, что «изжитие семейственности» шло трудно, отношения Кагановича с коллегами складывались не всегда позитивно, например, с Г.И. Петровским и В.Я. Чубарем. Так, в декабре 1927 г. они даже заявили Сталину о невозможности работы с Кагановичем, и Молотову пришлось организовывать примирение лидеров КП(б)У[709]. Как бы то ни было, но в резолюции президиума ЦКК КП(б)У было отмечено, что «отзыв тов. Кагановича вредно отразится на состоянии украинской парторганизации, вызовет недоумение в умах членов партии, так как нет наличия тех причин, которые вызывают необходимость его ухода с Украины»[710].

При этом многие участники заседания выражали недовольство уходом Кагановича. Например, по словам члена ЦК КП(б)У В.И. Чернявского, «сейчас, когда выросла украинская организация, когда мы справились с целым рядом трудностей, когда впереди трудности и

международные и хозяйственные, мы никак не можем согласиться на уход т. Кагановича с Украины»[711]. Председатель ГПУ УССР В.А. Балицкий выражал опасения, что «враги» «могут обвинить и будут рассматривать уход Кагановича не только в связи с нажимом на село, но также в связи с общим курсом ЦК, все поймут, как изменение курса ЦК»[712]. Секретарь ЦК КП(б)У и секретарь Харьковского окружкома и горкома П.П. Постышев прямо заявил, что «снятие Кагановича с Украины, в данный период, значит ослабить безусловно одну из крупнейших организаций»[713]. Секретарь Полтавского окружного комитета К.С. Тараненко прямо заявил: «Если Каганович уйдет независимо от того, кто будет генеральным секретарем, начнется внутрипартийная борьба, групповщина, беспринципность в нашей украинской организации»[714]. Политбюро ЦК КП(б)У решило на будущем пленуме ЦК ВКП(б) просить оставить Кагановича на Украине, но 7 июля Политбюро ЦК ВКП(б) во время работы пленума ЦК освободило Кагановича от должности генерального секретаря ЦК КП(б)У, а на его место рекомендовало С.В. Косиора.

Действительно, таких причин оставлять должность, как у Э.И. Квиринга, у Л.М. Кагановича не имелось. Ситуация была скорее противоположная: Каганович выполнил поставленные Сталиным задачи, и украинская парторганизация отныне являлась верной сторонницей генсека ЦК ВКП(б). Отпала необходимость и в жестком контроле за действиями оппозиционеров на Украине. За четыре месяца до отъезда Кагановича из Харькова, в середине декабря 1927 г., XV съезд ВКП(б) поставил крест на партийной карьере Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. Верный соратник нужен был теперь Сталину в Москве.

Каганович так вспоминал беседу с генсеком о необходимости своего возвращения: «Перед нами новые организационные задачи, особенно в области подготовки и распределения кадров... У вас теперь новый опыт работы на Украине, да и старый московский опыт теперь очень пригодится

в борьбе с поднявшими голову правыми, особенно в Москве во главе с Углановым, – так что давайте, без сопротивления и оговорок возвращайтесь в Москву. На Украине парторганизация устойчивей – пошлем туда товарища Косиора С.»[715]. Украинская парторганизация стала «устойчивой»; в Москве же начинали с тревогой говорить о «правом уклоне» в партии. Лазарь Моисеевич нужен был теперь в качестве секретаря ЦК ВКП(б).

Таким образом, в 1925–1928 гг. на характер украинизации влияло множество причин, среди которых можно назвать и внешнеполитические обстоятельства, и расстановку сил в центре, и национальные устремления украинской интеллигенции. Борьба Сталина с оппозицией обусловила замену генерального секретаря КП(б)У с вышедшего из доверия Э.И. Квиринга на верного Л.М. Кагановича. Украинизаторское рвение наркома просвещения А.Я. Шумского предоставило московским оппозиционерам почву для заявлений о господстве в УССР «зоологического русофобства».

Ответные действия Кагановича преследовали двоякую цель: не дать примкнуть к оппозиции тем украинским коммунистам, которые проявляли недовольство украинизацией, направить украинизацию в нужное сталинскому руководству русло, не переходя пока к жестким репрессивным мерам в отношении ревностных ее сторонников. Успешно балансируя между «великодержавным шовинизмом» и «украинским национализмом», связав различного рода «уклоны» с «антипартийной оппозицией» в Москве, Каганович сумел обеспечить Сталину необходимую во внутрипартийной борьбе поддержку одной из самых крупных республиканских партийных организаций, что оказало определенное воздействие на исход политической борьбы в центре.

§ 9 Украинизация в период «развернутого наступления социализма по всему фронту» (1928–1932 гг.)

В конце 1920-х гг. украинизация в УССР вступила в новую фазу своего развития. Общий фон, на котором проходили украинизационные мероприятия, значительно изменился. Внимание всей страны было приковано к экономическим проблемам. Зимой 1927/1928 гг. разразился очередной кризис нэпа, продемонстрировавший необходимость принятия активных мер для дальнейшего развития промышленности СССР. Как известно, трудности с хлебозаготовками, периодически возникавшие на всем протяжении 1920-х годов, с развертыванием индустриализации стали для центрального партийного руководства камнем преткновения. Хлеб был крайне нужен и растущему городскому населению, и как одна из главных статей экспорта для получения валютных средств для индустриализации.

В 1927 г. план хлебозаготовок провалился: государству удалось закупить хлеба почти в два раза меньше по сравнению с прошлым годом. Закупать оборудование было не на что, и намеченные высокие темпы индустриализации оказались под угрозой. Разница цен между сельскохозяйственной и промышленной продукцией оставалась высокой. Промышленность, ориентировавшаяся на выполнение индустриальных планов, не обеспечивала необходимого наличия промышленных товаров, а крестьяне задерживали продажу излишков государственным органам. В результате магазины оставались пустыми, продовольствия в городах не хватало, что приводило к общему недовольству и социальной напряженности.

В этих условиях сталинское руководство решило прибегнуть к чрезвычайным мерам при выполнении плана хлебозаготовок. В начале января 1928 г. секретариат ЦК ВКП(б) выпустил директивы местным парторганизациям о создании специальных заградительных отрядов,

которые должны были блокировать хлебопроизводящие районы и отобрать хлеб у крестьян. 14 января Политбюро утвердило это решение, а руководящие партийные работники лично возглавили кампанию в регионах[716]. Одним из таких работников был В.М. Молотов, инспектировавший Украину несколько раз: в конце 1927 –начале 1928 г., в 1931 и 1932 гг. Крайне любопытен отчет о первой поездке. Кстати, она состоялась еще до принятия вышеупомянутого решения Политбюро, с 28 декабря 1927 г. по 6 января 1928 г.

Возможно, наблюдения Молотова оказали какое-то влияние на решение Сталина по ужесточению мер в отношении крестьян. В отчете о командировке Молотов писал: «Имевшаяся у меня возможность ознакомиться с многими фактами местной работы дает основание остановиться не только на ряде важнейших вопросов для хлебозаготовительной кампании, но и на отдельных существенных вопросах из области практической работы партийных, советских и кооперативных органов в целом»[717]. Отдавая должное важности выполнению хлебозаготовок на Украине, высокопоставленный наблюдатель отмечал: «начиная с октября, хлебозаготовки из месяца в месяц падали»[718].

Причину такого положения дел Молотов усмотрел в отношении к хлебозаготовкам большинства руководящих работников Украины. Последних успокаивал тот факт, что абсолютный размер хлебозаготовок пока превышал соответствующие цифры прошлого года. Но, что более важно, украинские руководители «исходили из своего (подчеркнуто в тексте документа, – *Е.Б.*) ноябрьского постановления об уменьшении плана хлебозаготовок»[719]. Последнее замечание Молотова не могло не обеспокоить сталинское руководство, делавшее ставку на беспрекословное подчинение нижестоящих организаций. А в данном случае был налицо случай самоуправства. Молотов отметил отсутствие «элементарной

четкости и дисциплины» в деле хлебозаготовок: отсутствовало четкое задание со стороны Наркомторга СССР, на Украине существовали «свои» планы не только в республиканском руководстве, но и на уровне окружных центров[720]. Такую ситуацию Молотов объяснил тем, что «в связи с предсъездовской обстановкой внимание партийных организаций было отвлечено в сторону оппозиции. Вопросу о хлебозаготовках не уделялось серьезного внимания»[721]. Насколько серьезно отнесся Сталин к такой позиции украинского руководства в отношении хлебозаготовок, покажет 1932 год.

Поездка Молотова на Украину в конце 1927 – начале 1928 гг. подтвердила довольно широкое распространение так называемых «хвостистских настроений» в сельских и городских партийных организациях. Это явление было характерно не только для УССР, но и для всей страны в целом: партийцы ориентировались преимущественно не на директивы высшего руководства, а на настроения «отсталых» масс, т.е., по выражению того времени, «плелись у них в хвосте». По данным ОГПУ, многие сельские ячейки выступали против мероприятий, проводимых на селе и проваливали предложения в самообложении. В городских заводских парторганизациях были зафиксированы многочисленные случаи, когда коммунисты и комсомольцы возглавляли «волынщиков», от имени рабочих подавали коллективные заявления о пересмотре норм и расценок, призывали рабочих к бойкоту заводских собраний. Впрочем, бывали случаи и прямо противоположные: в период хлебозаготовительного кризиса 1928–1929 гг. по инициативе некоторых деревенских партячеек проводились облавы и обыски в поисках спрятанного хлеба, бывали случаи и прямых угроз в адрес крестьян со стороны деревенских активистов и т.п.

Жесткая политика Сталина послужила основанием для новых дискуссий внутри правящей партии. Постепенно сформировалась «правая»

оппозиция, считавшая необходимым прибегнуть к более гибким методам выхода из экономического кризиса. Во главе противников сталинских методов стояли главный редактор «Правды» Н.И. Бухарин, председатель СНК СССР А.И. Рыков и руководитель советских профсоюзов М.П. Томский. «Правые» скептически относились к идее массовой коллективизации и грандиозным индустриальным планам: индустриализацию, по их мнению, нельзя было проводить на разорении страны и развале сельского хозяйства.

Кампания сталинского руководства по борьбе с «правыми» продолжалась весь 1928 г., решающая дискуссия между Бухариным и Сталиным произошла в апреле 1929 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Пленум 300 голосами против 13 осудил «правый уклон». Проведенная вслед за пленумом XVI партийная конференция отклонила попытки снижения темпов индустриализации, подъем сельского хозяйства планировался за счет организации «крупного социалистического земледелия» – колхозов и совхозов.

Таким образом, дальнейший путь развития страны был предопределен. Осуществлялся он путем директивного централизованного планирования и перестройки всей системы управления народным хозяйством, введения единоначалия, личной ответственности руководства за выполнение плана, интенсификации трудового процесса. Естественным следствием нового курса партийного руководства стала политическая напряженность в массах – и на селе, и в городе. Деревня была недовольна политикой коллективизации. Крестьяне сопротивлялись как могли: в массовом порядке забивали скот, писали письма в Москву, и, наконец, оказывали вооруженное сопротивление. Особенно тяжелая ситуация складывалась в 1930 г.: за январь-март состоялось не менее 2200 массовых крестьянских выступлений (почти 800 тыс. человек)[722]. Зимой 1930 г. подразделения стрелковой дивизии ОГПУ им. Дзержинского вели бои с

«кулацкими бандами» в Центральной Черноземной области, Северном и Нижневолжском краях, на Урале, в Башкирии и Дагестане[723]. Неспокойно было на Украине и Северном Кавказе. При этом на Украине половина общего числа массовых выступлений весной 1930 г. (с 20 февраля по 2 апреля) произошла в пограничных округах[724].

Ситуация в городе была не лучше. К началу 1929 г. во всех городах СССР была введена карточная система. Однако и она не всегда спасала ситуацию, поскольку в условиях продовольственного кризиса нормы снабжения не выполнялись. Органы ГПУ фиксировали распространение «нездоровых настроений» в рабочей среде. Всюду слышался вопрос: «Почему нет хлеба?» «Как не стыдно врать о наших достижениях?»[725] – возмущались рабочие.

Сталинское руководство опасалось, что внутренний кризис сомкнется с иностранной интервенцией, а Западная Украина и Западная Белоруссия будут использованы в борьбе против УССР и БССР. В связи с развернувшейся коллективизацией начались, как уже было сказано, крестьянские волнения и в западных пограничных округах СССР. Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1930 г. вынесло решение о выселении кулацкого элемента, при этом двенадцать западных пограничных округов приравнивались к районам сплошной коллективизации в отношении проводимых репрессий[726]. В связи с этим советское руководство всерьез опасалось польского вмешательства в социально-политический кризис в западных округах УССР и БССР.

В решении Политбюро от 11 марта 1930 г. говорилось: «По имеющимся данным, есть основание предположить, что в случае серьезных кулацко-крестьянских выступлений в правобережной Украине и Белоруссии, особенно в связи с предстоящим выселением из приграничных районов польско-кулацких и контрреволюционных элементов, – польское правительство может пойти на вмешательство».

Действительно, отношения между СССР и Польшей в 1929 г. опять обострились. В апреле 1929 г. разгорелся скандал по делу Апанасевича: 4 апреля этот сотрудник торгпредства СССР в Польше, находясь проездом в Барановичах, открыл из личного оружия огонь по польским полицейским. После этого он попытался покончить жизнь самоубийством, но неудачно, был арестован и двумя днями позже, находясь в заключении, скончался. Этот инцидент был использован для развертывания антипольской кампании в советской печати, что, в свою очередь, вызвало ужесточение тона польской прессы.

Антипольские настроения были характерны не только для печати. В июне 1929 г. в Грузии и других закавказских республиках была проведена серия акций протеста против поддержки Польшей грузинской политической эмиграции, причем две десятитысячные «стихийные демонстрации протеста» в качестве главного лозунга выдвинули требование «удаления польского консульства из Тифлиса». В дальнейшем напряженность в польско-советских отношениях продолжала сохраняться. В декабре 1929 – январе 1930 г. разгорелся скандал из-за обвинений двух сотрудников польского консульства в Киеве в военном шпионаже. Советской стороной было выдвинуто официальное требование по их высылке из СССР. Польша, в свою очередь, потребовала выезда из Польши четырех сотрудников полпредства и торгпредства.

Особенно острой ситуация была весной 1930 г. ОГПУ отмечало, что на территории УССР поляки усилили шпионаж и «контрреволюционную агитацию», даже использовали в этих целях радио. К тому же с конца февраля 1930 г. в официальной польской печати все чаще стали встречаться антисоветские лозунги, и полпред в Варшаве просил разъяснений относительно «травли СССР» и «прямых призывов к интервенции» в польской печати. Реакция польских правительственных и военных кругов на события в СССР оставались в центре внимания Москвы

на протяжении всей первой половины марта 1930 г. Опасаясь военных действий со стороны Польши, сталинское руководство с напряженным вниманием относились к любым известиям с западной границы. Например, военные сообщали о полете над Правобережьем трех польских аэропланов в ночь с 16 на 17 марта, о чем был даже сделан соответствующий запрос в МИД Польши. Отнюдь не добавила оптимизма и обнаруженная 26 апреля 1930 г. в здании полпредства СССР в Варшаве бомба с часовым механизмом.

Опасаясь внешнего вмешательства во внутренние дела страны, сталинское руководство использовало все средства для установления жесткого контроля за настроениями в обществе – и пропагандистские, и репрессивные. В начале 1931 г. советская пропаганда широко использовала факты жестокого подавления («пацификации») антиправительственных выступлений украинского населения в Польше. Например, в кулуарах XII Всеукраинского Съезда Советов в марте 1931 г. была развернута выставка о «пацификации», выступления многих ораторов также носили антипольский характер, в связи с чем миссия Польши в Москве вручила НКИД ноту протеста[727].

Опасаясь появления внутри страны «пятой колонны», сталинское руководство стремилось сделать из партийных и общественных организаций послушных исполнителей принятых «наверху» решений. Устранить потенциальную внутреннюю опасность со стороны инакомыслящих и одновременно направить массовое недовольство экономическими неурядицами против потенциальных противников режима решено было при помощи репрессивных мер. По справедливому выводу российских исследователей, «ставка на революционную чрезвычайщину требовала организации кампаний на борьбу с не только явной оппозицией внутри партии, но и с потенциальной в беспартийной среде»[728]. В стране были «раскрыты» ряд дел о вредительстве «спецов» и

антисоветских буржуазных партий, направленных против остатков дореволюционной интеллигенции – прежде всего технической и научной.

Печально знаменитое «Шахтинское дело» в Донбассе (1928 г.) стало первым в ряду аналогичных. В том же году начались аресты по делу о «контрреволюционной организации на железнодорожном транспорте и золотоплатиновой промышленности Союза». Были казнены три крупнейших специалиста этих отраслей экономики: начальник экономической секции центрально-планового управления НКПС Н.К. фон Мекк, член Президиума Всесоюзной ассоциации инженеров А.Ф. Величко и профессор Ленинградского горного института П.А. Пальчинский. В 1929 г. прошли еще два процесса технических специалистов-вредителей в Брянске (на заводе «Красный Профинтерн») и Ленинграде (дело «Судотреста»), а в следующем году была «раскрыта» «контрреволюционная организация вредителей рабочего снабжения», охватившая все организации производства и поставок продовольствия (Союзрыба, Союзмясо, Союзконсерв, Союзплодовощ и др.).

Начались репрессии и против научной интеллигенции, а также остатков небольшевистских партий. Осенью 1930 г. было объявлено о раскрытии контрреволюционной организации – Трудовой крестьянской партии, которую якобы возглавляли экономисты Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов, Л.Н. Юровский, ученый-агроном А.Г. Дояренко и другие. В конце 1930 г. в Москве состоялся процесс Промпартии. К суду были привлечены авторитетные технические специалисты, обвиненные во вредительстве и контрреволюционной деятельности (Л.К. Рамзин, В.А. Ларичев, И.А. Калинников, Н.Ф. Чарновский, А.А. Федотов, С.В. Куприянов и другие). Буквально через несколько месяцев в Москве прошел другой политический процесс, на этот раз – по делу так называемого Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков). К суду были привлечены 14 человек, среди них член президиума Госплана СССР

В.Г. Громан, член правления Госбанка В.В. Шер, экономист А.М. Гинзбург, ответственный работник Наркомторга СССР М.П. Якубович, профессор политэкономии И.И. Рубин и другие. И это лишь самые крупные «дела», помимо них существовали и несколько «заговоров» в сфере промышленности, торговли и на транспорте. В народе тюрьмы стали называться даже «домами отдыха инженеров и техников».

Превентивные меры были предприняты повсеместно, однако Украине оказывалось повышенное внимание из-за особого отношения к ней со стороны Польши. Сепаратистские настроения в этой республике, проявившиеся еще в период образования СССР, не утихали, тем более что политика коренизации создавала для этого питательную среду. Сталинское руководство учитывало, что в УССР украинизация не только способствовала росту национального самосознания среди украинского населения, но и существенно обновила лицо партийной массы за счет представителей «коренной национальности». Увеличение численности украинцев в КП(б)У при Кагановиче на фоне хозяйственных трудностей требовало от руководства республики постоянного контроля за настроением среди партийцев, чтобы не допустить появления новых «уклонов» от «генеральной линии ВКП(б)» и одновременно не дать низовым партийным организациям скатиться к «хвостизму».

На Украине новая установка сверху на борьбу с «правой» опасностью, «правым уклоном» в партии влекла за собой организацию сменявших друг друга кампаний по борьбе с проявлением инакомыслия. С одной стороны, на республиканских партийных форумах продолжали поносить троцкистов. Приведем характерный пример. На конференции КП(б)У в апреле 1929 г. глава украинского ГПУ В.А. Балицкий заявил, что на Украине троцкисты «проявляли неоднократные активные выступления в целом ряде… городов, в крупных центрах – в Киеве, Одессе, Харькове»[729]. Это якобы выражалось в появлении пропагандистской

подпольной печати, отдельных выступлениях, а также в «форме террора»: Балицкий торжественно объявил, что были раскрыты две «террористические группы троцкистской молодежи», одна из которых даже «готовила покушение на жизнь тов. Сталина»[730]. Однако, по Балицкому, на тот момент перед партией стояла уже другая задача: «избавиться от скрытых одиночек» – сторонников Троцкого[731]. Отмечая особенность текущего момента, Балицкий признавал, что «сейчас на антисоветские настроения в стране в значительной мере влияет правый уклон»[732]. Это подтвердил в своей речи и С.В. Косиор, ставший в 1928 г., после ухода Кагановича, генеральным (с 1934 г. – первым) секретарем ЦК КП(б)У. «Надо твердо усвоить, – заявил лидер украинских коммунистов, – что главными дезорганизаторами нашей работы, всего революционного движения являются правые элементы и примиренцы как в ВКП, так и во всем Коминтерне»[733].

Однако, в отличие от Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева с Л.Б. Каменевым, «правые» закрепиться сколько-нибудь прочно на Украине так и не сумели. Об этом говорилось, например, в материалах к отчету ЦК КП(б)У на XI съезде КП(б)У в мае 1930 г.: «За исключением некоторых отдельных выступлений на партийных собраниях и конференциях о согласии со взглядами правых и на индустриализацию и с их взглядом на политику партии на селе, сколько-нибудь организованных, оформленных, открытых выступлений правой оппозиции на Украине мы не имели»[734].

Как и в прежние годы, украинский ЦК продолжал лавировать между двумя опасностями. Так, состоявшийся в июне 1930 г. XI съезд КП(б)У снова осудил «шумскизм», «хвылевизм» и «волобуевщину». А материалы по отчету ЦК XI съезду КП(б)У трактовали борьбу с националистическими уклонами вполне миролюбиво. «Националистические уклоны, как со стороны великодержавного шовинизма и со стороны украинского национализма сказывались за последние два года в жизни нашей

украинской парторганизации с меньшей остротой…»[735] – отмечалось в документе.

Действительно, в этот период в КП(б)У не были разоблачены новые «уклоны»: основное внимание сталинского руководства в этот период было приковано к старой интеллигенции, к которой большевики относились с подозрением с самого начала. Но уже в конце 1920-х гг. был предпринят ряд репрессивных мер в отношении украинской интеллигенции, главным образом старшего поколения.

3 ноября 1929 г. В.А. Балицкий доложил на заседании Политбюро ЦК КП(б)У о раскрытии и ликвидации контрреволюционной организации «Союз освобождения Украины» (СВУ), целью которой была реставрация капиталистического строя, возвращение помещиков и закабаление рабочих и крестьян Украины[736]. В конце ноября о СВУ писали уже все газеты. По этому делу приговор был вынесен 45-ти деятелям украинской науки и культуры: академикам С.А. Ефремову (по мнению ГПУ, он возглавлял эту контрреволюционную организацию) и М.Е. Слабченко, политическому и церковному деятелю, бывшему премьер-министру УНР В.М. Чеховскому, историку И.Ю. Гермайзе, писателю и литературному критику А.В. Никовскому, писательнице Л.М. Старицкой-Черняховской…[737]

Арест академиков Ефремова и Слабченко был большим ударом по Всеукраинской Академии Наук. Агент ГПУ сообщал, что «в ВУАН царит полная растерянность, так как ожидают, что вскоре после разгрома “ефремовцев” ГПУ примется за партию академика Грушевского...»[738] В течение 1929–1930 гг. появляются доносы о якобы руководимой Грушевским «контрреволюционной организации». И действительно, в 1931 г. появилось новое «дело» – Украинского национального центра (УНЦ), и первоначально роль «главаря» этой организации отводилась М.С. Грушевскому. Впрочем, несмотря на арест (28 марта 1931 г.), Грушевскому удалось избежать печальной участи, и предназначенную

ранее для него роль сыграли другие. По-видимому, партийное руководство посчитало действия в отношении Грушевского преждевременными, и вскоре после ареста академик был отпущен. Учитывая судьбу других участников процесса УНЦ, Грушевскому явно повезло. Возможно, за него ходатайствовали некие влиятельные лица. По мнению украинских исследователей, это мог быть двоюродный брат Грушевского Г.И. Ломов-Оппоков – член Политбюро ЦК КП(б)У, заместитель председателя Госплана СССР (в 1931–1933 гг.), или же тогдашний нарком финансов СССР Г.Ф. Гринько (оба в конце 1930-х годов были объявлены «врагами народа» и расстреляны)[739].

Однако представляется маловероятным, что они либо кто другой смог бы кардинальным образом повлиять на решение, принятое на самом верху. Ход расследования контролировался лично Г.Г. Ягодой. Поэтому вряд ли кто-либо помимо Сталина мог взять на себя ответственность освободить «контрреволюционера Грушевского». Дело УНЦ замысливалось как очень масштабное: по нему было привлечено 50 человек, и среди них украинский историк М.И. Яворский, а также бывшие члены КПЗУ. Кроме того, было арестовано 14 уроженцев западноукраинских земель[740].

В. Пристайко и Ю. Шаповал подробно рассмотрели весь процесс создания дела УНЦ[741]. Украинский национальный центр, по мнению чекистов, обязан был контактировать с СВУ, «Войсковой офицерской организацией», а также с «Промпартией» и контрреволюционными организациями на территории Белоруссии и Грузии, не говоря уже о зарубежных эмигрантских центрах. УНЦ был объявлен блоком украинских антисоветских партий, отдельных групп и формирований и бывших членов контрреволюционной Центральной Рады.

Одновременно сталинское руководство начало выстраивать систему управления наукой и культурой в соответствии с «принципами

социалистического строительства и потребностями трудящихся масс». В 1930 г. повсеместно было введено обязательное четырехлетнее образование, а для городов и промышленных районов – семилетнее, с профессионально-техническим (фабрично-заводским) уклоном. Общеобразовательные программы были унифицированы. В 1929–1930 гг. была перестроена вся система высшего и средне-технического образования. Срок обучения в технических вузах сокращался с 5 до 3 лет. Старшие классы общеобразовательных школ превращались в техникумы, часть техникумов – в вузы, ряд политехнических институтов, многоотраслевых вузов и техникумов был разукрупнен. Произошли изменения и в системе Академии Наук. В 1930 г. АН СССР перешла в ведение Ученого комитета ЦИК СССР. Был принят новый академический устав. Резко увеличилось количество научно-исследовательских учреждений, особенно индустриальных институтов. В сфере общественных наук произошла их резкая политизация. Был принят курс на постепенную ликвидацию плюрализма периода нэпа в области художественного творчества, велась подготовка к формированию единых творческих союзов.

Следует учитывать, что в управлении всеми областями науки и культуры усиливались административные методы. Основополагающими принципами здесь оставалось обеспечение «четкой классовой линии» в работе коммунистов на «культурном фронте», усилилась политизация и идеологизация сферы культуры. И в центре, и в республиках партийные органы очень внимательно относились к новым книгам и пьесам, оценивая их «идеологическую выдержанность». Так, на Украине под лозунгом борьбы с «местным национализмом» был запрещен памфлет Хвылевого «Украина или Малороссия?», подвергнут острой критике новый роман писателя «Вальдшнепы». Раскритикованы были и новые пьесы

Н.Г. Кулиша «Народний Малахий» и «Мина Мазайло», а серия портретов М.Л. Бойчука была названа «формалистическими».

Впрочем, в Москве и Ленинграде интеллигенция чувствовала себя ничуть не лучше, чем в Киеве и Харькове. Критике подвергались отнюдь не только украинские писатели: М.А. Булгаков часто назывался выразителем контрреволюционного необуржуазного сознания, В.В. Маяковский критиковался за анархо-бунтарские индивидуалистические настроения и т.д. К концу 1920-х годов травля Е.И. Замятина за его роман «Мы», написанный еще в 1920 г., достигла своего апогея. Как «клевета на нового человека» и на «ход социалистических преобразований» были расценены произведения А.П. Платонова – его рассказ «Усомнившийся Макар» (1929 г.) и повесть-хроника «Впрок» (1931 г.). Аналогично обстояло дело в театральной жизни и кинематографии и т.д. Например, в марте 1929 г. с репертуара сняли все пьесы Булгакова («Дни Турбиных» в Художественном театре, «Багровый остров» в Камерном и «Зойкину квартиру» в Вахтанговском).

1928–1931 гг. стали периодом массированного наступления на историческую науку. Осенью 1928 г. состоялось специальное совещание ЦК ВКП(б), посвященное проблемам истории и экономики. На нем говорилось о необходимости дальнейшего решительного «разоблачения буржуазной науки». Одновременно было принято решение покончить с плюрализмом на «историческом фронте». Уже в 1930 г. по отношению к ученым-немарксистам практиковались аресты, заключения, ссылки. В качестве примера можно привести «дело» главы петербургской школы русских историков С.Ф. Платонова, отправившегося в ссылку в 1931 г. По этому делу проходило более ста человек, среди которых были и ленинградские историки, и профессора Московского университета.

В соответствии с общесоюзными новыми веяниями на Украине началась массированная кампания по разоблачению политических и

исторических взглядов Грушевского. Первоначально в рамках ВУАН и в ряде украинских журналов были подвергнуты критике социально-политическая и историческая концепции ученого. 4 мая 1931 г. концепция Грушевского была раскритикована на объединенном пленуме циклов философии и истории. В 6-м номере «Більшовика України» за 1931 г. появилась статья А.А. Хвыли «Буржуазно-националистическая трибуна», в которой речь шла о любимом детище Грушевского – журнале «Украина». В следующем году в нескольких номерах журнала «Червоний шлях» публиковалась статья А. Рубача «Буржуазно-куркульская националистическая идеология под маской демократии трудового народа», также посвященная разоблачению Грушевского. Окончательно причислил Грушевского к числу «контрреволюционеров-националистов» объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У 18–22 ноября 1932 г.

Таким образом, раскрытые на Украине «контрреволюционные заговоры» и «националистические извращения» в области науки и культуры представляются звеньями единой цепи – установления сталинского тотального контроля за всеми областями жизни во всей стране. При этом репрессии (и на Украине, и в центре) касались в основном двух категорий «социально подозрительных лиц» – старой интеллигенции, к которой большевики всегда относились настороженно, и бывших членов существовавших ранее политических партий. Недаром «Промышленная партия» именовалась буржуазно-кадетской, «Трудовая крестьянская партия» – кулацко-эсеровской, а «Украинский национальный центр» был якобы связан с украинскими антисоветскими партиями. В отличие от старой интеллигенции, инакомыслящие большевики отделывались пока что чем-то вроде «строгого предупреждения». И Хвылевой, и Волобуев в конце 1920-х годов оставались на свободе.

Любопытно, что борьба с национализмом и разоблачение различных «контрреволюционных организаций» на рубеже 1920–1930-х гг. не

означали прекращения украинизации. Напротив, республиканское руководство в этот период обращало внимание на опасность «великодержавного шовинизма». Действительно, «развернутое наступление социализма по всему фронту» привело к появлению новых идей о роли национальной культуры. Так, большой резонанс получила теория заведующего национальным сектором С.М. Диманштейна, который в начале 1929 г. выступил в Москве в Коммунистической академии с лекцией о социалистическом наступлении в национальной политике. Он вновь обратил внимание на старую проблему: существующие социокультурные и этнокультурные различия между городом и деревней. По его мнению, между всесоюзной, интернациональной, городской, пролетарской культурой и сельской национальной культурой существует противоречие: «В настоящее время мы наблюдаем определенные противоречия в развитии национальной культуры. Применительно к вопросу о слиянии культур это противоречие заключается в том, что, с оной стороны, мы предпринимаем огромные усилия по интернациональному воспитанию ради сплочения национальностей, укрепления их братства, но в то же самое время мы проводим и большую национальную работу, и, вопреки нашим желаниям, это отделяет одну нацию от другой, обособляет культуру одной нации от другой...»[742] По мнению Диманштейна, в условиях социальных и экономических перемен (электрификация, железнодорожное и промышленное строительство, создание местного пролетариата, освобождение женщин, земельная реформа) выполнение принятого в 1923 году курса в национальной политике будет представлять собой правый уклон. Такая позиция была расценена как проявление великодержавного шовинизма под фальшивым прикрытием интернационализма[743].

На Украине также появились желающие по-иному взглянуть на то, что является главной опасностью – великодержавный шовинизм или

местный национализм. Как пишет Т. Мартин, на состоявшемся в январе 1929 года специальном совещании Киевского окружкома по национальной политике некоторые докладчики заявили, что главной опасностью следует считать украинский национализм[744]. Такие настроения немедленно получили отклики в партийной печати. В июле 1929 г. в журнале «Більшовик України» была опубликована статья Л. Перчика «Уклоны в партии и национальный вопрос» с пометкой «дискуссионная статья». Основное внимание автор сосредоточил на критике следующего положения: «всякий националистический уклон является правым уклоном»; «великодержавный шовинизм всегда левый». Перчик доказывал, что «у коммунистов великодержавной нации как правый, так и левый уклон является, одновременно, великодержавным уклоном в национальном вопросе; у коммунистов наций угнетенных правый уклон является местным националистическим уклоном, в то время как левый уклон является великодержавным». Поэтому «необходимо отличать великодержавництво правых уклонистов от «левого» великодержавництва. Если правые являются по сути агрессивными великодержавниками, то «левые» становятся великодержавниками через свой нигилизм в национальном вопросе»[745].

В том же номере журнала был помещен «ответ тов. Перчику», написанный Е. Гирчаком. В статье, озаглавленной «против ревизии ленинизма в национальном вопросе», Гирчак обвинял Перчика в примиренческом отношении к великодержавному шовинизму», в ревизии ленинизма в национальном вопросе»[746]. «А все это случилось с Перчиком потому, что он, во-первых, не хочет признать основной установки партии о том, что великодержавный уклон – главная опасность в проведении национальной политики пролетариата. Поэтому он стремитсч великодержавный шовинизм …свести до левого уклона. А раз великодержавный уклон в КП(б)У является проявлением «левого» уклона,

то с ним нечего возиться — шпарь весь огонь по украинскому националистическому уклону, потому что это же правый уклон, потому что основная теперь опасность и угроза это правый уклон. Вот до какой ревизии ленинизма и политики партии в нац. Вопросе дошел т. Перчик»[747], – сделал вывод Гирчак.

В очередном, октябрьском номере журнала, была помещена еще одна статья, призывавшая бороться против русского великодержавного национализма. Ее автор, А.А. Хвыля, подверг критике выступление некоторых товарищей на собрании партактива Украинского института марксизма весной 1929 года. Хвыля подчеркивал, «в Украинском Институте Марксизма нашлись товарищи, которые отказались от маскировки своих мыслей разной фразеологией про недооценку и открыто амнистировали русский великодержавный национализм»[748]. Критика обрушилась на профессора Рохкина, аспирантов Аржанова, Гаврилюка, Гехтмана и других. «Можно ли на сегодняшний день говорить, что опасность русского великодержавного шовинизма уничтожена?» – спрашивает Хвыля. На этот вопрос может быть один ответ: «Нет!»[749]

Наконец, в ноябрьском номере журнала «Більшовик України» была напечатана статья И. Гехтмана, содержащая критику выступления Диманштейна в Комакадемии. Он доказывал, что от такой постановки вопроса «уже совсем недалеко до печальной памяти лебедевской теории борьбы двух культур»[750]. По мнению Гехтмана, Диманштейн «уделил очень много внимания распространению местного шовинизма», тогда как «счел за лучшее «фигуру умолчания» там, где речь дет о великодержавном шовинизме, о его политической опасности». В конце следовал вывод: «...доклад тов. Диманштейна — это великодержавная концепция национальной культуры»[751].

Партийное руководство УССР доказывало, что его отношение к национальному вопросу не изменилось. В данном случае весьма

примечательна появившаяся в сентябрьском номере за 1930 г. журнала «Більшовик України» статья А. Сенченко «Национальный вопрос в период развернутого социалистического наступления по всему фронту». Как писал Сенченко, успехи международного революционного движения и произошедшие изменения в структуре общества заставили «кое-кого» пересмотреть нашу национальную политику, «ее актуальность и необходимость» в СССР. Автор настаивал: «не правы и те, кто связывал национальную политику с предшествующей классовой структурой страны и считал, что в условиях “классовых сдвигов” национальная политика “утрачивает свое значение”»[752]. Напротив, «одним из показателей возрастания актуальности национального вопроса является рост шовинизма как великодержавного, так и местного»[753].

О необходимости проведения украинизации говорилось на всех партийных форумах. Особенно активно украинизационную политику проводил Н.А. Скрыпник, возглавлявший с 1927 г. Наркомпрос Украины. Позиция Скрыпника во многом определила успехи украинизации в этот период. Нарком просвещения считал развитие украинской культуры важным элементом построения социалистического общества. Скрыпник связывал культурно-просветительную работу с работой по строительству социалистической экономики и строительством социализма в целом. С неграмотным рабочим реконструировать промышленность невозможно, так же как с неграмотным крестьянином невозможно поднять сельское хозяйство на более высокий технический уровень[754],– утверждал Николай Алексеевич.

При этом Скрыпник не сомневался в опасности противопоставления Украины остальному Советскому Союзу. Критикуя позиции Хвылевого, Шумского и Волобуева, он указывал, что коммунист не должен противопоставлять интересы СССР и интересы УССР. «Кто стоит на позиции противоположных интересов Украины и СССР, тот сторонник

или русского, или украинского национализма», – утверждал глава украинского Наркомпроса[755]. Точно так же следовало, по Скрыпнику, рассматривать и вопросы взаимодействия национальных культур: достижения русской культуры и достижения украинской культуры, полученные на основе сотрудничества, послужат созданию международной пролетарской культуры на территорию всего СССР. Однако никто не должен претендовать на гегемонию или фактическое (даже формальное) руководство или опекунство в этой сфере[756].

Этой мысли Скрыпника полностью соответствует его территориальная концепция развития литературы, впервые выдвинутая в речи на открытии Института Шевченко в Харькове 15 апреля 1929 г. В соответствии с этой концепцией, те или иные литературные произведения следовало относить к памятникам русской или украинской литературы в зависимости «от территории, на которой памятник складывался». Например, «Слово о полку Игореве» Скрыпник считал достоянием украинской литературы, а «Моление Даниила Заточника» – русской[757]. Не отрицая влияния вообще русской культуры на развитие украинского литературного процесса, Скрыпник считал необходимым выводить новую украинскую литературу из ее собственного литературного корня, из собственной предшествующей истории: путь развития украинской литературы, украинской культуры – это путь самостоятельного развития украинской нации[758]. В то же время нарком просвещения отстаивал и необходимость сотрудничества украинской литературы с русской, белорусской и др., однако – без претензий на руководство с чьей-либо стороны[759].

Скрыпник подчеркивал, что руководство «процессом обновления, возрождения, продвижения далее развития нашей украинской национальной культуры» должен осуществлять пролетариат, хотя он на Украине «по национальному составу только полу украинский»[760].

Впрочем, для русских рабочих, подчеркивал Скрыпник, «дело состоит не в том, чтобы они перестали быть русскими, а в том, чтобы и они могли принять участие в украинском культурном процессе»[761]. Если раньше «представителями украинской культуры» были «кооператоры, профессоры и т.п.», то теперь «жизнь прошла мимо них», они сидят на скамье подсудимых в процессе СВУ[762]. Сегодня, утверждал Скрыпник, ведущая роль должна принадлежать пролетарскому классу, выдвинувшему «тысячи кадров украинской пролетарской интеллигенции»[763]. Подобное внимание к «борьбе за пролетарскую суть идеологии», к борьбе «за пролетарские рельсы развития национальной культуры»[764] было обусловлено задачами социалистического строительства. «Украинская национальная проблема теперь – это, прежде всего, проблема индустриализации и сплошной коллективизации. Это уже не только проблема литературы, музыки, песен, чтения лекций, а это культура Днепрельстана, домен, культура сплошной коллективизации земли, культура миллионов заново коллективизированного, организованного трудящегося народа под руководством компартии и пролетариата»[765], – подчеркивал украинский нарком.

Скрыпник сформулировал теорию о двух типах русскоязычных рабочих на Украине: одни, украинского происхождения, подверглись частичной русификации и разговаривали на «смешанном языке», другие были «настоящими» русскими. Первым украинизация должна была помочь «вернуться» к своим корням, а вторым украинизация должна была помочь познакомиться с украинской культурой. При этом детей, говорящих, по выражению Скрыпника, на смешанном украинско-русском языке (т.е. тех, кто по национальности считался украинцем, а в качестве родного языка называл русский), нарком требовал обучать на украинском языке, поскольку «языковой основой их говора является язык украинский»)[766]. По мнению Ю. Шевелева, скрыпниковская теория об украинских рабочих,

забывших родной язык, была весьма схожа с теоретическими построениями румын относительно буковинцев: последние считались румынами, утратившими родной язык, и подлежали румынизации[767].

Действительно, развивающаяся промышленность обусловила приток рабочей силы из сельской местности, и количество украинцев среди рабочих стало расти. В докладе на Первой всеукраинской конференции культурно-просветительных работников нацменьшинств 20 мая 1931 г. Скрыпник с гордостью заявил: «Мы имеем большие изменения в составе самого пролетарского класса на Украине, где до войны, и даже, в первые годы революции, украинцев было мало среди рабочего класса, он складывался, преимущественно, из русских и русифицированных рабочих других национальностей, а в 1929 г. среди всего рабочего класса в УССР было 52 % украинцев»[768]. Между тем возрастание численности украинцев среди городского пролетариата не может служить однозначным доказательством преобладания коренной нации и ее культуры среди рабочих.

На практике попытки привлечь пролетариат к участию «в украинском культурном процессе» вызывали недовольство рабочих. «Переубеждали» рабочих путем перевода на украинский язык школ, периодических изданий и работы профсоюзов. Речь шла, прежде всего, об изучении украинского языка работниками аппарата профсоюзов и о повышении доли среди них украинцев. Работники профсоюзов, в свою очередь, должны были приобщать к украинскому языку и культуре своих подопечных, т.е. вести культурно-просветительскую деятельность путем организации профсоюзных клубов, библиотек, чтения лекций. Активные усилия украинизаторов вызывали недовольство в русской рабочей среде. Были случаи, когда рабочие срывали объявления только потому, что они были написаны по-украински. Имели место случаи, когда составленные на украинском языке коллективные договоры забрасывались грязью[769].

Шахтеры Артемовского округа признавали, что «у них на шахтах «по-украински говорят только в шутку, а если говорят о чем-то серьезном, то только по-русски»[770].

Тем не менее, Скрыпник был убежден, что обучать «русифицированных украинцев» следует на украинском языке. Как заявил украинский нарком на пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 г., «какая бы ни была близость лексическая между русским и украинским языками, но поднять грамотность населения, т.е. создать в нем основу для новой самодеятельности, можно только, подходя к нему с работой на его родном языке»[771].

Скрыпник был убежденным сторонником единства украинского народа. 14 декабря 1928 г. Скрыпник написал статью «О границах УССР», в которой отстаивал необходимость расширения территории Украины. Как писал Скрыпник, образование советских республик путем объединения территорий с одним национальным населением, «было и остается путем, которым пролетарская диктатура решает национальный вопрос, уничтожает дореволюционное положение народностей прежней Российской империи». Автор настаивал, что прежнее «колониальное положение» в первую очередь и заключалось в административной раздробленности угнетаемых народностей[772]. Как доказывал украинский нарком просвещения, «никакие принципиальные соображения не служат доказательством того, что УССР не может занимать общую совокупность территории с украинским большинством населения, а обязана ограничиваться дореволюционными «малороссийскими» губерниями плюс Новороссия»[773].

Убеждения Скрыпника ярко проявились в его деятельности на посту наркома просвещения УССР. Как известно, в функции Наркомпроса в то время входило руководство не только системой образования, но и наукой, литературой, театром, кино, музыкой, изобразительным искусством. При

Скрыпнике продолжился приток украинских кадров – в основном преподавательских и научных – в УССР из-за рубежа, в том числе из Чехословакии (из Украинского свободного университета в Праге), с Западной Украины. Это было не случайно: 5 января 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) подтвердило необходимость установления «постоянной связи между профсоюзами, кооперативами, литературными, культурными и иными организациями УССР и Западной Украины»[774].

Связи между УССР и Западной Украиной были весьма обширными. В данной связи стоит отметить деятельность Украинской Академии Наук и ее исторической секции. В рамках последней действовала Комиссия истории Западной Украины, приглашавшая западноукраинских ученых на торжественные мероприятия в Киев. К примеру, весной 1927 г. состоялись публичные доклады в УССР К.И. Студинского о научной жизни в Галиции, И.С. Свенцицкого о старом галицийском искусстве, В.И. Симовича – о жизни Буковины. В октябре 1927 г. на заседании Комиссии истории Западной Украины выступали западноукраинские ученые К.И. Студинский, Ф.М. Колесса, М.М. Кордуба, О. Макарушка. В марте 1928 г. Кордуба принимал участие в торжественном заседании Исторической секции ВУАН, посвященной 20-летию со дня смерти В.Б. Антоновича. В апреле 1929 г. в Киев приезжали Студинский и И.П. Крипьякевич для обсуждения дальнейшего сотрудничества галицийских ученых с Исторической секцией ВУАН[775].

Контакты с Западной Украиной не ограничивались только научной стороной. В конце 1920-х годов на Советскую Украину приезжали западноукраинские культурные деятели. В 1928 г. состоялись гастроли композитора и пианиста В.А. Барвинского вместе с виолончелистом Б.Т. Бережницким. На гастролях в Харьковской опере в 1928 г. приезжал известный тенор О.М. Руснак. Штатным солистом в Одесском и Харьковском оперных театрах в 1927–1930 гг. работал М.Т. Голинский. В

1927–1932 гг. дирижером в оперных театрах Харькова и Киева был композитор и пианист А.И. Рудницкий. В 1929 г. в УССР состоялись гастроли пианистки из Львова Л.А. Колессы[776]. Осуществлялся и книгообмен между УССР и Западной Украиной, который принял более стабильный характер с 1927 г., после подписания договора между книжным магазином Научного общества им. Шевченко (НТШ) во Львове и Государственным издательством Украины в Харькове. Насколько интенсивным был такой обмен, позволяют судить следующие цифры: за первое полугодие 1928 г. на адрес НТШ во Львове было отправлено 12079 экземпляров и ожидалось выполнение добавочного заказа еще на 29000 экземпляров. В свою очередь, произведения западноукраинских авторов (О.Ю. Кобылянской, И.Я. Франко, О.С. Маковея, А.В. Крушельницкого и др.) печатались в УССР. Правда, гонорары при этом выплачивались нерегулярно[777]. Научные и культурные контакты между УССР и Западной Украиной в конце 1920-х годов были еще достаточно активными: на спад они пошли в начале 1930-х годов, и были сведены к минимуму только после 1933 г., когда Скрыпник покончил с собой, а репутация Советской Украины на западноукраинских землях была существенно подорвана после известий о массовом голоде.

Примечательно, что советскими властями выделялись определенные суммы на деятельность западноукраинских научных и культурных организаций. Например, решение о субсидировании НТШ во Львове были принято еще в 1921 г. В украинской исторической литературе указываются размеры такой помощи: на 1927 г. было запланировано выдать НТШ дотацию в размере 24 000 руб. (примерно 12 000 долларов). Такой же размер субсидий сохранялся и в следующие годы, уменьшился он только в начале 1930-х годов: на 1933 г. планировалось выделить 9 000 долларов[778].

Оказывалась материальная помощь и отдельным представителям творческой интеллигенции на Западной Украине. В 1928 г. было принято

решение о назначении пенсии украинским писателям О.Ю. Кобылянской, которая жила в Черновцах в Буковине, и В.С. Стефанику из Галиции[779]. Правда, дело о выделении вспомоществования этим писателям продвигалось с большим трудом, особенно Кобылянской. А.С. Рублев и Ю.А. Черченко пишут даже о «пенсионном скандале» в связи с задержкой выплаты денег[780]. Однако в данном случае следует учитывать и внутренние для всего СССР обстоятельства: именно в этот период центральное руководство было озабочено поиском средств для индустриального развития и выдача валютных средств была сокращена в целом по стране. Впрочем, в этом же году была назначена пенсионная помощь вдове еще одного западноукраинского деятеля – ученого В.М. Гнатюка[781]. Вообще же в начале 1930-х годов правительство УССР перечисляло за границу деньги семи персональным пенсионерам республики на общую сумму 7920 руб. золотом. На Западной Украине, помимо вышеперечисленных деятелей, пенсию получала также вдова И. Франко – О. Франко[782]. Республиканские пенсии зарубежным гражданам были отменены только в мае 1934 г. (за исключением пенсии семье И. Франко)[783].

Примером достаточно тесного сотрудничества интеллигенции УССР и Западной Украины служит Украинская правописная конференция, прошедшая в Харькове с 25 мая по 6 июня 1927 г. Состав участников конференции был достаточно широкий. Помимо четырех представителей Наркомпроса, в ней принимали участие пять академиков, 28 профессоров лингвистики и филологов, 8 писателей, 7 журналистов и 8 учителей. С Западной Украины приехали известные украинские ученые К.И. Студинский, И.С. Свенцицкий и В.И. Симович. По решению конференции для продолжения работы над украинским правописанием была создана специальная государственная правописная комиссия во главе

со Скрыпником. В сентябре 1928 г. правила украинского правописания были официально утверждены постановлением СНК УССР.

Разработанные комиссией нормы украинского правописания явились результатом компромисса между центральноукраинской и западноукраинской лингвистическими школами[784]. Наиболее острые споры велись вокруг вопроса об употреблении некоторых букв (*л* или *ль, г* или *ґ*)в словах иностранного происхождения. В конце концов было решено слова греческого происхождения передавать в украинском письме при помощи *л* и *г*, а слова из латыни и других европейских языков – *ль* и *ґ*.[785] В то же время западная диалектная база была признана равноправной составляющей при создании языкового стандарта[786], что подтверждается трудами лексикографов того времени. Много галицийских слов и выражений было включено и в Академический словарь – некоторые с пояснением их регионального употребления, некоторые – без пояснения. Галицийские слова и выражения были признаны нормальной составляющей литературного языка[787].

Привлечение западноукраинской интеллигенции к активному участию в культурной жизни Советской Украины было не случайным. Прежде всего, она отличалась активными позициями и настроена была работать на благо украинской нации даже в рамках советской украинизации. Большевикам же были крайне необходимые украинские культурные кадры: людей интеллигентных профессий, владеющих украинским языком, на Большой Украине явно не хватало, а политика коренизации требовала все больше и больше украинских учителей, литераторов, художников, артистов…

Большое внимание к украинскому языку, в том числе внедрение его в делопроизводство, появление украинских школ, институтов, театров, издание литературы на украинском языке на Советской Украине – все это должно было убедить западных украинцев в создании подлинной

украинской национальной государственности. Украинизация внесла разлад в ряды сторонников национальной идеи в эмиграции, убедив многих украинских деятелей в том, что «советская Украина является последней надеждой создать истинную государственность, поэтому казалась бессмыслицей оппозиция к ней», особенно когда крестьянские волнения начали затухать[788].

Курс большевиков на коренизацию дал возможность национально настроенной украинской интеллигенции «вести свою деятельность в более легальных формах, нежели до этого», что наряду с постоянными репрессивными мерами ГПУ привело к существенному ослаблению деятельности украинских национально ориентированных группировок как на территории УССР, так и за границей[789]. Как справедливо отмечают украинские историки, украинизация явно способствовала повороту части оппозиции «лицом к власти»[790].

Между тем в этот же период стали обозначаться и новые тенденции, обусловленные централизаторскими усилиями сталинского руководства. «Шахтинское дело» весьма обеспокоило партийное руководство, и на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. обсуждался вопрос высшей школы и форсированной замены буржуазных специалистов пролетарскими. Предложение о передаче нескольких ВТУЗов из ведения республиканских наркоматов просвещения ВСНХ СССР тогда так и не было принято, поэтому решено было создать специальную комиссию. Комиссия, а затем Политбюро и июльский пленум ЦК приняли решение передать 6 ВТУЗов и 5 техникумов в ведение ВСНХ СССР, 2 ВТУЗа – НКПС. Протесты представителей наркоматов просвещения РСФСР и Украины не были приняты во внимание[791]. Как заявил на июльском пленуме Скрыпник, если передавать ВТУЗы, «так почему же передавать в ведение ВСНХ СССР»? «Как будто было бы вполне нормально, чтобы под общим руководством ВСНХ СССР сим делом ведали бы ВСНХ РСФСР, а у нас ВСНХ УССР», –

считал представитель Украины[792]. Скрыпник опасался, что при передаче ВТУЗы будут «деукраинизированы и русифицированы»[793].

Между тем, весной 1929 г. практику проведения национальной политики в УССР проверяла комиссия ЦК ВКП(б) под председательством Азатьяна. По итогам работы была составлен отчет для ЦКК ВКП(б). Комиссия признала, что при проведении национальной политики КП(б)У встретила ряд трудностей, связанных с необходимостью «бороться за признание украинцев отдельным народом», причем даже в рядах самой компартии. Однако комиссия пришла к выводу, что «вопрос этот в основном уже разрешен, разрешен настолько радикально, что никто не осмеливается защищать публично русотяпские позиции. Украинский язык и украинская культура приобрели себе прочные права гражданства»[794]. Признав крупные достижения в деле украинизации, комиссия отметила и ряд «недочетов». Прежде всего, говорилось в отчете, «комиссия не может не отметить того недопустимого отношения, которое проявляется не только со стороны националистической интеллигенции, но и со стороны ряда ответственных работников-партийцев к употреблению в необходимых случаях русского языка». При этом «типичным и последовательным представителем этого направления» был назван Скрыпник. Причиной тому послужила беседа со Скрыпником, во время которой комиссия интересовалась, «1. почему считается недопустимым преподавание на русском языке в Сталинском горном институте и 2. почему Украинская академия наук дает резюме своих трудов на французском языке, отказываясь делать те же резюме одновременно и на русском языке»[795]. Кроме того, комиссия высказала удивление запрещением издания на русском языке годового отчета ВСНХ Украины: «Вместо того, чтобы потребовать одновременного издания этого труда на украинском языке, запретили русское издание. Но так как труд этот ВСНХ был необходим и на русском языке, ВСНХ выпустило его русское издание

в другом городе, после того, как не могло добиться разрешения в Харькове»[796].

Скрыпник, в свою очередь, также остался недоволен членами комиссии. Во время второй Всеукраинской партконференции (9–14 апреля 1929 г.) он не преминул поднять вопрос о Горном институте в Сталино, который был передан из ведения Наркомпроса Украины в ведение ВСНХ Союза. Скрыпник поднял вопрос, не будет ли в этом институте «русотяпской тенденции», если преподавание в нем, как предложила комиссия, будет вестись на русском языке[797]. «У нас есть Ленинградский горный институт на русском языке, у нас есть Московский горный институт на русском языке, а теперь прекратить и повернуть те круги украинизации, которые есть в Горном институте в Сталино абсолютно недопустимо. …наши ВИШи еще на 75% проводят обучение на русском языке. Перед нами стоит задание не русифицировать, а украинизировать наши ВИШи и ВТИШи. Тут партия достаточно наметила и провела свою линию. Абсолютно неверною и ошибочной является заявление тов. Азатяна о том, что требуется повернуть руль»[798], – негодовал Скрыпник.

Об этом же он заявил и на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 года. «Я должен еще заявить, что передача ВСНХ втузов не должна ни в малейшей степени изменить общей политики, проводимой во втузах, - говорил Скрыпник. – Например, представитель союзной РКИ, тов. Азатьян, производивший специальное обследование национальной политики у нас, выставил требование, чтобы в горном институте в г. Сталино, который был в ведении Наркомпроса Украины и передан Главтузу ВСНХ, чтобы в нем была проведена деукраинизация рабфака и первого курса. Он заявил, что настаивает на том, что дальнейшее проведение украинизации во втузе является недопустимым шовинизмом. Я считаю это недопустимым. Передача втузов ВСНХ ни в малейшей степени не должна изменить общей политики»[799].

Более конкретно свое видение ситуации Скрыпник изложил в своем докладе на VII Всесоюзном съезде работников просвещения СССР. Скрыпник заявил, что культурно-просветительная деятельность должна вестись «под знаком участия ее в хозяйственной реконструкции страны», т.е. она должна способствовать развитию национальных культур[800]. Поэтому он настаивал на необходимости различать «вопрос о единстве системы и единстве линии» и вопрос о «единстве администрирования», поддерживая первый и отвергая второй. Скрыпник был категоричен: «…не линия единства администрирования, а линия единства систем»[801]. «Кто хочет изъять все вузы с ведения республик, создать Главнауку СССР либо единое управление всех вузов СССР, изъять все архивы, все музеи, придать им союзное значение и из единых органов Союза ССР ими распоряжаться, тот настаивает на неправильной точке зрения»[802], – заявил украинский нарком.

Описанная ситуация с Горным институтом была очень симптоматична для конца 1920-х годов. В новых условиях выросло значение русского языка как языка межэтнической коммуникации, что было обусловлено социально-экономической интеграцией и выросшей социальной мобильностью населения. Коммуникативные потребности единого государства требовали хорошего знания русского языка со стороны активной части населения, поскольку русский язык играл ведущую роль в сфере государственного управления, науке, армии, являлся средством общения между людьми разных национальностей. Неудивительно, что встал вопрос о корректировке коренизационных усилий республиканского руководства.

* * *

Таким образом, в 1920-е годы ареной проведения украинизации стала Украинская ССР. Несмотря на то, что правительства Польши,

Чехословакии, Румынии демонстрировали различные подходы к проблеме инкорпорирования украинских земель в состав новых национальных государств, к протекционистской политике в отношении украинского языка и культуры они прибегать не торопились. Чехословацкие власти, признавшие родство местного русинского наречия с украинским языком и привлекавшие украинских эмигрантов из Галиции для работы в Подкарпатской Руси, целенаправленную украинизацию не проводили. Более того, язык обучения в школах отличался крайней вариативностью и во многом зависел от убеждений педагогов. Румынские же власти предприняли курс на ассимиляцию нерумынского населения. Только в конце 1920-х гг. на Волыни Г. Юзевский начал проводить эксперимент, нацеленный на создание благоприятного климата в польско-украинских отношениях за счет поддержки пропольски настроенных украинских организаций, введения украинского языка в польских школах и пропаганды польско-украинского сотрудничества. С одной стороны, таким путем ограничивалось влияние на Волынь украинского движения из Восточной Галиции. В то же время, в условиях активного проведения украинизации на Советской Украине подобная политика носила в определенной степени ответный характер и должна была нивелировать советское влияние на западноукраинское население.

Советская украинизация распространялась практически на все стороны жизни национальной республики. Большевистское руководство стремилось не только к укреплению партийных и советских структур в УССР за счет привлечения местных кадров на руководящие должности, но и предпринимала большие усилия по внедрению украинской советской идентичности в массовое сознание путем проведения соответствующей политики в области образования и культуры. На украинский язык переводились учебные заведения, на украинском языке печатались книги, газеты и журналы, поддерживалась украинская литература и искусство.

Республиканские власти к концу 1920-х годов уже могли оперировать довольно высокими показателями украинизации. Именно в этот период статистические данные об украинизации школ, печати и т.п. достигли своих наивысших значений. Например, динамика украинизации начальной (трудовой, или школы социального воспитания) школы был следующим: в 1922 г. украинских было 6105 школ, в 1925 г. – 10774, в 1930 г. – 14430. В школах другого типа результаты не были столь яркими, однако, например, уже к 1925/1926 г. профшколы по языку обучения были на 51,9 % украинскими и только на 27,6 % – русскими. Определенные успехи были достигнуты и в украинизации высшей школы. По состоянию на 1927 г. среди институтов было 14 украинских, 2 российских и 23 – двуязычных[803].

Изменялся и социальный состав студенчества: на смену интеллигенции и мещанству, в массе своей русскоязычным, пришла рабочая и крестьянская молодежь. При этом четко проявлялась тенденция увеличения численности украинцев среди студентов за счет уменьшения приема евреев и русских. К 1928 г. число украинцев среди студентов вузов достигло 54 %, техникумов – 63 %[804]. А к следующему учебному году показатель для вузов был еще выше – 62,8 %, в 1930 – свыше 70 %[805]. Кроме того, руководство УССР прилагало немалые усилия для внедрения украинского языка в высшие учебные заведения. 6 июля 1931 года Наркомпрос УССР, что все поступающие в высшие учебные заведения, высшие технические школы и техникумы обязаны знать украинский язык и, поступая в институт, обязаны подавать все письменные работы на украинском языке. А в постановлении от 19 декабря 1931 года Наркомпроса говорилось об обязательности изучения украинского языка для всех студентов вузов и техникумов, а не только для тех, кто не знает украинского языка[806]. Еще одним полем украинизации стала наука. Здесь

также возросло число научных сотрудников-украинцев (с 28 % в 1925 г. до 45,9 % в 1929 г.)[807].

Помимо науки и просвещения, украинизация затронула все стороны культурной жизни республики. На украинский язык переводились произведения русской и зарубежной классики, выросло количество и тираж периодических изданий. К 1928 г. на украинском языке выходило 58 газет, что составляло 68,8 % от их общего количества в УССР[808]. В 1930 г. украинизация прессы достигла 68,8 %, а в 1932 г. – цифра поднялась до 87,5 %. На 1930 г. только три крупные газеты еще выходили на русском языке («Вечерние известия» в Одессе, в также органы печати в Донецке и Мариуполе)[809]. Что касается журналов, то в 1928 г. 71,2 % из них издавались на украинском языке, а в следующем году эта цифра достигла 84 %.[810] Украинские книги в общей массе книжной продукции составляли: в 1925–1926 гг. – 45,8 %, в 1927–1928 гг. – 53,9 %. В 1931 г. – 76,9 %[811].

В конце 1920-х гг. продолжал активно развиваться и украинский кинематограф. В 1927–1929 гг. в Киеве была построена новая киностудия, самая большая в тогдашней Европе. В киноискусстве продолжала доминировать украинская проблематика. Продолжалась и украинизация театрального искусства. Первоначально в этой сфере (особенно в оперных театрах) украинизация продвигалась с большим трудом. На конец ноября 1927 г. вся театральная сфера была украинизована только на 26 %. Однако в начале 1930-х годов русскоязычные театры были фактически вытеснены с Украины, а центральные театральные помещения перешли к украинским труппам. В 1931 г. в УССР было 66 украинских, 12 еврейских и 9 русских стационарных театров[812].

Постепенно менялся и этносоциальный облик УССР. Происходил прирост рабочих украинского происхождения на заводах Донбасса и Днепропетровского региона. Например в 1930 г. 80 % вновь завербованных рабочих для шахт Донбасса составляли выходцы из

украинского села[813]. Постепенно вырастало и новое поколение украинской интеллигенции. Уже в 1929 г. украинцами было 50 % инженеров в угледобывающей промышленности[814]. В этом же году доля украинцев среди занятых интеллектуальным трудом составила 58 %.[815] Вообще по данным переписи 1926 г. национальный состав интеллигенции Украины распределялся следующим образом. Среди работников культуры и просвещения украинцы составили 69,2 %, среди работников суда, прокуратуры и адвокатуры – 43,6 %, среди технических специалистов – 47, 6 %. В медицине 56,7 % составляли евреи.

Доля же русских нигде не составила и половины общей численности интеллигенции. Больше всего их было среди технических специалистов (35,1 %) и художников (30,2 %). В то же время среди руководителей в промышленности места среди русских, украинцев и евреев распределились почти поровну и составляли соответственно 31,5, 30, 7 и 25,8 %. Среди руководящего состава в сельском хозяйстве преобладали со значительным отрывом украинцы – 62,3 % (русские составили 15,8 %, евреи – 9,6 %)[816].

Постепенно менялся и национальный состав партийного и государственного аппаратов. Если накануне официального принятия курса на коренизацию доля украинцев среди служащих составляла лишь 35 %, а государственный аппарат функционировал исключительно по-русски, то в 1925 г. уже 50 % государственных служащих были украинцами, в 1926 г. – уже 54 %.[817] Правда, на службе продолжало оставаться немало чиновников, всячески сопротивлявшихся украинизации.

В партийной системе ситуация складывалась лучше, нежели в государственной. Если в 1920 г. численность украинцев среди коммунистов была невелика и достигала всего 20,1 %, то в 1927 г. – уже 52 %, в 1933 г. – 60 %[818]. Правда, при этом в 1925 г. численность украинцев в Центральном Комитете украинской компартии достигла всего 25 %[819].Таким образом, в ходе украинизации была заложена основа для

формирования этнической республиканской элиты, включавшая, помимо партийных функционеров и управленцев, представителей научной и творческой интеллигенции.

Темпы украинизации в Красной Армии были значительно ниже, чем в других сферах, особенно в плане изучения командным составом украинского языка. Красноармейский командно-политический состав с трудом переходил на украинский язык, а подготовка украинских кадров была явно недостаточной. Так, в 1925 г. в украинизованных дивизиях 40,9 % командиров и 37,1 % политработников вообще не владели украинским языком. А в 1926 г. выпуск украинизованных военно-учебных заведений смог бы покрыть недостачу кадров только в двух дивизиях[820].

В мае 1927 г. РВС СССР утвердил шестилетний план национально-войскового строительства на 1927–1933 гг., в соответствии с которым национальными должны были стать еще две территориальные дивизии. Однако выполнение этого плана тоже проходило со значительными трудностями. Проверка 1929 г. показала, что командный состав с трудом овладевал украинским языком, причем чем выше была категория комсостава, тем меньше там говорили и понимали по-украински. При этом украинизация невольно приводила к обострению отношений между русскими красноармейцами, пополнявших кадровые и специальные части, и украинцами. Украинские исследователи приводят немало примеров стычек между красноармейцами на бытовом уровне. При этом русские вполне могли назвать украинский язык «петлюровским» и «китайской грамотой», а украинцы настаивали на необходимости «все украинизовать»[821].

Объявляя о необходимости проведения политики коренизации, Сталин на XII съезде партии в 1923 г. особо подчеркивал, что одной из ее целей является выравнивание экономического и социального уровня разных наций. «Равенство правовое мы провозгласили и проводим его, –

объяснял генеральный секретарь, – но от правового равенства, имеющего само собой величайшее значение в истории развития советских республик, все-таки далеко до равенства фактического»[822]. Фактическое равенство понималось Сталиным прежде всего как равенство экономическое. Поэтому экономическое развитие республик имело не меньшее значение, чем культурное развитие: «…На школах тут далеко не уедешь, они, эти самые школы, развиваются, язык тоже развивается, но неравенство фактически – это основа всех недовольств и всех трений. Тут школами и языком не отговоришься, тут нужна действительная, систематическая, искренняя, настоящая пролетарская помощь с нашей стороны трудящимся массам отсталых в культурном и хозяйственном отношении национальностей. Необходимо, чтобы, кроме школ и языка, российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отставших в культурном отношении республиках, … необходимо добиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности»[823]. Решалась эта задача путем индустриализации и создания «национальных отрядов рабочего класса». Если к выравниванию культурного уровня республик приступили (или должны были приступить) уже после XII съезда, то экономический аспект коренизации стал реализовываться фактически после разработки стратегии форсированной индустриализации, сформулированной Сталиным в речи на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г.

В период индустриализации (и, конечно, коллективизации) Украина испытала на себе все преимущества и недостатки курса центрального партийного руководства на форсированное экономическое развитие. Темпы экономического роста на Украине были весьма высокими, и по данным, которые признают достоверными и современные украинские историки, к 1940 г. промышленное производство выросло в 7,3 раза по сравнению с показателями 1913 г.[824] В 1932 г. УССР производила 70 %

угля, железной руды и чугуна, а также 63 % стали всего СССР[825]. Из 35 промышленных объектов первых пятилеток 12 приходилось на Украину[826]. Были построены три крупнейших металлургических завода (Запорожсталь, Криворожсталь, Азовсталь), Днепрогэс, Днепровский алюминиевый комбинат, Краматорский завод тяжелого машиностроения, Харьковский тракторный завод. Был реконструирован Луганский паровозостроительный завод и четыре металлургических завода (в Макеевке, Днепродзержинске, Днепропетровске, Коммунарске). Помимо Днепрогэса было построено множество электростанций: Штеровская, Зуевская, Криворожская, Северскодонецкая, Киевская, Харьковская Днепродзержинская ГРЭС, Краснозаводская ТЭЦ в Харькове, Киевская ТЭЦ.

Экономический прогресс Украинской ССР был тем заметнее, что западноукраинские земли оставались в индустриальном плане гораздо менее развитыми. Так, промышленность украинских регионов Польши специализировалась в основном на переработке сельскохозяйственной продукции. По переписи 1931 г. из 730 тыс. наемных работников 332 тыс. работало в сельском хозяйстве[827]. В Румынии украинские земли также оставались слаборазвитыми, а промышленные предприятия там – мелкими и полукустарными. Крупные же заводы и фабрики вывозились в центральные районы Румынии, как это произошло с Аккерманскими трамвайными мастерскими, прядильной фабрикой, оборудованием Измаильского и Ренийского портов[828]. Никаких крупных промышленных объектов не было построено и в чехословацком Закарпатье. В 1930 г. доля промышленной продукции в совокупном общественном продукте края равнялась 2 %, а численность занятых в промышленности составляла 16 тыс. человек[829].

Примечания

[1] *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok, 2007. S. 88-89.

[2] *Кабузан В.М.* Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М., 2006. С. 362.

[3] Там же. С. 363.

[4] *Ольховский С.В.* Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2013. С. 272.

[5] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 265.

[6] *Гаврецька М.Е.* Правовий режим української мови за конституційними актами Республіки Польща (Другої Речі Посполитої) // Часопис Київського університету права. 2013. № 2. С. 48-49.

[7] Dziennik Ustaw. RP 1921. Nr 44. Poz. 267.

[8] Dziennik Ustaw. RP 1922. Nr 90. Poz. 829/

[9] *Гаврецька М.Е.* Правовий режим української мови за конституційними актами Республіки Польща (Другої Речі Посполитої). С. 49-50.

[10] *Ольховский С.В.* Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше. С. 273.

[11] *Давидюк Р.П.* Еволюція національно-демократичного руху на Волині у 20-х рр. ХХ ст. //Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. 2012. Вип. 23. С. 206.

[12] *Федевич К.К.* Галицькі українці у Польщі 1920-1939 (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920-1930-ті рр.). Київ, 2009. С. 56-59.

[13] См., напр., схему организаций: *Moklak J.* Łemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitey: Zagadnienia polityczne i wyznaniowe. Kraków, 1997. S. 44.

[14] *Матвеев Г.Ф.* Русинский вопрос в Чехословакии и Польше в межвоенные годы // Карпатские русины в славянском мире: актуальные проблемы. Материалы международного научного круглого стола. М.; Братислава, 2009. С. 97.

[15] Обращение II съезда Коммунистической рабочей партии Польши ко всему трудовому народу // Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. М., 1955. С. 62.

[16] Там же.

[17] Пролетариат Польши – руководитель и защитник интересов всей нации // Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. С. 52.

[18] Відозва ЦК КПЗУ до трудящих з закликом боротися за воззєднання Західної України з Радянською Україною. Січень 1924 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. У 2 част. Ч. 2. Київ, 1997. С. 43.

[19] *Пиріг М.* Становлення та організаційні принципи діяльності Українського селянсько-робітничого соціалістичного об'єднання (Сельроб) у 1926–1928 роках // Мандрівець. 2013. № 4. С. 32.

[20] Польша в XX веке: Очерки политической истории. М., 2012. С. 136–137.

[21] Там же. С. 137.

[22] *Ольховский С.В.* Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше. С. 276.

[23] *Соляр І.Я.* Радянофільство у Західній Україні // Український історичний журнал. 2009. № 1. С. 55–56.

[24] *Вербова О.С.* Аграрна політика польскої держави міжвоєнного періоду та українське питання // Науковий вісник Національного лісотехнічного університету України: зб. наук.-техн. пр. Вип. 18. Львів, 2008. С. 128–130.

[25] *Нагірняк А.Я.* Особливості антиукраїнської політики Польської влади в Галичині у 1920-х рр. // Вісник Національного університету «Львівська політехніка»: сборник. Вип. 652: Держава та армія. Львів, 2009. С. 113.

[26] *Мосійчук Т.* Боротьба УНДО з утраквізацією освіти в Галичині // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 23. Львів, 2013. С. 467.

[27] Там же. С. 469–470.

[28] *Гетьманчук М.П.* Між Москвою та Варшавою: українське питання у радянсько-польских відносинах міжвоєнного періоду. Львів, 2008. С. 241.

[29] Там же. С. 243.

[30] *Mironowicz E.* Białorusini I Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok, 2007. S. 144.

[31] *Калакура О.Я.* Поляки в етнополітичних процесах на землях України у ХХ столітті. Київ, 2007. С. 266.

[32] *Гетьманчук М.П.* Між Москвою та Варшавою: українське питання у радянсько-польских відносинах міжвоєнного періоду. С. 243–244.

[33] Цит. по: *Гаврецька М.Е.* Правовий режим української мови за конституційними актами Республіки Польща (Другої Речі Посполитої). С. 50.

[34] Ще про наше становище до Радянської України // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 55.

[35] *Mironowicz E.* Białorusini I Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. S. 141–142.

[36] *Ольховский С.В.* Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше. С. 276–277.

[37] *Комар В.Л.* Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921—1939 рр.). Івано-Франківськ, 2011. С. 125–126. См. также: *Симонова Т.М.* Именем революции: мир и счастье — на штыках // Родина. 2000. № 10. С. 59–62; *Симонова Т.М.* Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С.47–63.

[38] *Комар В.Л.* Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921–1939 рр.). С. 155.

[39] См.: *Портнов А.В*. Наука у вигнанні: Наукова і освітня діяльнісь української еміграції в міжвоєнній Польщі (1919–1939). Харків, 2008. С. 155–186.

[40] *Комар В.* Українське питання в політиці Польщі (1926–1939) // Український історичний журнал. 2001. № 5. С. 121–122.

[41] *Юрик Ю.* Протистояння ОУН і Польської держави (1929–1935 рр.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 13. Київ, 2005. С. 379–380.

[42] *Гриців М.* Пацифікація 1930 р. і судова система Другої Речі Посполитої // Український визвольний рух: наук. зб. Вип. 15. Львів, 2011. С. 33–34.

[43] Польша в XX веке: Очерки политической истории. С. 200.

[44] *Савченко О.О*. Польські репресії проти народу Галичини у 30-х рр. XX ст. // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». 2010. № 670. С. 148–149. См. также: Комунікат українських політичних партій Західної України у зв'язку з пацифікацією 1 жовтня 1930 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 2: 1929–1939. Івано-Франківськ, 2014. С 98–99; Пастирський лист греко-католицького духовенства з осудом саботажів ОУН та пацифікації 13 жовтня 1930 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. С. 100–101; Промова посла Михайла Галущинського в польському сеймі в справі пацифікації 20

січня 1931 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. С. 142–148.

[45] *Гавришко М.* Заходи ОУН на міжнародній арені у справі «пацифікації» в Галичині у 1930 р. // Український визвольний рух. Зб. 19. Львів, 2014. С. 182–186.

[46] *Федевич К.К.* Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. (Інтеграція га лицьких українців до Польської держави у 1920–1930 ті рр.). С. 130–131.

[47] *Комар В.Л.* Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921–1939 рр). С. 272.

[48] Там же. С. 274, 276.

[49] *Юрик Ю.* Протистояння ОУН і Польської держави (1929–1935 рр.). С. 380–381.

[50] *Федевич К.К.* Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. (Інтеграція га лицьких українців до Польської держави у 1920–1930 ті рр.). С. 140, 144, 152–153.

[51] Листівка ОУН до батьків українських школярів із закликом до захисту української школи // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн . 2: 1929–1939. С. 219.

[52] Польша в XX веке: Очерки политической истории. С. 211–212.

[53] *Крамар Ю.В.* Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області) // Архіви України. 2013. № 3. С. 120-121.

[54] Цит. по: *Каліщук О.* До проблеми сокальського кордону (за матеріалами міжвоєнної преси) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність: Зб. наук. пр. Вип. 21. Львів, 2012. С. 355.

[55] *Соляр І.Я.* Радянофільство у Західній Україні. С. 59.

[56] Там же. С. 64.

[57] Там же.

[58] Там же. С. 64–65.

[59] Цит. по: *Каліщук О.* До проблеми сокальського кордону (за матеріалами міжвоєнної преси). С. 356.

[60] *Вишиванюк А.* Украинизаторские процессы в Православной церкви в межвоенной Польше // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014 № 4 (32). С. 176.

[61] Там же.

[62] Там же. С 178–179.

[63] *Крамар Ю.В.* Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області). С. 121–122.

[64] Цит. по: *Давидюк Р.* Від угодовства до автономізму: чинники і складові розколу уенерівського політичного табору Волині у другій половині 1930-х років // Europa Orientalis: Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich. 2012. № 3. С. 68; См. также: *Юзевський Г.* Замість щоденника // «Роде наш красний…» Волинь у долях краян і людських документах. Т. 2. Луцьк, 1996. С. 196.

[65] Цит. по: *Давидюк Р.* Від угодовства до автономізму: чинники і складові розколу уенерівського політичного табору Волині у другій половині 1930-х років. С. 68–69; См. также: *Балябо А*. «Ми» і «ви» в українській нацполітиці // Волинське слово. 1937. № 8. С. 4.

[66] *Давидюк Р.* Від угодовства до автономізму: чинники і складові розколу уенерівського політичного табору Волині у другій половині 1930-х років. С. 69.

[67] *Панасюк В.* «Волинська політика» воєвод Г. Юзевського та А. Ґавке-Новака 1928–1939 років: проблеми україно- та німецькомовної освіти // Етнічна історія народів Європи: зб. наук. пр. Вип. 16. Київ, 2004. С. 126.

[68] *Крамар Ю.В.* Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області). С. 122–123.

[69] *Макарчук С.А*. Этносоциальное развитие и национальные отношения западноукраинских землях в период империализма. Львов, 1983. С. 160; *Нагорнюк О.М*. Трансформація російсько-єврейських відносин на Західній Волині в 1920-х –1930-х рр. // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції «Євреї в Україні: історія і сучасність». Збірник наукових праць. Житомир, 2009. С. 310–311.

[70] *Панасюк В.* «Волинська політика» воєвод Г. Юзевського та А. Ґавке-Новака 1928–1939 років: проблеми україно- та німецькомовної освіти. С. 127.

[71] Там же. С. 129.

[72] *Крамар Ю.В.* Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області). С. 123.

[73] Звіт волинського воєводи 1936 р. // *Сивіцький М.* Історія польсько-українсьтких конфліктів. У 3 т. Т. 1. Київ, 2005. С. 206.

[74] Витяг з листа к.слухачки Аделі Стегнівни до Галіни Юршової, керівника Народного університету в Михайлівці Дубнівського повіту на Волині // *Сивіцький М.* Історія польсько-українських конфліктів. Т. 1. С. 199.

[75] *Ленартович О.* Формування організаційної структури та діяльність українського націоналістичного підпілля на Волині у 1930-х рр. // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 19(2). Київ, 2010. С. 170–174.

[76] *Гудь Б.* Українсько-польські конфлікти новітньої доби: етносоціальний аспект. Харків, 2011. С. 346.

[77] *Матвеев Г.Ф.* Русинский вопрос в Чехословакии и Польше. С. 104.

[78] *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 150.

[79] Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 287; *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. С. 155.

[80] *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848—1948). Ужгород, 1994. С. 168.

[81] Закарпаття в етнополітичному вимірі. Київ, 2008. С. 261.

[82] *Даниленко О.* Українська еміграція в Чехословаччині (1920-і роки): соціокультурний аспект // Етнічна історія народів Європи. 2001. Вип. 10. С. 38–39.

[83] *Шевченко К.В.* Русины в поисках идентичности: борьба русофилов и украинофилов в Подкарпатской Руси в 1920-е годы // Величие и язвы Российской империи: международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова. М., 2012. С. 549.

[84] См. подробнее: *Дронов М.Ю.* Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919–1938). Дисс. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2013. С. 40–68.

[85] *Шевченко К.В.* Культурно-национальная политика властей Чехословакии в русинском вопросе в 1920-е годы // Карпатские русины в славянском мире: актуальные проблемы. Материалы международного научного круглого стола. М.; Братислава, 2009. С. 136, 138,

[86] Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси. С. 300–301.

[87] *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье а 1918–1945 гг. М., 2006. С. 123.

[88] *Стряпко І.О.* Роль української політичної еміграції у розвитку освіти на Закарпатті 1919–1939 рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2014. Вип. 39. С. 132.

[89] *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. С. 163.

[90] Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород, 2010. С. 76.

[91] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 299–300.

[92] *Шевченко К.В*. Русинский вопрос и политика Чехословакии в межвоенный период // Русский сборник: исследования по истории России XIX–XX вв. Т. 1. М., 2004. С. 294.

[93] Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. С. 76.

[94] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 299–300.

[95] *Шевченко К.В*. Культурно-национальная политика властей Чехословакии в русинском вопросе в 1920-е годы. С. 137, 141–142.

[96] *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 139.

[97] Якою мовою в школах повинні навчати наших дітей? // *Борканюк О.О.* Чим є для нас Радянський Союз (вибрані статті, промови, інтерпеляції). Ужгород, 1976. С. 221.

[98] *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 140.

[99] Там же. С. 139–140.

[100] Там же. С. 124–124.

[101] *Шевченко К.В*. Славянская Атлантида. С. 223.

[102] *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 126–127.

[103] *Марчук Н.В*. Формування етнокультурної самосвідомості (період Чехословацької окупації) // Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили. Сер. Політологія. 2011. Т. 155, Вип. 143. С. 102.

[104] *Магочі П Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994. С. 126–127; *Пушкаш А.И*. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. С. 94.

[105] *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 107; *Шевченко К.В.* Культурно-национальная политика властей Чехословакии в русинском вопросе в 1920-е годы. С. 143–144,149–150.

[106] *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 107.

[107] *Магочій П.Р*. Україна: історія її земель та народів. Ужгород, 2012. С. 595.

[108] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 299.

[109] Там же. С. 298.

[110] *Шевченко К.В*. Славянская Атлантида. С. 256.

[111] *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. С. 96.

[112] И.Г. Буркут считает: «Чехословацкие власти оказывали поддержку одновременно разным течениям в общественно-политической жизни Закарпатья: москвофильству, украинофильству и русофильству. Поддержка противоположных сил в конце концов вела к углублению раскола среди автохтонного населения Закарпатья…» (*Буркут І.Г.* Русинство: минуле і сучасність. Чернівці, 2009. С. 168).

[113] *Кравчук О.* Національні відносини в Чехословаччині 1918–1935 рр.: погляд Т.Ґ. Масарика // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи: зб. наук. пр. Вип. 3. Кам'янець-Подільський, 2012. С. 175.

[114] См., напр.: *Віднянський С.* Національна політика Праги у Підкарпатській Русі // Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 301–302.

[115] *Шевченко К.В*. Русинский вопрос и политика Чехословакии в межвоенный период. С. 294.

[116] *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918-1945 гг. С. 123; см. также: *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 137.

[117] *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848—1948). С. 138.

[118] *Рендюк Т.* Національна політика королівської Румунії у міжвоєнний період та під час Другої світової війни // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки та знахідки: Міжвід. зб. наук. пр. Київ, 2010. Вип. 19. С.141.

[119] Буковина 1918–1940 рр.: зовнішні впливи та внутрішній розвиток: Матеріали і документи. Чернівці, 2005. С. 124, 170.

[120] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С.312.

[121] *Василик Л.Є., Попович Ю.О.* Місячник «Самостійна думка» та тижневик «Самостійність» – речники українського життя на Буковині у міжвоенний період // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна: Сер. «Соціальні комунікації». 2011. Вип. 3. 2011. С. 47.

[122] *Рендюк Т.Г.* Українці Румунії: Національно-культурне життя та взаємовідносини з владою. Київ, 2010. С. 26.

[123] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 313.

[124] *Пиддубный И.* Деятельность правительства и реформы 1922–1926 гг. в Румынии // Codrul Cosminului. Vol. XX. 2014. № 2. P. 482.

[125] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 313–314; *Рендюк Т.* Національна політика королівської Румунії у міжвоєнний період та під час Другої світової війни С. 143–144.

[126] *Пиддубный И.* Деятельность правительства и реформы 1922–1926 гг. в Румынии. P. 483–484.

[127] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 316.

[128] *Буркут И.* Деятельность советского и украинского националистического подполья на территории Черновицкой области в 1941-1944 гг. // Русин. 2010. № 4. С. 90; *Макар Ю.І.* Є. Коновалець та розвиток українського націоналістичного руху на Буковині // Вісник центру буковинознавства. Серія історична. Вип. 1. Чернівці, 1993. С. 159.

[129] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральний державний архів громадських об’єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 24.

[130] Там же. Л. 24–25.

[131] Там же. Л. 25.

[132] Там же.

[133] Там же. Л. 14.

[134] Схему комиссий см.: «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 71.

[135] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1660. Л. 4.

[136] Там же. Л. 5.

[137] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 70.

[138] Про заходи у справі українізації шкільно-виховних і культурно-освітніх установ // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1923 рік. Харків, 1923. Від. 1. № 29. Арт. 430.

[139] Про заходи забезпечення рівноправ'я мов і про допомогу розвитку української мови // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1923 рік. Харків, 1923. Від. 1. № 29. Арт. 435. См. также: Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр.: Зб. докум.: В 2 т. Т. 1. Київ, 1959. С. 242–243.

[140] Там же.

[141] Там же.

[142] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 62–63.

[143] Там же. С. 137.

[144] Там же.

[145] *Куліш Т.* Вплив політики українізації на розвиток мережі шкільної освіти та структури на вначальних закладів у 20-х рр. ХХ ст. // Гуманітарний вісник ДВНЗ «Переяслав-Хемельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди»: Збірник наукових праць. Вип. 22. Переяслав-Хмельницький, 2011. С. 77–78.

[146] ЦДАГОУ. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 227.

[147] Там же. Л. 225–226.

[148] Історія українського війска (1917–1995). Львів, 1996. С. 231–232.

[149] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 152.

[150] Там же. С. 153.

[151] *Рафальський О.О.* Національні меншини України у ХХ столітті: Історіографічний нарис. Київ, 2000. С. 128.

[152] Там же. С. 123–125.

[153] Про виділення національних районів і Рад // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України (ЗУ України) 1925. № 6–7. Арт. 99.

[154] *Рафальський О.О.* Національні меншини України у ХХ столітті. С. 130–131, 133.

[155] См.: *Дроздов К.С.* Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.). Дисс. … к.и.н. М., 2010.

[156] Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 283–284.

[157] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 275.

[158] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6892. Оп. 1. Д. 4. Л. 136.

[159] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1660. Л. 6.

[160] Там же. Л. 7.

[161] Там же. Л. 13.

[162] Там же.

[163] Там же. Л. 14.

[164] Там же.

[165] Там же. Л. 15.

[166] Там же. Л. 16.

[167] *Лебедь Д.З.* Советская Украина и национальный вопрос за пять лет. Харьков, 1924. С. 28.

[168] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 4.

[169] *Рубльов О.С.* Західноукраїнська інтелігенція у загальнонаціональних політичних та культурних процесах (1914–1939). Київ, 2004. С. 91.

[170] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 100.

[171] Письмо И.В. Сталина Д.З. Мануильскому с замечаниями к резолюциям (проектам) V конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам 31 июля 1924 г. // Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 270.

[172] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 199.

[173] Там же. Л. 200

[174] Там же. Л. 2.

[175] «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 73.

[176] Из записки заместителя заведующего Организационно-распределительным отделом ЦК РКП(б) В.Ф. Черного в ЦК РКП(б) «О советском строительстве в национальных республиках и областях» 30 сентября 1925 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. М., 2005. С. 319.

[177] Там же.

[178] Там же. С. 320.

[179] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2112. Лл. 99–100.

[180] Справка Организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б) о ходе украинизации партийного и государственного аппаратов в УССР 2 апреля 1925 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 274.

[181] Там же. С. 275.

[182] Там же. С. 299.

[183] Історія України: нове бачення. Т. 2. Київ, 1996. С. 204.

[184] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 108. Л. 111.

[185] Там же. Л. 112.

[186] Там же. Л. 113.

[187] *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. С. 373.

[188] *Чуев Ф.И.* Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 46.

[189] *Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917–середина 1950-х годов. М., 1999. С. 206.

[190] РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 105. Л. 2.

[191] Там же. Л. 3.

[192] Там же. Л. 8.

[193] Там же. Л. 12.

[194] Там же. Л. 13.

[195] Там же.

[196] *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ, 1996. С. 238.

[197] «Ильич был тысячу раз прав» (Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б) в июле-августе 1923 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 200.

[198] *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991. М., 1994. С. 25.

[199] *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. С. 373.

[200] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 108. Л. 111.

[201] Там же. Л. 112.

[202] Там же. Л. 113.

[203] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 44.

[204] Там же. Л. 44 об.

[205] Там же. Л. 51об.

[206] Там же. Л. 71.

[207] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 18.

[208] Протокол № 50 (Особый № 37) заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 25.02.1925, п. 26 // Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. М., 1997. С. 12–13.

[209] *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х – 1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. СПб., 2000. С. 80–81.

[210] Там же.

[211] Там же.

[212] Цит. по *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х – 1930-х гг.). С. 82.

[213] Письмо Ф.Э.Дзержинского в Секретно-оперативное управление Г.Г. Ягоде 25 июня 1926 г. // Феликс Дзержинский. Дневники. Письма. М., 2007. С. 427.

[214] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 70–78.

[215] Там же. С. 129.

[216] На путях становления украинской и белорусской нации: факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 213.

[217] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 131.

[218] Про заходи термінового проведення повної українізації радянського апарату // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1925 рік. Харків, 1925. Від. 1. №. 26 Арт. 202.

[219] Там же.

[220] Про практичні заходи по українізації радянського апарату // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1925 рік. Харків, 1925. Від. 1. № 56. Арт. 332.

[221] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* «Могут быть… уволены без выдачи выходного пособия»: о том, как срочно проводили полную украинизацию // Родина. 2013. № 8. С. 110–113.

[222] Решение перевести «Коммунист» на украинский язык было принято Политбюро ЦК КП(б)У 2 апреля 1926 года (ЦДАГОУ. Ф. 1 Оп. 6. Д. 85. Л. 36.)

[223] *Перваченко М.* Украинизация советского аппарата должна быть закончена // Коммунист. 1925, 6 июня.

[224] *Бодняк Ю.* Об украинизации советского аппарата (Ответ т. Перваченко) // Коммунист. 1925, 20 июня.

[225] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 97.

[226] Там же.

[227] Там же. Л. 99.

[228] ЦГАВОВУ Ф. 1. Оп. 3. Д. 182. Л. 26.

[229] «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 83.

[230] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ЦДАВОВУ). Ф. 2. Оп. 5. Д. 243. Л. 21.

[231] Там же. Л. 30.

[232] Там же. Л. 35.

[233] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* «Перевести делопроизводство на родной язык…» Избранные места из переписки в период активного проведения украинизации // Родина. 2014. № 1. С. 117–120.

[234] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 161.

[235] Там же.

[236] Там же.

[237] Там же. С. 161–162.

[238] Там же. С. 162.

[239] Там же. С. 163.

[240] Там же. С. 162.

[241] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О языках, употребляемых в сношениях государственных учреждений СССР и предприятий общесоюзного значения, а равно и государственных учреждений и предприятий союзных республик, находящихся на территории других союзных республик» 24 мая 1928 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. С. 566.

[242] Там же.

[243] Докладная записка Организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б) о положении в парторганизациях национальных республик и областей. Не позднее 18 декабря 1925 г. // ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. С. 358.

[244] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А*. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50 –ті роки XX ст. Київ, 1994. С. 34.

[245] Там же. С. 33, 37.

[246] Там же. С. 28.

[247] Там же.

[248] Там же. С. 42.

[249] Там же. С. 31.

[250] Там же. С. 32.

[251] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 120. Л. 4–5.

[252] Там же. Л. 5.

[253] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 63.

[254] *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. С. 376–377.

[255] Там же. С. 375.

[256] Там же. С. 378.

[257] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 3.

[258] XV конференция прошла 26 октября – 3 ноября 1926 г., так что в тексте должно быть –XIV (апрель 1925 г.), на которой произошло фронтальное столкновение Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева с И.В. Сталиным.

[259] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 1.

[260] Там же. Л. 2.

[261] *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. С. 375.

[262] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 105. 34 об.

[263] Там же. Л. 37 об.

[264] Там же. Л. 61об.

[265] См.: *Скрипник М.* УСРР – П'ємонт українських трудящих мас: [3 доповіді на XI Всеукраїнському з’їзді рад 1929 р.: «Стан та перспективи культурного будівництва на Україні»] // *Скрипник М.* Статті й промови з національного питання. Мюнхен, 1974. С. 178–184.

[266] Идейным вдохновителем украинских «неоклассиков» был Н.К. Зеров.

[267] *Шудрик І.* Літературні дискусії у Харкові 1925–1928 років // Пространство литературы, искусства и образования – путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами: сб. науч. тр. по матер. VII Междунар. науч.-практич. конференции, 20 декабря 2012 г. Харьков, 2013. С. 312.

[268] *Мейс Дж.* Микола Хвильовий // Історія України в особах XIX–XX ст. Київ, 1995. С. 372.

[269] По словам автора, «сивих дідусів».

[270] *Агеєва В.П.* Примітки // Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поэтичні твори. Памфлети. Київ, 1995. С. 789.

[271] Там же. С. 790.

[272] *Шкандрій М.* Модерністи, марксисти і нація: українська літературна дискусія 1920-х років. Київ, 2006. С. 39. См. также: *Шкандрій М.* В обіймах імперії: Російська і українська літератури новітньої доби. Київ, 2004. Указанные издания являются переводами на украинский язык: *Shkandrij M.* Modernists, Marxists and the Nation: The Ukrainian Literary Discussion of the 1920s. Edmonton, 1992; *Shkandrij M.* Russia and Ukraine: Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times. McGill-Queen's University Press, 2001.

[273] «Про Коперніка з Фрауенбурга, або абетка азіатського ренесансу в мистецтві».

[274] «Про демагогічну водичку, або справжня адреса української воронщини, вільна конкуренція, ВУАН і т.д.»

[275] 22, 29 ноября и 13 декабря, «Культура і побут», № 44–46.

[276] *Хвильовий М.Г.* Думки проти течії // Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поэтичні твори. Памфлети. С. 659.

[277] Там же.

[278] Там же.

[279] Там же. С. 660.

[280] Там же. С. 661.

[281] Там же.

[282] Там же. С. 675.

[283] Там же. С. 676.

[284] Там же. С. 677.

[285] *Хвильовий М.Г.* Україна чи Малоросія? // Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поэтичні твори. Памфлети. С. 727.

[286] Там же.

[287] Там же. С. 728.

[288] Там же.

[289] Там же.

[290] Там же. С. 729.

[291] *Ковалів Ю. І.* Літературна дискусія 1925–1928 рр. Київ, 1990 . С. 33.

[292] *Хвильовий М.Г.* Україна чи Малоросія? С. 730.

[293] Там же.730.

[294] Там же.

[295] Там же. С. 731.

[296] Там же. С. 732.

[297] *Хвильовий М.Г.* «Ахтанабіль» сучасності, або Валер'ян Поліщук у ролі лектора комуністичного університету // Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поэтичні твори. Памфлети. С. 698.

[298] *Хвильовий М.* Апологети писаризму (До проблем культурної революції) // *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? Памфлети. Київ, 1993. С. 202.

[299] Там же.

[300] Там же.

[301] Там же. С. 203–204.

[302] Там же. С. 207.

[303] Там же. С. 209–210.

[304] Там же. С. 215.

[305] Там же. С. 216.

[306] *Хвильовий М.Г.* «Ахтанабіль» сучасності, або Валер'ян Поліщук у ролі лектора комуністичного університету // Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поэтичні твори. Памфлети. С. 698.

[307] *Хвильовий М.Г.* Україна чи Малоросія? // Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поэтичні твори. Памфлети. С. 734.

[308] Там же.

[309] Там же.

[310] Там же.

[311] Там же. С. 735.

[312] Там же. С. 736.

[313] Там же.

[314] Там же.

[315] Там же.

[316] Там же.

[317] Там же. С. 738.

[318] Там же. С. 741.

[319] Там же. С. 742.

[320] Там же.

[321] Там же. С. 748.

[322] *Хвильовий М.* Камо грядеши // Хвильовий М. Україна чи Малоросія? Памфлети. С. 54–55.

[323] Там же. С. 55–56.

[324] *Хвильовий М.Г.* Україна чи Малоросія? // Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поэтичні твори. Памфлети. С. 749.

[325] Там же.

[326] Там же. С. 749–750.

[327] Там же. С. 750.

[328] *Донцов Д.* Крок уперед (До «літературного» спору) // Шляхи розвитку української пролетарської літератури. Літературна дискусія (1925–1928). Зб. Матеріялів (статті, літ. маніфести, постанови партії.). Харків, 1928. С. 117.

[329] Там же. С. 111.

[330] *Семененко О.* Вечірні дзвін (спогади про М.Хвильового) // Прапор. 1990. № 7. С. 141.

[331] *Глазунов Г.П.* Политические обвинения сняты // Коммунист Украины. 1990. № 10. С. 72.

[332] З промови О. Шумського на червневому Пленумі ЦК КП(б)У про підсумки українізації // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 78.

[333] *Шумський О.* Ідеологічна боротьба в українськом у культурноу процесі // Більшовик України. 1927. № 1. С. 12.

[334] Там же. С. 14.

[335] Там же. С. 17.

[336] Скрипник М. Хвильовизм чи шумськизм? // Більшовик України. 1927. № 1. С. 30.

[337] *Мейс Дж.* Микола Хвильовий. С. 375.

[338] *Цвілюк С.А.* Українізація України: Тернистий шлях національно-культурного відродження доби сталінізму. Одеса, 2004. С. 65–66.

[339] *Куліш М.Г.* Мина Мазайло // Твори: В 2 т. Т. 2: П’єси, статті, виступи, документи, листи, спогади. Київ, 1990. С. 3–83.

[340] *Комаренко Т.О., Шипович М.А.* Влада і літературно-мистецька інтелігенція радянської України: 20-ті роки XX ст. Київ, 1999. С. 45–46.

[341] Там же. С. 35, 47–48.

[342] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2031. Л.1.

[343] Там же. Л. 1–2.

[344] Там же. Л. 3.

[345] Там же. Л. 2.

[346] Там же. Л. 37.

[347] Там же Л. 29.

[348] См.: *Васильєв В*. Політичне керівництво УРСР і СРСР: динаміка відносин центр–субцентр влади (1917–1938). Київ, 2014. С. 167–171.

[349] *Єфіменко Г., Якубова Л.* Національні відносини в радянській Україні (1923–1938) // Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 208.

[350] *Волобуєв М.* До проблеми української економіки // Більшовик України. 1928. № 3. С. 44.

[351] Там же. С. 49.

[352] Там же. С. 51.

[353] Там же. С. 59.

[354] Там же. С. 61.

[355] *Скрипник М.* З приводу економічної платформи націоналізму // Більшовик України. 1928. № 6. С. 46.

[356] Там же. С. 49.

[357] *Перчик Л*. Найновіша «теорія» радянської економіки // Більшовик України. 1928. № 6. С. 52.

[358] Украинская коммунистическая партия (УКП), основана в 1919 г. на базе вышедшего из Украинской социал-демократической рабочей партии левого крыла. Стояла на платформе украинского коммунизма (одной из разновидности национал-коммунизма).

[359] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 11.

[360] Там же. Л. 11 об.

[361] Там же. Л. 12 об., 18 об.

[362] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4127. Л. 40.

[363] Там же.

[364] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 71–72.

[365] Там же.

[366] *Борисенок Е.Ю.* Слово от редактора // Русские об Украине и украинцах. Под ред. Е.Ю. Борисенок. СПб., 2012. С. 5–6.

[367] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20-50 – ті роки XX ст. С. 19–20.

[368] Редакційна стаття у львівському щоденнику «Діло» «Інавгураційний виступ - з нагоди вступу на посаду консула СССР у Львові Ю. Лапчинського 7 червня 1928 р. // Україна - Польща 1920–1939 рр.: З історії дипломатичних відносин УССР з Другою Річчю Посполитою: Документи і матеріали. Київ, 2012. С. 345.

[369] *Кедрин І.* Життя–події–люди. Спомини і коментарі. Нью-Йорк, 1976. С. 97.

[370] *Соляр І.Я.* Радянофільство у Західній Україні // Український історичний журнал. 2009. № 1. С. 56–57.

[371] Там же. С. 57.

[372] *Чумак В.М.* Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. // Наукові записки Інститута політичних і етнонаціональних досліджень. 2001. Вип. 13: Схід і захід України: проблеми єднання. С. 188-189.

[373] Українська радикальна партія про радянську владу на Україні // Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 54.

[374] *Чумак В.М.* Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. С. 189–190; см. также: Програма і резолюції другого народного з'їзду Українського національно-демократичного об'єднання // Українська суспільно-політична думка в XX ст. У 3 т. Сучасність, 1983. Т. 2. С. 172–183.

[375] Там же. С. 190–191; см. также: *Мудрий В.* Наше відношення до Радянської України: Відбиток з «українського національного календаря». Перемишль, 1927.

[376] *Липинський В.* Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму. Нью-Йорк, 1954. С. 446–447; *Чумак В.М.* Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. С. 191–192.

[377] *Кучабський В.* Большевизм і сучасні завдання українського Заходу. Національно-політичні замітки. Львів, 1925. С. 64–65, 118–125; см. также: *Кучабський В.* Большевизм і сучасні завдання українського Заходу // Українська суспільно-політична

думка в XX ст. Т. 2. С. 107; *Чумак В.М.* Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. С. 192.

[378] *Чумак В.М.* Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. С. 193.

[379] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Русские об Украине и украинизации 1910–1930-х годов // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 362–414.

[380] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. Л. 79.

[381] Там же. Л. 79 об.

[382] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 12.

[383] Там же.

[384] Там же.

[385] Там же. Л. 13.

[386] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4171. Л. 19.

[387] Там же. Л. 21.

[388] Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. Київ, 2012. С. 154-155.

[389] Там же. С. 168.

[390] *Ідріс Н.* Антиукраїнські настрої у містах УСРР за доби «українізації» у 20 – на початку 30-х рр. XX ст. // Мандрівець. 2010. № 5. С. 36–39. С. 38.

[391] *Єфремов С.О.* Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997. С. 355.

[392] Там же. С. 386.

[393] Там же. С. 431.

[394] Там же. С. 155.

[395] Там же. С. 431.

[396] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Л. 216.

[397] ЦДАВОВУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 182. Л. 22.

[398] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 10.

[399] Там же.

[400] Там же.

[401] Там же. Л. 11.

[402] Там же. Л. 9.

[403] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 17.

[404] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 82.

[405] Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. С. 188.

[406] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 53–54.

[407] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 5.

[408] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 83.

[409] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А*. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50-ті роки XX ст. С. 44.

[410] Цит. по: Мейс Дж. Микола Хвильовий. С. 374.

[411] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6220. Л. 55.

[412] Там же. Л. 56.

[413] Там же.

[414] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А*. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50-ті роки XX ст. С. 39.

[415] Там же. С. 40.

[416] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 33.

[417] Там же. Л. 34.

[418] Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. С. 63.

[419] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2906. Л. 19. Письмо без даты, предположительно – 1929 г., подпись – К. Цыбульский, член партии с 1905 г.

[420] Имеется в виду русское и еврейское население городов Украины. В период индустриализации в украинские города прибыло немало выходцев из украинского села.

[421] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2631. Л. 33.

[422] Там же. Л. 34.

[423] Там же. Л. 38.

[424] К сожалению, документ не датирован. Предположительно относится к 1926 г.

[425] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2253. Лл. 91–92.

[426] Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 183. В цитате сохранен стиль источника.

[427] Там же.

[428] Там же.

[429] *Майстренко І.* Історія моего покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985. С. 204, 206.

[430] Там же. С. 207.

[431] За цілковиту українізацію! Чому треба вивчати українську мову та як її треба вивчати. Дніпропетровск, 1929. С. 11.

[432] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 17. Л. 35.

[433] Там же. Л. 31, 35.

[434] Там же. Л. 26.

[435] Там же. Л. 26–27.

[436] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 14. Л. 28.

[437] Там же. Л. 30.

[438] Там же. Л. 31.

[439] Там же. Л. 33.

[440] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 200.

[441] Там же.

[442] Там же. Л. 201.

[443] Там же.

[444] Там же.

[445] ЦДАВОВУ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 616. Лл. 38–39.

[446] Там же. Л. 39.

[447] Там же.

[448] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2253. Л. 20.

[449] Там же. Л. 21.

[450] Там же. Л. 22–23.

[451] Там же. Л. 24–24 об.

[452] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 4.

[453] Там же.

[454] Там же.

[455] Там же.

[456] Там же.

[457] Там же. Л. 4–5.

[458] Там же. Л. 5.

[459] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2247. Л. 3.

[460] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Пять портретов товарища Рыкова // Родина. 2012. № 7. С. 124–129.

[461] Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 606.

[462] Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 696.

[463] Материалы к докладу правительства Украины на второй сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР третьего созыва. Харьков, 1926. С. 193.

[464] *Якубова Л.* Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і – перша половина 30-х р. XX ст. Київ, 2006. С. 207.

[465] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* «Перевести делопроизводство на родной язык…» Избранные места из переписки в период активного проведения украинизации // Родина. 2014. № 1. С. 117–120.

[466] Слова Затонского, цит. по: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011. С. 59.

[467] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. С. 59.

[468] *Якубова Л.* Повсякденне життя етнічних меншин Радянської України у міжвоєнну добу. Київ, 2011. С. 71.

[469] Там же. С. 72.

[470] Третий съезд Советов СССР. Стенографический отчет. М., 1925. С. 275.

[471] Там же. С. 275.

[472] Там же. С. 277.

[473] Там же.

[474] Там же. С. 278.

[475] Там же.

[476] Там же. С. 279–280.

[477] Там же. С. 280.

[478] Там же.

[479] Там же.

[480] Там же. С. 281.

[481] Там же.

[482] Там же. С. 282.

[483] Там же. С. 292.

[484] Там же.

[485] Там же. С. 316

[486] Там же. С. 231.

[487] Вторая сессия ЦИК СССР Третьего созыва. Стенографический отчет. М., 1926. С. 401.

[488] Там же. С. 458.

[489] Там же. С. 460.

[490] Там же. С. 461.

[491] Там же. С. 462.

[492] Там же. С. 463.

[493] Там же. С. 464–465.

[494] Там же. С. 466.

[495] Там же. С. 467.

[496] Там же. С. 473.

[497] Там же. С. 474.

[498] Там же.

[499] Там же.

[500] Там же. С. 501.

[501] Там же. С. 517.

[502] Там же. С. 534.

[503] Там же. С. 505–506.

[504] Там же. С 507.

[505] Там же. С. 542.

[506] *Енукидзе А.С.* Итоги 2-й сессии ЦИК СССР 3-го созыва. М.–Л., 1926. С. 39.

[507] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2256. Л. 1.

[508] *Ларин Ю.* Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 1926. № 23–24. С. 50.

[509] Там же. С. 51.

[510] Там же.

[511] Там же. С. 53.

[512] Там же. С. 54.

[513] Там же. С. 55.

[514] Там же. С. 56–57.

[515] *Ларин Ю.* Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 1927. № 1. С. 60.

[516] Там же. С. 59–60.

[517] Там же. С. 61.

[518] Там же. С. 64.

[519] Там же. С. 65–68.

[520] Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. С. 37.

[521] Докладная записка заместителя секретаря ЦИК СССР Н.И. Пахомова в Президиум ЦИК СССР о Совещании представителей национальных меньшинств УССР. 19 января 1927 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 464.

[522] Там же.

[523] Там же.

[524] Там же. С. 465.

[525] Там же.

[526] Адміністріяльний поділ УСРР при 3-х ступневій системі врядування (за даними на 1 жовтня 1925 року). Харків, 1925. С. 87–89.

[527] Постановление совещания представителей национальных меньшинств УССР о работе среди русского населения на Украине. 19 января 1927 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 465.

[528] Материалы к докладу правительства Украины на второй сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР третьего созыва. С. 193.

[529] Постановление совещания представителей национальных меньшинств УССР о работе среди русского населения на Украине. 19 января 1927 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 465.

[530] *Черлюнчакевич Н.* Національні меншості на Україні // Більшовик України. 1926. № 4–5. С. 109.

[531] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2456. Л. 8.

[532] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 69–70.

[533] Резолюція ЦК КП(б)У про підсумки українізації // Вісті ВУЦВК. 1927 р., 19 квітня.

[534] Там же.

[535] Про забезпечення рівноправ'я мов і про сприяння розвитку української культури // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1927 рік. Харків, 1927. № 34. Арт. 157. См. также: Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 139–141.

[536] Україна в цифрах. 1927. Харків, 1927. С. 4. К какому месяцу 1927 года относятся эти цифры, не указано, однако предисловие датировано 22 июня 1927 г.

[537] *Єфіменко В***.** Створення російських національних районів УСРР // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки**:** Міжвідомчий збірникнаукових праць. Вип. 21. Київ, 2012. С. 89–91.

[538] Там же. С. 91–95.

[539] Довідник адмінтерподілу УСРР за станом на 15 грудня 1935 р. Київ, 1936. С. 210.

[540] *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900‒1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 97–98.

[541] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Проблема украинизации пролетариата в национальной политике 1920-х годов // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2012. М., 2012. С. 153–166.

[542] *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900‒1941). Стан і статус. С. 92–93.

[543] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2016. Л. 1–4.

[544] См. подробнее: *Годун Н.* Політична діяльність А. Хвилі в УСРР (1926–1936 рр.): функції і завдання головного цензора // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Міжвідомчий збірник наукових праць. Вип. 15. Київ, 2006. С. 155–167.

[545] *Хвыля А*. Национальный вопрос на Украине. Киев, 1926. С. 21.

[546] Там же. С. 69.

[547] Там же.

[548] Там же.

[549] Там же. С. 69.

[550] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 53.

[551] Там же. Л. 53об.

[552] Там же.

[553] *Кузьменко М.М.* Науково-педагогічна інтелігенція в УСРР 20–30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. Донецьк, 2004. С. 98.

[554] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 44.

[555] Там же. Л. 52 об.

[556] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 21, 30.

[557] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 85. Л. 25.

[558] Там же. Лл. 36–37

[559] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 137.

[560] *Васильєв В.* Політичне керівництво УРСР і СРСР: динаміка відносин центр-субцентр влади (1917–1938). С. 150.

[561] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 85. Л. 37.

[562] *Васильєв В.* Політичне керівництво УРСР і СРСР: динаміка відносин центр-субцентр влади (1917–1938). С. 150.

[563] *Панчук М.І.* «Націонал-ухильництво». Анатомія проблеми // Маршрутами історії. Київ, 1990. С. 221–222; На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953). М., 2008. С. 24.

[564] *Сталин И.В.* Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 8. М., 1948. С. 149–150.

[565] Там же.

[566] Там же. С. 151.

[567] Там же.

[568] Там же.

[569] Там же. С. 152.

[570] Там же.

[571] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 22–23.

[572] Там же.

[573] Там же. Л. 23.

[574] Там же. Л. 26.

[575] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 113. Л. 20.

[576] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 21, 30.

[577] Там же. Лл. 21, 30.

[578] *Васильєв В.* Політичне керівництво УРСР і СРСР: динаміка відносин центр-субцентр влади (1917–1938). С. 151.

[579] Там же. С. 152.

[580] Письмо членов Политбюро ЦК КП(б) Украины И.В. Сталину об обвинениях, выдвигаемых А.Я. Шумским, в адрес украинского руководства. Позднее 12 мая 1926 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 399.

[581] Там же.

[582] Там же. С. 400.

[583] Там же.

[584] Каганович просил перенести встречу на следующий день, 23 мая, аргументируя тем, что ему нужно готовиться к заседанию политбюро. О своей встрече с Шумским Каганович в письменном виде уведомил членов украинского политбюро (Записка секретаря ЦК КП(б)Украины Л.М. Кагановича членам Политбюро ЦК КП(б) Украины о беседе с А.Я. Шумским. 25 мая 1926 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 402).

[585] Записка секретаря ЦК КП(б)Украины Л.М. Кагановича членам Политбюро ЦК КП(б) Украины о беседе с А.Я. Шумским. 25 мая 1926 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 402–403.

[586] Там же. С. 403.

[587] *Шаповал Ю.І.* Л.М.Каганович на Україні // Український історичний журнал. 1990. № 8. С. 69.

[588] *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. С. 383.

[589] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 107. Л. 12–13.

[590] Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. С. 650.

[591] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 107. Л. 18–19, 22, 24.

[592] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. Л. 141 об.

[593] Там же. Л. 142.

[594] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 107. Л. 57 об.

[595] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 107. Л. 59 об.

[596] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 209. Л. 1.

[597] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. 143 об.

[598] *Васильєв В.* Політичне керівництво УРСР і СРСР: динаміка відносин центр-субцентр влади (1917–1938).С. 154.

[599] Там же.

[600] Там же. С. 155.

[601] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 117.

[602] *Шумський О.* Ідеологічна боротьба в українськом у культурноу процесі // Більшовик України. 1927. № 1. С. 14.

[603] *Скрипник М.* Хвильовизм чи шумськизм? // Більшовик України. 1927. № 1. С. 26.

[604] Там же. С. 29.

[605] Там же. С. 33.

[606] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 106. Л. 13–13 об.

[607] *Ваганян В.А*. О национальной культуре. М.; Л., 1927. С. 49, 51.

[608] Там же. С. 58–59.

[609] Там же. С. 60–61.

[610] Там же. С. 120.

[611] Там же. С. 121.

[612] Там же. С. 129.

[613] Там же. С. 129–130.

[614] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 113. Л. 31–32.

[615] Там же. Л. 26–28.

[616] Там же. Л. 29–30.

[617] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 121. Л. 18.

[618] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 144.

[619] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 253. Л. 13.

[620] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 107. Л. 167.

[621] Там же. Л. 159–160.

[622] *Максимович К.* Заява на березневому Пленумі ЦК КП(б)У 1927 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 113–114.

[623] Постанова пленуму ЦК КПЗУ // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 116–117.

[624] См. *Сливка Ю.Ю*. Сторінки історії КПЗУ. Львів, 1989. С. 21–92; *Чумак В*. Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. С. 186–187.

[625] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2479. Л. 4.

[626] Там же.

[627] Там же. Л. 11.

[628] Резолюция ЦК КП(б) Украины о позиции компартии Западной Украины в национальном вопросе. 16 мая 1927 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 494.

[629] Там же. С. 494–495.

[630] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 9. Л. 53а.

[631] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2485. Лл. 36.

[632] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2455. Лл. 56.

[633] Там же. Л. 64.

[634] Там же. Л. 65.

[635] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2479. Л. 51.

[636] Там же. Л. 79.

[637] Из протокола № 9 (Особый № 9) заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 9 февраля 1928 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 505.

[638] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 108. Л. 10.

[639] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 171.

[640] См.: Из протокола № 26 (Особый № 25) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 24 мая 1928 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 528–529.

[641] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 135. Л. 180.

[642] Там же. Л. 199.

[643] Там же. Л. 163.

[644] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 124. Л. 28.

[645] Там же. Л. 28.

[646] Там же.

[647] Там же. С. 35.

[648] Там же. Л. 55.

[649] *Мейс Дж., Солдатенко В.Ф.* Національне питання у житті й творчості Миколи Скрипника // Український історичний журнал. 1996. № 3. С. 136.

[650] Двенадцатый съезд РКП/б/. 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. С. 43

[651] Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 42–43.

[652] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 326.

[653] Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б) // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 гг. Т. 4. М. 1990. С.143–145.

[654] *Мельниченко В.Е.* Раковский против Сталина. М., 1991. С.17.

[655] Там же. С. 18.

[656] *Мейс Дж., Солдатенко В.Ф.* Національне питання у житті й творчості Миколи Скрипника. С. 136.

[657] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 107. Лл. 250–251.

[658] Там же. Л. 251.

[659] Там же.

[660] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 115. Л. 159.

[661] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 120. Л. 42. В тексте сохранена орфография оригинала.

[662] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 9. Л. 139.

[663] Там же.

[664] Там же.

[665] *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. С. 382.

[666] *Чуев Ф.И.* Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. С. 53.

[667] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 106. Л. 13.

[668] Там же. Л. 15–16.

[669] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 8. Л. 133.

[670] Там же. Л. 243.

[671] *Затонський В.* Матеріяли до українського національного питання // Більшовик України. 1927. № 6. С. 15.

[672] Там же. С. 16.

[673] Там же. С. 18–19.

[674] Національне питання на Україні та опозиція // Більшовик України. 1927. № 10. С. 4.

[675] Там же. С. 5.

[676] *Хвиля А*. Ларінська русотяпська «практика» // Більшовик України. 1927. № 11. С. 69.

[677] Там же. С. 74–75.

[678] Там же. С. 75.

[679] *Юринець В.* Національне питання на X з’їзді КП(б)У // Більшовик України. 1927. № 15. С. 51.

[680] *Юринець В*. Про націоналістичні ухили в комуністичній партії Західної України // Більшовик України. 1927. № 9. С. 15.

[681] Проти зрадників! Проти розбивачів! (До розколу в КПЗУ) // Більшовик України. 1928. № 5. С. 3.

[682] *Вікул С.* До коріння націоналізму та опортунізму в КПЗУ // Більшовик України. 1928. № 5. С. 10.

[683] *Гірчак Є*. Шумськизм і розкол у КПЗУ // Більшовик України. 1928. № 5. С. 40.

[684] *Каганович Л.* Розлам в КПЗУ і національна політика КП(б)У // Більшовик України. 1928. № 6. С. 17.

[685] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. М., 1961. С. 716–718.

[686] Там же. С. 720.

[687] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 15. Л. 74 об.

[688] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 115. Л. 139–140.

[689] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 18. Л. 103.

[690] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 115. Л. 160.

[691] Докладная записка Организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б) в ЦК ВКП(б) о практике национализации советских, партийных, профессиональных и кооперативных аппаратов. 16 сентября 1927 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. С. 520–521.

[692] Там же. С. 504.

[693] Там же. С. 505.

[694] Там же. С. 508.

[695] Там же.

[696] Там же. С. 511–512.

[697] Там же. С. 512.

[698] Там же.

[699] Там же. С. 513.

[700] Про забезпечення рівноправ'я мов і про сприяння розвитку української культури // Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1927 рік. Харків, 1927. № 34. Арт. 157. См. также: Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 142–143.

[701] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 5.

[702] Докладная записка Организационно-распределительного отдела ЦК ВКП(б) в ЦК ВКП(б) о практике национализации советских, партийных, профессиональных и кооперативных аппаратов. 16 сентября 1927 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. С. 513.

[703] Там же.

[704] Там же. С. 513–514.

[705] Там же. С. 516.

[706] Там же. С. 517.

[707] Там же.

[708] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 108. Л. 53.

[709] *Васильєв В.* Політичне керівництво УРСР і СРСР: динаміка відносин центр-субцентр влади (1917–1938). С. 181.

[710] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 108. Л. 63.

[711] Там же. Л. 66.

[712] Там же. Л. 70.

[713] Там же. Л. 79.

[714] Там же. Л. 84.

[715] *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. С. 392.

[716] *Шубин А.В.* Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 160.

[717] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 136. Л. 2.

[718] Там же. Л. 3.

[719] Там же. Л. 4.

[720] Там же. Л. 12.

[721] Там же. Л. 30.

[722] История России. XX век / А.Н. Боханов, М.М. Горинов, В.П. Дмитренко и др.; отв ред. В.П.Дмитренко. М., 2001. С. 323.

[723] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 148.

[724] *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х – 1930-х гг.). С. 512.

[725] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. С. 141–142.

[726] *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х – 1930-х гг.). С. 508–514.

[727] Там же. С. 219–221. В ноте речь шла также и о X Всебелорусском съезде Советов.

[728] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. С. 139.

[729] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 23. Л. 28.

[730] Там же.

[731] Там же.

[732] Там же.

[733] Там же. Л. 14.

[734] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 31. Л. 134.

[735] Там же. Л. 136–137.

[736] Любопытно, что в 1927–1928 гг. министр иностранных дел УНР Р. Смаль-Стоцкий информировал британского представителя о наличии разведывательной сети в УССР, которая действовала под патронажем II Отдела Генштаба Польши. Смаль-Стоцкий утверждал, что его опорами являются Церковь, кооперативные общества и Академия наук. См. *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х – 1930-х гг.). С. 504.

[737] *Цвілюк С.А.* Українізація України: Тернистий шлях національно-культурного відродження доби сталінізму. С. 85.

[738] *Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934. Київ, 1996. С. 231.

[739] *Пиріг Р.Я.* Життя М.Грушевского: останнє десятиліття (1866–1934). Київ, 1993. С. 118.

[740] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20–50 –ті роки XX ст. С. 98.

[741] См.: *Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934. Київ, 1996.

[742] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. С. 334–335.

[743] Там же.

[744] Там же. С. 333.

[745] *Перчик Л.* Ухили в партії та національне питання // Більшовик України. 1929. № 13. С. 29–31.

[746] *Гірчак Є.* Проти ревізії ленінізму в національному питанні (відповідь т. Перчику) // Більшовик України. 1929. № 13. С. 32.

[747] Там же. С. 42.

[748] *Хвиля А.* Про одну спробу ревізії ленінізму // Більшовик України. 1929. № 19. С. 27.

[749] Там же. С. 32.

[750] *Гехтман І.* До проблеми національної культури (З приводу доповіді т. С. Діманштейна в Комакадемії) // Більшовик України. 1929. № 21–22. С. 107–108.

[751] Там же. С. 113.

[752] *Сенченко Ан.* Національне питання в період розгорнутого соціялістичного наступу на всьому фронті // Більшовик України. 1930. № 17. С. 48–49.

[753] Там же. С. 52.

[754] *Солдатенко В.Ф.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. Київ, 2002. С. 149–150.

[755] Там же. С. 163.

[756] Там же. С. 160.

[757] Там же. С. 158.

[758] Там же. С. 159.

[759] Там же. С. 173.

[760] *Скрипник М.* Лінія освітньої роботи в будуванні соціялізму (промова на Всеукраїнської нараді профспілкових бібліотечних робітників 7 березня 1927 р. // М. Скрипник. Статті й промови. Харьків, 1930. Т. IV. Ч. 1. Питання соціялістичної освіти. Харків, 1930. С. 10.

[761] Там же.

[762] *Скрипник М*. Нові лінії в національно-культурному будівдництві. Харків, 1930. С. 27

[763] Там же.

[764] Там же. С. 22.

[765] Там же. С. 26.

[766] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 144.

[767] *Шевельов Ю*. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900-1941). Стан і статус. С. 97

[768] Микола Скрипник. Перебудовними шляхами // Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду. Документи і матеріали. Київ, 2005. С. 49; В. Стремецкая, основываясь на данных национальной переписи рабочих и служащих Украины в октябре–ноябре 1929 г., приводит другие цифры: в 1926 г. на Украине было 49,9% рабочих-украинцев, в 1929 г. эта цифра увеличилась до 57,2%. См. *Стремецька В.О.* Участь профспілок в українізаційних процессах на півдні України в 1920-ті роки // Наукові записки Національного університету «Києво-Могилянська академія». Т. 19. Ч. 1. Київ, 2001. С. 150.

[769] *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 208.

[770] Там же. С. 209

[771] Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 3: Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. М., 2000. С. 406.

[772] *Скрипник М.* Про кордони УРСР // Статті й промови. Харків, 1929. Т. 2. Ч. 1. С. 316.

[773] Там же. С. 317.

[774] Из протокола № 4 (Особый № 4) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 5 января 1928 г. // Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. С. 499.

[775] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20–50-ті роки XX ст. С. 54–57.

[776] Там же. С. 68.

[777] См. подробнее: Там же. С. 51–52, 78–80, 84.

[778] Там же. С. 72.

[779] Там же. С. 74–79.

[780] Там же. С. 78.

[781] Там же.

[782] Там же. С. 281.

[783] Там же. С. 83.

[784] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С 130–131.

[785] *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині XX століття (1900–1941). Стан і статус. С. 106.

[786] На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения. С. 213.

[787] *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині XX століття (1900–1941). Стан і статус. С. 108.

[788] Українська державність у XX столітті. Історико-політологічний аналіз. Київ, 1996. С. 37.

[789] См. подробнее: Політичний терор і тероризм в Україні: XIX–XX ст. історичні нариси. Київ, 2002. С. 267.

[790] Там же.

[791] Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928 - 1929 гг.: В 5 т. Т. 2: Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. М., 2000. С. 20-21.

[792] Там же. С. 567–568.

[793] Там же. С. 568.

[794] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 13.

[795] Там же. Л. 18–19.

[796] Там же. Л. 19.

[797] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 314. Л. 202.

[798] Там же. Л. 202 об.

[799] Как ломали НЭП: стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 5: Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г. М., 2000. С. 500.

[800] Скорочена доповідь Народнього Комісара Освіти України т. Скрипника М. На VII Всесоюзному з'їзді робітників освіти СРСР) // Більшовик України. 1929. № 7–8. С. 45.

[801] Там же. С. 46.

[802] Там же. С. 46–47.

[803] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 89, 91,102.

[804] Там же. С. 94, 96.

[805] Там же. С. 102.

[806] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 146, 181.

[807] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 109.

[808] Там же. С. 140.

[809] *Шевельов Ю.* Україньска мова в першій половині ХХ століття (1900–1941). Стан і статус. С. 95.

[810] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 143.

[811] *Шевельов Ю.* Україньска мова в першій половині ХХ століття (1900–1941). Стан і статус. С. 96.

[812] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 147–149.

[813] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. Київ, 1997. С. 169.

[814] Там же. С. 173.

[815] Там же.

[816] *Кульчицький С.В.* Україна між двома війнами (1921–1939 рр.). Київ, 1999. С. 120.

[817] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. С. 141–142.

[818] Там же. С. 135, 195.

[819] Там же. С.135.

[820] Там же. С. 155–156.

[821] Там же. С. 160,162.

[822] Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. С. 486.

[823] Там же.

[824] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. С. 154–155.

[825] Там же. С. 154.

[826] *Кульчицький С.В.* Україна між двома війнами (1921–1939 рр.). С. 214.

[827] Там же. С. 288.

[828] Там же.

[829] Там же.

Глава 3
Судьба проектов решения украинского вопроса в 1930-е годы и объединение украинских земель

§ 1. Кризис хлебозаготовок и отказ от планов всеобщей украинизации в 1932 г.

Методы управления советской общественной системой, апробированные на рубеже 1920-х – 1930-х голов, получили свое дальнейшее развитие. Предпринятая большевиками индустриализация проводилась жесткими методами и требовала не менее жесткого контроля за исполнением принятых центральным руководством решений. Ситуацию в экономике обостряли продовольственный кризис и кризис торговли с зарубежными странами. В годы мирового экономического кризиса (1929–1933 гг.) цены на сельскохозяйственную продукцию на мировом рынке падали быстрее, чем цены на промышленные изделия. Это было крайне невыгодно СССР: хотя экспорт зерна в 1930–1931 гг. вырос, он не мог покрыть стоимость импорта, и в этой ситуации выполнение плана хлебозаготовок становилось проблемой первостепенной важности.

Упорное сопротивление украинского крестьянства коллективизации в сочетании со все возрастающими аппетитами центрального партийного руководства в хлебозаготовительных кампаниях обусловили повышенное внимание Москвы к украинской ситуации. Особое недовольство украинского крестьянства вызывали все возраставшие хлебозаготовительные нормы. Местные партийные и советские организации не всегда справлялись с возложенными на них задачами. Если затруднения вызвал план в 265 миллионов пудов хлеба в хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг., то план 1931–1932 гг. в 510

миллионов пудов[1] оказался непосильным для украинского крестьянства и вызвал небывалый голод 1932–1933 гг.

В конце февраля 1932 г. глава ВУЦИК Г.И. Петровский предложил Политбюро ЦК КП(б)У «написать обстоятельную записку ЦК ВКП(б)» о имеющихся трудностях и о «фактах острого недостатка продовольствия для населения и кормов для скота»[2]. 15 марта генеральный (с 1934 г. – первый) секретарь КП(б)У С.В. Косиор направил в ЦК ВКП(б) телеграмму, и на следующий день И.В. Сталин на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) ее огласил[3]. Политбюро сочло, что «положение с семенами на Украине во много раз хуже того, чем это следует из телеграммы т. Косиора» и предложило ЦК КП(б)У «принять все зависящие от него меры к тому, чтобы была предотвращена угроза срыва сева на Украине»[4].

Харьковское руководство попыталось улучшить ситуацию за счет организационно-хозяйственного укрепления колхозов», создания постоянных производственных бригад с оплатой их участников в зависимости от качества и результатов работы, ликвидации задолженности колхозам со стороны заготовительных организаций и т.п.[5] Однако спасти положение не удавалось. Проведение посевной кампании было под угрозой. С 19 марта по 19 апреля 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) пять раз принимало решения предоставить Украине семенную ссуду ячменем из государственных запасов, находившихся на территории Украины, ввезти семена из резервов СНК СССР в Западной и Центрально-Черноземной областях, выделить Украине из государственного сортового фонда семена овса, пшеницы, проса, гречихи[6]. При этом С.В. Косиор уверял Сталина, что «всякие разговоры о «голоде» на Украине нужно категорически отбросить», есть только «отдельные случаи и даже отдельные села голодающие», и оказанная Украине помощь даст возможность «все такие очаги ликвидировать»[7].

6 мая ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР решили снизить общесоюзные планы заготовок зерна и других сельскохозяйственных культур (Украине план был уменьшен только на 18 %, поскольку республика была одним из главных производителей зерна[8]), а 24 мая Политбюро ЦК ВКП(б) предложило «группе товарищей – Яковлеву, Микояну, Марковичу, Одинцову – во главе с т. Молотовым» выехать на Украину и «совместно с ЦК КП(б)У принять все необходимые меры для максимального развертывания посевной кампании»[9]. 26 мая комиссия В.М. Молотова отправила в Москву телеграмму о положении с севом на Украине, и политбюро ЦК ВКП(б) постановило выдать Украине семенную ссуду, дополнительную продовольственную ссуду и дополнительно отпустить 400 тракторов[10].

Между тем, украинские руководящие работники выехали в районы для организации посевной кампании. 10 июня 1932 г. Сталину и Молотову были отправлены два письма: одно – от председателя ВУЦИК Г.И. Петровского, второе – от председателя СНК УССР В.Я. Чубаря. Петровский писал: «По-моему, взявшись выполнить 510 млн пудов хлебозаготовки на Украине, ЦК КП(б)У виноват в том, что он без возражения это сделал, подчиняясь повелительной необходимости сохранить взятые нами темпы социалистического строительства, а также учитывая напряженное состояние международного положения… Однако мы знали, что выполнение хлебозаготовок на Украине будет нелегкое, но то, что я теперь увидел на селе, говорит за то, что в этом деле сильно переборщили у нас, перестарались»[11]. Петровский признал, что «порядочная часть села охвачена голодом», «на почве суровой хлебозаготовки уйма искривлений на селе, грубость, безобразия, особенно в отношении единоличников, середняков»[12], «колхозы и парторганизации на селе переживают сейчас из-за голода особые трудности в борьбе с кулачеством, так как кулак оживился»[13]. Петровский просил рассмотреть

«все способы и средства, чтобы оказать срочную продовольственную помощь украинскому селу хлебом и дать возможно скорее гречки на посев, чтобы перекрыть незасеянное». При этом Петровский указывал, что письмо написал в Прилуках, а в Харькове «никого не застал» и посылает письмо без уведомления Косиора и других членов Политбюро[14].

Чубарь в своем письме признавал: «Ваши упреки в том, что мы, украинцы, не знаем, что делается на селе и что мы не занимались как следует селом, целиком и полностью справедливы. Оптимистическая оценка положения нашего села перед посевной кампанией была ошибочной…»[15]. Чубарь писал, что минимум 100 районов в УССР нуждается в продовольственной помощи и срывает план весеннего сева[16]. Он ссылался на общую непосильность плана хлебозаготовок, более низкий урожай по Украине в целом и колоссальные потери при уборке, слабую трудовую дисциплину, и оказанная ЦК ВКП(б) помощь оказалось недостаточной для ликвидации голода[17]. Кроме того, Чубарь указывал на перегибы в руководстве хозяйственными кампаниями и нарушения революционной законности[18]. В результате «кулацкие элементы, разгромленные в основном в 1930 г., но не высланные с мест, получили для комплектования своих сторонников значительные количества обиженных середняков и бедноты. Возросли петлюровские и другие антисоветские настроения»[19].

Сталин, находившийся в это время на отдыхе в Сочи, высказал озабоченность сложившейся ситуацией на Украине в ряде писем, написанных им летом 1932 г. Активная переписка велась с Кагановичем и Молотовым. 12 июня Каганович послал Сталину письма Чубаря и Петровского, причем Лазарю Моисеевичу особенно не понравилось письмо «всеукраинского старосты». «Письмо Чубаря носит более деловой и самокритический характер, в нем нет такой гнили, какая есть в письме Петровского, – негодовал Каганович. – Петровский с первых же строк

начинает сваливать вину на ЦК ВКП(б), заявляя, что он «понимал необходимость выполнения директив ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках», как будто они не могли поставить в ЦК ВКП(б) своевременно и честно все их вопросы»[20]. В письме же Чубаря содержался намек на других «виновных» – кулаков и петлюровцев, что представлялось чрезвычайно удобным для поиска оправданий просчетов в аграрной политике партии. Именно «антисоветские элементы», проникнувшие в колхозы из-за потери революционной бдительности местных парторганизаций, позднее, в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. были назначены ответственными за срыв хлебозаготовок.

15 июня Сталин писал Кагановичу, что письма Чубаря и Петровского ему не понравились: «Первый разводит «самокритику» – чтобы получить из Москвы новые миллионы пудов хлеба (здесь и далее подчеркнуто в текстах письма – *Е.Б.*), второй играет святошу, отдавшего себя в жертву «директиве ЦК ВКП», чтобы добиться сокращения плана хлебозаготовок. Ни то, ни другое неправильно. Чубарь ошибается, если он думает, что самокритика нужна не для мобилизации сил и средств Украины, а для получения «помощи» извне. По-моему, Украине дано больше, чем следует. Дать еще хлеба незачем и неоткуда. Самое плохое в этом деле – молчание Косиора. Чем объяснить это молчание. Знает ли он о письмах Чубаря–Петровского?»[21].

Тем не менее, 16 июня Политбюро ЦК ВКП(б) издало постановление о продовольственной помощи УССР, решив отпустить овес (2000 тон из неиспользованной семссуды) и кукурузу (100 тыс. тонн из отпущенной на посев для Одесской области, но неиспользованной по назначению) на продовольственные нужды, хлеб на продовольственные нужды для свекловичных совхозов и колхозов[22]. Впрочем, в телеграмме от 21 июня Сталин и Молотов предупредили ЦК КП(б)У о необходимости быть готовыми к проведению хлебозаготовительной кампании, а 23 июня

Политбюро отказало Косиору в просьбе о дополнительной помощи Украине[23]. Между тем, ЦК ВКП(б) пришло к мнению, что на 21 июня 1932 г. четыре области Украины нуждались в экстренной продовольственной помощи[24].

18 июня Сталин направил Кагановичу и Молотову новое письмо. Анализируя причины создавшейся ситуации на Украине, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) указывал на плохую организованность хлебозаготовительной кампании, проводившейся по принципу уравниловки, «без учета положения в каждом отдельном районе, без учета положения в каждом отдельном колхозе»: «В результате этого механически-уравниловского отношения к делу получилась вопиющая несообразность, в силу которой на Украине, несмотря на неплохой урожай, ряд урожайных районов оказался в состоянии разорения и голода...»[25] По мнению генерального секретаря, партийное руководство на местах было виновно в создавшейся ситуации: «Я уже не говорю о том, что ряд первых секретарей (Украина, Урал, отчасти Нижегородский край) увлекся гигантами промышленности и не уделил должного внимания сельскому хозяйству, забыв, что без систематического подъема сельского хозяйства не может быть у нас и подъема промышленности»[26]. В.В. Кондрашин считает, что позиция Сталина в отношении УССР стала меняться после того, как ему «сообщили, что руководители Украины пытаются свалить вину за возникшие трудности на ЦК ВКП(б), а украинские колхозники, вместо благодарности за оказанную помощь, бросают колхозы»: «от практики предоставления продовольственных ссуд Сталин переходит к политике установления жесткого контроля над сельским населением»[27]. Вполне возможно, что письма Чубаря и Петровского имели отнюдь не те последствия, на которые рассчитывали руководители УССР, и письмо Кагановича сыграло в этом немалую роль.

Ответственность за срыв хлебозаготовительной кампании Сталин возлагал на украинское руководство, особенно генерального секретаря ЦК КП(б)У С.В. Косиора и главу СНК УССР В.Я. Чубаря. «Обратите серьезнейшее внимание на Украину, – писал Сталин Кагановичу и Молотову 2 июля 1932 г., – Чубарь своей разложенностью... и оппортунистическим нутром и Косиор своей гнилой дипломатией (в отношении ЦК ВКП) и преступно-легкомысленным отношением к делу – загубят вконец Украину. Руководить нынешней Украиной не по плечу этим товарищам»[28].

Сталин продумывал варианты кадровых изменений в политическом руководстве Украины: «У меня создается впечатление (пожалуй, даже убеждение), что придется снять с Украины обоих, – и Чубаря, и Косиора. Возможно, что я ошибаюсь...»[29]

Сталин был недоволен руководством УССР, тем не менее, кадровые перестановки, он пока решил не делать. В июле (не позднее 15 числа) он писал Кагановичу и Молотову: «Дело с Украиной, как видно, обстоит не важно. Заменить Косиора можно было бы лишь Кагановичем. Других кандидатур не видно. Микоян не подходит не только для Украины, он не подходит даже для Наркомснаба (безрукий и неорганизованный «агитатор»). Но направлять сейчас Кагановича на Украину нельзя (нецелесообразно!) ослабнет секретариат ЦК. Приходится выжидать некоторое время. Что касается Чубаря, то его можно оставить пока и посмотреть, как он будет работать»[30].

Между тем в Харькове 6 июля 1932 г. начала работать III конференция КП(б)У, которая должна была рассмотреть вопрос «Об итогах весенней посевной кампании, о хлебозаготовительной и уборочной кампании и задания организационно-хозяйственного укрепления колхозов». Доклад делал Косиор, его доклад обсуждался на пяти из шести заседаний конференции[31]. В конференции выступали также Молотов и

Каганович: на их участии настаивал Сталин. «Если поедете на украинскую конференцию (я на этом настаиваю), – примите там все меры к тому, чтобы переломить настроения работников, изолировать плаксивых и гнилых дипломатов (невзирая на лица!) и обеспечить подлинно большевистские решения конференции», – писал Сталин Молотову и Кагановичу 2 июля[32]. В своем выступлении Каганович призывал к тому, чтобы «целиком выполнить план хлебозаготовок, решительно перебарывая все и всяческие демобилизационные, а часто капитулянтские, правооппортунистические настроения». Молотов критиковал райкомы партии и ЦК КП(б)У, их попытки свалить «отрицательные факты последней хлебозаготовительной кампании на Украине на «внешние» причины, на размер хлебозаготовительного плана и т.п.[33] Отчитываясь Сталину, Молотов и Каганович указывали в письме 6 июля, что все члены политбюро ЦК КП(б)У высказались за снижение плана, но Косиор в докладе на конференции (в отличие от заявления на политбюро) защищал позицию выполнения плана[34].

7 июля вышло постановление об организации хлебозаготовок в 1932 году. ЦК ВКП(б) потребовал «решительной борьбы с правоуклонистскими демобилизационными настроениями и, с другой стороны, с левацкими перегибами в подходе к крестьянским массам» и обращал внимание парторганизации Украины «на борьбу с этими оппортунистическими настроениями», требовал мобилизации всех сил «для полного выполнения плана хлебозаготовок». При этом ответственность «за успехи и недочеты в хлебозаготовках» возлагалась лично на первых секретарей парторганизаций хлебозаготовительных районов[35].

Таким образом, сталинское руководство демонстрировало намерение добиться выполнения плана хлебозаготовок, соответствующим образом настраивая местное руководство. Именно поэтому Сталин решил пока не афишировать возможность снижения плана. 25 июля 1932 г. он сообщил

Кагановичу: «Вчера я писал Вам шифровкой о частичном сокращении плана хлебозаготовок для особенно пострадавших колхозов и индивидуалов Украины. Возможно, что после речей на совещании секретарей (конец июня) и украинской партконференции мое предложение показалось вам (и Молотову) странным. Но здесь нет ничего странного. Конец июня (совещание секретарей) и начало июля (украинская партконференция) были периодом организации хлебозаготовок и расстановки сил для выполнения плана хлебозаготовок. Говорить в этот период о сокращении плана (хотя бы виде исключения) на глазах у всех и в присутствии областных секретарей – значит деморализовать окончательно (и так уже деморализованных) украинцев, дезорганизовать областных секретарей и сорвать хлебозаготовки. Так было дело в конце июня и в начале июля. Другое дело – половина августа или конец августа»[36]. Каганович был со Сталиным совершенно согласен, о чем писал ему 27 июля: «Я считаю Ваше предложение о снижении плана [хлебозаготовок] для Украины, в особенности для Правобережья, особенно пострадавшего, совершенно правильным. … Я думаю, что сейчас не надо еще говорить украинцам об этом. Заготовки в целом идут пока неважно. Дело подходит к августу, и нам надо будет более бдительно смотреть за работой областей и тверже регулировать»[37].

Как отмечает В.В. Кондрашин, сталинское руководство, желая подстраховаться «от крестьянской хитрости», засекретило «принятые постановления о некотором снижении запланированных квот», и крестьяне не были уведомлены об этом[38]. Но сталинская стратегия «дала совершенно иной результат»: убедившись в невозможности снижения планов хлебозаготовок, крестьяне начали оказывать сопротивление вывозу из деревень выращенного хлеба[39]. Ко всему прочему, 7 августа 1932 г. ЦИК СССР и СНК СССР приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении

общественной (социалистической) собственности», предусматривавшее строгую ответственность (расстрел с конфискацией имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией) за расхищение государственной собственности, к числу которой было приравнено имущество колхозов и кооперативов[40].

В июле план хлебозаготовок на Украине не был выполнен. Как пишет В. Васильев, «к 31 июля заготовили всего 48 тыс. тонн зерна (в 1931 г. – 336 тыс. тонн)»[41]. Вину за создавшуюся ситуацию Сталин по-прежнему склонен был возлагать на местное руководство. Анализируя положение в украинской парторганизации, Сталин счел контроль ЦК КП(б)У за действиями низовых ячеек явно недостаточным. «Самое главное сейчас Украина. Дела на Украине из рук вон плохи. Плохо по партийной линии, – писал Сталин Кагановичу 11 августа 1932 г., – Говорят, что в двух областях Украины... около 50-ти райкомов высказались против плана хлебозаготовок, признав его нереальным»[42]. Попытка Косиора отыскать компромисс в сложившейся ситуации вызвала бурю негодования у генерального секретаря ВКП(б): «На что это похоже? Это не партия, а парламент, карикатура на парламент. Вместо того, чтобы руководить районами, Косиор все время лавировал между директивами ЦК ВКП и требованиями райкомов и вот – долавировался до ручки»[43]. Сталин отрицательно оценивал не только деятельность Косиора, но и других руководителей УССР: «Плохо по линии советской. Чубарь – не руководитель. Плохо по линии ГПУ. Реденсу не по плечу руководить борьбой с контрреволюцией в такой большой и своеобразной республике, как Украина»[44].

Срыв хлебозаготовительной кампании повлек серьезные политические выводы. Сталин особое внимание уделял возможному влиянию внешних факторов на Украину: «Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в

виду, что Пилсудский не дремлет, его агентура на Украине во много раз сложнее, чем думает Реденс[45] или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тыс. членов, хе-хе)[46], обретается не мало (да, не мало!) гнилых элементов.., наконец – прямых агентов Пилсудского»[47].

В этом же письме Сталин изложил свой план по «выправлению» ситуации в УССР: «Так дальше продолжаться не может. Нужно: а) взять из Украины Косиора и заменить его Вами с оставлением Вас секретарем ЦК ВКП(б); б) вслед за этим перевести на Украину Балицкого на пост преда украинского ГПУ (или ПП Украины, так как должность преда ГПУ Украины, кажется, не существует) с оставлением его замом председателя ОГПУ, а Реденса сделать замом Балицкого по Украине; в) через несколько месяцев после этого заменить Чубаря другим товарищем, скажем, Гринько или кем либо другим, а Чубаря сделать замом Молотова в Москве (Косиора можно сделать одним из секретарей ЦК ВКП); г) поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть»[48]. Сталин испытывал сильные эмоции при написании этого письма. По-видимому, немного остыв, он решил держать свой план в секрете и не афишировать его, о чем буквально на следующий день попросил Кагановича в следующем письме[49].

Оценка Сталиным положения в украинской парторганизации поддерживалась и другими членами ЦК. «Беда в том, что среди части актива (КП(б)У – *Е.Б.*) вопрос о хлебозаготовках… перерос в вопрос об отношении к политике партии, – писал Каганович Сталину 16 августа 1932 г. – Теория, что мы, украинцы, невинно пострадавшие, создает солидарность и гнилую круговую поруку не только в среднем звене, но и в верхушке. Я считаю, что независимо даже от оргвыводов, наступил момент, когда ЦК ВКП(б) должен официально в политическом документе дать оценку и призвать организацию к решительному перелому…»[50].

18 августа Политбюро ЦК ВКП(б) приняло предложение Сталина о сокращении плана хлебозаготовок на Украине на 40 млн пудов «в виде исключения для особо пострадавших районов Украины с тем, чтобы колхозам особо пострадавших районов снять половину плана, а индивидуалам – треть». Косиор был срочно вызван в Москву[51]. Однако выполнить план хлебозаготовок так и не удалось: в октябре план по СССР был выполнен на 57 %[52], годовой план заготовок по УССР на 25 октября – на 39 %[53].

Уже летом 1932 г. стало очевидным изменение настроения Сталина к Украине. Укрепившему свое положение в руководстве страны «вождю народов» уже не была столь необходима поддержка со стороны украинской парторганизации во внутрипартийной борьбе. Гораздо важнее теперь было четкое исполнение поставленных Сталиным перед КП(б)У задач, тем более что, как и ранее, «украинский фактор» оказывал существенное влияние на развитие отношений с Польшей: «В советских руководящих кругах продолжала господствовать уверенность в том, что старая «федералистская программа» Пилсудского остается основным вектором польской политики»[54].

Осенью Сталин принял решение усилить влияние центра в республике путем коренного обновления всего украинского партаппарата – снизу доверху. 16 сентября И.А. Акулов, работавший первым заместителем председателя ОГПУ СССР, был назначен первым секретарем Донецкого обкома. В октябре «укрепление» парторганизации УССР пошло быстрее. 1 октября вторым секретарем ЦК КП(б)У стал М.М. Хатаевич, до этого проявивший себя в качестве первого секретаря Средне-Волжского крайкома. 9 и 15 октября последовало утверждение первых секретарей нескольких обкомов: в Днепропетровск был назначен В. Строганов, в Винницу – В. Чернявский, в Чернигов – П. Маркитан[55]. 22 октября на Украину на две декады был командирован В.М. Молотов «с группой

товарищей» «в целях усиления хлебозаготовок»[56]. Сделано это было не случайно. Сталина всерьез беспокоили оппозиционные настроения не только в республике, но и в центре. Летом 1932 г. было раскрыто дело так называемого «Союза марксистов-ленинцев», организатором которого был бывший «правый уклонист» М.Н. Рютин. В октябре 1932 г. начались аресты бывших «правых коммунистов», многие из которых были выпускниками «школы Бухарина» – Института красной профессуры. В этом же году было арестовано 89 троцкистов.

В октябре 1932 г. прошел пленум ЦК ВКП(б), потребовавший от всех партийных организаций Украины «усиления боевой мобилизованности в борьбе за хлеб, за решительное и быстрое преодоление отставания Украины в выполнении плана хлебозаготовок»[57]. В постановлении пленума говорилось о беспощадном подавлении попыток классового врага и его агентуры, о непримиримой борьбе с саботажем хлебозаготовок, с мелкобуржуазной распущенностью и т.п.[58] Однако руководство УССР понимало, что выполнить план не удастся. Политбюро ЦК КП(б)У, обсудив – совместно с Молотовым – положение с хлебозаготовками, решило просить союзное руководство снизить план. Причем Косиор считал необходимым снизить план на 50 млн пудов, а Хатаевич – на 70 млн пудов. О результатах обсуждения Молотов 29 октября сообщил Сталину телефонограммой[59]. 30 октября Политбюро ЦК ВКП(б) сократило план хлебозаготовок для УССР на 70 млн пудов.

Молотов докладывал Сталину, что основные работники ЦК КП(б)У выезжают на места, и просил прислать из Москвы «50–70 товарищей с партийным опытом» на месяц для работы по хлебозаготовкам. При этом подчеркивал, что сам «всячески напирает на оргработу», которая здесь «до крайности слаба»[60]. 18 ноября Политбюро ЦК КП(б)У приняло два постановления: «О мерах по усилению хлебозаготовок» и «О ликвидации контрреволюционных гнезд и разгром куркульских групп». В первом

документе речь шла о мобилизации 600 коммунистов-рабочих из промышленных центров бригадами по 3–4 человека в хлебозаготовительные районы, «где кулацкий саботаж и неорганизованность партийной работы приняла наиболее острый характер»[61]. Во втором постановлении говорилось о разработке специального оперативного плана «ликвидации основных кулацких и петлюровских контрреволюционных гнезд», об усилении репрессии «в отношении кулацких и др. контрреволюционных элементов»[62].

Молотов дал понять, что будут приниматься очень жесткие меры, причем на всех уровнях, и одними оргвыводами в отношении ответственных работников дело не ограничится. На собрании Харьковского партактива 18 ноября Молотов заявил: «…я думаю, что если в рабочих организациях внизу среди рабочих имеются определенные настроения, то наверху гнилых настроений гораздо больше. Во всех наших аппаратах, учреждениях, центральных органах там есть гнилья и непрочищенных конюшен гораздо больше. Там людей, которые ближе к оппортунизму, чем к большевизму гораздо больше[63].

На заседании политбюро ЦК КП(б)У 18 ноября было принято решение о чистке 5 районных парторганизаций: Снегуровского и Фрунзенского районов Одесской области, Солонянского, Васильковского и В.-Лепетихского районов Днепропетровской области[64], а на заседании 22 ноября – о «проведении чистки в сельских ячейках наиболее отсталых по выполнению плана и имеющих факты плохого поведения коммунистов»[65]. В этот же день ГПУ УССР направил в ЦК КП(б)У докладную записку, в которой были намечен план проведения «массовой операции по нанесению оперативного удара по классовому врагу» – «кулацко-петлюровским и антисоветским элементам», виновным в срыве хлебозаготовок[66]. 13 декабря последовала еще одна директива Харькова о борьбе с антисоветскими элементами: ЦК КП(б)У был убежден в «исключительной

засоренности» сельских ячеек, в умышленном проникновении в них «кулацких и антисоветских элементов с прямой целью срыва колхозного строительства». Такие «предатели» подлежали немедленному аресту и высылке[67].

Между тем не все украинские руководители сразу сориентировались в изменившихся условиях. 20 ноября 1932 г. Скрыпник прислал в редакцию газеты «Коммунист» статью «Украинский национальный вопрос в ЦЧО и Казахстане». О событиях, сопутствовавших публикации этой статьи, довольно подробно написал Сталину секретарь ЦК КП(б)У П.П. Любченко, редактировавший тогда «Коммунист». В этой статье, писал Любченко, Скрыпник требовал «преимущественных мер, т.е. преимущественных затрат, способов, средств и сил на культурно-экономический подъем украинского трудящегося населения Центральной черноземной области». Невнимание к украинским интересам, сообщал Любченко, Скрыпник считал проявлением «российско-великодержавного шовинизма»[68]. Любченко запретил печатать эту статью, однако автор все же ее опубликовал 24 ноября в киевской газете «Пролетарская правда»[69].

В статье Скрыпник обращал внимание на «украинский национальный вопрос за границами УССР» – на Северном Кавказе, Центральной Черноземной области, на Нижней Волге, в Западной Сибири, Казахстане и на Дальнем Востоке. Он подчеркивал, что за пределами УССР живет семь миллионов украинцев и требовал активного проведения украинизации «в местностях с большинством украинского населения»[70]. При этом он подчеркивал, что положение украинцев, которые живут в РСФСР, и тех, что живут в Казахстане, существенно различается. В ЦЧО украинцы «угнетены социально и национально», а в Казахстане украинцы были «национально угнетенным народом» и одновременно украинцы были в Казахстане колонистами: «Ирония судьбы в том, что украинцы, будучи сами угнетены и бесправны, в Казахстане становились орудием

колонизаторской империалистической политики, украинцы, существование которых как народа отрицал царизм, были орудием русификаторской политики этого самого царизма»[71]. Конечно, писал Скрыпник, украинцы в Казахстане по сравнению с русскими «были угнетенной и более отсталой нацией», а по сравнению с казахами – «более развиты культурно и экономически», поэтому, проводя ленинскую национальную политику, необходимо обращать внимание на уровень национально-культурного развития народа[72]. Однако внимание Любченко привлек следующий пассаж Скрыпника: «Если в ЦЧО не обращают преимущественного внимания на развязывание украинского национального вопроса... то это свидетельствует о наличии там русского великодержавного шовинизма»[73]. Стоит отметить, что Скрыпник писал о возможности появления и украинского шовинизма в том случае, если в Казахстане «кто-нибудь претендует на то, чтобы украинцы были объектом преимущественного внимания»[74]: «Если в Казахстане культурное состояние русского населения выше, нежели украинского и поэтому украинцы требуют большего к себе внимания и расходования средств и сил, нежели русские, то на казахов требуется тратить еще больше»[75].

Видимо, Скрыпник озвучивал не только свои требования, причем о них стало известно и центральному руководству. Вряд ли информация последовала от редактора «Коммуниста»: тот писал Сталину позже, 4 мая 1933 г. Отношение же Сталина к подобным настроениям было высказано 15 декабря 1932 г. в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В этом постановлении решительно осуждались «выступления и предложения, исходящие от отдельных украинских товарищей, обязательной украинизации целого ряда районов СССР (например в ДВК, Казахстане, Средней Азии, ЦЧО и т.д.)»[76]. Подобные выступления, считал Сталин, могут только «играть на руку тем буржуазно-националистическим элементам, которые, будучи изгнаны из Украины, как вредные элементы,

проникают во вновь украинизированные районы и ведут там разлагающую работу»[77]. Письмо с информацией о принятом постановлении было разослано в национальные ЦК, крайкомы и обкомы, председателям СНК, край- и облисполкомов, которым рекомендовалось «приостановить дальнейшую украинизацию в районах, перевести все украинизированные газеты, печать и издания на русский язык и к осени 1933 года подготовить переход школ и преподавания на русский язык»[78].

Днем ранее вышло известное постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». В этом документе были официально названы причины тяжелой ситуации в сельском хозяйстве на Украине и указаны виновные – разного рода контрреволюционные элементы (кулаки, бывшие офицеры, петлюровцы...) Причем последние проникли в партийные и советские органы вследствие «механического проведения украинизации» и «слабой работы и отсутствия революционной бдительности ряда местных парторганизаций»[79]. Поэтому ЦК ВКП(б) предложил украинскому руководству «обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить механическое проведение ее, изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации»[80]. Искоренять контрреволюционные элементы надлежало «путем арестов, заключения в концлагеря на длительный срок, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злостным из них»[81].

В постановлении говорилось, что украинизацию следует проводить с учетом «конкретных особенностей каждого района» и с тщательным подбором большевистских украинских кадров»[82]. Северо-Кавказскому

крайкому и крайисполкому ЦК и СНК указал, что «легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, небольшевистская украинизация почти половины районов Северного Кавказа, при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и печати со стороны краевых органов, дала легальную форму врагам советской власти для организации сопротивления мероприятиям и заданиям советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т.д.»[83] Поэтому на Северном Кавказе делопроизводство украинизированных районов, а также «все издающиеся газеты и журналы» немедленно переводились на русский язык, как «более понятный для кубанцев». К осени в этих районах следовало перевести на русский язык преподавание в школах[84].

Обеспечив идеологическую базу для грандиозной партийной «чистки» на Украине, Сталин принял решение об укреплении партийного руководства республики. Через несколько дней, 19 декабря, было принято постановление, предписывающее секретарям ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу и П.П. Постышеву «немедля выехать на Украину на помощь ЦК КП(б)У и Совнаркому Украины», чтобы добиться «немедленной организации коренного перелома в хлебозаготовках» на Украине[85].

Ранее в УССР была направлена следственная комиссия ОГПУ во главе с В.А. Балицким: Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение направить этого известного чекиста, как имеющего «большой опыт украинской работы», в качестве особого уполномоченного ОГПУ на Украине на полгода[86]. 23 декабря Балицкий направил в ЦК ВКП(б) Сталину специальную записку о наличии «широко разветвленного польско-петлюровского повстанческого подполья, охватывающего по неполным данным 67 районов Украины»[87]. Балицкий сообщал о засоренности колхозов, совхозов, МТС, МТМ «петлюровскими, кулацкими, белогвардейскими и антисоветскими элементами, которые

вели активную разлагающую работу в колхозах, расхищали, разбазаривали и умышленно уничтожали хлеб, тягловую силу и скот»[88]. Не были обойдены вниманием интеллигенция и руководящие работники УССР. В записке указывалось на «активность национал-шовинистической части украинской интеллигенции, которая в ряде случаев идеологически и организационно оформляла и возглавляла вскрытые контрреволюционные повстанческие организации»; а также на разлагающую работу «предателей с партийным билетом». При этом последние не только вели подрывную работу по срыву хлебозаготовок, но и являлись «организаторами и руководителями контрреволюционных групп»[89]. Под грифом «строго секретно» записка была разослана «всем членам ЦК и президиума ЦКК ВКП(б), всем секретарям обкомов, крайкомов и национальных ЦК, всем членам-партийцам коллегий Наркомзема и Наркомсовхозов, Всем ПП ОГПУ».

Украинское партийное руководство приступило к наказанию виновных в срыве хлебозаготовок. В письме ЦК КП(б)У всем секретарям райкомов, главам райисполкомов и уполномоченным обкомов от 24 декабря 1932 г. содержалось конкретное указание «вывезти все без исключения наличные колхозные фонды, в том числе и семенной» в счет выполнения плана хлебозаготовок в тех колхозах, где не выполнен был план сдачи хлеба, а «всех, оказывающих этому делу сопротивление, в том числе и коммунистов, арестовывать и предавать суду»[90].

Новые настроения отчетливо прослеживаются в материалах объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г. В докладе об итогах первой пятилетки Сталин назвал основные причины экономических трудностей. В первую очередь – это сопротивление остатков свергнутых классов. Среди «классовых врагов» были названы и «буржуазные интеллигенты шовинистического толка». Сталин особо предупреждал также, что «рост мощи советского государства будет

усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов»[91]. Этот тезис был конкретизирован в докладе Л.М. Кагановича «Цели и задачи политотделов МТС и совхозов», где давался подробный перечень классовых врагов: «Это – во-первых, часть не выселенных кулаков; во-вторых – зажиточные крестьяне, перерастающие в кулачество и тесно с ним смыкающиеся; в-третьих, сбежавшие из ссылки и скрывающиеся у своих родственников, а порою и у “сердобольных” членов партии, имеющих партийный билет в кармане, а на деле являющихся предателями интересов трудящихся. И, наконец, *представители буржуазной, белогвардейской, петлюровской, казачьей, эсеровской и прочей интеллигенции* (курсив мой – *Е.Б.*)»[92]. Особенно важным представляется тот факт, что эсеровская интеллигенция ставилась здесь в один ряд с буржуазной и белогвардейской. Это создавало серьезную угрозу для бывших украинских эсеров, вступивших в КП(б)У в 1920 г. Впрочем, попасть в ряды «прочей интеллигенции» было довольно просто и, главное, очень опасно.

Упоминание о национальной интеллигенции шовинистического толка, которая по существовавшему тогда определению могла быть исключительно буржуазной, среди первоочередных врагов советской власти весьма знаменательно. Это была «первая ласточка» в последовавшем весьма скоро активном наступлении на «идеологическом фронте» на всякого рода инакомыслящих. Очевидно, что Сталин опасался, что недовольные коллективизацией, голодающие украинские крестьяне могут получить вождя в лице национально настроенной интеллигенции. А это, в свою очередь, неизбежно привело бы к неблагоприятным для большевистского руководства последствиям.

24 января 1933 г. ЦК ВКП(б) решил «усилить» ЦК и областные организации КП(б)У (прежде всего, Одесскую, Днепропетровскую и Харьковскую). Вторым секретарем ЦК КП(б)У и первым секретарем

столичного Харьковского обкома был намечен П.П. Постышев; первым секретарем Днепропетровского обкома – М.М. Хатаевич, который оставался одним из секретарей ЦК КП(б)У; первым секретарем Одесского обкома – М.О. Разумов[93]. Областные пленумы утвердили указанные кандидатуры, за исключением Разумова: тот был оставлен в Татарском обкоме, а Одесский обком возглавил Е.И. Вегер. 10 февраля Политбюро ЦК КП(Б)У назначило на должность заведующего культпропом вместо А.А. Хвыли Н.Н. Попова. 14 февраля харьковское Политбюро приняло решение о необходимости выехать в Москву С.В. Косиору, П.П. Постышеву и В.Я. Чубарю «по вопросу плана хлебозаготовок и районных поставок на 1933 год»[94]. 15, 16 и 18 февраля состоялись встречи руководителей Украины – Косиора, Постышева и Чубаря – со Сталиным, причем на встречах присутствовали также Ягода, Каганович и Молотов[95].

18 февраля главой ГПУ УССР стал В.А. Балицкий, на следующий день был арестован личный секретарь Скрыпника Н.В. Ерстенюк и бывший ученый секретарь Наркомпроса Украины А.И. Бадан-Яворенко[96], а 23 февраля 1933 года политбюро решило назначить А.А. Хвылю заместителем наркома просвещения УССР, П.П. Любченко – первым заместителем главы СНК УССР, В.П. Затонского – наркомом просвещения[97]. Н.А. Скрыпник был уволен с должности наркома просвещения, вместе с ним был уволен и его первый заместитель А.А. Карпеко. При этом еще 20 января в вузах, техникумах и рабфаках был ликвидирован отдельный курс по теории национального вопроса и политике партии в национальном вопросе: постановлением секретариата ЦК КП(б)У эти вопросы были перенесены в общий курс ленинизма. Протесты Скрыпника против этого постановления не были приняты[98]. Бывший нарком отправился в Москву, где 23 февраля встретился со Сталиным (беседа длилась 40 минут), но успеха не добился[99]. В прессе начала разворачиваться кампания по критике украинизации.

§ 2. «Дело Скрыпника» и изменение приоритетов национальной политики

Вскоре понятия «национальный шовинист» и «классовый враг» стали соседствовать все чаще и чаще. Дальнейшее развитие данный постулат получил в феврале 1933 г. на пленуме ЦК КП(б)У. В духе прошедшего пленума ЦК ВКП(б) была составлена и речь С.В. Косиора. Он подчеркнул политическую сторону «борьбы за поднятие сельского хозяйства Украины». «Всякий минус, недостаток, промах в работе колхоза сейчас же используется классовым врагом», – подчеркивал Косиор. Особое внимание следовало уделить «идеологической чистоте» колхозов и совхозов, так как «в результате ослабления большевистской бдительности некоторых руководителей районных и сельских организаций, в сельские ячейки сплошь и рядом удавалось проникнуть классовым врагам, которые, прикрываясь партбилетом, проводили вредительскую работу, срывали мероприятия партии»[100].

Итак, виновный был найден – «классовый враг». Новый глава Харьковского обкома П.П. Постышев добавил: «Украина окружена нашими злейшими врагами, которые очень внимательно присматриваются к тому, как происходит процесс социалистического переустройства сельского хозяйства на Украине, которые особенно подхватывают и всячески раздувают каждую нашу промашку и срыв в деле колхозного строительства на Украине»[101].

В своей речи Постышев подчеркнул возможность проникновения классового врага в советские и партийные органы в результате «механического проведения украинизации»: «Ведь это же факт, товарищи, что в партию и комсомол принимали нередко по признаку одной лишь только национальной принадлежности, только потому, что украинец.

Безусловно верно, что нам необходимо расширять свои ряды за счет коренных украинских кадров. Но эти коренные кадры нам надо воспитывать и брать в партию из среды рабочих и трудящихся крестьян. Ведь на основе достижений в области индустриализации Украины ширится база украинской культуры, национальной по форме и пролетарской по содержанию. Коренизация же советского государственного аппарата по Яворским и Баданам нам не нужна, ибо это чужие нам люди, враги рабочего класса и партии»[102].

После февральского пленума ЦК КП(б)У 1933 г. начала разворачиваться широкая кампания против националистических элементов, проникших в партийные, государственные органы, научные и культурные учреждения вследствие недостатков украинизации. Теперь нужно было найти виновного в «националистическом уклоне» при проведении украинизации. Основной удар пришелся по бывшему наркому просвещения Украины Н.А. Скрыпнику: именно его ведомство несло основную нагрузку при проведении украинизации.

Сохранившиеся воспоминания члена партии с 1917 г. Я.С. Блудова, в 1930-х годах исполнявшего обязанности ректора Харьковского государственного университета, вносят определенную ясность в картину сложных взаимоотношений центра и республики. В январе 1932 г. «вся советская общественность» тепло отметила 60-летие Скрыпника и 35-летие его революционной деятельности, а ЦК КП(б)У приветствовал его как «старого несгибаемого большевика-ленинца». Через год, 23 февраля 1933 г., он был снят с должности, что послужило началом «антискрыпниковской» кампании[103].

Как вспоминал Блудов, не обошлось и без внутренних интриг. Первоначально виновными в националистическом уклоне были признаны секретарь ЦК КП(б)У по идеологии П.П. Любченко, редактировавший тогда «Комуніст» и заведующий отделом агитации, пропаганды и прессы

ЦК КП(б)У А.А. Хвыля (оба – бывшие боротьбисты). Как вспоминал Блудов, хотя оба они были сняты с должности в январе 1933 г., тем не менее сдаваться Любченко и Хвыля не захотели[104]. Следует заметить, что Блудов допустил неточность: пленум ЦК КП(б)У состоялся 5–7 февраля 1933 г. На этом пленуме Постышев критиковал руководство идеологическим фронтом по партийной линии. 10 февраля по предложению Косиора и Постышева политбюро вынесло решение уволить Хвылю с должности заведующего отделом культуры и пропаганды. Любченко также планировалось снять с должности и сделать ответственным за перегибы в осуществлении национальной политики[105]. Вскоре, как вспоминал Блудов, в узких кругах стало известно о поездке Любченко в Москву и о его встрече со Сталиным и Кагановичем. «Разговор был, видимо, в духе взаимопонимания, – вспоминал Блудов, – ибо в результате в Москву был немедленно вызван П.П. Постышев и ему было указано, что он не туда направил огонь. Его следует направить против Скрыпника, “вообразившего себя Лениным на Украине” (Сталин). После чего и началась “проработка” Н.А. Скрыпника...»[106] Причем основными «запевалами» в этой критике закономерно стали Любченко и Хвыля. Впрочем, следует заметить, что среди посетителей кремлевского кабинета Сталина ни в январе, ни в феврале, ни в марте 1933 г. Любченко не значился. Впрочем, у Сталина часто бывал Каганович, в феврале и марте побывали Чубарь, Косиор, Скрыпник[107].

10 марта 1933 г. в «Правде» появилась передовая статья под заголовком «Выше знамя пролетарского интернационализма», в которой речь шла о «сопротивлении разбитых контрреволюционных буржуазно-кулацких националистических групп», об отсутствии «решительного отпора со стороны местных партийных и советских организаций» в «ряде районов, в частности, Белоруссии и Украины, а также Средней Азии и Казахстана». В статье было высказано много резких слов в адрес

«некоторых местных партийных и советских работников», при попустительстве которых националистические элементы «стремятства противопоставлять интересы отдельных республик интересам всей страны, всячески игнорировать инонациональные языки и даже преследовать за употребление этих языков». «Правда» упоминала, среди прочего, «вопиющие факты грубейшего извращения линии национальной политики на Украине»: «И здесь кое-где была практика лишения национальных меньшинств права пользоваться родным языком, а со стороны отдельных руководящих украинских работников усиленно пропагандировалась шовинистическая идея об обязательной украинизации отдельных районов СССР. Это, конечно, также не могло не играть на руку кулацким и петлюровским элементам, которые окопались во вновь украинизированных районах вне пределов УССР и вели там разлагающую работу»[108].

В статье имя Скрыпника прямо не упоминалось, однако намек на руководителя украинского Наркомпроса, выбравшего неудачный момент для изложения своих идей в «Пролетарской правде» 24 ноября 1932 г. (см. гл. 3 § 1), был очевиден. После этой статьи последовала критика в украинской прессе политики Наркомпроса. Весной 1933 г. Политбюро ЦК КП(б)У поддержало предложение Наркомпроса УССР «провести перепись детей по признаку родного языка» в рабочих центрах и некоторых городах Харьковской, Донецкой, Винницкой, Черниговской, Киевской, Днепропетровской, Одесской областей[109].

В газете «Комуніст» 25 марта 1933 г. появилась статья под названием «Ликвидировать извращения национальной политики в школе», в которой речь шла о механическом проведении украинизации и уменьшении числа русских школ в Харькове и Одессе. В Харькове 55 %, а в Одессе лишь 40 % русских детей обучаются на родном языке[110]. 11 апреля в той же газете появилось сообщение о последнем решении коллегии Наркомпроса

о том, что «языком обучения в школах соцвоса, ликбеза и малограмотных должен быть родной язык ученика, определенный способом национального самоопределения человека, т.е. субъективного желания». Кроме того, газета сообщала об утвержденной новым наркомом просвещения директиве от 22 марта 1933 года «о переписи учащихся нулевой, первой и второй группы школ городов и сел со смешанным населением…, требующих особого внимания в деле обеспечения культурных потребностей нацменьшинств (русского, еврейского, польского и т.д.)»[111].

1 апреля 1933 г. коллегия Наркомпроса УССР приняла постановление «Об обеспечении культурных потребностей национальных меньшинств на Украине в деле школьного воспитания и ликбеза». Было признано существование фактов «национальных перегибов», заключающихся «в фактической принудительной украинизации части учащихся». Как говорилось в документе, к этому привели «ошибочные постановления НКП УССР о так называемом «объективном методе» выявления языковой основы смешанных говоров родственных славянских языков». Если раньше за основу бралось «общее построение» «говора» детей, то теперь – самоопределение населения: языком обучения «должен быть родной язык учащегося, установленный способом национального самоопределения человека (то есть субъективное желание)». Работникам просвещения запрещалось применять «какое-либо принуждение в обозначении языка учащегося», они могли лишь «давать педагогические советы»[112]. Как разъяснял Затонский, «сейчас важно установить принцип и отменить все, что было напутано этой скрыпниковской “объективностью”»[113].

3 мая 1933 г. коллегия НКП УССР приняла постановление «О развертывании школьной сети и укомплектовании школ детьми в 1933–1934 году». В постановлении говорилось, что «неверные

теоретические установки НКП о так называемом смешанном говоре и об основной языковой базе … привели к тому, что в ряде городов и районов Украины обучение детей на родном языке не было обеспечено – и в ряде городов проводилась фактически украинизация детей, родным языком которых не был украинский». Речь шла о Харькове, Киеве, Одессе и ряде районов Донбасса. В 1933 г. коллегия Наркомпроса ставила задачу полного обеспечения обучения детей на родном языке[114].

Не обошло вниманием руководство КП(б)У и положение на «украинском языковедческом фронте», причем разоблачение национализма в языкознании стала составной частью антискрыпниковской кампании. Сигналом к началу послужила статья А.А. Хвыли в газете «Коммуніст» от 4 апреля 1933 г. о необходимости «большевистской бдительности» в деле создания украинской советской культуры. Автор утверждал, что «процесс СВУ ярко вскрыл контрреволюционную работу украинского национализма, которая была направлена на возвращение Советской Украины в колонию польского империализма», в связи с чем решил «обратить внимание на работу, которую проводила СВУ в области создания украинской терминологии, украинского языка». «Вся так называемая «терминологическая» работа, – писал Хвыля, – была направлена на отрыв украинского языка от широких трудящихся масс Украины, на отрыв от русского языка»[115].

Стоит заметить, что весь апрель 1933 г. в УССР прошел под лозунгом борьбы с проявлениями национализма: при Наркомпросе была создана специальная комиссия под руководством Хвыли для проверки работы «на языковедческом фронте», а ЦК КП(б)У провело совещание ЦК КП(б)У по вопросам национальной политики, в центре внимания которой оказалась «обстановка на языковом фронте». Хвыля подчеркивал, что «среди определенных кругов работников нарпросвета гуляют “теории”, что будто бы идет поход на украинский язык, на украинскую культуру.

Партийные организации, комсомол, профсоюзы, органы нарпросвета должны развернуть большую воспитательную работу, дать нещадный отпор этого враждебному поклепу и повести решительную борьбу за осуществление генеральной линии партии на языковом фронте»[116].

Подобные высказывания со стороны Хвыли были не случайны: он был одним из самых активных борцов против враждебных элементов в украинской культуре. В чем состояла упомянутая «генеральная линия партии на языковом фронте», дает представление написанная Хвылей 24 апреля докладная записка С.В. Косиору и П.П. Постышеву, в которой говорилось о «большой вредительской работе» «украинской контрреволюции» «в вопросах создания украинской терминологии» и о «ликвидации общеизвестных в украинском и русском языках» научных и технических терминов[117].

Основные претензии Хвыля предъявлял к работе скрыпниковского ведомства, главным образом к Государственной комиссии для разработки правил украинского правописания при Наркомпросе УССР. «Эти общие в украинском языке с русским языком термины ликвидировали, – утверждал автор записки, – выдумывая искусственные, так называемые украинские самобытные слова, не имевшие и не имеющие никакого распространения среди широких многомиллионных рабочих и колхозных масс»[118]. В качестве примера Хвыля приводил замену слова «петит» в украинском языке на слово «дрібень», «сектор» – на «витинок», «сегмент» – на «утинок», «экран» – на «застувач», «экскаватор» на «копалку», «штепсель» – на «притичку», «аэрографию» – на «марсознавство», «атом» – на «неділка», «завод» – на «виробня»[119]. По мнению Хвыли, такие нововведения были крайне недопустимы, как и предложенная ранее Скрыпником реформа украинского алфавита по введению двух латинских букв для обозначения звуков «дз» и «дж» (соответственно «S» и «Z»)[120].

Действительно, реформирование украинского языка нередко шло путем замены «русизмов» «исконно украинскими» словами, зачастую образованными от слов, имеющихся в западнославянских языках (польском и чешском). Если раньше на подобные случаи нередко смотрели сквозь пальцы, то в первой половине 1930-х годов ситуация в корне изменилась. «Процесс создания украинской научной терминологии, направление развития украинского научного языка – пошло по линии искусственного отрыва от братского украинскому языку – языка русского народа, – делал вывод Хвыля. – На языковедческом фронте националистические элементы делают все, чтобы между украинской советской культурой и русской советской культурой поставить барьер и направить развитие украинского языка на пути буржуазно-националистические. Это делалось для того, чтобы пользуясь украинским языком воспитывать массы в кулацко-петлюровском духе, воспитать их в духе ненависти к социалистическому отечеству и любви к казацкой романтике, гетманщине и т.п.»[121] Вскоре журнал «Більшовик України» поместил статью Хвыли «Искоренить, уничтожить националистические корни на языковом фронте», созвучную его выступлению на совещании по национальной политике и докладной записке[122].

Комиссия Наркомпроса УССР по проверке работы на языковом фронте приняла три резолюции по итогам своей работы: по докладу Хвыли «Националистическая опасность на языковом фронте и борьба против нее», по проверке работы по вопросам терминологии и по проверке работы в области грамматики. Комиссия критиковала «националистические теории самобытности развития украинского языка, пропаганда отрыва его от общего процесса языкового строительства в СССР»[123]. Как говорилось в резолюции, на практике это выразилось во вредительстве при составлении словарей, когда общеупотребительные и уже усвоенные термины заменялись искусственно созданными, убирались общие с русским языком

лексические и синтаксические нормы, а в научную и учебную литературу проникали националистические взгляды на язык, национализм пропагандировался через иллюстративный материал[124]. Комиссия Наркомпроса постановила пересмотреть словари и исправить допущенные в них ошибки, пересмотреть научную и учебную литературу, скорректировать украинское правописание «в части правописания иностранных слов в части большей конкретизации пунктов об употреблении «ґ» «ль», «л»»[125]. Результатом работы комиссии стал «Український правопис» 1933 г.: комиссия переработала правила правописания 1928 г., внесла изменения в орфографию иностранных слов, исключила из украинского алфавита букву «ґ» и внесла правку в другие его параграфы. Эта редакция правописания была одобрена наркомом просвещения УССР В.П. Затонским 5 сентября 1933 г.[126]

Не остался в стороне от антискрыпниковской кампании и П.П. Любченко. Весной 1933 года он написал Сталину два письма об ошибках при проведении национальной политики на Украине[127]. Узнав, что Сталин «достаточно крепко обругал» его на заседании Политбюро 14 декабря 1932 г., что речь идет о его исключении из секретариата ЦК и назначении его виновным за допущенные ошибки[128], Любченко решил снять с себя ответственность за некоторые из «допущенных ошибок», поскольку осуждал их «2–2,5 года назад, ставил вопрос о них перед ПБ ЦК КП(б) Украины»[129]. В первом письме речь шла о скрыпниковской теории «смешанного говора», о преподавании в вузах УССР в качестве самостоятельной дисциплины национального вопроса, о «правописании и формировании украинского языка», об ошибках «на историческом фронте» (неправильной оценке Центральной Рады и т.д.)[130]. В заслугу себе Любченко ставил то обстоятельство, что по его предложению «ЦК отклонил дважды вносимое Наркомпросом предложение о приглашении на советскую Украину учителей-галичан», под его «непосредственным

руководством была проведена очистка КП(б) Украины от националистических офицерских элементов», был проведен идейный и организационный разгром «националистических элементов на литературном фронте – ликвидация пролитфронта, собирание наших советских кадров писателей», в частности, «запрещена к печатанию и постановке националистическая пьеса Кулиша “Патетическая соната”». Кроме того, он обратил внимания на свои выступления против Бадана-Яворенко в 1929 году в Институте марксизма и о том, что, как редактор «Коммуниста», «не пустил в двадцатых числах ноября 1932 г. ... статью «Украинский вопрос в ЦЧО и Казахстане», где прямо ставился вопрос о необходимости преимущественного внимания к разрешению украинского нацвопроса в ЦЧО»[131].

Во втором письме Сталину Любченко весьма подробно расписал вышеперечисленные ошибки Скрыпника и сделал попытку объяснить создавшееся положение. Бывший глава Наркомпроса, по мнению Любченко, пользовался исключительным положением в последние годы, что создало «излишнюю развязность у тов. Скрыпника, свело до минимума критическое к себе отношение»[132].

Под давлением критики в июне 1933 г. на очередном пленуме ЦК КП(б)У Скрыпник вынужден был признавать свои ошибки: «Имеется поразительное сходство в тактике кулацких, контрреволюционных, националистических сил в колхозах, МТС и органах Наркомзема и, например, на культурном фронте, вплоть до Всеукраинской академии наук... Точно так же, как в области сельского хозяйства этот маневр, эта стратегическая линия кулака нами не была выявлена, как она не была выявлена и на культурном фронте. ...Во многих случаях я лично и сам ошибался»[133].

Однако Скрыпник недооценил нависшей над ним угрозы. Постышев, выступавший после него, уделил в своей речи основное внимание

украинизации. Докладчик не мог допустить, чтобы нарком просвещения отделался «малой кровью». «Не подумайте, что враг орудовал только в системе наших земельных органов. Вредительские контрреволюционные элементы сумели расставить свои силы и на других участках социалистического строительства и притом нередко на руководящих постах, – указывал второй секретарь. – Возьмите культурный фронт. Культурное строительство на Украине, этот важнейший фактор осуществления ленинской национальной политики, имеет самое прямое и непосредственное отношение ко всей нашей повседневной борьбе. А ведь на этом серьезнейшем участке засело немало петлюровцев, махновцев, агентов иностранных контрразведок, пустивших глубокие корни, игравших руководящую роль на отдельных участках культурного строительства. Эти вредители и шпионы... насаждали... не нашу национальную по форме и социалистическую по содержанию украинскую культуру, а культуру националистическую, шовинистическую, буржуазную культуру Донцовых, Ефремовых, Грушевских, культуру, враждебную идеологии и интересам пролетариата и трудящегося крестьянства»[134]. Цель такой «вредительской работы», по Постышеву, заключалась в том, чтобы «ослабить пролетарскую диктатуру, лихорадочно готовя новые вылазки против СССР, не покидая мечты об отрыве Украины от Советского Союза»[135].

Упоминание об «агентах национальных разведок» и шпионах свидетельствовало о серьезности намерений Постышева в отношении Скрыпника, которому сталинское руководство, по всей видимости, готовило судьбу сравнительно недавно разоблаченного академика С.А. Ефремова. «...Тот участок, которым до недавнего времени руководил тов. Скрыпник, – я имею в виду Наркомпрос и всю систему органов просвещения Украины, – оказался наиболее засоренным вредительскими, контрреволюционными, националистическими элементами, – подчеркнул

Постышев. – Ведь никакой борьбы против этих элементов здесь не было, и сам тов. Скрыпник вынужден признать, что здесь враги наши нередко получали крепкую и авторитетную защиту со стороны некоторых, очевидно слепых и глухих „коммунистов”... Дело украинизации в ряде случаев оказывалось в руках разной сволочи петлюровской...»[136]

Руководящая роль союзного центра в деле Скрыпника не вызывает сомнений. Причем особую роль, по мнению ректора Блудова, сыграл Каганович: «Его направляющая рука чувствовалась во всем. Уж больно часто в статьях, докладах, выступлениях и в принимаемых резолюциях упоминалось его имя и подчеркивалось, что “под руководством Кагановича было вскрыто и разгромлено то-то и то-то”, что “особенно блестящей страницей в истории КП(б)У является проведенная под руководством Кагановича борьба против шумскизма”, что еще раньше Каганович лично выправлял Скрыпника и т.д. и т.п.»[137]

Политбюро ЦК КП(б)У потребовало от виновного официального документа с признанием ошибок. Вопрос об этом неоднократно обсуждался в июне – июле 1933 года. Так, 17 июня Политбюро сочло «документ, который написал Скрыпник» неудовлетворительным и предложило его переработать[138]. Но через неделю, как было оговорено, документ не был представлен. 26 июня Скрыпнику напомнили о пресловутом «документе», назначив, на этот раз, трехдневный срок[139]. 5 июля харьковское Политбюро вновь обратилось к тому же вопросу, потребовав от Скрыпника короткое письмо для публикации в прессе к утру 7 июля[140].

Утреннее заседание Политбюро ЦК КП(б)У 7 июля 1933 г. проходило в весьма напряженной обстановке. Скрыпник не выдержал и в начале обсуждения своего «вопроса» ушел, так что решение принималось в его отсутствие. Принимая во внимание, что «тов. Скрыпник не выполнил взятого на себя обязательства подать в ЦК короткое письмо с признанием

своих ошибок и решительной полной их критикой для опубликования в прессе», что «поданный им документ не отвечает требованиям ЦК и игнорирует ряд данных тов. Скрыпнику ЦК указаний», было решено «признать необходимым вывести тов. Скрыпника из политбюро ЦК КП(б)У»[141].

Между тем события приняли трагический оборот. Не выдержав напряжения, бывший нарком покончил жизнь самоубийством. «После рокового выстрела в грудь... Н.А. Скрыпник жил еще несколько десятков минут», – вспоминал лично присутствовавший при этом Блудов. Обращаясь к Косиору, спешно прибывшему в кабинет Срыпника, умирающий сказал: «Я прошу Вас передать моей партии мою последнюю к ней просьбу, простить меня... за эту... пожалуй, мою уже... последнюю, действительную ошибку...»[142]

Вечером того же дня Политбюро вынуждено было собраться еще раз, чтобы отреагировать на трагедию. Решено было опубликовать в прессе следующее сообщение: «Скрыпник совершил акт малодушия, недостойный всякого коммуниста и тем более члена ЦК. Причина этого недопустимого акта в том, что за последние годы тов. Скрыпник, запутавшись в своих связях с украинскими буржуазно-националистическими элементами, имевшими партбилет в кармане, и, не имея сил выбраться из этой паутины, стал жертвой этих контрреволюционных элементов и пошел на самоубийство. ...Похоронить тов. Скрыпника без почестей, принятых для членов ЦК»[143].

Давая такую оценку ситуации, члены Политбюро ЦК КП(б)У «убивали» сразу «двух зайцев». Сообщение для прессы не только объясняло причину самоубийства видного украинского коммуниста, таким путем харьковская партийная элита одновременно отмежевывалась от своего товарища, посмертно уличенного в связях с «украинскими буржуазно-националистическими элементами». Теперь обвинять

Скрыпника в «националистическом уклоне» было даже удобнее, чем прежде.

Об «ошибке» Скрыпника с укором говорили у гроба его товарищи по партии – Г.И. Петровский, В.П. Затонский и К.В. Сухомлин. Характерна следующая деталь. Как вспоминал Блудов, «П.П. Постышев шел за гробом Н.А. Скрыпника все время с поникшей головой и во время траурного митинга у могилы стоял бледный и угрюмый, ни проронив ни слова, потупив взор в землю». «Видно было, – отмечал стоявший в трех метрах от Постышева автор воспоминаний, – что он страшно тяжело переживал эту трагедию, потрясшую всех нас»[144].

После смерти Скрыпника кампания против национал-уклонистов приобрела еще больший размах. 10 июля 1933 г. политбюро ЦК КП(б)У решило провести партактивы по вопросу «О националистическом уклоне в рядах украинской парторганизации и о задаче борьбы с ним». Докладчиками были утверждены: «Любченко – Одесса и Тирасполь; Попов – Киев и Чернигов; Чубарь – Днепропетровск; Затонский – Сталино; т. Киллерог – Винница»[145]. Выступления должны были подтвердить, с одной стороны, линию ЦК на украинизацию, и в то же время, обеспечить украинизации подлинное большевистское руководство. Так, выступая в Днепропетровске 11 июля 1933 г., В.Я. Чубарь говорил об обязанности дать надлежащий отпор всем попыткам ослабить большевистскую украинизацию, поскольку она вырвалась из рук парторганизации и попала в руки чуждых элементов. Приезд в помощь украинской организации товарищей Постышева и Попова, возвращение Балицкого и ряда других товарищей, создание политотделов – только все это поставили на новые рельсы вопрос о борьбе с националистическими уклонами, борьбу с национализмом на Украине[146].

После самоубийства Скрыпника ЦК ВКП(б) получил информацию о том, что «в связи с обсуждением ошибок ЦК КП(б)У в руководстве

национальным вопросом весь удар заострен лично против т. Косиора». Письмо об этом в ЦК КП(б)У отложилось в личном фонде Кагановича, но в материалах Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК ВКП(б) и исходящих шифротелеграммах, хранящихся в РГАСПИ, указаний об отправке этого документа нет[147]. Тем не менее, документ этот достаточно любопытный. ЦК ВКП(б) считало необходимым указать, что, «хотя за ошибки и недостатки руководства национальными делами, естественно, большую ответственность несет в первую очередь первый секретарь т. Косиор, но совершенно неправильным является попытка остальных членов Политбюро ЦК КП(б)У снять с себя ответственность за ошибки, которые допускало все Политбюро в целом». В частности, ЦК сочло «неправильным, что члены Политбюро ЦК КП(б)У выступили с речами, по сути дела, направленными против т. Косиора на большом активе Харьковской организации» 7 июля 1933 г. Эти выступления «не могут быть иначе истолкованы, как постановка вопроса об уходе т. Косиора из Украины», а такая постановка вопроса «формально неправильна потому, что такой вопрос необходимо поставить прежде всего перед ЦК ВКП(б), ибо дело идет о члене Политбюро ЦК ВКП(б) и первом секретаре крупнейшей организации партии и, во-вторых, ЦК ВКП(б) считает, что т. Косиор должен оставаться на Украине». По мнению центрального партийного руководства, «в связи с непартийным поступком т. Скрыпника, покончившего самоубийством, уход т. Косиора может толковаться как несогласие с национальной политикой ВКП(б), а в лучшем случае внутри партии может быть истолкован как уход в самый трудный момент, когда нужна серьезная развернутая идейно-политическая борьба с националистическими и шовинистическими элементами»[148].

Центральное руководство беспокоила внешняя реакция не происходившие в УССР перемены. В западноукраинской прессе появились публикации очевидцев голода в УССР. Депутат польского Сената М.

Рудницкая вспоминала: «Уже в течение всего 1932 г. во Львове ходили упорные слухи, что на советской Украине голод. Но никто, по-видимому, тогда еще не осознавал, насколько ситуация серьезная и угрожающая. Только известие о самоубийстве Скрыпника стало для всех доказательством, что за Збручем творится что-то отчаянное…»[149] О Скрыпнике речь шла и в письме В.К. Винниченко по поводу национального вопроса на Украине и международного положения СССР, которое было направлено 15 сентября 1933 г. в Политбюро ЦК КП(б)У и в Политбюро ВКП(б) Сталину. «Вы, товарищи, держащие в своих руках руководство всей политикой Советов, в большинстве своем либо по происхождению, либо по воспитанию – русские (здесь и далее выделено Винниченко – *Е.Б.*). Вы с детства привыкли к определенному отношению к национальному вопросу в России в смысле господства русской национальной культуры и национальности»[150], – писал Винниченко. Писатель коснулся также и причин происходивших в УССР событий. «Я не знаю всех условий и причин смерти таких выдающихся и ценных людей на Украине, как Хвылевой и Скрыпник, но мне, как и всем, ясно, что произошла она на почве национальных отношений и конфликтов»[151], – утверждал автор письма. Самоубийство Скрыпника, по мнению Винниченко, «объективно сигнализирует о несовершенном практическом разрешении нацвопроса на Украине»[152].

Вскоре обозначившаяся тенденция к корректировке украинизации получила официальное закрепление. 18 ноября 1933 г. был созван объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У, рассмотревший, помимо итогов прошедшего сельскохозяйственного года, итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине. Подводя идеологическую базу под разворачивающуюся борьбу с «националистической угрозой», украинское партийное руководство особо подчеркивало значение внешнеполитического фактора. По его мнению, основная угроза исходила

из Германии и Польши. «Установление фашистской диктатуры в Германии, – говорилось в резолюции пленума, – прямая поддержка русских и украинских белогвардейцев германскими фашистами и английскими твердолобыми, открытая пропаганда отторжения Украины от Советского Союза в германской фашистской печати, публичные выступления ответственных польских фашистских кругов... за антисоветский блок Польши с фашистской Германией и, наконец, борьба между польскими и германскими фашистскими кругами за гегемонию в лагере украинской контрреволюции – все это безусловно стимулировало контрреволюционную активность остатков разгромленных капиталистических элементов на Советской Украине»[153].

Действительно, советское политическое руководство весьма беспокоила реакция западноукраинских общественных сил на политику большевиков в УССР. Западная Украина весьма остро реагировала на сообщения о массовом голоде, который достиг своей высшей точки летом 1933 г. Свидетельством такой остроты явилось нападение на советское консульство во Львове 21 октября 1933 г., в результате которого активистом нелегальной Организации украинских националистов М. Лемыком был убит секретарь консультства А.П. Майлов, а другой сотрудник ранен[154].

Сталинское руководство требовало от Варшавы запретить деятельность польских «прометеистов» и весьма жестко отнестись к антисоветским настроениям на Западной Украине. Поскольку эти требования Польша удовлетворить никак не могла, наметившееся было улучшение польско-советских отношений (в июле 1932 г. был заключен пакт о ненападении между СССР и Польшей) вновь сменилось свертыванием политического сотрудничества.

К тому же наметилась нормализация польско-немецких отношений. Попытки Берлина договориться с Варшавой (польско-немецкая декларация

о ненападении была подписана 26 января 1934 г.) рассматривались в Москве как начало сговора о предоставлении Польше свободы рук на Украине и совместном походе против СССР[155]. Как известно, в начале 1934 г. было объявлено о переносе столицы УССР из Харькова в Киев, при этом говорилось и о польско-германских замыслах положить конец существованию украинской советской государственности.

Ноябрьский пленум 1933 г. положил официальное начало антинационалистической кампании на Украине: «КП(б)У проглядела и своевременно не вскрыла усиленного проникновения украинских националистических элементов, остатков разгромленного классового врага в руководящие органы колхозов, МТС, в различные советские, земельные, культурные органы и даже в партийные организации для вредительства и контрреволюционного саботажа мероприятий партии и советской власти. Контрреволюционные элементы…, пользуясь флагом украинизации, осуществляли буржуазно-националистические методы взаимного отчуждения трудящихся различных наций и разжигания национальной вражды»[156].

Роль главного «украинского националиста» была отведена покойному Скрыпнику. «Линия Скрыпника» и «возглавляемого им уклона» была направлена, по словам Косиора, на «ослабление хозяйственных, государственных и культурных связей Украины с другими советскими республиками, на ослабление Советского Союза», на «максимальный отрыв украинского языка от русского, на замену сходных с русскими слов в украинском языке польскими, чешскими, немецкими», и, наконец, на «насильственную украинизацию школы»[157].

Сам набор обвинений весьма показателен. Дальнейшее развитие событий прогнозировалось легко: постепенное усиление централизаторских тенденций и сворачивание украинизации (в первую очередь, в области просвещения), недаром на пленуме подчеркивалась

неразрывная связь дальнейшего проведения большевистской украинизации и интернационального воспитания масс[158]. В качестве основных задач в идеологической области выдвигались: выращивание «настоящих советских украинских кадров»; укрепление руководства печатью, просвещением, наукой и культурой; борьба с «буржуазно-националистической контрабандой на теоретическом фронте» и укрепление связи украинской советской литературы и искусства с литературой и искусством других народов СССР[159].

Окончательно расставил акценты в пересмотре национальной политики и украинизации XVII съезд ВКП(б), состоявшийся 26 января – 9 февраля 1934 г. Заявив о «ликвидации остатков антиленинских группировок», Сталин предупреждал о живучести «остатков их идеологии», особенно «в области национального вопроса»[160]. В качестве примера была приведена Украина: «На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью»[161].

Постышев конкретизировал положение Сталина. В первую очередь он подчеркнул несколько «особенностей классовой борьбы на Украине» (это стало аксиомой и повторялось украинскими руководителями всякий раз, когда речь заходила о контрреволюции, классовом враге и т.п.). В первую очередь на Украине «классовый враг маскирует свою работу против социалистического строительства националистическим знаменем и шовинистическими лозунгами». Особая же ожесточенность гражданской войны в республике способствовала тому, что «кулак прошел большую школу борьбы против советской власти». Здесь же «больше всего осело обломков разных контрреволюционных организаций и партий». Кроме того, Украина в силу сложившейся международной ситуации «является объектом притязаний различных интервенционистских штабов». И,

наконец, была отмечена особенность внутрипартийной ситуации в УССР: «уклонисты в КП(б)У в общепартийных вопросах обычно смыкались и смыкаются с националистическими элементами в ее рядах, с уклонистами в национальном вопросе»[162].

Постышев всячески подчеркивал остроту создавшейся в республике ситуации. «Националистической контрреволюции на Украине» весьма способствовал «неразоблаченный в течение ряда лет» националистический уклон во главе со Скрыпником. Последний обвинялся как в теоретических, так и тактических ошибках. К первым следовало отнести «толкование национального вопроса... как самостоятельного, самодовлеющего», «подмену задачи борьбы за воспитание классового пролетарского самосознания задачей развития национального сознания», «приукрашивание роли контрреволюционной Центральной рады и украинских националистических партий», переоценку украинского вопроса в октябре 1917 г.

В своей практической деятельности Скрыпник, по мнению Постышева, также совершил ряд ошибок. Задачу борьбы в национальном вопросе на два фронта он подменял борьбой «только лишь против великорусского шовинизма», насаждая «принудительную украинизацию школ». В конечном счете его действия мешали укреплению «братского союза трудящихся народов»: «...Националистический уклон во главе со Скрыпником был прямым продолжением уклона Шумского в 1927 г. ... И тот и другой работали на дело отрыва Украины от Советского Союза, на дело империалистического порабощения украинских рабочих и крестьян»[163]. В том же духе были выдержаны выступления на съезде и других делегатов от Украины – С.В. Косиора, Г.И. Петровского, А.Г. Шлихтера.

§ 3. Украинский вопрос в политике Польши, Чехословакии и Румынии в 1930-е годы. Образование Карпатской Украины

Политика польских, чехословацких и румынских властей в 1920-е гг. не принесла прочного мира и спокойствия на украинские земли. Деятели украинского движения не были удовлетворены действиями властей Польши, Чехословакии и Румынии. Руководство этих стран, в свою очередь, с тревогой следило за ростом самосознания национальных меньшинств и усилением радикальных настроений в украинском обществе.

Конструктивного межнационального диалога между западноукраинским обществом и польскими властями не получалось. 1930-е гг. начались с активного противостояния между радикальной частью украинского движения и польским руководством, вызванным антипольскими террористическими действиями националистов и политикой умиротворения варшавских властей. В то же время отнюдь не вся польская общественность была благожелательно настроена к волынскому варианту нормализации межнациональных отношений. Не способствовала успеху украинской политики Польши и международная ситуация. Варшаву особенно беспокоили прогерманские настроения среди руководства ОУН. Уже в конце 1932 г. ОУН прилагала усилия для установления связей с германскими спецслужбами. Так, состоялась встреча Е. Коновальца и Р. Ярого с руководителем Абвера Р. Патцигом, на которой, как писал А.В. Кентий, «было достигнуто джентльменское соглашение касательно продолжения сотрудничества в случае войны с Польшей»[164]. Летом 1933 г. в окружении только что пришедшего к власти Гитлера уже велись разговоры об организации выступления украинских националистов в Восточной Галиции в случае вооруженного конфликта с Польшей, что могло существенно повлиять на польскую военную мощь[165].

В условиях очевидного кризиса Лиги наций после выхода из нее в октябре 1933 г. Германии, Польша в 1934 г. заявила о своем выходе из системы международно-правовой охраны национальных меньшинств. Взятые на себя обязательства Варшава никогда не исполняла сколько-нибудь удовлетворительно, но теперь отпала надобность даже в формальном следовании принципам Версальской системы.

Между тем советофильские настроения в западноукраинском политическом лагере Польши в 1930-е годы уже не были так распространены, как в предшествующий период. Неблагоприятное впечатление произвел процесс над так называемым Союзом Освобождения Украины 1930 г., а сообщения о голоде в УССР, появившиеся в западноукраинской прессе, нанесли еще больший удар по советофильству. Наконец, с тревогой было воспринято известие о самоубийстве Скрыпника. 24 июня ЦК УНДО приняло резолюцию о положении на Советской Украине, в которой осудило «грабительскую, рассчитанную на физическое и моральное истребление украинского народа политику коммунистов на Украине»[166]. 24 июля греко-католический епископат обратился к верующим с призывом помочь голодающим украинцам в УССР[167]. На совместном заседании Украинской парламентарной репрезентации (УПР) и представителей украинских организаций и учреждений Львова был образован Общественный комитет спасения Украины, который начал проводить акции протеста против политики большевиков в УССР[168]. Польское правительство, учитывая подписанный советско-польский договор о ненападении, стремилось ограничить проведение протестных акций, а после убийства работника советского консульства А. Майлова запретило во Львовском воеводстве любые общественные собрания.

События 1933 года сказалась и на судьбе КПЗУ. Советское руководство было недовольно тем, распространявшиеся в Польше

известия о голоде не встретили решительного отпора со стороны партии. Лидеры КПЗУ М. Заячковский и Г. Иваненко были вызваны в СССР, обвинены в измене как замаскированные агенты ОУН и арестованы по делу Украинской военной организации. Через пять лет, в 1938 г., Коминтерн одобрил решение о роспуске КПЗУ.

Поворот в украинской политике польских властей произошел во второй половине 1930-х годов. После смерти Ю. Пилсудского в 1935 г. в варшавской политической элите вокруг этой проблемы шла борьба между тремя группировками, объединившимися вокруг премьер-министра В. Славека, президента Польши И. Мосцицкого и генерального инспектора Вооруженных Сил Э. Рыдз-Смыглы.

В. Славек, возглавлявший в марте–октябре 1935 г. правительство Польши, предпринял попытку нейтрализации украинского движения в Восточной Галиции. В мае–июне 1935 г. на нескольких неформальных встречах представителей УНДО с правительственными чиновниками было достигнуто соглашение между руководством УНДО (В. Мудрый, В. Целевич, О. Луцкий) и министром внутренних дел М. Зындрам-Косцялковским. Нормализация касалась только Галиции. Правительство предложило некоторые уступки для украинцев в экономической и культурной сферах, а достижение соглашения давало возможность кандидатам из УНДО быть избранными в парламент[169].

Требования украинской стороны к правительству Польши были подготовлены в июле 1935 г. и переданы польской стороне В. Мудрым. Как вспоминал член ЦК УНДО И. Кедрин, речь шла о прекращении польской колонизации украинских земель; свободном приеме украинской молодежи в высшие учебные заведения; открытии украинского университета; использования термина «украинский» вместо «русский» и «русинский»; открытии закрытых украинских государственных гимназий; преподавание в украинских школах на украинском языке в полном объеме;

предоставлении украинской молодежи возможности трудоустройства в органах госадминистрации и местного самоуправления; амнистии политзаключенных и т.д.[170]

В результате польско-украинского соглашения 1935 г. был выделен кредит некоторым украинским коммерческим организациям, больнице украинского общества «Народна ликарня» во Львове, поликлинике для матери и ребенка во Львове. 27 февраля 1936 г. было издано распоряжение министра внутренних дел Польши Ф. Славой-Складковского, уравнивавшее использование в государственных учреждениях и официальных документах терминов «ruski» и «ukraiński», поскольку они, по мысли министра, использовались для обозначения одного и того же народа. Кроме того, госадминистрация отказалась от тесного сотрудничества с галицкими москвофилами, некоторые украинские учителя были возвращены из центральных районов Польши на территорию Восточной Малой Польши, нескольких украинцев приняли на работу в госучреждения и кампании, два галицких украинца получили должности в польском МИД (одна вакансия – в польском консульстве в Харбине и одна – в Нью-Йорке)[171].

Одновременно польские власти провели судебные процессы над членами ОУН. 18 ноября 1935 г. в Варшаве начался процесс над участниками покушения на Перацкого. Перед судом предстали 12 членов ОУН, в том числе С. Бандера. 13 января 1936 г. суд вынес обвинительный приговор, С. Бандера, Н. Лебедь и Я. Карпинец были приговорены к смертной казни, но по правительственной амнистии она была заменена на пожизненное заключение, другие были приговорены к длительным срокам заключения

Еще один процесс над 23-мя деятелями ОУН проходил с 25 мая по 26 июня 1936 г. во Львове. Речь шла о нескольких террористических актах, совершенных членами ОУН (убийство зав. канцелярией Генконсульства

СССР во Львове А. Майлова в 1933 г., директора Львовской гимназии И. Бабия в 1934 г., студента Я. Бачинского и др.). С. Бандера и Р. Мигаль были приговорены к пожизненному заключению, остальные – к длительным срокам[172].

Часть правящего лагеря во главе с генеральным инспектором Вооруженных Сил Э. Рыдз-Смиглы и военным министром Т. Каспжицким инициировали так называемую политику «усиления польскости» в северо-восточных регионах страны. В июне 1935 г. польская полиция провела в Волынском воеводстве пацификацию. В ночь с 24 на 25 июня были организованы массовые полицейские облавы, которыми было охвачено 78 сел трех уездов, в ходе которых арестовали 41 человека.

В сентябре 1936 г. были арестованы деятели Украинского национального казацкого движения (УНАКОР) – украинской эмигрантской организации, лидером которой был И. Полтавец-Остряница. На Волыни действовало ее подразделение под руководством И. Волошина-Берчака. 27–30 апреля 1937 г. в Луцке состоялся судебный процесс над 44 унакоровцами. Двое подсудимых были оправданы, остальные были приговорены к тюремному заключению. Впрочем, уже осенью 1936 г. в селе Заполье Любомльского уезда была опять организована ячейка УНАКОР. 15 июля 1939 г. 13 членов этой организации были арестованы, восьмеро из них очутились в тюрьме[173].

Были произведены аресты и среди членов ОУН на Волыни. Акция по ликвидации началась в ноябре 1938 г. и длилась практически до сентября 1939 г. Были арестованы 754 человека, из них заключены в тюрьму 624 члена ОУН, под надзор полиции попали 43 человека и освобождены 87 человек. Были проведены судебные процессы, на 8 июня 1939 г. 207 членов ОУН были приговорены к тюремному заключению на срок от 1 до 13 лет. В Березе Картузской к началу сентября 1939 г. из 7 тыс. новых заключенных 4,5 тыс. были украинцами[174].

В январе 1936 г. премьер-министром Польши Зындрам-Косцялковским на заседании Национального комитета Президиума Совета министров были представлены тезисы национальной политики. Предполагалось создание полонофильского движения среди украинцев Волыни и Галиции, а в отношении украинцев Холмщины, Полесья, Подляшья и Лемковщины планировалось проводить политику национальной ассимиляции[175].

В июле 1936 г. командующий округом Корпуса II в Люблине, которому в военном отношении подчинялось Волынское воеводство генерал М. Сморавиньский направил министру юстиции В. Грабовскому заключение об общественно-политической ситуации в Волынском воеводстве. Деятельность воеводы Юзевского была подвергнута резкой критике. По мнению Сморавиньского, следствием «волынского эксперимента» стало уменьшение польского присутствия на территории воеводства и превращение Волыни в оплот коммунизма и воинствующего украинского национализма[176].

Усилению польского присутствия на Волыни призвана была служить ревиндикационная акция, развернувшаяся во второй половине 1937 года и осуществлявшаяся и путем административного давления, и методами откровенного запугивания. Она приняла массовый характер, нередко осуществлялся перевод в римско-католическую веру целых сел[177]. Так, в Кременецком повете в декабре-январе «перешли в католичество около 900 человек», в феврале были два случая перехода в католичество – 56 и 62 человека, в марте – три случая (45, 40 и 99 человек), в апреле – 72 человека, в мае – 15 и 34 человека, в июне – 49 и 33 человека[178].

«Волынский эксперимент» был прекращен в апреле 1938 г. Юзевский был отозван из Волыни, получив новое назначение в Лодзь. Уже после своей отставки бывший волынский воевода написал записку «Об основных направлениях польской государственной политики на Волыни»,

в которой высказал обеспокоенность вмешательством военных в межнациональные и межконфессиональные отношения на Волыни. По его мнению, полная полонизация школ, увольнения украинской интеллигенции со своих должностей будут иметь неблагоприятные последствия: «Позиция ненависти ко всему украинскому вызовет со стороны украинцев позицию ненависти ко всему польскому»[179].

Новым волынским воеводой стал А. Гауке-Новак. Новая волынская администрация объявила об ускорении процесса полонизации воеводства. В феврале 1939 г. по инициативе нового воеводы была разработана и утверждена министерством внутренних дел новая «программа государственной политики на Волыни». Реализация программы должна была способствовать, во-первых, самой «тесной органической соборности Волыни со всей Речью Посполитой»; во-вторых, «обязательному расширению и углублению принципов сосуществования польского и непольского населения, ввиду основополагающего утверждения о том, что именно государственная и национальная ассимиляция непольского населения является главной целью этого сосуществования»[180]. Речь шла о прекращении украинизации православной церкви, ликвидации всех украинских организаций на территории воеводства, закрытии украинских школ, в том числе частных.

В конце 1930-х гг. курс польского руководства предполагал активную полонизацию национальных меньшинств с применением репрессивных методов и административного нажима, что привело к росту антипольских настроений среди украинцев. Весьма показательно, что в 1938 г. был закрыт «Польско-украинский бюллетень». Немалую роль сыграло нарастание напряженности в Европе, кризис вокруг Чехословацкой Республики, появление автономной Подкарпатской Руси, в последующем провозглашенной Карпатской Украиной.

Все эти события не могли не отразиться на настроениях украинских политических сил в Польше. 3 декабря 1938 г. руководитель УНДО В. Мудрый официально заявил в сейме о неуспешности польско-украинского союза, о том, что польская сторона не оправдала надежд украинцев. 9 декабря украинская фракция в сейме внесла на обсуждение в парламент законопроект об украинской национальной автономии на украинских этнических землях Польши. Согласно проекту, юрисдикции правительства и администрации Галицко-Волынской земли подлежали все вопросы, за исключением внешней политики, армии и финансов на общегосударственном уровне. Решения Президента Польши, касающиеся Галицко-Волынской автономии, приобретали бы юридическую силу только после утверждения галицко-волынского Совета министров и галицко-волынского министерства, к компетенции которого относилось бы конкретное решение. Проект предусматривал также независимый от центральной власти судебной системы, системы образования и даже территориальных воинских частей из выходцев Галиции и Волыни. Сотрудники госадминистрации и органов власти на территории Галицко-Волынской земли также должны были выбираться из местных уроженцев. Обязательным условием для госслужащих и учителей было владение как польским, так и украинским языками[181].

В январе 1939 г. Совет министров Польши обсуждал программу действий по украинскому вопросу, а в марте была подготовлена правительственная программа усиления польского элемента в Восточной Малой Польше, предусматривавшая тесное культурное и экономическое объединение Восточной Галиции с Польской Республикой, создание «сильного сознательного польского общества». Программа предусматривала изменение национальной структуры юго-восточных земель путем плановой польской сельскохозяйственной колонизации, увеличение польского населения городов, индустриализации, зарубежной

эмиграции и внутренней миграции населения, польской национально-просветительской работы среди «рутенизированного» местного населения, которое имеет польское происхождение[182].

Внимание к украинскому вопросу польских властей было неслучайным: события в соседней Чехословакии – предоставление автономии Подкарпатской Руси, которая автономным правительством стала именоваться Карпатской Украиной, привели к оживлению деятельности украинского национального движения. Как докладывал зам. начальника Офицерского поста контрразведки К. Кренц 21 января 1939 г., «среди украинского населения ходят версии, что в ближайшее время с помощью Гитлера на территории восточной части Малой Польши будет создано Украинское государство»[183].

В Чехословакии отношение к украинскому движению также изменилось. В середине 1930-х гг. чехословацкие власти внимательно и настороженно отнеслись к усилению украинского националистического движения в соседней Восточной Галиции. Лидер национальных социалистов В. Клофач подчеркивал потенциальную опасность сепаратизма в украинском движении. «Но достаточно взглянуть на широко распространяемые открытки, где карта Великой Украины поглотила не только Подкарпатскую Русь, но и Восточную Словакию, чтобы понять, откуда исходит политическая опасность для нашего государства»[184], – писал он в середине 1930-х годов. Чехословацкие власти обращали большое внимание на украинское движение в соседних странах. В полицейских рапортах говорилось, что ОУН намеревается силой оторвать Подкарпатскую Русь от Чехословакии и присоединить ее к единому украинскому государству, а сторонники гетмана П. Скоропадского собираются вернуть Подкарпатскую Русь Венгрии после возрождения украинского государства[185].

Международная обстановка не благоприятствовала Чехословакии, особенно напряженными были отношения с Польшей, Венгрией и Германией. При этом борьба за автономию Подкарпатской Руси поддерживалась извне: Автономный земледельческий союз во главе с А. Бродием – Венгрией, Русская национально-автономная партия С. Фенцика – Польшей.

Как считает П.Р. Магочи, в политике Праги произошел поворот к русинизму[186], что было обусловлено консолидационными усилиями правительства в условиях политической напряженности в Европе. Усилия правительства стали направляться на поддержку местного русинского национального самосознания: в 1935–1936 гг. в Праге был основан Народнохозяйственный союз Подкарпатской Руси (чеш. –Národohospodářsky Svaz pro Podkarpatskou Rus), Подкарпаторусская Матица (чеш. – Matice Podkarpatoruská), Клуб друзей Подкарпатской Руси (чеш. – Klub přátel Podkarpatské Rusi) в Братиславе[187]. С 1934 г. в Подкарпатской Руси на местном наречии велись радиопередачи[188].

В 1935 г. третьим губернатором Подкарпатской Руси был назначен К. Грабарь, член правящей Аграрной партии, представитель местной русинской ориентации, не участвовавший ни в русофильском, ни в украинском движении[189]. Премьер-министр ЧСР М. Годжа, пытаясь снизить накал страстей, высказал намерение внимательно отнестись к требованиям автономии Подкарпатской Руси. Воодушевленные сообщениями из Праги, украинофильская и русофильская фракции Центральной Русской Народной Рады на своем совместном заседании 12 марта 1936 г. приняли специальный меморандум об автономии и направили его чехословацкому правительству. Решения Праги не оправдали надежд русинских лидеров: в июне 1937 г. был принят закон, несколько расширявший полномочия губернатора, однако речь об автономии не шла[190].

Ситуация обострилась осенью 1938 года. В результате Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 г. от ЧСР были отторгнуты Судетская область (которая отошла к Германии), и Тешинская область (к Польше). В итоге Чехословакия потеряла одну треть своей территории с населением 5 млн. человек и 40 % своего промышленного потенциала. Преданная западными союзниками, страна очутилась в состоянии глубокого политического кризиса**.**

Оказавшееся в тяжелом положении чехословацкое руководство вынуждено были пойти на установление автономии Подкарпатской Руси. 21 сентября 1938 г. представители политических партий украинофильской и русофильской ориентаций подписали Декларацию о создании автономной администрации в Подкарпатской Руси. 8 октября в Ужгороде состоялось совещание с участием депутатов парламента и сената от Подкарпатской Руси, на котором было достигнуто соглашение о персональном составе автономного правительства и создана Национальная рада Подкарпатской Руси, в которой Украинскую народную раду представляли А. Волошин, Ю. Бращайко, Д. Нимчук. В Национальную раду вошли представители практических всех основных политических сил края. В выпущенном меморандуме Национальная рада провозгласила себя единственным законным представителем всех русинских областей Карпат и «всего его населения, для которого обеспечивается самоопределение и самоуправление». Было решено добиваться для Подкарпатской Руси тех же прав, которые получила и получит Словакия. Кроме того, было решено требовать немедленной замены значительной части чешских правительственных чиновников в крае местными кадрами и принятия закона о Подкарпатской Руси[191].

11 октября 1938 г. было провозглашено автономное коалиционное правительство Подкарпатской Руси в составе преимущественно представителей русофильских политических партий во главе с А. Бродием.

15 октября было издано распоряжение о языке Подкарпатской Руси. Государственным языком объявлялся язык русский (малорусский) до окончательного решения этого вопроса сеймом Подкарпатской Руси[192]. Правительство поставило задачу решить вопрос о границе между Подкарпатской Русью и Словакией. Бродий начал кампанию за присоединение к краю восточнословацких районов с русинским населением (Пряшевщины). Один из министров нового правительства, С. Фенцик, отправился в Прешов для обсуждения этого вопроса. В своей первой премьерской речи Бродий откровенно заявил, что «первое правительство Карпатской Руси предпримет все меры, чтобы объединить все русские области в Карпатах (от Попрада до Тисы) в один целое, свободный штат»[193].

Такое внимание к территориальному вопросу было вызвано претензией Венгрии на часть территории Словакии и Подкарпатской Руси, где проживало венгерское население. 25 октября 1938 г. Венгрия потребовала или проведения всенародного плебисцита, или арбитража европейских государств. 26 октября чехословацкое правительство согласилось на арбитраж.

Однако А. Бродий оставался премьером недолго. Вскоре он был обвинен в том, что долгое время работал на Венгрию, и 26 октября 1938 г. премьер-министром второго автономного правительства стал А. Волошин, что привело к укреплению украинского направления в общественно-политической жизни края. Новый состав автономного правительства стал исключительно украинским, и русофилы перешли в оппозицию, организуя антиукраинские митинги и демонстрации во многих карпатских городах. В свою очередь, Украинская народная рада опубликовала 27 октября 1938 г. в газете «Нова свобода» обращение «К украинцам всего мира! Ко всем украинским партиям, организациям, группам, обществам в Галиции, Буковине, Бессарабии, Поднепровской Украине, Канаде, Соединенных

Штатах Америки и к украинцам в целом, где бы они не проживали»: «Украинская народная рада выражала надежду, что великий 50-миллионный украинский народ… не допустит, чтобы наши вековечные враги налагали на нас путы, снова сажали нас в тюрьмы». Обращение было расценено как призыв о помощи, и в соседней Галиции прошли демонстрации в поддержку правительства Волошина (во Львове, Станиславе, Коломые), начались нелегальные переходы польско-чешской границы галицкими украинцами[194].

События вокруг Чехословакии развивались стремительно. 2 ноября состоялся первый Венский арбитраж, по которому к Венгрии отходили южные районы Словакии и Подкарпатской Руси с преимущественно венгерским населением. Подкарпатская Русь лишилась наиболее крупных в крае городов – Ужгорода, Мукачева, Берегова. Правительство Волошина перебазировалось из Ужгорода в Хуст. В начале ноября 1938 г. было создано общество Карпатская Сечь, цель которого заключалась в защите «государственных и национальных интересов Подкарпатской Руси и укреплении оборонного духа в украинском обществе этого края, преодолении антигосударственной пропаганды и всесторонней поддержке правительства Подкарпатской Руси, особенно для поддержания порядка и безопасности»[195]. Команды сечевиков были созданы во многих населенных пунктах, возглавлял руководство Карпатской Сечи Д. Климпуш.

ОУН с энтузиазмом восприняла события в Подкарпатской Руси, в автономию хлынул поток украинцев из Галиции, надеявшихся, что Закарпатье станет центром, вокруг которого образуется единое украинское государство. Польская полиция была озабочена событиями в Карпатской Украине (в одном из документов следственного управления в Тарнополе оно именовалось «карликовым наброском суверенного украинского государства»[196]): «Правительство свящ. Волошина, которое – избегая внутренних и внешних перетрясок – в настоящее время хочет посвятить

себя работе на благо мира для укрепления украинизма на Прикарпатской Руси и экономического устройства, отдает себе одновременно отчет, что молодые эмигранты ориентируются не столько на авторитет Хуста, сколько на максималистскую программу и авторитет полковника А. Мельника, шефа Провода Украинских Националистов»[197]. Действительно, украинские радикальные националисты стремились занять главное положение в государственных и партийных структурах и руководстве Карпатской Сечи и требовали решительных действий, в частности по отношению к чехам и пражской власти. По словам представителя правительства автономии в Праге В. Шандора, молодежь из Галиции «принесла с собой не только пылкий патриотизм, но и формы и методы конспиративной антипольской борьбы, которые они стали внедрять в жизнь и в Карпатской Украине»[198].

22 ноября одновременно с законом об автономии Словацкого края, парламент одобрил и закон о Подкарпатской Руси, которая объявлялась автономной частью Чехо-Словацкой республики. Новый курс правительства был зафиксирован в новом распоряжении о языке: «государственным языком Подкарпатской Руси является малорусский, т.е. украинский язык» плоть до решения этого вопроса сеймом»[199]. В конце декабря правительство распустило земское (краевое) правительство в Хусте и официально позволило употреблять наряду с названием «Подкарпатская Русь» также название «Карпатская Украина»[200]. Правительство Волошина жестко действовало в отношении оппозиционных сил. Премьер издал несколько указов о закрытии изданий, которые не устраивали новую власть, в том числе газет «Русин», «Карпаторусский Голос», «Русский голос» и журнала «Тиса». Последний был закрыт из-за публикации двух статей, в одной из которых редакторы убеждали своих читателей на местном варианте русского языка, что «новая республика и новая Подкарпатская Русь не обеспечат ему ту спокойную

жизнь, ту русскую культуру и тот насущный кусок хлеба, каким он до сих пор жил». Была введена жесткая цензура оставшихся газет и журналов, были закрыты местные центры русофильского культурно-просветительского общества им. Духновича, а 20 ноября 1938 г. по указу Волошина в Карпатской Украине был создан и начал действовал концентрационный лагерь Думен вблизи Рахова[201].

Власти ЧСР пытались контролировать ситуацию. В декабре 1938 г. президент Чехословакии Э. Гаха снял министра внутренних дел Карпатской Украины Е. Бачинского и в середине января 1939 г. прислал на его место чешского генерала Л. Прхалу[202]. Однако правительство Волошина расценило это как вмешательство во внутренние дела автономии, организовало демонстрации и массовые акции протеста. В результате Прхала стал министром транспорта[203].

20 января политические партии были распущены и вместо них было создано Украинское национальное объединение. Впрочем, 6 февраля правительство уточнило свое распоряжении о роспуске партий, оно не касалось аграрной, социал-демократической, народно-социалистической и христианско-народной партий[204].

Правительство ускоренными темпами намеревалось провести украинизацию. Так, широкий резонанс вызвало намерение правительства заменить чешских чиновников украинцами (в Подкарпатской Руси работало 8,5 тыс. чешских чиновников). Правительство сообщило об этом 24 ноября 1938 г., а уже 3 декабря было объявлено о создании курсов украинского языка для государственных служащих[205]. 23 декабря было издано распоряжение о том, чтобы все служащие знали украинский язык[206]. Также было объявлено о необходимости сменить вывески на магазинах, банках, сберегательных кассах, общественных учреждениях, частных фирмах, объявления врачей, аптекарей и адвокатов, и «вообще надписи, вывешенные публично»: они должны быть изготовлены таким

образом, «чтобы на первом месте был текст на украинском языке, а под ним может быть надпись на чешском или словацком»[207.]

Правительство Волошина добивалось введения во всех школах украинского языка. 23 ноября было издано распоряжение о начале обучения на украинском языке «в школах, основанных для украинских детей». Классы с русским языком обучения могли быть открыты в том случае, если такое желание выражали родители не менее 40 детей. Если же количество учеников в таком классе снижалось до 30, то класс закрывался и детей следовало переводить в классы с украинским языком обучения[208].

Расширялась сеть украинских школы, были открыты гимназии с украинским языком обучения в Билках, Рахове, Ракошине, около 50 новых горожанских и сельских народных школ, намеревалось открыть народный университет и перенести в Хуст из Праги Украинский свободный университет. В Хусте было создано литературно-художественное общество «Говерла», издававшее одноименный ежемесячник под редакцией О. Ольжича, действовал государственный театр «Нова Сцена»[209].

Однако ситуация складывалась не в пользу Подкарпатской Руси/Карпатской Украины. 12 марта 1939 г. Гитлер уведомил венгерского посла в Берлине, что Германия дает согласие на присоединение Карпатской Украины к Венгрии. 14 марта Германия объявила ультиматум Чехо-Словакии и на следующий день германские войска заняли Чехию, Моравию и Чешскую Силезию, на территории которых 16 марта был создан имперский Протекторат Чехии и Моравии. Словакия в границах Венского арбитража во главе с авторитарным союзником Гитлера Й. Тисо стала независимым государством.

В этих условиях 15 марта 1939 г. сейм Карпатской Украины следом за Словакией провозгласил независимость. В связи с вторжением венгерских войск, избранный президентом Карпатской Украины

А. Волошин обратился к Риббентропу с просьбой о «защите в немецком рейхе». Однако германский консул в Хусте уведомил украинскую сторону, что в ситуации, когда венгерские войска зашли уже достаточно далеко вглубь страны, Германия не может оказать помощи Карпатской Украине, поскольку это может вызвать вооруженный конфликт с венграми и поляками. Учитывая это, консул посоветовал «добровольно сдаться венграм»[210]. Карпатская Украина не могла оказать длительного сопротивления венгерским войскам собственными силами: несмотря на то, что Карпатская сечь насчитывала 10–12 тыс. членов, военное обучение прошла незначительная их часть, а количество вооруженных бойцов не превышала 2 тыс. человек[211]. Организованная вооруженная борьба в Карпатской Украине фактически прекратилась 19 марта 1939 г., хотя небольшие партизанские группы, преимущественно в горной местности, еще какое-то время тревожили оккупантов.

В Румынии вторая половина 1930-х годов была отмечена дальнейшим наступлением на права этнических меньшинств. 2 января 1938 г. премьер О. Гога выступил по радио с программной речью, в которой отметил, что правительство настроено решить национальный вопрос путем вытеснения национальных меньшинств (прежде всего евреев) из всех областей хозяйственной и государственной жизни. Первыми официальными актами правительства стали постановления об изгнании представителей меньшинств из государственного аппарата и введения ограничений для еврейского капитала. В начале января 1938 г. правительство приняло постановление о проверке гражданства национальных меньшинств, которые поселились в Румынии после 1918 г., и обязал работодателей составить списки рабочих и служащих нерумынского происхождения. По наименее придирчивым подсчетам мероприятия по проверке гражданства только на Буковине угрожали выселением около 40 тыс. лиц. Правительство Гоги–Кузи быстро

дискредитировало себя, и 10 февраля 1938 г. король отправил правительство в отставку[212].

Следующим шагом в направлении авторитарного развития государственной жизни королевства стало принятие новой конституции, которая наделяла Кароля II полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти. В Конституции были закреплены исключительные права румын. В частности, ст. 27 отмечала, что натурализовавшие румыны, в отличие от этнических румын, не имели права на приобретение и содержание собственности в сельских местностях; ст. 67 отмечала, что министром может быть только румын в третьем поколении. Завершил формирование политической системы для избранных по этническому признаку июньский 1938 г. закон о проверке гражданства. Согласно срочному распоряжению королевского резидента на Буковине Г. Алексяну, с 1 декабря 1938 г. в общественных местах были размещенные объявления с требованием говорить только по-румынски[213].

Государственные служащие были обязаны в письменном виде присягнуть на верность королю и новой конституции, общественные собрания должны были заканчиваться выполнением румынского гимна. На руководящие должности назначали лица, которые имели статус внепартийных. Декретом от 16 февраля 1938 г. «государственным служащим, церковным служителям всех вероисповеданий, преподавателям средних и высших учебных заведений и вообще всем, кто получает в любой форме заработную плату от государства, уезда или общества» запретили заниматься политической пропагандой, принимать участие в политических партиях, манифестациях политического характера; их обязали выйти из всех политических организаций и в течение 15 дней в письменном виде сообщить о своем пребывании в любых политических партиях. Декрет вынуждал все перечисленные категории служащих в семидневный срок заявить об отказе от политической деятельности под

угрозой увольнения[214]. 31 марта 1938 г. были ликвидированы все политические партии в стране, а 14 апреля был издан закон о защите государственного строя, по которому запрещалось вести пропаганду, направленную на смену государственного строя. Таким образом, были распущены все политические, экономические организации и общества, которые не устраивали правительство. Был установлен жесткий контроль за прессой.

1 мая 1938 г. при правительстве был создан «Генеральный комиссариат для национальных меньшинств», который отвечал перед министерским президиумом за деятельность и развитие меньшинств в Румынии. При помощи комиссариата правительство пыталось вывести дело национальных меньшинств из-под юрисдикции и контроля Лиги Наций, предоставив это как внутреннее дела государства. В июне 1938 г. был издан декрет о лишении гражданских и имущественных прав лиц, которые вели за рубежом пропагандистскую деятельность с целью изменения государственного строя. Следующим шагом короля стала организация единой партии. Решение по этому вопросу было оформлено декретом от 15 декабря 1938 г., которым учредили Фронт национального возрождения (ФНВ). После переговоров было принято решение о корпоративном включении венгерского меньшинства в состав ФНВ, кроме того, венгры получили право создать собственную организацию, которая защищала бы культурные, экономические и социальные интересы венгров. В ФНВ была создана также немецкая секция, о своем желании вступить в ФНВ заявили и представители польской общественности[215].

Представители Буковины и Бессарабии также вели переговоры с Министерством национальных меньшинств о предоставлении обществу прав, полученных венграми и немцами. В апреле 1940 г. было получено разрешение на частичное введение украинского языка в школах и Черновицком университете, а также введение качественно новой

должности в реестре государственных служащих – инспектора для контроля за обучением на украинском языке, который должен был быть украинцем по происхождению[216]. Однако программу не удалось провести в жизнь: вскоре Северная Буковина и Бессарабия вошли в состав СССР.

§ 4. Регулирование курса на украинизацию

В УССР окончательно была решена судьба интенсивного варианта политики украинизации. Как сказал Косиор на XVII съезде ВКП(б), под ее флагом вели «свое вредительское дело» разные «контрреволюционные элементы»[217]. Искоренить последние должны были многочисленные «чистки» партии – могучее орудие «укрепления боеспособности украинской партийной организации в ее борьбе за проведение генеральной линии партии против остатков кулачества, против оппортунизма и национализма»[218]. Объявленная уже в декабре 1932 г., «чистка» постепенно охватила всю украинскую компартию и продолжалась с перерывами на протяжении нескольких лет. Встречаясь с областным киевским активом, Д.З. Мануильский в конце мая 1934 года заявил, что во время чистки требуется обратить особое внимание на состояние дел в национально-культурной жизни, на ряд учреждений, который имеют высокое звание академий, институтов, ученых товариществ, в которых часто находят пристанище классово-враждебная идеология. Только за 1933 г. численность украинской парторганизации уменьшилась на 109 556 человек[219].

Активно велась и чистка Наркомпроса. В течение 1933 года из его аппарата были «вычищены» 200 человек, в областных управлениях наркомата заменили всех руководителей, в районных – 90 %. 4000 учителей были уволены как классово враждебные элементы. В научно-исследовательских учреждениях Наркомпроса и университетах были

репрессированы 270 ученых и преподавателей, в désинститутах – 210[220]. Замнаркома просвещения Украины А.А. Хвыля, непосредственно участвовавший в кадровых чистках, в статье «Воспитывать молодое коммунистическое поколение», опубликованной в «Комуністе» 27 июля 1933 г., так определял итоги своей деятельности: «В прошлом учебном году мы провели большую борьбу за очищение учительской армии от классово-враждебных элементов – петлюровцев, махновцев, белогвардейцев, куркульских недобитков». А 5 августа 1933 г. в той же газете в статье «По-большевистски встретить новый учебный год» Хвыля писал, что Наркомпрос УССР «дал задания всем областям пересмотреть состав заведующих школ, чтобы «выгнать классово-враждебные элементы, выгнать петлюровско-националистические элементы»[221].

На Украине, как и во всей стране, господствовала удушливая атмосфера взаимного недоверия. Массовые репрессии 1930-х годов проходили на фоне нараставшей военной опасности, и в общественное сознание активно внедрялся мотив уничтожения «пятой колонны». Были арестованы сотни тысяч хозяйственных, партийных, военных работников. Быстро менялось и подвергалось репрессиям советское и партийное руководство национальных республик. Обстановка общей подозрительности создавала условия для распространения доносительства. В этом плане весьма характерно появление таких фигур, как П.Т. Николаенко. По оценке известного российского исследователя О.В. Хлевнюка, она стала «одной из тех экзальтированных жертв сталинского учения об усилении классовой борьбы, которым повсюду мерещились враги и шпионы»[222]. Биография Николаенко была типичной: батрачка, в 1920 г. вступила в партию, трудилась женоргом, училась. В 1935 г., работая в музейном городке в Киеве, она обвинила одного из сотрудников в краже экспонатов. Директор не поддержал Николаенко, та стала обличать и его. Николаенко отправили в аспирантуру Ассоциации

марксистско-ленинских научных институтов (УАМЛИН), где она тоже разоблачила «врагов». После того, как партийная организация Ассоциации исключила Николаенко из партии, последовали заявления, что в УАМЛИНе засели враги. Николаенко подала заявление на имя Сталина, и в апреле 1936 г. Комиссия партийного контроля приняла решение восстановить ее в партии. Однако в Киеве восстанавливать Николаенко не торопились[223]. О Николаенко стало известно Сталину. На февральско-мартовском пленуме 1937 г. он посвятил ей целый абзац в своей речи, указав, что «простые люди оказываются иногда куда ближе к истине, чем некоторые высокие учреждения»[224].

Действительно, если раньше на Украине на официальном уровне делались различия между «великодержавным шовинизмом» и «местным национализмом» и выяснялось, откуда исходит «главная опасность», то теперь положение изменилось. В постановлении ЦК КП(б)У от 3 ноября 1934 г. говорилось о «новой тактике русских великодержавных шовинистов и украинских националистов, поддерживаемых всей контрреволюцией», заключающейся в создании ими общего блока на «платформе отрыва Украины от СССР», «ослабления позиций СССР и возврата власти помещиков и капиталистов»[225]. На протяжении последнего года, указывалось в документе, КП(б)У «вела решительную борьбу по добиванию и дальнейшему выкорчевыванию остатков контрреволюционных элементов – украинских националистов и троцкистов»[226]. При этом «вредительская работа …остатков разгромленного контрреволюционного блока националистов и троцкистов облегчалась вследствие прямого укрывательства их со стороны оппортунистических, либеральствующих гнилых элементов, еще имеющихся внутри отдельных партийных организаций»[227].

Во время репрессий 1930-х годов любой партийный или советский работник в стране рисковал подпасть под подозрение «компетентных

органов». В постановлении политбюро ЦК КП(б)У от 26 мая 1933 г. «О чистке партии» речь шла о наличии внутри партийных организаций Украины «чуждых, перерожденческих элементов, кулацких агентов, представителей контрреволюционного буржуазного национализма, двурушников, скрывающих свои действительные стремления под прикрытием лживого формального признания генеральной линии партии»[228]. В подобном же духе было выдержано и постановление от 3 декабря 1934 г., где опять говорилось о наличии «внутри отдельных партийных организаций» различных «оппортунистических, либеральствующих гнилых элементов», прямо смыкающихся с националистами и троцкистами[229].

На Украине особую опасность представляло обвинение в «укрывательстве» и «пособничестве» «контрреволюционному блоку националистов и троцкистов». Докладывая на пленуме ЦК КП(б)У 26–30 января 1936 г. о результатах проверки партийных документов, Постышев заявил: «На протяжении 1933 и 1934 годов мы разгромили на Украине скрыпниковщину, увистов (т.е. членов УВО – *Е.Б.*), организации боротьбистов, троцкистов, блок националистов с троцкистами, организации польских и немецких националистов[230]. При этом на Украине троцкисты «вели и ведут здесь свою контрреволюционную работу, в блоке с различными националистическими и иными контрреволюционными организациями. Когда на Украине главной опасностью был великодержавный шовинизм, они блокировались с великодержавниками. … А когда главной опасностью на Украине стал украинский национализм, троцкисты блокируются с националистами на Украине»[231].

В результате проведенных «чисток» изменился национальных состав партийных и советских работников. Так, в постановлении секретариата ЦК КП(б)У об итогах чистки Харьковской областной парторганизации от 29 октября 1936 г. необходимость выдвижения на партийную работу

украинских большевистских кадров объяснялась снижением их численности: «В составе первых секретарей РК в 1933 г. украинцев было 59 %, в 1934 г. – 46,9 %, в 1935 г. – 44,5 %, на 1.1.36 г. осталось лишь 31 %»[232]. Та же ситуация сложилась и в Днепропетровской области. В постановлении секретариата ЦК КП(б)У об итогах чистки этой областной парторганизации, принятом также 29 октября 1936 г., приводились следующие цифры: «В составе первых секретарей РК и председателей РИКов Днепропетровской области – процент украинцев за последние 3 года систематически снижается: в 1933 г. – первых секретарей РК украинцев было 55 %, в 1936 г. – осталось 34 %. В составе председателей РИКов – в 1933 г. украинцев было 66 %, а в 1936 г. – 53 %»[233].

Особое внимание украинское руководство уделяло образовательной, научной и культурной сферам. В октябре 1933 г. критике подвергся Украинский национальный государственный институт педагогики и Всеукраинское общество «Педагог-марксист». Они были «засорены контрреволюционными буржуазно-националистическими петлюровскими элементами (Бадан, Витек, Приступа, Канюк), которые руководили основными отделами и секциями института» и являлся « легальной базой для контрреволюционной деятельности буржуазных националистических элементов», в частности, «принудительной украинизации нацменьшинств»[234].

Действительно, научные и учебные учреждения были особо подозрительными для партийного руководства: «ЦК КП(б)У считает, что деятельность остатков контрреволюционного блока националистов и троцкистов в отдельных научных и учебных учреждениях в течение последнего года является прямым результатом недостаточной бдительности со стороны отдельных партийных организаций»[235]. Недостаточно бдительными оказались партийные организации ВУАМЛИНа, Института красной профессуры, Харьковского университета,

Луганского института народного образования, допустившие «совместную разработку украинскими националистами и троцкистами антисоветских учебников и других литературных работ по социально-экономическим дисциплинам, выпущенных в 1931–1932 гг.». Речь шла о работах по политэкономии, философии, теории советского хозяйства, истории Украины таких ученых, как И. Гуревич, М.В. Чичкевич, П.С. Осадчий, М.И. Свидзинский и других. При этом ЦК КП(б)У подчеркивало, что «вредительская работа остатков разгромленного контрреволюционного блока националистов и троцкистов» облегчалась вследствие «прямого укрывательства их со стороны оппортунистических, либеральствующих, гнилых элементов, еще имеющихся внутри отдельных партийных организаций»[236] .

Националистические тенденции были обнаружены и в редколлегии Украинской советской энциклопедии, где «классовые врага, вредители и контрреволюционеры... использовали УСЭ как свою организационную и финансовую базу»[237], а также в ряде кульпросветучреждений. Так, художественный руководитель театра «Березіль» Л. Курбас под лозунгом «независимого искусства» якобы проводил политику изоляции театра от «нашей советской социалистической действительности»[238]. 5 октября 1933 г. Политбюро ЦК КП(б)У утвердило решение Наркомпроса УССР, в котором говорилось, что театр «не смог занять должного места в создании украинского советского искусства», а Курбас «сбивал театр на позицию украинского национализма», «нередко показывал советскую действительность карикатурно»[239]. 22 марта 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло решение переименовать харьковский театр «Березиль» в театр им. Шевченко[240].

12 мая 1933 года был арестован писатель М.Е. Яловой, первый президент ВАПЛИТЕ, руководитель политотдела Укргосиздата[241]. На следующий день покончил с собой Н. Хвылевой. В подготовленном

письме в ЦК КП(б)У членов ВАПЛИТЕ (О. Досвитный, Хвылевой, Яловой) говорилось о том, что выявившиеся в ходе литературной дискуссии «уклоны от партийной линии» были использованы «враждебными пролетарской революции элементами», но это произошло против желания членов ВАПЛИТЕ, и поэтому «ныне мы решительно рвем с теми нашими ошибками, которые давали повод врагам компартии примыкать к нам»[242]. Из библиотек Украины были изъяты произведения «националистического характера» Б.Д. Антоненко-Давидовича, Д.П. Гордиенко, Н.Г. Кулиша, Ф.И. Капельгородского, И.Н. Лакизы, А. Олеся (А.И. Кандыбы), В.П. Пидмогильного и других[243].

На январской сессии ВУАН 1934 г. нарком просвещения В.П. Затонский, выступая с докладом «О национально-культурном строительстве и борьбе против национализма», обвинил Грушевского в отстаивании «хуторянской украиники», Крымского – во вредительстве, Яворского – в сокрытии деятельности врагов в ВУАМН. На этой сессии из состава академии были исключены галичане М.С. Возняк, Ф.М. Колесса, К.И. Студинский и В.Г. Щурат, а также известный философ В.А. Юринец и основатель украинской географической науки С.Л. Рудницкий[244].

Одновременно проходила «чистка» преподавательского состава школ от «националистических элементов». В апреле 1934 г. Оргбюро ЦК КП(б)У создало специальные комиссии из представителей партийных и комсомольских организаций, Наркомпроса и органов госбезопасности, которые должны были к 1 июня проверить национальные районы и школы и очистить их от «антисоветских элементов». Подготовительная работа в этом направлении уже была проведена, и, как уже упоминалось, в период с марта 1933 по январь 1934 гг. из школ были уволены около 4 тысяч учителей-«националистов», причем «чистка» коснулась в первую очередь польских и немецких учебных заведений[245].

В период борьбы с «буржуазным национализмом» основное внимание было направлено на западноукраинских коммунистов-эмигрантов, эсеров, троцкистов, бундовцев и, конечно, бывших боротьбистов и укапистов. К последним относились особенно внимательно. В феврале 1933 г. в журнале «Більшовик України» была опубликована статья П.П. Любченко «О «национал-большевизме», в которой была дана резко отрицательная оценка попыткам соединения коммунистических и национальных идей. «“Национал-большевиками” начали именовать укапистов, шумскистов, разломовцев из КПЗУ и ряд других националистических группировок, выступавших в свое время против Коминтерна, с которыми наша партия вела решительную борьбу как с националистическими группировками»[246], – писал Любченко. Далее он подчеркивал, что «все так называемые примеры «национал-большевизма» получили свою оценку со стороны партии и Коминтерна, но никогда Коминтерн и партия не квалифицировали, не именовали их «национал-большевизмом». Коминтерн никогда не собирался наклеивать разным националистическим течениям, разным националистическим уклонистам ярлык «национал-большевиков». Коминтерн стоял на позициях разоблачения националистической сути каждого такого течения...»[247]. Через два месяца в журнале появилась еще одна статья под характерным заголовком «В борьбе с какими мелкобуржуазными украинскими националистическими партиями КП(б)У обеспечила победу пролетарской революции на Украине». «Украинские националистические партии — УСДРП, УПСР, вместе с другими буржуазными и мелкобуржуазными партиями, с большой активностью выступили на борьбу с большевиками в революции 1917 г., против установления советской власти на Украине, за установление власти украинской буржуазии, власти помещиков и капиталистов»[248], – писал автор статьи М. Загрецкий. При этом подчеркивалось, что «все лучшие элементы»

боротьбистов и укапистов были приняты в КП(б)У, однако «в ходе дальнейшей классовой борьбы» националистические элементы остатков этих партий «все больше входили в классово-враждебный лагерь, становясь одной из составных частей украинской контрреволюции»[249].

В результате чисток и репрессий, численность КП(б)У существенно сократилась. По состоянию на апрель 1937 г. в КП(б)У было на учете 296 643 коммунистов, что на 253 790 человек меньше, чем было на 1 января 1933 г., в то же время в КП(б)У оставались только 8,2 % тех, кто вступил в партию до 1920 г.[250] Т. Мартин обратил внимание на то, что в период репрессий «была разорвана связь между коренизацией и национал-коммунизмом»: террор был направлен «против трех основных категорий населения: национал-коммунистов, украинских специалистов в области культуры (преподавателей и экспертов в сфере национальной политики в частности) и, наконец, западноукраинской эмиграции»[251].

Корректировка коренизационного курса предусматривала изменения в системе образования. Борьба с национализмом, в том числе в системе Наркомпроса, не могла не затронуть и учебные заведения, в которых преподавание велось на языке национальных меньшинств. Если во второй половине 1920-х годов ЦК КП(б)У в принудительном порядке создавал для национальных меньшинств УССР школы с преподаванием на родном языке и с гордостью рапортовал об этом на партийных форумах, то в середине 1930-х годов партийные руководители были озабочены случаями «принуждения украинского и русского населения посылать своих детей в польские, чешские и другие национальные школы»[252]. Лейтмотивом многочисленных выступлений партийных деятелей в печати стал тезис о «принудительной украинизации», приведшей к насильственному вытеснению русского языка из школьного образования. Подобные «искажения ленинской национальной политики» приводили к национальной замкнутости как украинцев, так и представителей других

национальных меньшинств в УССР и создавали благоприятные условия для деятельности как украинских, так и немецких, польских и прочих националистов.

Такие высказывания были не случайны: высшее руководство опасалось, что национальные меньшинства (особенно немцы и поляки) могут использоваться иностранными правительствами против СССР. Для советского руководства знаковым событием была кампания помощи в Германии голодающим советским немцам. И Москва, и Харьков отнюдь не желали, чтобы немцы обращались за помощью к Берлину, или же поляки – к Варшаве, особенно после того, как в январе 1934 г. был заключен германо-польский пакт о ненападении. Закономерным итогом таких настроений было выселение в 1935 г. из пограничных районов в восточные области Украины «неблагонадежных элементов».

Двумя годами ранее речь шла об исправлении допущенных «нарушений» в национальной политике, в частности, о чрезмерном увеличении числа школ для национальных меньшинств. Как говорилось в отчете ЦК КП(б)У за период от XI до XII съезда ЦК КП(б)У, проведенная в 1933 г. по постановлению ЦК КП(б)У перепись детей нулевых, первых и вторых групп выявила, что «дети русских были обеспечены обучением на родном языке только на 41 %; в Херсоне не было ни одной группы младшего концентра для детей русских трудящихся. В Ольшанском районе (болгарский) была попытка целиком украинизовать второй концентр, в то время как для 50 % учащихся родной язык – болгарский. В молдавских школах (Н.-Одесский район) проводили обучение на украинском языке. Количество 7-леток для детей нацменшинств не обеспечивало обучение на родном языке. Были такие перегибы, как принудительная евреизация: в Зиновьевске по распоряжению зав. РОНО не принимали детей евреев в русские и украинские школы. В Калининдорфском районе в немецких и украинских школах введено было обязательное изучение еврейского языка

и т.д.»[253] Кроме того, «игнорировалось дело подготовки учителей для нацменшкол, особенно русских: существовал только один сектор (Киев), где было 95 учеников с выпуском в 1932–33 гг. – 13 чел.; педтехникумов для русских школ было в 1931–32 г. – 2, учеников – 324»[254].

2 августа 1933 г. Политбюро ЦК КП(б)У обязало Наркомпрос подготовить материалы о перераспределении «школьной сети в национальном разрезе»[255]. После проведения переписи и проверки работы школ, новое руководство Наркомпроса во главе с Затонским приступило к реформированию сети школ. В период между 1932/1933 и 1933/1934 учебными годами изменилось число так называемых смешанных школ. Выросло число украинско-русских школ (с 169 до 387), но уменьшилось количество украинско-немецких (с 46 до 30) и украинско-польских (с 64 до 44) школ[256]. Существенные изменения произошли и в школах Харькова. По сообщению Харьковского областного ОНО, в сентябре 1933 года в городе уменьшилось количество украинских школ (с 44 до 30), увеличилось количество русских школ (с 10 до 20), количество смешанных украинско-русских школ также увеличилось (с 25 до 39). Количество школ нацменьшинств не изменилось: в Харькове продолжали работать 5 еврейских, 1 польская, 1 татарская и 1 немецкая школы. Увеличилось и общее число школ – с 88 до 98[257].

Проводилась работа по проверке школ нацменьшинств. Соответствующее постановление ЦК КП(б)У, адресованное культпропу ЦК и органам ГПУ, вышло 13 декабря 1933 г.[258] Выехавшие на места проверяющие докладывали о возможности смены языка обучения в школах. Так, материалы проверки в мае 1934 г. польских школ Киевской области (всего 22 школы) содержали выводы о том, что польские школы «насаждены искусственно», польское население ассимилировалось, родным языком детей является не польский, а украинский. Тем не менее, «несмотря на незнание польского языка», «все польские дети ходят в

польскую школу, в украинскую школу посылают своих детей одиночки активисты, партийцы и рабочие», что объяснялось «национальной замкнутостью и религиозностью населения», агитацией местных учителей и т.п.[259]

После проверки замнаркома просвещения А.А. Хвыля докладывал в ЦК КП(б)У, что в ряде районов Киевской и Винницкой областей «есть школы, где детей обучают на польском языке в то время, когда они не понимают его и родной язык для них – украинский». Ссылаясь на принудительную полонизацию украинских детей в этих районах, Наркомпрос просил дать директиву о переводе школ для «детей украинцев-католиков» на родной язык[260]. В результате 10 июня 1934 г. Оргбюро приняло решение «Об исполнении постановления ноябрьского пленума ЦК и ЦКК КП(б)У и Политбюро ЦК КП(б)У от 13 декабря 1933 г “О кадрах школ национальных меньшинств”», в котором польские учителя были обвинены в контрреволюционности и насильственной полонизации украинского села. 16 июня 1934 г. украинское Политбюро приняло постановление «О польских школах», в соответствии с которым на украинский язык обучения переводились школы в тех районах, где население считало своим родным украинский[261].

16 августа Киевский обком докладывал, что уже была проведена работа в 14 районах из 34, в результате из 79 польских школ этих 14 районов – 43 школы «по решению родительских собраний и РПК переводятся на украинский язык преподавания, в 23 школах остается польский язык преподавания». К концу августа обком планировал закончить работу в остальных районах[262]. В результате в течение 1934 г. были реорганизованы в украинские 135 из 291 польских школ в Винницкой области, в Киевской области были реорганизованы 70 из 153 польских школ[263]. 4 апреля 1935 г. секретариат ЦК КП(б)У принял постановление «О реорганизации немецких и польских школ в

приграничных районах», и на конец 1935 г. в Винницкой области оставалось лишь 35 польских школ[264].

Борьба с национализмом привела к «стихийной волне деукраинизации», особенно на востоке Украины: с украинского языка на русский переводились заводские газеты, все делопроизводство в Донецке городские власти перевели на русский язык, в смешанных украинско-русских школах учителя стремились вести преподавание на русском[265]. Противники украинизации, пользуясь развернувшейся компанией по борьбе с национализмом, стремились взять реванш, что не могло пройти мимо внимания республиканских властей. В сентябре 1935 г. постановление Наркомпроса за подписью Хвыли осудило попытки вести внеклассную работу в украинской школе на русском языке. В постановлении речь шла о школе № 8 г. Николаева, руководство которой как раз предпринимало подобного рода действия. Все директора и зав. школ с украинским языком обучения были предупреждены, что они персонально отвечают за поддержание порядка в школе, в том числе за то, чтобы внеклассная работа велась на украинском языке[266].

Весьма строго партийные власти следили за украинизацией периодических изданий. Так, в сентябре 1933 г. харьковское Политбюро постановило, что газеты Южной и Екатерининской железных дорог должны были выходить на двух языках, а газета политотдела Юго-Западной железной дороги – на украинском языке. В феврале 1934 г. в ЦК КП(б)У поступила докладная записка, в которой говорилось об игнорировании данного постановления: газеты всех трех железных дорог продолжали выходить на русском языке. Политбюро возвращалось к вопросу о языке газет железных дорог в марте и ноябре 1934 года. Наконец, 4 марта 1935 г. было принято еще одно постановление ЦК КП(б)У, касающееся языка газет железных дорог, после которого газеты все же стали выходить на украинском языке[267]. Весьма интересен и другой

случай. 27 августа 1935 г. секретариат ЦК КП(б)У рассматривал просьбу Днепропетровского обкома о языке издания журнала «Штурм». Обком просил пересмотреть постановление ЦК о переводе этого журнала на украинский язык и разрешить издавать его на двух языках – украинском и русском. Однако секретариат ЦК был непреклонен: он предлагал Днепропетровскому обкому издавать журнал на украинском языке, но, «в порядке исключения», «выдающиеся произведения русских писателей печатать на языке оригинала»[268].

В восточных областях УССР местные власти пытались обратить внимание вышестоящих властей на «перегибы» украинизационной политики. Например, Днепропетровский горком 25 сентября 1933 г. проверил состояние курсов украиноведения. В принятом постановлении констатировалось, что курсы «на протяжении долгого времени и до сегодняшнего дня являются очагом украинской националистической контрреволюционной пропаганды, где окопались классово-враждебные и националистические элементы», а состояние украинизации по городу неудовлетворительное. Бюро горкома потребовало «крутого перелома в этой важнейшей области работы с тем, чтобы на основе решительной непримиримой борьбы за правильное проведение ленинской национальной политики, борьбы на два фронта, против великодержавного шовинизма и украинского национализма, который активизировался в последнее время»[269]. В докладной записке о состоянии областных курсов подчеркивалось, что преподаватели курсов «материально были заинтересованы пропускать как можно больше людей и создавать как можно большее количество групп», в результате чего «массово привлекались к украинизации лица, которые в прошлом году окончили курс украинознавства, у них отбирали свидетельства об окончании этих курсов и принуждали вновь украинизоваться, мотивируя это тем, что они

уже все забыли, что проходили ранее, что они обязаны знать литературу». Поэтому некоторые обучались подряд 3–4 года[270].

Впрочем, усилия Днепропетровского горкома по борьбе с контрреволюционными элементами не принесли ожидаемого успеха. 22 декабря 1934 г. политбюро ЦК КП(б)У констатировало, что бюро Днепропетровского горкома КП(б)У и особенно секретарь горкома т. Левитин, не отреагировали на сигналы о засоренности Днепропетровского университета националистическими и троцкистскими элементами и не предприняли меры к их разгрому, более того, встали «на путь открытой защиты этих элементов (Ягнетинская, Брохин, Комаровский и т.д.)». Левитина сняли с работы, как и заведующего культпропом Днепропетровского обкома Сегаловича[271].

Партийное руководство УССР стремилось показать, что борьба с «украинским национализмом» и «чистки» отнюдь не означали прекращения политики украинизации. На ноябрьском пленуме ЦК КП(б)У 1933 г. С.В. Косиор заявил, что борьба с националистическими элементами отнюдь не означает изменения курса, принятого на XII съезде: «Великодержавные русские шовинисты и украинские националисты пытаются истолковать решительную борьбу партии с петлюровскими элементами в качестве пересмотра национальной политики. Мы должны дать самый беспощадный отпор этим клеветническим и провокационным попыткам...»[272]. «Дальнейшее проведение большевистской украинизации неразрывно связано с интернациональным воспитанием масс, – говорил лидер украинских коммунистов, – должно происходить на основе неослабной борьбы на два фронта – против великодержавного русского шовинизма и украинского национализма…»[273]

Об этом же говорил П.П. Постышев на январском пленуме ЦК КП(б)У 1936 г.: «Враги все время пытались и пытаются представить дело таким образом, что мы тут на Украине били не националистов, не

контрреволюционеров, не шпионов и диверсантов, а якобы украинцев. … Мы всегда говорили, что только разгромив националистов, можно по-настоящему открыть дорогу подлинным украинским кадрам»[274].

24 января 1934 г. в «Правде» под заголовком «Советская Украина на новом подъеме» был опубликован доклад П.П. Постышева на XII съезде КП(б)У, призванный убедить общественность в высоких показателях украинизации в УССР. В частности, говорилось, что в 1933 г. в УССР было 21970 школ, в которых обучались 5 млн детей, из них 4,5 млн – на украинском языке, 350 тыс. человек училось на рабфаках, в техникумах и институтах Украины, из них 55 % – украинцев; 89 % всех газет Украины выходило на украинском языке; из 2 тыс. аспирантов различных научно-исследовательских и учебных институтов свыше половины были украинцами. Не менее высокие показатели были достигнуты и при проведении политики выдвижения украинцев на руководящие посты в советских учреждениях: 54 % состава президиума райисполкомов, 50,3 % состава президиума горсоветов, 72 % всего руководящего состава работников района являлось украинцами. То же самое касалось и национального состава рабочего класса: Постышев утверждал, что в 1929 г. украинцы по национальности составляли в рабочем классе Украины 47,9 %, а сейчас – 56,1%[275].

Разъясняя задачи, стоящие перед КП(б)У, помимо указаний на «большевистскую бдительность в отношении националистической контрреволюции» и «разоблачения до конца националистического уклона Скрыпника», Постышев указывал не только на необходимость воспитания КП(б)У и широких рабочих и колхозных масс в духе пролетарского интернационализма, но и широкого развертывания созидательной работы «в области строительства советской украинской культуры». Под последней задачей понималась «подготовка и воспитание большевистских украинских кадров и продвижение их на все участки социалистического

строительства», «поднятие на новую, качественно более высокую ступень театра, кино, печати, радио» и т.д., а также «развертывание работы по культурному обслуживанию на родном языке национальных меньшинств Украины», что особенно было важно ввиду активизации «разных немецких, польских, еврейских и др. националистических организаций»[276].

Чтобы продемонстрировать неизменность украинизационного курса, 3 мая 1934 г. политбюро ЦК КП(б)У поручило С.В. Косиору, Н.Н. Попову, П.П. Любченко разработать проект постановления СНК УССР и ЦК КП(б)У об организации проверки состояния украинизации в центральных учреждениях[277]. Т. Мартин подчеркивает, что в мае 1934 г. культурно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) решил предпринять жесткие меры против «деукраинизаторов». Подготовленный проект постановления требовал «от всех коммунистов, знающих украинский язык, использовать его в своей работе на собраниях и в выступлениях». Кроме того, «все служащие, которые или не знают украинского, или знают его неудовлетворительно, должны продолжать изучение украинского собственными силами». От каждого служащего государственной или кооперативной организации требовалось знание украинского языка, чтобы: «а) точно понимать письменные и устные указания; б) выполнять поручения и в) писать грамматически правильно». Была создана специальная комиссия для редактирования этого постановления, однако оно никогда не было опубликовано[278].

Подобное внимание к украинскому языку со стороны партийного руководства было не случайным. Секретарь ЦК КП(б)У Н.Н. Попов обращал внимание на существующие «в провинции» тенденции «отождествлять эксцессы украинизации с самой украинизацией»: «Некоторые товарищи думают, что ликвидация эксцессов [украинизации] означает ликвидацию украинизации»[279]. Выступая на областном съезде советов Киевщины 11 января 1935 г., П.П. Постышев подчеркивал

необходимость «форсирования выдвижения на участки строительства советской украинской культуры проверенных большевистских кадров». Перечисляя достижения украинской советской культуры, Постышев с негодованием замечал: «Чего стоит перед лицом этих достижений тявканье контрреволюционных националистических шавок насчет того, что после разгрома националистов заглохла украинская культура? Это они – украинские и русские националисты в союзе с европейским фашизмом пытались препятствовать развитию украинской советской культуры»[280].

Однако очевидно, что партийные власти были обеспокоены предпринимавшимися попытками деукраинизации, особенно в восточных областях. 10 сентября 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У рассмотрело вопрос «Об украинизации в областях». ЦК КП(б)У считало, что Донецкий, Днепропетровский, Одесский обкомы «занимаются делом украинизации недостаточно», а «в ряде советских, культурных, профсоюзных и других учреждений наблюдается явное нарушение линии партии в деле украинизации». Руководителю агитпропа З.А. Ашрафяну поручалось организовать специальное обследование этих областей, проверить совaппарат: на каком языке ведется переписка, принимаются постановления, какой употребляется язык, на каком языке ведутся заседания. Предполагалось также обратить внимание на отделы исполкомов, на горсоветы, школы, профсоюзы, партпросвет и все культурные учреждения, а также на комсомольскую и пионерскую работу и работу партийных аппаратов обкомов, райкомов и горкомов[281].

9 октября 1935 г. в ЦК поступила записка «О состоянии украинизации в Днепропетровской области». Обследование выявило «несомненно недостаточную работу по выдвижению украинских кадров на руководящую партийную работу»: из 6 заведующих отделами обкома имелся только один украинец[282]. Немногим лучше обстояло дело с украинскими кадрами в советских органах: в составе пленума

облисполкома из 170 человек только 55 украинцев, в составе президиума облисполкома из 16 членов украинцев – 4, из 9 кандидатов украинцев – 3[283]. Работа аппарата обкома велась в основном на русском языке (на украинском языке выпускались отдельные документы обкома и часть материалов культпропа), переписка с районными и первичными парторганами также проводилась на русском языке, «с посетителями разговаривают на русском языке, совещания проводятся на русском языке»[284]. Крайне негативно было оценено состояние украинизации в комсомоле. Резкой критике подверглась пресса, главным образом за то, что в газетах большая часть материалов выходила на русском языке, под украинскими названиями[285]. Критиковалась и массовая культпросветработа: «На заводе им. Петровского во время рабочей олимпиады (сентябрь с.г.) из 40 номеров было только 8 украинских», «На заводе им. Ленина в репертуаре хорового кружка – почти исключительно русские и классические песни»[286], радиопередачи транслируются из Москвы и Ленинграда, а не Киева и Харькова[287].

Столь же негативно было оценено состояние украинизации в Донецкой области. Делопроизводство часто велось на русском языке, например, в аппарате облисполкома лишь с 25 августа 1935 г. ввели переписку на украинском языке, советские учреждения также предпочитали пользоваться русским языком: «19 районов Донбасса ведут переписку только на русском языке, 11 районов – смешанную (преимущественно по-русски), 10 районов – смешанную, преимущественно на украинском языке и лишь в 9 районах переписка и протоколы ведутся только на украинском языке»[288]. На русском языке говорили и между собой, и с посетителями, и на заседаниях, собраниях, совещаниях[289], технический аппарат украинского языка не знает[290]. Ряд районных газет, которые должны были полностью выходить на украинском языке, часть материалов печатают по-русски[291]. Мало

уделялось внимание и выдвижению украинских кадров[292]. При этом проверяющие сделали вывод, что «общее ослабление украинизации» в партийных организациях произошло в 1934–1935 гг.[293]

Наконец, обследование Одесской области продемонстрировало «полное отсутствие украинского языка в деловом общении, работе и жизни» Одессы и Николаева[294]. «Во всех парторганах, советских и общественных организациях с которыми доводилось встречаться бригаде, в Обкоме и его отделах, Горпаркоме, Райкоме, обкоме и Горкоме ЛКСМУ, в ОблИК, облнарпросвете, Горднарпросвете, на заводах… деловой и бытовой язык только русский, – негодовали члены проверочной комиссии. – На украинском языке говорят лишь отдельные единицы»[295]. Правда, украинский язык являлся языком официальной переписки, но «устные разговоры, записки, телефонные переговоры – все это ведется на русском языке»[296]. Массовая партийная работа на завода также велась, как правило, на русском языке[297], также обстояло дело с пионерской и профсоюзной работой[298]. Впрочем, как отметила комиссия, «пресса области, от областного органа «Чорноморська Комуна» до районных газет и многотиражек, в большинстве случаев украинская по языку»[299].

Получив отчеты от проверяющих, Ашрафян направил 9 ноября 1935 г. докладную С.В. Косиору, П.П. Постышеву и Н.Н. Попову. Ашрафян подчеркивал, что обследование Днепропетровской, Донецкой и Одесской областей «целиком и полностью подтвердили решение Политбюро о том, что указанные обкома «недостаточно занимаются делом украинизации», что по ряду партийных, советских, культурных, профсоюзных и др. организаций и предприятий «явно нарушается линия партии в деле украинизации»[300]. «Обследование показало, что несмотря на решения пленума ЦК КП(б)У, несмотря на специальные указания ЦК Обкомы партии недооценили политического значения этих указаний, не взялись как следует за их реализацию, не осуществляли надлежащего перелома в

кадрах наших партийных и советских работников, «все еще проникнуты духом иронии и скептицизма в вопросе об украинской культуре и украинской общественности» (Сталин), – писал Ашрафян. –…Отдельные горкомы, парткомы партии, руководители отдельных предприятий не только не поняли к этому времени гигантский размах и неслыханного разворота украинской советской культуры и государственности (особенно после разгрома националистов и национал-уклонизма Скрыпника), но и не сделали для себя политических выводов относительно практического овладения этим движением»[301].

Областные парторганизации были подвергнуты суровой критике, тем более что республиканское руководство обращало особое внимание на поддержку украинских кадров: о выращивании настоящих советских украинских кадров, как партийных, так и беспартийных, прямо говорилось в резолюции, принятой пленумом ЦК КП(б)У 22 ноября 1933 г.[302] Партийные власти продолжали курс на подготовку украинских специалистов вообще, и научных кадров в частности: партийные, советские органы, культучреждения и т.п. были «обескровлены» чистками. Так, 28 октября 1933 г. секретариат ЦК КП(б)У, рассматривая вопрос об итогах набора в Институт красной профессуры, подчеркнул необходимость более внимательного отношения к обеспечению подбора этого института кадрами работников-украинцев. Плановая комиссия Академии наук УССР (новое название ВУАН с 1936 г.), рапортуя о результатах второй пятилетки, с гордостью заявляла об увеличении числа советских научных кадров: среди научных и других работников институтов АН УССР украинцев – 60 %[303]. Осенью 1935 г. был проведен дополнительный набор в Институт красной профессуры: секретариат ЦК ВКП(б) 27 октября постановил организовать в 10-дневный срок подбор из старших курсов ВУЗов Киева, Харькова, Одессы и Днепропетровска по 5 лучших студентов-украинцев (членов КП(б)У), а также 10 комсомольцев-

украинцев – лучших студентов старших курсов ВУЗов[304]. В марте 1936 г. Оргбюро ЦК КП(б)У предложило «выявить молодые украинские кадры аспирантов, ассистентов», которые можно было бы «выдвинуть на доцентов и профессоров медицинских учреждений»[305]. 15 марта 1936 г. Оргбюро ЦК КП(б)У признало необходимым «расширить юридические факультеты в Киевском госуниверситете и Харьковском институте совстроительства и права. Укомплектовать эти факультеты преимущественно украинцами»[306].

Продолжалась практика выдвижения украинцев на руководящую работу. 26 февраля 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О выдвижении украинских кадров», в котором отделу руководящих парторганов вместе с обкомами предписывалось подать в секретариат ЦК не менее 120–150 человек (украинцев) для выдвижения на посты секретарей РПК и 120 человек для выдвижения на посты глав РИК. Одновременно из числа украинцев – секретарей РПК и глав РИК – должен был быть составлен «список товарищей с подробной личной характеристикой, которых можно выдвинуть на областную и центральную партийную и советскую работу». Наконец, все отделы ЦК должны были «просмотреть вместе с Обкомами и горпарткомами состав бюро парткомитетов, а также актив высших учебных заведений и наметить для выдвижения на руководящую партийную и советскую работу, а также для работы в центральный и областной партийный и советский аппарат не менее 300 человек – украинцев из наиболее грамотной, политически проверенной и способной молодежи»[307].

Украинскими кадрами укреплялся не только партийный и советский аппарат. Весной 1935 года ЦК КП(б)У выпустило постановление «Об улучшении подготовки и переподготовки украинских газетных кадров», которое сподвигло областные парторганизации заняться «широким привлечением украинских кадров к руководству прессой». Например,

Донецкий обком КП(б)У указывал секретарю Старобельского окружкома В. Пелевину на необходимость «укрепить редакции крепкими коммунистами-украинцами» и предложил выделить 42 украинцев-корреспондентов для городских и областных газет, которые предоставляли бы сведения о состоянии дел в районах Старобельского округа[308].

В результате Оргбюро и секретариат ЦК КП(б)У в августе 1935 – апреле 1936 гг. несколько раз рассматривали вопросы о выдвижении украинских кадров на руководящую работу в различных ведомствах[309]. Создавались специальные комиссии, которые должны были в кратчайших срок (обычно речь шла об одном месяце) представить свои предложения по выдвижению украинских кадров. Украинцы должны были быть выдвинуты на должности помощников генпрокуроров, прокуроров Наркомюста, членов Верховного суда, областных прокуроров и их заместителей[310], в наркоматы и областные отделы на должности начальников управления, зав. отделов и руководителей групп (Наркомместпром, Наркомхоз, Главдортранс, Уполнаркомсвязь)[311], в центральный аппарат и руководящие посты в областных отделах охраны здоровья, на должности директоров и их заместителей в НИИ Наркомздрава[312], наконец, в системе Наркомпроса и Облнарпроса[313].

Впрочем, выдвижение украинских кадров не ограничилось одномоментной кампанией: этому вопросу продолжали уделять внимание и в следующих годах. 29 октября 1936 г. секретариат ЦК КП(б)У рассматривал вопрос об итогах чистки Харьковской и Днепропетровской областных парторганизаций. Особое внимание было уделено национальному составу руководящих кадров. Секретариат отмечал, что «харьковской партийной организацией не выполнено указание XII съезда ЦК КП(б)У о выдвижении на партийную работу украинских большевистских кадров. В составе первых секретарей РК в 1933 г. украинцев было 59 %, в 1934 г. – 46,9 %, в 1935 г. – 44,5 %, на 1.1.36 г.

осталось лишь 31 %...»[314] Та же критика прозвучала и в адрес днепропетровских руководителей: «...ЦК КП(б)У отмечает, что в парторганизации Днепропетровской области неудовлетворительно выполняются неоднократные указания о выдвижении украинских большевистских кадров на руководящей партийной советской и др. работе. В составе первых секретарей РК и председателей РИКов Днепропетровской области – процент украинцев за последние 3 года систематически снижается: в 1933 г. – первых секретарей РК украинцев было 55 %, в 1936 г. – осталось 34 %. В составе председателей РИКов – в 1933 г. украинцев было 66 %, а в 1936 г. – 53 %»[315].

Таким образом, постановление от 14 декабря 1932 г. внесло существенные изменения в общественную жизнь Украинской ССР. Репрессии против «украинских националистов» были направлены, как справедливо отмечает Т. Мартин, против национал-коммунистов, украинских специалистов в области культуры (преподавателей и специалистов в области национальной политики в частности) и, наконец, западноукраинской эмиграции[316]. Однако для партийного руководства это отнюдь не означало прекращения политики украинизации. От ее проведения были устранены выходцы из небольшевистских партий, всегда вызывавших подозрения у большевиков. Руководство в национальной области должно было перейти к «подлинным украинским кадрам», дорога которым была открыта политикой выдвижения на руководящие должности коренных жителей. Выступая на пленуме ЦК КП(б)У в январе 1936 г., П.П. Постышев заявил: «На протяжении 1933 и 1934 годов мы разгромили на Украине скрыпниковщину, увистов, организации боротьбистов, троцкистов, блок националистов с троцкистами, организации польских и немецких неационалистов. … Враги все время пытались и пытаются представить дело таким образом, что мы тут на Украине били не националистов, не контрреволюционеров, не шпионов и диверсантов, а

якобы украинцев. … Мы всегда говорили, что, только разгромив националистов, можно по-настоящему открыть дорогу подлинным украинским кадрам»[317].

В том же духе был выдержан доклад Постышева на пленуме Киевского обкома партии 5–7 января 1937 года. «В первые годы существования советской власти на Украине заграничные центры украинской контрреволюции, как вам известно, перебросили на Украину, под видом советских людей и даже под видом членов партии, значительное количество своих сторонников из бывших петлюровцев и других агентур националистической контрреволюции из Галиции, которые рассосались по советским аппаратам, а частью проникли даже в партию и даже в партийный аппарат»[318], – утверждал Постышев. Впрочем, Постышев не ограничился критикой в адрес националистов: обвинение прозвучало и в адрес «пробравшихся в партию русских великодержавников и великодержавных уклонистов, как в советском аппарате, так и внутри партии». Их «двурушническая тактика» состояла в том, что они «на словах … признали национальную политику партии, на словах они признали задачу украинизации, а на деле срывали ее и саботировали эти задачи»[319]. Вывод был вполне закономерен: «На Украине мы должны были бы прежде всего продвигать украинские кадры, украинские большевистские кадры. Разве у нас мало сейчас украинцев-большевиков среди рабочих и колхозников? Работа в этом отношении проделана? Проделана. Достаточно ли? Далеко не достаточно»[320].

Впрочем, в начале 1937 г. Постышев был снят с поста секретаря ЦК КП(б)У и первого секретаря Киевского обкома и был переведен в Куйбышев, где был избран первым секретарем Куйбышевского обкома. Это было связано с очередным витком репрессий в СССР. 13 января 1937 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «О неудовлетворительном партийном руководстве Киевского обкома КП(б)У и недочетах работы ЦК

КП(б)У», в котором речь шла о засоренности этих организаций «врагами народа». Уже 16 января в Киев приехал Каганович, и состоялось заседание Политбюро ЦК КП(б)У. Киевское Политбюро сочло «полностью верным» решение ЦК ВКП(б) в отношении Постышева, признав ответственность и Политбюро, и первого секретаря Косиора за засоренность троцкистскими элементами аппарата ЦК, Киевского обкома, ряда других обкомов, научных и культурных организаций[321]. На собрании актива Киевской парторганизации 17 января 1937 г. новый руководитель Киевского обкома Кудрявцев проинформировал партийный актив о решении ЦК ВКП(б)[322], а Каганович выступил с обличительной речью, в которой, с одной стороны, обращал внимание на «исключительную засоренность троцкистами партийного аппарата»[323], а с другой опять-таки повел речь о национальных кадрах. Каганович назвал национальную политику «наиболее тонкой, сложной», где требуется «особо бдительный и особо внимательный и правильный подход»[324]. Он настаивал: «проблема национальных кадров, национальной культуры, проблема воспитания национальных кадров остается во всей своей силе», и именно из-за «недооценки на данном этапе национального вопроса, проблемы национальных кадров» оказалось так много троцкистов на идеологических постах[325].

Продолжавшиеся репрессии отнюдь не отменяли необходимость проведения украинизационной политики. Наконец, на XIII съезде КП(б)У 27 мая – 3 июня 1937 г. Косиор подвел определенный итог проделанной работе по украинизации. Лидер украинских коммунистов отметил «большой рост украинской национальной советской культуры во всех областях жизни украинского народа», «рост новых украинских кадров технической и научной интеллигенции»: «Мы, Центральный Комитет КП(б)У за это время продолжали линию на дальнейшую украинизацию, за счет натиска на те элементы, которые работают в нашем аппарате, и которые до сих пор не знают украинского языка, мы их заставили выучить

язык. Не может работать в нашем аппарате человек, который не знает языка народа… Каждый, кто работает на Украине, обязан знать язык украинского народа»[326]. В докладе прозвучали следующие цифры: среди учеников начальных школ, семилеток и десятилеток, процент украинцев составляет 80 %, увеличился процент детей, которые обучаются в украинских школах, этот показатель достиг 83 %[327]. По словам Косиора, «пресса на Украине также украинизована почти целиком, за исключением некоторой части специальных научных и технических изданий и, конечно, прессы на языках национальных меньшинств»[328].

Косиор вновь подчеркивал, что борьба с национализмом не означала борьбы с украинской культурой: «Мы, товарищи, в 1933 году, в начале 1934 года, как вы знаете, нанесли сокрушительный удар националистическим элементам и тогда недобитки этих националистов подняли шум, что это расправа с украинизацией, с украинской культурой и т.п. А теперь опыт показал, что очистка нашего театру, всего нашего культурного фронта от националистических элементов – это только на пользу украинской культуре, украинскому народу. Украинская культура только выиграла из этого, более быстро пошла вперед»[329].

Однако «чистки» не прошли бесследно для партийной организации республики. Как свидетельствует акт о сдаче дел С.В. Косиором Н.С. Хрущеву от 28–29 января 1938 г., численность КП(б)У на 1 января 1938 г. составляла 199653 члена КП (б)У и 84499 кандидатов[330]. При этом отмечался «некомплект руководяшего состава отделов ЦК КП(б)У». Заведующие имелись в культурно-пропагандистском отделе, отделе сельского хозяйства, отделе промышленности и транспорта, Управлении делами и Особом секторе. В отделе руководящих парторганов, школ, науки, торговли, печати, культурно-просветительском, имелись только заместители заведующих отделами[331]. Из штатных 100 инструкторов в отделах ЦК имелся только 51 человек, не было первых секретарей в

Черниговском, Винницком и Молдавском обкомах, вторых секретарей в Одесской и Днепропетровской областях, третьих секретарей не было во всех областях, за исключением Винницкой области. Заведующих отделами обкомов должно было быть 82 человека, однако оставались незамещенными 31 должности. Из 577 первых секретарей горкомов, райкомов не хватало 82 человека, вторых секретарей не было 108 человек и третьих не было 188 человек. Не было председателей облисполкомов в Винницкой, Николаевской, Днепропетровской, Черниговской областях, Молдавской АССР. Не хватало первых секретарей горкомов и райкомов (не было 62 человек из 495), не было редакторов в областных газетах Житомирской и Николаевской областях, не имелось наркомов в Наркомпросе, Наркомфине, Наркомземе, Наркомсовхозов, Наркомторге, Наркомздраве, Наркомсобезе, Наркомюсте и Верховном Суде, где обязанности наркомов исполняют первые заместители. Наконец, не было председателей в Комитетах по делам искусств и физкультуры[332]. Заполнить столько вакансий можно было только путем привлечения новых кадров, причем ставка делалась именно на украинские кадры, несмотря на развернувшиеся в стране процессы централизации и унификации.

§ 5. Украинизация и централизаторско-унификаторские тенденции 1930-х годов

Символом произошедших в УССР перемен стал перенос столицы республики из Харькова в Киев. Такое предложение было внесено в повестку дня январского пленума ЦК КП(б)У 1934 г. Упомянув о том, что перенести столицу в Киев предлагал лично Сталин, П.П. Постышев стал говорить о том, что Советская Украина «сейчас является страной могучей. Крепкой во всех отношениях», и поэтому «упраздняются все причины, какие мешали раньше Киев сделать столицей Украины»[333]. Теперь же Киев

должен был стать столицей, «чтобы враги Советского Союза и Советской Украины еще больше убедились в том, что мы сейчас являемся могучей страной и ни в каком отношении врага не боимся»; «что враги, еще всякие осколки, особенно националистические, как говорит т. Сталин, смотрят на то, что Киев – пустое место, чтобы они не думали и никаких себе перспектив окончательно не строили несбыточных, не волновались и не нервничали, что это пустое место». Наконец, одна из решающих причин – это та, что Правобережье является «основной частью Украины», ее «сердцевиной»[334].

Пленум обсуждал данный вопрос 18 января 1934 г., а уже 21 января XII съезд КП(б)У принял постановление: «Ввиду укрепления основных промышленных районов Украины, создания областей, облегчающих руководство этими промышленными районами Украины (Донбасс, Харьков, Днепропетровск), имея в виду необходимость приближения правительства Украины и центрального партийного и советского аппарата к важнейшим сельскохозяйственным районами, которыми являются районы, расположенные на Правобережье Украины, а также для дальнейшего и быстрого развития национально-культурного строительства и большевистской украинизации на базе индустриализации, коллективизации – перенести столицу Украины в Киев, являющейся ее естественным географическим центром»[335]. В июне 1934 г. правительство переехало в Киев.

Перенос столицы активно обсуждали представители иностранных консульств. Например, 31 января посольству Италии в СССР было отправлено донесение итальянского консульства в Харькове: «В пятницу 19-го числа этого месяца исполнительный комитет ГПУ (так в тексте – *Е.Б.*) на закрытом заседании решил предложить партийному съезду перенести столицу в Киев». На самом деле 18-го, а не 19-го января 1934 г. состоялось заседание пленума ЦК, на котором обсуждался вопрос о

переносе столицы, а съезд принял решение 21 января. Консул, ссылаясь на «донесения из разнообразных источников», делал вывод о том, что «будущие границы Украины сузятся до первоначальных границ украинского государства между Днепром и Черным морем, тогда как наиболее богатые территории Левобережья на следующем этапе будут аннексированы и присоединены к Московии»[336]. В следующей телеграмме речь идет уже не об аннексированной, а об автономной территории, которая якобы будет охватывать Харьковскую, Днепропетровскую и Донецкую область, а Днепропетровск будет «административным центром упомянутого выше Юго-Восточного края, подчиненного России», причем руководителем новой автономной территории, как считал итальянский консул, будет не кто иной, как Постышев[337]. Главным «доказательством» в отношении этой автономной территории консул считал следующее: «издан приказ о том, что все заводы, которые изготовляют легкие алкогольные напитки, уже не подчиняются украинскому государственному центру, а переходят в подчинение районов и областей, на территории которых они размещены»[338].

Кроме того, итальянский консул, наблюдая за действиями своих польских коллег, делал вывод, что Польша боится, «как бы Киев, город, который расположен неподалеку от границы и окружено фортификационными сооружениями, сходными с фортификациями на французско-германской границе, не стал центром притяжения для украинского радикализма и как бы СССР, лишенный опасности возможных национальных осложнений благодаря новым уменьшенным размерам Украины, не захотел разыграть эту новую козырную карту, так удачно изобретенную и подходящую в нынешней игре»[339].

Германское консульство в Харькове подходило к вопросу более взвешенно. В его отчете, датированном ноябрем 1934 г., отмечается, что перенос столицы в Киев «в результате борьбы против украинских

националистов» представляет собой «не просто административную акцию, но также имеет большой вес для внутренней политики». По мнению консульства, украинизация, содействующая развитию украинского языка и культуры, с одной стороны, и голод 1932–1933 гг., «который не только истребил население, но и поставил под угрозу процесс коллективизации крестьян (что, по мнению руководителей, еще более важно)», с другой, использовались советским руководством, чтобы «подать возможные сепаратистские действия некоторых незначительных кругов как весомую угрозу государственной безопасности и положить конец раз и навсегда легальным и нелегальным самостийническим усилием в этой второй по величине республике»[340]. Германские дипломаты, в отличие от итальянских, считали возможные изменения границ Украины слухами: «В конце января, когда стало известно о перенесении столицы, распространились слухи, что Донбасс вместе с Харьковом будет отделен от Украины с целью создания независимой административной единицы (края) как экономического центра». Впрочем, затихшие было слухи «недавно появились опять», будто бы план отделения Харькова с прилагающими землями от Украины активно поддерживается Постышевым[341].

Выводы итальянских и германских дипломатов весьма любопытны. Однако рассматривать перенос столицы в Киев следует в несколько ином ключе. Этот акт должен был продемонстрировать победу советского варианта украинской идентичности, т.е. для партийного руководства это знаменовало победу советской украинизации в борьбе с националистами. Поэтому рассматривать перенос столицы в Киев как окончательный отказ от украинизации[342] не стоит. В то же время изменения, произошедшие в национальной политике большевиков с 1932–1933 гг., дают основания говорить о корректировке курса украинизации. Определяющее влияние в данном плане сыграли общие для всей страны (а не характерные

исключительно для УССР) обстоятельства. Победа Сталина во внутрипартийной борьбе, с одной стороне, и трудности, связанные с «социалистическим переустройством сельского хозяйства», сделали излишними (и даже вредными для центральной власти) заигрывания с национальными силами союзных республик. Сталину в условиях массовой коллективизации требовался полный контроль над украинским крестьянством, для чего следовало не допустить усиления влияния в украинской деревне национально настроенной интеллигенции. Борьба с «националистической контрреволюцией» поставила последнюю практически «вне закона».

Проблема повиновения всех уровней партийной и советской структур УССР была тем более важна для сталинского руководства, что кадровая политика в условиях коренизации способствовала формированию украинской советской элиты. При этом последняя стремилась укрепить свое положение, пытаясь расширить свои полномочия в рамках советской системы. Предметом спора было распределение ресурсов, фондов, кадров. Украинские руководители были заинтересованы в увеличении капиталовложений, тогда как центр выступал за минимальные объемы капиталовложений при максимальных темпах производства. Такие настроения противоречили сталинскому стремлению к полному контролю за происходившими в нарождающейся советской украинской элите процессами. Чтобы создать послушную элиту и не допустить формирование в ее среде каких-либо ведомственных групп, сталинское руководство использовало жесткие методы: периодические «чистки» партийных рядов и репрессии.

Первый удар был нанесен по остаткам старой украинской интеллигенции на рубеже 1920–1930-х гг. в рамках процессов Союза освобождения Украины и Украинского национального центра. Следующий удар был направлен на местное партийно-советское руководство после

того, как 14 декабря 1932 г. было принято постановление «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». Сталин был заинтересован в установлении строгой вертикали власти и создании такой же вертикали послушных исполнителей, т.е. в формировании «гомогенной и послушной элиты»[343]. Жесткая установка на усиление централизации сопровождалась разворачиванием широкой кампании против националистических элементов, проникших в партийные, государственные органы, научные и культурные учреждения вследствие недостатков украинизации. Искоренить «контрреволюционные элементы» должны были многочисленные «чистки» партии – могучее орудие «укрепления боеспособности украинской партийной организации в ее борьбе за проведение генеральной линии партии против остатков кулачества, против оппортунизма и национализма».

«Вычищая» неугодные элементы, сталинское руководство учитывало произошедшие изменения социального облика Украины. Пополнение рядов партийного и государственного аппарата, «обескровленного» чистками, проходило за счет выдвижения новых украинских кадров. Предусмотренная коренизационным курсом политика выравнивания экономического уровня республик дала свои плоды. Бурное экономическое развитие, ставшее возможным благодаря большевистской индустриализации, постепенно должно было привести к изменению национального облика рабочего класса и городского населения Украины. Если перепись населения 1926 г. в УССР показала низкий процент украинцев среди рабочего класса и служащих (урбанизация украинского населения достигала всего 11 %), то к концу 1930-х гг. положение изменилось. К 1939 г. численность украинцев среди рабочих достигала 66,1 %, служащих – 56 % [344]. Вообще на 1939 г. доля рабочих среди украинцев составляла 29 %, служащих – 13 % и колхозников – 55 %[345].

Быстрыми темпами шел прирост рабочих украинского происхождения на заводах Донбасса и Днепропетровского региона. В 1932 г. на украинцев приходилась половина численности всех шахтеров в УССР – 50 %, кроме того, 53 % всех металлургов, 58 % тружеников химической промышленности, 77 % работников в железорудной промышленности, столько же – железнодорожников[346]. В результате проведения политики украинизации увеличивалась доля украинцев в управленческих структурах: в 1939 году число украинцев среди служащих достигло 56 %[347], доля украинцев в партии в 1940 г. составляла уже 63 % членов КП(б)У[348].

Происходившие изменения в этносоциальном облике УССР заставляли партийное руководство Украины прикладывать большие усилия для формирования у широких масс населения нужных представлений о месте и роли различных политических сил в истории Украины. Постепенно сформировалась система представлений о работе КП(б)У по «очищению рядов партии от враждебных контрреволюционных элементов». История КП(б)У (как и история ВКП(б) вообще) преподносилась в ключе, полностью исключающем какой-либо самостоятельный объективный анализ со стороны рядовых членов партии. Так, на пленуме ЦК КП(б)У 26–30 января 1936 г., излагая историю борьбы КП(б)У со всякого рода уклонами, П.П. Постышев особое внимание уделил выходцам из эсеровских партий – «так называемым» боротьбистам и укапистам. И те, и другие были названы «националистическими партиями». Влившись в КП(б)У, многие руководители этих партий «оставались на своих позициях и вели двурушническую работу внутри КП(б)У против партии, против советской власти»[349]. Открытой попыткой боротьбистов легализовать в КП(б)У свои позиции было названо выступление в 1926 г. А.Я. Шумского. После разгрома шумскизма, боротьбисты пытались создать себе «легальную базу для антисоветской

работы» путем «обволакивания Скрыпника», одновременно подготавливая базу для «подпольной боротьбистской организации» и вооруженного восстания против советской власти[350]. В том же духе трактовалась Постышевым и «контрреволюционная деятельность укапистов»[351].

Украинская «националистическая контрреволюция» тесно увязывалась с «международной». Выступая в январе 1937 г. на пленуме Киевского обкома КП(б)У, Постышев внушал партийному активу мысль о постоянной (начиная с гражданской войны) тесной связи украинских националистов с «наиболее антисоветскими элементами Германии, Польши и других буржуазных государств с прямой установкой на возобновление интервенции при первой благоприятной возможности»[352].

Одновременно шла выработка нужной трактовки национального вопроса. Как известно, Сталин исходил из собственных теоретических построений о нации. В 1929 г. работе «Национальный вопрос и ленинизм: Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим» он дал такое определение нации: «Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры. Как известно, эта теория получила в нашей партии общее признание»[353].

При этом в процесс становления и развития нации Сталин связывал с определенной исторической эпохой – капитализмом, выделяя различные периоды в этническом развитии человечества. «С точки зрения научной, – утверждал Сталин, – можно было такую градацию установить: нация, как более целостное образование, это – понятие эпохи поднимающегося капитализма; национальность – переходная ступень от феодализма к

капитализму. Затем, народности не имеющие командующего класса, – этнографические группы»[354].

Советская государственная система интегрировала в себя этнонациональный фактор: союзные республики рассматривались как государственные образования определенной нации со всеми присущими ей особенностями, в том числе, и «специфическими особенностями национальной культуры». При этом Сталин особо отмечал, что в Советском Союзе, хотя национальный гнет и уничтожен, «но из этого вовсе не следует, что национальные различия исчезли, и нации нашей страны ликвидированы», «что нации уже слились и национальные языки исчезли, что эти языки заменены каким-то одним общим для всех наших наций языком»[355]. Период победы социализма в одной стране, утверждал Сталин, не создает условий, необходимых для слияния наций и национальных языков. Наоборот, «этот период создает благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций, ранее угнетавшихся царским империализмом, а ныне освобожденных советской революцией от национального гнета»[356]. Условия для постепенного слияния всех наций в одно целое создаст только победа социализма во всемирном масштабе, поскольку тогда во всех странах будет ликвидирован империализм, что уничтожит «как стремление к покорению чужих наций, так и страх перед угрозой национального порабощения», исчезнет национальная вражда, а все нации объединятся в «единой системе мирового социалистического хозяйства»[357].

Пока же социализм не победил во всем мире, большевистское руководство сочло необходимым «помочь возрожденным нациям нашей страны – встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру»[358]. Неоднократно Сталин говорил о необходимости ликвидации фактической отсталости «некоторых наций» – как культурной, так и хозяйственной, и политической, унаследованной от

прошлого. Фактическое выравнивание наций, по Сталину, было одним из условий «установления братского сотрудничества между трудящимися массами разных наций»[359].

В 1930-е годы определяющими были, прежде всего, тенденции централизаторские, направленные на создание новой, социалистической культуры, одной из характерных черт которой был интернационализм. Центральное большевистское руководство, понимая опасность появления центробежных процессов, всячески старалось подчеркивать общесоветский, социалистический характер культуры национальных республик. Задача советского государственного строительства состояла в том, чтобы не просто не противоречить «культуре, быту, языку» наций. Как говорил глава украинских коммунистов Л.М. Каганович, задача состояла в том, чтобы «вовлечь крестьян в советское строительство и тем самым укрепить наш союз с крестьянством»[360]. «…Украина должна служить образцом и примером разрешения пролетариатом проблемы национального освобождения угнетенных масс, проблемы государственного строительства национальных республик, в рамках советской системы, – отмечалось на украинском партийном пленуме в июне 1926 г. – Мы должны показать, как можно сочетать добровольный союз советских республик с предоставлением бывшим угнетенным массам максимальной возможности проявления самодеятельности по строительству своей государственности, по развитию своего хозяйства, по поднятию культуры страны, – по приобщению миллионных масс к культурному социалистическому строительству»[361]. Очевидно, что для большевиков развитие национальной культуры было не самоцелью, а одним из средств построения социализма, т.е., по выражению Кагановича, «…основной нашей задачей является строительство социализма и укрепление диктатуры рабочего класса, само собой разумеется, что национальный вопрос подчинен этим двум основным задачам»[362]. Во имя

этой основной задачи и должны были коммунисты «овладеть национальной культурой». В противном случае, и это хорошо понимало большевистское руководство, решающее влияние на крестьянство будут оказывать не коммунистическая партия, а «мелкобуржуазные шовинистические группы украинской интеллигенции»[363].

Большевистская культурная практика отличалась повышенной идеологичностью и политизированностью. Широким слоям украинского населения навязывалась определенная (новая для него) система ценностей, одновременно шло устранение культурных образцов и традиций, считавшихся «пережитком», а также присущих «социально-чуждым» элементам. Ставка делалась на пропаганду образов революционеров: если речь шла об истории – то борцов с оковами царизма, если о современности – то советских людей, строителей социализма. Таким образом, поскольку этнокультурная идентичность предполагает наличие системы определенных символов, советская политика была ориентирована на придание идеям, образам, ценностям, функционировавшим в общественном сознании, «идеологически выдержанного» и «морально устойчивого» характера.

Партийная политика была направлена на стимулирование взаимодействия культур путем признания общих ценностей, общих благ и символов. Центральное большевистское руководство стремилось сформировать чувство сопричастности в отношении других народов, населяющих СССР («единая семья братских народов»). Принадлежность к советскому социалистическому обществу должна была стать мощным консолидирующим фактором: недаром в резолюции Второго Всесоюзного партийного совещания в апреле 1930 г. подчеркивалось необходимость проведения мероприятий, «обеспечивающих усиление сближения трудящихся различных национальностей СССР, – массовые формы смычки, рабочие экскурсии и т. д.»[364].

Следует подчеркнуть, что советская политика была направлена на то, чтобы представители всех национальных республик ощущали себя одновременно одним целым, гражданами единой страны. В управлении всеми областями науки и культуры усиливались административные методы. Основополагающими принципами здесь оставалось обеспечение «четкой классовой линии» в работе коммунистов на «культурном фронте», усилилась политизация и идеологизация сферы культуры. Очевидно, что партийное руководство при помощи воспитательной, агитационной и т.п. работы стремилось к тому, чтобы мотивация на социальную и культурную интеграцию была выше, чем мотивация на этническую консолидацию. В этом ракурсе следует рассматривать не прекращавшуюся борьбу с проявлениями национализма. Хотя СССР и был организован по национальному принципу, однако государственная политика являлась классово ориентированной. В массовом сознании граждан закреплялась множественная идентичность: не только в качестве представителей определенного этноса, но и как представителей определенного социального класса, и как граждан советского государства. При этом создавалась определенная иерархия идентичностей. На первом месте, по мысли высшего партийного руководства, стояла социальная и гражданская идентификация, а уже затем – национальная. Не удивительно в этом плане, что, как только подросло поколение новой, советской национальной интеллигенции, судьба старой интеллигенции была окончательно решена (процессы Союза освобождения Украины во главе с академиком С.А. Ефремовым, Украинского национального центра, кампания по разоблачению политических и исторических взглядов М.С. Грушевского).

Неудивительно, что с началом процесса унификации и централизации особое внимание уделялось школьному образованию, которое должно было заложить в сознание молодого поколения новую систему ценностей. 25 августа 1932 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление

«Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», в котором были определены новые подходы к разработке учебных программ, определены меры по повышению авторитета и компетентности учителей. Предлагая обратить особое внимание на разработку программ и преподаванию родного языка и обществоведения, ЦК ВКП(б) признало необходимым «в учебные программы по обществоведению, литературе, языкам, географии и истории ввести важнейшие знания, касающиеся национальных культур народов СССР, их литературы, искусства, исторического развития, а также и элементы краеведения СССР»[365]. 12 февраля 1933 г. ЦК ВКП(б) выпустило следующее постановление, «Об учебниках для начальной и средней школы», вводившее единые стандартизированные стабильные учебники, после которого Наркомпрос УССР принял свой документ («О постановлении ЦК КП(б)У от 11 марта 1933 г. об учебниках для начальной и средней школы»), в котором ставил перед «педагогическим фронтом» задачу развертывания беспощадной борьбы «против всевозможных националистических уклонов, против украинского национализма, против всяческих петлюровских элементов». Главное, документ одобрял соглашение между наркомом просвещения УССР В.П. Затонским и наркомом просвещения РСФСР А.С. Бубновым, которое «кладет конец искусственной изолированности в области работы на культурном фронте между РСФСР и УССР и объединяет силы работников культурного фронта для осуществление в национальных формах действительно интернационального воспитания детей осуществление в национальных формах действительно интернационального воспитания детей».

Курс истории Украины должен был преподаваться параллельно с курсом истории народов СССР, а при разработке программ по истории Украины и языку в основу должны быть положены программы по истории и русскому языку НКП РСФСР[366]. Через год, 15 мая 1934 г., было принято

постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах». Критикуя отвлеченность и схематичность в преподавании истории, постановление настаивало на необходимости закрепления в памяти учащихся «важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат»[367]. В мае 1934 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана специальная комиссия во главе с А.А. Ждановым для подготовки учебников для средней школы. В основу учебников должна была быть положена идея единства Страны Советов, о чем ясно дало понять одобренные политбюро ЦК ВКП(б) 14 августа 1934 г. замечания И.В. Сталина, С.М. Кирова и А.А. Жданова замечания по поводу конспекта учебника по «истории СССР»: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР – это во-первых – и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории – это во-вторых»[368].

Наконец, 15 мая 1934 г. было принято еще одно важное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) – «О структуре начальной и средней школы в СССР», по которому устанавливалась «четкая организационная структура» общих для СССР типов общеобразовательных школ – начальная школа, неполная средняя школа и средняя[369].

После стандартизации и унификации школьного образования руководство УССР обратило внимание на сферу науки. Преобразования в этой области осуществлялись в рамках общесоюзных преобразований по подчинению Академии наук государству. После «советизации» АН СССР в результате выборов 1929 г. и ее «чистки» от «чуждого антисоветского элемента», ее положение изменилось. Завершился процесс подчинением АН СССР Совнаркому СССР (декабрь 1933 г.), переездом из Ленинграда в

Москву (апрель 1934 г.) и последовавшей далее реорганизацией научных организаций.

В январе 1934 г. состоялась сессия ВУАН, по решению которой институты стали основной структурной единицей Академии наук. Было решено создать 21 институт, в том числе Истории материальной культуры, Польской пролетарской культуры, Еврейской пролетарской культуры, Языкознания, Шевченковедения, Демографии и Институт истории[370]. Правда, 13 февраля президиум ВУАН решил, что в структуре ВУАН должен функционировать не Институт истории, а Историко-Археографический институт: именно таковой был создан в составе АН СССР, к тому же Институт истории уже действовал в рамках Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских институтов (ВУАМЛИН)[371]. Сотрудники института должны были изучать ленинский этап в исторической науке, историю классовой борьбы в СССР и в странах Запада и Востока, историю социалистической реконструкции народного хозяйства и борьбы против великодержавного шовинизма и украинского национализма[372]. Как говорилось в пояснительной записке к тематическому плану ВУАН на 1934 год (11–13 апреля 1934 г.), «вредительская деятельность буржуазных националистов, перерожденцев, агентов интервенции, которые разрушали ВУАН, привели к большому отставанию ВУАН от требований соцстроительства, к снижению роли ВУАН в научно-исследовательской работе на Украине в первой пятилетке.

Разгромом националистического уклона, возглавленного Скрпыпником, и националистических элементов, вредителей, агентов империалистической интервенции, с которыми смыкался этот уклон, очищением ВУАН от классовых врагов, перерожденцев и оппортунистов, которые разваливали и дезорганизовывали работу ВУАН, особенно в линии соц[иально]-экономических наук, созданы условия повышения творческой научной работы ВУАН и превращения ее в настоящий центр

науки и социалистической украинской культуры»[373]. Правда, уже в октябре 1934 г. Историко-Археографичный институт был ликвидирован: его «поделили» между ВУАМЛИН и Институтом материальной культуры[374]. Тогда же Институт польской пролетарской культуры был реорганизован в Кабинет с изучением литературы, искусства и истории революционного движения в Польше, а в мае 1936 г. вместо ликвидированного Института еврейской пролетарской культуры был создан Кабинет по изучению еврейской советской культуры[375].

Созданная в июле 1931 г. Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских институтов (ВУАМЛИН) (ее предшественником был Украинский институт марксизма-ленинизма, отделы которого были реорганизованы в самостоятельные институты) после перенесения столицы из Харькова в Киев также был переведен в Киев. ВУАМЛИН объединяла институты философии и природоведения, экономики, аграрный, права, советского строительства и кадров, истории и две научно-исследовательские кафедры – национального вопроса и литературоведения. По указанию Политбюро ЦК КП(б)У ассоциация вошла в состав Академии наук «в связи с ростом задач, поставленных партией и правительством перед наукой и необходимостью объединения научных сил в едином высшем научном учреждении страны… На базе институтов УАМЛИНа создать институты: Экономики, Истории, Философии, Советского строительства»[376]. В июне 1936 года учреждения ВУАМЛИН вошли в состав АН УССР.

31 марта 1934 г. ЦК КП(б)У окончательно решил передать Академию Наук в подчинение Совнаркома УССР, а 9 апреля 1934 г. Совнарком по поручению Политбюро ЦК КП(б)У принял постановление об избрании на вакантные кафедры ВУАН новых академиков и членов-корреспондентов[377]. В феврале 1936 г. был принят новый устав академии. Изменилось и ее название: теперь речь шла об Академии наук УССР[378].

Основной задачей АН УССР отныне являлось «всестороннее содействие общему подъему теоретических, а также прикладных наук в СССР, изучению и развитию достижений союзной и мировой научной мысли, содействие использованию их на практике и активное участие в строительстве украинской социалистической культуры»[379]. В июле 1936 г. была произведена реорганизация институтов: из Института экономики ВУАМЛИН и Института сельскохозяйственной экономики Наркомзема УССР был создан Аграрно-экономический институт. Институт украинской литературы им. Т.Г. Шевченко был создан в результате объединения Института им. Шевченко НКП УССР и Комиссии литературы и искусства ВУАН, а на базе Этнографической комиссии ВУАН и Музыкально-этнографического кабинета был создан Институт фольклора[380], на базе института истории ликвидированной ВУАМЛИН был создан Институт истории Украины, первым директором которого стал бывший директор Института философии ВУАМЛИН, «красный профессор» А.Х. Сараджаев[381].

Наконец, произошла окончательная реорганизация творческих союзов. 23 апреля 1932 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», по которому ликвидировались ассоциации пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП), а все писатели, поддерживающие платформу советской власти, объединялись в единый союз советских писателей. Аналогичная работа должна была быть проведена «по линии других видов искусства» (объединение музыкантов, композиторов, художников, архитекторов ми т.п.)[382]. Делегаты будущего съезда в Москве избирались на съездах писателей союзных республик. В УССР были ликвидированы литературные организации ВУСПП, «Плуг», «Молодняк», «Западная Украина» и создан республиканский комитет для подготовки к созданию единого Союза писателей. Первый съезд писателей Украины открылся 16

июня 1934 г. в Харькове, а после перенесения столицы продолжил свою работу в августе уже в Киеве. 17 августа 1934 г. открылся Всесоюзный съезд писателей в Москве.

В середине 1930-х годов процессы централизации и унификации сопровождались изменениями в идеологических постулатах советской национальной политики. Лозунг об опасности с двух сторон – со стороны великодержавного шовинизма и местного национализма, – столь популярный в прежние годы, потерял свое значение. Как уже упоминалось, на XVII съезде ВКП(б) в январе-феврале 1934 г. Сталин подчеркнул, что на Украине стал главной опасностью уклон к украинскому национализму[383]. Чуть позже, в 1936 г., русский народ был назван «первым среди равных»[384], и его не позволительно стало называть «нацией Обломовых». «Только любители словесных выкрутасов, мало смыслящие в ленинизме, могут утверждать, что в нашей стране до революции «обломовщина была самой универсальной чертой характера», а русский народ был «нацией Обломовых», – писала «Правда»[385]. Народ, который дал миру таких гениев, как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Чернышевский, Менделеев, таких гигантов человечества, как Ленин и Сталин, – народ, подготовивший и свершивший под руководством большевистской партии Октябрьскую революцию, – такой народ нельзя называть «нацией Обломовых». Таким образом, в новых условиях крайности украинизаторской политики были сглажены, к тому же русская общественность широко обсуждала новые тенденции в правительственной политике: заявление Сталина о том, что теперь, когда «власть у нас рабочая – у нас есть отечество»[386] и возвращение истории в школу как основного предмета.

Усилия большевистского руководства были направлены на консолидацию общества, несмотря на признание существования на территории громадного государства различных этносов. Большое значение

в советской национальной политике того времени уделялось пропаганде дружбы народов. Произнося речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана 4 декабря 1935 г., Сталин подчеркнул значение «дружбы народов нашей страны»: «В старое время, когда у власти в нашей стране стояли царь, капиталисты, помещики, политика правительства состояла в том, чтобы сделать один народ – русский народ – господствующим, а все народы – подчиненными, угнетенными. Это была зверская, волчья политика. … Настоящее совещание является ярким доказательством того, что былому недоверию между народами СССР давно уже положен конец, что недоверие сменилось полным взаимным доверием, что дружба между народами СССР растет и крепнет. Это, товарищи, самое ценное из того, что дала нам большевистская национальная политика». Пока эта дружба существует, убеждал Сталин, народы страны «будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует. Можете не сомневаться в этом, товарищи»[387].

Несомненный интерес представляет проект наднационального единства Н.И. Бухарина. В «Правде» под рубрикой «XVII съезд ВКП(б)» 31 января 1934 г. была опубликована речь Бухарина, в которой говорилось о «рождении новой страны социализма, с его новым техническим фундаментом, с его новой экономической структурой, с его новым человеком и с его новой культурой»[388]. Через полгода в «Известиях» Бухарин опубликовал статью «Рождение и развитие социалистической родины». Как писал Бухарин, пролетариат обрел свое отечество, свою пролетарскую родину, а «советская родина – это родина труда и братства народов»[389].

27 января 1935 г. передовая статья «Известий» вышла под заголовком «Единство героического народа» (номер был посвящен памяти В.В. Куйбышева, скончавшегося 25 января). «Глубочайшие процессы

роста социализма, складывающиеся в нашем хозяйстве, на основе правильной политики нашей партии, находят свое выражение в этом невиданном сплочении миллионов, в небывалом росте массовой организованности, в том, что трудящиеся массы Союза разных национальностей сплотились в героический народ нашей страны», – говорилось в статье[390]. На следующий день в газете появилась статья Бухарина «Наш Союз» с такими примечательными словами: «Союз Советских Социалистических Республик показывает всеми миру пример настоящего братства почти двухсот народов, его населяющих. … Разве не было того времени, когда украинцы презрительно третировались русскими шовинистами как «малороссы», как «хохлы»? А теперь Украина – великая наша республика, быстро поднимающаяся на могучих плечах своей мощной промышленности». Союз народов, утверждал Бухарин, велик и несокрушим, поскольку это – союз трудящихся, союз на основе диктатуры пролетариата, советской власти[391].

Вообще следует признать, что свои идеи Бухарин высказывал в «Известиях» на протяжении полутора лет. Наиболее полное выражение они нашли в статье 6 июля 1935 г. «Героический советский народ». По мнению большевистского теоретика, все решали отношения собственности: «Сознание того, что у на уничтожена проклятая частная собственность на средства производства – есть всеобщее сознание народов СССР. Капитал выкорчеван до конца. Капиталистов нет. Нет помещиков, ликвидирован кулак. Земля изъята из частной собственности: она – целиком государственная собственность. … Социалистические формы хозяйства наполняются все более мощно растущим содержанием». Именно на этой основе идет «великое объединение основных творческих сил общества»: «Колхозное крестьянство в своем «общественном бытии» … приближается к рабочим, которые сами «переделывают свою собственную природу». Интеллигенция, это уже на огромнейший процент пролетарская

интеллигенция, всасывающая «старые кадры». Все это, следовательно, уже другие социальные категории, необычайно быстро и плотно объединящиеся на базе растущего единого социалистического хозяйства». В итоге «вырастает новая реальность: «героический советский народ», многонациональный и объединяющий силы пролетариата, колхозного крестьянства и советской интеллигенции, с «головной» своей пролетарской частью, переделывающей всех по образу своему и подобию»[392].

1 мая 1936 г. появилась статья под заголовком «Расширение советской демократии», в которой Бухарин доказывал, что «победа социализма как хозяйственной системы» является «материальной базой всего государственно-организованного социалистического общества как единого целого», хозяйственное иденство означает «растущее единство масс»: «Так впервые, по сути дела, создается у нас единый народ, взятый не как этнографическая, а как социальная категория». Однако это единство для Бухарина – не только социальное: «С другой стороны, на основе ленинско-сталинской национальной политики, материального и культурного роста национальных областей, создается новая многонациональная общность, единый советский народ, с новым содержанием, где, при расцвете национальных культур, вырастают теснейшие узы нерушимой дружбы народов»[393].

Правда, бухаринская трактовка общности советских людей не была принята, поскольку, как считает А.И. Вдовин, она строилась на отрицании национальных традиций и ценностей народов[394]. Последнее очевидно противоречило не только сталинской теории наций, которые, как уже было сказано выше, в период победы социализма в одной стране должны были достичь особого расцвета. Не совсем соответствовали высказывания Бухарина и рамкам предпринятой в 1930-е гг. реабилитации понятий «родина» и «отечество», когда идея «стандартизированного героического

нарратива»[395] приобретала все больший смысл. Однако понятие «дружбы народов» активно внедрилось в советский лексикон. На 2-й сессии ЦИК СССР VII созыва секретарь Совета национальностей А.И. Хацкевич утверждал: «Настоящее совещание является ярким доказательством того, что былому недоверию между народами СССР давно уже положен конец, что недоверие сменилось полным взаимным доверием, что дружбыа между народами СССР растет и крепнет. Это, товарищи, самое ценное из того, что дала нам большевистская национальная политика. А дружба между народами СССР – большое и серьезное завоевание, ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы»[396].

К концу 1930-х годов появились высказывания о русском народе как «старшем брате». В конце декабря 1937 г. в «Ленинградской правде» появилась статья А. Садовского с характерным названием «Старший среди равных», а в феврале 1938 г. передовица «Правды» давала разъяснение, сводившееся к тому, что свое положение в семье равных советских республик русский народ использовал для помощи другим народам, которых ранее угнетало царское правительство. Впрочем, исследователи подчеркивают, что до начала Великой Отечественной войны этот штамп использовался редко[397].

Серьезные изменения произошли и в интерпретации исторических событий. Среди деятелей прошлого были найдены ключевые фигуры, использованные для создания национальных пантеонов и патриотического воспитания. Если в качестве выдающихся русских деятелей пропагандировались образы А.С. Пушкина, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского и др., то украинских героев возглавляли Б. Хмельницкий и Т.Г. Шевченко. Например, в 1920-е годы М.И. Яворский негативно оценивал опыт украинцев в Российской империи и писал, что Богдан Хмельницкий привел Украину под власть царя, а попытку Ивана Мазепы отделиться от России описывал в нейтральных тонах, но осуждал

его за внедрение барщины[398]. Впрочем, взгляды историка, его схема истории Украины вызвали дискуссию в конце 1920-х годов[399]. «Большая советская энциклопедия» в 1935 г. назвала Богдана Хмельницкого «предателем и лютым врагом восставших казацко-крестьянских масс», содействовавшим «закреплению колониального господства России над Украиной и крепостного гнета»[400].

Однако уже в августе 1937 г., в постановлении жюри конкурса на лучший учебник для начальной школы по истории СССР, среди замечаний фигурирует следующее: «Отрыжки взглядов антиисторических немарксистских встречаются у авторов учебников, представленных на конкурс, почти на каждом шагу при описании СССР досоветского периода… авторы не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVII веке, в его борьбе против оккупации Украины панской Польшей и султанской Турцией; факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под протекторат России, также как факт перехода Украины под власть России, рассматривается авторами как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России, равно как перед Украиной стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом»[401].

В 1938 г. любимец Сталина драматург А.Е. Корнейчук написал пьесу «Богдан Хмельницкий» (получившую в 1941 г. Сталинскую премию), где гетман говорит: «Народы наши суть братья. Мы единой веры греко-русской и одних предков дети, и мысли наши устремлены к единению. Украина в пожарах, в крови, в боях с супостатами ждёт помощи русского народа, чтоб, совсем освободившись от угнетателей, жить в единой семье,

как брат с братом»[402]. В 1941 г. на Киевской киностудии был снят фильм «Богдан Хмельницкий», режиссер И.А. Савченко снял его по пьесе Корнейчука[403].

Политика большевиков по популяризации «правильных» героев прошлого и соответствующая трактовка их образов должна была не только задать «правильные» ориентиры для общественного сознания украинцев, но и способствовать укреплению межнациональных связей, дружбы народов СССР. В статье Д. Мирского «О советской поэзии», опубликованной в «Известиях» 28 января 1936 г., подчеркивалась необходимость пропаганды лучших образцов национальных культур: «Овладение поэзией народов СССР не должно ограничиваться только их советской поэзией. Так же, как Пушкин, Лермонтов и Некрасов стали любимыми советскими классиками, такими же должны стать классики братских народов. Однако, не все тут обстоит благополучно. Так, Шевченко совершенно недостаточно известен всей стране, а между тем он вместе с Некрасовым был любимым поэтом революционаров 70-х годов».[404]

В 1937 г. отмечалось 100-летие гибели А.С. Пушкина. 10 февраля 1937 г. в «Правде» была опубликована «Слава русского народа», в которой прозвучали знаменательные слова: «Единый в своем национальном многообразии советский народ торжественно чтит Пушкина как веху своей истории и огромное явление сегодняшнего дня»[405]. При проведении торжеств делался акцент на интернациональности поэзии Пушкина, и одновременно еще раз подчеркивалась роль русского народа в истории и культуре: «Русский народ дал миру гениального Пушкина. Русский народ под руководством великой партии Ленина–Сталина свершил социальную революцию и доведет ее до конца. Русский народ вправе гордиться своей ролью в истории, своими писателями и поэтами»[406]. Для подготовки к торжествам был создан Всесоюзный пушкинский комитет, вслед за

которым были созданы пушкинские комитеты почти во всех республиках, краях, областях, во многих городах, учреждениях, вузах и т.п. Прошли торжественные заседания, пушкинские конференции (торжественное собрание Академии Наук УССР, посвященное памяти Пушкина, состоялось 9 февраля), состоялся пленум правления Союза советских писателей, издавались произведения Пушкина, в Ленинграде был установлен памятник и т.п.

Ярким выражением новых тенденций стало празднование 125-летнего юбилея Т.Г. Шевченко в 1939 году. Юбилей отмечался не только в УССР, и в других республиках. Например, в Азербайджане проводился двухдекадник, посвященный жизни и творчеству Шевченко. Шевченковскую выставку организовали в Ереване, выставки сочинений Шевченко и шевченковские вечера состоялись в Чемкенте, в Адыгейской АО, в Саратове и т.д. В Минске «Кобзарь» был издан на белорусском языке, две книги вышли в Киргизии, был подготовлен сборник на казахской языке, на крымско-татарском, на адыгейском были напечатаны произведения Шевченко «Кавказ», «Катерина» и «Наймичка». Наконец, шевченковские вечера были проведены в Колонном зале Дома Союзов, в Политехническом музее, домах культуры, клубах, театрах и школах в Москве. Шевченковские выставки состоялись в Ленинграде[407]. Использование образов-символов (которым и стал Шевченко) должно было, в конечном счете, послужить делу популяризации господствующей идеологии, для чего использовались такие маркеры, как Шевченко – революционер-демократ; Шевченко – непримиримый борец против царизма, крепостничества и национализма; Шевченко – интернационалист; интернационализм шевченковского наследия и т.п. Шевченко стал символом украинской идентичности в советской национальной политике.

Таким образом, процессы централизации и унификации в 1930-е гг. сопровождались активизацией усилий центрального руководства по

консолидации населения Страны Советов в единую общность. Единство многонационального государства должны были обеспечивать формулы интернационализма и дружбы народов, закрепленные в системе новых культурных ценностей, внедряемых в сознание населения. В то же время, ужесточившийся контроль за идеологической жизнью общества сопровождался попытками ликвидировать все потенциально опасные элементы, которые могли нести угрозу целостности государства.

§ 6. Проблема национальных территориальных образований и языковое строительство в условиях социальной и культурной интеграции

Искоренение «националистической контрреволюции» и репрессивная политика в отношении ряда национальных меньшинств в стране в целом затронули и УССР. Польско-германская декларация 1934 г. о ненападении вызвала озабоченность советского руководства, которое решило предпринять «превентивные меры» против поляков и немцев, проживавших в СССР.

Депортации поляков и немцев из приграничного района начались в феврале 1935 г., после принятия 23 января постановления ЦК КП(б)У о правилах переселения в восточные районы Украины польских и немецких хозяйств. При этом речь шла об организации в селах компактного населения немцев и поляков соответствующих групп при местных школах. Например, в Старобельском округе Донецкой области, куда в 1935 г. пересилили около 2 тыс. крестьянских хозяйств немцев и поляков, в течение 1935–1937 гг. было создано 4 немецких и 24 русских и украино-немецких школы, 2 школы с польским языком обучения[408].

Процесс переселения немцев и поляков, проживавших на Украине, сопровождался ликвидацией ряда национальных районов, созданных в 1920-е гг. Первые постановления по этому вопросу Политбюро ЦК КП(б)У

приняло еще осенью 1934 г. 23 ноября речь шла о Винницкой области: политбюро согласилось с постановлением Винницкого обкома КП(б)У «реорганизации 18 польских сельсоветов в украинские» и предложило ВУЦИК «оформить советским порядком»[409]. В августе 1935 г. были ликвидированы Мархлевский польский и Пулинский немецкий национальные районы, в марте 1939 г. постановлением ЦК КП(б)У национальные районы и сельсоветы ликвидировались в Запорожской, Николаевской, Одесской, Сталинской областях[410]. На территории бывшего Мархлевского района были закрыты все польские школы, польские школы закрывались и в других районах. Из 276 польских школ, еще существовавших на Украине, планировалось закрыть 158. Подобная работа, но в меньших масштабах, шла и в немецких школах. На момент ликвидации национальных школ в 1938 г. оставалось 57 польские школы и 6 смешанных, в которых были польские группы[411].

В 1935–1938 гг. Политбюро ЦК КП(б)У неоднократно рассматривало вопросы о реорганизации национальных учебных заведений и о переводе их на украинских либо на русский языки обучения[412]. Одновременно ЦК КП(б)У продолжало проверки работы с нацменьшинствами. Так, 25 июля 1936 г. Оргбюро ЦК КП(б)У рассматривало вопрос о «состоянии партийно-массовой и комсомольской работы и культурного обслуживания немецкого и польского населения». В постановлении работа Одесского, Днепропетровского, Киевского и Винницкого обкомов в этом отношении признавалась неудовлетворительной, а обкомов комсомола – недостаточной. Причем говорилось, что и отделы ЦК КП(б)У «совершенно недостаточной занимаются этой работой». Ошибка местных парторганизаций заключалась в том, что «наряду с разгромом фашистов-гитлеровцев и пилсудчиков», они «зачительно ослабили массово-политическую и культурную работу с основной массой немецкого и польского населения». Горкомы и райкомы должны были, «не ослабляя

бдительности и решительной борьбы по разоблачению и ликвидации остатков польско-немецкой фашистской агентуры, сосредоточить внимание на проведении повседневной массово-политической работы и культурном обслуживани основной массы национальных меньшинств польской и немецкой национальности[413].

Через год, в июне 1937 г., ЦИК УССР по поручению секретаря ЦК КП(б)У М.М. Хатаевича проверил состояние обслуживания на родном языке советским аппаратом населения национальных районов[414]. После проведения проверки секретарь ЦИК М. Зинченко написал докладную записку в ЦК. Обследование 6 национальных районов показало, что «состояние обслуживания советскими органами населения нацрайонов на родном языке пребывает в явно неудовлетворительном состоянии, что является нарушением Ленинско–Сталинской национальной политики»[415], партийные работники райисполкомов и сельсоветов «проявляют великодержавный шовинизм, который состоит в том, что, владея языком населения данного нацрайона и села, они проводят свою работу и выступают перед населением на русском или украинском языках»[416]. Предлагалось «решить вопрос об укомплектовании нацрайонов руководящими кадрами, владеющими языком населения данного нацрайона, сделав особый акцент на выращивание и выдвижение местных национальных кадров», «обязать всех работников, работающих в том или ином национальном районе и не владеющих языком населения этого района, обязательно приступить к изучению этого языка с тем, чтобы в течение определенного времени овладеть языком населения нацрайона». Для того, чтобы нацрайоны могли посылать свои протоколы и деловые бумаги в область на родном языке, предлагалось обязать облисполкомы «иметь в своем аппарате» сотрудников, владеющих языком населения нацрайонов[417].

В чем заключались нарушения национальной политики в отношении нацменьшинств, помогает представить секретная докладная записка инструктора Президиума ЦИК СССР А. Богданова, которая была направлена секретарем Совета Национальностей ЦИК СССР А.И. Хацкевичем 5 июля 1937 г. в ЦК КП(б)У, ЦИК УССР и СНК УССР. Хацкевич предлагал С.В. Косиору, Г.И. Петровскому и П.П. Любченко «наметить по Вашему усмотрению соответствующие мероприятия для устранения отмеченных в записке недостатков»[418]. Так, Богданов отмечал, что в Барановском районе Киевской области «при наличии 30 % трудящихся поляков в составе населения 15 сельсоветов среди них не ведется никакой политико-массовой работы и ни в одном из сельсоветов этого района нет ни текста сталинской Конституции на польском языке и нет никакой работы по ее изучению». Такая же ситуация сложилась и в Красноармейском районе. Причиной тому была «боязнь и известное недоверие» к полякам и немцам. Перевод в 1935 г. польских школ на украинский язык обучения (как пишет Богданов, таких школ было 200) вызывает недовольство среди поляков, «факты национального антагонизма и усиления подрывной работы враждебных элементов»[419]. Не велась работа и среди немцев: «Председатель райисполкома (Красноармейского района – *Е.Б.*) т. Егоров заявляет, что среди части работников и населения существует стремление видеть в немцах одних лишь фашистов. На этой почве имеются случаи преследования немцев. Например, работника Райзо – немца, проживавшего в квартире одного украинца (в селе Красноармейском) пытались выселить только потому, что он немец»[420].

Богданов приводил также факты закрытия клубов нацменьшинств, что вызывало недовольство населения. Так, был закрыт польский клуб в Житомире, еврейских клубов в Умани, латышского и польского клубов в Киеве и т.п., не хватало литературы на языках нацменьшинств, прекращено издание нацменовских страничек при районных газетах[421].

Вывод инструктора был следующим: «Учитывая, что отсутствие политико-массовой работы и невнимательное отношение к нуждам нацменьшинств создает объективно почву и благоприятные условия для работы враждебных элементов и что контрреволюционные элементы вербуют себе людей из числа «обиженных» и «недовольных» и создают себе резервы, приведенные выше факты требуют самого серьезного внимания для быстрейшей их ликвидации»[422].

Однако такие постановления, выдержанные в духе предыдущего десятилетия, противоречили новой тенденции. В новых условиях выросло значение русского языка как языка межэтнической коммуникации, что было обусловлено социально-экономической интеграцией и выросшей социальной мобильностью населения. Коммуникативные потребности единого государства требовали хорошего знания русского языка со стороны активной части населения, поскольку русский язык играл ведущую роль в сфере государственного управления, науке, армии, являлся средством общения между людьми разных национальностей. В том числе и с этой точки зрения следует рассматривать постановление 1938 г. об изучении русского языка во всех школах Украины (этот документ иногда трактуется как перевод украинских школ на русский язык обучения, что в корне неверно), и об уравнении юридически и фактически в правах с украиноязычным «Комуністом» русскоязычной газеты ЦК КП(б)У «Советская Украина». Причем эти события в украинской исторической литературе считаются конечной датой украинизации. Следует подчеркнуть, что каких-либо официальных решений партийного и советского руководства об отмене украинизации принято не было. Однако следует выяснить, что же стояло за принятием такого решения.

До начала 1930-х годов национальные республики и регионы издавали собственные учебные планы и программы[423]. Единые подходы к учебным программам и учебникам стали осуществляться только после

постановлений от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» и 12 февраля 1933 г. «Об учебниках для начальной и средней школы», вводившее единые стандартизированные стабильные учебники. Образцовый учебный план 1932 г. был общим для всех школ: родной язык изучался с первого класса, второй – с третьего[424].

Введение единых программ обучения было не случайным. В едином государстве знание русского языка обеспечивало гражданам возможность продолжения образования в центре, а не только в своих республиках. Курьезный случай был озвучен на 3-й сессии ЦИК 5 созыва в январе 1931 г. Выступавшая на заседании в Совете Национальностей Ахмедзянова рассказала о своем опыте продолжить образование в Москве: «Приезжаю я в высшую колхозную школу. Здесь как раз испытания. Я неграмотная. Но практическая работа есть, работаю с 1925 г. Задали практические вопросы, ответила, а потом хвать — меня заставляют написать свою автобиографию. Я говорю:

– Совершенно по-русски неграмотна.

– Почему же сюда приехала? Это не ликпункт.

– Я думаю, что не ликпункт. Но я взрослая, сумела неграмотной работать пять лет, может быть сумею и неграмотность по русскому языку изжить. – Меня послали к заведующей. Прихожу к заведующей, говорю:

– Я совершенно по-русски неграмотная, а по-татарски вот сколько работала.

– Не знаю. У нас татарских преподавателей не будет.

–Я не требую татарских преподавателей, а по-русски говорить как для татарки умею достаточно, а вот грамоте на русском языке хотела бы научиться. – Она — туда, сюда. Я говорю:

–Товарищ заведующая. Тогда скажите, что нацменка, совершенно по-русски неграмотна, поэтому не принимаем. Дайте такую записку, я с этой запиской уеду в деревню. Она опять туда, сюда. Я спрашиваю:

– Сколько в школу принимаете?

– Пятьсот человек. – Пятьсот человек наверно одну неграмотную поддержат. Ведь там есть ответственные работники с партстажем по 10–15 лет. Как же 500 человек одну нацменку не научат? Еле-еле взяли»[425].

Трудности, связанные с недостаточным знанием русского языка, возникали не только у учащихся, но и у педагогов. На Всероссийском совещании по нацучебнику в апреле 1933 г. выяснилось, что преподаватели русского языка недостаточно подготовлены, а выпускники 7-летней школы фактически не знают русского языка. Почти все учителя русского языка окончили институты, в которых обучение шло на родном языке[426].

28 апреля 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало вопрос «О преподавании русского языка в начальной и средней школе». А.С. Бубнов и А.А. Жданов отмечали неудовлетворительную грамотность учащихся начальной и средней школы: «В письме учащихся много орфографических ошибок, мало внимания обращается на выработку у детей четкого и красивого почерка, слабо развита у учащихся культурная литературная речь»[427]. В итоге число часов на обучение русскому языку увеличилось. В УССР В 1932–1933 учебном году русский язык начинали учить с 3 группы (1 час в неделю) и далее каждый год по 2 часа. В 1933–1934 учебном году увеличилось количество часов на обучение русскому языку в 3 группе, а в 1934–1935 году количество часов на преподавание русского языка и литературы увеличилась еще на час в 3–7 классах, в 5 классе – на два часа. Такая ситуация сохранялась до 1937 года[428].

Однако было очевидным, что учащиеся национальных школ все равно знали русский язык плохо по сравнению с выпускниками русскоязычных школ. 27 января 1936 г. в «Известиях» появилась статья Э. Михайлова «О школьниках и педагогах», содержащая критику в адрес школьного образования в УССР. Например, в 8-й образцовой

черниговской школе в 7-м классе на уроке русского языка «ученики сделали в диктанте в среднем по 12–15 ошибок. Учитель Бикодер, подчеркнув карандашом ошибки, возвратил тетради семиклассникам. Попробуем вновь собрать эти тетради и просмотреть их. Оказывается, что к ошибкам учеников надо прибавить 24 ошибки учителя». Михайлов утверждал, что недостаточная грамотность учителей не так уж редка, и причиной тому – низкий уровень их подготовки: «В 1935 году было обследовано 131640 школьных работников Украины (всего в республике свыше 145000 учителей). Выяснилось, что 30280 учителей младших классов (44%) имеют низшее образование; 26737 учителей старших классов (64,2%) не имеют высшего образования, в том числе 2019 не имеют даже среднего образования». Развитие сети учебных заведений идет быстро, педагогические вузы и техникумы не справляются с подготовкой преподавательского состава, а краткосрочные курсы не обеспечивают надлежащего качества обучения[429].

Подобные проблемы не были чем-то исключительным. Так, заведующий отделом партпропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А.И. Стецкий в своей записке в Оргбюро ЦК ВКП(б) (не позднее 5 мая 1936 г.) указывал, что слушатели школ пропагандистов «в подавляющем большинстве не обладают достаточной грамотностью». Поэтому «во всех без исключения школах потребовалось ввести занятия по русскому языку, а в национальных школах — еще и по родному языку»[430].

Вопрос стал особенно остро ощущаться с осени 1937 г. в связи с готовящимся переходом к комплектованию армии на основе всеобщей воинской повинностей и отказом от организационного построения РККА по территориально-милицейскому принципу. План мероприятий по переходу к новой системе комплектования был принят в мае 1935 г., и в течение 1936–1938 гг. территориальные дивизии должны были перейти на кадровые принципы комплектования. 5 сентября 1937 г. ЦК КП(б)У

получило телеграмму от Сталина с требованием немедленно телеграфировать в ЦК ВКП(б), преподается ли в национальных школах русский язык, и если преподается, то с какого класса[431]. Эта телеграмма пришла приблизительно за месяц до пленума ЦК ВКП(б), где был поставлен вопрос о преподавании русского языка в школах. Выступая на пленуме 12 октября 1937 г., Сталин объяснил причину такого внимания к преподаванию русского языка. «Вы, должно быть, помните, недавно аппарат ЦК запросил областные организации насчет преподавания русского языка в школах — вводить ли русский язык как обязательный предмет изучения в школах независимо от национальности или не вводить? – напомнил Сталин. – Запрос такой был вызван тем, что мы стояли перед большим актом призыва красноармейцев в армию. У нас имеется закон о том, что призыву подлежат все граждане СССР, достигшие известного возраста, независимо от национальности. Раньше было так, что известные национальности исключались из разряда народов, откуда берутся призываемые. … Но мы стали перед вопросом о том, что призываемые в армию, например, в Узбекистане, в Казахстане, в Армении, в Грузии, в Азербайджане, не владеют русским языком»[432].

Именно изменением в законе о военной службе генеральный секретарь объяснял необходимость уделить особое внимание знанию русского языка всеми гражданами Страны Советов: «Но есть у нас один язык, на котором могут изъясняться все граждане СССР более или менее, – это русский язык. Поэтому мы пришли к тому, чтобы он был обязательным. Хорошо было бы, если бы все призываемые в армию граждане мало-мальски изъяснялись бы на русском языке...»[433]. Пленум согласился с предложением Сталина поручить Наркомпросу изучить данный вопрос и выработать соответствующий закон «как нечто общеобязательное для того, чтобы этот узел разрубить и дать возможность

нашей армии … быть действительно армией Союза, а не отдельных областей и республик»[434].

После пленума вопрос о преподавании русского языка в национальных школах оказался в центре внимания властей. Так, Комиссия советского контроля при СНК СССР направило записку спекретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и А.А. Жданову о состоянии дел в Наркомпросе РСФСР уже 25 октября 1937 г. Документ свидетельствовал о негативной картине, сложившейся с преподаванием русского языка: «...По автономным ССР из 31255 учителей начальной школы не имеют среднего образования 18649 учителей, или 59,6 %. Из 30049 учителей русского языка в национальных неполных средних и средних школ с высшим образованием 360 чел. – 11,8 %, не имеющих среднего образования 432 чел. – 14,1 %. … Русский язык в нерусских школах начинает преподаваться только со 2-го класса, переходящие в 5-й класс, пишут безграмотно, русского языка не знают»[435].

Буквально через несколько дней, 30 октября 1937 гг., в ЦК ВКП(б) (И.В. Сталину, Л.М. Кагановичу, А.А. Андрееву, А.А. Жданову и Н.И. Ежову) поступила еще одна докладная записка, на этот раз – от заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлиса, называвшаяся «О русских газетах на Украине». «Ни в одной союзной и автономной республике русская печать не находится в таком захудалом состоянии, как на Украине, – утверждал Мехлис. – В республиканских центрах всех союзных республик, столицах автономных республик, наряду с национальными газетами, выходят руководящие газеты на русском языке. … Ничего подобного нет на Украине. Там буржуазные националисты по сути дела ликвидировали русские газеты, несмотря на то что русского населения на Украине немало. Да и украинское население охотно читает русские газеты»[436]. Для подкрепления своего вывода Мехлис приводил следующие цифры и факты: «В Киеве выходит 11

республиканских и областных газет. Основные газеты... выходят на украинском языке… Кроме того, в Киеве издаются газеты на немецком, польском, еврейском, болгарском языках. Нет только ни оной газеты на русском языке, если не считать русского издания армейской газеты “Червона армия”»; «…ни в одной из 12 областей УССР, кроме Донбасса, не выходит ни одна областная газета на русском языке. …. В Донбассе издается на русском языке областная газета «Социалистический Донбасс». Все остальные газеты Донбасса выходят преимущественно смешанными — часть материала на русском языке, другая — на украинском. Эти газеты какие-то ублюдочные»[437] Мехлис спрашивал: «неужели Украина нуждается больше в немецкой газете, чем в русской? Действительно ли польский и болгарский языки распространены на Украине больше, чем русский» и просил ЦК ВКП(б) рассмотреть этот вопрос[438].

Мехлис несколько сгустил краски. Действительно, процент украиноязычной прессы на Украине был довольно высоким, однако следует учитывать, что увеличение показателей в 1936 – первой половине 1937 гг. произошел после их снижения в предыдущие два года. Так, в 1932 г. 79,7 % всех журналов выходили на украинском языке, в 1934 г. – 67,1 %, в 1935 г. – 56,1 %. Но в 1936 г. процент украиноязычных журналов увеличился до 62 %. Правда, по решению ЦК КП(б)У от 10 мая 1937 г. республиканские украиноязычные журналы должны были составить 80 % от общего числа названий[439].

Политбюро обратило внимание на записку заведующего отделом печати и издательств ЦК и 17 декабря 1937 г. постановило: «1. осудить продолжающееся игнорирование русской печати на Украине. 2. Обязать ЦК КП(б)У организовать с 19 декабря всеукраинскую большую ежедневную газету на русском языке, как орган ЦК КП(б)У и ВУЦИК. Выпускать газету одинаковым тиражом с газетой «Коммунист». ...4. Обязать ЦК КП(б)У в месячный срок организовать руководящие газеты на

русском языке. В первую очередь должны быть созданы русские газеты в Харькове, Днепропетровске, Одессе и Николаеве»[440].

Такое решение было принято на фоне вновь обострившейся борьбы с «буржуазным национализмом». В этот же день Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило принятый оргбюро ЦК еще 1 декабря 1937 г. постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов», в котором говорилось, что в ряде областей и краев были искусственно созданы различные национальные районы и сельсоветы (немецкие, финские, корейские, болгарские и пр.), «существование которых не оправдывается национальным составом их населения». Свое решение высшее партийное руководство объясняло результатами специальной проверки, в ходе которой выяснилось, что «многие из этих районов были созданы врагами народа с вредительскими целями». Поэтому ЦК ВКП(б) признало «нецелесообразным дальнейшее существование как особых национальных районов, так и сельсоветов» и обязывало «ЦК КП(б)Украины, Дальневосточный, Алтайский, и Краснодарский крайкомы, ЦК КП(б)Казахстана, Крымский, Оренбургский, Ленинградский, Архангельский обкомы, на территории которых находятся национальные районы и сельсоветы, к 1 января 1938 г. представить в ЦК ВКП(б) предложения о ликвидации этих районов путем реорганизации в обычные районы и сельсоветы»[441].

16 февраля 1938 г. Политбюро ЦК КП(б)У уже приняло постановление «О реорганизации национальных районов и сельсоветов УССР в обычные районы и сельсоветы». Необходимость таких действий обуславливалось тем, что существование национальных районов и сельсоветов (немецких, болгарских и греческих) «не оправдывается национальным составом населения этих районов». В результате в Одесской области был ликвидированы и расформированы три немецких района (Спартаковский, Карл-Либкнехтовский, Зельцский) и один

болгарский (Благоевский); в Николаевской области – немецкий Фриц-Геккертовский район, в Днепропетровской области – три немецких района (Люксембургский, Молочанский, Ротфронтовский) и один болгарский (Коларовский), в Донецкой области – Старо-Каранский греческий район, а Велико-Янисольский утрачивал свой статус греческого района, а считался теперь украинским[442].

Следует заметить, что 1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло также решение «О национальных школах», которое признавало вредным «существование особых национальных школ (финские, эстонские, латышские, немецкие, английские, греческие и др.) на территории соответствующих республик» и предлагало «реорганизовать указанные школы в советские школы обычного типа». Наркомпросу РСФСР предписывалось представить в ЦК предложения о ликвидации национальных педтехникумов, домов просвещения и др. культпросветучреждений[443]. Вопрос о преподавании русского языка в национальных школах был практически предрешен.

24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о реорганизации национальных школ. Национальные школы были названы «очагами буржуазно-националистического влияния на детей», такие школы «отгораживали детей от советской жизни, лишали их возможности приобщения к советской культуре и науке, преграждали путь к дальнейшему получению образования в техникумах и высших учебных заведениях». «Особые национальные школы» (немецкие, финские, польские, латышские, эстонские и др.) должны были быть реорганизованы в «советские школы обычного типа» с преподаванием «или на языке соответствующей республики, или на русском». Наркомы просвещения союзных республик должны были лично утвердить сроки и порядок реорганизации «каждой особой национальной школы» и закончить всю работу до 1 августа 1938 г.[444]

Следует заметить, что замечание о сложностях с получением дальнейшего образования было не лишено смысла: действительно, выпускники национальных школ плохо знали русский язык и поэтому их возможности дальнейшего получения образования в центральных вузах были весьма ограниченными. Преемственности в просвещении на национальном языке не было: в начале 1930-х гг. реально действовали начальные школы, профессиональные и высшие учебные заведения, которые были не связаны между собой промежуточной ступенью – семилетками и десятилетками. То есть дети в начальной школе начинали обучаться на национальном языке, в семилетке – на украинском или русском. Желающие продолжить обучение сталкивались с тем, что уровень их подготовки не отвечает требованиям высшего или специального учебного заведения[445]. К тому же школы нацменьшинств страдали от недостатка кадров, учебной литературы. Возможности выбора были также довольно ограниченными, поскольку уровень подготовки учащихся зачастую позволял претендовать только на место в учебном заведении, ориентированном на набор студентов определенной национальности. Для нацменьшинств существовали педагогические и сельскохозяйственные учебные заведения, что сужало возможности их профессиональной ориентации[446].

О недостатках преподавания русского языка в национальных школах развернулась кампания в прессе. Например, 20 марта 1938 г. «Правда» разоблачала «гнилую позицию Наркомпроса Башкирии»: «Враги народа – буржуазные националисты, продолжительное время орудовавшие в органах народного образования Башкирии, проводили политику изоляции башкирской молодежи от русской культуры, воздвигали тысячи препятствий на пути преподавания русского языка и русской литературы в башкирских и татарских школах»[447]. 26 марта «Правда» критиковала украинский Наркомпрос. В статье «Русский язык в школах Украины»

приводились факты, которые должны были свидетельствовать о плохом знании русского языка учащимися украинских школ из-за недостаточного количества часов, отведенных на преподавание русского языка и литературы. Например, в Киеве «в седьмых классах 21-й украинской школы – 59 % неуспевающих, а в десятых классах – 36 %! Половина учащихся 44-й и 57-й киевских школ не успевают по русскому языку. Проверка знаний в 14 школах Харьковской области показала, что в пятых классах этих школ неуспевающих по русскому языку насчитывается около 40 %, в седьмых классах – 66 %, в десятых – 49,5 %». Буржуазные националисты, говорилось в статье, «пустили в обращение вредительскую «теорийку» о трудностях двуязычия»: «“Теория” эта заключалась в том, что украинским детям, изучающим свой родной язык, трудно, мол, одновременно обучаться и русскому языку. Сознательно пренебрегая опытом старой русской школы, в которой преподавание двух языков начиналось в первом или во втором классе, они усиленно внедряли эту «теорийку» и в головы педагогов. Нерадивые учителя получили «веский» аргумент для оправдания неуспеваемости учащихся». Подчеркивалась также и низкая уровень подготовки учителей русского языка: «В январе текущего года, во время контрольной сессии учителей-заочников третьего Киевского педагогического техникума, только один из ста учителей написал диктант по русскому языку на “посредственно”, остальные – на “плохо”». Киевский корреспондент «Правды» делал вывод: «Чистосердечно признавая прискорбный факт провала преподавания русского языка, руководители народного просвещения на Украине ничего не предпринимают для исправления создавшегося положения»[448].

Между тем продолжались изменения в армии. 7 марта 1938 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА»: национальные воинские части и соединения, военные училища и школы преобразовывались в общесоюзные, с

экстерриториальным принципом комплектования. Граждане национальных республик теперь призывались на общих основаниях[449]. Знание призывниками из национальных республик русским языком выходило на первый план.

Одновременно был окончательно решен вопрос о роли русского языка в школах. Разрабатывать законопроект о преподавании русского языка должен был нарком просвещения РСФСР П.А. Тюркин, сменивший на этом посту арестованного А.С. Бубнова. Подготовленная им докладная в Оргбюро вполне соответствовала духу времени: Тюркин вполне был согласен с выводами Комиссии советского контроля и возлагал ответственность на своего предшественника. «Враги народа, пробравшиеся в наркомпрос РСФСР и его местные органы, в течение ряда лет вредительски срывали постановку обучения русскому языку в национальных школах, – писал Тюркин. – Это систематически проводившееся вредительство нашло свое отражение в составлении для национальной школы таких учебных планов, которые фактически исключали из школы преподавание русского языка...»[450]. 2 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) обсудило вопрос о введении обязательного изучения русского языка в национальных школах и поручило Тюркину созвать совещание наркомов просвещения союзных республик для разработки организационных мер по введению с 1 сентября 1938 г. преподавания русского языка во всех национальных школах[451].

Тюркин провел совещание с представителями союзных республик, соответствующую докладную записку он направил А.А. Андрееву и А.А. Жданову 2 февраля 1938 года. По утверждению Тюркина, на совещании было установлено, что «русский язык в подавляющем большинстве национальных школ совершенно не преподается» (речь шла о Киргизии, Туркмении, Таджикистане, Узбекистане)[452], а в большинстве школ, где проводится обучение детей русскому языку, «уровень

преподавания его остается крайне неудовлетворительным, и в результате этого успеваемость учащихся – исключительно низкой». Например, «из 34 учащихся Одесской средней школы 79 % учащихся имеют отметку по русскому языку «плохо» и «очень плохо»; из общего числа учащихся V класса терновской школы Харьковской области не успевают по русскому языку 83 %» [453]. Тюркин также отметил «огромный разнобой» в организации обучения учащихся русскому языку, плохую обеспеченность учителями русского языка, а, главное – «делом преподавания русского языка в нерусских школах до сих пор никто не руководит»[454].

Тюркин подготовил проект постановления о преподавании русского языка с первого класса во всех нерусских школах и педагогических институтах, начиная с осени 1938 года. 16 февраля Оргбюро решило образовать комитет для изучения предложения Тюркина. Впрочем, Сталин посчитал данное предложение слишком кардинальным, заходящим слишком далеко в направлении русификации и приказал Политбюро организовать комиссию во главе с А.А. Ждановым для разработки проекта постановления. Сталин настаивал также на том, чтобы учителя русского языка знали родной язык учащихся[455]. Комиссия собралась 8 марта и обсуждала вопрос о том, с какого класса следует начинать обучение русскому языку, как создавать новые учебники и справиться с нехваткой учителей. Было решено начать обучение русскому языку учащихся начальной школы со второго класса, а учащихся семилетней и средней школы – с третьего. Жданов отметил три предпосылки, обусловливающие введение русского языка: «во многих национальных республиках необходимо иметь общий язык»; «повышение квалификации педагогического состава»; «вопрос, связанный со службой в Красной армии»[456]. 11 марта Жданов представил Сталину окончательное предложение комиссии, Сталин внес минимальные изменения и постановление было обнародовано 13 марта[457].

В постановлении подчеркивалось, что необходимость преподавания русского языка в школах национальных республик и областей диктуется тремя основными мотивами. Прежде всего, «в условиях многонационального государства, каковым является СССР, знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту». Кроме того, «овладение русским языком способствует дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний». Наконец, «знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота». Обучение русскому языку в начальной школе должно было вестись со 2-го класса (2-й класс – 2 часа, в 3 и 4-м классах – по 4 часа), а в неполных средних и средних школах – с 3-го (в 3 и 4 классах – по 4 часа, в 5, 6 и 7 – по 5 часов, в 8, 9, 10 – по 4 часа)[458]. Правда, постановление не учло специфику школ, работавших по 7-дневной неделе, о чем Тюркин и доложил в ЦК ВКП(б) 9 июля 1938 г.[459] В результате 19 июля было принято постановление, исправляющее данную ошибку и разрешившее Наркомпросам союзных республик увеличить количество часов, отведенных на преподавание русского языка в каждом классе нерусских сельских школ, работающих на семидневной неделе, на 1 час[460].

В итоге в УССР изменилась организация обучения русскому языку. В 1932–1933 учебном году русский язык начинали изучать с 3 класса (1 час в неделю) и далее каждый год по 2 часа[461]. Изучению русского языка в школах УССР стало уделяться больше внимания после снятия Скрыпника с должности наркома просвещения и назначения на эту должность Затонского. В 1933 г. Наркомпрос УССР утвердил единый учебный план для школ, согласно которому в начальной школе с украинским языком

обучения и в начальных национальных школах русский язык преподавался по-прежнему с 3-го класса[462], но в 1933–1934 учебном году количество часов на изучение русского языка в 3 классе увеличилось до 3 часов в неделю, а в 1934–1935 году количество часов на изучение русского языка и литературы увеличилось еще на один час в 3–7 классах, причем в 5 классе – на два часа[463]. В 1935 г. Наркомпросом был принят новый учебный план для городских и сельских школ с украинским и русским языком обучения, а также для городских и сельских школ национальных меньшинств: учебные планы городских и сельских школ имели различия, в том числе и касающиеся часов, отведенных для изучения языка. Учебные планы украинских школ и школ нацменьшинств отличались только языком преподавания. В городских начальных школах с украинским и русским языком обучения второй язык изучался с 3-го класса (2 часа в неделю в 3-м классе, 3 часа – в 4-м классе). В сельских начальных школах с украинским и русским языком обучения второй язык также изучался с 3-го класса, но на него сразу же отводилось 3 часа в неделю. В начальных национальных школах украинский язык изучался с 3-го класса (в городских в 3-м классе отводилось 2 часа в неделю, в 4-м – 3 часа, а в сельских и в 3-м и в 4-м классе – по 3 часа)[464]. Если в национальных школах украинский язык начинали изучать с третьего класса, то русский – только с пятого, на изучение украинской литературы в этих школах отводилось больше часов, нежели на изучение русской[465]. Таким образом, в школах УССР изучение русского языка должно было начинаться раньше, чем прежде, особенно по сравнению с ранее действовавшими учебными программами школ нацменьшинств.

Вообще в УССР в системе школьного образования ситуация к весне 1938 г. складывалась следующим образом. К заседанию Политбюро ЦК КП(б)У от 10 апреля 1938 г., когда рассматривался вопрос о реорганизации национальных школ, была подготовлена справка наркомата просвещения

Украины о национальных школах. Согласно этому документу, на Украине имелось 21656 школ, в которых обучалось 5143783 учащихся. Преподавание велось на 21 языках. С украинским языком преподавания имелась 18101 школа, с русским – 1550 школ, еврейским – 312, молдавским – 163, узбекским – 19, белорусским – 9, болгарским – 54, польским – 50, немецким – 512, чешским – 14, греко-эллинским – 12 греко-татарским – 8, татарским – 5, армянским – 4, туркменским - 2, киргизским – 1, шведским – 1, казахским – 1. Кроме того, имелось 838 «смешанных» школ, преподавание в которых велось на нескольких языках – «украинско-еврейско-немецком, немецко-польско-русском, украинско-русско-болгарском» и т.д.[466]

В документе подчеркивалось, что «большинство школ с польским, немецким, болгарским и др. языками преподавания не имеют достаточных контингентов детей». Например, в чешской школе в Киеве было 3 класса и в них – 19 учащихся. В неполной средней польской школе Хмелевского района к началу текущего учебного года в 5, 6 и 7 классах осталось всего по 3 учащихся. Причиной этого руководство Наркомпроса считало то, что «национальные школы насаждались искусственно, дети, учащиеся в них, совершенно не знают языка, на котором ведется преподавание»[467]. Помимо случаев «принуждения украинского и русского населения посылать своих детей в польские, чешские и другие национальные школы», Наркомпрос указывал и на плохую обеспеченность национальных школ учителями, учебниками, программами и наглядными пособиями, в результате чего «дети этих школ не приобретают достаточных знаний основ науки и не вполне подготовляются для поступления в средние и высшие учебные заведения»[468].

В Украинской СССР постановление о реорганизации национальных школ вышло 10 апреля 1938 г.: особые национальные немецкие, польские, чешские, шведские и другие школы и техникумы реорганизовывались в

советские школы обычного типа, ликвидировались особые национальные отделения и классы при обычных школах, техникумах и вузах. Учащиеся особых национальных школ размещались в соседних советских школах. Кроме того, Одесский немецкий педагогический институт преобразовывался в институт иностранных языков[469]. 20 апреля появилось постановление Совнаркома УССР и ЦК КП(б)У «Об обязательном изучении русского языка в нерусских школах Украины». В соответствии с решениями союзного центра, преподавание русского языка как предмета изучения во всех нерусских школах Украины начиналось с 1 сентября 1938 г., изучение русского языка начиналось во всех начальных школах со 2 класса, а во всех неполных средних школах – с 3 класса. Кроме того, постановление определяло, каким объемом знаний русского языка должен владеть учащийся после окончания начальной, неполной средней и средней школы, предусматривались меры по обеспечению учащихся учебниками, по обеспечению преподавательских кадров и т.п.[470]

Так, 5 июля 1938 г. Наркомпрос УССР принял постановление о подготовке высококвалифицированных преподавателей русского языка и литературы для школ, а также научных сотрудников в области русского языкознания. Предусматривалась организация самостоятельных факультетов русского языка и литературы при всех четырех университетах Украины, организация отделов русского языка и литературы в педагогических и учительских институтах, увеличение набора студентов на существовавшие отделения русского языка и литературы[471]. Кроме того, планировалось переиздать все учебники, причем уже в соответствии с новыми правилами правописания: 8 мая 1938 г. было принято постановление Политбюро ЦК КП(б)У «О составлении нового украинского правописания» и была создана комиссия во главе с Ф. Редько, работу которой планировалось завершить до 25 мая, чтобы учебники на 1938–1939 учебный год уже печатать в соответствии с новыми правилами.

Однако эти сроки были нереальными, и были отодвинуты до 1 октября 1938 г., а партийное руководство разрешило Наркомпросу издавать учебники в соответствии с существующими правилами правописания, поскольку новые еще были не утверждены[472].

Таким образом, реорганизация национальных школ должна была способствовать улучшению знания русского языка всеми гражданами многонациональной Страны Советов в условиях готовящейся военной реформы. 1 сентября 1939 г. Внеочередная IV сессия Верховного Совета СССР приняла «Закон о всеобщей воинской обязанности», в соответствии с которым «все мужчины, являющиеся гражданами СССР, без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения, обязаны были отбывать военную службу в составе Вооружённых Сил СССР»[473]. Существовавшие ранее ограничения при призыве на действительную военную службу были отменены, значительно расширился призыв в армию «националов». Впрочем, знание русского языка призывниками некоторых республик, в основном Средней Азии и Закавказья, оставляли желать лучшего. 6 июля 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка»[474].

Необходимость закрепления за русским языком статуса языка межнационального общения в немалой степени была обусловлена задачей укрепления вооруженных сил Советского Союза в условиях нарастающего кризиса в Европе. 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский договор о ненападении и секретный дополнительный протокол, в соответствии с которым в сферу интересов СССР были отнесены, среди прочих, и территории Польши к востоку от реки Нарев, Висла и Сан, а также Бессарабия. После нападения Германии на Польшу и ожидаемой советским руководством реакции на это событие Великобритании и

Франции начались мероприятия по подготовке к «освободительному походу Красной армии». 7 сентября состоялась беседа Сталина с руководством Коминтерна, во время которой генеральный секретарь объявил начавшуюся войну в Европе войной между двумя группами капиталистических стран за передел мира, а Польша была охарактеризована как фашистское государство, угнетающее другие народности[475]. В сложившейся ситуации советское руководство фактически получило возможность приступить к осуществлению давней мечты украинского национального движения – созданию «соборной Украины»[476].

§ 7. Политика украинизации на западноукраинских землях (1939–1941 гг.)

Операция на Западной Украине готовилась весьма тщательно: помимо собственно военной стороны, она включала также чекистскую (репрессивную) и пропагандистскую. 8 сентября 1939 г. НКВД СССР поручил наркому внутренних дел УССР И.А. Серову сформировать в Киевском особом военном округе 5 оперативно-чекистских групп по 50–70 человек в каждой для выполнения специальных заданий (контроль за учреждениями, выявление контрреволюционных организаций и др.)[477], а 15 сентября издал директиву об организации работы в освобожденных районах западных областей Украины и Белоруссии[478]. 14 сентября в газете «Правда» появилась статья «О внутренних причинах военного поражения Польши»[479], в которой говорилось о национальном угнетении и бесправии украинцев и белорусов правящими кругами Польши: «Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих его народов, а, наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной

силы»[480]. Правдинская передовица была размещена в армейских газетах и переиздана в виде отдельного бюллетеня[481].

В первые часы 17 сентября заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин вызвал польского посла в Москве В. Гжибовского и зачитал ему подписанную Молотовым ноту, в которой говорилось, что «советское правительство не может также безразлично относиться к тому, что единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными». Впрочем, одновременно говорилось о намерении Советского правительства «принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями и дать ему возможность зажить мирной жизнью»[482].

Была развернута пропагандистская кампания. Еще летом, на пленуме ЦК КП(б)У 22–23 июля 1939 г., было принято постановление «О массово-оборонной работе», в котором вперед Отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)У, военным отделом ЦК, Политуправлением КОВО и Укррадиокомитетом ставилась задача «разработать тематику оборонных лекций, лекций по истории борьбы и разгрома русским народом интервентов-псов-рыцарей, по истории борьбы и разгрома украинским народом, при помощи великого русского народа, польской шляхты, немецких оккупантов, которые в прошлом стремились поработить русский и украинский народы, лекции по истории гражданской войны, тематику лекций по технике военного дела и т.п., обеспечив передачу лекций в соответствии с этой тематикой по радио»[483]. 19 октября в своем дневнике выдающийся ученый В.И. Вернадский сделал следующую запись: «Был Яснопольский[484] – он едет на сессию Украинской Академии Наук в Киеве. Академия пережила критический период разгрома. Яснопольский, как, по-видимому, подавляющее число находящихся здесь – сочувствует политике

Сталина. Не столько за немцев, сколько за восстановление политического значения страны и «освобождение» украинцев и белорусов из Польши»[485].

17 сентября 1939 г. Красная Армия перешла советско-польскую границу. Реакция местного населения на продвижение советских войск была самой разнообразной и фактически отражала всю палитру национальных и социальных противоречий в данном регионе. Для поляков это фактически означало крушение попыток интеграции и стабилизации «восточных кресов» путем воздействия на восточнославянское население. Наиболее активные продолжали бороться даже после отхода польской армии, создавая вооруженные отряды и группы. Военные документы того времени зафиксировали множество подобных случаев. Например, в журнале боевых действий 102 стрелкового полка 41 стрелковой дивизии под датой 24 сентября сделана следующая запись: «Деморализованные польские части оказывая слабое сопротивление поспешно отходят на запад, разбежавшаяся часть польского офицерства, помещиков, полиции и буржуазии, снабжая кулацкую часть населения оружием, организует бандитские налеты на местное население и части Красной Армии»[486]. Впрочем, в отдельных случаях польское население встречало Красную Армию вполне дружественно, по-видимому, под влиянием слухов о том, что Москва идет на помощь Варшаве[487]. Однако такая ситуация была отнюдь не везде. Начальник политуправления северной группы бригадного комиссара Демина докладывал, что «в селах с польским населением встречу нашим частям почти не организовывают. Среди польского населения распространяются провокационные слухи, будто бы польское население будет находиться в угнетении»[488].

Еврейское население зачастую относилось к приходу частей Красной Армии с радостью: опасаясь антисемитской политики нацистского режима, евреи не хотели оказаться в немецкой зоне. Украинцы же испытывали совсем другие чувства. Некоторые с надеждой смотрели на

своих братьев из Советской Украины, пытались всячески помочь им и сообщали о местах дислокации польских отрядов, о чем свидетельствуют записи в журналах боевых действий. Типичным примером может считаться журнал боевых действий 16 стрелкового полка: «в ночь на 21.9. 39 по сведениям нашей разведки и сообщения преданного нам населения (местного), точно установлено, что противник небольшими группами отбирая продовольствие у населения отходил накануне нашего прихода по маршруту… 20 и 21.9.39 по сведениям местного населения противник сконцентрировал свои большие силы в районе…»[489]. При взятии Сарнского укрепленного района отличился батрак с. Тына П.Ф. Кротюк («На подступах к г. Сарны тов. Кротюк под градом пуль указал 194 с.п. неуязвимые места по овладению дотом…»). В селе Волошки Любомирской волости крестьянин М.М. Григ «сообщил частям У5ск место расположение погранполка, который находился в 20 км от г. Ковель и совместно со своим отрядом в 20 человек участвовал в разоружении польского полка». В селе Дротово местные жители «указали местонахождение польских банд, они сами задержали 6 польских офицеров, 3 офицеров и 10 солдат». В Луцке население до прихода частей Красной Армии организовало охрану банков, железнодорожного депо, почт и телеграфа. Оно опечатало помещения и ждало прихода частей Красной армии, чтобы получить дальнейшие указания. В селе Белогурка «при переходе границы 160 кавалерийский полк должен был преодолеть канаву. Население принесло бревна и доски, чтобы сделать временный мост»[490]. В «городах Городенко, Коломея, Станислав передовая часть населения оказывала помощь частям в разоружении полиции, в обеспечении горючим, принимала участие в восстановлении дорог»[491].

Нередки были и торжественные встречи частей Красной Армии. Например, политуправление 6-й армии докладывало начальнику политуправления РККА Л.З. Мехлису и начальнику политуправления

Украинского фронта Е.Т. Пожидаеву 20 ноября 1939 г.: «Население Западной Украины встречало части Красной Армии с исключительной радостью, как освободителей от польского гнета и спасителей от избиения и разорения их врагами»[492]. Жители г. Острог вышли встречать войска Красной Армии по-праздничному одетые[493]. В «Крылове, Будераже, Минсече, Теребине и в ряде других мест для встречи частей Красной Армии были сделаны арки, убранные цветами, лозунгами, знаменами. Группы девушек на протяжении движения колонны пели народные украинские песни, обсыпали цветами бойцов и командиров, на машины командиров ложили большие венки. А в селах Торговцы и Теребине стояли ряды корзин с яблоками для угощения бойцов и командиров. В м. Войтовцы в других селах собиралось все население, выносили соль с хлебом, делали серп и молот, улицы были украшены цветами»[494].

Конечно, Красную Армию приветствовали, прежде всего, неимущие слои населения, надеявшиеся на установление новых социальных порядков. Весьма активно действовали и приверженцы коммунистической идеи. А.С. Рублев и Ю.А. Черченко отмечают, что при получении известия о походе Красной армии бывшие члены КПЗУ часто инициировали создание революционных комитетов в городах, поветовых и волостных центрах, просуществовавших до прихода Красной Армии. Коммунисты нередко прибегали даже к активным вооруженным действиям против польских войск и жандармерии[495].

В период боевых действий осени 1939 года высока была интенсивность информационно-пропагандистской работы. Московское руководство постаралось обеспечить Красную Армию кадрами, которые владели украинским и белорусскими языками (кстати, людей со знанием польского языка не хватало)[496]. Из запаса были призваны партийные работники, знавшие белорусский и украинский языки, в армейских частях выдвигались кадры для ведения агитационной работы. Любопытно, что

отнюдь не все агитаторы были приезжими. Например, во время подготовки к выборам депутатов Верховных Советов СССР и УССР в Станиславовской области из 25350 агитаторов было 20100 человек местных[497]. Среди местного населения активно проводились собрания и беседы, распространялась агитационная литература, были организованы показы советских кинофильмов, проводились концерты с участием советских артистов и т.д. При этом особое внимание было уделено празднованию годовщины Октябрьской революции.

После получения первых известий о продвижении советских войск, началась подготовка к инкорпорации западноукраинских земель в состав Украинской ССР. 6 октября 1939 г. Военный совет Украинского фронта, согласовав с ЦК ВКП(б), объявил дату выборов в Народное Собрание – 22 октября, и день их созыва – 26 октября 1939 г. Как следовало из «Положения о выборах», принимать участие в выборах депутатов и быть избранными в собрание могли быть «все граждане Западной Украины, которые достигли 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности»[498]. Как считают украинские историки, в предвыборной кампании приняло участие 51725 агитаторов, в том числе 40 тысяч «местных». К деятельности выборных комиссий было привлечено 39,6 тыс. человек, из них 33,8 тысяч местных уроженцев, преимущественно крестьян. В составе окружных выборных комиссий работало 9383 человек, из которых 7888 были жителями Западной Украины. По социальному составу – 1779 рабочих, 5719 крестьян, 1517 – представителей интеллигенции; по национальному составу: 7522 украинцев, 555 поляков, 809 евреев[499].

Выборы в Народное Собрание Западной Украины были проведены 22 октября 1939 г. По официальным данным, в выборах приняло участие

92,83 % от общего количества избирателей[500]. Конечно, такой высокий процент явки нуждается в корректировке. Как указывают современные специалисты, не явились на выборные участки или проголосовали «против» свыше 700 тыс. человек, почти 76 тыс. бюллетеней было признаны недействительными[501]. Несмотря на предпринятые усилия, местное население далеко не всегда демонстрировало активность – кто из осторожности, кто под воздействием «враждебной пропаганды». Например, в селе Шиткув из 764 избирателей участвовало в голосовании только 82 человека, поскольку перед выборами был распущен слух: «Голосовать не надо, потому что на днях придут немцы и будут расстреливать тех, кто голосовал»[502]. В селе Стрешильбицы курсировал слух иного рода: «На выборы должны идти только бедняцкая и середняцкая часть населения»[503]. В селе Бахча Станиславской области жители были убеждены: «Не нужно голосовать, потому что 22 октября Америка, Англия, Франция и Румыния перейдут границу, а Красная Армия будет отступать»[504].

В политдонесениях упоминалось, что «активное участие приняли украинцы и евреи, пассивное участие принимали поляки и, в особенности, немцы»[505]. Это не удивительно: например, 40 польских хозяйств села Ветушницы даже не приходили на собрания и беседы, проводившиеся в рамках подготовки к выборам в Народное Собрание. На вопрос агитаторов польские семьи заявили, что «они боялись ходить на собрания, так как думали, что Красная Армия освободила только украинцев». Правда, после проведенной беседы «все они явились на собрание»[506]. Впрочем, степень активности зависела, видимо, не только от национального, но и от социального статуса, а также от мастерства агитатора. Например, в селе Ильинки Степанской волости, «преимущественно состоящее из польских крестьян-бедняков, по своей личной инициативе выдвинули делегатом на

Народное Собрание тов. Ворошилова и дали наказ своему делегату голосовать за присоединение Западной Украины к Советской Украине»[507].

Большинство избирателей проголосовало за предложенных кандидатур, и 26 октября Народное Собрание начало свою работу. Продолжая осуществлять контроль над ситуацией, Политбюро ЦК КП(б)У обязало редколлегию Народного Собрания привлечь к работе над материалами «необходимое число писателей и журналистов из числа тех товарищей, что приехали из Москвы и Киева»[508].

Народное Собрание определило основы нового государственного и общественного устройства Западной Украины и объявило об установлении власти рабочих и крестьян. В Декларации о государственной власти на Западной Украине говорилось: «Панская Польша, державшаяся на угнетении миллионов украинцев, белорусов и польского трудового народа, пала.. Только советская власть, говорилось в Декларации, могла уничтожить всякий национальный гнет и межнациональную рознь, обеспечить дружбу трудящихся всех национальностей[509].

Удовлетворяя просьбу Народного Собрания Западной Украины, 1 ноября 1939 г. внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР приняла закон о включении Западной Украины в состав СССР с воссоединением ее с УССР. Зимой–весной 1940 г. была проведена кампания по выбору депутатов от западноукраинских областей в Верховный Совет СССР и Верховный Совет УССР. 2 февраля 1940 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) обязало ЦК КП(б) Украины и соответствующие обкомы партии обеспечить образование избирательных участков, составление списков избирателей, образование участков и окружных избирательных комиссий, выдвижение и регистрацию кандидатов в депутаты. При этом в протоколе заседания Оргбюро говорилось, что во изменение статей 76 и 89 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» подача бюллетеней при голосовании должна производится без

конвертов и подсчет голосов должна вестись без счетных листов[510]. Буквально через две недели, 17 февраля Оргбюро утвердило список кандидатов, предложенный ЦК КП(б) Украины[511]. По официальным данным, в выборах приняло участие соответственно 99,09 % и 98,98 % от общего числа избирателей[512].

28 июня 1940 г. в сообщении ТАСС было объявлено о мирном разрешении советско-румынского конфликта по вопросу о Бессарабии и северной части Буковины. Молотов в своем представлении румынскому посланнику в Москве подчеркнул, что речь шла о восстановлении справедливости: «в 1918 году Румыния воспользовалась военной слабостью России и насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории, – Бессарабию..., населенной главным образом украинцами»[513]. Буковина, как область, населенная украинцами, тоже включалась в разрешение Бессарабского вопроса[514]. Пропагандистское обеспечение нового «освободительного похода» проходило по сценарию 1939 года. Так, в директиве ПУРККА от 21 июня 1940 г., направленной Л.З. Мехлисом Военным советам и начальникам политуправлений Киевского особого и Одесского военных округов говорилось о том, что Бессарабия не имеет никакого отношения к Румынии, в 1918 году эта страна «воровски захватила у нас» Бессарабию, а румынское правительство эксплуатировало рабочих и крестьян в этой области. «Мы идем освобождать наших единокровных братьев украинцев, русских и молдаван из-под гнета боярской Румынии и спасти их от угрозы разорения и вымирания, – говорилось в документе. – Вызволяя советскую Бессарабию из-под ига румынских капиталистов и помещиков, мы защищаем и укрепляем наших южные и юго-западные границы»[515].

Румынское правительство приняло предложение СССР. После проведения апробированных в Восточной Галиции мероприятий Верховный Совет СССР 2 августа 1940 г. постановил включить Северную

Буковину и Бессарабию в состав УССР. В 1939–1940 гг. Политбюро ЦК КП(б)У приняло ряд постановлений, а Президиум Верховного Совета УССР издал соответствующие указы, о создании на присоединенных территориях районов и областей, что фактически закрепляло в Западной Украине советскую административно-территориальная систему управления. Так, 4 декабря 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление Политбюро ЦК КП(б)У 27 ноября 1939 г. об образовании Львовской, Дрогобычской, Волынской, Станиславской, Тарнопольской, Ровенской областей в составе УССР. 17 января 1940 г. был издан соответствующий Указ Президиума Верховного Совета УССР[516]. После присоединения Северной Буковины и Бессарабии были созданы Черновицкая и Аккерманская (с 7 декабря 1940 г. – Измаильская) области, а в состав Одесской области был включено пять районов, входивших ранее в состав Молдавской АССР[517].

После присоединения к Украинской ССР западноукраинских земель старый административный аппарат был сломан. На регион была распространена советская партийно-хозяйственная структура, требовавшая, в свою очередь, подбора надежных кадров для партийных и комсомольских комитетов, исполкомов, профсоюзных организаций, заводов, фабрик и т.д. Фактически, встал вопрос о формировании слоя партийно-государственных руководителей, которые смогли бы обеспечить жизнеспособность советской системы в этом регионе.

На Западной Украине процесс образования правящего аппарата шел «с нуля» (как когда-то и на Советской Украине) – ни о какой преемственности не могло быть и речи. Новый слой управленцев складывался из двух основных источников: так называемых «восточников», т.е. кадров, командированных из Большой Украины и СССР в целом (обычно в партийных документах говорилось о «присланных из восточных областей»); и «выдвиженцев», т.е. выдвинутых

на руководящие должности местных жителей. Первоначально, осенью 1939 года, активно действовали армейские политработники, следившие за выборами в новые органы власти. Постепенно в работе с местным населением военнослужащих заменили прибывшие с Большой Украины чиновники, которые должны были составить «костяк» западноукраинской советской номенклатуры. Командированные начали приезжать на Западную Украину уже осенью 1939 года, после того, как 1 октября политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании коммунистических организаций в западноукраинских областях. Среди первых из прибывших были М.И. Дриль, назначенный 19 ноября 1939 г. секретарем оргкомитета Президиума Верховного Совета УССР по Львовской области, и Н.К Куц – заместитель главы оргкомитета Президиума Верховного Совета УССР по Станиславской области[518]. После образования Львовской, Дрогобычской, Волынской, Станиславской, Тарнопольской и Ровенской областей назначения на официальные должности на Западную Украину приобрели массовый характер. Так, 20 декабря 1939 г. было принято решение политбюро ЦК КП(б)У «о подборе коммунистов для посылки на партработу в западные области Украины», в котором говорилось: «Обязать обкомы КП(б)У до 1.1.1940 г. отобрать из числа работников обкомов партии, начальников политотделов совхозов и их заместителей, заведующих отделами горкомов и райкомов КП(б)У и заместителей директоров МТС по политчасти 495 человек для работы секретарями райкомов партии в западных областях Украины»[519]. Затем было принято решение об отправке 1534-х административных работников, 60-ти коммунистов на работу редакторами в газеты, 265-ти человек для работы в судах и органах прокуратуры. Кроме них, в течение 1940 г. на партийно-пропагандистскую работу было направлено еще 3845 человек[520]. Образовательный уровень командированных ЦК КП(б)У коммунистов, не был высоким: большинство могло похвастаться лишь средним или

начальным образованием. Например, во Львовскую область прибыло только 350 членов ВКП(б) и 124 кандидата с высшим образованием, а также 44 члена партии и 5 кандидатов с высшим партийным образованием, тогда как со средним общим образованием – 1099 члена партии и 464 кандидата, со средним партийным – 277 членов партии и 52 кандидата, а с начальным образованием – 1302 члена партии и 437 кандидатов[521]. В Тарнопольской области с высшим образованием членов и кандидатов в члены ВКП(б) насчитывалось 125 чел., средним – 937 чел., начальным – 1612 чел[522]. В Измаильской области работали 233 коммуниста с высшим образованием, незаконченным высшим и средним – 721, неполным средним – 600, начальным и малограмотных было 1122, и 2 коммуниста были вообще неграмотными[523].

Большинство из прибывших на Западную Украину коммунистов до этого трудились на низовой партийной работе. В Дрогобычской области из численности достигала 70 %. Около 35 % сотрудников партийного аппарата этой области вообще впервые пришли на партийную работу[524]. Секретарь Тарнопольского обкома Н.М. Крамар признавал, что в области «большое число товарищей являются выдвиженцами, …которые до приезда в нашу область занимали меньшие посты. Поэтому на нас возлагается большая обязанность по воспитанию этих кадров. Мы обязаны помогать людям в работе. Так, например, в Велико-Борковском районе все три секретаря являются выдвиженцами. Первый секретарь умеет работать, знает работу, но у него 2-й и 3-й секретари, люди недостаточно опытные, их надо учить, воспитывать. …Это относится и к другим районам»[525].

Таким образом, подбор кадров для западноукраинских областей производился путем назначения на вакантные должности более-менее подходящих кандидатов из других регионов. Конечно, к назначению на руководящие посты областного уровня подошли достаточно ответственно. Однако остальные «назначенцы» отнюдь не всегда обладали должной

квалификацией, что не вызывает удивления, учитывая многочисленные «чистки» и репрессии 1930-х гг., нанесшие ощутимый урон руководящим кадрам по всей УССР. В результате на Западную Украину приехали коммунисты, в большинстве случаев относительно недавно принятые в партию, имевшие за плечами в основном среднее или начальное образование, не обладавшие достаточным опытном для работы в новой должности. При отборе особое внимание уделялось социальному и национальному статусу кандидата: желательно, чтобы они были рабочими или крестьянами по социальному происхождению и украинцами по национальности. Следует признать, что нередко на Западную Украину попадали люди не только малоопытные, но и далеко не лучшие по своим деловым качествам. Об этом нередко говорилось на различных партийных форумах, проходивших в западноукраинских областях. Например, на заседании областного партийного актива в Черновцах, состоявшимся 1 марта 1941 г., некто Чумак, рассказывая о проблемах лесной промышленности, сделал следующие выводы: «Относительно кадров. Я согласен с предыдущими товарищами, которые выступали. Это и по линии облпарткома и ведомственных организаций… людей присылали не работоспособных для того, чтобы избавиться от них на прежней работе. Разве это не издевательство»[526].

Учитывая особенности прибывшего из восточных областей «пополнения», местные партийные начальники пристальное внимание уделяли случаям нарушения партийной дисциплины и революционной законности. О случаях ненадлежащего поведения и о принятых мерах сообщалось в назидание остальным партийцам. В архивных документах нередко встречаются описания недопустимого для коммуниста поведения[527]. Ноябрьский пленум ЦК КП(б)У 1940 г. обязал обкомы и райкомы КП(б)У западных областей УССР «лиц, виновных в искривлении директив партии и правительства и тех, кто нарушает законы советской

власти, а также тех, кто грубо обращается с местным населением и своим непристойным поведением дискредитирует партийные и советские органы привлекать к суровой партийной, а в случае необходимости и к судебной ответственности, а работников, не умеющих или не желающих вести решительную борьбу с нарушителями законов советской власти, своевольных, виновных в грубом обхождении с населением и тех, кто разложился в морально-бытовом отношении, снимать с работы и заменять другими»[528].

Обилие свидетельств о «недостойном поведении» ответственных работников, командированных в Западную Украину, свидетельствует о сложной ситуации, сложившейся в среде советской управленческой элиты к концу 1930-х годов. Действительно, на Большой Украине местные власти отнюдь не всегда хотели расставаться с теми, кто успел зарекомендовать себя с лучшей стороны, и поэтому зачастую отбор производился «по остаточному принципу». В то же время сам факт многочисленных упоминаний в партийных документах того времени случаев «антипартийных действий» со стороны чиновников, указывает на попытку украинского партийного руководства вести решительную борьбу с нарушителями правовых и моральных норм. Это было тем более необходимо, что за приехавшими на Западную Украину «восточниками» местные жители наблюдали с особым интересом: по ним судили о Советском Союзе в целом. К тому «восточники» играли важную роль в западноукраинской советской номенклатуре: именно они занимались подбором кандидатов для работы в советских и хозяйственных учреждениях из числа местного населения. Естественно, прибывшие из Большой Украины работники были «расставлены» в аппарате таким образом, чтобы в полной мере осуществлять контроль над деятельностью «выдвиженцев», заниматься их воспитанием в большевистском духе.

Критерием отбора наиболее перспективных местных кадров был отнюдь не уровень образования или квалификации (хотя и тут были исключения[529]), а социальная и национальная принадлежность. Масштабы «выдвиженчества» были довольно заметными. Например, в Волынской области к апрелю 1940 г. на руководящую работу из местного населения были выдвинуты 5643 человека (из них 4371 украинцев): на должность председателей сельсовета – 855 чел., заместителей и секретарей – 1556 чел., руководителей колхозов – 26 чел., заместителей председателей райисполкомов – 3 чел., секретарей, заместителей и председателей городских советов – 27 чел., на руководящую кооперативную и торговую работу – 1589 чел., директоров заводов – 29 чел., зав. больниц и амбулаторий – 23 чел., директоров школ – 330 чел[530]. В Дрогобычской области к марту 1940 г. были подобраны на руководящую работу из местного актива 2660 человек (из них председателей сельсоветов – 787 человек)[531]. Во Львовской области из числа местных кадров на руководящую работу к апрелю 1940 г. были выдвинуты 6882 человека (из них украинцев – 4909 человек)[532]. В Ровенской области к апрелю 1940 г. на работу в органы советской власти были привлечены из состава местных активистов на работу заместителями председателей районных исполнительных комитетов 22 чел., заведующими отделами – 94 чел., членами сельсоветов – 8219 чел. Особо подчеркивалось, что «среди членов сельсоветов основной национальности – украинцев 7050 человек. Кроме того русских 51 человек, поляков 480 человек, евреев 274 человека, белорусов 44 и других 320 человек»[533].

В апреле 1940 г. на областной партконференции руководство Станиславской области доложило о выдвижении кадров на руководящую советскую и хозяйственную работу из местного населения: «всего 5050 человек, из них: председателей горсоветов – 7 чел., заместителей председателя горсоветов и райисполкомов – 45 чел., заведующих отделами

горсоветов и райисполкомов – 169 чел., заведующих сектором облисполкома – 57 чел., председателей сельсоветов – 718 чел., заместителей председателей сельсоветов – 643 чел., председателей колхозов – 24 чел., руководителей торговых и кооперативных предприятий – 1630 чел., директоров заводов и предприятий – 131 чел., заместителей директоров заводов и предприятий – 46 чел., директоров и заместителей фабрик – 23 чел., профсоюзных работников – 113 чел., работников прокуратуры и суда 10 чел., других руководящих работников – 1421 чел»[534]. В Тарнопольской области к весне 1940 г. было выдвинуто 4125 человек, «из них председателей сельсоветов 845 чел., заместителей председателей сельсоветов 826 чел., секретарями сельсоветов 826 чел., заместителями председателей райисполкомов 14 чел. В торговый аппарат 122 чел., зав. отделами райисполкомов 122 чел., инструкторами райисполкомов 42 чел., директорами предприятий 156 чел., на различную районную руководящую работу 385 чел. Кроме того выдвинуто председателями колхозов 43 чел., председателями сельских потребительских товариществ 607 чел. и в заготовительный аппарат 118 чел.»[535].

В Черновицкой области к февралю 1941 г. рапортовали о выдвижении 13853 человек («на советскую работу – 2564 чел., торгово-кооперативную и финансовую – 6800 чел., культурно-просветительскую, педагогическую и медицинскую – 2691 чел., промышленные кадры – 969 чел., в органы юстиции – 3153 чел.»). При этом из 2410 человек председателей, секретарей и членов сельсоветов украинцев было 69,6 %, молдаван – 8 %, русских – 8,5 %[536]. В Измаильской области к февралю 1941 г. на советскую, хозяйственную и кооперативную работу было выдвинуто 2075 чел. (в областные, районные, сельские советские учреждения и организации – 617 чел., на хозяйственно- кооперативную

работу – 892 чел., на педагогическую и в органы Наркомздрава – 81 чел., на сельскохозяйственную – 402 чел.)[537].

Таким образом, местные уроженцы выдвигались на работу в сельских и городских советах, торговых и хозяйственных организациях, а также в райисполкомах, но на уровне заместителя председателя. При этом особое внимание, судя по имеющейся статистике, уделялось выдвижению представителей «коренной национальности»: они, безусловно, преобладают среди «выдвиженцев». По-видимому, это было целенаправленной политикой, рассчитанной на повышение процента украинцев в государственном аппарате. Например, в Магеровском районе Львовской области райком партии, рассматривая вопрос «о расширении работы райсоюза и кооперативной торговли», в одном из пунктов решения записал: «Предложить ускорить укомплектование аппарата райсоюза главным образом за счет украинцев и евреев»[538]. Об этом доложил первый секретарь обкома Л.С. Ткач, рассматривавший на областной партийной конференции в апреле 1940 г. недостатки работы Магеровского райкома. Впрочем, судя по всему, предпочтительное отношение к выдвижению украинцев было делом обычным. Скорее всего, состав руководящих работников этого региона должен был отражать национальную структуру населения региона; а поскольку все автохтонное восточнославянское население считалось украинским, то украинцы и должны были доминировать среди выдвиженцев.

Полякам же уделялось значительно меньше внимания при выдвижении на вакантные должности в советской и хозяйственной структурах. Любопытно, что в стенограмме Станиславской областной партконференции они причислены к «классово-чуждым элементам». Секретарь обкома Мищенко прямо заявил: «Мы, товарищи, имели такие организации, как Птицепром, Яйцепром и другие заготовительные организации, которые в составе аппарата имеется 75–80 % польского

населения. Это в то время когда в нашей области насчитывается 75–80 % украинского населения. Конечно, мы не можем выбросить совсем польское население и не привлекать его к работе, но мы не можем терпеть такого положения, когда в перечисленных мною выше организациях, а это относится и к торгующим организациям, когда там привелирует (так в тексте. – *Е.Б.*) в аппарате польское население. Если уж на работу принимается по национальности поляк, то надо внимательно изучить, ибо то, что вскрыли органы НКВД нам говорит о том, что в этих организациях в основном аппарате укомплектован из польского населения»[539].

Политика «выдвижения», т.е., фактически, включение представителей местного населения в региональную управленческую элиту, должна была способствовать сокращению разрыва между управленцами и основной массой населения и пропагандировать украинскую государственность в советской форме: недаром на ноябрьском пленуме ЦК КП(б)У 1940 г. прозвучал призыв шире выдвигать местное население на руководящие посты. «Партийные организации западных областей обязаны усилить выдвижение на советскую, хозяйственную и кооперативную работу проверенных товарищей из местного населения», – говорилось в резолюции пленума[540]. Работа над созданием «крепкого актива из проверенных людей» велась в западноукраинских областях весьма интенсивно, хотя не всегда столь успешно, как того хотели партийные власти. Образцовыми считались случаи активной работы бывших бедняков в новых органах власти, на посту руководителей предприятий и колхозов. В отчетных докладах областных парторганизаций обязательно содержались сведения о бывших батраках и рабочих, успешно работавших теперь на благо советской власти[541].

Итак, одним из направлений советизации Западной Украины было создание управленческой элиты, составной частью которой должны были стать местные «выдвиженцы». Политика «выдвижения» призвана была

создать среди местного населения, прежде всего украинцев, слой новых «служилых людей», лояльных верховной власти и безупречных исполнителей, что было особенно важно в условиях функционирования советской властной структуры, когда выработка наиболее важных решений оставалась прерогативой верховной власти, а полномочия местного начальства ограничивались экономико-хозяйственными функциями. Видимо, в то же время подобная политика должна была сократить разрыв между элитой и массой, обеспечивая видимость открытости механизма рекрутирования местных уроженцев в советскую номенклатуру. При этом следует учитывать, что население в своем общении с властью сталкивалось, прежде всего, с местным, а не с высшим начальством. Строгие принципы отбора кандидатов, своеобразное распределение позиций во вновь образующейся на Западной Украине структуре власти между «пришлыми» и «местными», должно было обеспечить управляемость местной управленческой средой, не допуская появления каких-либо групп в рамках единой номенклатурной элиты.

Определенную часть населения удавалось привлечь на свою сторону. Особое внимание уделялось работе среди украинской интеллигенции. С приближением к Львову советских войск часть украинской интеллигенции выехала в оккупированную немцами Польшу. Это были руководители и активисты различных политических партий, деятели общественных и кооперативных организаций, представители научной общественности и т.п., всего около 20 тыс. человек[542]. В свою очередь, органы госбезопасности были озабочены предупреждением антисоветской деятельности украинских националистов. К тому же еще в 1938 г. шеф Абвера В. Канарис отдал указание переключить агентуру из числа украинских националистов на работу против СССР, а в сентябре 1939 г. Гитлер поручил Абверу подготовку антисоветского повстанческого движения в Галиции. Агентурой из числа членов ОУН пользовалась перед

войной и союзная Германии Венгрия. С конца сентября 1939 г. на территории западноукраинского региона активно действовало польское вооруженное националистическое подполье, борьбе с которым советскими спецслужбами уделялось большое внимание[543].

Кроме того, органами НКВД сразу же были взяты под контроль польские осадники – бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 г. и получившие затем землю в районах, заселенных украинцами и белорусами. Советскими властями осадники рассматривались в качестве остатков военно-политической агентуры польского правительства и серьезной базы контрреволюционной работы. 10 октября 1939 г. А.И. Серов получил предписание НКВД СССР о необходимости учета всех осадников, а 5 декабря 1939 г. НКВД СССР распорядился произвести их выселение вместе с семьями[544].

Одновременно советские власти налаживали контакты с западноукраинской интеллигенцией. 24 сентября 1939 г. представителей советской администрации во Львове посетила депутация местной общественности во главе с известным галицийским политиком К. Левицким. Советская администрация заверила общественность в том, что Красная Армия пришла освобождать украинский народ, реформы будут проводиться постепенно, за политическое прошлое преследований не будет, и выразила надежду на сотрудничество[545]. Когда начало свою работу Народное Собрание Западной Украины, Научное общество им. Шевченко (Наукове товариство імені Шевченка, НТШ) приветствовало его следующими словами: «Научное общество им. Шевченко ясно дает себе отчет в том, что только объединение украинских земель, которое принесла с собой по воле советского правительства – героическая Красная Армия, что только с уничтожением границ перед наукой Западной Украины раскрывается широкое поле научной работы на пользу народов, которые

населяют эту землю, и на пользу всего их трудового народа, что эта наука не может развиваться без тесного союза с Академией наук Советской Украины»[546].

Сразу же после присоединения западноукраинских территорий общественная жизнь там была перестроена по советскому образцу. Прибывший вместе с частями Красной Армии для освещения происходивших на Западной Украине перемен советский писатель П.А. Павленко писал: «Сложнейшие процессы человеческого роста под влиянием новых условий проходят… в обстановке нервной горячки. То, что требует месяца, делается в трехдневку; то, что требует дня, осуществляется тут же, мгновенно»[547]. Идеологическое обоснование проведенных преобразований весьма ярко проявилось в обращении ЦК КП(б)У ко всем избирателям, рабочим, работницам, крестьянам, крестьянкам, служащим и интеллигенции западных областей УССР 20 марта 1940 г. (т.е. перед выборами в ВС СССР и ВС УССР от западноукраинских областей). «Западная Украина была темна и невежественна, – говорилось в обращении. – Польские паны душили национальную культуру. Украинская культура и искусство запрещались. Изгонялся родной украинский язык»[548]. ЦК КП(б)У подчеркивало отличие от политики Польши «мудрой» ленинско-сталинская национальной политики, которая «положила раз навсегда конец межнациональной розни»[549]. Жителей присоединенных территорий необходимо было убедить в том, что в Советском Союзе существовало равенство представителей разных национальностей: «Жители западных областей УССР – украинцы, поляки, русские и евреи – отныне равноправные члены братской семьи народов. Их отношения проникнуты духом дружбы и сотрудничества. Их объединяет благородное чувство советского патриотизма»[550]. И, наконец, в обращении подчеркивались преимущества (перед положением украинцев в Польше) ленинско-сталинской национальной политики, которая «несет

гражданам западных областей Украины невиданный расцвет культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию». «Украинский народ – свободный и равноправный член великой братской семьи народов, объединенных в Союз Советских Социалистических Республик. Украинский народ крепчайшими узами дружбы связан с великим русским народом, со всеми народами СССР…»[551]

На Западную Украину продолжала направляться пропагандистская литература, плакаты, портреты – И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова и Т.Г. Шевченко. 9 октября 1939 г. Политбюро ЦК КП(б)У предложило Главполитиздату дополнительно издать для Западной Украины «Краткий курс истории ВКП(б)» на украинском языке тиражом в 300 тыс. экз.»[552]. 8 августа 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение издать на польском языке двухтомник В.И. Ленина (50000 экз.), произведения И.В. Сталина «Вопросы ленинизма» (50000 экз.) и «Марксизм и национально-колониальный вопрос» (20000 экз.), биографию Сталина (50000 экз.) и политический словарь (50000 экз.)[553]. 24 октября 1939 г. в газете «Вільна Україна» появилось сообщение о том, что государственное педагогическое издательство во Львове приступило к изданию учебников для школ Западной Украины. Уже был выпущен букварь для начальной школы, «читанка» для 2-го класса тиражом по 100 тыс. экз. Более того, были подготовлены к отправке в села Западной Украины учебников по украинскому языку для 2 и 3 классов и литературная «читанка» для 4 класса. Эти учебники были изданы тиражом по 50 тыс. экземпляров[554].

Началась организация сети периодических изданий. Стали издаваться сначала областные, а затем и районные газеты. При этом, изыскивая фонды для издания газет на Западной Украине, Оргбюро ЦК ВКП(б) сокращало расходы на некоторые периодические издания в других украинских областях. Так, 16 марта 1940 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло

решение установить тираж львовских областных газет «Вільна Україна» и «Czerwony Sztandar» в 30 тыс. экз. каждый, а формат областной каменец-подольской газеты «Червоний кордон» был уменьшен с 66 х 110 см до 84 х 60 см[555]. Летом 1940 г. система периодических зданий в западноукраинских областях пополнилась районными газетами. 2 июля 1940 г. в ЦК ВКП(б) утвердили тиражи, периодичность и объем районных газет западных областей УССР. Всего было решено издавать 54 газеты: в Тарнопольской области – 12 газет, в Станиславовской – 9 газет, Дрогобычской – 10 газет, в Волынской – 5 газет, во Львовской – 13 газет, в Ровенской – 5 газет[556]. Кстати, на Западной Белоруссии газет выходило меньше: Оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило издание 7 газет в Барановичской области, 8 – в Белостокской, 3 – в Брестской, 6 – в Вилейской и 3 – в Пинской[557].

Одновременно началось преобразование культурной, научной и образовательной сфер в соответствии с общепринятыми в Советском Союзе нормами. Прежде всего, киевское руководство обратило внимание на состояние школьного образования в западноукраинских областях. 30 сентября 1939 г. Наркомат просвещения УССР направил соответствующую докладную записку в ЦК КП(б)У и Совнарком УССР. В записке говорилось о необходимости реорганизации системы народного просвещения в западноукраинских областях, приведения его в соответствии с принятыми в УССР нормами: народные школы 1-й ступени с шестилетним обучением реорганизовывались в начальную школу с 4-мя классами, народные школы 2-й (6–7 лет обучения) и 3-й (7 лет обучения) ступеней преобразовывались в неполные средние семилетние школы, а гимназии и лицеи – в средние школы с 10-ю классами. Обучение должно было стать бесплатным, обязательным (в деревне – не ниже начальной школы, в городах – семилетки), и, что было важным нововведением,

проводиться на родном языке – украинском, польском, русском, еврейском[558].

Партийные власти уделяли школе особое внимание. Было развернуто активное школьное строительство. В резолюции ноябрьского пленума ЦК КП(б)У 1940 года «О работе Львовского и Ровенского обкомов КП(б)У» говорилось, что «ранее, до провозглашения советской власти на территории современных западных областей Украины в школах обучалось около 900 тыс. детей…, а сейчас в начальных, неполных средних и средних школах обучается 1189100 детей. Ранее, до советской власти, на территории современных западных областей Украины было не более 4 тыс. школ, а сейчас в западных областях Украины – 6739 начальных, неполных средних и средних школ. Раньше в селах совсем не было средних школ, а сейчас в селах западных областей 35 средних школ. Раньше было только 371 украинская школа, а в 1940-1941 учебном году их организовано 5798»[559]. Правда, по другим данным – украинского Наркомпроса – до сентября 1939 г., согласно данным украинского Наркомпроса, на территории Западной Украины действовали 5166 народных школы, из них украинских было 139, польских 2731, польско-украинских – 2198, польско-немецких – 7, немецких – 79, еврейских – 1. Учеников же было 89233 человек, из них 510 тыс. украинцев и 250 тыс. поляков, 70 тыс. евреев и 4207 немцев[560].

Потребовались новые учительские кадры, и, прежде всего, украинские. До этого в народных школах из 14203 учителей было 10125 поляков и только 2477 украинцев[561]. При этом польские учителя отнюдь не всегда выражали желание сотрудничать с новой властью. Например, в селе Грязнево Войтковского избирательного округа учительница («дочь ксендза») заявила: «Учить на украинском языке не буду»[562]. Украинских учителей оказалось мало, к тому же выявилась удивительная вещь: они не всегда хорошо понимали тот украинский язык, на котором были написаны

присланные из Большой Украины книги. Командование 72-й стрелковой дивизии, расположенной в г. Болехов, докладывая о работе среди населения по подготовке к выборам в Народное Собрание, передало слова одного из таких учителей, некоего Лимака. Тот говорил, «что украинская часть учительства плохо знает украинский язык», «когда он прочел брошюру М. Бажана, так увидел, что литературного украинского языка не знает» и попросил, «чтобы для учительства создать сеть кратковременных курсов для изучения украинского языка»[563].

В этой ситуации из восточных областей Украины было направлено 1066 человек учителей[564]. Например, к весне 1940 г. в Волынской области стали работать 3679 учителей вместо 1485[565], в Дрогобычской – 4922 вместо 2365[566], в Ровенской – 3410 вместо 2147[567], в Тарнопольской – 4629 вместо 3300[568], в Измаильской к февралю 1941 г. – 2382 вместо 693[569]. При этом практически повсеместно учителей не хватало (особенно жаловались на недостаток учителей истории, украинского и русского языков[570]). По данным Львовского обкома, до 17 сентября 1939 г. в области работали 3235 учителей, без работы были 3643 учителя. Советская власть, по словам главы обкома Л.С. Грищука, «дала работу» безработным учителям, однако при этом все равно ощущалась явная нехватка педагогических кадров. Не хватало учителей начальных классов – 1274, украинского языка – 204, русского – 369, истории – 195[571].

Ситуация с кадрами учителей была настолько острой, что 8 апреля 1940 г. ЦК КП(б)У вынуждено было просить ЦК ВКП(б) утвердить постановление, корректирующие сроки обучения языкам в школах: украинское руководство решило преподавать русский язык в украинских начальных школах с четвертого класса вместо второго, и в средних школах – с пятого класса вместо третьего, как это предусматривало постановление 1938 г. Кроме того преподавать русский и украинский языки в молдавских, еврейских и польских школах планировалось с четвертого класса вместо

второго и третьего, а иностранных языков в средних школах – с шестого класса вместо пятого[572].

Одновременно в западноукраинских областях были созданы педагогические школы, краткосрочные курсы переподготовки, учительские институты[573]. Для подготовки учителей для польских школ при Львовской педшколе решено было открыть польское отделение на 60 слушателей[574]. Для «переподготовки» учителей были организованы специальные курсы, однако местные партийные работники признавали, как это было в Тарнопольской области, что «учительские кадры далеко не отвечают тем требованиям, которые стоят перед школой. Много учителей враждебно настроенных»[575].

Вышеупомянутый руководитель львовской партийной организации Л.С. Грищук констатировал: «Еще сейчас среди учителей остается часть враждебных нам элементов. Об этом свидетельствует факты в бывшей 11 и 13 гимназиях г. Львова. Учитель физкультуры, бывший офицер Парнас, читая лекцию про Сталинскую Конституцию, говорил ученикам: «На бумаге большевики умеют писать, это у них складно выходит, а в действительности ничего этого нет»[576]. А первому секретарю Станиславского обкома М.В. Груленко пришлось признать, что «около 70 % учителей работали в бывших гимназиях и польских школах Станиславского воеводства, принадлежали к разным контрреволюционным партийным организациям, значительная часть из них проводит еще теперь скрытую враждебную работу в школах»[577].

Школьная реформа в западноукраинских областях потребовала от руководства УССР ощутимых затрат. Так, бюджет УССР на 1940 г. составил 8 млрд рублей, из них 3643 млн выделялось на народное просвещение. Из последней суммы 548 млн руб. предназначалось для западных областей[578].

После школьной реформы началась реформа высшего образования и науки. 11 ноября 1939 г. на заседании Президиума АН УССР было решено отрядить на Западную Украину комиссию из числа научных сотрудников для ознакомления на месте с состоянием научно-исследовательских организаций Западной Украины, с Научным обществом им. Шевченко, с научно-исследовательской работой в области геологии, генетики. 9 декабря Президиум АН УССР, заслушав информацию академика А.В. Палладина о результатах работы комиссии, постановила считать нецелесообразным переход Научного общества им. Шевченко во Львове в состав АН УССР. В начале января 1940 г. это решение было санкционировано ЦК КП(б)У. Постановлением СНК УССР библиотека НТШ передавалась во львовский филиал библиотеки АН УССР.

Роспуск НТШ не прошел безболезненно. Официально 14 января 1940 г. состоялось общее собрание общества, которое приняло решение о самороспуске. Однако тогдашний глава НТШ И. Раковский в знак протеста выехал – накануне собрания, 13 января 1940 г. – на Запад, воспользовавшись немецкой переселенческой комиссией во Львове. Одновременно ряд ученых из Галиции были введены в состав АН УССР. К. Студинский стал проректором и деканом филологического факультета Львовского университета. Ряд галицийских ученых стали работать во Львовском университете (М.С. Возняк, Ф.М. Колесса, В.Г. Щурат, И. Свенцицкий), а И.П. Крипьякевич возглавил львовское отделение Института истории Украины АН УССР[579].

На научную жизнь на Западной Украине распространялась юрисдикция Академии наук УССР. Постановлением СНК УССР от 2 января 1940 г. «Об организации научных заведений в западных областях Украины» во Львове было создано отделение научных учреждений Академии наук УССР – Института литературы им. Шевченко, Института языкознания, Института фольклора, института истории Украины,

Института археологии, Института экономики. Кроме того, постановлялось организовать во Львове филиал Библиотеки АН УССР и передать ей библиотеки Научного общества им. Шевченко, научного общества «Оссолинеум», Народного дома[580].

19 февраля 1940 г. список учебных и научных учреждений Львова пополнился медицинским институтом, преобразованным из медицинского факультета Львовского университета. В мае 1940 г. при Львовском госуниверситете было открыто заочное отделение, рассчитанное на подготовку педагогических кадров для школ западноукраинских областей. 21 мая 1940 г. СНК УССР постановил учредить во Львове санитарно-бактериологический институт. Кстати, в этот же день во Львове был открыт вечерний институт марксизма-ленинизма, а через два дня – 23 мая – СНК УССР постановил организовать во Львове межобластной научно-исследовательский институт Охраны материнства и детства. 20 ноября 1940 г. во Львове был открыт межобластной филиал Центрального украинского научно-исследовательского туберкулезного института[581].

В регион была направлена группа преподавателей ВУЗов из Киева, Харькова, Одессы, Днепропетровска, Москвы, Ленинграда и других городов[582]. Большие изменения произошли во Львовском университете. В январе 1940 года ему было присвоено имя Ивана Франко (до этого он носил имя польского короля Яна Казимира). В университете вновь появились кафедры украинского языка, литературы, истории. Все студенты должны были изучать украинский язык. Львовский университет разросся втрое.

Украинская интеллигенция на фоне расширения сети учебных заведений и возможностей для получения образования украинскому населению решила использовать благоприятные условия для сведения счетов со своими польскими коллегами-конкурентами. Только так можно объяснить историю, случившуюся во Львовском университете с его новым

ректором, киевским профессором М.И. Марченко[583]. В начале января 1940 г. в университете появился второй секретарь ЦК КП(б)У М.А. Бурмистенко. Марченко провел его по аудиториям и кабинетам. Партийный начальник обратил внимание на то, что отдельные вывески и объявления написаны по-польски и спросил, почему так нерешительно переводится работа университета на украинский язык, почему до сих пор не объявили, что это университет украинский? В результате на здании появилась надпись «Львовский украинский государственный университет», заменив собой вывеску «Львовский государственный университет». В начале мая 1940 г. на доске приказов ректора было вывешено постановление Коллегии Наркомпроса УССР об увеличении процента украинцев среди студентов. Эти два обстоятельства позже послужили причиной ареста Марченко 23 июня 1941 г. органами госбезопасности, инкриминировавшими бывшему ректору «искажение национальной политики»[584].

19 декабря 1939 г. украинский совнарком перешел к реформированию культурной жизни на Западной Украине. В специальном постановлении говорилось об организации театров, музыкальных коллективов, филармоний, домов народного творчества и театрально-музыкальных заведений на Западной Украине. Так, во Львове следовало сформировать Государственный украинский театр оперы и балета (в помещении Большого городского театра), Государственный украинский драматический театр, Государственный польский театр, Государственный еврейский драматический театр, Государственный театр миниатюр, Государственную областную филармонию с симфоническим оркестром с украинской хоровой капеллой и сектором эстрады, областной Дом народного творчества, Государственную украинскую консерваторию с польским отделением, Государственное украинское музыкальное училище с польским отделением, украинские музыкальные школы[585]. Тогда же

Управлению по делам искусств при СНК предлагалось в директивном порядке на протяжении 10 дней собрать и направить в западные области Украины на постоянную работу группу театральных и музыкальных работников, прислать комиссию по музейному делу[586]. Как указывалось в материалах IV сессии Верховного совета УССР, бюджет 1940 г. предусматривал выделение 546,8 млн. рублей на финансирование культурно-просветительской сферы. За счет местного бюджета должно было быть профинансировано 202 районных клуба и дома культуры, 3250 сельских клуба и избы-читальни, 450 библиотек для взрослых[587].

Реформа была произведена и в музейном деле. В октябре 1939 г. по обвинению в национализме прекратил работу Музей украинского войска во Львове, а в музее истории Львова был закрыт отдел по истории Первой мировой войны и национально-освободительной борьбы 1918–1920 гг.[588]. Другие музеи были национализированы и реорганизованы. Постановлением Совнаркома УССР от 8 мая 1940 г. во Львове были сформированы областные исторический и этнографический музеи, областная картинная галерея, государственный областной музей художественных промыслов, областной мемориально-литературный музей имени Франко. Областные исторические музеи были организованы в Дрогобыче и Станиславе; краеведческие и этнографические музеи – в Яворове, Сокале, Луцке, Перемышле, Самборе, Стрые, Тарнополе, Ровно, Коломые и Рогатине; городские исторические музеи – во Владимире-Волынском, Кременце, Остроге, историко-археологический музей в г. Дубно[589].

Одновременно была проведена «чистка» и реорганизация библиотек: подозрительная, по мнению новых властей, литературы или была уничтожена, или переведена на специальное хранение. Была создана система областных и городских библиотек для взрослых и детей[590]. Для усиления воздействия на широкие массы населения на предприятиях

создавались рабочие клуба, избы-читальни, «красные кружки». Деятельность таких просветительских обществ, как «Просвита», «Родная школа», «Украинская беседа» и т.п., прекратилась.

20 декабря 1939 г. Политбюро ЦК КП(б)У, выполняя решение ЦК ВКП(б), приняло постановление об организации при Президиуме Верховного Совета УССР фонда помощи интеллигенции Западной Украины. Размер фонда составлял 2 млн рублей. Этим же постановлением из фонда выделялось по 10 тыс. рублей В.Г. Щурату, М.С. Возняку, И.П. Крипякевичу, Ф.М. Колессе[591]. Напомним, что трое из них – Щурат, Возняк и Колесса – недавно стали академиками Украинской академии наук.

Общественно-политическая жизнь на Западной Украине кардинально изменилась. Присоединение к Украинской ССР нередко воспринималось украинским населением как победа над поляками, что приводило к желанию свести старые счеты и любой ценой закрепить за собой первенствующее положение. В своем докладе в Москву уже 21 сентября 1939 г. заместитель наркома обороны командарм 1 ранга Г.И. Кулик отмечал, что «в связи с большим национальным угнетением поляками украинцев, у последних чаша терпения переполнена и, в отдельных случаях, имеется драка между украинцами и поляками, вплоть до угрозы вырезать поляков…»[592]. О том же докладывал 22 сентября в Москву и начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис: «Вражда между украинцами и поляками усиливается, сейчас активизировались украинцы и терроризируют в ряде мест польских крестьяне. Были случаи взаимного поджога деревень, убийства и грабежей. Дано указание широко развернуть работу против национальной вражды между трудящимися украинцами и поляками, направив объединенные силы против панов-помещиков». Соответственно, уже 23 сентября Политуправление Украинского фронта издало директиву, в которой, в

частности, приказывалось «разъяснять населению нашу национальную политику. Учесть при этом, что украинский народ находился под национальным гнетом панско-помещичьей и буржуазной власти, что польское правительство вело политику ополячивания украинцев и натравливания на них поляков. Сейчас эта национальная рознь сказывается и местами принимает форму взаимных убийств, поджогов и грабежей. Это на руку только врагам украинских и польских трудящихся. Трудящиеся украинцы и поляки должны быть друзьями, а не врагами и объединиться для совместной борьбы с общим врагом – помещиком, угнетателем и эксплуататором. Надо заявить, что Красная Армия не потерпит и не допустит национальную рознь между трудящимися»[593].

Через несколько дней, 30 сентября, Военный Совет и Политуправление Украинского фронта приказали политработникам вести разъяснительную работу среди населения, «призывать трудящиеся массы города и деревни Западной Украины к изжитию национальной вражды». «Ненависть трудящихся масс необходимо направлять против… помещиков, против эксплуататоров, – говорилось в директиве. – Всех лиц, замеченных в сознательном разжигании национальной вражды между поляками и украинцами, рассматривать, как врагов трудящегося народа и применять к ним суровые меры репрессии»[594]. В украинских селах предписывалось «снять все польские надписи и оставить надписи на украинском языке», польские же надписи надлежало «оставить в тех населенных пунктах, где преобладает польское население»[595].

Большевистское руководство, декларировав принципы советской национальной политики, пыталось предоставить не только украинцам, но и полякам, и евреям, возможности для национально-культурного развития: в 1939/1940 учебном году было сохранено 922 польские школы[596], были созданы польский и еврейский театры, профессорам-полякам дозволялось (правда, временно) читать лекции на родном языке[597]. Пресса выходила

тоже не только на украинском языке. Например, во Львове издавалась не только «Вільна Україна», но и «Czerwony Sztandar»; если на украинском во Львове издавался художественно-литературный журнал «Новели мистецтва», то на польском – «Almanach literacki». Правда, украинский журнал был ежемесячным, а польский – ежеквартальным изданием[598]. Однако на деле многочисленные преобразования в гуманитарной сфере существенным образом изменили роль украинского языка в общественной и культурной жизни, что фактически означали деполонизацию, обостряя и без того напряженные отношения между украинцами и поляками.

При этом следует учитывать, что настроения в советском обществе подогревались при помощи антипольской пропаганды. Так, в течение года перед вторжением Красной Армии в Польшу, на экраны Советского Союза вышли картины «Одиннадцатое июля», «Кармелюк», «Щорс», «Шел солдат с фронта», в которых поляки и Польша предстали отнюдь не с положительной стороны. Напротив, по мнению российского исследователя В.А. Токарева, они формировали «враждебно-сатирический портрет «панской» Польши и поляка, гонор, лицемерие, алчность, национальная спесь и неприязненное отношение к другим народам, склонность к паразитизму и стяжательству»[599]. В западноукраинском же обществе польско-украинские отношения в межвоенный период традиционно были напряженными. Не удивительно, что демонстрация фильма «Одиннадцатое июля», посвященного советско-польской войне 1919–1920 г., вызывала неоднозначную реакцию в зале. Во время демонстрации картины в г. Станиславе зал кинотеатра «Варшава» «был переполнен… перед началом кинофильма специально выделенный товарищ из лекторской группы ПУАРМа познакомил собравшихся с содержанием кинофильма «11 июля» и когда произносил имя Великого Сталина в зале раздались бурные аплодисменты. Послышались возгласы: «Хай живе товарищ Сталін», «Ура товарищу Сталину». Когда в картине показывали бой в зале слышны

голоса: «Наши бьют поляков», «Наши червоні йдут!»[600]. После просмотра кинокартины «Щорс» в с. Горбушево крестьяне обступили командиров и заявили: «Берите нас в Красную Армию», «Пойдем вместе бить … капиталистов»[601].

Иная реакция была у поляков. В то же время во время просмотра кинофильма «Одиннадцатое июля» в Старобельском лагере для военнопленных, «в момент показа разгрома белополяков, большинство офицерского состава шипя сквозь зубы «пся крев», покинули зал, а солдатская масса с восхищением восприняла содержание кинофильма, крича «Правильно»[602].

Политотделы частей Красной Армии постоянно фиксировали примеры «межнациональной розни». Например, политотдел 5-й кавалерийской дивизии, докладывая о настроениях населения (населенные пункты Пустомиты, Семенувка, Лесновицы, Глинка, Милашовицы), отмечал, что украинское население «с большой радостью высказываются за присоединение Западной Украины к Советской Украине». Однако в этих районах «имеется много враждебного элемента, который проводит контрреволюционную работу. Этот элемент распространяет слухи, что скоро Красная Армия уйдет, а ксендз с. Милашовицы ведет такую агитацию: «Раньше поляки угнетали украинцев, а теперь нужно сделать наоборот»[603]. Политотдел 87-й стрелковой дивизии отмечал, что «в колонии Янин Бор (с большинством польского населения) неизвестными враждебными лицами распространяются следующие провокационные слухи: «Польскому населению будет запрещено пользоваться польским языком»[604]. Когда же в селе Ивановичи на торжественном собрании, посвященном 22-й годовщине Октября, выступила учительница-полька и на польском языке призвала всех жителей, всеми силами поддерживать Советский Союз, «в знак протеста этому выступлению 3 учителя этого села демонстративно ушли с собрания»[605].

Политотдел 99-й стрелковой дивизии докладывал: «В селе Пикулинцы сильна национальная рознь. Поляки не разговаривают с украинцами»[606]. Нередки были случаи появления различного рода листовок и лозунгов. Так, 11 ноября 1939 г. на заборе гимназии по улице Задвиженной и на заборе военного склада по улице Яновского во Львове появился «польский герб, вырезанный из бумаги и наклеенный на красную бумагу с надписью «Нех живе непереможна Польша»[607]. 9 ноября в селе Яйковцы на дверях читальни появилась листовка на польском языке с призывом бороться с советской властью за независимую Польшу[608]. Во время выборов в Народное собрание во Львове на 4-м избирательном участке «в уборной были написаны контрреволюционные лозунги такого содержания: "Смерть Сталину. Смерть Красной Армии, долой советскую власть", "Еще Польща не сгинела", "Польша буде жить, а як прийде Сталин то буде вишати вверх ногами" (написано на польском языке)»[609]. Вообще во время выборной кампании нередко советские флаги сменялись бело-красными, появлялись гербы с белым орлом и листовки с надписями «Niech żyje Polska!»[610].

При этом следует учитывать, что в создаваемом на Западной Украине советском аппарате решающую роль играли так называемые «уполномоченные», в основном выходцы из восточных районов УССР. Конечно, привлекались и «кадры» из местного населения. Например, на Станиславской областной партийной конференции говорилось о «выдвижении кадров на руководящую, советскую, хозяйственную работу кадров из местного населения», каковых насчитывалось 5050 человек[611]. Однако «на виду» были, конечно, не они.

Культурный же уровень прибывших на Западную Украину советских служащих был низок, о чем неоднократно упоминают современные украинские авторы[612]. Тем не менее, действовали они весьма решительно, зачастую, даже более настойчиво, чем это было необходимо. Хотя в

официальной пропаганде и подчеркивалось равенство всех национальностей, украинские советские и партийные деятели зачастую «перегибали палку» в своем желании сделать на западноукраинских землях все так же, как в УССР. «Страдающей стороной» нередко оказывались поляки. В этой ситуации случаи притеснения поляков были отнюдь не единичны: приняты были даже специальные постановление Политбюро ЦК КП(б)У. В одном из них, датированном 19 декабря 1939 г., речь шла о неправильных действиях Коломыйского, Стрыйского и Станиславского временных управлений по отношению к верующим гражданам. Неправильные действия сотрудников этих временных управлений привели к выступлениям верующих, «организованным с провокационной целью ксендзами, монахами и польскими националистами». Например, глава Коломыйского временного управления тов. Бойко не воспротивился решению начальника штаба 13-й конвойной дивизии тов. Ширяева и комбата тов. Кобзаря выселить ксендзов из помещения рядом с костелом. В результате около дома ксендзов собралось свыше 2-х тысяч поляков, преимущественно женщин[613]. Эти события происходили 27-го ноября, а 30-го ноября похожие события произошли в городе Стрыя. Как говорилось в постановлении, Временное управление города решило переселить детей «из здания, в котором жили монашки» в другое, лучшее помещение. В результате во Временное управление обратилась большая группа поляков (около тысячи человек, опять-таки преимущественно женщин) с требованием «не закрывать костел и не выселять монашек»[614].

Аналогичные действия произошли в другом городе, Станиславе. Глава местного Временного управления тов. Безкаравайный выдал ордер одной войсковой части на занятие помещения, принадлежащее костелу и занимаемое монахами. Итогом было выступление женщин с криками «костел не отдадим»[615]. ЦК КП(б)У разъяснило тт. Бойко, Безкаравайному

и Кулику, что поспешность действий, не вызванных крайней необходимостью, по изъятию помещений, принадлежащих костелам и ксендзам, в сложившейся обстановке «не может не вызывать неудовольствия верующих». Украинский ЦК напоминал Станиславскому, Львовскому, Ровенскому, Тарнопольскому, Волынскому и Дрогобычскому обкомам, что, согласно действовавшему законодательству, ни одна церковь, костел или синагога не могут быть закрыты без особого, в каждом отдельном случае, решения Президиума Верховного Совета УССР. Для использования же помещений, принадлежащих костелам, церквям или синагогам, требовалось согласование с ЦК КП(б)У[616].

Однако неумеренность местных украинских властей была направлена не только против верующих. 3 июля 1940 г. Сталин дал шифротелеграмму секретарю Львовского обкома Л.С. Грищуку с предложением незамедлительно ликвидировать притеснения поляков, касавшиеся запрета польского языка, отказов в устройстве на работу, в помощи беженцам и т.д., а также принять меры к установлению братских отношений между украинскими и польскими трудящимися[617].

О распространенности антипольских настроений свидетельствует также принятое 5 августа 1940 г. Постановление Политбюро ЦК КП(б)У, в котором говорилось о незаконных действиях органов советской власти во Львове в отношении трудящихся, «в особенности польской национальности». Местные партийные и советские органы запрещали лекторам читать лекции на польском языке в аудитории, которая не понимает украинский язык. Были случаи самовольного вселения приезжих работников в квартиры местных жителей. Во Львове «было много случаев препятствия приему на работу поляков». Были и «другие перегибы, которые играют на руку врагам народа»[618]. Например, некоторые работники милиции Львова предлагали врачам объявления о часах приема больных, написанные на польском языке и помещенные на дверях частных

квартир, заменить объявлениями, написанными на украинском языке. Имелись также случаи «возмутительного отношения некоторой части приезжих из восточных областей УССР работников к польской трудовой интеллигенции»[619]. «Своеволие и нарушение революционной законности со стороны части местных советских и партийных работников города Львова и Львовской области облегчало польским, украинским и еврейским буржуазным националистам вести подлую контрреволюционную работу, направленную против установления братских отношений между украинскими и польскими трудящимися»,[620] – говорилось в постановлении.

Антипольские настроения среди украинских партийных и советских деятелей на Западной Украине были настолько сильными, что распространялись даже и на бывших членов польской компартии. 2 ноября 1940 г. ЦК КП(б)У приняло даже специальное постановление, осуждающее факты «неправильного отношения к бывшим членам КП Польши». Эти факты, судя по документу, выражались в «огульном недоверии к бывшим членам КП Польши во Львове и других городах западных областей Украины, в безосновательном отказе в работе на фабриках, заводах и учреждениях некоторым бывшим членам КП Польши, в слабом привлечении их к общественной работе». ЦК КП(б)У рекомендовало шире привлекать указанных товарищей к активной общественной работе, выдвигать на хозяйственную и советскую работу. ЦК КП(б)У признавал также, что подобные факты имели место и в отношении бывших членов КП Румынии по Черновицкой и Аккерманской областям[621].

Таким образом, анализируя преобразования в западноукраинских областях в 1939–1941 гг., нельзя говорить исключительно о «советизации». Фактически была проведена деполонизация и украинизация общественной и культурной жизни региона, что привело к возникновению конфликтов не

только на уровне приятия или неприятия советской власти, но и приводило к обострению польско-украинские противоречия. Польскому присутствию, о котором так заботились власти II Речи Посполитой, был нанесен ощутимый удар, и украинская сторона не замедлила этим воспользоваться. Интегрирование западноукраинских областей в состав Украинской ССР не могло пройти безболезненно для всех слоев населения, вынужденного определить не только свое отношение к новой власти, но и к новым украинским порядкам. Проводники интеграционной украинизационной политики украинского партийного руководства действовали весьма жестко, не только не смягчая, но обостряя и до того не простую межнациональную ситуацию в регионе.

***

Таким образом, 1930-е гг. принесли существенные изменения и в политику советской украинизации, и в политику польского, чехословацкого и румынского руководств по отношению к украинскому населению. В напряженной международной обстановке интеграционные усилия, предпринятые странами Восточной Европы, сопровождались, с одной стороны, попыткой наладить диалог с украинскими лидерами, и в то же время – резким противодействием сепаратистских устремлений этнических меньшинств. На Волыни политика Г. Юзевского, не принесшая желаемых результатов, сменилась курсом на «усиление польскости»; в Подкарпатской Руси губернатором стал представитель местной русинской интеллигенции; Румыния эволюционировала в направлении авторитарного развития государственной жизни королевства. В УССР была существенно скорректирована политика украинизации.

С начала 1930-х гг. большевистское руководство стало предпринимать все больше интеграционных усилий. Этому способствовала изменившаяся социально-экономическая ситуация: после провала плана хлебозаготовок Сталин принял решение усилить влияние

центра в республике путем коренного обновления всего украинского партийного аппарата – снизу доверху, и в республике начала разворачиваться широкая кампания против националистических элементов, проникших в партийные, государственные органы, научные и культурные учреждения вследствие недостатков украинизации. Лозунг об опасности с двух сторон – со стороны великодержавного шовинизма и местного национализма, – столь популярный в прежние годы, потерял свое значение: в 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) И.В. Сталин заявил об опасности украинского национализма.

Центральное большевистское руководство, понимая опасность появления центробежных процессов, всячески старалось подчеркивать общесоветский, социалистический характер культуры национальных республик. Осуществлялось это за счет воздействия на общественное сознание населения в образовательной и культурной сферах. Была проведена стандартизация и унификация школьного образования, проведена реорганизация творческих союзов, серьезные изменения произошли и в интерпретации исторических событий (например, Богдана Хмельницкого) и т.д. Для воздействия на массовое сознание большевики использовали понятные и привлекательные для граждан образы, такие, как Т. Шевченко. Выдвижение на первый план подходящего героя из недавнего прошлого и соответствующая трактовка его образа должны были задать правильный курс украинскому национальному самосознанию, создать «правильные» ориентиры для общественного сознания украинцев.

Однако внесенные поправки не изменили главного принципа большевистской политики украинизации, и партийные власти продолжали политику «выдвижения» украинцев в руководящие органы и воспитания украинской советской интеллигенции. Признав за украинцами статус отдельной, самостоятельной нации, большевики закрепили его административным путем. Центральное руководство ввело с 1935 г. новую

форму учета номенклатурных кадров в аппарате ЦК ВКП(б) с графой «национальность». Сведения о национальности учитывались во всех областях жизни. Графа «национальность» присутствовала в паспорте гражданина СССР, причем с 1938 г. в паспорте и других официальных документах национальность указывалась в соответствии с национальностью одного из родителей.

Впрочем, произошедшие изменения отнюдь не означали прекращения политики украинизации: речь шла о сглаживании «острых углов», столь возмущавшие Ю. Ларина, чему так или иначе способствовали и начавшиеся в стране централизация и унификация, объективно приводившие к возрастанию роли русского языка в общесоюзном культурном пространстве. Коммуникативные потребности единого государства диктовали свои требования к распространению русского языка среди нерусского населения. Русский язык был необходим для поддержания нормального функционирования государства, для создания благоприятных условий совместной деятельности представителей всех наций, для развития экономики, культуры, науки, искусства,

Тем не менее, в 1930-е годы корректировка коренизации отнюдь не означала, что был принят курс на русификацию. По-прежнему большое значение отводилось изданию литературы, организации печати на украинском языке, поддержке украинской культуры, обучению на украинском языке. Т. Мартин справедливо отметил: «В годы правления Сталина обучение на родном языке, за немногочисленными исключениями, оставалось в нерусских школах обязательным, а русский язык оставался лишь учебным предметом. Мартовское постановление 1938 г. не стало началом культурной русификации. Его целью был лишь билингвизм (двуязычие) или, самое большее, двойная культура»[622].

Корректировка украинизации (увеличение числа русскоязычных периодических изданий, повышенное внимание обучению русскому языку в школах, реорганизация национальных учебных заведений и т.д.) была обусловлена намерением большевиков укрепить единство советской страны, добиться стабильной идентификации населения, прежде всего, как советских граждан, а не только как граждан той или иной республики; в массовое сознание закладывались образы и представления, которые должны были способствовать консолидации общества, несмотря на признание существования на территории громадного государства различных этносов. Политика большевиков была ориентирована не только на «расцвет наций» и развитие национальной культуры, но и на «сближение», консолидацию населения Страны Советов в единую общность.

Примечания

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 136. Л. 2; Д. 137. Л. 4.

[2] Лист голови ВУЦВК Г. Петровського до Політбюро ЦК КП(б)У про продовольчі труднощі в ряді областей УСРР і заходи щодо їх подолання. Не раніше 23 лютого 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. Київ, 2007. С. 70.

[3] *Васильев В*. Цена голодного хлеба. Политика руководства СССР и УССР в 1932–1933 гг. // Командири великого голоду: Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932–1933 рр. Київ, 2001. С. 84–85.

[4] Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) на телеграму секретаря ЦК КП(б)У С. Косіора про хлібозаготівлі в Україні. 16 березня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 88.

[5] Постанова Політбюро ЦК КП(б)У про підсумки роботи колгоспів у 1931 році та завдання їх подальшого організаційно-господарського зміцнення. 28 березня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 105.

[6] *Васильев В*. Цена голодного хлеба. Политика руководства СССР и УССР в 1932–1933 гг. С. 85

[7] Лист секретаря ЦК КП(б)У С. Косіора до секретаря ЦК ВКП(б) Й. Сталіна про економічне і політичне становище в південній частині степових районів України та продовольчі труднощі. 26 квітня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 128.

[8] *Васильев В*. Цена голодного хлеба. Политика руководства СССР и УССР в 1932–1933 гг. С. 88.

[9] Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про відрядження до УСРР В. Молотова с групою керівних працівників. 24 травня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 182.

[10] Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) на повідомлення В. Молотова, Я. Яковлева та А Мікояна про стан сівби в Україні // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 189.

[11] Лист Г. Петровського до В. Молотова та Й. Сталіна про важке продовольче становище та голод в УСРР. 10 червня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 197–198.

[12] Там же. С. 198.

[13] Там же. С. 199.

[14] Там же.

[15] Лист В. Чубаря до В. Молотова та Й. Сталіна про становище в сільскому господдарстві УСРР. 10 червня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 200.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 200–201.

[18] Там же. С. 203.

[19] Там же. С. 204

[20] Витяг із листа Л. Кагановича до Й. Сталіна про звернення керівників УСРР до ЦК ВКП(б). 12 червня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 205.

[21] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 63. Письмо опубликовано полностью: Сталин – Кагановичу. 15 июня 1932 г. // И.В. Сталин и Л.М. Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 168–169.

[22] Постанова Політбююро ЦК ВКП(б) про продовольчу допомогу УСРР. 16 червня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 207.

[23] *Кондрашин В.В*. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 122.

[24] Там же. С. 120.

[25] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 65–66.

[26] Там же. Л. 66.

[27] *Кондрашин В.В*. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 241

[28] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 45. Часть писем опубликована: См.: И.В. Сталин и Л.М.Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 210, 225, 273–274, 283.

[29] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 46.

[30] Там же. Л. 171-172.

[31] *Шаповал Ю*. III конференция КП(б)У: пролог трагедии голода // Командири великого голоду: Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932–1933 рр. Київ, 2001. С. 170.

[32] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 45–46.

[33] *Шаповал Ю*. III конференция КП(б)У: пролог трагедии голода. С. 174.

[34] Лист В. Молотова і Л. Кагановича до Й. Сталіна про хід обговорення на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У та Всеукраїнській партконференції плану хлібозаготівель. 6 липня 1932 // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 231.

[35] Постанова ЦК ВКП(б) про організацію хлібозаготівель у 1932 році // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 239.

[36] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 115–116.

[37] Витяг із листа Л. Кагановича до Й. Сталіна про зниження плану хлібозаготівель по УСРР і підготовку закону про охорону соціалістичної власності. 27 липня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 273.

[38] *Кондрашин В.В*. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 125.

[39] Там же. С. 127.

[40] См.: *Зеленин И.Е*. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 114–123.

[41] *Васильев В.* Цена голодного хлеба. Политика руководства СССР и УССР в 1932–1933 гг. С. 99.

[42] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 145.

[43] Там же. Л. 146.

[44] Там же. Л. 146–147.

[45] С.Ф. Реденс возглавлял Главполитуправление УССР.

[46] На 1 апреля 1932 года в КП(б)У было 59,3 % украинцев, 24,3 % русских, 10,1 % евреев, 6,3 % – других. Процент украинцев среди кандидатов достигал 62%. (*Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 56.)

[47] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 148.

[48] Там же. Л. 148–149.

[49] Там же. Л. 153.

[50] Каганович – Сталину 16 августа 1932 г. // И.В. Сталин и Л.М. Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 283.

[51] Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про хлібозаготівлі в Україні. 18 серпня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 290–291.

[52] *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 133.

[53] *Васильев В.* Цена голодного хлеба. Политика руководства СССР и УССР в 1932–1933 гг. С. 104

[54] *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х – 1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. СПб., 2000. С. 492.

[55] *Васильев В.* Цена голодного хлеба. Политика руководства СССР и УССР в 1932–1933 гг. С. 104.

[56] Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про хлібозаготівлі в Україні та на Північному Кавказі. 22 жовтня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. Київ, 2007. С. 349.

[57] Постанова Політбюро ЦК КП(б)У про необхідність подолання відставання України у виконанні плану хлібозаготівель. 25 жовтня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 351.

[58] Там же. С. 354.

[59] Телефонограма В. Молотова до Й. Сталіна про обговорення в Політбюро ЦК КП(б)У питання про зниження плану хлібозаготівель. 29 жовтня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 355–356.

[60] Телефонограма В. Молотова до Й. Сталіна про заходи з виконання плану хлібозаготівель в Україні. 30 жовтня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 360.

[61] Постанова Політбюро ЦК КП(б)У про заходи з посилення хлібозаготівель // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 388.

[62] Постанова Політбюро ЦК КП(б)У «Про ліквідацію контрреволюційних гнізд та розгром куркульських груп». 18 листопада 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 396–397.

[63] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 140. Л. 20.

[64] Телеграма С. Косіора до В. Молотова щодо постанови про чистку п'яти районних партійних організацій. 19 листопада 1932 р. // Голодомор 1932і1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 398; *Васильев В*. Цена голодного хлеба. Политика руководства СССР и УССР в 1932–1933 гг. С. 107.

[65] Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про чистку партосередків у деяких сільских районах України. 22 листопада 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 407.

[66] Витяг із доповідної записки ДПУ УСРР до ЦК КП(б)У «Про заходи по проведенню оперативного натиску на куркульсько-петлюрівські та контрреволюційні елементи». 22 листопада 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 409–410.

[67] Директива ЦК КП(б)У секретарям обкомів партії про вжиття заходів проти куркульских і антирадянських елементів – організаторів саботажу хлібозаготівель. 13 грудня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 474–475.

[68] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 130. Л. 107.

[69] Там же. Л. 108.

[70] *Скрипник М.О*. Українське національне питання в ЦЧО і Казакстані // Пролетарська правда. Київ. 1932, 24 ноября.

[71] Там же.

[72] Там же.

[73] Там же.

[74] Там же.

[75] Там же.

[76] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральний державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 5282. Л. 53; См. также: *Сергійчук В*. Етнічні межі і державний кордон України. Київ, 2000. С. 104.

[77] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5282. Л. 53.

[78] Там же.

[79] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». 14 декабря 1932 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. М., 2005. С. 696.

[80] Там же. С. 698.

[81] Там же. С. 697.

[82] Там же.

[83] Там же. С. 697.

[84] Там же. С. 698.

[85] Постанова ЦК ВКП(б) та РНК СРСР «Про хлібозаготівлі на Україні». 19 грудня 1932 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 233; Постанова ЦК ВКП(б) та РНК СРСР про хлібозаготівлі в Україні. 19 грудня 1932 р. Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 495.

[86] Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) «Про особливого уповноваженого ОДПУ на Україні. 24 листопада 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 411.

[87] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5242. Л. 22 об.

[88] Там же.

[89] Там же.

[90] Лист ЦК КП(б)У всім секретарям райкомів, головам райвиконкомів, уповноваженим обкомів про обов'язкове вивезення всіх наявних колгоспних фондів, у тому числі і посівного, в рахунок виконання плану хлібозаготівель. 24 грудня 1932 р. //Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 233–234; Лист ЦК КП(б)У до секретарів райкомів партії, голів райвиконкомів, уповноважених обкомів КП(б)У про обов'язкове вивезення всіх наявних колгоспних фондів, у тому числі і посівного, в рахунок виконання плану хлібозаготівель. 24 грудня 1932 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 521.

[91] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 502. Л. 15–16.

[92] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2 Д. 509. Л. 20.

[93] Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про зміцнення ЦК і обласних організацій КП(б)У. 24 січня 1933 р. // Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. С. 619.

[94] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 68. Л. 141.

[95] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 472.

[96] *Рубльов О.* Західноукраїнська інтелігенція у загальнонаціональних політичних та культурних процесах (1914–1939). Київ, 2004. С. 370.

[97] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 68. Л. 168.

[98] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 74, 79–80.

[99] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 472.

[100] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 66. Лл. 7, 11.

[101] Там же. Л. 28 об.

[102] Там же. Л. 30 об.

[103] ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 98. Л. 9.

[104] Там же. Л. 10.

[105] *Єфіменко Г.Г.* Зміни політико-ідеологічних пріоритетів українізації та боротьба з «націонал-ухильниками» // Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки. Київ, 2003. С. 689.

[106] ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 98. Л. 10

[107] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг). М., 2008. С. 84–93.

[108] Выше знамя пролетарского интернационализма // Правда. 1933, 10 марта.

[109] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 56.

[110] «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 211.

[111] Про забезпечення культурних потреб нацменшостей України // Комуніст. 1933, 11 апреля.

[112] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6213. Л. 9–10.

[113] Там же. Л. 8.

[114] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ЦДАВОВУ). Ф. 166. Оп. 11. Д. 178. Л. 148.

[115] Хвиля А. За більшовицьку пильність на фронті творення української радяньской культури //Комуніст. 1933, 4 апреля.

[116] Нарада з питань національної політики партії // Комуніст. 1933, 29 апреля.

[117] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 72. Л. 11.

[117] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 132. Лл. 43–44.

[118] Там же.

[119] Там же. Лл. 43–44.

[120] Там же.

[121] Там же. Л. 45.

[122] *Хвиля А*. Викорінити, знищити націоналістичне коріння на мовному фронті // Більшовик України. 1933. № 7–8. С. 42–56.

[123] Резолюція Комісії НКО в справі перевірки роботи на мовному фронті на доповідь тов. Хвилі «Націоналістична небезпека на мовному фронті й боротьба проти неї» (26 квітня 1933 р.) // Українська мова у XX сторіччі: історія лінгвоциду. Документи і матеріали. Київ, 2005. С. 141.

[124] Там же.

[125] Там же, с 142

[126] там же. С. 108.

[127] Письма опубликованы в сборнике документов: ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Т. 1. М., 2005. С. 711–715; Т. 2. М., 2009. С. 19–31. Оба датированы 4 мая.

[128] Письмо секретаря ЦК КП(б) Украины П.П. Любченко И.В. Сталину об ошибках при проведении национальной политики на Украине. 4 мая 1933 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 715.

[129] Там же. С. 712.

[130] Там же. С. 713–714.

[131] Там же. С. 715.

[132] Записка заместителя председателя СНК УССР П.П. Любченко Сталину об ошибках наркома просвещения УССР Н.А. Скрыпника в проведении национальной политики 4 мая 1933 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. М., 2009. С. 30.

[133] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 66. Л. 83 об.

[134] Там же. Л. 85.

[135] Там же.

[136] Там же.

[137] ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 98. Л. 12.

[138] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 111.

[139] Там же. Л. 127.

[140] Там же. Л. 182.

[141] Там же. Л. 183.

[142] ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 98. Л. 13.

[143] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 186–187.

[144] ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 98. Л. 13.

[145] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 204.

[146] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 211–212.

[147] Письмо ЦК ВКП(б) в Политбюро ЦК КП(б)У о ходе обсуждения ошибок ЦК КП(б)У в проведении национальной политики. Датировка – позднее 7 июля 1933 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 36.

[148] Там же. С. 35.

[149] *Гетьманчук М.П.* Між Москвою та Варшавою: українське питання у радянсько-польских відносинах міжвоєнного періоду. Львів, 2008. С. 278–279.

[150] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6205. Л. 17.

[151] Там же. Л. 22.

[152] Там же. Л. 22 об.

[153] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 67. Л. 26.

[154] *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х – 1930-х гг.). С. 394–395.

[155] Там же. С. 104.

[156] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 67. Л. 26 об.

[157] Там же. Л. 28.

[158] Там же. Л. 28 об.

[159] Там же. Л. 29 об.–30 об.

[160] ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 1. Л. 75, 87.

[161] XVII съезд ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 31–32.

[162] Там же. С. 66.

[163] Там же. С. 70.

[164] *Кентий А.В.* Збройний чин Українських Націоналістів 1920–1956. Історико-архівні нариси. Т. 1: Від Української Військової Організації до Організації Українських Націоналістів 1920–1942. Київ, 2005. С. 120.

[165] Там же. С. 121.

[166] Резолюції ЦК УНДО про становище в Радянській Україні 24 червня 1933 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в ХХ столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн . 2: 1929–1939. Івано-Франківськ, 2014. С. 184.

[167] Звернення єпископату Української греко-католицької церкви до віруючих із закликом допомогти голодуючим українцям у Радянській Україні 24 липня 1933 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в ХХ столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 2. С. 186.

[168] Ряд документов о реакции на голод в УССР на Западной Украине опубликован в сборнике: Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в ХХ столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 2.

[169] *Комар В.Л.* Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921—1939 рр.). Івано-Франківськ, 2011 С. 285.

[170] *Федевич К.К.* Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. (Інтеграція га лицьких українців до Польської держави у 1920–1930 ті рр.). Київ, 2009. С. 185; *Кедрин І.* Життя–події–люди. Спомини і коментарі. Нью-Йорк, 1976. С. 253–255.

[171] *Федевич К.К.* Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. (Інтеграція га лицьких українців до Польської держави у 1920–1930 ті рр.). С. 188–192.

[172] *Мірчук П.* Степан Бандера – символ революційної безкомпромісовости. Нью-Йорк-Торонто, 1961. С. 49; *Книш З.* Варшавський процес ОУН на підложжі польсько-українських відносин тієї доби. Торонто, 1986. Т. 2. С. 265–269; см. также *Посівнич М.* Постать Степана Бандери під час Варшавського та Львівського процесів (1935-1936 рр.) // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Історичні науки. 2010. Вип. 16. С. 36.

[173] Реабілітовані історією: У 27 томах. Волинська область. Кн. 1. Луцьк, 2010. С. 17.

[174] *Дарованець О.* Боротьба Організації українських націоналістів проти асиміляційно-репресивної політики польської влади щодо українців Волині (1929-1939) // Український визвольний рух: наук. зб. Львів, 2003. Зб. 2. С. 72.

[175] *Комар В.* Українське питання в політиці Польщі (1926–1939) // Український історичний журнал. 2001. № 5. С. 126.

[176] *Крамар Ю.* Політика «зміцнення польської присутності» на Волині та її вплив на характер українсько-польських стосунків напередодні Другої світової війни // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. Київ, 2005. С.198.

[177] Там же. С. 201.

[178] Волинський воєводський уряд. Суспільно-політичний відділ.Місячний ситуаційний звіт // *Сивіцький М.* Історія польсько-українсьтких конфліктів. У 3 т. Т. 1. Київ, 2005. С. 209.

[179] *Крамар Ю.* Політика «зміцнення польської присутності» на Волині та її вплив на характер українсько-польських стосунків напередодні Другої світової війни. С. 202–203.

[180] *Панасюк В.* «Волинська політика» воєвод Г. Юзевського та А. Ґавке-Новака 1928–1939 років: проблеми україно- та німецькомовної освіти. С. 129.

[181] Проект Конституції автономії Галицько-Волинської землі у складі Польщі, внесений до сейму Українською парламентарною репрезентацією 3 грудня 1938 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 2: 1929–1939. Івано-Франківськ, 2014. С. 381–390; Повідомлення в газеті «Діло» про вимогу Української парламентарної репрезентації у польському сеймі надати українським землям національно-територіальну автономію 9 грудня 1938 р. // Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. Т 1 Кн. 2. С. 391; *Федевич К.К.* Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. (Інтеграція га лицьких українців до Польської держави у 1920–1930 ті рр.). С. 251–252.

[182] *Федевич К.К.* Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920–1930 ті рр.). С. 255–256.

[183] Сообщение К. Кренца начальнику Отдельного сектора информации ДОК VI о подготовке съезда молодых украинских националистов во Львове и сборе средств в Бучачском районе для организации украинской армии в Закарпатской Украине. 21 января 1939 г. // Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. В 2 т. Т. 1: 1939–1943 г. М., 2012. С. 36.

[184] *Шевченко К.В.* Культурно-национальная политика властей Чехословакии в русинском вопросе в 1920-е годы // Карпатские русины в славянском мире: актуальные проблемы. Материалы международного научного круглого стола. М.-Братислава, 2009. С. 144–145.

[185] *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848—1948). Ужгород, 1994. С. 139.

[186] Там же. С. 134–135.

[187] Там же. С. 135–136.

[188] *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 260. См. также: *Шандор В.* Спомини. Т. 1: Карпатська Україна 1938–1939. Ужгород, 1995. С. 245–247.

[189] *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. С. 170.

[190] Там же. С. 175.

[191] *Віднянський С.* Закарпаття – Підкарпатська Русь: від здобуття автономії до проголошення незалежної держави (до 70-річчя Карпатської України) // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політик : зб. наук. ст. Київ, 2009. Вип. 15 : [у 2 ч.], Ч. 1. С. 186.

[192] Розпорядок правительства Підкарпатської Руси з дня 15 жовтня 1938 р. про урядову мову Підкарпатської Руси // Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів. Ужгород, 2009. С. 31.

[193] *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). С. 144.

[194] *Віднянський С.* Закарпаття – Підкарпатська Русь: від здобуття автономії до проголошення незалежної держави. С. 191.

[195] Статут Організації Народної Оборони «Карпатська Січ» 10 листопада 1938 // Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів. С. 61.

[196] Сообщение и.о. начальника следственного управления в г. Тарнополе Гончарука в Воеводское управление государственной полиции о настроениях украинской молодежи, находящейся в составе «Карпатской сечи» и положении в Закарпатской Руси. 3 февраля 1939 // Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. В 2 т. Т. 1: 1939–1943 гг. С. 42.

[197] Там же.

[198] *Шандор В.* Спомини. Т. 1: Карпатська Україна 1938–1939. С. 308.

[199] Розпорядження уряду Підкарпатської Руси в Хусті про оголошення української мови державною на всій території Підкарпатської Руси 15 листопада 1938 р. // Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів. С. 80.

[200] Проект розпорядження уряду Підкарпатської Руси про назву «Підкарпатська Р3сь» 30 грудня 1938 р. // Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів. С. 107.

[201] *Вегеш М.М.* Карпатська Україна. Документи і факти. Ужгород, 2004. С. 278–279.

[202] *Шандор В.* Спомини. Т. 1: Карпатська Україна 1938–1939. С. 212–222.

[203] *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848—1948). С. 146–147.

[204] *Вегеш М.М.* Карпатська Україна. Документи і факти. С. 224–225.

[205] Закарпаття в етнополітичному вимірі. Київ, 2008. С. 297–298.

[206] 23 грудня 1938 р. Распорядження Міністерства культу, шкіл і народної освіти про вживання на державній роботі української літературної мови // Тернистий шлях до України: збірник архівних документів і матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1939–1939, 1944–1946 рр. ХХ ст.». Ужгород, 2007. С. 187.

[207] 13 грудня 1938 р. Розпорядження Міністерства внутрішніх справ Підкарпатської Русі про виготовлення публічних написів українською мовою // Тернистий шлях до України: збірник архівних документів і матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1939–1939, 1944–1946 рр. ХХ ст.». С. 185.

[208] 23 листопада 1938 р. Распорядження Міністерства культу, шкіл і народної освіти про мову навчання в школах // Тернистий шлях до України: збірник архівних документів і матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1939–1939, 1944–1946 рр. ХХ ст.». С. 184.

[209] *Віднянський С.* Закарпаття – Підкарпатська Русь: від здобуття автономії до проголошення незалежної держави. С. 202–203.

[210] *Кентій А.В.* Збройний чин українських націоналістів. 1920–1956. Т. 1 Від Української Військової Організації до Організації Українських Националиістів. 1920–1942. С. 144.

[211] Там же. С. 144–145.

[212] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 320.

[213] Там же. С. 321.

[214] Там же. С. 321–322.

[215] *Піддубний І.* Зміни в політичній системі Румунії в умовах авторитарного режиму (1938–1940 рр.) // Волинські історичні записки: Збірник наукових праць. Житомир: Полісся, 2009. Т.2. С. 83.

[216] Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 322–323.

[217] Там же. С. 199.

[218] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 78.

[219] *Єфіменко Г., Якубова Л.* Національні відносини в радянській Україні (1923–1938) // Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 229.

[220] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 222.

[221] *Годун Н.* Політична діяльність А. Хвилі в УСРР (1926–1936 рр.): функції і завдання головного цензора // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Міжвідомчий збірник наукових праць. Вип. 15. Київ, 2006. С. 162

[222] *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996. С. 218.

[223] См.: *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. С. 218.

[224] *Сталин И.В.* Заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 184.

[225] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4673. Л. 352.

[226] Там же.

[227] Там же.

[228] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 70. Л. 78.

[229] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4673. Л. 352.

[230] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4668. Л. 66.

[231] Там же.

[232] Постановление Секретариата ЦК КП(б)У об итогах чистки Харьковской областной парторганизации от 29 октября 1936 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 209.

[233] Постановление Секретариата ЦК КП(б)У об итогах чистки по Днепропетровской областной парторганизации от 29 октября 1936 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 210.

[234] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 73. Л. 65.

[235] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4673. Л. 352 об.

[236] Там же. Л. 352.

[237] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 72. Л. 11.

[238] Там же. Л. 68.

[239] Там же.

[240] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 226.

[241] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 216.

[242] Письмо членов литературного объединения «Ваплите» в ЦК КП(б) Украины о допущенных ошибках. Позднее июня 1933 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. С. 717–718.

[243] *Даниленко В.М.* Згортання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. // Україна ХХ ст.: культура. ідеологія, політика. Зб. ст. Вип. 2. Київ, 1996. С. 106.

[244] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. С. 225.

[245] *Рафальський О.О.* Національні меншини України у ХХ столітті. Історіографічний нарис. Київ, 2000. С. 161–166; *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 154–155.

[246] *Любченко П.* Про «націонал-більшовизм» // Більшовик України. 1933. № 3. С. 84.

[247] Там же. С. 88.

[248] *Загрецький М.* В боротьбі з якими дрібнобуржуазними українськими націоналістичними партіями КП(б)У забезпечила перемогу пролетарської революції на Україні // Більшовик України. 1933. № 7–8. С. 73.

[249] Там же. С. 76.

[250] *Дорошко М.* Ротація керівних кадрів у радянській торталітарній державі у 1920–1930-ті роки: український «досвід» // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. Вип. 16. Ч. 1: На пошану докт. іст. наук, проф. С. В. Кульчицького з нагоди 70-річчя від дня народження та 50-річчя наук. пр. Київ, 2007. С. 453.

[251] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 469.

[252] Довідка наркомату освіти України про національні школи в Україні. Березень 1938 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 253.

[253] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6199. Л. 79–80.

[254] Там же. Л. 85.

[255] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 71. Л. 93.

[256] *Якубова Л.* Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і – перша половина 30-х рр. ХХ с. К., 2006. С. 421.

[257] ЦДАВОВУ. Ф. 166. Оп. 11. Д. 179. Л. 9.

[258] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 166

[259] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6453. Л. 30–31.

[260] Там же. Л. 1.

[261] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 166–168.

[262] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6453. Л. 61.

[263] *Якубова Л.Д.* Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і – перша половина 30-х рр. XX ст. Київ, 2006. С. 422–423.

[264] Там же.

[265] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 493.

[266] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 164–165.

[267] Там же. С. 255–256.

[268] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 148.

[269] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6214. Л. 67.

[270] Там же. Л. 72.

[271] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4674. Л. 98.

[272] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 67. Л. 29.

[273] Там же. Л. 28 об–29.

[274] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4668. Л. 68

[275] Советская Украина на новом подъеме. Политический отчет ЦК КП(б)У на XII съезде КП(б)У. Доклад тов. П.П. Постышева // Правда. 1934, 24 января.

[276] Там же.

[277] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 339. Л. 25.

[278] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 495–496.

[279] Там же. С. 492.

[280] Цветет и крепнет индустриально-колхозная Украина. Речь тов. П.П. Постышева на II областном Съезде Советов Киевщины 11 января 1935 года // Известия. 1935, 14 января.

[281] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 375. Л. 182.

[282] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6634. Л. 19.

[283] Там же. Л. 20.

[284] Там же. Л. 21.

[285] Там же. Л. 24.

[286] Там же. Л. 25.

[287] Там же. Л. 26.

[288] Там же. Л. 27.

[289] Там же.

[290] Там же. Л. 28.

[291] Там же. Л. 30.

[292] Там же. Л. 38.

[293] Там же. Л. 28.

[294] Там же. Л. 93.

[295] Там же.

[296] Там же. Л. 94.

[297] Там же. Л. 95.

[298] Там же. Л. 99–100.

[299] Там же. Л. 107.

[300] Там же. Л. 125.

[301] Там же.

[302] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 67. Л. 29 об.

[303] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 208.

[304] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 385. Л. 103–104.

[305] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 421. Л. 166.

[306] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 422. Л. 39.

[307] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4675. Л. 101–102.

[308] *Єфіменко Г.* Національна політика ЦК ВКП(б) у засобах масової інформації УРСР (1932–1938). // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Київ, 2000. №5. С. 192.

[309] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 74, Д. 385. Л. 19–20, 27, 75, Д. 421. Л. 165–166; Д. 422. Л. 41, 58.

[310] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 93.

[311] Там же.

[312] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 421. Л. 165–166.

[313] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 422. Л. 58.

[314] Постановление Секретариата ЦК КП(б)У об итогах чистки Харьковской областной парторганизации от 29 октября 1936 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 209.

[315] Постановление Секретариата ЦК КП(б)У об итогах чистки по Днепропетровской областной парторганизации от 29 октября 1936 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 210.

[316] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 469.

[317] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4668. Д. 66, 68.

[318] РГАСПИ. Ф. 81.Оп. 3. Д. 220. Л. 10.

[319] Там же. Л. 11.

[320] Там же. Л. 81.

[321] *Васильєв В.Ю.* Особливості репресій в управлінських структурах УРСР в період «великого терору» 1937–1938 рр. // Історія України: маловідомі імена, події, факти. Вип. 34. Київ, 2007. С. 186.

[322] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 222. Л. 3.

[323] Там же. Л. 3.

[324] Там же. Л. 47.

[325] Там же. Л. 49.

[326] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Л. 21 об.

[327] Там же. Л. 22.

[328] Там же.

[329] Там же. Л. 25 об.

[330] Справка о сдаче секретарем ЦК КП(б)У С.В. Косиором и приеме секретарем ЦК КП(б)У Н.С. Хрущевым дел по ЦК КП(б)У. 28–29 января 1938 г. // Политическое руководство Украины. 1938–1989. М., 2006. С. 33.

[331] Там же.

[332] Там же. С. 33–34.

[333] ЦДАГОУ. Ф.1. Оп. 1. Д. 446. Л. 3.

[334] Там же. Л. 4.

[335] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп.1. Д. 427. Л. 7.

[336] Офіційне донесення італійського консульства у Харкові посольству Італії в СРСР. 31 січня 1934 р. // «Столиця відчаю»: Голодомор 1932–1933 рр. на Харківщині вустами очевидців. Свідчення, комментарі. Харків–Нью-Йорк–Львів, 2006. С. 257

[337] Там же. С. 258.

[338] Там же. С. 260.

[339] Там же. С. 260–261.

[340] Із політичного звіту Генерального консульства Німеччини у Харкові німецькому посольству в Москві. Листопад 1934 р. // «Столиця відчаю»: Голодомор 1932–1933 рр. на Харківщині вустами очевидців. Свідчення, комментарі. С. 261

[341] Там же. С. 262.

[342] См., напр.: *Галушко К.* Украинский национализм, ликбез для русских, или кто и зачем придумал Украину. Киев, 2012. С. 495.

[343] *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 265.

[344] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. Київ, 1997. С. 173.

[345] Там же. С. 169.

[346] Там же. С. 170.

[347] Там же. С. 173.

[348] Там же. С. 135, 195.

[349] Пленум ЦК КП(б)У 26–30 січня 1936 р. Стенографічний звіт. Київ, 1936. С. 117.

[350] Там же. С. 118–119.

[351] Там же. С. 120.

[352] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 220. Л. 6.

[353] *Сталин И.В*. Национальный вопрос и ленинизм: Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 333.

[354] Беседа Сталина с украинскими писателями 12 февраля 1929 г. Цит по.: *Шаповал Ю.І.* Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. Київ, 2001. С. 113.

[355] *Сталин И.В*. Национальный вопрос и ленинизм: Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 341–342.

[356] Там же. С. 345.

[357] Там же. С. 343.

[358] Там же. С. 353–354.

[359] *Сталин И.В.* К постановке национального вопроса // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 57.

[360] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 105. Л. 34 об.

[361] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 107. Л. 12.

[362] Там же. Л. 13.

[363] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 105. Л. 37 об., 61 об.

[364] Резолюция Второго Всесоюзного партийного совещания по народному образованию «Практические мероприятия культурного строительства национальностей СССР». 30 апреля 1930 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. С. 643.

[365] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б). 25 августа 1932 г. // Историю – в школу: создание первых советских учебников. Вестник архива президента Российской Федерации. М., 2008. С. 17.

[366] *Березівська Л.Д.* Прихована реформа шкільної освіти в УРСР: причини, напрями, наслідки (30–ті роки XX ст.) // Вісн. Житомир. держ. ун–ту ім. І. Франка. Вип. 36. Житомир, 2007. С. 54.

[367] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б). 15 мая 1934 г. // Историю – в школу: создание первых советских учебников. С. 45–46.

[368] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б). 14 августа 1934 г. // Историю – в школу: создание первых советских учебников. С. 122

[369] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15.05.1934 г. «О структуре начальной и средней школы в СССР» // Собрание законодательства СССР. 1934. № 26. Ст. 205; Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 113. 1934. 16 мая; Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М, 1974. С. 167.

[370] *Юркова О.* Історично-археографічний інститут ВУАН: десять місяців діядьності. // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки». Вип. 5. Київ, 2000. С. 270.

[371] Там же. С. 272.

[372] Там же. С. 274.

[373] Пояснювальна записка до тематичного плану Всеукраїнської академії наук на 1934 р. 11–13 квітня 1934 р. // Історія Національної академії наук України (1934–1937): Документи і матеріали. Київ, 2003. С. 50.

[374] Там же. С.15.

[375] Там же.

[376] Там же.

[377] Там же.

[378] Статут Академії наук Української Соціалістичної Радянської Республіки. 21 лютого 1936 р. // Історія Національної академії наук України (1934–1937): Документи і матеріали. С. 195.

[379] Там же.

[380] Передмова // Історія Національної академії наук України (1934–1937): Документи і матеріали. С. 16.

[381] Протокольна постанова політбюро ЦК ВКП(б) про організацію в АН УСРР відділу суспільних наук, ліквідацію УАМЛІН та створення на її базі академічних інститутів. 25 липня 1936 р.// Історія Національної академії наук України (1934–1937): Документи і матеріали. С. 226–227; Протокол № 25 засідання Президії Академії наук УСРР. 27 липня 1936 р. // Там же. С. 446; Протокол № 27 засідання Президії Академії наук УСРР. 14 серпня 1936 р. // Там же. С. 448.

[382] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». 23 апреля 1932 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002. С. 172–173.

[383] РГАСПИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 1. Л. 88.

[384] РСФСР // Правда. 1936, 1 февраля.

[385] Единая семья народов // Правда. 1936, 30 января.

[386] *Сталин И.В.* О задачах хозяйственников: Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 39.

[387] Речь тов. Сталина на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства 4 декабря 1935 // Правда. 1935, 6 декабря; *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 100–101.

[388] Мы – единственная страна, которая воплощает прогрессивные силы истории. Речь тов. Н.И. Бухарина // Правда. 1934, 31 января.

[389] *Бухарин Н.* Рождение и развитие социалистической родины // Известия 1934, 6 июля.

[390] Единство героического народа // Известия 1935, 27 января.

[391] *Бухарин Н.* Наш Союз // Известия 1935, 28 января.

[392] *Бухарин Н.* Героический советский народ // Известия 1935, 6 июля.

[393] *Бухарин Н.* Расширение советской демократии // Ивестия 1936, 1 мая; См. также: *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. М., 2004. С. 81–82; *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920-1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 508–509.

[394] *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. С. 82.

[395] Выражение Д.Л. Бранденбергера. См. *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009. С. 51.

[396] 2-я сессия ЦИК Союза ССР VII созыва. Прения по докладам тт. В.М. Молотова и В.И. Межлаука в Совете национальностей. Речь тов. А.И. Хацкевича // Известия. 1936, 14 января.

[397] *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 85–86.

[398] *Єкельчик С.* Імреія пам’яті: Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008. С. 39.

[399] Дискусія з приводу схеми історії України М. Яворського // Літопис революції. 1930. № 2. С. 267–326; № 3–4. С. 176–237; № 5. С. 287–324. См. также, напр., Маслійчук В. Марксистські схеми української історії: Матвій Яворський, Володимир Сухино-Хоменко, Микола Горбань // *Україна модерна*. 2009. Т.14. Марксизм на сході Європи. С.63–77.

[400] Хмельницкий, Богдан Зиновий Михайлович // *Большая Советская Энциклопедия*. М., 1935. Т. 59. С. 816–818.

[401] Записка А. Жданова и В. Яковлева И. Сталину. 20 августа 1937 г. // Историю – в школу: создание первых советских учебников. С. 264; см. также: Правда. 1937, 22 августа.

[402] *Корнейчук А.* Богдан Хмельницкий // *Корнейчук А.* Собрание сочинений. Т. 1. Л., 1976. С. 323.

[403] См.: *Токарев В.* Возвращение на пьедестал: исторический комментарий к фильму «Богдан Хмельницкий» (1941) // Історіографічні дослідження в Україні: Зб. наук. пр. Вип. 18. Київ, 2008. С. 427–455.

[404] *Мирский Д.* О советской поэзии // Известия 1936, 28 января.

[405] Слава русского народа // Правда. 1937, 10 февраля.

[406] Там же.

[407] Шевченковские дни по стране // Правда. 1939, 7 марта; Шевченковские юбилейные торжества // Известия. 1939, 5 марта; Шевченковские юбилейные торжества // Известия. 1939, 6 марта. См. также: Формування комеморативного канону Тараса Шевченка в Україні [электронный ресурс] // http://www.memory.gov.ua:8080/ua/publication/content/1655.htm Время доступа: 01.03.2014.

[408] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 170–171.

[409] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4674. Л. 54.

[410] Постанова ЦК КП(б)У про ліквідацію та реорганізацію національних районів і сільрад. 5 березня 1939 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 260.

[411] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 173.

[412] *Рафальський О.О.* Національні меншини України у XX столітті. Історіографічний нарис. С.164.

[413] Постановление Оргбюро ЦК КП(б)У о состоянии партийной и комсомольской работы и культурного обслуживания в районах и селах с немецким и польским населением // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 203.

[414] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 44.

[415] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 7089. Л. 4.

[416] Там же. Л. 13

[417] Там же. Л. 14.

[418] Там же. Л. 29.

[419] Там же. Л. 31.

[420] Там же.

[421] Там же. Л. 33–35.

[422] Там же. Л. 36.

[423] *Блитстейн П.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953. // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 311.

[424] Там же.

[425] 3-я сессия ЦИК СССР 5 созыва. Стенографический отчет. М., 1931. Бюллетень 7. С. 18–19.

[426] *Блитстейн П.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953. С. 311–312.

[427] Записка А. Бубнова И. Сталину. 28 апреля 1934 г. // Историю – в школу: создание первых советских учебников. С. 44.

[428] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 163.

[429] *Михайлов Э.* О школьниках и педагогих // Известия 1936, 27 января.

[430] Записка зав. отделом партпропаганды и агитации ЦК ВКП(б) АИ. Стецкого в Оргбюро ЦК ВКП(б) об изменении учебных планов и сроков обучения в республиканских и областных школах пропагандистов в связи с низним уровнем образования слушателей. Не позднее 5 мая 1936 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933-1945. С. 181.

[431] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 174.

[432] Из стенограммы выступления Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) о преподавании русского языка в школах 12 октября 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 298.

[433] Там же. С. 299.

[434] Там же.

[435] Записка членов Комиссии советского контроля при СНК СССР секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и А.А. Жданову о состоянии дел в Наркопросе РСФСР по организации обучения в национальных школах и изданию учебников. Не позднее 25 октября 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 303.

[436] Докладная записка заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлиса секретарям ЦК ВКП(б) Сталину, Л.М. Кагановичу, А.А. Андрееву, А.А. Жданову и Н.И. Ежову «О русских газетах на Украине» 30 октября 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 306.

[437] Там же. С. 307.

[438] Там же.

[439] *Єфіменко Г.* Національна політика ЦК ВКП(б) у засобах масової інформації УРСР (1932–1938) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Київ, 2000. №5. С. 192.

[440] Докладная записка заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлиса секретарям ЦК ВКП(б) Сталину, Л.М. Кагановичу, А.А. Андрееву, А.А. Жданову и Н.И. Ежову «О русских газетах на Украине» 30 октября 1937 г. С. 307.

[441] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». 17 декабря 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 314.

[442] Постановление Политбюро ЦК КП(б)У «О реорганизации национальных районов и сельсоветов УССР в обычные районы и сельсоветы». 16 февраля 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 378–379.

[443] *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. С. 130.

[444] Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах». 24 января 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 342; *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. С. 130.

[445] *Якубова Л.* Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і – перша половина 30-х рр. XX с. С. 417.

[446] Там же. С. 418.

[447] Гнилая позиция Наркомпроса Башкирии // Правда. 1938, 20 марта.

[448] *Лильченко Т* Русский язык в школах Украины // Правда. 1938, 26 марта.

[449] Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА». 7 марта 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 382–383.

[450] Докладная записка наркома просвещения РСФСР П.А. Тюркина в Оргбюро ЦК ВКП(б) о состоянии преподавания русского языка в национальных школах. Не позднее 2 января 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 322–323.

[451] Там же. С. 325.

[452] Докладная записка наркома просвещения РСФСР П.Я. Тюркина секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и А.А. Жданову об итогах совещания по вопросам преподавания русского языка в национальных школах союзных республик. 2 февраля 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 347.

[453] Там же. С. 348.

[454] Там же. С. 349–350.

[455] *Блитстейн П.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953. С. 315–316.

[456] Стенограмма заседания комиссии ЦК ВКП(б) о преподавании русского языка в национальных школах. 8 марта 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 384.

[457] *Блитстейн П.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953. С. 316

[458] Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». 13 марта 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 391–392.

[459] Докладная записка наркома просвещения Тюрина П.А. секретарям ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, А.А. Андрееву, А.А. Жданову. 9 июля 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 408–409.

[460] Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О ходе проведения решения ЦК и СНК СССР по преподаванию русского языка в нерусских школах». 19 июля 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 419.

[461] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 163

[462] *Шевченко С.М.* Організація навчального процесу у школах національних меншин у УРСР (кінець 30-х – 40-і рр. ХХ ст.) // Новое в науке: материалы ХХХ Международной научно-практической конференции по философским, филологическим, юридическим, педагогическим, экономическим, психологическим, социологическим и политическим наукам (Украина, г. Горловка, 21–22 февраля 2013 г.). Горловка, 2013. С. 76.

[463] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 163

[464] *Шевченко С.М.* Організація навчального процесу у школах національних меншин у УРСР (кінець 30-х – 40-і рр. ХХ ст.). С. 77–78.

[465] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 164

[466] Довідка наркомату освіти України про національні школи в Україні. Березень 1938 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 252.

[467] Там же. С. 252–253.

[468] Там же. С. 253.

[469] Постанова ЦК КП(б)У про реорганізацію національних шкіл в Україні // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 256.

[470] З Постанови Радднаркому УРСР і ЦК КП(б)У «Про обов'язкове вивчення російської мови в неросіййських школах України». 20 квітня 1938 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. С. 257–258.

[471] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). С. 194.

[472] Там же. С. 107, 177.

[473] Закон о всеобщей воинской обязанности // Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 32.

[474] *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. С. 135.

[475] *Мельтюхов М.И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2009. С. 337–338.

[476] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* «Золотой сентябрь» тридцать девятого. Красная армия и местное население на Западной Украине // Родина. 2009. № 8. С. 34–38; *Борисенок Е.Ю.* Общественно-политические преобразования на Западной Украине. 1939–1941 гг. // Славяноведение. 2009. № 3. С. 15–26; *Борисенок Е.Ю.* Кадровая политика большевиков в западных областях Украины в 1939–1941 гг. // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб., 2011. С. 177–198.

[477] Из приказа НКВД СССР № 001064 об оперативных мероприятиях в связи с проводимыми учебными сборами. 8 сентября 1939 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. М., 1995. С. 70–73.

[478] Из директивы НКВД СССР народным комиссариатам внутренних дел УССР и БССР об организации работы в освобожденных районах западных областей Украины и Белоруссии. 15 сентября 1939 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. М., 1995. С. 79.

[479] Статья была без подписи. Однако известно, что авторство ее принадлежит А.А. Жданову.

[480] О внутренних причинах военного поражения Польши // Правда. 1939, 14 сентября. В духе правдинской передовицы были выдержаны и директивные документы различных подразделений Красной Армии. См.: 1939 г., сентября 14, Москва. – Директива №

16634 К.Е. Ворошилова и Б.М. Шапошникова военному совету Киевского особого военного округа о начале наступления против Польши // Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1997. С. 64.

[481] См. *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 74–75.

[482] Нота правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сдентября 1939 года // Правда. 1939, 18 сентября; см. также Речь по радио председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Молотова 17 сентября 1939 г. // Правда. 1939, 18 сентября.

[483] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4671. Л. 46.

[484] Яснопольский Л.Н. (1873–1957) – экономист, академик АН УССР.

[485] *Вернадский В.И.* Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992 № 11-12. С. 31.

[486] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35084. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

[487] *Литвин М.Р., Луцький О. І., Науменко К.Є.* 1939. Західні землі України. Львів, 1999. С. 97.

[488] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3792. Л. 354.

[489] РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 60. Л. 2.

[490] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 392.

[491] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3792. Л. 120.

[492] РГВА Ф. 9. Оп. 36. Д. 337. Л 333.

[493] Там же.

[494] Там же.

[495] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки XX ст. Київ, 1994. С. 186.

[496] *Репко С.И.* Организация пропагандистской деятельности Красной Армии в период боевых действий осенью 1939 года // Журналистика. История и современность. Сб. науч. Трудов. М., 1993. С. 50.

[497] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 7439. Л. 22.

[498] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 42.

[499] *Литвин М.Р., Луцький О. І., Науменко К.Є.* 1939. Західні землі України. С. 125.

[500] Сообщение Комитета по организации выборов в Народное Собрание Западной Украины о результатах голосования. 1939 г., октябрь 25. // Воссоединение украинского

народа в едином украинском советском государстве (1939–1949 гг.). Сб. док. и матер. Киев, 1949. С. 43.

[501] *Кондратюк К.* Політичні, соціально-економічні та духовні аспекти «радянизації» західних областей України у 1939–1941 роках // 1939 рік в історичній долі України і українців. Матеріали Міжнародної наукової конференції 23–24 вереня 1999 р. Львів, 2001. С. 22.

[502] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 408.

[503] РГВА Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 69.

[504] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 408.

[505] РГВА Ф. 9. Оп. 36. Д. 3588. Л. 337.

[506] РГВА Ф. 9. Оп. 36. Д. 3592. Л. 214.

[507] РГВА Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 27.

[508] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 513. Л. 162.

[509] Декларация Народного Собрания Западной Украины о государственной власти в Западной Украине // Соціалістичні перетворення в західних областях Української РСР. 1939–1979. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1980. С. 29–30.

[510] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 30. Л. 1.

[511] Там же. Л. 36.

[512] Сообщение Комитета по организации выборов в Верховный Совет СССР и Верховный Совет УССР от западных областей Украины. 1940 г., март 24. // Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве. С. 106–109.

[513] Сообщение ТАСС о мирном разрешении советско-румынского конфликта по вопросу о Бессарабии и северной части Буковины. 1940 г., июнь 28. // Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве. С. 113.

[514] О международном аспекте вопроса о Бессарабии и Буковине подробнее см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С. 353.

[515] *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. С. 109.

[516] Постановление Политбюро ЦК КП(б)У об образовании Львовской, Дрогобычской, Волынской, Станиславовской, Тарнопольской, Ровенской областей в составе УССР. 27 ноября 1939 г. // Политическое руководство Украины. 1938–1989. М., 2006. С. 62–64.

[517] Там же. С. 64.

[518] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 513. Л. 197.

[519] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 516. Л. 116.

[520] *Кондратюк К.* Політичні, соціально-економічні та духовні аспекти «радянизації» західних областей України у 1939–1941 рр. С. 23.

[521] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3271. Л. 34.

[522] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3470. Л. 54

[523] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3190. Л. 22-23.

[524] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3108. Л. 38.

[525] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3472. Л. 35. Здесь и далее сохранен стиль документа.

[526] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3573. Л. 79.

[527] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3108. Л. 25, Д. 3379. Л. 67; Д. 3422. Л. 22; Д. 3190. Л. 29, 36.

[528] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2962. Л. 61об. Например, в Станиславской области в 1940 г. были исключены из партии 25 человек, за три с половиной месяца 1941 г. – также 25 человек, за нарушение партийной и государственной дисциплины наложено 104 партийных взыскания и 27 человек сняты с работы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3425. Л. 192а.)

[529] Например, в Дрогобычской области директор нефтеперерабатывающего треста Охрименко принял на руководящие должности 170 бывших собственников скважин. См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3108. Л. 40.

[530] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3021. Л.39.

[531] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д.3108. Л. 30.

[532] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3271. Л. 73.

[533] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3379. Л. 59.

[534] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3422. Л. 25.

[535] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3470. Л. 61.

[536] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3564. Л. 39–40.

[537] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3190. Л. 34.

[538] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3271. Л. 39.

[539] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3422. Л. 118.

[540] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2962. Л. 63.

[541] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3470. Л. 61–62; Д. 3271. Л. 31.

[542] Эта цифра называется и В. Чередниченко (*Чередниченко В.П.* Анатомия предательства: Украинский буржуазный национализм – орудие антисоветской политики империализма. Киев, 1983. С. 81–82), и О. Субтельным (*Субтельний О.* Україна:

історія. Київ, 1991. С. 393), а вслед за ними и современными украинскими авторами (См.: *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки XX ст. С. 188).

[543] *Ведєнєєв Д.В.* Розвідувальна діяльність підпілля організації українських націоналістів у Західній Україні в 1939–1941-х роах // Наукові записки Інститута політичних і етнонаціональних досліджень. Вип. 28. Київ, 2005. С. 190-191. См. также: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2-х т. Т. 1: 1939–1943. М., 2012.

[544] *Бугай Н.Ф.* Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 71.

[545] Впрочем, уже 30 сентября был проведен обыск в «помещении К.Левицкого» (каком – не ясно). См. *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20–50-ті роки XX ст. С. 188.

[546] З привітання працівників наукового товариства ім. Шевченка у Львові Народним Зборам Західної України. 26 жовтня 1939 р. // Радянський Львів. 1939–1955. Документи й матеріали. Львів, 1956. С. 58.

[547] Очерк был опубликован в «Правде» 22 октября 1939 г. Цит. по: *Павленко П.А.* Собр. соч. в 6 т. Т. 5. Очерки 1930–1951. М., 1955. С. 187.

[548] Обращение ЦК КП(б)У ко всем избирателям, рабочим, работницам, крестьянам, крестьянкам, служащим и интеллигенции западных областей УССР. 1940 г., март 20 // Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве. С. 102.

[549] Там же.

[550] Там же.

[551] Там же. С. 102–103.

[552] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки XX ст. С. 205.

[553] Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про заходи щодо організації культурно-освітнього життя у Львові після встановлення радянської влади. 8 серпня 1940 р. // Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. 1: 1939–1953. Київ, 1995. С. 101.

[554] Повідомлення про видання підручників для шкіл Західної України. 24 жовтря 1939 р. // Радянський Львів. 1939–1955. С. 133–134.

[555] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 30. Л. 110.

[556] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 43. Л. 41, 42.

[557] Там же. Лл. 97–98.

[558] Доповідна записка Наркомату освіти УРСР ЦК КП(б)У і Раднаркому УРСР про систему шкіл в Західній Україні. 30 вересня 1939 р. // Культурнее життя в Україні. Західні землі. Документи і матеріали. Том 1: 1939–1953. С. 53–55.

[559] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2962. Л. 59–59об.

[560] Доповідна записка Наркомату освіти УРСР ЦК КП(б)У і Раднаркому УРСР про систему шкіл в Західній Україні. 30 вересня 1939 р. // Культурне життя в Україні. Західні землі. Документи і матеріали. Том 1: 1939–1953. С. 52.

[561] Там же.

[562] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3588. Л. Лл. 113–114.

[563] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 77.

[564] *Ковалюк В.Р.* Культурологічні та духовні аспекти «радянизації» Західної України (вересень 1939 р. – червень 1941 р.) // Український історичний журнал. 1993. № 2–3. С. 4.

[565] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3021. Л.28.

[566] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д.3108. Л. 39.

[567] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3379. Л. 49–50.

[568] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3470. Л. 93.

[569] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3190. Л. 21.

[570] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3271. Л. 66.

[571] Там же.

[572] Постанова ЦК КП(б)У про викладання мов у національних школах УРСР // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. В 2-х част. Ч. 2. Київ, 1997. С. 286–287.

[573] *Марусик Т.В.* західноукраїнська гуманітарна інтелігенція: реалії життя та діяльності (40–50-ті роки XX ст.). Чернівці, 2002. С. 36.

[574] Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про заходи щодо організації культурно-освітнього життя у Львові після встановлення радянської влади. 8 серпня 1940 р. // Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. 1: 1939–1953. С. 101.

[575] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3472. Л. 19.

[576] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3271. Л. 83.

[577] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3422. Л. 35–37.

[578] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 7439. Л. 4.

[579] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки XX ст. С.198–201.

[580] 2 січня 1940 р. Постанова РНК УРСР «Про організацію наукових установ в західних обл. УРСР» // Радянський Львів. 1939–1955. С. 144.

[581] См.: Радянський Львів. 1939–1955. С. 145, 151, 152, 153, 158.

[582] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки XX ст. С.197.

[583] Кстати, ректором Львовского университета Марченко был утвержден уже 16 октября 1939 г. Соответствующая запись имеется в протоколе заседания Политбюро ЦК КП(б)У. До своего назначения Марченко работал в Институте истории АН УССР. См. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 513. Л. 149.

[584] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки XX ст. С.194-196.

[585] З постанови РНК УРСР про організацію театрів, музичних колективів, філармоній, Будінків народній творчості і театральнол-музичних закладів у Львівскій, Дрогобицькій, Волинській, Ровенській, Станіславській і Тернопільскій обл. 19 грудня 1939 р. // Радянський Львів. 1939–1955. С. 142–143.

[586] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-ті роки XX ст. С. 192.

[587] З доповіді народного комісара фінансів УРСР М.А. Курача на IV сесії Верховної Ради УРСР про фінансування народного господарства Західних областей Української РСР. 25 травня 1940 р. // Соціалістичні перетворення в західних областях Української РСР. 1939–1979. Збірник документів і матеріалів. С. 64–65.

[588] *Марусик Т.В.* Західноукраїнська гуманітарна інтелігенція: реалії життя та діяльності (40–50-ті роки XX ст.). С. 39–40.

[589] Постанова Раднаркому УРСР «Про організацію музеїв і бібліотек у Західних областях України». 8 травня 1940 р. // Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. 1: 1939–1953. С. 94–97.

[590] Там же.

[591] Постановление Политбюро ЦК КП(б)У об организации фонда помощи интеллигенции Западной Украины. 20 декабря 1939 г. // Политическое руководство Украины. 1938–1989. С. 68–69.

[592] *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 411.

[593] Там же. С. 412.

[594] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3588. Л. 447 об.

[595] Там же. Л. 447 об.

[596] *Ковалюк В.Р.* Культурологічні та духовні аспекти «радянизації» Західної України (вересень 1939 р. – червень 1941 р.). С. 5.

[597] Постанова Політбюро ЦК ВКП(б) про заходи щодо організації культурно-освітнього життя у Львові після встановлення радянської влади. 8 серпня 1940 р. // Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. 1: 1939–1953. С. 101.

[598] Там же.

[599] *Токарев В.А.* «Кара́ панам! Кара́!»: польская тема в предвоенном кино (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 2003 № 6. С. 47, 54.

[600] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3792. Л. 221.

[601] РГВА. Ф. 9. Оп. 36 Д. 3370. Л 339.

[602] Там же. Л. 371.

[603] РГВА. Ф. 9 Оп. 36. Д. 3588. Л. Л. 37.

[604] Там же. Л. 77.

[605] РГВА Ф. 9 Оп. 36. Д. 3589. Л. 150.

[606] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3587. Л. 191.

[607] РГВА. Ф. 9 Оп. 36. Д. 3589. Л. 223.

[608] Там же. Л. 264.

[609] РГВА. Ф. 9. Оп. 36 Д. 3370. Л. 336.

[610] *Лисенко О.Є., Гриневич В.А.* Анексія та інкорпорація Західної України Радянським Союзом 1939–1941 рр.: етнополітичний аспект // Україна і Росія в історичній ретроспективі. Т. 2: Радянський проект для України. Київ, 2004. С. 147.

[611] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 7439. Л. 15.

[612] *Рубльов О.С., Черченко Ю.А.* Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20–50-ті роки XX ст. С. 189–192.

[613] Постановление Политбюро ЦК КП(б)У о неправильных действиях Коломыйского, Стрыйского и Станиславского временных управлений по отношению к вддерующим гражданам. 19 декабря 1939 г. // Политическое руководство Украины. 1938–1989. С. 67.

[614] Там же.

[615] Там же.

[616] Там же. С. 68.

[617] *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. С. 101.

[618] Постановление Политбюро ЦК КП(б)У о незаконных действиях органов советской власти во Львове // Политическое руководство Украины. 1938–1989. С. 71.

[619] Там же. С. 72.

[620] Там же. С. 73.

[621] Постановление Политбюро ЦК КП(б)У о фактах неправильного отношения к бывшим членам коммунистической партии Польши. 2 ноября 1940 г. // Политическое руководство Украины. 1938–1989. С. 74.

[622] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 627.

Заключение

Проведенный в диссертации анализ политики украинизации в межвоенный период позволил решить поставленные исследовательские задачи и сделать следующие выводы о ее роли в преобразовании этнокультурной и этносоциальной ситуации в государствах восточноевропейского региона.

Межвоенный период был особой эпохой в жизни Восточной Европы. Распад Российской и Австро-Венгерской империй привел к смене ориентиров государственного устройства, образованию государств по национальному принципу, возникновению проблемы статуса этнических меньшинств. Особого внимания заслуживает ситуация на территориях с украинским населением, которые по своему геополитическому положению входили в государственные системы с различными приоритетами в области национальной политики.

К 1918 году культурно-языковая и этносоциальная ситуация на украинских землях была достаточно сложной: украинский язык и культура занимали прочные позиции только среди низших социальных слоев населения, в основном в сельской местности. С началом революционных событий и активизацией национальных движений в условиях острого системного кризиса встал вопрос о повышении статуса украинской этничности в постимперском пространстве, т.е. о так называемой украинизации, под которой подразумевалось особое направление национального строительства на землях с украинским населением. Суть ее заключалась в распространении украинского языка на все сферы жизни общества и ротации правящей элиты за счет повышения позиции украинцев в социальной и национальной иерархии. Повышенное внимание к украинизации со стороны различных правительственных структур и широкой общественности было не случайным и обуславливалось

настоятельной необходимостью определить свое отношение к украинскому национальному движению.

Следует отметить, что к началу XX века население юго-западной части Российской империи обычно называли «малороссами», а восточнославянское население в Австро-Венгрии официально именовалось «русинами» или «рутенами», хотя для самоназвания употреблялись и другие этнонимы. И в Российской империи, и в Австро-Венгрии национальные движения на землях с украинским населением ориентировались или на позиционировании своей общности с русским народом, или на подчеркивании самостоятельности украинской нации. При этом лидеры украинского национального движения своими политическими конкурентами считали сторонников других концепций: «большой русской нации» в Российской империи, польской идеи в Восточной Галиции или румынского политического проекта в Буковине.

В условиях мировой войны и революции «украинская идея», противопоставлявшая «украинскость» «русскости», «русофильству», «польскости» или «румынскости», постепенно приобретала все больше сторонников. Рост социально-политической активности в распадающихся империях сопровождался повышением роли этнонационального фактора.

После распада Российской империи и Австро-Венгрии лидеры украинского национального движения инициировали формирование украинских государств в Восточной Европе – Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной Республики. Держава гетмана П.П. Скоропадского, созданная при прямом вмешательстве Германии и Австро-Венгрии после заключения правительством УНР мирного договора со странами Четверного союза, также именовалась украинской. Накануне Второй мировой войны, когда перекраивались границы европейских государств, была предпринята попытка формирования украинского государства в карпатском регионе. Для сторонников украинского

движения Подкарпатская Русь, получившая в 1938 г. автономию в рамках Чехо-Словацкой Республики, стала площадкой для воплощения их национальных устремлений и создания Карпатской Украины.

Для украинских политиков национальный язык являлся символом суверенизационного процесса, и внедрению украинского языка в общественную и культурную жизнь придавалось особое значение. Правительства вышеперечисленных формирующихся государств были настроены на проведение коренных преобразований социокультурной сферы. По их замыслам, государственные и общественные структуры, культурные и образовательные учреждения, армия должны были стать украинскими, т.е. должна быть проведена их украинизация. На практике украинизация применялась в основном в научно-образовательной и культурной сферах (введение обучения на украинском языке в учебных заведениях, создание украинской Академии Наук, издание периодики на украинском языке и т.п.). Политика украинизации, осуществлявшаяся национальными правительствами, должна была сузить коммуникативную сферу господствовавших ранее языков и изменить состав бывших элитных слоев общества. Поэтому курс на украинизацию, взятый властями УНР и Украинской Державы, вызывал неприятие в русских кругах, действия правительства ЗУНР натолкнулись на сопротивление польской общественности, а политика Карпатской Украины негативно воспринималась русофильскими кругами.

Недолговечность существования формирующихся государств не позволила провести начатые преобразования в полном объеме и украинизация не смогла принять законченную форму. После распада империй власть на территориях с украинским населением постоянно менялась. Например, по известному выражению М.А. Булгакова («Киев-город», 1923), «по счету киевлян, у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что

их было 14, причем 10 из них я лично пережил»[1]. Счет велся от февраля 1917 г. до июня 1920 г., когда Красная Армия вошла в Киев в результате наступления на армию Польши и УНР.

Во многом это было обусловлено тем, что «украинский вопрос» оказался в центре внимания различных политических сил. Сложный состав населения Восточной Галиции, Буковины, юго-западных земель Российской империи, наличие там сторонников различных политических и национальных проектов, обусловили ожесточенную борьбу за установление власти над этими территориями. Так, польские лидеры стремились создать из независимой Украины барьер между Польшей и Россией, на что очень надеялся «начальник государства» Юзеф Пилсудский.

Однако Варшава отнюдь не была сторонником «соборного» украинского государства, ориентируясь на включение в состав возрождающейся Польши земель с восточнославянским населением. Если польские лидеры боролись за включение Восточной Галиции в состав польского государства, то румынские политики претендовали на Буковину: сторонники идеи «Большой Румынии» рассматривали вопрос о присоединение значительного количества смежных земель за счет внешнеполитических маневров еще до начала Первой мировой войны. Не сразу, но довольно активно стали проявлять внимание к карпатским землям чешские политические деятели, заявившие в 1918 году о своих намерениях включить эту территорию в состав Чехословацкого государства.

Между тем, в своих интересах «украинскую идею» использовали большевики для разрушения Российской империи. Советское руководство, учитывая стремление к независимости, проявленное деятелями украинского национального движения, а также опасаясь возможных действий польских властей по «собиранию» украинских земель, решило

взять инициативу в «украинском вопросе» в свои руки, в результате чего было создано украинское советское государство.

Украинская ССР должна была стать образцовой республикой, создавая притягательный образ для национально ориентированных этнических украинцев, проживавших за пределами УССР и с большим вниманием следивших за событиями, происходившими на Большой Украине. Для многих из них к середине 1920-х годов стало очевидно, что созданная большевиками Украинская ССР была единственным украинским государственным образованием и могла сыграть в будущем важную роль в судьбе украинского народа.

В результате активных военных действий на пространстве Восточной Европы земли с украинским населением оказались за пределами УССР – в составе Польши, Чехословакии и Румынии. При этом постверсальская Европа столкнулась с проблемой сочетаемости интересов национального государства как целостного организма и интересов национальных меньшинств и национальных движений.

Польша, Чехословакия, Румыния и Украинская ССР продемонстрировали различные варианты решения «украинского вопроса». Украинское национальное движение нередко воспринималось как враждебное интеграционным усилиям правительств в странах с полиэтническим составом населения.

Так, польские власти демонстрировали жесткий курс в отношении тех украинцев, чьи политические идеалы были отличными от идеалов польскости. Сепаратистски настроенные украинские деятели подвергались не только осуждению в польском обществе, но и репрессиям. В то же время польские власти демонстрировали готовность сотрудничать с теми организациями и отдельными деятелями, кто был настроен на польско-украинский диалог. На польско-украинское сотрудничество в рамках польской государственности после 1928 г. была нацелена политика

волынского воеводы Г. Юзевского. «Волынский эксперимент» был рассчитан, с одной стороны, на укрепление пропольских настроений среди украинского населения, и с другой – на создание положительного отношения к украинцам среди польских жителей Волыни. В то же время, предпринимаемые воеводой меры – украинизация православной церкви, создание национально-смешанных общественных организаций, преподавание украинского языка в польских школах, наконец, образование проправительственной партии – Волынского украинского объединения – должны были не только создать благоприятный климат на Волыни, но и противодействовать влиянию извне. Юзевский прилагал немалые усилия для ликвидации воздействия на волынское население со стороны активно действовавшего в Восточной Галиции украинского движения, для чего были ликвидированы украинские организации, центр которых располагался во Львове, и создана так называемая «сокальская граница» между Галицией и Волынью. Действия Юзевского были также направлены на ограничение просоветских настроений, путем противопоставления советской украинизации собственного варианта польско-украинского урегулирования, но без предоставления Волыни статуса национально-культурной автономии. Безусловно, отдельные элементы украинизации в политике волынского воеводы наличествовали, однако они не приняли какого-либо целостного характера. Впрочем, «волынский эксперимент» не достиг и поставленной цели. Он далеко не всегда положительно оценивался как деятелями украинского движения, так и польским населением и армией.

Власти Чехословацкой Республики действовали более мягко, что было обусловлено тем, что среди восточнославянского населения Подкарпатской Руси наличествовали различные варианты национальной идентичности. По сравнению с соседней Восточной Галицией, украинский вариант идентичности и, соответственно, украинское движение, получило

здесь меньшее распространение. Чехословацкое правительство, хотя и демонстрировало временами благосклонное отношение к украинскому движению, политики украинизации на территории Подкарпатской Руси не проводило. Жестко действовали власти Румынии: их курс был нацелен на ассимиляцию нерумынского населения при признании минимальной программы сотрудничества с лидерами украинского движения.

Как целостная комплексная политика, украинизация была проведена только на территории Украинской ССР, где она являлась региональной формой коренизации – важнейшей составляющей этнонациональной политики большевиков, ориентированной на укрепление советской власти в республиках путем воздействия на протекавшие там социальные и культурные процессы.

Признав неизбежность самостоятельного существования Украины и провозгласив ее социалистической советской республикой, большевистское руководство приступило к реализации украинского советского проекта. Оно стремилось воздействовать на социальные и культурные процессы, добиваясь интеграции советского общества посредством языковой политики, институтов образования и воспитания, контроля над средствами массовой коммуникации. Украинизация была политикой многоплановой. Ее культурный аспект был самым очевидным, но далеко не единственным: помимо него, важным был также социально-экономический уровень.

Коренизация проводилась в общем контексте строительства социалистических наций, что подразумевало их «территориализацию» (если воспользоваться термином Р. Кайзера[2]), экономическое, социальное и культурное развитие. Пример Украины в этом плане весьма характерен. Прежде всего, большевики определили ее территориально, стремясь максимально (насколько позволяли интересы союзного государства) подогнать границы республики к этническим.

Советская власть фактически осуществила давнюю мечту о соборной Украине (правда, большевики не разделяли самые радикальные украинские притязания), украинские земли были объединены в едином государственном пространстве. Советское руководство включило в границы УССР земли, ранее входившие в 9 бывших губерний Российской империи (Киевскую, Херсонскую, Подольскую, Волынскую, Харьковскую, Полтавскую, Черниговскую, Екатеринославскую и Таврическую).

В 1924–1926 гг. было проведено территориальное урегулирование, были пересмотрены границы между РСФСР, УССР и БССР. Такое урегулирование должно было, с точки зрения советского руководства, максимально подогнать очерченную в 1919–1921 гг. УССР к национально-этническим границам. И, наконец, к Советской Украине были присоединены западноукраинские земли: сначала, в 1939 г., территория Восточной Галиции и Западной Волыни, а в 1940 г. – Северная Буковина и Бессарабия. Как верно заметил Терри Мартин, в результате большевистской политики возникла взаимосвязь «между этнической идентичностью и административным контролем над территорией»[3]. Иными словами, в народе укреплялось «представление о национальной территории как о своей собственной»[4], т.е. принадлежащей «титульной нации». Таким образом, украинцы стали обладателями государственного образования, носящего их имя, а представители других этносов, проживавших в УССР, оказались в роли национальных меньшинств.

Национальное по форме государственное образование должно было получить соответствующее содержание, и большевики приступили к реконструкции общественной жизни в УССР. Украинизация была направлена не только на поддержку украинского языка и культуры, но и развитие социальной структуры украинского общества путем создания приоритетных возможностей для профессионального и карьерного роста

представителям «коренной» национальности, что привело к большим изменениям.

Если конкретизировать основные направления украинизации, то следует выделить следующие:

– изменение статуса украинского языка, создание условий для его развития, в том числе и путем организации активной работы лингвистов;

– создание условий для овладения основной частью населения УССР письменным украинским языком (ликвидация неграмотности на украинском языке), введение украинского языка в средние и высшие учебные заведения;

– перевод на украинский язык периодических изданий, издание книг на украинском языке;

– развитие украинской культуры путем поддержки украинского театрального искусства, изобразительного, литературы и т.п.;

– введение украинского языка в официальную сферу (перевод делопроизводства и работы учреждений на украинский язык);

– создание преимуществ для украинцев при принятии на работу на ответственные посты в советские учреждения;

– привлечение украинцев в партию: по мнению большевиков, ведущая политическая сила страны – большевистская партия – также должна была опираться на представителей «коренной национальности»;

– создание украинской советской интеллигенции, и технической, и творческой, путем увеличение численности украинцев среди студентов.

– наконец, были предприняты шаги по строительству социалистической экономики, увенчавшиеся индустриализацией и коллективизацией.

Таким образом, несмотря на то, что цели, которые преследовали правящие круги того или иного государства, различались, украинизация как политика в области межнациональных отношений имела общую для

всех форму. Так, идеалы деятелей украинского движения были связаны с созданием национальной государственности, а для советского украинского руководства первостепенное значение имели социальные преобразования. Иными словами, различия касались концепции украинизации: для лидеров, например, Центральной Рады и Директории, украинизация была, прежде всего, средством построения национального государства, а для украинских большевиков она носила вспомогательный характер, средством социального переустройства мира.

Тем не менее, украинизация, осуществлявшаяся правительствами формирующихся государств – УНР, ЗУНР, Украинской Державы, Карпатской Украины, с одной стороны, и УССР, с другой, обладали общими чертами: это поддержка украинской культуры и внедрение языка в официально-деловую и научную сферу, опора на украинцев в кадровой политике. Кроме того, и в первом, и во втором случае речь шла об официальном закреплении за нацией определенной территории, т.е. об определении государственных границ Украины. Административный нажим тоже являлся неотъемлемой чертой украинизации, где бы она не проводилась, его объем определялся лишь планами и намерениями властей. Кроме того, украинизация неизбежно вызывала неприятие неукраинских кругов населения, что было естественно в полиэтническом обществе.

Конечно, в УССР, наряду с расширением сферы применения украинского языка, продолжал занимать определенные позиции и русский язык как язык межнационального общения в едином государстве. Однако различия в проведении украинизации национальными правительствами и руководством Советской Украины касались не столько языковой, сколько кадровой сферы. Власти УССР предпринимали немалые усилия для воспитания и продвижения украинских советских кадров, и эта политика принесла немалые успехи. Между тем, формирующиеся национальные

правительства не смогли предпринять соответствующие меры в рамках украинизации из-за недостатка времени: после объявления независимости УНР ее правительство скоро было свергнуто, Директория также не могла проводить сколько-нибудь эффективную политику в военных условиях, как и правительство Карпатской Украины. Лишь гетман П.П. Скоропадский обладал передышкой в несколько месяцев, чем и не преминул воспользоваться, но без существенных результатов.

Волынская политика Г. Юзевского проводилась с благословения Ю. Пилсудского и лишь в качестве эксперимента, в ограниченных условиях и начиная с 1928 года. Хотя отдельные украинизационные черты она имела, однако в полной степени украинизацией она не была: какой-либо «территориализации» украинской нации проведено не было, да и существенного изменения положения украинцев в социальной иерархии не произошло из-за сопротивления противников эксперимента в самом санационном лагере сторонников Ю. Пилсудского.

Советская украинизация проходила в других условиях: устойчивое положение власти позволило руководству Украинской ССР провести необходимые преобразования в запланированном объеме и с приоритетным финансированием.

Выработка концепции советской украинизации происходила на фоне ожесточенных дискуссий о роли национальной культуры в социалистическом строительстве. Большевистское руководство осуществляло свою политику в условиях двойственной социокультурной ситуации, обусловленной украинским обликом села и русским городом. Большевики должны были решить важный вопрос о соотношении русской и украинской культуры: как и в каком объеме должна поддерживаться украинская культура, главным носителем которой, как подчеркивали большевики, являлось крестьянство. Официальная поддержка украинского языка и культуры потребовала соответствующего осмысления и оценки

перспектив развития русской культуры. Одним из примеров такого осмысления является теория «борьбы двух культур» второго секретаря ЦК КП(б)У Д.З. Лебедя, осужденной впоследствии XII съездом партии.

Курс на коренизацию был провозглашен XII съездом РКП(б) в 1923 г. и составлял важнейшую часть национальной политики большевиков на протяжении почти двух десятилетий. В украинской историографии в качестве конечной даты украинизации называют 1938 год, когда вышло постановление об изучении русского языка во всех школах Украины. Однако следует признать, что официально украинизация не была отменена, а указанное постановление стало не конечной точкой украинизации вообще, а конечным пунктом корректировки коренизационного курса большевиков в довоенные годы. На протяжении 1930-х годов сталинское руководство предпринимало немалые усилия для укрепления единства организованного по национальному принципу федеративного государства, и укрепление позиций русского языка в национальных республиках являлось выражением именно таких намерений. Тем не менее, принципы украинизационной политики продолжали действовать и в коммуникативной сфере (украинский язык сохранял свои позиции в официальном общении, образовании, культуре), и особенно в кадровой политике (продолжалась протекционистская политика в отношении представителей «коренной национальности»). Кроме того, в 1939–1941 гг. принципы советской национальной политики были распространены на присоединенные к УССР земли: интегрирование западноукраинских областей в состав советской республики проходило на основе советанизации и украинизации общественной и культурной жизни региона.

Объем проведения в жизнь политики украинизации во многом зависел от настроения республиканского руководства, его готовности к выполнению принятых XII съездом решений. С другой стороны,

сталинское руководство намеревалось использовать такое направление украинизации, как подготовка национальных кадров, для расширения своего влияния на украинскую партийную организацию и укрепление своих позиций в советском руководстве УССР.

Процесс украинизации можно подразделить на несколько этапов, рубежами между которыми выступают 1925 и 1932 годы: период формальной украинизации (1923–1925), период активного проведения украинизации (1925–1932) и период корректировки украинизационного курса (1932–1941).

Вначале украинизация проводилась неспешно: партийное руководство УССР в 1923–1924 гг. предпочитало осторожный подход и «естественный ход событий», а глава украинских коммунистов Э.И. Квиринг больше уделял внимания внутрипартийной борьбе в Москве, чем украинизации. Этот период нередко называют «украинизацией по декрету», «украинизацией на бумаге»: все необходимые для проведения украинизации законодательные акты были приняты, но исполнение их оставляло желать лучшего. Ситуация стала меняться весной 1925 г., когда «верный сталинец» Л.М. Каганович был избран генеральным секретарем ЦК КП(б)У. Он сразу же проявил себя как сторонник активного проведения украинизации. По его мнению, основное внимание должно быть сосредоточено на украинизации партаппарата, на выдвижение на ответственные посты украинцев и срочном переводе на украинский язык делопроизводства. Протекционистскую политику в отношении украинцев новый лидер украинских коммунистов использовал для укрепления позиции сторонников И.В. Сталина в условиях развернувшейся внутрипартийной борьбы.

Вторая половина 1920-х – начало 1930-х годов являются периодом наиболее активного проведения украинизации. В 1925–1928 гг., когда украинской парторганизацией руководил Каганович, широкий размах

украинизации вызвал бурную реакцию общества. В этот период на Украине проходила так называемая «литературная дискуссия», во время которой обсуждались пути развития, идейно-эстетическая направленность и задачи новой украинской советской литературы, оценивалось влияние русской культуры на украинскую. Энергично стали выступать и приверженцы активного проведения политики украинизации, среди которых были, в основном, бывшие члены украинских левых политических партий (например, бывший боротьбист А.Я. Шумский, нарком просвещения Украины). В эти же годы руководство УССР вынуждено было окончательно определить статус русского населения в республике. Русские были признаны национальным меньшинством, обеспечение культурных интересов которого должно проводиться наравне с прочими нацменьшинствами. В УССР были образованы русские национальные районы.

Во второй половине 1920-х годов украинским партийным руководством была предпринята попытка модифицировать этнокультурный облик рабочего класса «административно-добровольными» методами. Нарком просвещения УССР Н.А. Скрыпник настаивал: из-за русификаторской политики царской власти украинские рабочие стали говорить на «смешанном языке», поэтому эту категорию населения необходимо «вернуть» к своим корням. «Настоящие русские» должны познакомиться с украинской культурой.

Между тем сталинское руководство стремилось контролировать процесс украинизации. Осуждению подвергались «перегибы» – и «великорусский шовинизм», и «украинский национализм». Была раскритикована теория «борьбы двух культур» Д.З. Лебедя как шовинистическая, но одновременно резкой оценке подверглось и стремление А.Я. Шумского ускорить проведение украинизации, снять с должности Кагановича и провести «полную украинизацию» пролетариата.

Одновременно на рубеже 1920–1930-х годов был нанесен удар по старой украинской интеллигенции: именно против нее были направлены доведенные до суда дела «Союза освобождения Украины» и «Украинского национального центра».

В 1932 г. начался новый этап украинизации. После известного декабрьского постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» произошла корректировка курса на украинизацию. «Националистические элементы», проникшие в советские и партийные органы, в том числе и в результате неправильного проведения украинизации, были обвинены в срыве хлебозаготовок. Началась кампания по искоренению украинского национализма, направленная на «вычищение» потенциально опасных для советской власти элементов.

Борьба с националистическим уклоном отражала новые тенденции в политике сталинского руководства, пытавшегося при помощи централизации и унификации общественной жизни добиться стабильной интеграции советских республик. Именно в 1930-е годы набирает популярность лозунг о культуре, национальной по форме, социалистической по содержанию. Подобный подход должен был свидетельствовать о культурном единстве Страны Советов, несмотря на существование на ее территории различных наций. Центральное большевистское руководство, понимая опасность появления центробежных процессов, всячески старалось подчеркивать общесоветский, социалистический характер культуры национальных республик, воздействуя на сознание населения посредством образовательной и культурной политики. Была проведена стандартизация и унификация школьного образования, повышались требования к обучению русскому языку в учебных заведениях, была проведена реорганизация творческих союзов, серьезные изменения произошли и в

интерпретации исторических событий (например, Богдана Хмельницкого), пропагандировался лозунг дружбы народов. Впрочем, произошедшие изменения отнюдь не означали прекращения политики украинизации или прекращения выдвижения украинских кадров. Власть по-прежнему следила, чтобы украинцы выдвигались на руководящие посты, чтобы повышалось численность украинцев среди работников партийного и советского аппаратов, в культурных и научных учреждениях. Более того, анализируя преобразования в западноукраинских областях в 1939–1941 гг., нельзя говорить исключительно о «советизации». Фактически была проведена и украинизация общественной и культурной жизни региона.

Политика украинизации в целом была успешной в тех рамках, в которые заключило ее советское руководство. Она не вызвала массовых протестов среди населения, тем более таких, которые могли привести к радикальному изменению курса. При этом курс на украинизацию имел важные последствия. Прежде всего, большевистское руководство признало за украинской нацией право на существование. Большевики вели речь не о малороссах как части русского народа, а об украинцах, представляющих собой самостоятельную нацию, более того, являющихся «коренной национальностью» в УССР. Символическим выражением процесса закрепления украинской идентичности стала замена термина «малоросс» термином «украинец» во всех официальных документах, партийной печати и т.п. При этом украинская идентичность в советском варианте имела ряд характерных особенностей. В украинской политической мысли «украинскость» зачастую противопоставлялась «русскости». В советском же варианте украинской идентичности такого противопоставления не было. Большевики стремились сформировать не просто лояльное отношение к другим народам, а чувство причастности к «единой семье братских народов». Делалось это за счет внедрения в национальное сознание определенной системы ценностей, присущей советским людям –

строителям социализма, и одновременно за счет устранения культурных образцов и традиций, считавшихся «пережитком», а также присущих «социально чуждым» элементам.

Проводимый большевиками курс существенно влиял на соотношение украинского и русского культурно-языкового пространства. В данном случае имеет значение «охранительная» сторона большевистской политики, протекционизм в отношении национальных языков и культуры. Большевики намерены были изменить соотношение языков в коммуникативной сфере: украинский язык должен был проникнуть в ранее недоступные для него сферы – официально-деловую, политическую, научно-образовательную. В результате украинский язык неизбежно должен был потеснить позиции языка русского. В этом плане было сделано немало, и положение украинского языка и культуры стало принципиально отличаться от его положения в Российской империи. Хотя, следует признать: окончательно утвердиться в этой сфере украинскому языку не удалось, этому объективно мешали централизаторско-унификаторские тенденции, развернувшиеся в 1930-е годы, в том числе, и в сфере культурного строительства, обусловленные, в том числе, и мобилизационными потребностями государства в русском языке как языке межнационального общения.

Тем не менее, результаты большевистской деятельности были достаточно впечатляющими. Активно велась работа по кодификации литературных норм, в области лексики и орфографии. В 1921 г. был открыт Институт украинского научного языка, работа которого была направлена на разработку научной терминологии. Велась работа и по унификации украинского правописания. С 1925 г. при украинском совнаркоме работала Государственная комиссия для разработки правил правописания украинского языка. В 1927 г. была проведена т.н.

Правописная конференция, предметом обсуждения которой стала единая система орфографии.

Весьма важным надлежит признать то обстоятельство, что большевиками были созданы условия для овладения основной частью населения УССР письменным украинским языком. Именно на украинском преимущественно проводилась ликвидация неграмотности. В 1927 г. 78 % всех ликбезов проводили обучение по-украински[5]. Была создана система обучения на украинском языке: к марту 1938 г. в УССР из имеющихся 21656 школ на украинском языке велось обучение в 18101 школе (на русском языке – 1550)[6], количество вузов в 1940 г. достигло 173, техникумов – 693[7]. На украинский язык переводились произведения русской и зарубежной классики, на украинском языке в значительном количестве выпускались периодические издания. Например, к июню 1939 г. в УССР выходило 885 украинских газет (русских – 304)[8]. Интенсивно шел процесс становления украинской литературы и искусства.

Украинизационная политика большевиков оказала существенное влияние на социальную структуру украинской нации. Разрешая «украинский вопрос», большевистское руководство вынуждено было считаться с неблагоприятной для себя социальной структурой украинского общества: большим процентом крестьянства и небольшевистским характером интеллигенции. Объявив о необходимости выравнивания экономического и социального уровня разных наций, большевики в итоге должны были вместе с развитой промышленностью на Украине, получить и украинский рабочий класс, поскольку естественным источником пополнения рабочей силы для фабрик и заводов было сельское население. Одновременно создавалась украинская советская элита, которая должна была инкорпорироваться в состав общесоюзной элиты.

Благодаря украинизации, удалось достичь определенных сдвигов в социальной структуре украинского населения. Если перепись населения

1926 г. в УССР показала низкий процент украинцев среди рабочего класса и служащих (урбанизация украинского населения достигала всего 11 %), то к 1939 г. численность украинцев среди рабочих достигала 66,1 %, служащих – 56 % [9].

Еще одним аспектом этносоциальной политики большевиков стало формирование новой украинской советской интеллигенции. Использование «старой» интеллигенции, в том числе и выходцев из Галиции, для большевиков носило вынужденный характер, поскольку, начав украинизацию, партийное руководство столкнулось с явным «кадровым голодом»: специалистов, знающих украинский язык, явно не хватало. Однако с течением времени большевикам удалось разрешить этот вопрос. Подготовке новых украинских кадров в ВУЗах уделялось особое внимание. Процент украинцев постоянно рос: если в 1923/1924 учебном году среди студентов ВУЗов было 30,5 % украинцев, а среди студентов техникумов 36,9 % украинцев[10], то на 1 января 1936 г. украинцы составили среди студентов высшей школы – 53,7 %, техникумов – 75,3 %, на рабфаках – 65 %[11]. Такой быстрый рост достигался путем жесткого административного регулирования состава абитуриентов: всем приемным комиссиям предлагалось «вести линию на увеличение процента украинцев».

Подготовка высокообразованных украинских советских кадров должна была решить и еще одну проблему, с которой столкнулись большевики. Как только окончательно утвердилась советская власть на местах, стало необходимым определить категорию лиц, осуществлявших управление обществом. Номенклатурный принцип отбора кадров с его жесткой регламентацией карьерного продвижения, последовательностью иерархических ступеней и т.п., сочетался с национальным: партийный и советский аппараты в республиках создавались не просто за счет рекрутирования в их состав выходцев из социально надежных групп –

рабочих и крестьян, но за счет представителей «коренной национальности». Принадлежность к украинской нации стала одним из необходимых условий успешной карьеры, наряду с социальным происхождением и членством в партии большевиков.

Национальный подход к подбору кадров привел к повышению процента украинцев в партийном и советском аппарате. Если в 1920 г. численность украинцев среди коммунистов была невелика и достигала всего 20,1%, то в 1940 г. украинцы составляли уже 63% членов КП(б)У[12]. Накануне официального принятия курса на коренизацию доля украинцев среди служащих составляла лишь 35 %, а государственный аппарат функционировал исключительно по-русски, однако на XIII съезде КП(б)У 27 мая – 3 июня 1937 г. ее первый секретарь С.В. Косиор с гордостью заявил о полученных результатах украинизации: «Среди ответственных работников наркоматов Украины украинцев 52,7 %. … Среди глав райисполкомов и горсоветов – украинцев 70 %. В партии, в КП(б)У, у нас теперь 57 % украинцев»[13].

Жесткая централизация, особенно усилившаяся в 1930-е гг., создавала условия для продвижения вверх и обуславливала вхождение «верхов» республиканской элиты в состав центральной союзной элиты. И ярким примером в этом отношении является фигура Л.И. Брежнева, считавшего возможным для лучшего карьерного роста записать себя в паспортной графе «национальность» как украинца. Однако когда в послевоенные годы перед ним стали открываться новые перспективы, в анкетной графе «национальность» у Брежнева появилась запись «русский». Именно Брежнев почти два десятилетия стоял во главе Советского Союза.

Таким образом, политика большевиков привела к восполнению неполной социальной структуры украинской нации и к образованию украинской советской элиты. Несмотря на то, что сталинское руководство

принимало немалые усилия для инкорпорирования национальных элит вообще, и украинской элиты в частности, в элиту общесоюзную, однако создание социального слоя, заинтересованного в укреплении своих позиций на республиканском уровне, приводило к возникновению множества проблем. Наметилось определенное противоречие между интересами союзного и республиканского руководства: первое ориентировалось на централизаторские методы управления, второе – на бóльшую самостоятельность Украины, на расширение ее прав в союзном государстве. В этой борьбе интересов удача сопутствовала сталинскому руководству. Оно сумело полностью подчинить себе все процессы внутри КП(б)У, применяя при этом весьма жесткие меры воздействия. Впрочем, репрессивная политика не носила избирательный характер и не была направлена лишь на носителей «националистического уклона». В этом плане перед советской властью были все равны – украинцы и русские, рабочие и «спецы», крестьяне и представители творческой интеллигенции.

Таким образом, в результате проводимой советским руководством национальной политики была определена территория украинского государства и проведена реконструкция общественной жизни не только в плане ее советизации, но и украинизации. В результате Второй мировой войны все украинские земли были объединены в составе УССР. Эта территория в 1991 г. обрела государственную независимость. В итоге политика украинизации продолжилась на землях, которые в межвоенный период находились в составе Польши, Чехословакии и Румынии.

При этом большевистское руководство во многом само заложило «мину замедленного действия» под возводимое здание социалистического государства, оказывая всяческое содействие развитию национальной украинской интеллигенции, культуре, экономике и т.п. При этом следует учитывать, что на Украине (имеется в виду Большая Украина) традиционно сильным было влияние русской культуры и русскоязычной

интеллигенции. К тому же экономика на Украине развивалась не просто в тесной связи, но и как интегрированный элемент общесоюзного пространства. Именно поэтому большевистская украинизация, вызвав большой резонанс в самых широких слоях общества, отнюдь не всегда и не всюду встречала поддержку и понимание. В то же время, получив на какое-то время «карт-бланш», деятели национального движения пытались удержаться на завоеванных позициях: украинизация стала неким прецедентом, с которым приходилось постоянно считаться.

Дальнейшая история Украины в советский период проходила в условиях конкуренции между интернационально и национально настроенными силами, причем и те, и другие пристально контролировались центральным руководством. Попеременно то одна, то другая сторона начинала брать верх. Так, жесткий контроль над возможными «уклонами» продолжавшийся вплоть до смерти И.В. Сталина, уже летом 1953 г. сменился кратковременным «бериевским потеплением»[14], быстро осужденным из Кремля, но давшим толчок активизации процессов по улучшению положения украинского языка, наметившихся в период пребывания на посту первого секретаря ЦК КПУ П.Е. Шелеста (1963–1972). Однако победа (весьма условная) национально ориентированных сил была кратковременной, а глубина «украинизаторских» усилий и близко не достигала уровня 1920-х гг. Шелеста на посту первого секретаря ЦК КП(б)У сменил В.В. Щербицкий, пребывание которого у власти проходило под лозунгом превращения в недалеком будущем наций и народностей СССР в единую «советскую нацию». Интернациональные лозунги господствовали вплоть до конца 1980-х годов, когда, пользуясь изменившимися условиями и лозунгами перестройки, ситуацией сумели овладеть этнопартократы и национально ориентированные силы. Итог всем хорошо известен – Советский Союз распался, Украина в 1991 г. провозгласила свою независимость.

Примечания

[1] *Булгаков М.* Киев-город // *Булгаков М.* Избранные произведения. В. 2 т. Т. 2. Записки покойника: Театр. роман. Повести. Рассказы. Минск, 1990. С. 394.

[2] См.: *Kaiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR . New York, 1994.

[3] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М, 2011. С. 63.

[4] Там же. С. 106.

[5] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. Київ, 1997. С. 175.

[6] Довідка наркомату освіти України про національніьшколи в Україні. Березень 1938 р. // Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 252

[7] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. С. 179–180.

[8] Из отчетного доклада первого секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущева XIV съезду КП(б)У. 13 июня 1948 г. // Политическое руководство Украины. 1938–1989. М., 2006. С. 44.

[9] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. С. 173.

[10] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральний державний архів громадських об’єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2455. Л. 196.

[11] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 187.

[12] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. С. 135, 195.

[13] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Лл. 22об.–23об.

[14] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Понаехали тут… «Украинизация» от Лаврентия Берии в 1953 году // Родина. 2008. № 6. С. 116–122.

Список источников и литературы

Архивы

Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральний державний архів громадських об’єднань України, ЦДАГОУ).

Ф. 1. Центральный комитет компартии Украины. 1917–1991 гг.

Оп. 1: Материалы съездов, конференции и пленумов ЦК Компартии Украины. 1917–1971 гг.

Оп. 6: Протоколы заседании Политбюро ЦК и материалы к ним. 1919–1967 гг.

Оп. 7: Протоколы заседаний Оргбюро и Секретариата ЦК КП(б)У и материалы к ним.1919–1938 гг.

Оп. 20: Документы отделов ЦК КП(б). 1918–1941 гг.

Ф. 5. Комиссия по истории гражданской войны при ЦК КП(б)У, г. Киев 1931–1938 гг. Оп. 1.

Ф. 17. Комиссия по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции на Украине при ЦК КП(б)У (Всеукраинский истпарт). 1902–1939 гг. Оп. 1.

Ф. 59. Коллекция воспоминаний участников революционных событий, гражданской и Великой Отечественной войн и социалистического строительства. Конец XIX – середина XX вв. Оп. 1, 2.

Ф. 237. Личный фонд Григория Ивановича Петровского (1978–1958). Оп. 1.

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ЦДАВОУ).

Ф. 1. Верховный Совет Украины. 1917–1999 гг. Оп. 3: 1926–1927 гг. Оп. 4: 1928 г.

Ф. 2. Кабинет Министров Украины. Оп. 5: 1926–1930 гг.

Ф. 166. Министерство просвещения Украины. 1917–2000 гг. Оп. 11: 1933–1941 гг.

Ф. 4402. Чубарь Влас Якович – советский государственный и партийный деятель. 1923–1934 гг. Оп. 1.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. 1318. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительствах при Наркомнаце РСФСР. 1917–1924 гг. Оп. 1: Центральный аппарат. 1917–1924 гг.

Ф. 5784. Оп. 1. Центр действия. Париж. 1920–[1923]. Оп. 1.

Ф. 5677. Административная комиссия при Президиуме Всероссийского Цдентрального Исполнительного Комитета. Оп. 4: 1923–1927 гг. Оп. 5: 1925–1927 гг.

Ф. 6892. Комиссия Центрального Исполнительного Комитета СССР по районированию. 1923–1928 гг. Оп. 1.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898,1903–1991)

Оп. 2: Пленумы ЦК ВКП(б) VII–XVIII созывов. 1918–1941 гг

Оп. 21: Отдел руководящих партийных органов. Сектор информации. 1925–1939 гг.

Оп. 22: Организационно-инструкторский отдел. 1940–1941 гг.

Оп. 26: Отдел руководящих партийных органов. Сектор информации. Компартия Украины. 1926–1933 гг.

Оп. 87: Материалы, присланные в ЦК ВКП(б) для информации. 1918–1931 гг.

Оп. 116: Организационное бюро и Секретариат ЦК ВКП(б), XVIII созыв. 1939–1952 гг.

Ф. 50. Двенадцатый съезд РКП(б). Оп. 1.

Ф. 59. Семнадцатый съезд ВКП(б). Оп. 2: Стенограммы, подготовительные материалы съезда.

Ф. 81. Каганович Лазарь Моисеевич (1898–1991). Оп. 3: 1920–1957 гг.

Ф. 82. Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986). Оп. 2: 1907–1996.

Ф. 523. Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959). Оп. 1: 1919–1945 гг.

Российский государственный военный архив (РГВА).

Ф. 35084. Коллекция документов Украинского фронта. Оп. 1: Коллекция документальных материалов по событиям на Западной Украине 1939 г.

Ф. 9. Политическое управление РККА. Оп. 36: 1-й отдел – организационно-распределительный (1928–1934). Отдел руководящих политорганов (1935–1940).

Периодические издания

«Большевик» (Москва) 1926–1927

«Більшовик України» (Харків) 1927–1933

газеты

«Правда» (Москва) 1933–1939

«Известия» («Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов», Москва) 1934–1939

«Комуніст» (Харків) 1933

«Вісті ВУЦВК» (Харків) 1927

«Пролетарська правда» (Київ) 1932

Опубликованные документы

Адміністріяльний поділ УСРР при 3-х ступневій системі врядування (за даними на 1 жовтня 1925 року): офіціальне видання. – Харків: Друкарня ВУЦИКу «Червоний друк», 1925. – 111 с.

Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы / В.Н. Виноградов, М.Д. Ерещенко, Л.Е. Семенова, Т.А. Покивайлова. – М.: ИНДРИК, 1996. – 380 с.

Большевистские организации Украины в период установления и укрепления Советской власти (ноябрь 1917 – апрель 1918 г.). Сборник документов и материалов / сост.: П.В. Замкова, Т.Н. Колишер, В.С. Коновалов и др. – Киев: Госполитиздат УССР, 1962. –756 с.

Буковина 1918–1940 рр.: зовнішні впливи та внутрішній розвиток: Матеріали і документи / упор., ред. С.Д. Осачук. – Чернівці: Зелена Буковина, 2005. – 326 с.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / под ред. А. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. – М.: МФД, 2002. – 872 с.

Внешняя политика СССР: сборник документов в 6 т. Том II: (1921–1924) / отв. ред. С.А. Лозовски; сост. А.С. Тисминец. – М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1944. – 979 с.

Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве (1939–1949 гг.): сборник документов и материалов. – Киев: Гос. изд-во политической литературы УССР, 1949. – 224с.

Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. Протоколы. – М., Партийное издательство, 1934. – 293 с.

Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. – М.: Госполитиздат, 1959. – XVIII, 602 с.

Вторая сессия ЦИК СССР Третьего созыва [12-25 апреля 1926 г.]: Стенографический отчет. – М.: [б.и.], 1926.– 1100 с.

Второй съезд КП(б)У. 17–22 октября 1918 г. Протоколы. – Киев: Украина, 1991. – 241 с.

Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали /упоряд. Р.Я. Пиріг. – Київ: Києво-Могилянська академія, 2007. – 1128 с.

Декреты Советской власти: в 2 т. / подг. С.Н. Валк и др. – Т. I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Госполитиздат, 1957. – 624 с.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1968. – XXII, 903 с.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1963. – XVIII, 915 с.

Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920 рр.: Док. і матеріали. У 2-х томах / Упоряд.: В. Верстюк (керівник) та ін. – Том 1. – Київ: Видавництво

імені Олени Теліги, 2006. – 688 с.; Том 2. – Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 2006. – 744 с.

До історії міжнаціональних процесів на Україні: документи / упоряд. Р.Я. Пиріг, А.В. Кентій, А.А. Соловйова, Л.В. Яковлєва, А.В. Огінська // Український історичний журнал. –1990. – № 6. – С. 109–118.

Довідник адмінтерподілу УСРР за станом на 15 грудня 1935 р.: офіціальне видання. – Київ: Радянське будівництво и право, 1936. – 165 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920 г.–18 марта 1921 г. / ред. коллегия Г.А. Белов и др. –М.: Госполитиздат, 1959. – 702 с.

Документы внешней политики СССР: сборник документов. Т. 6: 20 ноября 1922 г. – 31 декабря 1923 г. / ред. коллегия Г.К. Деев и др.– М.: Госполитиздат, 1962. – 646 с.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4: Апрель 1921 – май 1926 / отв. ред. И.А. Хренов, Т. Цесляк. – М.: Изд-во АН СССР, 1966. – 559 с.

Західно-Українська Народна Республіка. 1918–1923. Документи і матеріали: у 5-ти томах 8-ми книгах / Укладачі: О.Ю. Карпенко, К.П. Мицан. – Т. 1. – Івано-Франківськ: Сіверсія, 2001. – 628 с.; Т. 2. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2003. – 712 с.; Т. 3. Кн. 1. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2005. – 644 с.; Т. 3. Кн. 2. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2005. – 680 с.; Т. 4. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2008. – 886 с.; Т. 5: у трьох книгах. – Кн. 1. – Івано-Франківськ: Місто-НВ, 2009. – 944 с.; Кн. 2. – Івано-Франківськ: Місто-НВ, 2011. – 948 с.; Кн. 3. – Івано-Франківськ: Місто-НВ, 2013. – 992 с.

Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1923 рік: офіц. видання Нар. комісаріату юстиції УСРР. –Харків, [б.в.], 1923.

Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1925 рік: офіц. видання Нар. комісаріату юстиції УСРР. –Харків, [б.в.], 1925.

Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1927 рік: офіц. видання Нар. комісаріату юстиції УСРР. –Харків, [б.в.], 1927.

Из истории образования СССР: документы и материалы о работе комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к Пленуму ЦК партии (6 октября 1922 г.) // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 9. – С. 191–219.

«Ильич был тысячу раз прав» (Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б) в июле–августе 1923 г.) // Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 4. – С. 192–207.

Историю – в школу: создание первых советских учебников / Вестник архива президента Российской Федерации. – М.: Архив Президента РФ, 2008. – 304 с.

Історія Національної академії наук України (1934–1937): документи і матеріали / відпов. ред. О.С. Орищенко. – Київ: НБУВ, 2003. – 831 с.

Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929 гг.: В 5 т. – Т. 2: Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. / Отв. ред. Данилов В.П., Хлевнюк О.В., Ватлин А.Ю. – М.: Международный фонд «Демократия», 2000. – 719 с.

Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. – Том 3: Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. / Отв. ред. Данилов В.П., Хлевнюк О.В. – М.: Международный фонд «Демократия», 2000. – 663 с.

Как ломали НЭП : стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929 гг.: в 5 т. – Т. 5 : Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г. / Отв. ред.

Данилов В.П., Хлевнюк О.В., Ватлин А.Ю. – М.: Международный фонд «Демократия», 2000. – 702 с.

Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів / Упоряд. М. Делеган, С. Вискварко. – Ужгород: Карпати, 2009. – 288 с.

Катынь. Пленники необъявленной войны: сборник документов / отв. сост. Н.С. Лебедева. – М.: Международный фонд «Демократия», 1997. – 608 с.

Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы / пер. с польск.; под ред. И.А. Хренова. – М.: Изд-во Иностр. лит, 1955. – 400 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954. – 7-е изд. – Ч.1: 1898–1924. – М.: Госполитиздат, 1954. – 831 с.

Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з’їздів, конференцій і пленумів ЦК. В 2-х т. Редкол.: В.И. Юрчук (гол.) та ін.– Т.1. 1918–1941. – Київ: Видав-во політичної літератури України, 1976. – 1007 с.

Конституційні акти України. 1917–1920: Невідомі конституції України. – Київ: Філософська і соціологічна думка, 1992. – 272 с.

Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр.: збірник документів у 2 т. Т. 1: 1917 – червень 1941) / упоряд. З.І. Зобінна, Г.О. Кравченко, Ю.Б. Медведєв та ін. – Київ: Держполітвидав УРСР, 1959. – 504 с.

Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали /упоряд. Т. Галайчак та інш. Т. 1: 1939–1953. – Київ: Наукова думка, 1995. – 749 с.

Материалы к докладу правительства Украины на второй сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР третьего созыв: отчет. – Харьков: Госполитиздат, 1926. – 226 с.

Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг.: сборник документов / ред. И.И. Костюшко – М.: ИСБ РАН, 1997. – 141 с.

Матеріали та документи про Донецько-Криворізьку Республіку // Літопис революції. –1928. – № 3. – С. 240–289

На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953). Справочник / научный редактор А.А. Чернобаев. — М.: Новый хронограф, 2008. — 784 с.

Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сборник документов. 1917–1973 гг. / сост. А.А. Абакумов и др. – М.: Педагогика, 1974. – 560 с.

Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. У 2 ч. /упоряд. І.О. Кресіна та ін.; за ред. В.Ф. Панібудьласки. – Ч. 2. – Київ: Вища школа, 1997. – 704 с.

Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?: сборник документов / сост. А.П. Ненароков. – М.: Терра, 1992. – 558 с.

Образование Союза Советских Социалистических Республик: сборник документов / сост.: С.В. Хармандарян и др. – М. Наука, 1972. – 531 с.

Одиннадцатый съезд РКП (б). Март–апрель 1922 года. Стенографический отчет. – М., Госполитиздат, 1961. – 873 с. ил.

«Они чувствуют себя, как гости…» (над сторінками стенограми зустрічі Сталіна з українськими письменниками 12 лютого 1929 року) // *Шаповал Ю.И.* Україна XX століття: Особи та події в контексті важкої історії / Ю.И. Шаповал. Київ: Генеза, 2001. 557 с. С. 93–128.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов в 5 т. / сост. В.П. Ямпольский и др. – Т. 1: Накануне. Кн. 1: Ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г. – М.: Книга и бизнес, 1995. – 470 с.

Первый съезд партийных организаций коммунистов (большевиков) Украины. 5–12 июля 1918 г. Протоколы. – Киев: Политиздат Украины, 1988. – 258 с.

Пленум ЦК КП(б)У 26–30 січня 1936 р. Стенографічний звіт. – Київ: Держполітвидав, 1936. – 301 с.

Политическое руководство Украины: 1938–1989: сборник документов / сост. В.Ю. Васильев и др. – М.: РОССПЭН, 2006. – 544 с.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: сборник документов / сост. Адибеков Г.М. и др. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.

Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1961–1962. –1722 с.

Радянський Львів. 1939–1955. Документи й матеріали / уклад. Губних З. О. та ін. – Львів: Книжково-журнальне видав-во, 1956. — 705 с.

Реабілітовані історією: У 27 т. Волинська область / Гол. редколегія: П.Т. Тронько та ін.; редколегія тому: О. І. Курилюк та ін. – Кн. 1. – Луцьк: ВАТ «Волинська обласна друкарня», 2010. – 976 с.

Резолюція ЦК КП(б)У про підсумки українізації // Вісті ВУЦВК. – 1927. – 19 квітня.

Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области /сост. Ю.И. Галкин. – М: [б.и.], 2007. – 60 с.

Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков) Апрель 1917 г. Протоколы. – М.: Госполитиздат, 1958. – XII + 424 с.

Семнадцатый съезд ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. –М.: Политиздат, 1934. –716 с.

Собрание законодательства СССР: офиц. издание Совета Народных Комиссаров. – М.: СНК, 1934.

«Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): в 10 т. / ред. совет: А.Н. Сахаров, Г.Н. Севостьянов и др. – Т. 1–9 – М.: Институт рос. истории, 2001–2013.

Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918 — 1939. Документы и материалы: в 4 т. / отв. ред. А. Берелович, В. Данилов и др. – М.: РОССПЭН, 2000–2012.

Соціалістичні перетворння в західних областях Української РСР. 1939–1979: збірник документів і матеріалів / упорядники: Х.І. Горожанкіна та ін., відп. ред. Д.А. Яремчук. –Київ: Наукова думка, 1980. – 548 с.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О.В. Хлевнюк и др. – М.: РОССПЭН, 2001. — 798 с.

«Столиця відчаю»: Голодомор 1932–1933 рр. на Харківщині вустами очевидців. Свідчення, комментарі: збірник документів / упоряд. Т. Поліщук.– Харків–Нью-Йорк–Львів: Видав-во М.П. Коць, 2006. – 416 с.

Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик: 1917–1936: сборник документов в 7 т. – Т. 2: Съезды Советов Советских Социалистических Республик: 1917–1922 гг. – М.: Госюриздат, 1960. – 614 с.; Т. 3: Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик: 1922–1936 гг. – М.: Госюриздат, 1960. – 400 с.

Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. – М.: ИНСАН, 1992. – 293 с.

Тернистий шлях до України: збірник архівних документів і матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1939–1939, 1944–1946 рр. ХХ ст.» / упор. О.Д. Довганича та О.М. Корсуна. – Ужгород: ВПТ Видавництво «Закарпаття», 2007. – 751 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939: в 5 т. / ред. совет В.П. Данилов и др. – М.: РОССПЭН, 1999–2006.

Третий съезд Советов СССР [13–20 мая 1925 г.]: Стенографический отчет. – М.: [б.и.], 1925. – 560 с.

Третья сессия ЦИК СССР 5 созыва [4-12 января 1931 г.]: Стенографический отчет. – М.: [б.и.], 1931. – Бюлл. 7.

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1963. – XXIV; 883 с.

Троцкий Л.Д. Архив: сборник документов в 4 т. / Л.Д. Троцкий – Т.4: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. – М.:Терра,1990. – 280 с.

Україна в цифрах. 1927: Центральне статистичне управіння УСРР: офіціальне видання. – Харків: Урядова друкарня ім. Тов. Фрунзе, 1927. – 19 с.

Україна – Польща 1920–1939 рр.: З історії дипломатичних відносин УССР з Другою Річчю Посполитою: Документи і матеріали / ПАН України. Інститут історії України; упорядкування, коментарі, вступна стаття: Н.С. Рубльова, О.С. Рубльов. – Київ: Дух і літера, 2012. – 624 с.

Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання (1847–1914): збірник документів і матеріалів / відп. ред. Г. Боряк; упоряд. Г. Боряк та ін. – Київ: Ін-т історії України, 2013. – LXII; 810 с.

Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. / Відп. ред. В. Даниленко. – Київ: Темпора, 2012. – 756 с.

Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду. Документи і матеріали / за ред. Л. Масенко; упоряд. Л. Масенко, В. Кубайчук, О. Демська-Кульчицька. – Київ: «Києво-Могилянська академія», 2005. – 399 с.

Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: сборник документов в 2 т. / под ред. А.Н. Артизова. – Т. 1. 1939–1943. – М.: РОССПЭН, 2012. – 878 с.

Українська суспільно-політична думка в ХХ ст. Документи і матеріали. У 3 т. – Т. 2 / Упоряд. Т. Гунчак, Р. Сольчаник. – Мюнхен: Сучасність, 1983. - 426 с.

Українська Центральна Рада: Документи і матеріали /упоряд. Верстюк В.Ф. та ін. У 2 томах. – Т. 2. – Київ: Наукова думка, 1997. – 422 с.

Український національно–визвольний рух на Прикарпатті в ХХ столітті. Документи і матеріали / відп. ред. М. Кугутяк. – Том 1. Кн. 1 (1919–1929). – Івано-Франківськ: КПФ «Лік», 2012. – 600 с.; Т. 1. Кн. 2 (1929–1939). – Івано-Франківськ: КПФ «ЛІК», 2014. – 600 с.

ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос»: сборник документов в 2 т. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. – Т. 1: 1918–1933 гг. – М.: РОССПЭН, 2005. – 784 с.; Т. 2: 1933–1945. – М.: РОССПЭН, 2009. – 1095 с.

Четверта конференція Комуністичної партії (більшовиків) України. 17–23 березня 1920 р. Стенограма. – Київ: «Альтернативы», 2003. – 528 с.

Шляхи розвитку української пролетарської літератури. Літературна дискусія (1925–1928). Зб. матеріялів (статті, літ. маніфести, постанови партії.). – Харків, 1928. – 387 с.

Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa. 1921. Nr 44.

Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa. 1922. Nr 90.

Произведения политических деятелей, участников событий, мемуарная литература

Авдієнко, М.О. Народна освіта на Вкраїні /М.О. Авдієнко. – Харків: ЦСУ, 1927. – 101 с.

Агуф, М. Преса УСРР до роковин Жовтня / М. Агуф. – Харків: Пролетар, 1932. – 165 с.

Балябо, А. «Ми» і «ви» в українській нацполітиці / А. Балябо // Волинське слово. – 1937. – № 8. – С. 4.

Бодняк, Ю. Об украинизации советского аппарата (Ответ т. Перваченко) / Ю.Бодняк // Коммунист. – 1925. – 20 июня.

Борканюк, О.О. Чим є для нас Радянський Союз (вибрані статті, промови, інтерпеляції) / О. Борканюк. – Ужгород: Видавництво «Карпати», 1976. – 340 с.

Бош, Е.Б. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации / Е.Б. Бош. – М.: Госиздат, 1925. – 272 с.; илл.

Бухарин, Н. Рождение и развитие социалистической родины / Н.И. Бухарин // Известия. – 1934.– 6 июля.

Единство героического народа // Известия. – 1935. – 27 января.

Бухарин, Н. Героический советский народ / Н.И. Бухарин // Известия. 1935. – 6 июля.

Бухарин, Н. Наш Союз / Н.И. Бухарин // Известия. – 1935. – 28 января.

Бухарин, Н. Расширение советской демократии / Н.И. Бухарин // Ивестия. – 1936. – 1 мая

Ваганян, В.А. О национальной культуре / В.А. Ваганян. –М.-Л.: Госиздат, 1927. – 192 с.

Вікул, С. До коріння націоналізму та опортунізму в КПЗУ / С. Вікул // Більшовик України. –1928. – № 5. – С. 8-20.

Вернадский, В.И. Дневники. 1917–1921 /В.И. Вернадский. – Киев: Наукова думка, 1994. –270 с.

Вернадский, В.И. Дневник 1939 года / В.И. Вернадский // Дружба народов. – 1992. – № 11–12. – С. 5–44.

Винниченко, В. Відродження нації /В. Винниченко. У 3 ч. Ч. 1. – Київ; Відень: Дзвін, 1920. – 348 с.

Винниченко, В. На той бік. Повість / В. Винниченко. – Нью-Йорк: Видання Української Вільної Академії Наук у США, 1972. –133 с.

Волобуєв, М. До проблеми української економіки / М. Волобуєв // Більшовик України. 1928. – № 2. – С. 46–92; № 3. – С. 42–63.

Вторая сессия ЦИК Союза ССР VII созыва. Прения по докладам тт. В.М. Молотова и В.И. Межлаука в Совете национальностей. Речь тов. А.И. Хацкевича / А.И. Хацкевич // Известия. 1936. – 14 января.

Выше знамя пролетарского интернационализма // Правда. – 1933. – 10 марта.

Гехтман, І. До проблеми національної культури. (З приводу доповіді т. С. Діманштейна в Комакадемії) / І. Гехтман // Більшовик України. 1929. – № 21–22. – С. 98-114.

Гірчак, Є.Ф. Проти ревізії ленінізму в національному питанні (відповідь т. Перчику) / Є.Ф. Гірчак // Більшовик України. – 1929. – № 13. – С. 32-46.

Гірчак, Є.Ф. На два фронти в боротьбі проти націоналізму / Є.Ф. Гірчак. – Харків: Пролетар, 1932. – 348 с.

Гірчак, Є.Ф. Шумськизм і розкол у КПЗУ / Є.Ф. Гірчак // Більшовик України. – 1928. – № 5. – С. 21-41.

Гнилая позиция Наркомпроса Башкирии // Правда. – 1938. – 20 марта.

Годин, Д.К. 10 лет Октябрьской революции и просвещение / Д.К. Годин. – Київ: [б.в.], 1927. – 56 с.

Гольденвейзер, А.А. Из киевских воспоминаний / А.А. Гольденвейзер // Революция на Украине по мемуарам белых / сост. С.А. Алексеев, ред. Н.Н. Попов. – М.; Л.: Гос. Издательство, 1930. – С. 7-63.

Гольденвейзер, А.А. Из киевских воспомитнаний / А.А. Гольденвейзер // Архив русской революции. – Берлин, 1922. – Вып. 6. – С. 161–304.

Гринько, Г. Хозяйственные основы советского культурного строительства / Г. Гринько. – Харьков [б.в.], 1921. – 28 с.

Деникин, А.И. Гетманство и Директория на Украине / А.И. Деникин // Революция на Украине по мемуарам белых / сост. С.А. Алексеев, ред. Н.Н. Попов. – М.; Л.: Гос. Издательство, 1930. – С.136–185.

Єфремов, С.О. Щоденники. 1923–1929. / С.О. Єфремов. – Київ: Рада 1997 . – 843 с.

Дискусія з приводу схеми історії України М. Яворського // Літопис революції. – 1930. – № 2. – С. 267–326; № 3–4. – С. 176–237; № 5. – С. 287–324.

Енукидзе, А.С. Итоги 2-й сессии ЦИК СССР 3-го созыва / А.С. Енукидзе. – М.-Л., 1926. – 40 с.

Загрецький, М. В боротьбі з якими дрібнобуржуазними українськими націоналістичними партіями КП(б)У забезпечила перемогу пролетарської революції на Україні / М. Загрецький // Більшовик України. – 1933. – № 7–8. – С. 73–80.

Затонський, В. Матеріяли до українського національного питання / В. Затонський // Більшовик України. – 1927. – № 6. – С. 9–32.

Затонский, В.П. Национальная проблема на Украине /В.П. Затонский. – Харьков: Госиздат Украины, 1926. – 104 с.

За цілковиту українізацію! Чому треба вивчати українську мову та як її треба вивчати. – Дніпропетровск: Видання Дніпропетровського ОК ЛКСМУ, 1929. – 23 с.

Единая семья народов // Правда. – 1936. – 30 января.

Каганович, Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника / Л.М. Каганович. – М.: Вагриус, 1996. – 576 с.

Каганович, Л.М. Розлам в КПЗУ і національна політика КП(б)У / Л.М. Каганович // Більшовик України. – 1928. – № 6. – С. 12–21.

Кардиналовская, Т.М. Жизнь тому назад. Воспоминания / Т.М. Кардиналовская. – СПб.: ДЕАН + АДИА-М, 1996 – 165 с.

Квиринг, Э.И. Национальные моменты (к XII съезду партии – в порядке обсуждения) /Э.И. Квиринг // Избранные речи и статьи. – Киев: Политиздат Украины, 1988. – С. 103–106.

Кедрин, І. Життя–події–люди. Спомини і коментарі. / І. Кедрин – Нью-Йорк: Видавнича Кооператива «Червона Калина», 1976. – 724 с.

Козаченко, А. Десять років книжкової продукції Радянської України: Іст.-стат. начерк /А. Козаченко. – Харків: Держ. вид-во України, 1929. – 42 с.

Кучабський, В. Большевизм і сучасні завдання українського Заходу. Національно-політичні замітки / В. Кучабський. – Львів: Друкарня НТШ, 1925. – 125 с.

Лапчинский, Г. Гомельское совещание (Воспоминание) / Г. Лапчинский // Летопись революции. – 1926. – № 6. – С. 36–37.

Ларин, Ю. Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) / Ю. Ларин // Большевик. – 1926. – № 23–24. – С. 50–58; 1927. – № 1. – С. 59–69.

Лебедь, Д.З. Советская Украина и национальный вопрос за пять лет / Д.З. Лебедь. – Харьков: Изд-во «Пролетарий», 1924. – 32 с.

Лейтес, А.М. Десять років української літератури (1917–1927): енциклопедично-довідкове видання: у 2 т. / А. Лейтес, М. Яшек; за загалальною редакцією С. Пилипенка. – Т. I: Біо-біографічний – Харків: Державне видавництво України, 1928. – 671 с.; Т. II: Організаційні та ідеологічні шляхи української рядянської літератури – Харків: Державне видавництво України, 1928. – 436 с.

Ленин, В.И. Аграрная программа с.-д. в первой русской революции/ В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 16. – М: Издательство политической литературы, 1973. – С. 194–413.

Ленин, В.И. В оргбюро ЦК РКП(б). Не позднее 19 декабря 1919 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 51. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 95–96.

Ленин, В.И. Государство и революция / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 33. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 1–120.

Ленин, В.И. Задачи пролетариата в нашей революции / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 31. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 149–186.

Ленин, В.И. Заключительное слово перед закрытием съезда 18 (31) января 1918 г.: Третий Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10–18 (23–31) января 1918 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 35. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 286–290.

Ленин, В.И. Записка в Политбюро ЦК РКП(б). Декабрь 1919 г. / В.И. Ленин // *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 314.

Ленин, В.И. Записка по прямому проводу Н.В. Крыленко 24 ноября (7 декабря) 1917 г. / В.И. Ленин // *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922. – М. РОССПЭН, 1999. – С. 222.

Ленин, В.И. К пересмотру партийной программы / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 34. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 351–381.

Ленин, В.И. Кого выбирать в государственную думу? / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 14. – М.: Издательство политической литературы, 1972. – С. 132–138.

Ленин, В.И. Критические заметки по национальному вопросу / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 24. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 113–150.

Ленин, В.И. Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 35. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 143–145.

Ленин, В.И. Национальный состав учащихся в русской школе / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 24. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 219–222.

Ленин, В.И. Нищета народных учителей / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 24. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 195–197.

Ленин, В.И. О праве наций на самоопределение / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 25. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 255–320.

Ленин, В.И. Первые итоги политической группировки / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5 – Т. 12. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – С. 7–15.

Ленин, В.И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 40. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 41–47.

Ленин, В.И. Письмо С.Г. Шаумяну 6 декабря 1913 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 48. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 233–236.

Ленин, В.И. Проект тезисов ЦК РКП(б) о политике на Украине. Не позднее 21 ноября 1919 г. / В.И. Ленин // *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922. – М. РОССПЭН, 1999. – С. 306–307.

Ленин, В.И. Рабочим солдатам и крестьянам: Второй всероссийский съезд советов рабочих солдатских депутатов 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 35. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 11.

Ленин, В.И. Речь на Первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 35. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 112–118.

Ленин, В.И. Речь по национальному вопросу 29 апреля (12 мая): Седьмая (апрельская) конференция РСДРП(б) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 31. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 432–438.

Ленин, В.И. Речь по вопросу о практических соглашениях с с.-р. 23 апреля (6 мая): III съезд РСДРП / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5 – Т. 10. – М.: Издательство политической литературы,1967. – С. 180–185.

Ленин, В.И. Телеграмма В.А. Антонову-Овсеенко. 28 февраля 1918 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – Т. 50. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 365–366.

Ленин, В.И. Телеграмма главкому И.И. Вацетису / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 37. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 234.

Ленин, В.И. Телеграмма С. Орджоникидзе / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – Т. 50. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 49–51.

Ленин, В.И. Телеграмма И.В. Сталину 22 февраля 1920 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 51. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 141–142.

Ленин, В.И. Украина / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5. – Т. 32. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 341–342.

Лильченко, Т. Русский язык в школах Украины / Т. Лильченко // Правда. – 1938. – 26 марта.

Липинський, В. Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму / В. Липинський. – Нью-Йорк: Булава, 1954. – 470 с.

Любченко, П. Про «націонал-більшовизм» / П. Любченко // Більшовик України. – 1933. – № 3. – С. 84–91.

Майстренко, І. Історія моего покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні / І. Майстренко. – Едмонтон: Видавництво Канадського інституту Українських Студій, 1985. – 416 с.

Марков, В.Н. Советская система народного образования УССР: Материалы к истории развития УССР / В.Н. Марков. – Саратов : [Б.и.], 1928. – 79 с.

Мартынов, А.С. Мои украинские впечатления и размышления / А.С. Мартынов. – М.; Пг.: Госиздат, 1923. – 75 с.

Машкін, А. Освітня політика за доби диктатури пролетаріату/ А. Машкін. – Харків: ДВУ, 1926. – 136 с.

Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поэтичні твори. Памфлети / М. Хвильовий / вступ. ст., упоряд. і прим. В.П. Агеєвої. – Київ: Наукова думка, 1995. – 816 с.

Мирский, Д. О советской поэзии / Д. Мирский // Известия. 1936. – 28 января.

Михайлов, Э. О школьниках и педагогих / Э. Михайлов // Известия. – 1936. – 27 января.

Могилянский, Н.М. Трагедия Украины / Н.М. Могилянский // Революция на Украине по мемуарам белых / сост. С.А. Алексеев, ред. Н.Н. Попов. – М.; Л.: Гос. Издательство, 1930. – С.115–135.

Мудрий, В. Наше відношення до Радянської України: Відбиток з «українського національного календаря» / В. Мудрий. – Перемишль: Б.и., 1927. – 9 с.

Мы – единственная страна, которая воплощает прогрессивные силы истории. Речь тов. Н.И. Бухарина / Н.И. Бухарин // Правда. –1934. – 31 января.

Нарада з питань національної політики партії // Комуніст. – 1933. – 29 апреля.

Національне питання на Україні та опозиція // Більшовик України. – 1927. – № 10. – С. 3–10.

Нота правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 года // Правда. – 1939. – 18 сентября.

О внутренних причинах военного поражения Польши // Правда. –1939. – 14 сентября.

Павленко, П.А. Собр. соч. в 6 т. / П.А. Павленко. – Т. 5: Очерки 1930–1951. – М.: Гослитиздат, 1955. – 543 с.

Перваченко, М. Украинизация советского аппарата должна быть закончена / М. Перваченко // Коммунист. – 1925. – 6 июня.

Перчик, Л. Найновіша «теорія» радянської економіки / Л. Перчик // Більшовик України. –1928. – № 6. – С. 51–59.

Перчик, Л. Ухили в партії та національне питання / Л. Перчик // Більшовик України. – 1929. – № 13. – С. 29–31.

Полоцький, О. Культурна п’ятирічка України / О. Полоцький. – Харків: Держвидав України, 1929. –51 с.

Приходько, А. Культурне будівництво на Україні (за 1926 та 1926-1927 роки) / А. Приходько. – Харків: Пролетарій, 1927. – 108 с.

Про забезпечення культурних потреб нацменшостей України // Комуніст. – 1933. – 11 апреля.

Проти зрадників! Проти розбивачів! (До розколу в КПЗУ) // Більшовик України. – 1928. – № 5. – С. 3-7.

Равич-Черкасский, М.Е. История Коммунистической партии Украины / М.Е. Равич Черкасский. – Харьков: Госиздат Украины, 1923. – 246 с.

РСФСР // Правда. – 1936. – 1 февраля.

Речь по радио председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Молотова 17 сентября 1939 г. / В. Молотов // Правда. – 1939. – 18 сентября.

Речь тов. Сталина на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства 4 декабря 1935/ И.В. Сталин // Правда. 1935, 6 декабря; Сталин И.В. Сочинения. – Т. 14. – М.: Издательство политической литературы, 1997. – С. 100–101.

Ряппо, Я.П. Народна освіта на Україні за десять років революції / Я.П. Ряппо. – Харків, Держвидав України, 1927. – 127 с.

Семененко, О. Вечірні дзвін (спогади про М. Хвильового) / О. Семененко // Прапор. – 1990. – № 7. – С. 141.

Сенченко, Ан. Національне питання в період розгорнутого соціялістичного наступу на всьому фронті / Ан. Сенченко // Більшовик України. – 1930. – № 17. – С. 47–61.

Скоропадський, П. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. / гол. ред. Я. Пеленський.– Київ; Філадельфія: [Б.и.] 1995. – 493 с.

Скорочена доповідь Народнього Комісара Освіти України т. Скрипника М. На VII Всесоюзному з'їзді робітників освіти СРСР) / М.О. Скрипник // Більшовик України. – 1929. – № 7–8. – С. 31–48.

Скрипник, М.О. З приводу економічної платформи націоналізму / М.О. Скрипник // Більшовик України. – 1928. – № 6. – С. 45–50.

Скрипник, М.О. До теорії боротьби двох культур / М.О. Скрипник. – Харків: Держвидав України, 1928. – 70 с.

Скрипник, М.О. Лінія освітньої роботи в будуванні соціялізму (промова на Всеукраїнської нараді профспілкових бібліотечних робітників 7 березня 1927 р. / М.О. Скрипник // Статті й промови: в 5 т. – Т. IV. Ч.: Питання соціялістичної освіти. – Харків: Держвидав України, 1930. – С. 10.

Скрипник, М.О. Нові лінії в національно-культурному будівдництві / М.О. Скрипник. –Харків: Держвидав України, 1930. – 64 с.

Скрипник, М.О. Про кордони УРСР / М.О. Скрипник // Статті й промови. – Харків: Державне видавництво України, 1929. – Т. 2. Ч. 1: Національне питання. – С. 315–322.

Скрипник, М.О. УСРР – П'ємонт українських трудящих мас: [З доповіді на XI Всеукраїнському з’їзді рад 1929 р.: «Стан та перспективи культурного будівництва на Україні»] / М.О. Скрипник // *Скрипник М.О.* Статті й промови з національного питання / Упоряд. І. Кошелівець. – Мюнхен: Сучасність, 1974. – С. 178–184.

Скрипник, М.О. Українське національне питання в ЦЧО і Казакстані / М.О. Скрипник // Пролетарська правда (Київ). – 1932. – 24 ноября.

Скрипник, М.О. Хвильовизм чи шумськизм? / М.О. Скрипник // Більшовик України. – 1927. – № 1. – С. 26–39.

Слава русского народа // Правда. – 1937. – 10 февраля.

Советская Украина на новом подъеме. Политический отчет ЦК КП(б)У на XII съезде КП(б)У. Доклад тов. П.П. Постышева / П.П. Постышев // Правда. – 1934. – 24 января.

Сталин, И.В. Выступления на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10–18 января 1918 г. /

И.В. Сталин // Сочинения. – Т. 4. – М.: Издательство политической литературы, 1947. – С. 30–37.

Сталин, И.В. Заключительное слово по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 25 апреля 1923 г. / И.В. Сталин // Сочинения. – Т. 5. – М.: Издательство политической литературы, 1947. – С. 236-263.

Сталин, И.В. Заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 года / И.В. Сталин // Сочинения. – Т. 14. – М.: Издательство политической литературы, 1997. – С. 174–188.

Сталин, И.В. К постановке национального вопроса / И.В. Сталин // Сочинения. – Т. 5. – М.: Издательство политической литературы, 1947. – С. 52–59.

Сталин, И.В. Марксизм и национальный вопрос / И.В. Сталин // Сочинения. –Т. 2. – М.: Издательство политической литературы, 1946. – С. 290–367.

Сталин, И.В. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве / И.В. Сталин // Сочинения. – Т. 5. – М.: Издательство политической литературы, 1947. – С. 181–194.

Сталин, И.В. Национальный вопрос и ленинизм: Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим / И.В. Сталин // Сочинения. – Т. 11. – М.: Издательство политической литературы, 1949. – С. 333–355.

Сталин, И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе / И.В. Сталин // *Сталин И.В*. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. статей и речей. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. – С. 65–72.

Сталин, И.В. О задачах хозяйственников: Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. / И.В. Сталин // Сочинения. – Т. 13. – М.: Издательство политической литературы, 1951. – С. 29–42.

Сталин, И.В. Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов / И.В. Сталин // *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. статей и речей. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. – С. 87–89.

Сталин, И.В. Политика советской власти по национальному вопросу в России / И.В. Сталин // *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. статей и речей. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. – С.58–64.

Сталин, И.В. Против федерализма / И.В. Сталин // Сочинения. – Т. 3. – М.: Издательство политической литературы, 1946. – С. 23–31.

Сталин, И.В. Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У / И.В. Сталин // Сочинения. – Т. 8. – М.: Издательство политической литературы, 1948. – С. 149–154.

Феликс Дзержинский. Дневники. Письма / Ф. Дзержинский. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 437 с.

Хаїт, І. На педагогічні теми / І.Хаїт. – Харків: Радянська школа, 1936. – 206 с.

Хвильовий, М. Україна чи Малоросія? Памфлети. Київ, 1993. / М.Г. Хвильовий. – Київ: Смолоскип, 1993. – 290 с.

Хвиля, А. Викорінити, знищити націоналістичне коріння на мовному фронті / А. Хвиля // Більшовик України. – 1933. – № 7–8. – С. 42–56.

Хвиля, А. За більшовицьку пильність на фронті творення української радяньскої культури / А. Хвиля // Комуніст. – 1933. – 4 апреля.

Хвиля, А. Ларінська русотяпська «практика» / А. Хвиля // Більшовик України. – 1927. – № 11. – С. 69-75.

Хвыля, А. Национальный вопрос на Украине /А. Хвыля. –Киев: Госиздат Украины, 1926. – 129 с.

Хвиля, А. Про одну спробу ревізії ленінізму / А. Хвиля // Більшовик України. – 1929. – № 19. – С. 9–39.

Цветет и крепнет индустриально-колхозная Украина. Речь тов. П.П. Постышева на II областном Съезде Советов Киевщины 11 января 1935 года / П.П. Постышев // Известия. –1935. – 14 января.

Черлюнчакевич, Н. Національні меншості на Україні / Н. Черлюнчакевич // Більшовик України. – 1926. – № 4–5. – С. 106–112.

Чуев, Ф.И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола / Ф.И. Чуев. – М.: Отечество, 1992. – 205 с.

Шандор В. Спомини. Т. 1: Карпатська Україна 1938–1939 / В. Шандор. – Ужгород: МПП «Гражда», 1995. – 388 с.

Шевченковские дни по стране // Правда. – 1939. – 7 марта.

Шевченковские юбилейные торжества // Известия. – 1939. – 5 марта.

Шевченковские юбилейные торжества // Известия. – 1939. – 6 марта.

Шумський О. Ідеологічна боротьба в українськом у культурноу процесі / О. Шумський // Більшовик України. – 1927. – № 1. – С. 11-25.

Юзевський, Г. Замість щоденника / Г. Юзевський // «Роде наш красний…»: Волинь у долях краян і людських документах / авт.-упоряд. Л. К. Оляндер. – Т. 2. – Луцьк: Вежа, 1996. – С. 195–211.

Юринець, В. Національне питання на Х з’їзді КП(б)У / В. Юринець // Більшовик України. –1927. – № 15. – С. 48–57.

Юринець, В. Про націоналістичні ухили в комуністичній партії Західної України / В. Юринець // Більшовик України. – 1927. – № 9. – С. 7–17.

Яворський, М.І. Революція на Вкраїні в її головних етапах / М.І. Яворський. – Харків: Державне видавництво України, 1923. – 81 с.

Яворський, М.І. Історія України в стислому нарисі: Посібник для профшкіл та робфаків / М.І. Яворський. – Харків: ДВУ, 1928. – 339 с.

Baranowski, W. Rozmowy z Piłsudskim / W. Baranowski // Niepodległość. – T. XVIII. Z. l. – Warszawa, 1938. – S. 50–51.

Dmowski, R. Myśli nowoczesnego Polaka / R. Dmowski. – Lwów: H. Altenberg, 1907. – 279 p.

Dmowski, R. Pisma. T. V: Polityka polska i odbudowanie państwa. Cz. I: Przed wojną. Wojna do r. 1917. / R. Dmowski. – Częstochowa, 1937. – 386 s.

Dmowski, R. Pisma. T. III: Dziesiec lat walki / R. Dmowski. – Częstochowa, 1939. – 405 s.

Masaryk, T.G. Nová Evropa: stanovisko slovanské / T.G. Masaryk. – Praha: nákladem Gustava Dubského, 1920. – 246 s.

Masaryk, T. G. Slovanské problémy / T.G. Masaryk. – Praha: Státní nakladatelství, 1928. – 192 s.

Józef Piłsudski o państwie i armii. W 2 t. T. 1: Wybór pism / J. Piłsudski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985. – 343 s.

Монографии, статьи (историография)

Агафонова, Н.В. Становлення національної системи освіти в Україні: 1917–1920 рр.: Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01. / Н.В. Агафонова – Одеса, 1998. – 200 с.

Алдакимова, О.В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: Дисс. …канд. пед. наук: 13.00.01 / О.В. Алдакимова. – Сочи, 2004. – 216 с.

Акопян, В.З. Общее и особенное в причинах украинизации на юге России и Украине / В.З. Акопян // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 167–173.

Антонюк, О.В. Етнополітика в Україні; історія та сучасний стан / О.В. Антонюк // Український історичний журнал. – 1999. – № 4. – С. 15–28.

Бабій, Б.М. Українська радянська держава в період відбудови народного господарства (1921–1925 рр.). / Б.М Бабій. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1961. – 384 с.

Бабко, Ю.В. Партійне будівництво на Україні у 1933–1937 рр. / Ю.В. Бойко. – Львів: Львівський університет, 1971. – 180 с.

Бачинський, Д.В. Українізація 1920-х – початку 30-х років та інтелігенція / Д.В. Бачинський. – Чернівці: Книги–XXI, 2009. – 233 с.

Бачинский, П.П. Деятельность КП(б)У по осуществлению ленинской национальной политики в 1921–1925 гг. Автореф. дисс. ...докт. истор. наук: 07.570 / П.П. Бачинский. – Одесса, 1970. – 72 с.

Бачинський, Ю. Большевицька революція і українці: критичні заміткі / Ю. Бачинський. – 2-е доп. вид. – Берлін: [б.в.], 1928. – 135 с.

Бойко, Ю. Шлях нації (1943) / Ю. Бойко. – Париж–Київ–Львів: Українське слово, 1992. – 126 с.

Березівська, Л.Д. Прихована реформа шкільної освіти в УРСР: причини, напрями, наслідки (30–ті роки ХХ ст.) / Л.Д. Березівська // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2007. – Вип. 36. – С. 52–57.

Бершадская, О.В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. / О.В. Бершадская // Вторые Кубанские литературно-исторические чтения: материалы научно-теоретической конференции. – Краснодар: КГУКИ, 2000. – С. 120–125.

Бетлий, О. Украина 1919–1923: пражский проект / О. Бетлий // Европа: журнал Польского института международных дел. – Т. 6. – 2006. – № 2. – С. 119–151.

Білас, І. Репресивно-каральна система в Україні 1917–1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз: у 2-х кн. / І. Білас. – Київ: Либідь, 1994. – Кн. 1: 428 с.; Кн. 2: 685 с.

Блитстейн, П. Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах, 1938–1953 / П. Блитстейн // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина: сб. ст. / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 310–335.

Богінська, І.В. Педагогічні кадри Донбасу і політика українізації (1920–1930-ті рр.). Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / І.В. Богінська. – Донецьк, 2000. – 238 с.

Богінська, І.В. Педагогічні кадри Донбасу і політика українізації (1920 – 30-ті роки). Автореф. дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / І.В. Богінська. – Донецьк, 2000. –19 с.

Богуславська, В.Г. Народна освіта в добу національно-демократичної революції 1917–1920 рр. Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01. / В.Г. Богуславська. – Донецьк, 2001. – 210 с.

Бойко, О. Територія, кордони і адміністративно-територіальний поділ Української Держави гетьмана П.Скоропадського (1918) / О. Бойко // Регіональна історія України: зб. наук. ст. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2009. – Вип. 3. – С. 217–232.

Болдижар, М. Державність на Закарпатті: події, факти, оцінки / М. Болдижар, С. Болдижар. – Ужгород: Вид-во УжНУ, 2003. – 212 с.

Большая Советская Энциклопедия. – Изд 1-е. – Т. 59. – М.: Советская энциклопедия, 1935. – 864 стб.

Бондарчук, П.В. Національно-культурна політика більшовиків в Україні на початку 1920-х років / П.В. Бондарчук. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 1998. – 46 с.

Бондарчук, П.М. Політика українізації і профспілки УСРР (1920-і рр.) / П. М. Бондарчук. – Київ: [б.в.], 2002. – 162 с.

Бондарчук, П.М. Профспілки УСРР як об'єкт і суб'єкт політики українізації (1920-ті рр.). Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / П.М. Бондарчук. – Київ, 2000. – 188 с.

Бондарчук, П.М. Профспілки і проблема «українізації» робітників і службовців УСРР в 1920-ті рр. / П.М. Бондарчук, В.Г. Шарпатий // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика: зб. ст. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2001. – Вип. 4.– С. 244–267.

Бондарь, О.М. Українізація та національні формування у військах УВО у 1922–1935 роках. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / О.М. Бондарь. – Одеса,1996. – 160 с.

Борисёнок, Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине ХХ века / Ю.А. Борисёнок. – М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. – 351 с.

Борисёнок, Ю.А. Романтик с Андреевского спуска / Ю.А. Борисёнок // Родина. – 2009. – № 5. – С. 47–50.

Борисенок, Е.Ю. Влияние польского фактора на политику большевиков по национальному вопросу (большевики и украинский вопрос в 1917–1923 годах) / Е.Ю. Борисенок // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – С. 179–194.

Борисенок, Е.Ю. Волость за волость, уезд за уезд. Вопрос о границах между Украиной и Россией в 1920-е гг. / Е.Ю. Борисенок // Родина. – 1998. – № 8. – С. 111–115.

Борисенок, Е.Ю. «Золотой сентябрь» тридцать девятого. Красная армия и местное население на Западной Украине / Е.Ю. Борисенок // Родина. – 2009. – № 8. – С. 34–38.

Борисенок, Е.Ю. Кадровая политика большевиков в западных областях Украины в 1939–1941 гг. / Е.Ю. Борисенок // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события,

документы: сб. ст. / отв. ред. О.В. Петровская, Е.Ю. Борисенок. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 177–198.

Борисенок, Е.Ю. «Когда такой вопрос ставится, начинают рычать…»: Границы Украинской СССР: территориальные споры 1920-х годов / Е.Ю. Борисенок // Родина. – 2015. – №1. – С. 77–80.

Борисенок, Е.Ю. «Могут быть… уволены без выдачи выходного пособия»: о том, как срочно проводили полную украинизацию / Е.Ю. Борисенок // Родина. – 2013. – № 8. – С. 110–113.

Борисьонок, О.Ю. Обговорення проблем українізації вищим партійним керівництвом у 1922–1923 рр. / О.Ю. Борисьонок // Український історичний журнал. – 2000. – № 4. – С. 90–99.

Борисенок, Е.Ю. Общественно-политические преобразования на Западной Украине. 1939–1941 гг. / Е.Б. Борисенок // Славяноведение. – 2009. – № 3. – С. 15–26.

Борисенок, Е.Ю. «Перевести делопроизводство на родной язык…» Избранные места из переписки в период активного проведения украинизации / Е.Ю. Борисенок // Родина. – 2014. – № 1. – С. 117–120.

Борисенок, Е.Ю. Понаехали тут… «Украинизация» от Лаврентия Берии в 1953 году / Е.Ю. Борисенок // Родина. – 2008. – № 6. – С. 116–122.

Борисенок, Е.Ю. Пять портретов товарища Рыкова / Е.Ю. Борисенок // Родина. – 2012. – № 7. – С. 124–129.

Борисенок, Е.Ю. Проблема украинизации пролетариата в национальной политике 1920-х годов / Е.Ю. Борисенок // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2012. – М., 2012. – С. 153–166.

Борисенок, Е.Ю. Русские об Украине и украинизации 1910–1930-х годов / Е.Ю. Борисенок // Русские об Украине и украинцах: очерки / отв. ред. Е.Ю. Борисенок. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 362–414.

Борисенок, Е.Ю. Смысловые и оценочные особенности употребления термина «украинизация» / Е.Ю. Борисенок // Между Москвой, Варшавой и Киевом: Сборник к 50-летию М.В. Дмитриева / сост. О.Б. Неменский. – М.: [б.м.], 2008. – С. 217–224.

Борисенок, Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы / Е.Ю. Борисенок // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе: сб. статей / отв. ред. Л.Е. Горизонтов. – М.: Институт славяноведения РАН, 2005. – С. 205–237.

Борисенок, Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы / Е.Ю. Борисенок. – М.: Европа, 2006. – 256 с.

Боровик, А.М. Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.) / А.М. Боровик. – Чернігів: Видавництво «Чернігівські обереги», 2008. – 368 с.

Боровик, А.М. Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). Дисс. ...докт. іст. наук: 07.00.01 / А.М. Боровик. – Харків, 2005. – 439 с.

Боєчко, В.Д. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан / В.Д. Боєчко, О.І. Ганжа, Б.І. Захарчук. – Київ: Основи, 1994. – 168 с.

Боєчко, В.Д. Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.) / В.Д. Боєчко, О.І. Ганжа, Б.І. Захарчук // Український історичний журнал. – 1992. – № 1. – С.56–77.

Боєчко, В.Д. Формування державних кордонів України, 1917–1940 рр. / В.Д. Боєчко, О.І. Ганжа, Б.І. Захарчук. – Київ: Ін-т історії АН УРСР, 1991. – 34 с.

Бриндак, О.Б. Ліквідація більшовиками політичної опозиції та встановлення однопарійної системи в Україні в 20-ті роки XX століття / О.Б. Бриндак. – Одеса: Астропринт, 1998. –182 с.

Брицький, П.П. Україна у Другій світовій війні (1939–1945 рр.) / П.П. Брицький. – Чернівці: [б.в.], 1995. – 114 с.

Бугай, Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина» / Н.Ф. Бугай. – М.: Наука, 2006. – 271 с.

Букач, В.М. Политика украинизации в первой половине 20-х годов: Материалы к курсу по истории Украины и украинской культуры / В.М. Букач. – Одесса: [б.и.], 1997. – 50 с.

Булдаков, В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России / В.П. Булдаков // Вопросы истории. – 2000. – № 1. – С. 29-45.

Булдаков, В.П. Феномен революционного национализма в России / В.П. Булдаков // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений: сб. ст. / под общ. ред. А.Н. Сахарова, В.А. Михайлова. – М.: Наука, 1999. – С. 202–216.

Буркут, И. Деятельность советского и украинского националистического подполья на территории Черновицкой области в 1941–1944 гг. / И. Буркут // Русин. – 2010. – № 4. – С. 89–99.

Буркут, І.Г. Русинство: минуле і сучасність /І.Г. Буркут. – Чернівці: Прут, 2009. – 384 с.

Бранденбергер, Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956): пер. с англ. / Д. Бранденбергер. – СПб.: Академический проект ДНК, 2009. – 416 с.

Бурлака, С.І. Українізація і партапарат (перша половина 20-х років) / С.І. Бурлака // Трибуна. – 1991. – №5. – С. 28–29.

Бутенко, В.І. Шкільна освіта на Харківщині (20 ті р. XX ст) / В.І. Бутенко// Вісник Харківського національного університету. – 1998. – № 401, вип. 2: Історія України. – С. 152–158.

Василик, Л.Є. Місячник «Самостійна думка» та тижневик «Самостійність» – речники українського життя на Буковині у міжвоенний період / Л.Є. Василик, Ю.О. Попович // Вісник Харківського національного

університету ім. В.Н. Каразіна: Сер. «Соціальні комунікації». – 2011. – Вип. 3. – С. 46–51.

Васильєв, В.Ю. Особливості репресій в управлінських структурах УРСР в період «великого терору» 1937–1938 рр. / В.Ю. Васильєв // Історія України: маловідомі імена, події, факти: зб. ст. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2007. – Вип. 34. – С. 177–197.

Васильєв, В.Ю. Політичне керівництво УРСР і СРСР: динаміка відносин центр-субцентр влади (1917–1938) / В.Ю. Васильєв. – Київ: Інститут історії України, 2014. – 376 с.

Васильев, И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX - начало XXI века) / И.Ю. Васильев. – М.: Традиция, 2014. – 336 с.

Васильчук, Г.М. Другий «неп»: сучасна історіографія теорії та історії політики українізації в УСРР / Г.М. Васильчук // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія Історія. – 2007. – Вип. 19. – С. 150–154.

Васильчук, Г.М. Зарубіжна історіографія політики українізації 20–30-х рр. в УРСР / Г.М. Васильчук // Вісник Київського славістичного університету. Серія: історія. –2007. – Вип. 32. – С. 186–195.

Васильчук, Г.М. Радянська Україна 20–30-х рр. XX ст.: сучасний історіографічний дискурс / Г.М. Васильчук. – Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2008. – 314 с.

Васильчук, Г.М. Причини та мета українізаційної кампанії на Україні (II десятиріччя 20 ст.) / Г.М. Васильчук // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – 2004. – Вип. 18. – С. 193–197.

Васильчук, Г.М. «Радянська інтелігенція»: сучасні тлумачення і аксіологічні орієнтири / Г.М. Васильчук // Наукові записки Інституту

політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. – 2008. – Вип. 37. – С. 343–354.

Васильчук, Г.М. Українізація вищих органів державної влади та управління УСРР (20-ті роки). Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01 / Г.М. Васильчук. – Київ, 1994. – 213 с.

Васюта, І.К. Робітничо-селянський союз у народному фронті Західної України (1935–1939 рр.) / І.К. Васюта // Український історичний журнал. – 1986. – №9. – С.83–93.

Ващенко, І.В. Історіографія 50-х – середини 70-х рр. про культурне будівництво в Україні 1920-х – початку 30-х рр. / І.В. Ващенко // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. Історія. – 2000. – Вип. 32. – С.211–218.

Ващенко, І.В. Національне відродження 20-х років в Україні в історичній літературі кінця 50-х-середини 80-х рр. / І.В. Ващенко // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: збірник наукових праць молодих вчених. – Харків, 1998. – С. 36–39.

Ващенко, І.В. Політика українізації 1920-х – початку 1930-х років в Україні: проблеми історіографії. Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.06 / І.В. Ващенко. – Дніпропетровськ, 2001. – 203 с.

Ващенко, І.В. Проблема політики українізації в історичній літературі після 1991 року / І.В. Ващенко // Збірник наукових праць Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди: Серія історія та географія. – 2000. – Вип. 4. – С.113–122.

Ващенко, І.В. Спроба національної реформи 20-х років у поглядах її сучасників / І.В. Ващенко // Четверта міжрегіональна науково-практична конференція. Концепція формування законодавства України (листопад 1999 р.): наукові статті. – Запоріжжя: [б.в.], 2000. – С.44–50.

Ващенко, І.В. Українське національне відродження 1920-х рр.: спроба переосмислення радянською історіографією середини 80-х – початку 90-х

років XX ст. / І.В. Ващенко // Збірник наукових праць Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди: Серія історія та географія. – 1999. – Вип. 3. – С. 3–11.

Ващенко, І.В. Українізація в історіографії середини 1930 – початку 1950-х рр. / І.В. Ващенко // Збірник наукових праць Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди: Серія історія та географія. – 2000. – Вип. 5. – С. 36–43.

Винниченко, В. Відродження нації (Історія української революції). У 3-х част. / В. Винниченко – Київ; Відень: Дзвін, 1920. – Ч. 1. – 348 с.; Ч. 2. – 328 с.; Ч. 3. – 535 с.

Вдовин, А.И. Особенности этнополитических отношений и формирование новой государственности в России (исторический и концептуальный аспекты) / А.И. Вдовин. – М.: РАУ, 1993. – 72 с.

Вдовин, А.И. Русские в XX в. / А.И. Вдовин. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. –448 с.

Вдовин, А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа / А.И. Вдовин. – М.: Вече, 2013. – 624 с.

Вегеш, М.М. Карпатська Україна. Документи і факти / М.М. Вегеш. –Ужгород: Карпати, 2004. – 432 с.

Вегеш, М. Велич і трагедія Карпатської України: історико-популярний нарис / М. Вегеш, В. Задорожний. – Ужгород, Закарпатське товариство «Знання», консалтинг-центр «Перспектива». –1993. – 84 с.

Вегеш, М. Угорська іредента на Закарпатті між двома світовими війнами (1918–1939 рр.) / М. Вегеш, В. Гиря, І. Король. – Ужгород, Колір Прінт, 1998. – 130 с.

Ведєнєєв, Д.В. Розвідувальна діяльність підпілля організації українських націоналістів у Західній Україні в 1939–1941-х роках / Д.В. Ведєнєєв // Наукові записки Інститута політичних і етнонаціональних досліджень. – 2005. – Вип. 28. – С. 186–203.

Великий Жовтень і розквіт возз'єднаного Закарпаття. Матеріали наукової сесії, присвяченої 50-річчю Великої Жовтневої соціалістичної революції. 29 червня – 2 липня 1967 р.: Зб. статей / Ред. колегія М.В. Троян (відп. ред.) та ін. – Ужгород: Карпати, 1970. – 605 с.

Великочий, В.С. Українська історіографія суспільно-політичних процесів у Галичині 1914–1919 рр. / В.С. Великочий. – Івано-Франківськ Видавничо-дизайнерський відділ ЦІТ Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника, 2009. – 812 с.

Вербицький, М. Найбільший злочин Кремля. Запланований штучний голод в Україні 1932 – 1933 років / М. Вербицький. – Лондон: [б.и.], 1952. – 112 с.

Вербова, О.С. Аграрна політика польскої держави міжвоєнного періоду та українське питання / О.С. Вербова // Науковий вісник Національного лісотехнічного університету України: зб. наук.-техн. пр. – Львів, 2008. – Вип. 18. – С. 127–134.

Верменич, Я.В. Здійснення українізації у 20 – 30-х роках: політичні і культурні проблеми: Автореф. дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01 / Я.В. Верменич. – Київ, 1993. – 189 с.

Верменич, Я.В. «Українізація»: походження і зміст поняття / Я.В. Верменич, Д.В. Бачинський // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика: зб. ст. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 1999. – Вип. 3. – С. 140–155.

Виговський, М.Ю. Номенклатура системи освіти в УСРР 1920–1930-х років: соціальне походження, персональний склад та функції / М.Ю. Виговський. – Київ: Генеза, 2005. – 309 с.

Виткалов, В.Г. Українська культура: Сторінки історії XX століття / В.Г. Виткалов. – Рівне: Ліста, 1997. – 433 с.

Вишиванюк, А. Украинизаторские процессы в Православной церкви в межвоенной Польше / А. Вишиванюк // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2014. – № 4 (32). – С. 160–183.

Віднянський, С.В. Т. Масарик про Україну і українців / С.В. Віднянський // Міжнародні зв’язки України: наукові пошуки і знахідки: міжвід. зб. наук. праць. – Вип. 4. – Київ: НАН України, Ін-т історії України, 1993. – С. 132–147.

Віднянський, С.В. Закарпаття – Підкарпатська Русь: від здобуття автономії до проголошення незалежної держави (до 70-річчя Карпатської України) / С.В. Віднянський // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика: зб. наук. ст. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. – Вип. 15, ч. 1. – С. 184–208.

Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / Ю.В. Аксютин и др. – М.: РОССПЭН, 1995. – 400 с.

Вовк, Л.П. Історія освіти дорослих в Україні: Нариси / Л.П. Вовк. – Київ: УДПУ, 1994. – 228 с.

Возз’єднання українських земель в єдиній українській радянській державі – торжество ленінської національної політики КПРС: Матеріали науково-теоретичної конференції, присвяченої 30-річчю возз’єднання Закарпаття з Радянською Україною. 17–18 квітня 1975 р. / Ред. кол. О.В. Хланта (відп. ред.) та ін. – Ужгород, 1976. – 280 с.

Волковинський, В.М. Християн Раковський. Політичний портрет / В.М. Волковинський, С.В. Кульчицкий. – Київ: Політвидав України, 1990. – 266 с.

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным / отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. 1939–1941 гг. – М.: Индрик, 1999. – 528 с.

Гаврецька, М.Е. Правовий режим української мови за конституційними актами Республіки Польща (Другої Речі Посполитої) /

М.Е. Гаврецька // Часопис Київського університету права. – 2013. – № 2. – С. 48–52.

Гавришко, М. Заходи ОУН на міжнародній арені у справі «пацифікації» в Галичині у 1930 р. / М. Гавришко // Український визвольний рух. – Львів: / Інститут українознавства ім. І.Крип'якевича НАН України, Центр досліджень визвольного руху, 2014. – Зб. 19. – С. 174–201.

Гай-Нижник, П.П. Державотворчий процес в Західноукраїнській Народній Республіці / П.П. Гай-Нижник, В.Ф. Солдатенко // Нариси історії державної служби в Україні / редкол.: С. В. Кульчицький (кер. авт. кол.) та ін. – Київ: Ніка-Центр, 2009. – 536 с.

Галенко, О.І. Історія культурного будівництва в Українській РСР 1921–1941 рр. у документальних публікаціях / О.І. Галенко // Український історичний журнал. – 1986. –№8. – С. 42–50.

Галій, М. Геть маску! Національна політика на радянській Україні в світлі документів / М. Галій, Б. Новицький. – Львів-Прага [Б.в.], 1934. – 128 с.

Галій, М. Організований голод в Україні 1932–1933 / М. Галій. – Чикаго, Нью-Йорк: Український публіцистично-науковий ін-т, 1968. – 39 с.

Галушко, К. Украинский национализм, ликбез для русских, или кто и зачем придумал Украину / К. Галушко. – 2-е изд., доп. – Киев: Темпора, 2012 . – 634 с.

Гаман-Голутвина, О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции / О.В. Гаман-Голутвина. – М.: РОССПЭН, 2006. – 446 с.

Гармаш, Р. Трагедія Хвильового – трагедія нашого покоління / Р. Гармаш // Вежі (Мюнхен). – 1947. – № 1. – С. 24–34; 1948. – № 2. – С. 37–47.

Гетьманчук, М.П. Між Москвою та Варшавою: українське питання у радянсько-польских відносинах міжвоєнного періоду / М.П. Гетьманчук. –Львів: Львівська політехніка, 2008. – 431 с.

Гобл, П. Рождение сталинской национальной политики: Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, 9–12 июня 1923 г. / П. Гобл // Межнациональные отношения в России и СНГ. Семинар Московского Центра Карнеги. Вып. 1 / под ред. П. Гобла и Г. Бордюгова. – М.: АИРО-ХХ, 1994. – С. 17–29.

Годун, Н. Політична діяльність А. Хвилі в УСРР (1926–1936 рр.): функції і завдання головного цензора / Н. Годун // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвідомчий збірник наукових праць. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2006. – Вип. 15. – С. 155–167.

Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1997. – 326 с.

Голубенко, П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин / П. Голубенко. – Нью-Йорк; Париж: Українське слово, 1987. – 552 с.

Горєлов, М.Є. Цівілізаційна історія України / М.Є. Горєлов, О.П. Моця, О.О. Рафальский. – Київ: ТОВ УВПК «ЕксОб», 2005. – 632 с.

Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина: сб. ст. / под ред. Р.Г Суни, Т. Мартина; [пер. с англ. В.И. Матузовой]. – М.: РОССПЭН, 2011. – 376 с.

Грациози, А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 гг. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях / А. Грациози. – 3-е изд., доп. – М.: АИРО-ХХ, 1997. – 199 с.

Гриневич, О.В. Рівноправність мов та проблема українізації в 20-30-х р. ХХ ст на Миколаївщині / О.В. Гриневич // Рідна стежина: Часопис

історії і практики національного виховання. Пошуки. Проблеми. Знахідки. Досвід. – Миколаїв, 1994. – Вип. 1. – С. 6–8.

Гриневич, О.В. Розвиток національної школи на Миколаївщині в 20-30-ті рокі / О.В. Гриневич // Історія України: маловідомі імена, події, факти: зб. ст. – Київ: Інститут історії України НАН України, 1999. – Вип. 7. – С. 219–223.

Грицак, Я. Страсті за націоналізмом: стара історія на новий лад: Есеї / Я. Грицак. – Київ: Krytyka, 2011. – 352 с.

Гриценко, М. Нариси з історії школи в Українській РСР (1917–1965) / М. Гриценко. – Київ: Радянська школа, 1966. – 260 с.

Гриців, М. Пацифікація 1930 р. і судова система Другої Речі Посполитої / М. Гриців // Український визвольний рух: наук. зб. – Львів: Інститут українознавства ім. І.Крип'якевича НАН України, Центр досліджень визвольного руху, 2011. – Вип. 15. – С. 27–48.

Гришко, В.І. Москва сльозам не вірить. Трагедія України 1933 року з перспективи 30-річчя (1933–1963) / В.І. Гришко. – Нью-Йорк: Видання ДОБРУС'у в США, 1963. – 67 с.

Грищенко, М.М. Ленін і народна освіта в Українській РСР / М.М. Грищенко. – Київ: Радянська школа, 1968. – 27 с.

Грищенко, М.М. Розвиток радянської школи на Україні / М.М. Грищенко. – Київ: Радянська школа, 1958. – 70 с.

Гросул, В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.) / В.Я. Гросул. – М.: ИТРК, 2007. – 216 с.

Губань, Р. Входження Бессарабії та Північної Буковини до складу Румуніі (історико-правовий аспект) / Р. Губань // Наукові записки Інституту законодавства Верховної Ради України. – 2014. – № 2. – С. 5–8.

Гудь, Б. Українсько-польські конфлікти новітньої доби: етносоціальний аспект / Б. Гудь. – Харків: Акта, 2011. – 478 с.

Гусєва С.О. З досвіду розв'язання національного питання на півдні України (1920–30 рр.) / С.О. Гусєва, М.М. Цобенко // Український історичний журнал. – 1991. – № 2. – С. 45–54.

Гутянський, С.К. Здійснення ленінських принципів народної освіти / С.К. Гутянський. – Київ: Вид-во Академії наук УРСР, 1960. – 180 с.

Давидюк, Р.П. Еволюція національно-демократичного руху на Волині у 20-х рр. XX ст. / Р.П. Давидюк //Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: наук. зап. Рівнен. держ. гуманіт. ун-ту / Рівнен. держ. гуманіт. ун-т. – Рівне: Вид-во РДГУ, 2012. – Вип. 23. – С. 203–213.

Давидюк, Р. Від угодовства до автономізму: чинники і складові розколу уенерівського політичного табору Волині у другій половині 1930-х років / Р. Давидюк // Europa Orientalis: Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich. – 2012. – № 3. – С. 67–80.

Давидюк, Р. Розмежування Західної Волині та Східної Галичини як складова «волинського експерименту» Генрика Юзевського // Сучасна українська держава: історичні імперативи становлення, тенденції та проблеми розвитку: збірник. – Київ, 2006. – С. 498–509.

Даниленко, В.М. «Українізація» 1920-х рр. і сьогодення / В.М. Даниленко // Другий міжнародний конгрес україністів. Львів, 22–28 серпня 1993 р. Доповіді і повідомлення. Історія. – Львів: [б.в.], 1994. – Ч. 2. – С. 67–70.

Даниленко, В.М. Згортання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. / В.М. Даниленко // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика: зб. ст. – Київ: Інститут історії України НАН України, 1996. – Вип. 2. – С. 96–116.

Даниленко, В.М. «Українізація» і голод 1932–1933 рр. в Україні / В.М. Даниленко, П.Н. Бондарчук // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвід. зб. наук. пр. – Київ: Інститут історії України

НАН України, 2008. – Вип. 18: Голод 1932–1933 років – геноцид українського народу. – С. 327–335.

Даниленко, В.М. [Рецензия] / В.М. Даниленко, П.М. Бондарчук // Український історичний журнал. – 2003. – № 3. – С.153–156. – Рец. на кн. *Солдатенко В.Ф.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. – Київ: Пошуково-видавниче агентство «Книга Пам’яті України», 2002. – 352 с.

Даниленко, В.М. Сталінізм на Україні: 20-30-ті роки / В.М. Даниленко, Г.В. Касьянов, С.В. Кульчицький. – Київ: Либідь, 1991. – 344 с.

Даниленко, В.М. Освіта України в роки національно-демократичної революції (1917–1920): з хроніки подій / В.М. Даниленко, О.М. Завальнюк, Ю.В. Телячий. – Кам'янець-Поділ.: Абетка-Нова, 2005. – 264 с.

Даниленко, О.В. Радянська Україна – суб’єкт міжнародних відносин 1921–1922 рр.: структурно-системний аналіз законодавчих актів / О.В. Даниленко // Науковий вісник Миколаївського державного університету ім. В.О. Сухомлинського. – 2009. – № 27. – С. 71–82.

Даниленко, О. Українська еміграція в Чехословаччині (1920-і роки): соціокультурний аспект / О. Даниленко // Етнічна історія народів Європи. – 2001. – Вип. 10. – С. 37–40.

Дарованець, О. Боротьба Організації українських націоналістів проти асиміляційно-репресивної політики польської влади щодо українців Волині (1929–1939) / О. Дарованець // Український визвольний рух: наук. зб. – Львів: Інститут українознавства ім. І.Крип’якевича НАН України, Центр досліджень визвольного руху, 2003. – Зб. 2. – С. 53–73.

Дашкевич, Я.Р. Українізація: Причини і наслідки / Я.Р. Дашкевич // Слово і час. – 1990. – № 8. – С. 55–64.

Дем'янюк, О.Й. Волинь та Галичина в українсько-польських стосунках у 1919 р. / О.Й. Дем'янюк // Вісник Нац. ун-ту «Львівська

політехніка» / відп. ред. Л.Є. Дещинський. – Львів, 2007. – № 584: Держава та армія. – С. 113–120.

Дзюба, І. Інтернаціоналізм чи русифікація / І. Дзюба. – Мюнхен: Сучасність, 1968. – 263 с.

Добржанський, О. Листопад 1918 р. на Буковині. Ще раз про втрачені можливості / О. Добржанський // Питання історії України: зб. наук. ст. – Чернівці: Чернів. нац. ун-т ім. Юрія Федьковича, 2008. – Т. 11. – С. 64–71.

Донцов, Д. Підстави нашої політики / Д. Донцов. – Відень: Видавництво Донцових, 1921 р. – 212 с.

Доронченков, А.И. Межнациональные отношения и национальная политика в России: Актуальные проблемы теории, истории и современной политики: этнополитологический очерк/ А.И. Доронченков. – СПб.: [б.и.], 1995. – 199 с.

Дорошко, М.С. Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.) / М.С. Дорошко. – Київ: Ніка-Центр, 2008. – 368 с.

Дорошко, М.С. Ротація керівних кадрів у радянській торталітарній державі у 1920–1930-ті роки: український «досвід» / М.С. Дорошко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: між від. зб. наук. пр. – Київ: Інститут історії України НАН. України, 2007. – Вип. 16, ч. 1: На пошану д-ра іст. наук, проф. С. В. Кульчицького з нагоди 70-річчя від дня народження та 50- річчя наукової праці. – С. 445–455.

Дояр, Л.В. «Придніпровський» фрагмент життя більшовика Артема: історія ДККР / Л.В. Дояр // Історія і культура Придніпров'я: Невідомі та маловідомі сторінки: науковий щорічник. – Дніпропетровськ: Національний гірничий університет, 2010. – Вип. 7. – С. 163–169.

Дроздов, К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.). Дис… канд. ист. наук: 07.00.02. / К.С. Дроздов. – М., 2010. – 265 с.

Дронов, М.Ю. Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919–1938). Дисс. … канд. ист. наук: 07.00.03 / М.Ю. Дронов. – М., 2013. – 269 с.

Заболотний, І. Нескорена Волинь: нарис з історії революційного руху на Волині. 1917–1939 / І. Заболотний. – Львів: Каменяр, 1964. – 204 с.

Завальнюк, О.М. Українська ідея і національне університетське будівництво в Україні (1917–1920 рр.) / О.М. Завальнюк // Україна: національна ідея: Матеріали Міжнародної наукової конференції 23 квітня 2002 р. – Київ : [б. и.], 2003. – С. 238–247.

Завальнюк, О.М. Утворення і діяльність державних українських університетів (1917–1921 рр.): монографія / О.М. Завальнюк. – Кам’янець-Подільський: Аксіома, 2011. – 644 с.

Завальнюк, О.М. Будівництво української загальноосвітньої школи в роки національно-демократичної революції (1917–1920): Іст. нарис / О.М. Завальнюк, Ю.В. Телячий. – Кам'янець-Поділ.: Абетка-Нова, 2001. – 212 с.

Закарпаття в етнополітичному вимірі / ред. кол. Левенець Ю. (голова), інш. – Київ: ІПіЕНД імені І.Ф.Кураса НАН України, 2008. – 682 с.

Закарпаття 1919–1920 років: історія, політика, культура / під рнд. М. Вегеша, Ч. Фединець. – Ужгород: Поліграфцентр «Ліра», 2010. – 720 с.

Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939-1941 гг.: люди, события, документы: сб. ст. / отв. ред. О.В. Петровская, Е.Ю. Борисенок. – СПб.: Алетейя, 2011. – 424 с.

Зеленин, И.Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление / И.Е. Зеленин // Вопросы истории. – 1998. – № 1. – С. 114–123.

Зелінський, М.В. Дипломатична діяльність Романа Дмовського у вирішенні «українського питання» на Паризькій мирній конференції (1919–1920) / М.В. Зелінський // Чорноморський літопис. – 2013. – Вип. 8. – С. 11–21.

Золотоверхий, І.Д. Становлення української радянської культури (1917–1920 рр.) / І.Д. Золотоверхий. – Київ: АН УСРР, 1961. – 424 с.

Зубалій, О. Освітній рух в добу національно-державного відродження / О. Зубалій, Д. Рященко // Український істор. журн. – 1998. – № 3. – С. 12–23.

Иванцов, И.Г Мова в районном масштабе: Украинизация Кубани 1922–1932 годов / И.Г. Иванцов // Родина. – 2008. – № 9. – С. 77–80.

Иванцов, И.Г. Система партийно-государственного контроля РКП(б)–ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920 – 1934 / И.Г. Иванцов. –Краснодар: [б. и.], 2008. – 328 с.

Иванцов, И.Г. Украинизационные мероприятия ВКП(б) на Кубани в 1921–1932 гг. / И.Г. Иванцов // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: мат-лы Междунар. науч. нонф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 212–217.

Иванцов, И.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б) 1920-е – начало 1930-х гг. / И.Г. Иванцов. – Краснодар: Альфа Принт, 2009. – 99 с.

Ідріс, Н.О. Антиукраїнські настрої у містах УСРР за доби «українізації» у 20 – на початку 30-х рр. ХХ ст. / Н.О. Ідріс // Мандрівець: Всеукраїнський науковий журнал. – 2010. – № 5. – С. 36–39.

Ізюмов, В.І. Проблема української державності у 20-ті роки ХХ ст. (історіософічний та політологічний аспекти) / В.І. Ізюмов // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – 1999. – Випуск VIII. – С. 71–77.

Ильин, С.К. Этнические меньшинства в автономных областях и республиках юга РСФСР, 20-е годы: Дисс. …канд. ист. наук: 07.00.02 / С.К. Ильин. – М., 1995. – 500 с.

Ісакова, І.А. Співпраця УСРР та РСФРР у здійсненні українізації на Кубані (1923–1933 рр.). Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / І.А. Ісакова. – Черкаси, 2014. – 230 с.

Історія Волині. ХХ – початок ХХІ ст.: краєзнавчий бібліографічний покажчик / Волинський національний університет імені Лесі Українки; уклад. Л.П Дейнека; упоряд. Л.А. Понєдєльник. – Луцьк: Вежа, 2011. – 127 с.

История России. ХХ век: учебное пособие / А.Н. Боханов и др.; отв. ред. В.П. Дмитренко. – М., Издательство АСТ, 2001. – 608 с.

История Украины: научно-популярные очерки / В.Ф. Верстюк и др., под ред. В.А. Смолия. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 1070 с.

Історія українського війска (1917–1995) / В. Гриневич та ін.; упоряд. Я. Дашкевич. – Львів: Світ, 1996. – 840 с.

Історія Української РСР. У 2 т. / голов. ред. О.К. Касименко. – Т 1. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1953. – 784 с.; Т. 2. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1956. – 704 с.

Історія Української РСР / голов. ред. К.К. Дубина. У 2 т. Т. 1. – Київ: Наук. думка, 1967. – 807 с.; Т. 2. – Київ: Наук. думка, 1967. – 856 с.

Історія Української РСР / голов. ред А. Шевелєв та Ю. Кондуфор. У 8 т., 10 кн. – Т. 6: Українська РСР у період побудови і зміцнення соціалістичного суспільства (1921–1941). – Київ: Наукова думка, 1977. – 544 с.

Історія України. Нове бачення: навчальний посібник у 2-х т. / під ред. В.А. Смолія. – Т. 2. – Київ: Україна, 1996. – 494 с.

Історія України: підручник / Ю.Д. Зайцев та ін., керівник авт. кол. Ю.Д. Зайцев – 3-є вид. –Львів: Світ, 2002. – 519 с.

Історія України: навчальний посібник / В.Ф. Верстюк та ін.; під ред. В.А. Смолія. Вид. 3-є доп. – Київ: Альтернативи, 2002. – 471 с.

Кабузан, В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год / В.М. Кабузан. – М.: Наука, 2006. – 658 с.

Кайкова, О.К. Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг. Дисс. …канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02 / О.К. Кайкова.– М., 2007. – 325 с.

Калакура, О.Я. Поляки в етнополітичних процесах на землях України у ХХ столітті. / О.Я. Калакура – Київ: Знання України, 2007. – 508 с.

Калиник, О. Що несе з собою комунізм? Документи про російсько-комуністичний терор в Україні / О. Калиник. – Мюнхен; Торонто: Спілка Визволення України, 1954 . – 112 с.

Каліщук, О. До проблеми сокальського кордону (за матеріалами міжвоєнної преси) / О. Каліщук // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність: зб. наук. пр. – Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2012. – Вип. 21. – С. 354–360.

Капелюшний, В.П. Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольнихзмагань (1917–1921рр.) / В.П. Капелюшний. – Київ: Київський нац. ун-т ім. Т. Шевченка, 2003. – 608 с.

Карпенко, О.Ю. До питання про характер революційного руху у Східній Галичині в 1918 р. / О.Ю. Карпенко // З історії західноукраїнських земель.– Київ: Вид-во АН РСР, 1957. – Вип. 1. – С. 59–90.

Касьянов, Г.В. Українська інтелігенція 1920–30-х років: соціальний портрет та історична доля / Г.В. Касьянов. – Київ: «Глобус», «Вік»; Едмонтон: Канадський ін-т укр. студій Альбертського ун-ту, 1992. – 176 с.

Кен, О.Н. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х – 1930-х гг.). Проблемы.

Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. / О.Н. Кен, А.И. Рупасов. – СПб.: Европейский дом, 2000. – 704 с.

Кентій, А.В. Збройний чин українських націоналістів. 1920-1956. Історико-архівні нариси / А.В. Кентій. –У 2 т. – Т. 1: Від Української Військової Організації до Організації Українських Націоналістів 1920–1942. – Київ: Державний комітет архівів України ; Центральний державний архів громадських об’єднань України, 2005. – 332 с.

Клопова, М.Э. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в контексте отношений России и Австро-Венгрии. 1898–1914 гг. Дисс. …канд. ист. наук: 07.00.03 / М.Э. Клопова. – М., 2010. – 215 с.

Кобилецький, М. Утворення та структура державного апарату ЗУНР / М. Кобилецький. – Львів: [б. и.], 1998. – 60 с.

Ковалевський, М. Опозиційні рухі в Україні і національна політика в 1920–1954 рр. / М. Ковалевський. – Мюнхен: Інститут для Вивчення Історії та Культури СССР, 1954. – 83 с.

Ковалевський, М. Україна під червоним ярмом: документи і факти / М. Ковалевський. – Варшава-Львів: Схід, 1936. – 204 с.

Ковалів, Ю. І. Літературна дискусія 1925–1928 рр. / Ю.І. Ковалів. – Київ: Товариство «Знання» Української РСР, 1990 . – 48 с.

Ковалюк, В.Р. Культурологічні та духовні аспекти «радянизації» Західної України (вересень 1939 р. – червень 1941 р.) / В.Р. Ковалюк // Український історичний журнал. –1993. – № 2–3. – С. 3–16.

Ковальчак, Г.І. Економічний розвиток західноукраїнських земель / Г.І. Ковальчак – Київ: Наукова думка ,1988. – 252 с.

Кокошко, Ф.В. Розвиток культурно-освітньої діяльності в українському селі в 20-ті рр. (на матеріалах Півдня України / Ф.В. Кокошко. – Миколаїв: Приват-Поліграфія, 1998. – 89 с.

Колісник, К.Е. Проведення політики українізації на Харківщині в 1923–1932 рр. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / К. Колісник. – Донецьк, 2001. – 194 с.

Командири великого голоду: Поїздки В. Молотова і Л. Каганови ча в Україну та на Північний Кавказ. 1932–1933 рр. / за ред. В. Васильєва, Ю. Шаповала. – Київ, 2001. – 399 с.

Комар, В.Л. Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921–1939 рр.) / В.Л. Комар – Івано-Франківськ: Місто НВ, 2011. – 360 с.

Комар, В.Л. Українське питання в політиці Польщі (1926-1939) / В.Л. Комар // Український історичний журнал. – 2001. – № 5. – С. 120–128.

Комаренко, Т.О. Влада і мистецька інтелігенція Раддянської України; 20-ті роки ХХ ст. / Т.О. Комаренко, М.А. Шипович. – Київ: Інстітут історії України НАН України, 1999. – 63 с.

Кондратюк, К.К. Політичні, соціально-єкономічні та духовні аспекти «радянизації» західних областей України у 1939–1941 роках / К.К. Кондратюк // 1939 рік в історичній долі України і українців: матеріали Міжнародної наукової конференції (Львів, 23–24 вереня 1999 р.) / гол. ред. К.К. Кондратюк. – Львів: Видавничий центр Львівського національного університету ім. І.Франка, 2001. – С. 21–31.

Кондратюк, К.К. Радянська Україна 20–30-х років ХХ ст.: сучасний історіографічний дискурс / К.К. Кондратюк // Вісник Львівського університету. Серія історична. – 2013. – Вип. 48. – С. 245–261.

Кондратюк, В.О. Україна в 20–30 рр. ХХ століття. Суспільно-політичне життя ХХ століття / В.О. Кондратюк, О.Ю. Зайцев. – Львів: Львів. лісотехн. ін-т ім. П.С.Погребняка, 1993. – 72 с.

Кондрашин, В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни / В.В. Кондрашин. – М.: РОССПЭН, 2008. – 520 с.

Кононенко, К.С. Україна і Росія. Соціально-економічні підстави української національної ідеї. 1917–1960 / К.С. Кононенко. – Мюнхен: Логос, 1965. – 535 с.

Коржихина, Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 / Т.П. Коржихина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во РГГУ, 1994. – 418 с.

Корнилов, В.В. Донецко-Криворожская Советская Республика: Расстрелянная мечта / В.В. Корнилов. – Харьков: Folio, 2011. – 603 с.

Коротун, С.Н. Национальные меньшинства Воронежского краяв 1917–1941 гг. / С.Н. Коротун, С.П. Толкачева, Е.А. Шевченко. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2012. – 328 с.

Костырченко, Г.В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм / Г.В. Костырченко. – М.: Международные отношения, 2001. – 784 с.

Костюк, Г. Сталінізм в Україні (Генеза і наслідки). Дослідження і спостереження сучасника: пер. с англ. / Г.О. Костюк. – Київ, Смолоскип, 1995. – 508 с.;

Кошелівець, І. Микола Скрипник / І. Кошелівець. – Мюнхен: Сучасність, 1972. – 343 с.;

Котенко, А.Л. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны / А.Л. Котенко, О.В. Мартынюк, А.И. Миллер // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 108. – С. 9–27.

Коцур, В.П. Історичні дослідження: упереджені та об̕єктивні оцінки / В.П. Коцур. – Київ: Наукова думка, 1998. – 505 с.

Кравченко, А.А. Українська загальноосвітня середня школа в період визвольних змагань (1917–1920 рр.): Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01. / А.А. Кравченко. – Запоріжжя, 2002. – 222 с.

Кравченко, Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. / Б. Кравченко. – Київ: Основи, 1997 . – 423 с.

Кравчук, О. Національні відносини в Чехословаччині 1918–1935 рр.: погляд Т.Ґ. Масарика / О. Кравчук // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи: зб. наук. пр. – Кам’янець-Подільський: Кам’янець-Подільський нац. ун. ім. Івана Огієнка, 2012. – Вип. 3. – С. 162–182.

Крамар, Ю.В. Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області) / Ю.В. Крамар // Архіви України. – 2013. – № 3. – С. 115–126.

Крамар, Ю.В. Національні меншини в політиці воєводської адміністрації Г. Юзевського на Волині: (1928–1938 рр.) / Ю.В. Крамар // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. – 2000. – № 1: Іст. науки. – С. 83–88.

Крамар, Ю.В. Освітня політика воєводської адміністрації Г. Юзевського на Волині / Ю.В. Крамар // Зб. навч.-метод. матеріалів і наук. ст. іст. ф-ту Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки. – Вип. 5. – Луцьк, 2000.– С. 97–102.

Крамар, Ю.В. Політика воєводи Г. Юзевського стосовно української кооперації на Волині у міжвоєнний період / Ю.В. Крамар // Український селянин: зб. наук. пр. Вип. 8 Спеціальний: Матеріали V Всеукраїнського симпозіуму з проблем аграрної історії. – Черкаси: Видавництво ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2004. – С. 240–244.

Крамар, Ю.В. Політика державної асиміляції на Волині (1928–1938 роки): Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.02 / Ю.В. Крамар – Луцьк, 1998. – 210 с.

Крамар, Ю.В. Політика державної асиміляції на Волині (1928–1938 роки). Автореф. дисс. …канд. іст. наук: 07.00.02 /Ю.В. Крамар – Львів, 1998. – 19 с.

Крамар, Ю.В. Політика «зміцнення польської присутності» на Волині та її вплив на характер українсько-польських стосунків напередодні Другої світової війни / Ю.В. Крамар // Друга світова війна і

доля народів України: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. – Київ: Сфера, 2005. – С.196–205.

Крамар, Ю.В. Проблема неоунії на Волині у міжвоєнний період / Ю.В. Крамар // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. – 1998. – № 1: Іст. науки. – С. 68–73.

Крамар, Ю.В. Політика польської адміністрації щодо національних меншин на Волині у міжвоєнний період / Ю.В. Крамар // Друга світова війна і доля народів України: матеріали 2-ї Всеукр. наук. конф. – Київ, 2007. – С. 332–342.

Крамар, Ю.В. Реалізація земельної реформи у Волинському воєводстві адміністрацією Г. Юзефського (1928–1938) / Ю.В. Крамар // Минуле і сучасне Волині. Олександр Цинкаловський і край : матеріали IX наук. іст.-краєзн. міжнар. конф. – Луцьк, 1998. – С. 253–257.

Крамар, Ю.В. Рух за українізацію православної церкви на Волині у міжвоєнний період / Ю.В. Крамар // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Л. Українки. –2002. – № 3. – С. 126–132.

Крамар, Ю.В. Українське початкове шкільництво на Волині у 1921–1926 роках / Ю.В. Крамар // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. –1997. – № 3: Історія. – С. 43–46.

Крамар, Ю.В. Участь українських політичних партій у парламентських виборах 1930 року на Волині / Ю.В. Крамар // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. – 2007. – № 1: Іст. науки. – С. 198–204.

Красовицкая, Т.Ю. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925 / Т.Ю. Красовицкая. – М.: Наука, 1992. – 298 с.

Красовицкая, Т.Ю. Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов / Т.Ю. Красовицкая. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 414 с.

Красовицкая, Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 г.): Документы и материалы / Т.Ю. Красовицкая. – М.: ИРИ РАН, 2007. – 448 с.;

Красовицкая, Т.Ю. Модернизации российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – 1920-е годы) / Т.Ю. Красовицкая. – М.: Новый хронограф, 2011. – 680 с.

Криворучко, О.І. Проблема взаємодії сільської та міської культур в УСРР в 20-х роках: історичний аспект. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / О.І. Криворучко. – Київ,1994. – 187 с.

Крилов, І. Система освіти в Україні (1917–1930 рр.) / І. Крилов. – Мюнхен: [б.в.], 1956. –96 с.

Кручек, О.А. Становлення державної політики УСРР у галузі національної культури (1920–1923 рр.) / О.А. Кручек. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 1996. – 50 с.

Кузьменко, В.Б. Міжнаціональні відносини в Радянській Україні (1917–1939 рр.): Правові аспекти / В.Б. Кузьменко – Одеса: Одеський державний університет внутрішніх справ, 2009. – 810 с.

Кузьменко, М.М. Науково-педагогічна інтелігенція в УСРР 20–30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень / М.М. Кузьменко. – Донецьк: Норд-Пресс, 2004. – 455 с.

Кукса, Н.Г. Культурно-освітній розвиток українського селянства в період українізації. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / Н.Г. Кукса. – Черкаси, 2005. – 205 с.

Куліш, Т. Вплив політики українізації на розвиток мережі шкільної освіти та структури на вначальних закладів у 20-х рр. XX ст. / Т. Куліш // Гуманітарний вісник Державного вищого навчального закладу «Переяслав-Хемельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди». –2011. – Вип. 22. – С. 76–80.

Куліш, Т. Українізація шкільної освіти в період національного відродження 20-х років XX ст.: причини, проблеми, шляхи реалізації / Т. Куліш // Історико-педагогічний альманах. – 2010. – № 2. – С. 64–67.

Кульчицький, С.В. Зміст радянської українізації 20-х років / С.В. Кульчицький // Сучасність. – 1998. – № 9. – С. 66–71.

Кульчицький, С.В. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928) / С.В. Кульчицький. – Київ: Основи, 1996. – 396 с.

Кульчицький, С.В. Першопочатки радянської українізації / С.В. Кульчицький // Світогляд. – 2011. – № 4. – С. 64–76.

Кульчицький, С.В. Сталінська «революція згори» / С.В. Кульчицький // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвід. зб. наук. пр. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. – Вип. 22. – С. 103-135.

Кульчицький, С.В. Україна між двома війнами (1921–1939 рр.) / С.В. Кульчицький. – Київ, Альтернативи, 1999. – 336 с.

Кульчицький, С.В. Український Голодомор в контексті політики Кремля початку 1930-х рр. / С.В. Кульчицький. – Київ: Інститут історії України, 2014. – 208 с.

Кульчицкий, С.В. У площині державного співіснування. Радянська Україна і Радянська Росія: відносини між першою і другою світовими війнами / С.В. Кульчицький // Політика і час. – 1996. – № 5. – С. 61–70.

Купрійчук, В.М. Вплив товариств «Просвіта» на державотворчі процеси гуманітарного розвитку доби української національної революції (1917–1920 рр.) / В.М. Купрійчук // Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. – 2013. – Вип. 1. – С. 179–188.

Купрійчук, В.М. Доба Центральної Ради УНР: від мовної українізації до українознавчого змісту освіти / В.М. Купрійчук // Вісник Національної

академії державного управління при Президентові України. – 2012. – Вип. 1. – С. 16–25.

Купрійчук, В.М. Нормативно-правове забезпечення розвитку гуманітарної політики Західноукраїнської Народної Республіки (листопад 1918–1919 рр.) / В.М. Купрійчук // Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. – 2012. – Вип. 4. – С. 219–226.

Купрійчук, В.М. Політика культурного розвитку в історії українського державотворення (1917–1920 рр.) / В.М. Купрійчук. // Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. – 2011. – Вип. 1. – С.197–204.

Купрійчук, В.М. Розвиток освітніх процесів у період Української національної революції 1917–1920 років / В.М. Купрійчук // Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. – 2011. – Вип. 2. – С. 205–212.

Купрійчук, В.М. Становлення національної шкільної освіти як напрям гуманітарної політики в добу української національної революції (1917–1920 рр) / В.М. Купрійчук // Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. – 2012. – Вип. 2. – С. 179–188.

Курносов, Ю.О. Духовне життя на Україні в 20-30-ті рр. / Ю.О. Курносов // Український історичний журнал. – 1990. – №1. – С. 83–99.

Курносов, Ю.О. У навчанні та праці: Підготовка кадрів інтелігенції в Українській РСР / Ю.О. Курносов, О.Г. Бондар. – Київ: Наукова думка, 1964. – 342 с.

Кучабський, В. Большевизм і сучасне завдання українського Заходу: Національно-політичні замітки / В. Кучабський. – Львів: [б.в.], 1925. – 127 с.

Кучабський, В. Україна і Польща. Отверта відповідь польському консерватистові / В. Кучабський. – Львів: Мета, 1933. – 236 с.

Кучерепа, М. ВУО: Волинське українське об'єднання: (1931–1939 рр.) / М. Кучерепа, Р. Давидюк. – Луцьк: Надстир'я, 2001. – 419 с.

Ланда, Р.Г. Мирсаид Султан-Галиев / Р.Г. Линда // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 53–69.

Ласунский, О.Г. Украинский вопрос в Воронежском крае. К постановке проблемы / О.Г. Ласунский // Из истории Воронежского края: сборник статей. – Воронеж: МОУ ВЭПИ, 2002. – Вып. 10 – С. 182–195.

Лебідь, І. Управління процесом українізації початкової освіти (1917–1920 рр.) / І. Лебідь // Освіта і управління. – 2006. – № 3–4. – С. 206–213.

Левицький, К. Великий зрив / К. Левицький. – Львів*:* Червона Калина, 1931. – 48 с.

Лемак, В. Карпатська Україна 1938–1939 років: державно-правовий аспект / В. Лемак. – Ужгород: [б.в.], 1993. – 73 с.

Ленартович, О. Формування організаційної структури та діяльність українського націоналістичного підпілля на Волині у 1930-х рр. / О. Ленартович // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвід. зб. наук. пр. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2010. – Вип. 19(2). – С. 169–177.

Лисенко, О.Є. Анексія та інкорпорація Західної України Раддянським Союзом 1939–1941 рр.: етнополітичний аспект / О.Є. Лисенко, В.А. Гриневич // Україна і Росія в історичній ретроспективі: нариси: у 3-х т. / відп. ред. В.А. Смолій. – Т. 2: Радянський проект для України. – Київ: Наукова думка, 2004. – С. 144–165.

Лисий, В. Державний статус УСРР в 1917–1923 роках / В. Лисий. – Мюнхен–Нью-Йорк: Українська Вільна Громада Америки, 1963. – 48 с.

Литвин, М.Р. 1939. Західні землі України / М.Р. Литвин, О.І. Луцький, К.Є. Науменко. – Львів: І-т українознавства НАНУ, 1999. – 152 с.

Литвин, М.Р. Історія ЗУНР / М.Р. Литвин, К.Є. Науменко. – Львів: ОЛІР, 1995. – 368 с.

Литвин, М.Р. Українсько-польська війна 1918–1919 рр. / М.Р. Литвин – Львів: Інститут українознавства. НАНУ; Інститут Центрально-Східної Європи, 1998. – 469 с.

Лозинський, М. Галичина в рр. 1918–1920 / М. Лозинський. – Відень: Український Соціольоґічний Інститут, 1922. – 228 с.

Лозинський, М. З новим роком 1924: Теперішній стан будови Української Держави і задачі західно-українських земель / М. Лозинський. – Женева: Накл. автора, 1924. – 76 с.

Лозицький, В.С. Бунтівник. Життя і смерть Миколи Хвильового: іст.-біогр.-публіцист. нарис / В.С. Лозицький. – Київ: Генеза, 2009. – 120 с.

Лозицький, В.С. Політика українізації в 20–30-х роках: історія, проблеми, уроки / В.С. Лозицький // Український історичний журнал. – 1989. – № 3. – С. 46–55.

Лозицький, В.С. Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991) / В.С. Лозицький. – Київ: Генеза, 2005. – 368 с.

Магочій, П.-Р. Україна. Історія її земель та народів / П.-Р. Магочій. – Ужгород: Вид-во В.Падяка, 2012. – 794 с.

Магочій, П.-Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948) / П.-Р. Магочій. – Ужгород: Политичка Карпатського Краю, 1994. – 296 с.

Мазепа, І. Україна в огні й бурі революції: 1917–1921: у 3 ч. / І. Мазепа. – Ч. 1: Центральна Рада. Гетьманщина. Директорія. – Прага: Пробоєм, 1942. – 212 с.; Ч. 2: Кам'янецька доба. Зимовий похід. – Прага:

Пробоєм, 1942. – 232 с.; Ч. 3: Польсько-український союз. Кінець збройних змагань УНР. – Прага: Пробоєм, 1943. – 234 с.

Мазепинец, І. Правда про наше минуле / І. Мазепинець. – Рівне: Волинь, 1942. – 95 с.

Майборода, В. Національні школи України: історія, розвиток, уроки / В. Майборода, С. Майборода // Рідна школа. – 1992. – № 5–6. – С. 3–9.

Майборода, В.К. Вища педагогічна освіта в Україні: історія, досвід, уроки (1917–1985 рр.) / В.К. Майборода. – Київ: Либідь, 1992. – 196 с.

Майстренко, И. Национальная политика КПСС в ее историческом развитии / И. Майстренко. – Мюнхен: Сучасність, 1978. – 223 с.

Майстренко, И. Історія комуністичної партії України / И. Майстренко. – Мюнхен: Сучасність, 1979. – 256 с.

Макар, Ю.І. Є. Коновалець та розвиток українського націоналістичного руху на Буковині / Ю.І. Макар // Вісник центру буковинознавства. Серія історична. – Вип. 1. – Чернівці: ЧНУ, 1993. – С. 154–164.

Макарчук, С.А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западноукраинских землях в период империализма / С.А. Макарчук. – Львов: Вища школа, 1983. – 256 с.

Маланчук, В. Історія однієї зради / В.Ю. Маланчук. – Львів: Книжково-журнальне видавництво, 1958. – 70 с.

Малярчук, Н.Г. Росіяни в Донбасі (20 30 рр. ХХ ст.). Дисс. ...канд. ист. наук: 07.00.01 / Н.Г. Малярчук. – Донецьк, 2006. – 310 с.

Малярчук, Н.Г. Росіяни в Донбасі (20–30 рр. ХХ ст.): монографія / Н.Г. Малярчук. — Донецьк, ПП Чернецька Н.А., 2011. – 296 с.

Мандрик, Я.І. Культура українського села в період сталінізму / Я.І. Мандрик. – Івано-Франківськ: [б.в.], 1998. – 253 с.

Мануілова, К.В. Вплив політики українізації на вибір мови промислових робітників і міщанства УСРР (1920-ті – 1930-ті рр.)

[электронный ресурс] / К.В. Мануілова // Актуальні питання вітчизняної та світової історії: збірник матеріалів Всеукраїнської наукової конференції, 23–24 квітня 2010 р. – Суми, 2010. – С. 93–100. [Режим доступа:] http:// essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/.../Мануилова.pdf. [Время доступа:] 24.03.2014

Мануілова, К.В. Політика коренізації в південно-західних національно-адміністративних районах УРСР (1923–1939 рр.) / К.В. Мануілова. – Одеса: ТЕС, 2013. – 150 с.

Мануйкін, О. Національна ідея у громадсько-політичній діяльності та літературній творчості Володимира Винниченка (1917 – середина 30-х років XX ст.) / О. Мануйкін // Вісник Черкаського університету. Сер. Філологічні науки. – Черкаси, 2005. – Вип. 67. – С. 22–28.

Маньківська, Т.О. Українізація шкіл і вчительство на Слобожанщині у 1917–1918 рр. / Т.О. Маньківська // Наука. Релігія. Суспільство. – 2012. – № 4. – С. 41–45.

Марискевич, Т. Історіографія поняття «українізація» / Т. Марискевич // Мандрівець: Всеукраїнський науковий журнал. – 2010. – № 5. – С. 33–35.

Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939: пер. с англ. / Т. Мартин. – М: РОССПЭН, 2011. – 662 с.

Марусик, Т.В. Західноукраїнська гуманітарна інтелігенція: реалії життя та діяльності (40–50-ті роки XX ст.) / Т.В. Марусик. – Чернівці: Рута, 2002. – 463 с.

Марчук, М.В. Освіта України в роки національного відродження (1917 – початок 1930-х рр.). Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01. / М.В. Марчук. – Івано-Франківськ, 2003. – 212 с.

Марчук, Н.В. Формування етнокультурної самосвідомості (період Чехословацької окупації) / Н.В. Марчук // Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили. Сер. Політологія. – 2011. – Т. 155, Вип. 143. – С. 99–103.

Марчуков, А.В. Украинское национальное движение; УССР. 1920 – 1930-е годы. Цели, методы, результаты / А.В. Марчуков. – М.: Наука, 2006. – 599 с.

Маслійчук, В. Марксистські схеми української історії: Матвій Яворський, Володимир Сухино-Хоменко, Микола Горбань / В. Маслійчук // Україна модерна. – 2009. – Т.14: Марксизм на сході Європи. – С.63–77.

Матвеев, Г.Ф. Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период / Г.Ф. Матвеев // Россия – Украина: история взаимоотношений: сб. ст. / отв. ред. А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 237–244.

Матвеев, Г.Ф. Русинский вопрос в Чехословакии и Польше в межвоенные годы / Г.Ф. Матвеев // Карпатские русины в славянском мире: актуальные проблемы. Материалы международного научного круглого стола /отв. ред. М. Даниш, Ю. Борисёнок. – М.-Братислава: издатель Степаненко, 2009. – С. 90–114.

Матвеев, Г.Ф. Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах / Г.Ф. Матвеев, В.С. Матвеева. – М.: Родина МЕДИА, 2011. – 173 с.

Матвеева, Л.Д. Политика «коренизации» по созданию нефтяных кадров Башкирии в 30-е гг. XX в. (историографические аспекты) / Л.Д. Матвеева // Нефтегазовое дело. – 2006. – № 4. – С. 251–253.

Машевський, О.П. Політика уряду гетьмана П. Скоропадського в галузі освіти, науки, мистецтва (квітень–грудень 1918 р.): Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01 / О.П. Машевський. – Київ, 1997. – 197 с.

Мельниченко, В.Е. Раковский против Сталина / В.Е. Мельниченко. – М.: Знание, 1991. – 63 с.

Мельниченко, В.Е. Християн Раковський: невідомі сторінки життя і діяльності / В.Е. Мельниченко. – Київ: Вища школа, 1992. – 159 с.

Мельтюхов, М.И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939 / М.И. Мельтюхов. – М.: Вече, 2009. – 624 с.

Мельтюхов, М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. / М.И. Мельтюхов. – М.: Вече, 2001. – 461 с.

Мейс, Дж. Микола Хвильовий / Дж. Мейс // Історія України в особах XIX–XX ст. / керівник авт. кол. І.Н. Войцехівська. – Київ: Україна, 1995. – С. 369–376.

Мейс, Дж. Національне питання у житті й творчості Миколи Скрипника / Дж. Мейс, В.Ф. Солдатенко// Український історичний журнал. – 1996. – № 2. – С. 74–86; № 3. – С. 130–143.

Мейс, Дж. Український національний комунізм: трагічні ілюзії. / Д. Мейс, М. Панчук. – Київ: [б.в.], 1997. – 81 с.

Миллер, А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) / А.И. Миллер.– СПб.: Алетейя, 2000. – 260 с.

Місінкевич, Л.Л. Єврейська і польська національні меншини Поділля (20 – 30-ті рр. XX століття) / Л.Л. Місінкевич. – Київ: [б.в.], 2001. – 254 с.

Місінкевич, Л.Л. Національні меншини Поділля в 20–30–х рр. XX ст. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / Л.Л. Місінкевич. – Київ, 2000. – 190 с.

Мірчук, П. Степан Бандера – символ революційної безкомпромісовости / П. Мірчук. – Нью-Йорк–Торонто: Організація Оборони Чотирьох Свобід України, Ліга Визволення України, 1961. – 159 с.

Михутина, И.В. Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919–1920 гг. / И.В. Михутина // Версаль и новая Восточная Европа: сб. ст. / отв. ред. Р.П. Гришина, В.Л. Мальков. – М: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. – С. 159–175.

Михутина, И.В. Польско-украинский союз 1920 года / И.В. Михутина // Славяноведение. – 2011. – № 5. – С. 14–25.

Михутина, И.В. Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и Правительством Украинской Центральной Рады / И.В. Михутина. – М.: Европа, 2007. – 288 с.

Михутина, И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века) / И.В. Михутина. – М.: Институт славяноведения РАН, 2003. – 289 с.

Мороз, В.Я. Голод 1933-го року й українізація / В.Я. Мороз // Державність. – 1993. – № 2. – С. 2–6.

Мосійчук, Т. Боротьба УНДО з утраквізацією освіти в Галичині / Т. Мосійчук // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність: зб. наук. пр. – Львів, 2013. – Вип. 23. – С. 466–474.

Нагірняк, А.Я. Особливості антиукраїнської політики Польської влади в Галичині у 1920-х рр. / А.Я. Нагірняк // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». – Львів, 2009. – Вип. 652: Держава та армія. – С. 112–116.

Нагорнюк, О.М. Трансформація російсько-єврейських відносин на Західній Волині в 1920-х–1930-х рр. / О.М. Нагорнюк // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції «Євреї в Україні: історія і сучасність»: зб. наук. праць. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2009. –С. 305–314.

Назарук, О. До історії революційного часу на Україні: Українські політичні партії , їх союзи і теорії / О. Назарук. – Вінніпеґ: Ман, 1924. – 19 с.

Назарук, О. Значення партій / О. Назарук. – Львів, 1939. – 34 с.

На путях становления украинской и белорусской нации: факторы, механизмы, соотнесения: материалы междисциплинарных «круглых столов» (Институт славяноведения РАН, 2001–2003 гг.) / отв. ред. Л.Е. Горизонтов. – М.: Институт славяноведения РАН, 2004. – 256 с.

Нариси історії Закарпаття: у 3 т. / Ред. Гранчак І., Болдижар М. – Т.ІІ: 1918–1945. –Ужгород: Вид-во «Закарпаття», 1995. – 663 с.

Нариси історії Росії: пер. з рос. / Б.В. Ананьїч та ін.; за заг. ред. О.О. Чубар'яна. – Київ: Ніка-Центр, 2007. – 800 с.

Нариси історії української інтелігенції (перша половина ХХ ст): у 3 кн. / С.І. Білокінь та інш.; відп. ред. Ю.О. Курносов. – Київ, 1994. – Кн. 1. – 138 с.; Кн. 2. – 172 с.; Кн. 3. – 153 с.

Национальная политика России. История и современность / С.В. Кулешов и др.; отв. ред. В.А. Михаайлов. – М.: Русский мир, 1997. – 680 с.

Національна академія наук України. 1918–2008: до 90-річчя від дня заснування / Голов. ред. Б.Є. Патон. – Київ: Вид-во КММ, 2008. – 624 с.

Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси / відп. ред. В.А. Смолій. – Київ: Ніка-Центр, 2012. – 592 с.

Невежин, В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. / В.А. Невежин. – М.:«АИРО–ХХ», 1997. – 288 с.

Нежинский, Л.Н. У истоков большевистско-унитарной внешней политики (1921–1923) / Л.Н. Нежинский // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 89–105.

Ненароков, А.П. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917–1925 / А.П. Ненароков. – М.: Наука, 1991. – 272 с.

Ненароков, А.П. 70 лет назад: национальный вопрос на ХІІ съезде РКП(б) / А.П. Ненароков // Отечественная история. – 1993. –№ 6. – С. 11–124; 1994. – № 1. – С. 106–117.

Нестеренко, В.А. Національні відносини на Поділлі в 20-30-ті роки ХХ століття. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / В.А. Нестеренко. – Чернівці, 1998. – 188 с.

Нестеренко, В.А. Українізація на Поділлі у 20–30-х роках XX сторіччя: основні напрями, наслідки, недоліки та особливості / В.А. Нестеренко. – 2. вид., доп. та виправл. – Кам'янець-Подільський: Абетка, 2003. – 68 с.

Нечипоренко, З.В. Регіональні особливості політики коренізації (українізації) в УСРР. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / З.В. Нечипоренко. – Черкаси, 2006. – 233 с.

Нечипоренко, З.В. Регіональні особливості політики коренізації (українізації) в УССР: сучасний стан та перспективи вивчення / З.В. Нечипоренко // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – 2007. – Вип. 21. – С. 394–396.

Николішін, С. Культурна політика більшовиків і український культурний процес / С. Николишин. – Б.м.: На чужині, 1947. – 119 с.

Никонов, В.А. Молотов: Молодость / В.А. Никонов. – М.: Вагриус, 2005. – 768 с.

Ніколіна, І.І. Загальноосвітня школа України в контексті суспільно-політичного життя 20-х – початку 30-х рр. XX ст. Дисс. ...канд. іст. наук / І.І. Ніколіна. – Чернівці, 2007. – 261 с.

Новохатько, Л.М. Національний аспект доктрини «соціалістичної реконструкції»: спроба історико-теоретичного переосмислення / Л.М. Новохатько. – Київ: [б.в.], 1997. – 110 с.;

Новохатько, Л.М. Проблеми соціально-економічного і культурного розвитку України в контексті національної політики (20–30-ті рр. XX ст.) / Л.М. Новохатько. – Київ: СТИЛОС, 1998. – 316 с.

Новохатько, Л.М. Соціально-економічні і культурні процеси в Україні у контексті національної політики радянської держави (20-ті – середина 30-х рр.XX ст.): Автореф. дисс. ...докт. іст. наук: 07.00.01 / Л.М. Новохатько. – Київ,1999. – 410 с.

Носкова, А.Ф. Национальные меньшинства в Восточной Европе: геополитичесукий ракурс проблемы (от Первой ко Второй мировой волйне) / А.Ф. Носкова // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века: сб. ст. / отв. ред. Е.П. Серапионова. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 150–165.

Обидьонова, О.В. Національні меншини Донбасу в 20–30–ті роки XX століття. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / О.В. Обидьонова. – Донецьк, 2000. – 243 с.

Обидьонова, О.В. Національні меншини Донбасу в 20 - 30-ті роки XX століття. Автореф. дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01 / О.В. Обидьонова. – Донецьк, 2000. – 19 с.

Оксенюк, Р.Н. Нариси історії Волині. Соціально-економічний розвиток, революційний та національно визвольний рух трудящих (1861–1939 рр.) / Р.Н. Оксенюк – Львів: Каменяр, 1970. – 276 с.

Ольховский, С.В. Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше / С.В. Ольховский // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 4. – С. 272–279.

Орлянський, В.С. Євреї України в 20-ті – 30-ті роки XX сторіччя: соціально-політичний аспект / В.С. Орлянський. – Запоріжжя: Запоріз. держ. техн. ун-т, 2000. – 252 с.

Особливості буковинського пограниччя: історія культурного полілогу/ Л. Антошкіна, О. Гадинко, Г. Красовська, П. Сигеда, О. Сухомлинов. – Донецьк: ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2010. – 238 с.

Павлов, Д.Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов / Д.Б. Павлов. – М.: РОССПЭН, 1999. – 232 с.

Панасюк, В. «Волинська політика» воєвод Г. Юзевського та А. Ґавке-Новака 1928–1939 років: проблеми україно- та німецькомовної освіти / В. Панасюк // Етнічна історія народів Європи: зб. наук. пр. / гол. ред.

В.Ф. Колесник – Київ: Київський національний університет імені Т. Шевченка, 2004. – Вип. 16. – С. 126–131.

Панов, А.В. Масарик і Закарпаття / А.В. Панов – Ужгород: Ліра, 2010. – 192 с.

Панчук, М.І. «Націонал-ухильництво». Анатомія проблеми / М.І. Панчук // Маршрутами історії: зб. ст. / упоряд. Ю.І. Шаповал. – Київ: Політвидав України, 1990. – С. 213–243.

Парсаданова, В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. / В.С. Парсаданова // Новая и новейшая история. – 1989. – № 2. – С. 26–44.

Пастернак, Є. Нарис історії Холмщини і Підляшшя: Новіші часи / Є. Пастернак. – Вінніпег; Торонто: [б. в.], 1989. – 466 с.

Переверзев, А.Я. Губернии УЧР и гетманская Украина в 1918 году / А.Я. Переверзев // Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия: тезисы научных докладов и сообщений международной конференции. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1997. – С.46–48.

Передерій, І.Г. Становлення основ національної системи освіти в Україні за доби Центральної Ради (березень 1917 р. – квітень 1918 р.). Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01 / І.Г. Передерій. – Київ, 1998. – 176 с.

Петров, В.П. Діячі української культури (1920–1940 рр.). Жертви більшовицького терору / В.П. Петров. – Київ, Воскресіння, 1992. – 80 с.

Петров, В.П. Українські культурні діячі УРСР – жертви більшовицького терору / В.П. Петров. – Нью-Йорк: Пролог, 1959. – 79 с.

Петровская, О.В. Формирование границ Западной Белоруссии в 1939–1940 гг. / О.В. Петровская // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2012. – № 1(4). – С. 24–41.

Пижик, А.М. Культурно-освітня політика в добу Директорії УНР (1918–1920 рр.). Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01 / А.М. Пижик. – Київ, 1998. – 196 с.

Пиріг, М. Становлення та організаційні принципи діяльності «Українського селянсько-робітничого соціалістичного об'єднання (Сельроб)» у 1926–1928 роках / М. Пиріг // Мандрівець: Всеукраїнський науковий журнал. – 2013. – № 4. – С. 30–37.

Пиріг, Р.Я. Життя М.Грушевского: останнє десятиліття (1866–1934) / Р.Я. Пиріг. – Київ: Інститут української археографії, 1993. – 199 с.

Пиріг, Р.Я. Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси / Р.Я. Пиріг. – Київ: Інститут історії України, 2011. – 336 с.

Пігідо, Ф. Україна під большевицькою окупацією (Матеріали до історії боротьби українського народу в 1920–30 роках) / Ф. Пігідо. – Мюнхен: [б. в.], 1956. – 140 с.

Піддубний, І. Зміни в політичній системі Румунії в умовах авторитарного режиму (1938–1940 рр.) / І. Піддубний // Волинські історичні записки: Збірник наукових праць. – Житомир: Полісся, 2009. – Т. 2. – С. 75–85.

Піддубний, І. Румуни Буковини в житті краю: 1848–1918 рр. / І. Піддубний // Історична панорама: зб. наук. ст. Чернівецького нац. університету. Спеціальність «Історія». – Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2010. – Вип. 10. – С. 9–40.

Пиддубный, И. Деятельность правительства и реформы 1922–1926 гг. в Румынии / И. Пиддубный // Codrul Cosminului. – Vol. XX. – 2014. – № 2. – P. 463–484.

Плохій, С.М. Якої історії потребує сучасна Україна? / С.М. Плохій // Український історичний журнал. – 2013. – № 3. – С. 4–12.

Політика коренізації в радянській Україні (1920–30-і рр.). Науково-допоміжний бібліографічний покажчик / упоряд. та авт. вступ. ст.: П. Бондарчук, В. Даниленко, Г. Єфіменко. – Київ: [б.в.], 2003. – 219 с.

Політичний терор і тероризм в Україні: XIX–XX ст.: історичні нариси / Д.В. Архієрейський та ін.; відп. ред. В.А. Смолій. – Київ: Наукова думка, 2002. – 952 с.

Польша в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. – М.: Индрик, 2012. – 952 с.

Пометун, О.І. Історія України: підруч. для 10 кл. загальноосвіт. навч. закл.: рівень стандарту, академічний рівень / О.І. Пометун, Н.М. Гупан. – Київ, 2012. – 288 с.

Поп И.И. Энциклопедия Подкарпатской Руси / И.И. Поп. – Ужгород: изд-во В. Падяка, 2001. – 432 с.

Поплавський, О.О. Радянські республіки Півдня України як знаряддя централістичної політики більшовиків на початку 1918 р. / О.О. Поплавський // Проблеми політичної історії України: зб. наук. пр. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетровського національного університету, 2012. – Вип. 7. – С.97–102.

Портнов, А.В. Наука у вигнанні: Наукова і освітня діяльніс української еміграції в міжвоєнній Польщі (1919–1939) / А.В. Портнов. – Харків: ХІФТ, 2008. – 256 с.

Портнов, А.В. Terra hostica. Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года / А.В. Портнов // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2004. – № 4 (36). – С. 86–91.

Посівнич, М. Постать Степана Бандери під час Варшавського та Львівського процесів (1935–1936 рр.) / М. Посівнич // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Історичні науки. – 2010. – Вип. 16. – С. 31–44.

Постернак, С. Із історії освітнього руху на Україні за часи революції.1917–19 рр. / С. Постернак – Київ: Друкар, 1920. – 128 с.

Правобережний, Ф. 8 000 000. 1933-й рік на Україні / Ф. Правобережний. – Вінніпег: Культура й просвіта, 1951. – 84 с.

Правовий статус Академії наук України: історія та сучасність / Під ред. Ю. Шемшученка. – Київ: Наукова думка, 1999. – 299 с.

Прокофьева, Е.Ю. Осуществление национальной политики на Белгородчине во второй половине 20-х годов XX века (проблемы украинизации) / Е.Ю. Прокофьева // Белогорье: краеведческий альманах. –Белгород: Везелица, 1999. – С. 43–48.

Пристайко, В.І. Михайло Грушевський і ГПУ–НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934 / В.І. Пристайко, Ю.І. Шаповал. – Київ: Україна, 1996. – 335 с.

Пристайко, В.І. Михайло Грушевський. Справа «УНЦ» і останні роки (1931–1934) / В.І. Пристайко, Ю.І. Шаповал. – Київ: Критика, 1999. – 355 с.

Пристайко, В.І. Справа «Спілки визволення України». Невідомі документи і факти / В.І. Пристайко, Ю.І. Шаповал. – Київ: Інтел, 1995. – 448 с.

Прокоп, М. Україна і українська політика Москви / М. Прокоп. – Мюнхен: Сучасна Україна, 1956. – 176 с.

Пушкаш, А.И. Цивилизация или вварварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. / А.И. Пушкаш. – М.: Европа, 2006. – 564 с.

Радченко, Л.О. Сучасна історіографія національно-демократичноїреволюції в Україні 1917–1920 років / Л.О. Радченко. – Харків: Око,1996. – 120 с.

Рання історія Академії Наук України (1918–1921) / Під ред. Ю. Храмова, В. Кучмаренко та ін. – Київ: Манускрипт, 1993. – 248 с.

Рафальський, О.О. Національні меншини України у XX столітті: Історіографічний нарис / О.О. Рафальський. – Київ: Полюс, 2000. – 446 с.

Ревегук, В.Я. Соборність українських земель: теорія та практика місцевих більшовицьких організацій (квітень 1917 – квітень 1918 років) / В.Я. Ревегук // Історична пам̕ять. – 2010. – № 1. – С. 72–88.

Рендюк, Т.Г. Національна політика королівської Румунії у міжвоєнний період та під час Другої світової війни / Т.Г. Рендюк // Міжнародні зв’язки України: наукові пошуки та знахідки: Міжвід. зб. наук. пр. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2010. – Вип. 19. – С. 137– 154.

Рендюк, Т.Г. Українці Румунії: Національно-культурне життя та взаємовідносини з владою / Т.Г. Рендюк. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2010. – 150 с.

Репко, С.И. Организация пропагандистской деятельности Красной Армии в период боевых действий осенью 1939 года / С.И. Репко // Журналистика. История и современность: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Сбруева. – М.: Изд-во РУДН, 1993. – С. 47–59.

Реєнт, О.П. У робітнях історичної науки / О.П. Реєнт. – Київ: Пошуково-видавниче агенство «Книга Пам'яті України»: Видавничий центр «Просвіта», 1999. – 349 с.

Рожкова, Л.І. Здійснення політики українізації на Лівобережній Україні в 20-х – на початку 30-х рр. XX ст. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / Л.І. Рожкова. – Київ, 2006. – 182 с.

Розвиток народної освіти і педагогічної науки в Українській РСР (1917–1957). – Київ: Радянська школа, 1957. – 446 с.

Розовик, Д.Ф. Центральна Рада й українська культура / Д.Ф. Розовик // Український історичний журнал. – 1993. – № 2–3. – С. 17–28.

Розовик, Д.Ф. Українське культурне відродження в роки національно-демократичної революції (1917–1920) / Д.Ф. Розовик. – Київ: ВПЦ «Київ. ун-т», 2002. – 310 с.

Розовик, Д.Ф. Деякі аспекти українізації державно-адміністративної системи та громадського життя України (1917–1920 рр.) / Д. Ф. Розовик // Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України: науково-практичний збірник. – 2004. – № 4 (28) – С. 247–253.

Розовик, Д. Перші кроки національної школи. Про освітянський аспект у діяльності Української Центральної Ради / Д. Розовик, В. Мазур // Наука і суспільство. –1993. – № 2. – С. 18–22.

Ротар, Н.Ю. Діяльність українських національно-демократичних урядів в галузі освіти (1917–1920 рр.). Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01. / Н.Ю. Ротар. – Чернівці, 1996. – 227 с.

Рубльов, О.С. Західноукраїнська інтелігенція у загальнонаціональних політичних та культурних процесах (1914–1939) / О.С. Рубльов. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2004. – 648 с.

Рубльов, О.С. Українські визвольні змагання / О.С. Рубльов, О.П. Реєнт. 1917–1921 рр. – Київ: Альтернативи, 1999. – 320 с.

Рубльов, О.С. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції 20–50-ті роки XX ст. / О.С. Рубльов, Ю.А. Черченко. – Київ: Наукова думка, 1994. – 350 с.

Рубльов, О.С. Органи етнополітичного регулювання в контексті політики коренізації: український досвід / О.С. Рубльов, Л.Д. Якубова. – Київ: Інститут історії України, 2014. – 406 с.

Русские об Украине и украинцах: очерки / отв. ред. Е.Ю. Борисенок. – СПб.: Алетейя, 2012. – 456 с.

Рябошапко, Л.І. Правове становище національних меншин в Україні (1917–2000) / Л.І. Рябошапко. – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім.Івана Франка, 2001. – 482 с.

Рянский, Л.М. Из истории национально-культурного строительства на территории Курской губернии в 1920-х годах: украинизация

просвещения / Л.М. Рянский //Курский край. – 2002. – № 3–4 (23–24). – С. 20–26.

Рянский, Л.М. Украинизация в ЦЧО: к истории образования, культуры и национальной политики СССР в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. / Л.М. Рянский // Время и человек в зеркале гуманитарных исследований: материалы Пятой международной летней культурно-антропологической школы молодых ученых «Культура-Образование-Человек»: в 2-х тт. – Т. 1. – Курск: Издательство Курск. гос. ун-та, 2003. – С. 330–336.

Савченко, В.Н. Восточнославянское польское пограничье, 1918–1921 гг.: Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание / В.Н. Савченко. – М.: ИСБ, 1995. – 195 с.

Савченко, В.Н. Восточная Галиция на историческом перепутье: 1910 – начало 1920-х годов / В.Н. Савченко // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. – М.: Институт славяноведения РАН, 2005. – С. 132–189.

Савченко, О.О. Польські репресії проти народу Галичини у 30-х рр. XX ст. / О.О. Савченко // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». – 2010. – № 670. – С. 146–150.

Серапионова, Е.П. Чехословацкая печать о вхождении Подкарпатской Руси в состав ЧСР / Е.П. Серапионова // Историк-славист: призвание и профессия. К юбилею В.В. Марьиной /отв. ред. К.В. Никифоров. – М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 31–49.

Сергійчук, В.І. Етнічні межі і державний кордон України: наукове видання / В.І. Сергійчук. – Вид. 2-е, доповнене – Київ: Українська видавнича спілка, 2000. – 431 с .

Сергійчук, В.І. «Українізація Росії». Політичне ошуканство українців російською більшовицькою владою в 1923–1932 роках / В.І. Сергійчук. – Київ: Українська видавнича спілка, 2000. – 336 с.

Сергієнко, С.Ю. Специфіка процесу українізації 20-30-х рр. ХХ ст. у Донбасі. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / С.Ю. Сергієнко. – Луганськ, 2011. – 231 с.

Сивіцький, М. Історія польсько-українських конфліктів / пер з пол. Є. Петренка. – У 3 т. – Т. 1. – Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 2005. – 343 с.

Сивков, С.М. К вопросу об украинизации на Кубани в период с 1917 по 1922 гг. / С.М. Сивков // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). – Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 246–250.

Симонова, Т.М. Именем революции: мир и счастье — на штыках / Т.М. Симонова // Родина. – 2000. – № 10. – С. 59–62.

Симонова, Т.М. «Мы бесподданные безгосударственники...» Россияне в межвоенной Польше / Т.М. Симонова // Родина. – 2007. – № 2 . – С. 75–81.

Симонова, Т.М. «Прометезим» в восточной политике лагеря Пилсудского в 1919–1926 годах / Т.М. Симонова // Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета: материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И.А.Воронкова (1921–1983) / отв. ред. Г.Ф. Матвеев. – М.: Мосгорахив, 2001. – С. 119–131.

Симонова, Т.М. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 / Т.М. Симонова // Новая и новейшая история. – 2002. – № 4. – С.47–63.

Симонова, Т.М. Стратегические замыслы начальника польского

государства Юзефа Пилсудского: прометеизм во внеш. политике Польши в 1919–1923гг. / Т.М. Симонова // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 11. – С. 42–48.

Симонова, Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.) / Т.М. Симонова. –М.: Квадрига, Зебра Е., 2013. – 368 с.

Сірополко, С. Історія освіти на Україні / С. Сірополко. – Львів: [б.в.], 1937. – 174 с.

Скакальська, І.Б. Політико-соціальні виміри та етнокультурні трансформації української еліти Західної Волині 1921–1939 рр. / І.Б. Скакальська. – Тернопіль: Астон, 2013. – 405 с.

Скибицкая, И.М. Проблемы украинизации Кубани в период Гражданской войны: по материалам государственного архива Краснодарского края / И.М. Скибицкая // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия: сб. ст. – Краснодар-Киев, Издательство ЭДВИ, 2013. – Вып. 7: Посвящается 150-летию со дня рождения Б.Д. Гринченко – С. 354–366.

Скорик, А.П. Политика украинизации на юге России и казачество в условиях сплошной коллективизации / А.П. Скорик // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). – Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 251–257.

Скорик, А.П. Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е – нач. 1930-х гг.) / А.П. Скорик, В.А. Бондарев // История в подробностях. – 2013. – № 10. – С. 62–71.

Скрынников, А.В. К вопросу об украинизации школ Воронежской губернии в 20-е годы / А.В. Скрынников // Россия и Украина на пороге

XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия: тезисы научных докладов и сообщений международной конференции. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1997. – С. 63–66;

Сливка, Ю.Ю. Західна Україна в реакційній політиці польської та української буржуазії (1920–1939) / Ю.Ю. Сливка. – Київ, Наукова думка, 1985. – 271 с.

Сливка, Ю.Ю. Сторінки історії КПЗУ / Ю.Ю. Сливка. – Львів: Каменяр, 1989. – 93 с.

Слуцький, О.Б. Радянське і культурне будівництво на Україні в перші роки боротьби за соціалістичну індустріалізацію країни (1926–1929 рр.) / О.Б. Слуцький. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1957. – 210 с.

Слюсаренко, А.Г. Проблеми шкільної освіти за Директорії УНР / А.Г. Слюсаренко, А.М. Пижик // Вісник Київського університету імені Тараса Шевченка. Історія. – 1996. – Випуск 34. – С. 136–146.

Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI Международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: РОССПЭН, 2014. – 686 с.

Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР: сб. ст. / под ред. В.В. Кондрашина. – М.: РОССПЭН, 2011. – 468 с.

Солдатенко, В.Ф. Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника / В.Ф. Солдатенко. – Київ: Книга Пам'яті України, 2002. – 352 с.

Солдатенко, В.Ф. Україна в революційну добу: історичні есе-хроніки у 4-х т. / В.Ф. Солдатенко. – Т. ІІ: Рік 1918. – Київ: Світогляд, 2009. – 411 с.

Солдатенко, В.Ф. Українська революція: Концепція та історіографія / В.Ф. Солдатенко. – Київ: Книга пам'яті України: Просвіта, 1997. – 411 с.

Солдатенко, В.Ф. Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.) / В.Ф. Солдатенко. – Київ: Книга Пам'яті України: Просвіта, 1999. – 507 с.

Соловей, Д. Голгота України. Московсько-більшовицький окупаційний терор в УРСР між першою і другою світовою війною / Д. Соловей. – Вінніпег: Український Голос, 1953. – 288 с.

Соловей, Д. Україна в системі совєтського колоніялізму / Д. Соловей. – Мюнхен: [б. в.], 1959. – 198 с.

Соляр, І.Я. Радянофільство у Західній Україні / І.Я. Соляр // Український історичний журнал. – 2009. – № 1. – С. 55–67.

Славинский, М. Национально-государственная проблема в СССР / М. Славинский. – Париж: La Seconde, 1938. – 76 с.

Сорочан, Н.А. Формування системи управління освітою в україні за доби Центральної ради. Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01 / Н.А. Сорочан. – Харків, 1998. – 213 с.

Сохань, П.С. М.С. Грушевський і ACADEMIA. Ідея, змагання, діяльність / П.С. Сохань, В.І. Ульяновський, С.М. Кіржаєв. – Київ: [Б.в.], 1993. – 321 с.

Срібняк, І. Симон Петлюра на чолі держави та війска. До питання про польско-україгські взаємини 1919–1920 рр. / І. Срібняк // Симон Петлюра та українська національна революція: збірник праць Другого конкурсу петлюрознавців України / упоряд. В. Михальчук. – Київ: Рада, 1995. – С.141–146.

Старик, В.П. Від Сараєва до Парижа. Буковинський Interregnum 1914–1921 / В.П. Старик. – Чернівці: Прут, 2009. – 184 с.

Стахів, М. Демократія, соціалізм та національна справа / М. Стахів. – Львів: Накл. «Гром. Голосу», 1936. – 42 с.

Стремецька, В.О. Політика українізації на Півдні України у 20–30–ті роки XX ст. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / В.О. Стремецька. – Донецьк, 2001. – 250 с.

Стремецька, В.О. Політика українізації на Півдні України у 20 – 30-ті роки XX ст. Автореф. дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01 / В.О. Стремецька. – Донецьк, 2001. – 19 с.

Стремецька, В.О. Участь профспілок в українізаційних процессах на півдні України в 1920-ті роки / В.О. Стремецька // Наукові записки Національного університету «Києво-Могилянська академія». – Київ, 2001. – Т. 19, ч. 1. – С.148–154.

Стряпко, І.О. Роль української політичної еміграції у розвитку освіти на Закарпатті 1919–1939 рр. / І.О. Стряпко // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – 2014. – Вип. 39. – С. 130–135.

Степанюк, В. Государственность молдавского народа: исторические, политические и правовые аспекты / В. Степанюк. – Кишинев: Tipografia Centrală, 2006. – 643 с.

Субтельний, О. Україна: історія / О. Субтельний. – Київ: Либідь, 1991. – 512 с.

Сурабко, Л. Українізація на Чернігівщині в 20-30-ті роки / Л. Сурабко // Сіверянський літопис. – 1997. – № 5. – С. 6–11.

Тарапон, О.А. Становище та діяльність літературно-мистецької інтелігенції України в умовах українізації (1923 р. – початок 1930-х рр.). Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / О.А. Тарапон. – Київ, 1999. – 195 с.

Телячий, Ю.В. Реформа української загальноосвітньої школи в роки національно-демократичної революції (1917–1920 рр.). Дисс. …канд. іст. наук: 07.00.01. / Ю.В. Телячий. – Чернівці, 2000. – 213 с.

Тищик, Б.Й. Західна Українська Народна Республіка (1918–1923). Історія держави і права / Б.Й. Тищик. – Львів: Тріада плюс, 2004. – 392 с.

Ткачова, Л.І. Інтелігенція радянської України в період побудови основ соціалізму / Л.І. Ткачова. – Київ: Наукова думка, 1985. – 190 с.

Токарев, В. Возвращение на пьедестал: исторический комментарий к фильму «Богдан Хмельницкий» (1941) / В. Токарев // Історіографічні дослідження в Україні: зб. наук. пр. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2008. – Вип. 18. – С. 427–455.

Токарев, В.А. «Кара́ панам! Кара́!»: польская тема в предвоенном кино (1939–1941 гг.) / В.А. Токарев // Отечественная история. – 2003. – № 6. – С. 47–59.

Томашівський, С. Десять літ українського питання в Польщі / С. Томашівський. – Львів: Інститут дослідів національних справ у Варшаві, 1929. – 48 с.

Трощинський, В.П. Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище / В.П. Трощинський. – Київ: Інтел, 1994. – 260 с.

Турченко, Ф.Г. Новітня історія України. Част. 1: 1914–1939. Підруч. для 10-го кл. серед. загальноосвіт. навч. закл. Вид. 3-е, виправл. та допов. / Ф.Г. Турченко. – Київ: Генеза, 2003. – 352 с.

Тхоржевський, Д. Трудова політехнічна школа: міфи і реальність (1917–1945 рр.) / Д. Тхоржевський, А. Вихрущ. – Київ: [б.в.], 1994. – 135 с.

Феденко П. Марксистські і большевицькі теорії національного питання / П. Феденко. – Мюнхен: Інститут для вивчення СССР, 1960. – 78 с.

Формування комеморативного канону Тараса Шевченка в Україні [электронный ресурс] // http://www.memory.gov.ua:8080/ua/publication/content/1655.htm [Время доступа:] 01.03.2014.

Удод, О.А. Історіографія Донецько-Криворізької радянської республіки / О.А. Удод // Регіональна історія України: зб. ст. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2007. – Вип. 1. – С. 221–228.

«Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / В.М. Даниленко та ін.; відп. ред. В.А. Смолій. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. – 392 с.

Українська державність у ХХ столітті: історико-політологічний аналіз / керівник авт. кол. О. Дергачов. – Київ: Політична думка, 1996. – 448 с.

Українська революція і державність (1917–1920 рр.): наук. бібліогр. вид. / уклад.: А.Л. Панова, В.Ф. Солдатенко, Л.В. Бєляєва [та ін.]; наук. ред. В.Ю. Омельчук. – Київ: [б. в.], 2001. – 808 с.

Федевич, К.К. Галицькі українці у Польщі 1920–1939 (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920–1930-ті рр.) / К.К. Федевич – Київ: Основа, 2009. – 280 с.

Филимонов, В. Калужская советская республика: что это было? / В. Филимонов, И. Берговская // Родина. – 2014. – № 10. – С. 71–73.

Філоненко, С.М. Освітня політика українських урядів у 1917–1920 рр. / С.М. Філоненко // Педагогіка і психологія. – 1995. – № 2. – С. 156–163.

Харченко, В. Георгій Лапчинський, лідер «групи федералістів» у КП(б)У / В.Харченко // Комуніст України. – 2005. – № 1. – С. 76–80.

Хлевнюк, О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. / О.В. Хлевнюк. – М. РОССПЭН, 1996. – 304 с.

Хлевнюк, О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О.В. Хлевнюк. – М.: РОССПЭН, 2010. – 478 с.

Хованских, А.Ю. Принципы федерализма в первых законодательных актах советского правительства и Конституции РСФСР 1918 года / А.Ю. Хованских // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – Тольятти: ВУиТ, 2005. – Вып. 49: К 10-летию Волжского университета им. В.Н. Татищева. – С. 183–202.

Хлынина, Т.П. Влияние административно-территориальных преобразований на развитие национальной ситуации на Кубани (1920-е

годы) / Т.П. Хлынина // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1996 год. Дикаревские чтения (3): материалы науч.-практической конф. (Краснодар, 14 сентября 1997 г.). – Краснодар: ООО РКА «Пресс-Имидж», 1997. – С. 3–9.

Хлынина, Т.П. Политика украинизации Кубани (1920-е – 1930-е годы) / Т.П. Хлынина // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. Дикаревские чтения (4): материалы науч.-практической конф.(Белореченск, 23 мая 1998 г.). – Белореченск: ООО РКА «Пресс-Имидж», 1998. – С.30 – 32.

Христюк, П. Замітки і матеріали до історії української революції: у 4 т. / П. Христюк. – Прага, 1921–1922. – Т. І. – 152 с.; Т. ІІ. – 200 с.; Т. ІІІ. – 160 с.; Т. IV. – 192 с.

Цвілюк, С.А. Українізація України: Тернистий шлях національно-культурного відродження доби сталінізму / С.А. Цвілюк. – Одеса: Маяк, 2004. – 200 с.; Вид 2-ге, переробл. й доп. – Одеса: Астропринт, 2009. – 384 с.

Цибко, О. Революційно-визвольна боротьба трудящих Західної України за воз єднання з УРСР 1934–1939гг. / О. Цибко. – Львів: Вид-во Львівського ун-ту, 1963. – 137 с.

Ціхаміраў, А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду паславаеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.) / А.В. Ціхаміраў. – Мінск: Экаперспектыва, 2003. – 400 с.

Чапленко, В. Мовна політика більшовиків: Спроба історичної аналізи / В. Чапленко. – Нью-Йорк, 1976. – 94 с.

Черкашин, Л. Загальне навчання в Українській РСР (1917–1957) / В. Черкашин. – Київ: Радянська школа, 1958. – 164 с.

Чередниченко, В.П. Анатомия предательства: Украинский буржуазный национализм – орудие антисоветской политики империализма

/ В.П. Чередниченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Київ: Политиздат Украины, 1983. – 326 с.

Чернова, О.А. Формирование профсоюзов в Центральном Черноземье в 20-е гг. XX в. в контексте проведения политики украинизации в регионе / О.А. Чернова // Пятые Дамиановские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Курск, 26–28 марта 2008 г.). – Курск: Изд-во Кур. гос. с.-х. акад, 2008. – Ч. 1. – С. 93–99.

Чернышов, В. Украинизация как она была / В. Чернышов // Имперское возрождение. – Журнал политической аналитики. – 2010. – № 5. – С. 47–49.

Чернявська, С.М. Впровадження української мови в систему освіти 1923–1932 рр. Дисс. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / С. М. Чернявська. – Харків, 2003. – 224 с.

Чешко, С.В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ / С.В. Чешко. – Изд. 2-е. –М.: ИЭА РАН, 2000. – 395 с.

Чирко, Б.В. Національні меншини в Україні (20–30 роки XX століття) / Б.В. Чирко. – Київ: Україна, 1995. – 215 с.

Чистяков, О.И. Конституция РСФСР 1918 года / О.И. Чистяков. – Изд. 2-е. – М.: Зерцало-М, 2003. – 224 с.

Чопик, Д.Б. [Рецензия] / Д.Б. Чопик // Український історик: журнал українського історичного товариства. – № 1–3 (57–59). – Нью-Йорк–Торонто–Мюнхен, 1978. – С. 179–181. – Рец. на кн.: *Чапленко В*. Мовна політика більшовиків: Спроба історичної аналізи. – Нью-Йорк, 1976. – 94 с.

Чоповський, М.Ю. Голгофа Західної України (Злочинна діяльність окупаційних режимів проти населення західноукраїнських земель та його боротьба за волю і незалежність 1920–1953 рр.) / М.Ю. Чоповський. – Львів: [б.в.], 1996. – 141 с.

Чоповський, М.Ю. Криваві події на Західній Україні. Національно-визвольна боротьба на західноукраїнських землях в 1920–1953 рр. / М.Ю. Чоповський. – Львів: [б.в.], 1998. – 234 с.

Чумак, В.М. Вплив політики українізації на українську емиграцію (20-ті – поч. 30-х рр.) / В.М. Чумак // IV Міжнародний конгрес україністів (Одеса, 26–29 серпня 1999 р.): Доповіді та повідомлення. Історія. Ч. II: XX століття. – Одеса–Київ–Львів, 1999. – С. 403–408.

Чумак, В.М. Ставлення західноукраїнських політичних партій і організацій до політики українізації в УСРР у 1920-х – на поч. 30-х рр. / В.М. Чумак // Наукові записки Інститута політичних і етнонаціональних досліджень. – 2001. – Вип. 13: Схід и захід України: проблеми єднання. – С. 185–196.

Шабельніков, В.І. До питання про утворення Донецько-Криворізької республіки: історико-регіональний аспект / В.І. Шабельніков // Історичні і політологічні дослідження: наук. журнал: видання Донецького національного університету. – 2013. – № 2 (52). – С. 145–151.

Шаповал, М. Велика революція і українська визвольна програма / М. Шапровал – Прага: Вільна спілка, 1928. – 324 с.

Шаповал, Ю.І. ҐПУ–НКВД як інструмент антиукраїнізації в 20–30–ті роки / Ю.І. Шаповал // Український історик. – 1995. – № 1–4. – С. 57–72.

Шаповал, Ю.І. Л.М. Каганович на Україні / Ю.І. Шаповал // Український історичний журнал. – 1990. – № 8. – С. 62–74.

Шаповал, Ю.І. Невигадані історії / Ю.І. Шаповал. – Київ: Світогляд, 2004. – 351 с.

Шаповал, Ю.І. Україна 20–50-х років: Сторінки ненаписаної історії / Ю.І. Шаповал. – Київ: Наукова думка, 1993. – 352 с.

Шаповал, Ю.І. Україна XX ст. Особи та події в контексті Великої історії / Ю.І. Шаповал. – Київ: Генеза, 2001. – 560 с.

Шаповал, Ю.И. Україна XX століття: Особи та події в контексті важкої історії / Ю.И. Шаповал. – Київ: Генеза, 2001. – 557 с.

Шаповал, Ю.И. ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи / Ю.И. Шаповал, В.І. Пристайко, В.А. Золотарьов. – Київ: Абрис, 1997. – 608 с.

Шарпатий, В.Г. Участь М.О.Скрипника в українізаційних процесах 20-х років / В.Г. Шарпатий // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика: зб. ст. – Київ: Інститут історії України НАН України, 1996. – Вип. 2. – С. 33–43.

Шевельов, Ю. Українізація: радянська політика 1925–1932 років / Ю. Шевельов // Сучасність. – 1983. – Ч. 5 (265). – С. 36–57.

Шевельов, Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус / Ю. Шевельов. – Нью-Йорк: Сучасність, 1987. – 296 с.

Шевельов, Ю. Українська мова в першій половині двадцятого стліття (1900–1941): Стан і статус / Ю. Шевельов. – Чернівці: Рута, 1998. – 208 с.

Шевченко, В.Ф. Директорія: спроба поновлення українізації / В.Ф. Шевченко // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – 2008. – Вип. XXIV: Соціальні та національні чинники революцій і реформ в Україні: проблеми взаємовпливів. – С. 124–131.

Шевченко, В.Ф. Процеси українізації революційної доби та гетьманат Павла Скоропадського / В.Ф. Шевченко // Національна та історична пам'ять: зб. наук. пр. – Київ: ДП НВЦ «Пріоритети», 2013. – Вип. 7: Павло Скоропадський – останній гетьман України (до 140-річчя від дня народження) – С. 267–276.

Шевченко, В.Ф. До питання про українізацію доби визвольних змагань і відродження національної державності та соборності (1917–1921

рр.) / В.Ф. Шевченко // Україна у світовій історії.– 2014. – № 4. – С. 108–122.

Шевченко, К.В. Культурно-национальная политика властей Чехословакии в русинском вопросе в 1920-е годы / К.В. Шевченко // Карпатские русины в славянском мире: актуальные проблемы. Материалы международного научного круглого стола /отв. ред. М. Даниш, Ю. Борисёнок. – М.–Братислава: издатель Степаненко, 2009. – С. 134–156.

Шевченко, К.В. Русинский вопрос и политика Чехословакии в межвоенный период / К.В. Шевченко // Русский сборник: исследования по истории России XIX–XX вв. – Т. 1. – М.: Модест Колеров, 2004. – С. 276–302.

Шевченко, К.В. Русины в поисках идентичности: борьба русофилов и украинофилов в Подкарпатской Руси в 1920-е годы / К.В. Шевченко // Величие и язвы Российской империи: международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова / сост. В.Б. Каширин. – М.: Регнум, 2012. – С. 549–575.

Шевченко, К.В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. / К.В. Шевченко – М.: Regnum, 2010. – 414 с.

Шевченко, С.М. Організація навчального процесу у школах національних меншин у УРСР (кінець 30-х – 40-і рр. XX ст.) / С.М. Шевченко // Новое в науке: материалы XXX Международной научно-практической конференции по философским, филологическим, юридическим, педагогическим, экономическим, психологическим, социологическим и политическим наукам (Украина, г. Горловка, 21–22 февраля 2013 г.). – Горловка, 2013. – С. 73–80.

Шевчук, Г.М. Культурне будівництво в Україні в 1921–1925 роках / Г.М. Шевчук. – Київ: Видав-во Академії наук Української РСР, 1963. – 433 с.

Шишкин, В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.) / В.А. Шишкин. – СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1997. – 400 с.

Шишкин, В.А. Устои советского федерализма в годы становления единого союзного государства (1922–1929) / В.А. Шишкин // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений: сб. ст. / под общ. ред. А.Н. Сахарова, В.А. Михайлова. – М.: Наука, 1999. – С. 295–300.

Шкандрій, М. В обіймах імперії: Російська і українська літератури новітньої доби: пер. с англ. / М. Шкандрій; пер. П. Таращук – Київ : Факт, 2004 . – 496 с.

Шкандрій, М. Модерністи, марксисти і нація : українська літературна дискусія 1920-х років : пер. с англ. / М. Шкандрій; пер. М. Климчук.– Київ: Ніка-Центр, 2006. – 384 с.

Шологон, Л. Освітні процеси в Західно-Українській народній республіці (1918–1919 рр.) / Л. Шологон // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. – Вип. 18: Західно-українська народна республіка: До 90-річчя утворення. – Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2009. – С. 240–248.

Шпорлюк, Р. Імперія та нації (з історичного досвіду України, Росії, Польщі та Білорусі): пер. з англ. / Р. Шпорлюк. – Київ: Дух і літера, 2000. – 354 с.

Шубин, А.В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. Нестор Махно как зеркало Русской революции / А.В. Шубин. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 416 с.

Шубин, А.В. Вожди и заговорщики / А.В. Шубин. – М.: Вече, 2004. – 400 с.

Шубин, А.В. История Новороссии / А.В. Шубин. – М.: оЛМА Медиа Групп, 2015. – 480 с.

Шубин, А.В. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1920 гг. в России и Украине / А.В. Шубин. – М.: Либроком, 2013. – 320 с.

Шубин, А.В. Украинский фактор в развитии международной ситуации 1938–1939 гг. / А.В. Шубин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2012. – № 1(4). – С. 8–17.

Шудрик, І. Літературні дискусії у Харкові 1925–1928 років / І. Шудрик // Пространство литературы, искусства и образования – путь к миру, согласию и сотрудничеству между славянскими народами: сб. науч. тр.: по матер. VII Междунар. науч. – практич. конференции, 20 декабря 2012 г. – Харьков: НТУ «ХПИ», 2013. – С. 311–322.

Шульга, И.И. «Не нужно хохлов учить на их хохлацком языке» / И.И. Шульга // Родина. – 2010. – Спецвыпуск: Образование в России: вчера, сегодня, завтра. – С. 74–76.

Шульга, И.И. Трансформация взглядов регионального партийного руководства на «украинский вопрос» в Нижнем Поволжье (1923–1933 годы) / И.И. Шульга // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2011. – №4. – С. 152–156.

Шульга, И.И. Украинизация АССР НП, Саратовской и Сталинградской губерний (1923–1933 гг.) / И.И. Шульга // История Отечества и культуры: сб. науч. ст. / под общ. ред. Г.В. Лобачевой. – Саратов: Эстамп, 2011. – С. 145–153.

Шульга, И.И. Украинцы нижнего Поволжья в зеркале «украинизации» / И.И. Шульга // Народы Саратовского Поволжья. Взгляд из XXI века: материалы региональной научно-практической конференции. – Саратов: Саратовский областной музей краеведения, 2008. – С. 32–39.

Юрченко, О. Українсько-російські стосунки після 1917 р. у правовому аспекті / О. Юрченко. – Мюнхен; [Б.в.], 1971. – 402 с.

Єкельчик, С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві / С. Єкельчик. – Київ: Критика, 2008. – 304 с.

Єфіменко, В. Створення російських національних районів УСРР / В. Єфіменко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвід. зб. наук. пр. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2012. – Вип. 21. – С. 72–99.

Єфіменко, Г.Г. Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) / Г.Г. Єфіменко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвід. зб. наук. пр. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2011. – Вип. 20. – С. 135–176.

Єфіменко, Г.Г. Зміна векторів у національній політиці Москви у голодоморний 1933 р./ Г.Г. Єфіменко // Український історичний журнал. – 2003. – № 5. – С. 25–50.

Єфіменко, Г.Г. Зміни політико-ідеологічних пріоритетів українізації та боротьба з «націонал-ухильниками» / Г.Г. Єфіменко // Голод 1932–1933 років в Україні : причини та наслідки: зб. наук. пр. / редкол.: В.А. Смолій та ін. – Київ: Наукова думка, 2003. – С. 682–711.

Єфіменко, Г.Г. Мовне питання в політиці більшовиків в Україні в роки першого комуністичного штурму (1919–1920 рр.) / Г.Г. Єфіменко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжв. зб. наук. пр. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2012. – Вип. 21. – С. 166–187.

Єфіменко, Г.Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо Радянської України (1932–1938) / Г.Г. Єфіменко. – Київ: Інститут історії України, 2001. – 304 с.

Єфіменко, Г.Г. Національна політика ЦК ВКП(б) у засобах масової інформації УРСР (1932–1938). / Г.Г. Єфіменко / Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: між від. зб. наук. пр. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2000. – Вип. 5. – С. 184–200.

Єфіменко, Г.Г. Національно-культурна політика як один з основних засобів модернізації радянського суспільства у 1920–1930-ті роки / Г.Г. Єфіменко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвід. зб. наук. пр. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. – Вип 9. – С. 251–278.

Єфіменко, Г.Г. Питання національної політики Кремля в Україні в перш. пол. 1937 р.) / Г.Г. Єфіменко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвід. зб. наук. пр. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2004. – Вип. 12. – С. 277–294.

Юрик, Ю. Протистояння ОУН і Польської держави (1929–1935 рр.) / Ю. Юрик // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. – 2005. – Вип. 13. – С. 356–407.

Юркова, О. Історично-археографічний інститут ВУАН: десять місяців діяльності / О. Юркова // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвід. зб. наук. пр. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2000. – Вип. 5. – С. 268–306.

Якубова, Л.Д. Вітчизняна історіографія історії етнічних меншин УСРР: напрямки досліджень, здобутки, перспективи / Л.Д. Якубова // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: між від.з. наук. пр. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2007. – Вип. 17. – С. 376–388.

Якубова, Л.Д. Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і – перша половина 30-х рр. ХХ ст. / Л.Д. Якубова. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2006. – 507 с.

Якубова, Л.Д. Етнічні меншини УСРР і влада: динаміка соціально-економічних, політичних і культурних перетворень (1921–1935 рр.). Дисс. ...докт. іст. наук: 07.00.01 / Л.Д. Якубова. – Київ, 2007. – 572 с.

Якубова, Л.Д. Етнічні меншості УСРР у першій половині 20-х років ХХ ст. / Л.Д. Якубова. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2002. – 188 с.

Якубова, Л.Д. Етнічні меншини УСРР у 20-і – першій половині 30-х років XX ст.: історіографія та джерела дослідження / Л.Д. Якубова. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2006. – 170 с.

Якубова, Л.Д. Повсякденне життя етнічних меншин радянської України у міжвоєнну добу / Л.Д. Якубова. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2011. – 338 с.

Якубова, Л.Д. Соціально-економічне становище етнічних меншин в УСРР: 20-ті – початок 30-х років XX ст. / Л.Д. Якубова. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2004. – 452 с.

Янковська, О.В. Культурне життя в Україні у період національно-демократичної революції (1917–1920 рр.) / О.В. Янковська // Український історичний журнал. – 2005. – № 2. – С. 105–118.

Яремчук, В.П. Минуле України в історичній науці УРСР післясталінської доби / В.П. Яремчук. – Острог: Вид-во Національного університету «Острозька академія», 2009. – 526 с.

Batsell, W.R. Soviet rule in Russia / W.R. Batsell – New York: Macmillan, 1929. – 857 p.

Brandenberger, D. National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956 / D. Brandenberger – Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, England, 2002. – 378 p.

Dmytryshyn, B. Moscow and the Ukraine 1918 – 1953: A study of Russian bolshevic nationality policy / B. Dmytryshyn – New York: Bookman associates, 1956. – 310 p.

Carr, E.H. A History of Soviet Russia. Vol. 1: The Bolshevik Revolution, 1917–1923 / E.H. Carr – London: Macmillan, 1950. – 430 p.

Chojnowski, A. Ukraina / A. Chojnowski. – Warszawa, 1997. – 233 s.

Chojnowski, A. Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939 / A. Chojnowski. – Wrocław: Ossolineum, 1979. — 262 s.

Deutsher, I. Stalin: A Political Biography / I. Deutsher – London: Oxford Univ. Press, 1949. – 600 p.

Engelgard, J. Koncepcje inkorporacyjne Romana Dmowskiego i ruchu narodowo-demokratycznego w latach 1918–1921 / J. Engelgard // Archiwum Narodowej Demokracji / red. J. Engelgard, M. Motas – T. 1. – Warszawa: Wyd. Myśl Polska, 2013. – S. 51–66.

Fainsod, M. How Russia is Ruled. / M. Fainsod – Cambridge: Harvard University Press, 1953. – 303 p.

Inkeles, A. The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society / A. Inkeles, R.A. Bauer – Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1959. – 533 p.

Kaiser, R.J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR / R.J. Kaiser – New York: Princeton University Press, 1994. – 496 c.

Kęsik, J. Zaufany Komendanta. Biografia polityczna Jana Henryka Józewskiego 1892–1981 / J. Kęsik. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. – 217 s.

Koseski, A. Polityka wschodnia Józefa Piłsudskiego / A. Koseski // Myśl polityczna Józefa Piłsudskiego / pod red. naukową W. Ząbka. – Warszawa: Muzeum Niepodległości w Warszawie, 2007. – S. 143–150.

Kostiuk, H. Stalinist Rule in the Ukraine: A Study of the Decade of Mass Terror (1929–1939) / H. Kostiuk – New York: Praeger, 1960. – 162 c.

Liber, G. Soviet nationality policy, urban growth and identity change in the Ukrainian SSR 1923–1934 / G. Liber – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 289 p.

Luckyj, Y. Literary politics in the Soviet Ukraine. 1917–1934 / Y. Luckyj – New York: Columbia University press, 1956. – 323 p.

Maistrenko, I. Borot'bism: A Chapter in the History of Ukrainian Communism / I. Maistrenko – New York: Research Program on the U.S.S.R., 1954. – 325 p.

Mace, J.E. Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine 1918–1933 / J.E. Mace – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. – 358 p.

Magocsi, P.R. A History of Ukraine / P.R. Magocsi – Toronto: University of Toronto Press, 1996. – 880 p.

Magocsi P.R. The Shaping of A National Identity: Subcarpathian Rus', 1848–1948 / P.R. Magocsi. – London–Cambridge, Mass.; Harvard University Press, 1978. – 640 pp.

Malia, M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991 / M. Malia – New York: Maxwell Macmillan International, 1996. – 592 p.

Martin, T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939 / T. Martin – Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. – 496 p.

Mędrzecki, W. Inteligencja polska na Wołyniu w okresie międzywojennym / W. Mędrzecki. –Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2005. – 331 s.

Mędrzecki, W. Województwo Wołynskie. 1921–1939. Elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych / W. Mędrzecki. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988. – 202 s.

Mironowicz, E. Białorusini I Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego / E. Mironowicz. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. – 294 s.

Moklak, J. Łemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitey: Zagadnienia polityczne i wyznaniowe / J. Moklak. – Kraków: Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica», 1997. – 223 s.

Nistor, I. Die moldauische Ansprüche auf Pokutien: Mit einer Kartenskizze / I. Nistor. – Wien: Hölder, 1910. – 182 p.

Nistor, I. Românii Şi Rutenii În Bucovina: Studiu istoric Şi Statistic / I. Nistor. –Bucureşti: Edițiunea Academiei române, 1915. – 209 p.

Nistor, I. Der nationale Kampf in der Bukowina: Mit besonderer Berücksictingung der Rumanen und Ruthenen historisch beleuchtet / I. Nistor. – Bukarest: C. Göbl, 1918. – 227 p.

Olszański, T.A. HistoriaUkrainy XX w. / T.A. Olszański. – Warszawa: Volumen, 1995. – 348 s.

Paruch, W. Od konsolidacji państwowej do konsolidacji narodowej: mniejszości narodowe w myśly politycznej obozu pilsudczykowskiego (1926–1939) / W. Paruch. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1997. – 424 s.

Pipes, R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923 / R. Pipes – Cambridge: Harvard University Press, 1954. – 392 p.

Shkandrij, M. Modernists, Marxists and the Nation: The Ukrainian Literary Discussion of the 1920s. / M. Shkandrij – Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, University of Alberta, 1992. – 265 p.

Shkandrij, M. Russia and Ukraine: Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times / M. Shkandrij. – McGill-Queen's University Press, 2001. – 354 p.

Skakalska, I. Национальная элита Западной Волыни межвоенного периода XX века: источники формирования / I. Skakalska, I. Shvalyuk // Zeszyty Naukowe Ostrołęckiego Towarzystva Naukowego. – 2013. – № 27. – S. 610–617.

Snyder, T. Sketches from a Secret War. A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine / T. Snyder. – New Haven: Yale University Press, 2005. – 384 p.

Snyder, T. Tajna wojna. Henryk Józewski i polsko-sowiecka rozgrywka o Ukrainę / T. Snyder. – Kraków: Wydawnictwo Znak, 2008. – 344 s.

Staweski, P. Polityka wolyńska Henryka Józewskiego w świetle nieznanych źrodeł z lat 1935–1936 / P. Staweski // Rzręgląd Wschodni. – 1997. – T. 4. – Z. 1 (13). – S. 179–209.

Sullivant, R. Soviet Politics and the Ukraine 1917–1957 / R. Sullivant – New York: Columbia University Press, 1962. – 438 p.

Subtelny, O. Ukraine: A History / O. Subtelny – Toronto: University of Toronto Press, 1988. – 666 p.

Suny, R.G. The Soviet Experiment: Russia, the USSR and Successor States / R.G. Suny – New York: Oxford University Press, 1998. – 588 p.

Suny, R.G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union / R.G. Suny – Stanford: Stanford University Press, 1993. – 200 p.

Tomaszewski J. Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski – Warszawa: Młodzieźowa Agencja Wydawnicza, 1985. – 224 s.

Torzecki, R. Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929 / R. Torzecki.– Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1989. – 467 s.

Yekelchyk, S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination / S. Yekelchyk. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 2004. – 231 p.

Zaporowski, Z. Wołyńskie Zjednoczenie Ukraińskie / Z. Zaporowski. –Lublin: Wydaw. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. – 162 s.